Харнскии

Китаи с древ.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

13066

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
Колич. пред. выдач.
04 03

78
141
25
198
I
219
112
9.9.89 Семенов ко

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

[redacted]

К. ХАРНСКИЙ

9(51)
Х 216г
Читальный за

[redacted]

КИТАЙ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

АРХИВ
1944 г.
13066
Библиотека им. Белинского г. Свердловск. Центр. Окр.
Читальный зал
1984

[redacted]

ЦОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Акц. О-во
КНИЖНОЕ ДЕЛО

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

ХАБАРОВСК—ВЛАДИВОСТОК
1927

Окрлит 778. Тираж 4000.

Типография Акц. О-ва «Книжное Дело». Владивосток, Ленинская, 43.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Светлой памяти

героев и мучеников

тайпинского восстания

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://bookuraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие VII
Указатель XIII
Обзор литературы XXXIX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Введение.

Краткие сведения о географии Китая и его населении 5
Ходячие предрассудки о Китае 15
Географические факторы в истории Китая и сопредельных с ним стран 27
Общий ход истории Китая 38

II. Китайская античность.

Древнейший Китай 47
Феодальный Китай 55
Мир времен Первой Китайской империи 64
Первая империя перед встречей с эллинистическим миром 70
Китайцы открывают Запад 77
Завоевательные походы на Востоке 84
Жизнь и труды великого китайца 92
От купеческо-дворянской победы до крушения Первой империи . . 98

III. Новое средневековье и Вторая империя.

Эпоха распада, войн и нашествий 111
Идеология периода феодального распада 118
Мир при Второй империи 124
Время расширения Второй империи 131
Внутреннее положение империи в VII—VIII в.в. 142
Конец Тан'ов и «Пять династий» 151
Культура и быт при Тан'ах 155
Три века борьбы с инородцами 166
Китай при Суи'ах 181

IV. На историческом перевале.

Завоевание Китая монголами и их империя 197
Под монгольской властью 203
Эпоха романа и драмы 209

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Восток и Запад в период европейского возрождения и великих открытий . . . 216
Критический период Китайской империи . . . 223
Двести лет гниения . . . 229
Худшие годы Китайской империи . . . 233
Мертвые души на троне . . . 239

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V. Век могущества Китая.

Стр.
Маньчжуры и завоевание ими Китая . . . 247
Утверждение маньчжур в Китае и отражение европейцев . . . 256
Война и дальнейшие взаимоотношения с Россией . . . 267
Век наивысшего расцвета Китайской империи . . . 276
Войны и захваты . . . 289

VI. Подготовка порабощения.

Упадок империи . . . 301
Международное положение ко времени капиталистического наступления на Китай . . . 314
Тайпинское восстание . . . 326
Экономические и социальные последствия бурных годов . . . 343

VII. После тайпинов.

Последние полвека . . . 353
Попытка раздела Китая . . . 356
Сто дней . . . 363
Боксеры . . . 370
Последние годы маньчжурской власти . . . 379
Свержение династии . . . 385
Корни дуцзюната . . . 390
Время китайской атамановщины . . . 396
Великие державы и их колонии в 1900—1927 годах . . . 401
Политика держав в Китае . . . 406

VIII. Рождение нового Китая.

Предварительные замечания . . . 414
Экономический переворот 1894—1927 г.г. . . . 415
Период усиления гражданской войны . . . 425
Великая китайская революция . . . 430
Заключение . . . 435

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книга рассчитана на широкий круг читателей, среди которых интерес к Китаю теперь так велик, но которые, за отсутствием у нас популярной книги по истории Китая, или очень мало знают о прошлом нашего великого соседа, или, что еще хуже, имеют о нем совершенно превратное представление — представление, созданное в интересах эксплоататоров Китая.

Таким читателям, слышавшим не раз о «китайской стене, которой китайцы пытались отгородиться от внешнего мира» [1]), о «вековом застое», о «ненависти китайцев ко всем иностранцам», о «неспособности Китая к прогрессу», о «неисторичности стран Дальнего Востока» и т. д., многое из сказанного в тексте покажется не только невероятным, но просто чудовищным, а автор книги покажется человеком, пожелавшим во что бы то ни стало оригинальничать и жертвующим этой своей жажде оригинальности истиной. Придется, поэтому, предпослать основному изложению несколько более длинное, чем это обычно бывает, предисловие.

О прошлом Китая написано много ценных трудов. Но поскольку еще неизученной остается история хозяйственной деятельности народов Китая, постольку нет и *не может быть* труда, исчерпывающе трактующего все историческое прошлое этой огромной страны. *В этом смысле история Китая еще не написана.*

Но неизученность прошлой экономики Китая — не единственная причина, обусловившая отсутствие некитайской книги по истории Китая, удовлетворяющей марксистски воспитанного читателя. Есть и другая не менее существенная. Это — тот специфический подход к изучению Китая, который выработался у западных авторов в результате подчинения Китая и большей части других внеевропейских стран господству Европы. Даже искренно любящие китайский народ европейские авторы — примером может служить Джайльс — не могут окончательно отрешиться от чувства

[1]) Римляне тоже построили стену в Британии (при Адриане в начале III века), но никому в голову не приходило обвинять их в желании «отгородиться».

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

якобы прирожденного, расового превосходства европейцев над китайцами.

Вот именно это, в подсознании коренящееся чувство европейского превосходства заставляло многих писавших о Китае, в том числе и тех, которые не стоят на буржуазной точке зрения, невольно извращать относящиеся к прошлому Китая факты, а в лучшем случае просто не замечать их.

Обвинять этих авторов не приходится, ибо их европейское бытие определило соответствующее сознание и подсознание. Но с другой стороны, в переживаемое нами время, когда господство Европы явно идет к концу и когда с огромной, сказочной быстротой вырастает роль народов Азии, становится возможным если не разрешить, то по-новому поставить вопросы, касающиеся истории Востока.

Эта книга не содержит никаких фактов, о которых до сих пор не было бы известно читавшим исторические труды о Китае на европейских языках. Мало того, автор ее не считает себя вправе обидеться, если его назовут простым компилятором, да притом еще использовавшим недостаточно большое количество материалов. Но он и не задавался целью дать что-нибудь совершенно новое. Своею задачей он ставил простую систематизацию тех хорошо известных фактов, одно сопоставление которых говорит за то, что принципиальной разницы между ходом исторического процесса в «белой» Европе и «желтом» Китае не было, а было только то, что в известные моменты новой и новейшей истории обстоятельства складывались для Китая неблагоприятно, тогда как для Европы или, если быть точным, для большей части Европы, они складывались исключительно благоприятно.

В VI — X веках нашей эры наблюдались диаметрально противоположные явления. Если бы была возможность переселяться по «линии четвертого измерения», по линии времени, то сторонники расовой теории, переселенные в те века, должны бы были признать способность к быстрому развитию не за европейцами, а за «азиатами» — китайцами, малайцами, индусами и японцами.

Если прочитавший эту книгу ясно осознает, что недавняя отсталость Китая (теперь он уже кое в чем перегоняет Европу) объясняется расовыми чертами китайцев не в большей степени, чем, скажем, событиями на Марсе или Венере, то пишущий эту книгу сочтет свою задачу выполненной. Что же касается истолкования изменений, пережитых Китаем в прошлом, то автор заранее принимает обвинение

в неполноте таких истолкований. Так, например, он признает, что причины подъема Китая в VI—X веках, как и причины «загнивания» после середины XV века, нового подъема в XVII веке и т. д. освещены слабо.

В свое оправдание ему можно сказать, что освещению каждой из этих причин должны быть посвящены годы, многие годы упорной работы и не одного, а многих исследователей.

Подчеркнуть те несомненные, но постоянно затушевываемые факты, которые показывают, что в истории Китая, как и в истории Запада, был резкий перерыв, в основных чертах весьма сходный с перерывом, пережитым средиземноморским миром после крушения античного общества, что после этого наступило Возрождение, что китайцы тоже имели в прошлом эпоху великих открытий и изобретений, что замкнутость, застойность и все прочие «смертные грехи Китая» — продукт если не фантазии только, то уж во всяком случае умышленного или неумышленного затушевывания множества свидетельств противного, что, сводя все к одному знаменателю, нет никаких серьезных данных, которые позволяли бы говорить о Китае, как о стране, которую только плеть империализма пробудила к жизни, — вот подчиненные основному частные задания, которые поставил себе автор.

Но детальная разработка подобных фактов — дело молодых, по-новому способных подойти к Китаю (и к азиатским народам вообще), свободных от расовых предрассудков востоковедов, могущих рассчитывать на длительный период работы.

Помимо главной цели — способствования скорейшему уничтожению пережитков нашего скверного воспитания — автор имел в виду и другую цель. Она заключалась в том, чтобы показать, насколько важно изучение прошлого Китая для понимания того, что происходило на Западе. Такие факты, как монгольское завоевание Восточной Европы, как нашествие гуннов и т. наз. великое переселение народов, как восточные походы римлян при Траяне (98—117 г. н. э.) и судьба эллинистических государств, как изобретение книгопечатания, компаса, пороха, как плавания португальцев и рост могущества Голландии и Англии, как, наконец, русское проникновение на Восток и целый ряд других крупнейших событий «истории человечества», не могут быть описаны с мало-мальски удовлетворительной точностью без ознакомления с одновременными фактами, происходившими на Дальнем Востоке.

Автор уверен, что беспристрастная будущая работа над историей Китая и его соседей сильно изменит существующее теперь представление о ходе т. наз. «всеобщей истории». Конечно, такая работа потребует многих усилий, прежде чем она раз навсегда положит конец вредной легенде о том, будто история Европы и история человечества — синонимы. Европейцы не раз издевались над китайцами, которые именовали свое государство «Срединным». Пора посмеяться и над своею собственной «срединностью»!

Теперь — о конкретном содержании книги.

Глубокой древности, т. е. периоду Дочжоускому (до 1122 г. до н. э.) и Чжоускому (1122—221 до н. э.), здесь уделено очень мало места. Это сделано сознательно: во-первых, нужно было сохранить место, а, во-вторых, автору казалось, что особенно глубокого расхождения в оценке явлений того времени быть не может[1]). Об одном своеобразии древней истории Китая все же необходимо сказать заранее. Оно в том, что древние китайцы в отличие не только от Германии, Франции, России и т. д., но и от античных греков, не имели, насколько нам известно, никаких унаследованных от других народов культурных традиций; все, от начала до конца, им приходилось создавать самостоятельно. Это следует запомнить, чтобы не быть несправедливым к Китаю.

Сравнительно мало фактов об экономике Китая дано относительно того периода, который назван здесь «вторым средневековием» (это период, последовавший за распадом древней империи). Причина — отсутствие соответствующих материалов у автора. Вряд ли их можно найти в доступной нефилологу исторической литературе. Поэтому при составлении настоящей книги приходилось брать факты, главным образом, из области идеологической надстройки.

Вообще говоря, материалов о способе производства удалось собрать в очень малом количестве, что заставило обратить внимание на торговлю, до известной степени позволяющую судить и о производстве.

Читатель может посетовать на относительный недостаток в книге данных о философии, живописи, скульптуре, литературе и т. д. Но автор был стеснен размерами книги и к тому же считал, что вопросы, касающиеся этих областей

[1]) Расхождение возможно в оценке степени развития феодализма при Чжоу.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

культурной деятельности китайцев, настолько хорошо освещены в европейской, в том числе и русской литературе, и освещены притом людьми, специально изучившими их, что пересказывание рассказанного ими было бы здесь мало уместно. (В качестве примера можно назвать работы о китайской поэзии проф. Алексеева и его переводы).

Как уже сказано выше, при составлении этой книги автор, в соответствии с поставленной себе задачей, не старался использовать большого количества книг. В качестве основных взяты были следующие.

Li Ung-Bing — "The Outlines of Chinese History", Ping Hua-li — "The Economic History of China", Chong Su-see — "The Foreign Trade of China" и Н. А. Рожков — «Русская история в сравнительном историческом освещении».

Литература, использованная при составлении отдельных частей и глав, названа в тексте, подстрочных примечаниях и в библиографическом указателе.

Работу над составлением указателя (индекса) автор считал не менее важной, чем работу над текстом. При составлении указателя он имел в виду не столько формальный признак, т. е. нахождение того или иного слова на соответствующей странице, сколько предоставление читателю возможности с наименьшей затратой сил и времени самостоятельно прорабатывать интересующий его, читателя, материал, не будучи при этом связанным планом изложения книги. С тою же целью отдел библиографии написан в виде собрания коротких рецензий. Среди разобранных и названных в этом отделе книг есть и такие, которыми автор по той или иной причине не мог воспользоваться при настоящей работе, но которых использование для более полного выяснения вопросов китайской истории он считает необходимым.

Работая над этой книгой, автор не раз пользовался возможностью обогатиться новыми знаниями путем бесед с научными работниками Дальневосточного Государственного Университета В. Л. Погодиным, И. В. Пашкевичем, проф. Крастиным, Пашковым и Шитовым, и особенно с теми специалистами-ориенталистами и историками, которые неоднократно названы в тексте и примечаниях к тексту. Автор пользуется здесь случаем, чтобы поблагодарить как этих научных работников, так и помогавших ему в технической работе: З. Л. Савину, Г. Ф. Милешко, Е. П. Крылову и А. Д. Харнскую.

Собрание В. Г. Белинского http://vbelinskiy.ru/

Здесь необходимо подчеркнуть, что автору не удалось показать корректурных оттисков тем научным работникам, на которых он ссылался; значит, ответственность в случае неправильной передачи их мыслей целиком и полностью падает на него.

Автор.

Владивосток, июнь 1927 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

УКАЗАТЕЛЬ.

Ставя указатель в начале книги, автор хотел подчеркнуть, что считает его чрезвычайно важной ее частью, — важной потому, что при наличии его активное отношение читателя к предлагаемому материалу обеспечено в большей степени. Указатель состоит из двух частей, — длинной, содержащей русские слова и выражения, и короткой, в которой даны иностранные слова. Черненьким выделены те слова, которые соответствуют либо таким темам, для уяснения которых в тексте имеется достаточно много материала, либо таким, которые автор по той или иной причине хотел выделить. Последнее — б. ч. потому, что соответствующие темы слабо освещались в нашей общедоступной литературе или не освещались вовсе. Черненьким же напечатаны и номера тех страниц, на которых по данному вопросу дан либо наиболее полный, либо наиболее важный материал. Страницы предисловия и обзора литературы сюда не внесены.

А.

Абсолютизм — 61, 62, 73, 75, 147, 166, **182, 286,** 287, 310, 333.

Абу Заид, арабский географ — 183.

Ава в Бирме — 297.

Австралия — 17, 268, 316, 317, **321,** 401, 403, 404, 436.

Австро-Венгрия, договоры с возникшими из нее государствами — 411.

Автономности провинциальной идея — 431.

Агвинальдо — 235.

Аграрный вопрос — см. «Земледелие», «Землевладение», «Землепользование».

Аграрный кризис — 310.

Агрономы и агрономия — 24, 382.

Агуда, вождь киданей — 172.

Азбука китайская — 13.

Азия в XVIII в. — 315.

Азия Западная — см. «Эллинистические государства», «Персия», «Туркестан», «Сирия».

Айгун, город на Амуре — 271.

Ай-ди, император I в. до н. э. — **90,** 98.

Айны, аборигены Японии — 136.

Айсин-Курун — 172, 247.

Аксу, город в Вост. Туркестане — 294.

Акциз — 145. См. также «Соляной налог», «Налоги», «Чай».

Албазин — 269, 271, 272.

Албазинцы — 117, 271, 274, 280.

Александра Македонского походы — 65.

Александрия, ее торговля с Дальним Востоком — 67.

Алексеев, китаевед — 157.

Алжир — 319.

Алхимия — 94, 241.

Аляска — 272, 317.

Амбань — 281.

Американские владения России — 317.

Америки исследование — 268.

Америкофильство в Китае — 361, 383, 409.

Амой (по-пекински: Сямынь), город в Фуцзяни — 10, 12, 232, 235, 258, 260, 262, 265, 318, 330, 338, 383, 422.

Амур, река — 7, 69, 106, 137, 175, 225, 247, 249, 252, 261, 266, 267, 269, 272, 322, 416.

Амусана, монг. вождь XVIII в. — 294, 296.

Ангара (приток Енисея) — 200.

Англия, рост ее могущества — 222, 256, **257,** 272, 311, 314, 315, 317, 321, 436.

Англия новейшего периода — 279, 298, 316, 323, 324, 340, 404, 406, 410, 431.

Англо-русское соглашение 1907 г. — 404, 408, 409.

Англо-французское соперничество — 315-321.

Англо-французское сотрудничество — 321, 322.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Англо-японский союз — 358, 404, 408.
Андраде — 231.
Аннам — 10, 18, 49, 85, 124, 130, 133, 173, 182, 183, 224, 225, 228, 297, 321, 324, 340, 412. См. также «Индо-Китай» и «Тонкин».
Антиохия древняя — 67.
Антиохия Маргиана (повидимому, нын. Полторацк) — 103.
Антологии (сборники стихов) — **157**.
Ань Лушань, вождь повстанцев VIII в. — **144, 149, 150, 165.**
Аньтунь (Марк Аврелий) — 104.
Аньфу, клуб и группа милитаристов и бюрократов — **400,** 427.
Аньхой — обычное у нас искажение названия провинции Аньхуй.
Аньхуй, провинция на Янцзы — 8, **9,** 84, 113, 152, 331, 334, **346,** 433.
Аньцин, город в пров. Аньхуй — 333.
Арабы, их завоевания и отношения с Китаем — 18, 126, 137-140; см. «Ар.-кит. торговля».
Арабо-китайская торговля — 117, 121, 126, 127, 131, **147,** 156, 165, 183, **184,** 185.
Аргунь, река — 7, 225, 248, 272, 296.
Аренда земли — 279.
Аренда портов и территорий — 354, 361, 364, 372, **409.**
Арендная плата — 142.
Аристократия войны — 90.
Армия маньчжур (в XVII в.) — 249.
Армия современная — 354, 364, 366, 368, 380, 381, 388, 393-395, 397.
Армия тайпинов — см. «Тайпины».
Армия Танской и Сунской династий — 149, 182.
Армия Цинской дин. — 309-310, 333.
Арсеналы — 364, 386, 415.
Артиллерия — 205 (допороховая); 231, 234, 250, 251, 381, 382.
Архитектура — 119, 226.
Асока, царь в Индии — 66, 68.
Ассам (сев.-вост. часть Индии) — 316.
Ассимилирование — 117, 176. См. «Китаизация».
Ассиро-Вавилония — см. Месопотамия.
Ассоциация банкиров — 428.
Астрахань — 24, 214, 221.
Астрологи — 92.
Астрономия — 92, 231.
Атлантида — 219, 259.
Атласные материи — 346.
Афганистан — 65, 77, 103, 178, 408.
Африка — 22, 218, 219, 225, 257, 259, 316, 319, 321, 404.

Б.

Багдадский халифат — 138, 178, 181, 192, 199, 200.
Байкал — 32, 178, 198, 225.
Байляньцзяо — см. «Белая Лилия».
Бактрия, туркестанское эллинистическое государство — **65-68, 77-80,** 83, 86, 100, 103.
Баланс торговый — 30, 186, 274, **280,** 318, 328, 329, **356,** 416, 422, 423.
Бандитизм — 393.
Банки (старого типа) — 183, 346, 416.
Банкиры иностранные — 355, 397, 410.
Банкиры туземные — 428. См. также «Шаньсийские банкиры» и
Банкиров ассоциация — 428.
Банковский консорциум — см. «Консорциум банков».
Бань Чжао, генерал и дипломат I в. н. э. — **102-104,** 119, 289.
Баньшень-лама — 281.
Баотоу, город на Хуанхэ — 11, 433
Барга — 408.
Батан в Сычуани — 280.
Батый — 198, 214.
Баян полководец XIII в. — 201.
Бегство с земли крестьян — 33, 142, 144, 187, 190, 226, 230, 253, 278.
Безработица — 394; в XVII в. — 236; интеллигенции — 382.
Беи среди мусульман — 281.
Белая Лилия или Белый Ненюфар — 218, 283, 305, 306, 308, 363, 370, 377.
Бельгия — 405.
Белый флаг — 382, 387.
Бенгалия — 315.
Берлин, автор о Тибете — 295.
Берлинский конгресс — 358.
Библиотеки — 161, 226.
Бинтование ног — 333, 380.
Бирма — 10, 18, 127, 132, 183, 224, 225, 293, **297,** 316, 321, 324, 340, 353, 403.
Бичурин, китаевед — 81.
Благовещенский инцидент 1900 г. — 374.
Блокирующее в отношении Китая положение Японии — 404.
Бобы, их вывоз — 393, 421.
Богаевский — 259.
Богатство, мнение о нем Сыма Цяня II—I в. до н. э. — 95.
Бодисатва — 164, 295.

Бойкот 1919 г. — 355, 411, 426.
Боксеры и боксерское восстание — 328, 342, 354, 369, **373**-375, 392.
Боксерская контрибуция — 381, 383.
Боксерский протокол — 406.
«Большой Кулак» — 306, 372, 373. См. также «Боксеры».
Бонапартизм — 394.
Бонинские острова (Огасавара) — 358.
Борнео — 12, 127, 183, 225, 228, 424. См. также «Индонезия» и «Эмиграция».
Бохай, государство в Маньчжурии и Приморьи — 137, **172, 247.**
Броненосцы в XVI в. — 234.
Бронза и бронзовые изделия — 48, **52, 57,** 120, 161, 221, 225.
Буддизм — 17, 18, 41, 66, 101, 102, 116, **118-123,** 127, 130, 135, 139, 159, **161-165.** 199, 209, 284, 285, 295 332, 333; в Сиаме — 321.
Буддийская литература — 101, 120, 164, 285.
Бумага кит. типа — 346, 347; европ. типа — 420.
Бумагопрядильные фабрики — 418, 419.
Бумажные деньги — 90, 147, **190,** 204, **208.**
Бумажные ткани — см. «Хлопчатобумажные ткани».
Буржуазия, ее сопротивление милитаристам — 428.
Буржуазия промышленная — 376, 392.
Бутан, гималайское государство — 6.
Бэй — север, см. «Географические названия».
Бэй Вэй или Северное Вэйское государство — 117, 133.
Бэйхэ — 7, 8.
Бэйцзин (иначе Пекин) — 8, 11, 173, 230.
Бюрократии роль — 61, 73, **344,** 345, 392.

В.

Вавилония — 39, 48, 49, 54, 56, 75.
Вавилонская теория происхождения кит. культуры — 48.
Важнейшие товары во внутренней торговле — 349.
Ван (звание государей) — 18.
Ван Аньши (т. наз. «Китайский Ленин»), реформатор VI в. — 171, **187-190.**
Ван Ман, император I в. н. э. — **99-101,** 146, 377.
Ван Шифу, драматург — 210, 211.
Ван Янмин, философ XV-XVI в. в. — 194, 230.
Варваров господство на быв. территории империи Хань — 41, 114-117.
Васильев, китаевед — 55.
Вассалитет феодальный — 41, **57,** 89, 394.
Вассальные государства, их захват империалистами — 353, 356.
Вашингтонская конференция 1921-2 г. — 404.
Ввоз — см. «Импорт» и «Торговля внешняя».
Великая китайская революция — 430, **432.**
Великая Стена — 11, 15, **19, 62,** 251, 252, 282.
Великие Моголы в Индии — 315.
Великий Канал — 7, 29, 132, 133, 208, 330, 346, **347,** 391.
Великобритания — см. Англия.
Великое Ся — см. «Си Ся».
Великокняжеский кабинет министров — 383, 388.
Венеция — 204.
Венский конгресс 1815 г. — 257, 314-316, 319.
Веретен в текст. индустрии число — 418, 419.
Веротерпимость — 162, 165, 204, 341.
Верфи современные — 420.
Верховная власть — см. «Император».
«Весна и Осень» (летопись V в. до н. э.) — 58.
Взяточничество — 33, **100,** 203, 236, 304, 329, 392.
Византия — 20, 38, 39, 75, 117, 125, 126, 128, 131, 181.
Виктория, город — 329. См. также «Гонконг».
Виленский-Сибиряков — 353, 367, **384.**
Вино и винокурение — 156, 426.
Витте С. Ю. — **360.**
Вице-короли — 286, 303.
Владивосток — 200, 303, **323,** 358, 424, 426.

Влияние Запада (включая Западную Азию) в Китае — 35, 41, 65, 122, 210, 231, 236, 365. См. также — «Христианство» и «Эллинистические государства».
Влияние Индии — см. «Индийское влияние».
Влияние иностранцев вообще — 18, 65.
Влияние Китая на другие страны — 15-19, **35-36**, 49, 60, 69, 85, 124, 128, 129, 130, 136, **160-161**. См. также «Китаизация», «Аннам», «Сиам», «Корея» и «Япония».
Внешние (застенные) владения Китая — 5, **6**, 11, 49, 291, 355.
Водяные двигатели — 346.
Военные орудия, допороховые — 205.
Военные поселения — 232.
Военный флот — 205, 366.
Возрождение европейское — 220.
Воинская повинность — 148, 188, 189.
Войлок — 348.
Война за престолонаследие при Мин'ах — 224.
Война с маньчжурским государством в XVII в. — **249-251**, 255.
Война с Россией в XVII в. — 271-272.
Война с Францией — 324, 340, **356**, 379.
Война с Японией в 1592-98 г. — 234-236, 249.
Война с Японией в 1894-95 г. — 353, 354, **356-360**, 379.
Война 1839-1842 г. — 314, **329-330**.
Война 1857-1860 г. — 335-336.
Волжско-Каспийский путь — 24, 214.
Вологодских купцов торговля с Китаем — 273.
Восемнадцать провинций или Собственно-Китай — 7-12.
Воск — 348.
Восстания — 171, 261, 306, 314, 326, 376-378. Кроме того, см. «Ань Лушань», «Белая Лилия», «Дунгане», «Желтые Тюрбаны», «Краснобровые», «Няньфей», «Тайпины», «Трех князей восстание», «Формозское восстание».
Восстание 1631-1644 г. — 251.
Востоковедение в С. Ш. А. — 83.
Восточно-туркестанская культура — 82.
Восточно-туркестанский поход 1875-77 г. — 339.
Восточный Туркестан (китайский) — 6, 11, 35, 66, **81-83**, **100-104**, 107, 115, 126, 135-138, 165, 170, 178, **281**, 289-294, 304-309, 339, 346, **348**, 353, 357, 410.
Восьми диаграмм общество — 306.
Второй империи возникновение — 117.
«Вторая революция» — 1913 г. — 397.
Вывоз — см. «Импорт» и «Торговля».
Выкуп помещичьей земли государством в XIII в. — 143, 190.
Вышивки — 120.
Вэй, государство — 113, 114.
Вэй, река — 49.
Вэй Северное — 117, 133.
Вэйхайвэй — 177, 178, 360, 361, 372.
Вэнь-ди, импер. II в. до н. э. — 72, 89.
Вэнь Цзун, импер. IX в. н. э. — 152.
Вэньчжоу, город в Чжэцзяне — 86.

Г.

Гаваи, острова — 12, 272, 317, 357, 402.
Газета, первая в Китае — 147.
Газни, в Афганистане — 178.
Галдан, монгольский князь — 291, 292.
Гамильтон, порт (в Корее) — 358.
Гантимуровы, князья — 270.
Гань Ин, посол в Рим — 104.
Ганьсу, провинция — 8, 11, 40, 58, 85, 113, 114, 154, 170, **171**, 199, 264, 306, 339, 347, **348**, 349, 393, 420.
Гаоголи, корейско-маньчж. государство — 135, 137.
Гао Цзу, император дин. Хань — 70, 71, 77.
Гао Цзун, импер. дин. Тан — 164.
Гарнизоны маньчжурские — **262**, 286, 287.
Гвоздика — 67.
Гей, статс-секретарь С. Ш. А. — 361.
Географические карты — 132. См. «Птоломея карта».
Географических названий происхождение — 13, 173.

Географические познания запад. народов и китайцев — 67, 71, 77-83, 86, 88, **105-106,** 128, 184, 206, **216-219,** 259, 267, 268.
Географ. факторы в истории — 27-37.
Геодезия — 231.
Геологический Комитет в Китае — 364.
Германии активность на Д. В. — 360, 401, 404, 409, 411.
Гетеры — 211.
Гильдии — **303,** 304, 311, 377, 426.
Гималайские походы — 291.
Гирин — 7, 261, 400, 427.
Гиринская провинция — 6, 247.
Главные товары во внутренней торговле — 349.
Голландия и голландцы — 20, 24, 235, 256, **257, 259,** 315-318, 320, 405.
Голландии господство на морях — 257.
Голод 1878 г. — 340.
Гоминьдан — 396, **397,** 398, 400, 430; его съезд в 1924 г. — 430.
Гоминьцзюн (народная армия) — 432.
Гонконг — 10, **318,** 320. **329-330,** 415, 420; его бойкот — 432.
Гонконгская забастовка 1922 г. — 428.
Гончаров — **206,** 322.
Гордон, усмиритель тайпинского восстания — 337, **342.**
Горное дело — 346, 420.
Городов возникновение — 40. 48, 56; **население** — 343, **346, 350**; упадок — 349; эконом. значение — 343-350.
«Горькая лилия» в Зап Сибири—291.
Госин'я (Коксинга) — 258.
Государственный долг—364, 392, 416.
Гражданская война в Китае в XX в.— 394, 400, 414.
Гражданская война в С.Ш.А. — 323, 324.
Границы Китая при династии Цин — 5, 296, 316, 353.
Границы русско-китайские — 274, 324, 353.
Гребенщиков А. В., проф. маньчжуровед — 137, 247.
Греция — 30, 49, 56, 57, 60, 61, 65.
Греческое влияние в Китае — 65, 66, **68,** 82.
Грубе, китаевед — **157,** 194, 282.
Грузия; завоевание ее — 175, 178.
Грунтовые дороги — 11, 61, 71, 349, 416.
Гуандун, провинция — 8, **10**, 11, 50. 61, **84-87,** 113, 152, **173,** 201, 258, 264, 331, 332, **347,** 348, **379,** 391, 433.
Гуандунцы (кантонцы) — 85, **331.**
Гуандунчжоу (Кантон) — 13.
Гуанси, провинция — 8, **10,** 11, 61, 84, 85, 113, 154, **172,** 173, 201, 253, 264, 265, 286, **287,** 331, 332, 339, 347, **348,** 349, 391, **420,** 433.
Гуан У. (Основатель династии «младших» Хань) — 101.
Гуам, остров в Тих. ок. — 402.
Гуанчжоу-ван — 10, 361.
Губернаторы — 286, 287.
Гуйлинь, город в Гуанси — 343.
Гуйчжоу, провинция — 8, **10,** 11, 61, 84, 113, 154, 172, 262, 265, 269, 286, 347, **348,** 349, 433.
Гунны (или Хунну, или Сюнну) — 23, 68, 71, 77, 79. **81,** 83, 87, 93, 100, **101,** 102, **103,** 115, 125, 126, 127, 177.
Гун'ю, обожествленный воин — 113.
Гурка, гималайская народность — 291, 297, 309.
Гучен, в Джунгарии — 81.

Д.

Дагоу — 347.
Дайрен (бывший Дальний) — 6, 250, 360, 393, 420.
Дай Цзун, император 763-779 г. — 165.
Далай-лама — 264, 291-293, **295.**
Дальневосточная республика (ДВР) — 411.
Дамаск, его торговля с Китаем в X в. — 186.
Дань Китая северным государствам — 169, 171, 173, 175, 176, 186, 191.
Дао, админ. деление — 137.
Дао, философский термин — 119, 162.
Даосизм — 41, 42, 59, 93, 107, **119,** 120, 140, **162-164,** 241, 332, 333, 370, 399.
Даоская «гимнастика» — 372.
Датун, город в Шаньси — 228, 387.
Двадцать одно требование Японии в 1915 г. — 297, 410.
Две эры китайской истории — 39-40.

Двоецарствие в доме Мин — 253.
Дворцовые имения при дин. Мин — 227-233, 240.
Дворянская революция (первая) — 60-63, 72-76.
Дворянство — 283-284.
Девяностые годы XIX в. — 325.
Демократические выступления соврем. генералов — 428.
Деньги — 56, 61, 89, 90, 99, 129, 137, 146, 160, 165, **190**, 191, 204, 208, 280, 282, 328.
Депрессия экономическая 1920 г. — 304, 426.
Дефицит перед революцией 1911 г. — 381.
Дешевизна рабочей силы — 420.
Джагатай, монг. хан — 200.
Джайльс, китаевед — 156, 157, 210-213, 282.
«Джентри» — 283, 284, 334.
Джунгария (или Чжунгария) — 83, 102, 135.
Династийные истории — 22, 26.
Дипломатический квартал в Пекине — 375.
Дипломатические сношения с Россией в XVII и XVIII веках — 270-275.
«Добровольцы»-усмирители и их восстание — 305, 306.
Договорные порты — 318, 364.
Договоры — 273. См. «Нанкинский д.», «Тяньцзинский д.» и т. д.
Долг государственный — 392, 416.
Должностями торговля перед революцией 1911 г. — 383.
Доливо-Добровольский, автор книги «Тихоок. проблемы» — 403.
Доминьонов британских роль — 404, 436.
Дороги — 11, 61, 71, 349, 416.
Драма — 209, 210-212.
Драматурги — 210.
Древность Китая — 39, 48, 49. Др-сть Кореи — 68, Др-ость Японии — 68.
Дрэйк об угольных богатствах Китая — 364.
Дуань, великий князь — 374.
Дуань Цижуй — 398.
Дубань — равнозначаще с «дуцзюнь» (дубань — новое название).
Дун («восток» по-китайски) — 13, 173. См. «Географ. названия».
Дунганское восстание — 330, 363.
Дун Цзйо — 111, 112.
Духовенство при дин. Мин и Цин — 285, 294.
Дуцзюнат (дубанат, милитаризм) — 327, 345, 354, 382, **390-395**, 410.
Дэвис — 280.

Е.

Е (звук) — см. «Йо» или «Юэ».
Евнухи — 101, 107, 151, 152, 225, 227, 237, 239, 285.
Евразия (европейско-азиатский материк) — **214**.
Евреи в Китае — 117, 139, 156, 183. См. «Иудейство».
Европа после падения Рима — 125-129, 154.
Европа XIV-XVIII веков — **216-222**, 256.
Европеизация дальневост. стран — 321, 357, 359.
Европы мировая роль — 437.
Египет и его торговые связи с Д. В. — 53, **66-67**, 104, **105**, 126, 128, 183, 200, 324.
Египта история — 31, 39, 49, 53, 54, 56, 57, 66, 67, 75.
Емкость китайского рынка — 356, 424.
Енисей — 225.
Ермака походы — 222, 256, 268.

Ж.

Жалование землей — 144.
«Железная» (Ляо) империя (Киданьская) — 153, 168-173, **176**, 177, 207, 277.
Железнодорожная забастовка 1923 — 21, 428, 429.
Железные дороги — **10**, **11**, 39, 319, 354, 360, 361, 364, 366, 372, 381, 388, 392, 394, 402, 403, 408, 409, 416, **417-418**.
Железные изделия — 57, 131, 346, 348.
Железо — 57, 90, 101, 105, 346, 348.
Желтая река — см. «Хуанхэ».
«Желтая» церковь в Тибете — 292, 295.
Желтых тюрбанов восстание — **108**, 111, 124, 152, 212, 331.

Жемчуг — 89, 185, 186.
Жемчужная река (ниж. течение Сицзян) — 7.
Женщины у власти — 72, 140.
Женьшень (лекар. растение) — 251.
«Живописная Россия» — 317.
Живопись — 119, 161, 166, 193, 209, 221, 226.
Жэхэ, область — 6, 294.

З.

Забайкалье — 175, 177, 200, 224, 268, 411.
Забастовочного движения история — 432, 438.
Займы внешние — 354, 381, 383, 392, 397, 400, 432.
Займы принудительные в древности — 90.
Законосовещательная палата при Юань Шикае — 397.
Закрепощение крестьян — 191, 226.
Закупничество — 147.
«Замкнутость» — 20, 35.
«Заморские братья во Христе» — 341.
Замбези — 219, 225.
Занзибар (в Африке), его торг. с Китаем — 183, 184.
Запада влияние на Д. В. — **см.** «Влияния Запада».
Западное Ляо, государство — 175, 178.
Западное Ся, государство — см. Си Ся.
Западной Европы история — 27, 29, 38, 39, 42.
Заревшанский край, как кит. торговая база — 83.
Захваты империалистов на Д. В. в 1897-99 г. — 354, **360-361.**
Зеландия, голл. форт на Формозе — 260.
«Зеленые Знамена», войска — 286, 305.
Землевладение и землевладельцы — 33, 41, **59**, 61, 62, 90, 99, **142-144**, 187, **190**, 191, 203, 207, 226, **227**, 239, 278, 279, 377, 391-393.
Земледелие — 40, 56, 59, 142, 207.
Земледелие у маньчжур — 261.
Землепользование — 41, 56, 59, 142, 186, 187, 203, 233, 278.
Землепользование уравнительное — 61, **99**, 116, 118, 188.
Землепользование и его регулирование — 187, 190.
Земли истощение — 33, 59, 91, 143, 144, 187, 227, **231**, 233, 235, 279.
Земли монастырские — 42, 121, 144, 162, 229.
Земли скупка — 33, 91, 96, **143**, 144, 187.
Землепроходцы русские — 254, 268.
Земляческие объединения — **303**, 377, 426.
Зерна потребления регулирование — 145.
Зея, земледелие на ней — 261.
«Знамена», в смысле обозначения воинской единицы — 249.
Знаменные войска — 271, 292, 310.
Знаменные земли — 279, 283.
«Золотая» империя — см. Цзинь.
Золотая орда на Волге — 24, 198, 202, 214, 215.
Золото — 35, 90, 120, 146, 185, 190, 204, 208, 229, 235, 240, 250, 273, 279, 416.
Золото в Сибири — 268.
Зондские острова — 12, 18, 36, 49. См. также «Борнео», «Суматра», «Ява», «Индонезия» и «Нидерландская Индия».
Зонтики — 425.
Зороастр и его последователи — 60, 139, 162, 164.
Зубатовщина — 429.

И.

Иванов А. И., китаевед — 189.
Ивин, китаевед — 12, 108, 353, 367, 373, 377, 378.
Иголок производство — 425.
Идеографы (иероглифы) — **12**, 85, 157, 173.
Иерархия бюрократическая при Цин — 286-287.
Иероглифы — см. «идеографы».
Избирательная реформа в Англии — 317.
Изобретения легендарные — 50, 51.
Изолированность — 56, 60, 64, 101, 204.
Или, река и край (с гор. Кульчжа) — 6, 83, 85, 89, 290, 339, 340.
Илоу, маньчжуро-тунгусское племя — 172.

СО ЭНБ им. В. Г. Белинского http://booksite.ru/

Ильхан (звание государя) — 200.
Имения дворцовые при Мин — 227-233.
Император — 60, 107, 147, 150, 166, 182, 281, **287**, 296, 367-369, 387, 391, 392.
«Император» при республике — 389.
Императоров ханьской дин. возраст — 107.
Империализм, как «старый порядок» для Китая — 395.
Империи протяжение — см. «Размеры империи».
Импорт — 56, **105**, **184**, 185, 280, 356, 357, **422**, 423, см. также «Торговля внешняя».
Ингода, река в Забайкальи — 224.
Индивидуализм — 97, 193.
Индиго — 346.
Индия — 6, 16, **17**, 25, 31, 54, **65-68**, 86, 103, 120-124, 126, 131, 135, 164, 175, 178, 181, 183, 185, 192, 193, 205, 206, 219, 224, 225, 291, 297, 307, 315-317, 321, 348, 358, 404, 423, 437.
Индийское влияние на Д. В. — 17, 18, 35, 36, 41, 122, 126, 127, 164, 297. См. «Буддизм».
Индо-Китай — 10, 25, 41, 89, 105, 129, 131, 149, 185, 296, 321, 322, 324, 336, 401, 424. См. также «Аннам», «Бирма», «Сиам» и «Малакка».
Индонезия — 121, 127-129, 181, 182, 401, 403, 437, см. также «Зондские острова» и «Нидерландская Индия».
Индоокеанская империя Англии — 404.
Индустриализация — 355, 364, 394, **415-424**.
Иноземные влияния — см. «Влияния», «Индийское влияние».
Инородцы — 50, 166-178, 287, 293, 332, их ассимилирование — 176, восстания — 287, 293, 306; инородцы в армии — 33, 149, господство на китайской территории — 114-117, 166, 167, 170-176.
Инородческие династии, отношение к ним китайцев — 282.
Иностранцы в Китае в старину — 18, 156, 204.
Иноуе; писал об угле в Китае — 364.
Инь, династия — 52.
Инь и Янь, философские термины — см. «Янь и Инь».
Иркутск — 273.
Ирригация при монголах — 203.
Иртыш — 177, 179.
Искусство — 161-163, см. также «Живопись», «Скульптура», «Керамика».
Испания — 20, 43, 75, 256, 257, 316, 319, 320.
Испанцы на Д. В. — 230, 235, 259, 260.
Интеллигенция техническая — 376, 382.
Историография и историки — 25, 26, 47, 48, 58, 74, 92, 100, 187.
«Исторические Записки» Сыма Цяня — 92, 97.
История Китая; ее значение и степень разработанности — 23-26, 81, 83, 208.
Истощение почвы — см. «Земля истощения» и «Красные земли».
Италия, ее активность на Д. В. — 361.
Иудейство — 18, 164.
Ихэ-туань (отряды «боксеров») — 373-375.
Ихэ-цюань («Кулак справедливости») — 306, 372, 373.

Й.

Йо — см. «Юэ».
Йонгхосбэнда набег на Тибет — 407.
Йоритомо, фактич. импер. Японии — 181.
Йофэй — 174, 212.
Йочжоу — 9, 332, 387.

К.

Кабул, гор. в Афганистане — 178.
Кавказ X-XII в. — 27, 181, 320.
Кадфиз, вождь юэчжи — 103.
Казань — 24, 214, 221, 256.
Кайланские копи — 417.
Кайфын, город в Хэнани — 8, 198.
Калах, древний город в Малакке — 183.
Калган, гор. — 11.
Календарь — 74, 93.
Калифорния — 272, 320.
Калка, битва на ней — 178.
Каллиграфия — 193, 226.
Калмыки — 290. См. «Ойраты» и «Торгоуты».
Кам (или Хам, часть Тибета) — 408.

Камбоджа — 10, 324.
Камфара — 185.
Камчатка — 272.
Канада — 5, 17, 267, 401, 403, 404, 424, 436.
Канал Великий или Императорский — 7, 29, 132-**133**, 208, 330, 346, 347.
Каналы — 29, 59, 61, 73, 347, 349, 416.
Канарские острова — 259.
Канаты — 347, 349.
Кан Си, император, современник Петра В. — 283, 284, 288, 291, 292, 306.
Кантон, гор. в Гуандуне — **10**, 11, 28, 36, 40, 67, 71, 78, **85-89**, 105, 128, 138, 139, 183, 184, 231, 264, **280**, 318, 328, 329, 330, 331, 333, 347, 387, 393, 400, 420, 432.
Кантонская провинция — см. Гуандунская.
Кантонское правительство — 400, 430, 434; его территория — 431, 433, 439.
Кантонцы, как этническая группа — 64, 85, 331.
Канторович, автор трудов о Китае — 204, 344.
Кан Ювэй, реформатор 90-х годов — 366-368, 380.
Капитал в промышленности иностранный — 419, китайский — 419.
Кара-кидане, народность — 178. См. «Западное Ляо».
Каракорум — 198, 200.
Карпини Плано, путеш. XIII в. — 198, 199.
Карта Птоломея II в. н. э. — 105, 106, 267.
Карты Китая — 132.
Каспийско-Волжский путь — 24, 214.
«Китай» — 168, 206.
Каттигара, древний торг. город — 105.
Каучук — 403.
Кашгар — 6.
Кашгарское восстание — 339.
Кашгария — 6, 89, 102, 339. См. «Восточный Туркестан».
Кашмир, страна в Сев. Индии — 103, 296.
К. В. ж. д. — см. «Китайская Восточная железная дорога».
Квельпарт, остров в Южной Корее — 358.
Керамика — 147, 193, 226. См. «Фарфор».
Керосина ввоз — 422.
Керулэн, река в Сев. Монголии — 170, 177, 223.
«Кианг» — 14, 173.
Кидане и киданьская империя — 153, 168-187, 210. См. «Ляо», «Железная империя».
Кипр — 324.
Кипчакское ханство — 200.
Киргизы — 138, 296.
Китае-японская война (1894-95 г.), 353, 354, **359**, **360**, 379, 417.
Китаизация победителей Китая — 117, 168, **176**, 177, 207, 277.
Китаизация Японии — 36, 129, 130, 161.
Китайская Восточная жел. дорога — 6, 172, 373, 402, 408.
Китайская культурная область — 15-19, 25, 35-36, 321.
Китобойный промысел — 320.
Кйото, как центр кит. влияния в Японии — 205.
Климат — 16.
Клуазонэ — 221.
Клюкин Ин. А., монголовед — 24, 81, 138.
Книгопечатание — 24, 147, 153, 160, 161, 166, **194**.
Книг сожжение при Цинь Ши — 59, 70.
Ковры — 348, 393.
Кожевенная промышленность — 420.
Коканд — 324.
Коксинга, владыка Формозы — 258-261, 264, 265, 269, 280, 330.
Колодезная система землепользования — 99.
Колоколов и Мамаев, авторы книги о Китае — 96, 101, 102.
Колониальная политика Китая — 285, 293, 295.
Колонизация севера — 302.
Колумб — 206.
Комедия и комедианты — 210.
Коммунизм потребительский у тайпинов — 332, 334.
Компас — 24, 51, 184.
Компрадор — 431.
Конрад, японовед — 49, 122.

Сканировал М. В. Гейзенко http://books.rusf.ru/

Консорциум банковский — 385, 392, 410.
Конституция — 381, 396, 398, 399.
Контрабанда — 186, 328-330.
Контрибуции — 318, 322, 360.
Контрибуция боксерская — 381, 383.
Конфуцианство — 62, 107, 119, 194, 284, 285, 332, 366, 370, 380. См. также «Конфуций», «Чжу Си», «Сунская философия» и «Неоконфуцианство».
Конфуцианцы — 74, 133.
Конфуций — 39, 41, 47, 58-60, 74, 189, 210, 284.
Концессии иностр. капиталистам — 354, 364, 376, 397, 408, 418.
Конъюнктурные кривые — 320, 325-327, 401, 426.
Коперник — 220, 221.
Корай, корейская династия 924-1392 г. — 181, 186.
Кораблестроительная промышленность — 420.
Кораллы — 185, 186.
Корвино Монте — 204.
Корее-маньчжурская война — 251.
Корея — 35, 89, 115, 140, 153, 169, 175, 181, 198, 205, 224, 225, 234, 236, 248-252, 279, 296.
Кореи древность — 18, 49.
К. империалистического периода — 322, 324, 358-360, 402, 403, 407, 408.
Культурное влияние Китая на К. — 36, 68, 69, 121, 124, 129, 130, 186.
Предательство К. Рузвельтом — 407.
Пределы Кореи в древности — 84, 85, 89.
Корица — 67.
Коростовец, автор книги о Китае — 341.
Коса у мужчин — 252, 399.
Космас., грек-торговец — 131.
«Косность» — 20.
Котвич, монголовед — 290.
Кохинхина. страна в Индо-Китае — 10, 206, 324.
Кочевники, борьба с ними — 31-34, 166-178.
Кочевников быт — 31-33, 81, 167.
Кочевников влияние на Китай — 168.
«Красная опасность» — 405.
Красная церковь в Тибете — 292.
Краснобровых восстание — 100, 146.
«Красное Знамя», владивост. газета — 334.
Красные земли (т. е. совершенно истощенные) — 233, 279.
Красные Пики — 373, 377.
Кредитки — 90, 166, 203. См. «Бумажные деньги».
Крестьян положение — 33, 41, 90, 91, 99, 186-192, 203, 224, 226, см. «Землевладение», «Земли скупа» и «Побеги к. с земли».
Крестьянские восстания — 100.
Крестьянское движение нового времени — 430, 433-439.
Кривых развития Китая и Запада соотношение — 61, 125-130, 217, 326.
Кризис экономический 1920 г. — 304, 426.
Кризисы XIX в. — 318, 322, 325, 356.
Критика художественная — 193.
Критская культура — 217, 219.
Крымская кампания — 321, 322.
Куку-нор, область и озеро — 6, 80, 134, 153, 170, 290, 293.
Кулак восстановления справедливости — см. «Ихэ-цюань».
Куликовская битва — 222.
Кульджа — см. «Кульчжа».
Культурная китайская область — 15-19, 25, 35-36, 321.
Культурное влияние Китая — см. «Влияние Китая» и «Китаизация».
Кульчжа — 6, 83, 89.
Купцов положение — 61, **90, 96, 99**, 203, 281, 304.
Куропаткин, генерал — 250.
Курултай (съезды в Монголии) — 198-200.
Кэплэнд (Капская колония) — 317.
Кюнер, Н. В., востоковед — 38, 42, 52, 97, 147, 231, 295, 341, 353, 367, 384, 396.
Кяхта — 273, 296.
Кяхтинский договор — 273, 320.

Л.

Лазарева порт (в Корее) — 358.
Лак — 221, 225, 309, 347.
Ламаизм — 199, 209.
Ламы — 294.
Лан — 421.

Лаоцзы, основоположник даосизма — 41, 59, 60, **162-163.**
Латинские республики Америки — 405.
Латифундии — 33, 42, 262, 278, 310.
Лауфер, китаевед — 161.
Лена, река — 200.
«Ленин китайский» — см. Ван Аньши.
Лены — 57, 70, 71, 262-265, 286, 287.
Лесом торговля — 347, 348.
Лесопильная промышленность — 420.
Либерализм 90-ых годов — 365, 366-368.
Ли Бо, поэт VIII в. — 156-158.
Ли Дай-бо — см. «Ли Бо».
Ликейские острова — см. Рюкю.
Ликин — см. «Лицзинь».
Лин-ди, император — 107.
Лин Шуанвэнь, формоз. повстанец — 304.
Линьян, нын. Ханчжоу в Чжэцзяни — 201.
Литан, город в Сычуани — 280.
Литература — см. «Поэзия», «Роман», «Драма».
Ли Хунчжан, госуд. деятель XIX в. — 335, 342, 360.
Лицзинь, пошлины внутр. таможен — 391, 416, 417.
Ли Юаньхун, участник revol. 1911 г. потом президент — 386-388, 397, 398.
Ли Юнбин, историк — 58, 61, 72, 84, 106, 107, 117, 122, 139, 147, 186, 208, 210, 229, 234, 248, 249, 271, 282, 286, 308, 337, 385.
Лломкра, — повстанец и основатель династии в Бирме — 297.
Лобнор, оз. в Вост. Турк. — 102.
Лоло, народность — 11, 36, 332, 359.
Лотерея экзаменационная — 331.
Лоян в Хэнани — 8, 100, 112, 113, 115, 117, 149.
Лу Ван, принц-пират — 258.
Лунхайская жел. дорога — 11.
Лхасса, гор. в Тибете — 6, 292, 293, 407. Набег на нее англичан — 407.
Лю Бан (Гао Цзу), основ. дин. Хань — 70.
Лю Бэй, основ. госуд. Шу — 111-113.
Лян, династия — 116, 117, 153.
Лянгуан (т. е. Гуандун и Гуанси) — 10.
Лян У-ди, император — 120.
Лян Цичао, реформатор 90-ых годов — 98, 106, 366, 379.
Ляо или «Железная» империя (киданей) — 153, 168-173, 176.
Ляо Западное (государство Кара-киданей) — 178.
Ляодун, полуостров и область — 6, 136, 225, 231, 236, 248, 249, 252, 261, 360, 361. Его завоевание маньчжурами — 249-251, 255.
Ляохэ, река в Монголии и Маньчжурии — 7, 89, 250.
Ляоян, город южнее Мукдена — 7, 250, 407 (не смеш. с «Лоян»).

М.

Магомет — 128.
Магометане и магометанство в Китае — 18, 35, 121, **128,** 138, 139, 164, 178, 339.
Мадагаскар, афр. остров — 319.
Мажордомы, широкое распростр. этого явления в истории — 114.
Майский, автор труда о Монголии — 31, 290.
Майтрея (нерожд. Будда) — 164.
Мак и макосеяние — 312, 356, 421, 423, 424.
Макао, порт. колония в Гуандуне — 10, 235, 257, 316, 318, 329, 340. Занятие его англичанами — 316.
Макартней, лорд, посланник в 1792 г — 301.
«Малай Колон» античного мира — 127.
Малайцы — 28, 121, 127, 220.
Малакка — 12, 127, 183, 225, 228, 232, 316, 331, 401, 403.
Мамаева и Колоколова «Китай» — 96, 101, 102.
Мандаринское наречие — 12.
Манджурия — см. «Маньчжурия».
Манихейцы (христ. секта) в Китае — 139, 165.
Мануфактура — 185.
Маньчжур привилегии в Китае — 277, 283, 305, 308, 335, 381.
Маньчжурия, поселок и станция — 6, 12, 364.

ГОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Маньчжурия (страна) — **5, 6**, 17, 113, 129, 137, 169, 172, 175, 200, 202, 225, **247**, 248, 266, 326, 355, 393, 400, **402**, 404, 406, 407-411; ее захват Россией — 376.
Маньчжуро-китайская война — 249-250, 266.
Маньчжуро-китайская торговля в XVII в. — 250.
Маньчжуро-корейская война — 251.
Маньчжурская династия в Китае — см. «Цин» (не смеш. с «Цинь»).
Маньчжурские гарнизоны в Китае — 262, 286, 287.
Маньчжурские набеги на Север. Китай — 236, 249, 251.
Маньчжурский обществ. строй и быт — 261.
Маньчжурское государство перед завоеванием им Китая — 252.
Маньчжурское завоевание Китая — 167, 252 -255.
Маньчжуры в Китае — 334, 366, 374.
Марк Аврелий Антониус, римский император («Аньтунь» кит. историков) — 104.
Марко Поло, путеш. XIII в. — 22, 204, 206, 222, 343, 346.
Маслобойная промышленность — 420.
Масперо, китаевед — 138, 147, 161.
Матвеев, З. Н., востоковед — 247.
Математика — 365.
Матусовский, географ-китаевед — 346-349.
Маурия, сев.-индийское государство. — 66.
Махаяна — 118, 120.
Машин ввоз в Китай — 420, 425.
Мебель на экспорт — 347.
Медная монета — 146, 165, 208, 328.
Медь — 186, **280**, 348.
Мексика, сообщение о древних связях ее с Китаем — 69.
Месопотамия — 31, 53, 54, 56, 75, 104, 132, 147, 186, 192.
Местные власти — **286**, 287, 303.
Местные (узкие) рынки — 40, 56, 142, 344, **349**, 391, 393, 416.
Металлургия — 420.
Меха и торговля ими — 89, 267, 268, 270, 273, 274, 348.
Механические двигатели — 418, 420.
Мечети — 162.
Мещанская драма, ее образцы — 211.
Милитаризм и милитаристы — 327, 345, 354, 382, 390, 394, 398, 410.
Мин династия — 42, 90, 99, 167, 205, 213, 218, **220-241**, 262, 276, 277, 284, 285, 292, 310, 327, 331, 348, 370.
Мин-ди император (58-75 г.) — 101, 119.
Минусинский край в Сибири, его заселение и истор. прошлое — 269, его торговля — 273.
Миньюэ, древнее государство в Фуцзяни — 85-88.
Мировая война 1914-18 г.г. — 410; участие в ней Китая — 355, 398, 411.
Мировое значение кит. истории — 23-26, 81, 83, 208.
«Миролюбие китайцев» — 293.
Миссионеры христианские — **139**, 165, 204, 236, 274, 332, 343, 360, **364, 365**.
Митридат парфянский — 77.
Мицуи и Мицубиси — 261.
Моди, философ-альтруист — 60.
Молуккские острова — 67, 259.
Монархический переворот 1917 г., — 388, 399, 427.
Монастыри и монахи — 120, 121, 144, 162.
Монголия, географ. данные — 6, 11, 12, 106; История: — 115, 169, 172, 175, 177, 200, 202, 223, 225, 228, 236, 266, 271, 279, 281, 285, 288, 289, 346, 348, 355, 392, 408, 410, 411, 421.
Монголы, их быт — 81; завоевания 177-180, 182, 191-193, 197-202; господство в Китае — 208-215. После потери власти в Китае — 223, 249. См. также «Монголия».
Монгольская автономия и ее отмена — 400, 411.
Монгольская республика — 411.
Монгольские набеги на Китай при дин. Мин — 232, 235.
Монгольского завоевания предпосылки — 197.
Монгольское нашествие на Русь и др. страны Запада — 24, 178, 198.
Монгольской империи строение — **200**, 202, 204.
Монеты — 90, 129, 137, 146, 160, 165, 208, 380. См. «Деньги», «Медь», «Золото», «Серебро».

Монополии — 90, 184, 280, 304, 307, 311, 318, 319, 328, 329.
Монте Корвино, архиепископ пекинский в XIII в. — 204.
Морган — 410.
Мореплавания — 35, 128, 132, 184, 225.
Морзе, китаевед — 280, 301, 303, 426.
Морские продукты, торговля ими — 184.
Морские экспедиции и завоевания — 35, 218, 219, 222.
Морфий, торговля им — 416, 423, 424.
Моря значение — 27, 28, 34, 36.
Моряков забастовка в 1922 г. — 428.
Москва, как стык Запада с Востоком — 24.
Мохэ, тунгус. племя — 172.
Мрамор — 347.
Музыка — 74.
Мукден (или Мукдэнь) — 6, 11, 250, 387, 402, 407.
Мукденская провинция — 6, 84, 236, 247, 248, 266.
Мукомольные предприятия — 418, 419, 426.
Мукдэнь — см. «Мукден».
Мульмэйн в Бирме, транзитный узел — 183, 186.
Мультан в Сев. Индии — 178.
Мускус — 348.
Мусульмане — см. «Магометане».
Мусульманское восстание — 339, 348.
Мэнцзы, древний философ — 59, 60.
Мяоцзы, народность на юге Китая — 306, ее восстание — 306, 339.
Мыла производство — 420.

Н.

Набеги пиратов — 231, 258.
Навигационные законы XII в. — 184.
Наводнение Хуанхэ — 37, 327.
Наделы земельные — 142, 191.
Надписи древние — 52.
Названий провинций и городов происхождение — 13, 173.
Названия, дававшиеся Китаю — 106, 168.
«Наибольшее благоприятствование» — 341.
Найман, монг. племя — 177, 178.
Наказаний замена денежным взносом — 90, 94, 230.
Накопление — 345, 355, 394, 416.
Налоги — 33, 62, 89, 90, 142, 145, 146, **186-189**, 203, 223, 226, 227, 232, 281, 392.
Нанка, материя — 346.
Нанкин (Наньцзин) — 9, 113, 120, 133, 173, 174, 201, 224, 230, 232, 252, 259, 333, **337**, 343, 346, 388, 391.
Нанкинский договор 1842 г. — 330, 433.
Нанкинская конституция 1912 г. — 396.
Нанман — см. Южно-Маньчжурская ж. д.
Нань — соотв. русскому «юг» и японскому «нан».
Нань Сун (Южные Сун с 1127 г.) — 174.
Нань Тан, государство в Цзянси — 183.
Нань Тунчжоу, пром. город в Цзянсу — 420.
Наньчан, гор. в Цзянси — 9.
Нань Чжао, государство в Юньнани — 149, 172, 175, 339.
Нань Юэ, государство с центром в Кантоне — 85, 87-90.
Наполеоновские войны — 307, 316, 320.
Наркотики — 156, 417, 423. См. также «Опиум» и «Морфий».
Народная религия — 370.
«Народные» армии (Гоминьцзюн) — 432.
Населения численность — 11, 22, 98, 106, 118, 120, 132, 143-146, 150, 183, 186, 224, 262, 278, 302, 312, 313.
Населения рост, как объяснение упадка Китая — 144, 312-313.
Наследственность должностей — 148.
Натуральные повинности — 142, 188.
Науки современной основоположники — 220.
Национализация железных дорог — 385.
Национальная гордость — 174, 201.
Национальное Собрание — 384, 385.
Национально-освободительное движение в Китае — 385, 411, 412, 428, 430, 432, 438. В других странах — 437.
Национальный рынок — 344, 345.
Наян-хан — 202, 248.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ucraic.ru/

«Неба и Земли Общество» (Тяньдихуй, Триада) — 304, 305, 306, ,334 377.
«Небесного Разума Общество» (Тяньлихуй) — 306.
Невольниками торговля — см. «Рабы».
Негрская культура — 217.
Неделание принципиальное — 60, 93, 119.
Недоимки — 187, 203, 226.
Нео-конфуцианство — 194, 285.
Неоплатонизм, сходные черты с даосизмом — 119.
Непал, гималайское государство — 6, 291, 292, 297, 309.
Непобедимой Армады гибель (1588) — 256.
Неравные договоры — 392, 406, **411**, 417, 424.
Нерчинск, город в Забайкалье — 273.
Нерчинский договор 1689 г. — 272, 273, 320, 322.
Несториане в Китае — 139, **140**, **164**, 165.
Нидерландская Индия — см. «Индонезия».
Нидерланды — см. «Голландия».
Никольск-Уссурийский, открытие в нем Тан'ских монет — 137.
Нинбо, порт. город в Чжэцзяне — 9, 318, 330, 393, 422.
Нинся, город в Ганьсу — 6.
Нисихара, япон. банкир — 400.
Новая Зеландия — 317, 401, 404, 436.
Новая Каледония — 319.
Новоперсидское царство — 126.
«Новый Восток», журнал — 108, 204, 214, 217, 219, 259, 295, 344, 378.
Ножевой товар — 346.
Нотабли (именитые люди) — 283.
Нурхаци, родонач. дома Цин — 248-250, 256.
Нюйчжень и их государство — 169, 172-174, 176, 197, 248. См. «Цзиньимперия».
Няньфэй восстание — 338, 339, 363.

О.

Оазисы Вост. Туркестана, как транзитные пункты — 81; Их история и культура — 31, 81-83, 100.
Обезземеление крестьян — 90, 96, 106, 107, 190; см. «Землевладение», «Землепользование» и «Ростовщичество».
Обесценение денег — 98, 208.
Обложение — см. «Налоги».
Обороты внешней торговли — 184, 273, 280, 356, 421-423.
Общественные повинности — 142, 188, 304.
Огдай — 197, 198.
Огнепоклонники — 162.
Огнестрельное оружие — 206, 231, 249, 250, 251.
Огородников, В. И., историк — 269.
Одежда — 156, 168.
Одорик, миссионер XIII в. — 204.
Озер осушка — 187, 190, 226.
Ойраты, войны с ними — 290-294, 342.
Океания, эмиграция туда китайцев — 25.
Олово — 348, 393, 403.
Олопун, несторианский епископ — 139.
Оман — 183.
Онон, река в Забайкалье — 177, 224; битва на ней — 224.
«Опийная война» (1839-42 — 329-330.
«Описание Китайской империи» Матусовского — 346.
Опиум — 280, 307-309, 315, 318, 328-330, 348, 356, 421, 423.
Орошение искусственное — 203.
Орхонская битва — 200.
Осада посольств в 1900 г. — 374.
Оселковый камень — 347.
Ост-Индские компании — 256, 304, 307, 308, 318, 323.
Открытия великие — 217, 219.
«Открытие портов для торговли» — 280, 318, 322, 336.
Открытые порты — 344, 422, 423.
Открытых дверей доктрина — 323, 409.
Откупщики — 204.
Офицеры — 382.
Охотск, как морская база — 317.
Охотское море, достижение его русскими — 222.
Ояма — 250.

П.

Павлович — 353, 367.
Пакчё, государство в Корее — 135, 137.
Палембанг, торг. город на Суматре — 185.
Паломничество — 120, 123.
Панамский канал — 402.
Паньшень-лама — 295.
Парижский мир 1763 г. — 315.
Парикмахеры, их социальное положение — 331.
Паркер, китаевед — 58, 185, 343.
Парламент — 396-399.
Паровые двигатели — 318, 415.
Пароходство — 319, 392, 393.
Партийная борьба в XI в. — 186-189.
Партикуляризм — 311.
Парусина — 347.
Парфия и ее торг. посредничество между Китаем и Римом — 66-68, 77-80, 83, 104-105.
Патриотизм — 201.
Пегу в Бирме — 297.
Пекин (Бэйцзин) — 8, 13, 170, 173, 200, 230, 257, 268, 273, 333, 391, 431.
Пекинское сидение 1900 г. — 374.
Пекин-Ханькоуская ж. д. (Цзинхань, King-han) — 11. Забастовка на ней в 1923 г. — 428.
Пеньковые ткани — 346.
Первая империя — 63, 64, 75. Общий ход ее истории — 98.
Переворот дворцовый в 1898 г. — 368.
Переписи — 98, 146, 278, 281, 302.
Перерожденцы у буддистов — 295, 296.
Перерыв развития — 38, 39, 42, 43, 108.
Переселения — 34, 132, 143, 222, 302, 320. См. также «Эмиграция».
Перестрелла Рафаэль — 231.
Перец — 67.
«Период мрака» III—VI в.в. н. э. — 117, 118-123.
Перри флотилия — 322.
Персидский залив — 184
Персидское влияние — 122.
Персы в Китае — 131, 137, 139, 162, 185, 204.
Персия, ее история и торговля с Китаем — 27, 31, 56, 60, 65, 126, 127, 128, 137, 175, 183, 186, 192, 408.
Пескадорские острова — 235, 259, 260, 360.
Петиции — 367.
Печати преследование — 306.
Пиво — 425.
Пин Хуа-ли (написала «Эконом. историю Китая») — 32, 56, 99, 116, 121, 132, 144, 145, 190, 207, 229, 230, 233, 279, 301.
Пиратство — 220, 222, 225, 231, 232, 257, 263, 306, 327.
«Пираты» амойские — см. «Коксинга».
Письменность китайская — 58, 61. См. также «Идеографы».
Письменность маньчжурская — 261.
Письменность тангутская — 171.
Плавания китайцев, дальние — см. «Мореплавание» и «Морские экспедиции».
Плавание по рекам, право на него иностранцев — 336.
Плано Карпини, путеш. XIII в. — 198.
Плодородие — 231, 279. См. «земли истощения».
Плотность населения — 16, 22, 312-313. См. «Населения численность».
Площадь — 5, 16,; См. также «Размеры империи».
Побеги крестьян с земли — 33, 142-145, 187, 190, 226, 230, 233, 278.
Погром Пекина империалист. войсками — 375.
Подъем экономический 1851-73 г. — 326.
Подъем экономический 1894-1914 г. — 401.
Подоходный налог — 188, 189.
Позднеев, проф. — 289, 367.
Покровский М., историк — 23.
Полинезийцы — 332, 359.
Поло Марко, путеш. XIII в. — 22, 204, 222.
Попов-Татива — 353.
Порох — 24. См. «Огнестр. оружие».
Порт Артур, порт в Ляодуне — 360, 375, 407.
Портов открытие — 280, 318, 422, 423
Португалия — 20.

Португальцы на Д. В. — 219, 220, 230, 231, 235, 238, 256, 257, 280, 317, 320, 340, 404.
Порты, иностр. контроль над ними — 344.
Порты речные — 318, 322.
Посевная площадь — 33, 106, 143, 183, 186, 187, 190, 221, 230, 233, 240, 278, 312, 356.
«Потоп» — 51.
Почта — 364, 381.
Пошлины таможенные — 131, 139, 165, 184, 318, 327, 330, 416.
Поэзия — 74, 156-161, 209, 210.
Пояркова экспедиция — 269.
Правит. торговые монополии, неудачная попытка ввести их — 184.
Предательство императрицы в 1901 г. — 375, 380.
Пределы китайской культурной области — 16-17.
Приморье — 6, 36, 69, 129, 137, 202, 247. См. также «Бохай».
Провинциальная автономия финансовая — 381.
Провинциальная ограниченность — 382, 383, 391.
Провинциальное управление при Цинах — 286.
Провинциальные собрания — 381, 384, 385, 397.
Провинций и городов эконом. значение — 343-350.
Провокация, как система импер. дипломатии — 341.
Продукция текстильной индустрии — 419.
Проза художественная — 194. См. также «Роман» и «Драма».
Пролетариат — 21, 355, 415, 431, 432.
Промышленная буржуазия — 393, 415.
Промышленность, общие условия ее развития — 415, 416, 424; отрасли — 420; рост — 394, **418-421**.
Промышленный переворот в Англии — 298, 314.
Протокол боксерский 1901 г. — 376.
Протяжение империи — см. «Размеры».
Процент ссудный — см. «Ван Аньши».
Пряжи производство — 419, 420.
Пряжи импорт — 419.
Пряности — 139.
Птоломей — 28, 127, 214, 267; его карта — 106, 267.
Пугачева восстание — 290.
Пуговиц производство — 425.
Пунти (кантонцы) — 331.
Пу И, экс-император — 389, 399.
Пукоу, город близ Нанкина — 11, 388.
Пути сообщения — 10, 29, 34, 142, 416.
Пути в Западную Азию и Европу — 34, 83, 86, 100, 103, 128, 129. См. «Великая Стена».
Пять династий (907-960 г.) — 124, 151-154, 169, 182.
Пьянство — 156.

Р.

Рабочих численность — 419.
Рабочее движение — 427-429, 430, 433, 438.
Рабочей силы дешевизна — 420.
Рабы, торговля ими — 185, 434.
«Равновесие держав» — 361.
Радек — 330, 353, 367.
Разбои — 236, 237.
Разговорный язык в литературе — 213.
Разложение старого порядка — 310-311, 394, 396.
Размеры государств в Китае — **5**, 16, 17, 84, 89, 137, 138, 153, 154, 172, 174, 182, 265, 289, 290, 293, 296.
Разрыв и восстановление хозяйственных связей (в XIX-XX в.в.) — 30, 327, 334, **343-350**, 354, 357, 363, 364, 377, 390, 391, 394, 395.
Ранги — 182.
Рангун, порт в Бирме — 132.
Расовый престиж — 341, 359, 375.
Распадение Первой империи во II-III веках — 108-113.
Распадения государственного типические черты — 33-34.
Растительные масла — 348.
Ревень — 185, 308, 348.
Революционные выступления до 1911 г. — 367, 383, 385.
Революционные движения в Азии в XX в. — 408.

© ГУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Революция 1905 г. в России и ее отражения — 355, 383.
Революция 1911 г. — 265, 344, **385-389**, 392, 394-396, 408, 430.
Революция 1925 г. и после — 430-434.
Регенты в Китае — 367; в Тибете — 292.
Регресс — 218, 220.
«Редкости», как предметы вывоза — 417.
Рек значение — 11, 28-29, 37.
Религия — 118, 120-123, 161-165, 193, 209; См. также «Буддизм», «Даосизм», «Христианство», «Магометанство», «Иудейство».
Религиозная политика — 161, 162, 164, 294, 295, 296.
Ремер, китаевед-экономист — 301, 304, 416, 418.
Ремесла — 307, 415.
Республики основание — 389; признание — 397.
Реформы 90-ых годов — 366-368. См. Кан Ювэй.
Реформы 1901-11 годов — 380-406.
Реформы Ван Ань-ши — 188-189.
Речные пути — 11, 29.
Римское государство — 56, 67, 75, 80, 103-105, 117, 125.
Римляне в Китае — 104.
Рис и рисовая торговля — 184, 230, 259, 335, 346-348, 391, 392.
Ритуальные наветы — 365.
Рихтгофен, географ — 347, 348, 364.
Ришар, китаевед-географ — 85, 331, 332, 346-349.
Родос, торг. центр — 67.
Рожков Н. А., историк — 53, 73, 105, 112, 181, 273.
Рокхилл, китаевед — 106.
Роман — 209, 212, 213.
Роскошь — 234; р-ши предметов ввоз — 56, 105, 185, 186.
Россия — 17, 31, 126, 175, 192, 200, **221**, 256, 267, 289, 292, 296, 314, 320, 421.
Рост ее территории — **221-222**, 256, 268, 291, 315, 321, **322-324**.
Торговля с нею Китая — **273**, 274.
Ростовщики — 56, 90, 144, 187-190, 226, 283, 284, 302.
Ртуть — 348.
Рудаков Апол. Вас., китаевед — 160, 372, 373.
Рузвельт, его посредничество и предательство — 407.
Русская колонизация Сибири — 268, 269.
Русские и отношение к ним к-ев — 257, 261, 266, 274; их завоевание Амура — 254, 255.
Русско-китайские диплом. отнош. в XVII и XVIII веках — 270-275.
Русско-японская война — 1904-5 годов — 354, 380, 406, **407**.
Рюкю, острова и государство (Ликейские острова) — 28, 35, 36, 133, 134, 219, **225**, 296, 324, 353, 359.

С.

Сайгон, порт. город в Индо-Китае — 322.
Сакиа Муни — 118. См. «Буддизм».
Салуэнь, река — 183.
Самарканд — 178, 204, 324.
Самодержавие — см. «Абсолютизм».
Самообороны отряды — 428.
Самураи-пираты — 231, 232.
Сань Го (Троецарствие) — 108-114, 131.
Сань Го Чжи Янь И (назв. романа) — 111, 212.
Саньфань восстание — 286, 310.
Сарбаза (Палембанг), на Суматре — 185.
Сассаниды, перс. династия — 137.
Сахалин — 249, 407.
Сахар — 185, 279, 346, 348, 357, 421, 426.
Сборы таможенные — см. «Пошлины».
Сборы транзитные — 146. (При Танской дин.); см. также «Лицзинь».
Свечи, их производство — 420.
Свободная торговля — 318, 325.
Связей хозяйственных разрыв — см. «Разрыв хоз. св.».
Северное Вэйское государство (Бэй Вэй) — **117**, 120, 133, 161, 176.
«Северная экспедиция» кантонской армии — 433.
Секуляризация — 144, 162, 164.
Сеймур, адмирал — 374.
Селевкиды, греко-сирийская династия — 65, 66.

Семипалатинск, на Иртыше — 273, 282, 324.
Сен-жерменский договор — 267.
Серебро — 35, 146, 169, 185, 190, 204, 208, 240, 250, 280, 328, 329, 416. См. «Дань» и «Лан».
«Серика» — 106. См. «Названия Китая».
Сеул, столица Кореи — 89, 234, 251, 259.
Сеульский инцидент 1884 г. — 359.
Си (запад) — 13, 173.
Сиам — 12, 127, 132, 138, 183, 186, 232, 296, 297, 319, 321, 357, 403, 405, 412.
Сиань (Чан'ань) — 8, 100, 112, 133, 343, 348, 406.
Сиатль (большой город на Тихоок. побер. США) — 402.
Сибирь — 6, 279, 290, 315, 402, 436; ее завоевание и основание городов — 256, 268, интервенция в С. — 411.
Сиккавэйский научный институт (близ Шанхая) — 365.
Сикким, область в Гималайских горах — 6, 316, 321.
«Сильные люди» — 428.
Симлаская конференция (англо-тибето-китайская в 1912 г.) — 408.
Симоносекский договор 1895 г. — 360, 415.
«Сина» (одно из названий Китая) — 106.
Сингапур — 316, 328.
Синд (область на нижнем Инде) — 78.
Синин, гор. в Ганьсу — 293.
Силла, древ. государство в Корее — 135.
Синьцзян, провинция — 6, 339; см. «Восточный Туркестан».
Синьцзы, философ — 60.
Сипаев восстание в Индии (1857 г.) — 323.
Сираф в Персии — 183.
Сирия (включая Палестину) и сирийцы — 30, 65-67, 83. 185, 214.
Си Ся, тангутское государство — 171, 172, 175-179, 182, 190, 192.
Сицзян, река — 7, 10, 88 (см. опечатки); см. «Жемчужная р.».
Скифия и скифы — 81, 106.
Склады казенные — 188, 189, 233.
Скотом торговля — 191, 347.
Скульптура — 119, 120, 161, 209.
Скупщики — 307.
Сложение налогов — 145, 203.
Собственно-Китай, (геогрф и эконом.) — 5, 7, 345-350.
Совет законосовещательный при Юань Шикае — 397.
Советский Союз — 405, 406.
Советско-китайский договор — 411.
Согдиана — 66-68, 77, 79, 81.
Соединенные Штаты Америки (США — U.S.A.) — 17, 222, 257, 315, 320, 322, 323, 324, 361, 383, 401, 402, 404, 406-410, 436.
Сожжение книг — 59, 70.
Соловьев, историк — 273.
Солоны, племя в Маньчжурии — 248.
Соляной налог — 90, 145, 146.
Соль — 90, 346, 347.
Сословия — 73, 283, 284.
Спекуляция хлебом — 191.
Спичек производство — 420.
Справочники о торговле в Китае в XIV в. (на Западе) — 204.
Средиземноморская культ.-истор. область — 16, 27, 64.
«Срединное цветущее государство» (Чжун Хуа Го) — 314.
СССР — см. «Советский Союз».
Ссудный процент — 188.
Ссуды крестьянам при Ван Ань-ши (правит.) — 188, 189.
Сталь — 184.
Становой хребет — 267, 272.
Станки текстильные — 419.
Стантон, автор книг о Китае — 306, 334.
Стеклянные изделия — 105, 132, 307, 346, 415, 420, 426.
Стена Великая — 11, 15, 19, 62, 251, 252, 282.
Степняков передвижения — 31, 34, 40, 114, 117, 167.
Степь, как фактор истории — 31-34.
Стихи — см. «Поэзия».
«Сто дней» реформ — 363-368.
«Столб изменников — см. «Ван Ань-ши».
Студенты и студенч. движение — 21, 380, 382, 426, 430, 439.

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.by

Судебная власть — 263, 303.
Судоремонтные мастерские — 415.
Суй, династия (581-617 г.) — 116, 124, **132-133**, 138, 142, 147, 161, 176.
Суйюань, область на севере — 6.
Сукнами торговля — 274, 307.
Сулейман, султан в Юньнани — 339.
Суматра — 12, 126, 183, 185, 225, 228. См. «Палембанг» и «Сарбаза».
Сун, династия (960-1280) — 42, 124, 151, 153, 161, **166, 181-194**, 201, 265, 284, 331, 347, 415.
Сунгари, р. в Маньчжурии — 7, 106, 172, 222, 247, 267, 270, 407.
Сунская философия — 166, 194, 285.
Сунцзян, город южнее Шанхая — 346.
Сун Ши (история дин. Сун) — 184.
Сунь Исян — см. «Сунь Ятсен».
Сунь Чжун, имп. (1573-1619) — 234.
Сунь Чуань — 112, 113.
Сунь Чуаньфан — 431, 433.
Сунь Ятсен (по-северному: Сунь Исянь) — 12, 365, 366, 379, 385, 388, 389, 400.
Сучжоу, гор. в Ганьсу — 9; в Цзянсу — 50, 343.
Сушэнь, тунгус. племя — 247.
Суэцкий канал — 316, 324, 358.
Сферы влияния и интересов — 354, 364, 406, **409**, 410.
С. Ш. А. — см. «Соединенные Штаты Америки» (U.S.A.).
Сылла, древнее госуд. в Корее — 135-138.
Сыма (фамилия) — 92, **94**, 97, 112, 114, 116.
Сыма Гуань, историк XII в. н. э. — 187, 189.
Сыма Тан — 92.
Сыма Цянь, историк II-I в. до н. э. — 72-74, 79, 81-83, 87, 90, **92-97**, 114, 187.
Сычуань, провинция — 7, 8, **9**, 11, 15, 58, 78, 84, 86, 87, 93, 113, 152, 153, 154, 175, 199, 224, 230, 237, 253, 264, 265, 286, 287, 306, 346, 347, **348**, 373, 386, 391, 400, 408, 420, 426, 427.
Сычуаньское восстание 1911 г. — 385-386.
Сюй «маленький» — 399, 400.
Сюй Шичан, сановник, ученый, президент — 399, 400.
Сюнну (или Хунну) — 93. См. «Гунны».
Ся древняя полулегенд. династия — 52, 53.
Сянтан, город на р. Сянцзян, в Хунани — 347.
Сянь бэй (племя) — 116.
Сянь-ди, император — 108.
Сяо У-ди, император V в. — 117.
Сяо Цзун, император (1488-1505 г.) — 230.

Т.

Таити, обоснование на нем французов — 319.
Тайван — 235. См. «Формоза».
Тайгу в Шаньси — 346.
Тай И («великое единство») — 74.
Тайные общества — 304-306, 328, **334**, 370-372, 377-378.
«Тай пин» — 332.
Тайпинское восстание — 13, **43**, 314, 322, **326-338**, 363, 377, 379, 390, 391, 416.
Тайпины, их армия — 335, 336, 337, 338; внутр. политика — 333-335; литература о них — 335.
Тайцзу (Хун У), основ. дин. Мин — 223.
Тайцзун, импер. (627-649 г.) — 135, 136, 139, 141, 142, 163, 164, 165.
Тайюань, город в Шаньси — 82, 333, 344.
Таку, укрепления — 336, 375.
Тамерлан — 205, 224.
Таможни — 184, 327, 330, 338, 416. См. также «Пошлины».
Таможни внутренние — 184, 416. См. «Сборы транзитные».
Тан, династия (618-907 г.) — 31, 74, 122, 124, 128, **134-165**, 176, 210, 247, 266, 284, 289, 292.
Тангуты — 168, 170, 171, 175, 177, 182.
Танской династии завоевания — 134-140.
Танской империи распад — 149-153.
Танцовщицы — 210.
Таримский бассейн — 79, 85, 103, 294; см. «Вост. Туркестан».
Та Ся (кит. назв. Бактрии) — 77, 86.
Татаре — 213, 214, 215, 222.
«Татарские генералы» — 287.

Сохраним в Г Беларуски http://bookinist.net.ru/

Таэль — см. «Лан».
Та Цинь (кит. назв. Римской империи) — 80, 104.
Театр — 210.
Текстильная индустрия, машинная — 364, **418, 419**, 425.
Телеграф — 319, 364, 365, 381, 425.
Телин — 250.
Темучин — 177-179, 192, 197.
Территория империи — см. «Размеры».
Тибет, английская агрессия в Т. — 316, 321; буддизм в Т. — 121, 285, 199; войны Т. с Китаем — 150, 176. География Т. — 6, 11; господство в Т. Китая — 17, 134, 135, 141, 281, **289-296**; история Т. — 49; 172, 199, 200, 202, 266, 326; культурное влияние Китая — 35, 124. Отделение от Т. восточной окраины — 86, 280; торговля Китая с Т. — 279, 295, 348.
Тибето-английский договор — 407.
Тимор, остров (10° ю. ш. 125° в. д.) — 317.
Тимур (Тамерлан) — 205, 224.
Титулы — 73, 90, 286.
Тихий океан, незнание его древними — 267; господство англичан — 317.
Тихоокеанские острова, овладение ими — 317.
«Тихоокеанские Проблемы» Доливо-Добровольского — 403.
Тихоокеанское побережие Америки — 317, 320, 402.
Ткани хлопчатобумажные — 132, 273, 274, 279, 307.
Тоба, племя — 116, 117, 133, 176.
Тобольск — 24, 282, 296.
Того, япон. адмирал — 360.
Токугава, династия в Японии — 71, 162, 194, 222, 234, 257, 366.
Тола, река в Монголии — 225.
Толбузин, албазинец — 271.
Томск — 256.
Тон в произношении — 13, 157.
Тонкин — 10, 29, 84, 85, 101, 104, 113, 192, 199, 324, 339, 340, 379.
Тоннаж входящих в кит. порты судов — 356, 422.
Тонхаки в Корее — 359.
Торговля Китая **внешняя** — 19, 30, 32, 35, 41, 56, 65, 67, 81, 101, **105**, 127, 128, 131-133, 137-139, 142, 147, 166, **183-186, 203-205**, 219, 225, **279**, 280, 306, **307**, 327, 346, 356, 363, 364, 393, 416, **421-424**.
Торговля внутренняя — 30, 35, 56, **73**, 99, 101, 142, **145-147**, 151, 156, 166, 191, 279, 327, **343-350**, 391-393.
Торговля внутренняя, надзор за ней правительства — **99, 101**.
Торговля России вообще — 324, 402.
Торговля России с Китаем — 274.
Торговля С.Ш.А. — 403, 404, 421.
Торговля Японии — 402-404.
Торговые палаты — 426, 429.
Торговых связей направление — 29, 30.
Торгоуты (калмыки) — 290, 294.
Трагедия — 210.
Транзитные сборы — 146.
Транскрипция — 12.
Трех Князей восстание — 261.
Триада (Тяньдихуй) — 304, 306, 334, 377.
Трикотажное производство — 420.
Тридцатое мая 1925 г. — 432.
Туалет. вещей произв. — 425.
Туземное (инородч.) самоуправление — 286, 287.
Тунгуань, горный проход — 8, 112, 115, 152, 197, 237, 252.
Тунгусы — 168, 247.
Туран, порт в Анваме — 184.
Турецкие (тюркские) степные империи — 136. См. «Турки».
Туркестан — 31, 81, 82, 102, 120-122, 138, 140, 178, 266, 324, 358.
Туркестан Восточный — см. «Восточный Т.».
Турки (тюрки) — 24, 81, 131-133, 136, 138, 198, 200, 221, 321.
Тушь — 346.
Турфан — 81, 102.
Тушету-хан — 292-296.
Тюкуэ — см. «Турки».
Тюрки — см. «Турки».
Тянь, государство — 86, 87.
Тяньдихуй — см. «Триада».
Тянь Ли (Небес. Разума Общ.) — 306.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

Тяньцзин (Нанкин) — 333.
Тяньцзинь — 8, 11, 13, 29, 81, 322, 336, 375, 417.
Т—ский инцидент 1871 — 340.
Т—ский яп.-кит. договор — 359.
Тяоши — 79.

У.

У, император — см. У-ди.
У, одна из империй эпохи Сань Го — 131.
Уголь каменный — 346, 347, 364, **420.**
Уделы — 71, 224. См. «Лены».
Уеди, император (140-90 г. до н. э.) — 72-77, 81-82, 86-89, 93-98, 113, 149.
Узбекистан — 65, 77.
Уйгуры — 81, 150, 165, 171, 176, 214.
Улан Батор (Урга) — 6, 200.
Уложение судебное — 226.
Улус (лен, удел) — 248.
Унгерн, барон — 411.
Университеты — 368.
Упадок городов после тайгпинов — 349.
Упадок Первой империи — 75, 76.
Управления организация — 147-148, 182, 286.
У Пэйфу — 428, 429, 431, 433.
Урга — 6, 200, 273.
Урожайность — 187, 191, 231, 279, 312.
Урумчи — 81.
У Саньгуй, кит. изменник — 237, 252, 254, 255, 261-265, 267, 284, 306.
Уси, город близ Шанхая — 420.
Уссурийский край — 322.
Утингуань, тракт — 348.
Ухань — 9, 11, 50, 333, 343, 344, 347, 349, **386**, 420, 433.
У Хоу — см. «У Ши».
Уху, город на Янцзы — 333, 387.
У Цзун, имп. (1506-1521 г.) — 227, 240.
У Цзэ-тянь — см. «У Ши».
Учан, часть Уханя — 9, 11, 50, 116, 332, 386.
Учанского гарнизона восстание в 1911 г. — 386.
Учащиеся за границей — 354, 380, 381, 382.
У Ши, императрица VII в. н. э. — 139, 140, 143, 145, 164.
Уэк, о-в в Тихом океане — 402.

Ф.

Фабрики — 418, 419, 420, 425.
Фабрикатов экспорт — 420.
Фактории — 315.
Фальклэндские острова — 317.
«Фань Цин, фу Мин», антидинаст. лозунг — 276, 282, 306.
Фарфор — 9, 30, **147**, 161, 166, 183, **185-186**, 204, 209, 221, 226, 234, 279, 308, 309, 336, 338, 346, 357, 415, 420.
Фа Сянь, пилигрим — 120.
Феодализм в Китае — 41, **54-63**, 70-75, 90, 114, **115**, 262, 287, 310, 345, 348, 355, 394; у маньчжур — 261. См. «Лены» и «УСаньгуй».
Феодалы, борьба с ними при Хань — 70-72.
Феодальная реакция при Хань — 70.
Феодальный распад в VIII в. до н. э. — 57.
Фергана — 6, 82-85, 89.
Филиппины — 10, 12, 28, 35, 36, 127, 183, 185, 232, **235**, 259, 315, 317, 357, 361, 401, 402, 403, 412.
Философия — 41, **60**, 124, 165, 166, **194**, 209, 210, 230, 285.
Финансовая система — 286, 287.
Финансы при Хань — 89-90.
Фирдоуси (поэт) о Китае — 128.
Флот военный — 205, 340, 366.
Флот коммерческий — 35.
Флота нейтралитет в 1911 г. — 387.
Форменная одежда — 148.
Формоза (Тайван) — 10, 137, 235, **259-261**, 262, 265-267, 271, 283, 287, 304, 331, 340, 350, 359, 360, 424.
Формозская война — см. «Коксинга».
Фашань, в Гуандуне — 347.
Фрегат Паллада — 206, 225, 322.
Франция — 336-340, 358, 360, 361, 410; ее первая колониальная империя — 257, 267, 272, 314, 315, 319, 320; войны Фр. с Китаем — 183; новая колониальная империя — 321-324, 336-340, 404, 410.
Фритредерство — 317, 325.
Фудзивара, правивший в Яп., род. — 114.
Фузан, порт в Южн. Корее — 234, 253.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://bookurai.ru/

Фуцзянь, провинция — 8, **9**, 11, 61, 84-87, 113, 152, 153, 201, 233, 234, 254, 258-261, 264, 265, 328, 331, 338, **347**, 410, 433.
Фучжоу, гл. город Фуцзяни — 10, 318, 330, 340, 387, 422.
Фушунь — 249.
Фын Гочжан, президент — 398.
Фын Юйсян — 389
Фынь, река — 49.
Фыньян, гор. в Аньхоуе — 346.
Фэй-ди, импер. — **108**.
Фэйская битва — 115, 116.

X.

Хаган (великий хан) — 200.
Хайнань, остров — 10, 11, 137, 230, 331, 350, 361.
Хакка, этнич. группа — 201, **331-332**.
Халифат великий — 128, 192.
Халха (Внешняя Монголия) — 137, 290-294, 408.
Хам или Кам, сычуаньско-тибет. область — **408**.
Хами, в Вост. Турк. — 93, 102, 293.
Ханчжоу (Линьян), в Чжэцзяни — 9, 11, 133, 174, 184, 201, 343, 387, 393, 420.
Хань, династия (с III в. до н. э. по III в. н. э.) — 17, 39, **41**, **62-114**, 131, 265, 289, 377, 415.
Хань, река — 9, 348, 386; крепости на ней — **199**, 201.
Ханькоу (часть Уханя) — 9, 332, 386, 434.
Хань У-ди — т. е. У-ди династии Хань.
Ханьян (часть Уханя) — 9, 332, 386, 388, 389.
Харбин — 6, 7, 393, 420.
Хвостов, историк — 105.
Хидейоси, япон. правитель конца XVI в. — 234, 235, 359.
Химикалии — 425.
Хинаяна — 119, 120. См. «Махаяна».
Хинган, горн. хребет — 175, 247, 408.
Хлеба доставка в Сибирь — 268, 269.
Хлебная торговля — 184, 191, 230, 233, 235, 335, 346, 356, 391.
Хлопководство — 421.
Хлопок — **30**, 185. 279, 324, 346, 348, 391, 418, 420, 421.
Хлопчатобумажные ткани — 30, 184, 185, 273, 274, 279, 307, 337, 338, 346, 356, 419, 425.
Хо-ди, император — 107.
Ходоров, А. Е., автор трудов о соврем. Китае — 353, 367.
Хозяйственных связей разрыв и восстановление — см: «Разрыв хоз св.».
Хоккайдо, северный большой остров Японии — 136.
Хорезм — 178, 192.
Хотан, в Вост. Турк. — 102, 294.
Христианство в Китае — 18, **139**, 162, 164, 165, 178, 183, 204, 236, 332, **364**.
Хронология — 38, 48, 52.
Хуай, река — 7, 8, 201.
Хуанди — 50, 140, 164.
Хуанхэ (Желтая), река — 6, 7, 11, **37**, 40, 49, 133, 153, 168, 169, 177, 178, 327.
Хуан Чжао, вождь повстанцев в IX в. — 152.
Хубилай, основатель монг. династии в Китае (Юань) — 199-202, 205, **206**. 213, 231.
Хубилган (перерожденец) — 295.
Хубэй, провинция — 8, **9**, 50, 57, 85, 113, 173, 175, 230, 233, 237, 306, 334, 346, **347**, 348, 349, 373, 387, 426.
Художественная критика — 193.
Художников положение в обществе — 193.
Хуйчжоу — 346.
Хукоу, гор. в Цзянси — 387.
Хулуга, монг. хан — 199.
Хунань, пров. — 8, **9**, 11, 49, 57, 61, 84, 85, 86, 113, 153, 173, 230, 233, 253, 264, 265, 286, 332, 334, 342, **347**, 387, 426, 433.
Хун Сюцюань, первый вождь тайпинов — 331, 332.
Хун У, основ. дин. Мин — 218, 224.
Хунну (или сюнну) — 93. см. «Гунны».
Хуньчунь, город в Вост. Маньчжурии — 374.
Хэй (Гэй) статс-секрет. С.Ш.А. — 361.
Хэйлунцзян, одна из трех провинций Маньчжурии — 6, 247, 400, 427.

Хэнань, провинция — **8**, 58, 113, 152, 173, 174, 237, 306, 331, **346**, 348, 391, 433.

Ц.

Цао Кунь, президент.
Цемент — 420.
Цейлон — 66, 120, 219, 225, 259, 316.
Цен рост — 426.
Цензоры — 148.
Централизация — 182, 389.
Церковь — 117-122, **161-165**, 229, 240, 294-296; земли ее — 162; надзор за ней — 162.
Цехи — 303, 377, 426.
Цзинь (Золотая), династия и империя XII-XIII в.в. — 172, 173, 175-179, 181, 184, 185, 190, **191-193**, 247, 248, 255.
Цзинь, династия IV-V веков н. э. — 114.
«Цзинь», «Цин» и «Цинь» — 255.
Цзиньчжоу, гор. в Юж. Маньчжурии — 251.
Цзюцзян, город в Цзянси — **9**, 333, 343, 387, 434.
Цзяннань, район — 9, 420.
Цзянси, пров. — 8, **9**, 11, 57, 61, 84, 86, 93, 173, 183, 331, 334, 338, **346**, 420, 426, 433.
Цзянсу, пров. — **8**, **9**, 58, 84, 175, 334, **346**, 383, 391, 420.
Цзяочжоу («Киаочао») — 360.
Цин, династия 1644-1911 г. (маньчжурская) — 237, 238, 276-278, 282, **283**, 306, 322, 337, 354, 369, 376, 383, 387, 389, 390, 394, 396.
«Цин», «Цинь» и «Цзинь» — 255.
Циндао, порт. город в Шаньдуне — 8, 11, 360, 372, 410, 416, 420, 432.
Цинь, государство, объединившее Китай — 58-63, 65.
Цинь, династия III в. до н. э. — 39, **60-63**, 85, 106.
Цинь Ши-хуанди — 41, 59, **60-63**, 64, 70, 75, 78, 85, 133.
Цицигар (обычно: Цицикар) — 7, 271.
Цусима, острова в Корейском проливе — 197, 198, 358; мор. бой под Ц. в 1905 г. — 407; русская оккупация их — 358.
Цыновки — 347, 416.
Цы Си, императрица — 367, 368, 373, 375, 380-387.
Цюаньчжоу, город в Фуцзяни — 139, 183, 184.
Цю Цзинь, революционерка — 383.
Цянь Лун, император XVIII в. — **282**, **283**, 287, 301, 302, 305, 311, **376**.

Ч.

Чай — 30, 105, 132, 145, 171, 185, 273, 279, 280, 307, 308, 346, 347, 348, **356**, 391, 417, 421.
Чан'ань, в Шэньси, древняя столица — 8, 100, 112, 133, 149, 155, 161, 343, 348.
Чандрагуйта, царь в Индии — 66.
Чанша, город в Хунани — 9, 11, 84, 332, **347**, 387, 420.
Чао Чао, участник междуусобной войны во II в. — 112-114.
Чахар, область — 6; Ч. племя — 251.
«Черные вороны» — 152.
«Черные флаги» — 339, 340.
Чжаочжоу оборона (тайпинами) — 338.
Чжан Сюнь, реакц. генерал — 388, 399, 426.
Чжан Цзолинь — 263, 400, **427**, 428, 431.
Чжан Цянь, посол имп. У-ди — 77, 82-87.
Чжан Чжидун, автор полит. памфлета 1895 г. — 365.
Чжили, пров. — **8**, 40, 49, 58, 114, 153, 230, 266, 306, **347**, 373.
Чжилийская группа милитаристов — 427.
Чжифу (обычно: Чифу) — 346, 387.
Чжоу, династия — 39, 55, 56.
Чжуан Цзы, философ даосец — 119.
Чжун-ван, герой тайп. восст. — 335-337.
Чжунгария (или Джунгария) — 83, 102, 135, 290, 294.
Чжун Го (государство Середины) — 168, 296.
Чжу Си, философ — 194, 285.
Чжендин, город в Чжили — 347.
Чжэн Хэ, нач. морск эксп. в XV в. — 225, 228.
Чжэн Чэнгун — см. «Коксинга».

Чжэцзян, пров. — 7. 8. **9**. 58. 61, 84, 86, 131, 133, 152, 153, 201, 253, 258, 306, 331, **347**.
Чингиз-Хан — 61, 177, 197.
Чиновники — **61**, 72, 262, 283.
Чифу — см. **Чжифу**.
Чу, древнее госуд. на Янцзы — 57, 59, 70, 85.
Чукотская земля — 69, 272.
Чунцин, реч. порт в Сычуани — 9.
Чэнды, в Сычуани — 9, 113, 114, 348.
Чэнь Цюнмин, противник Сун Ятсена — 431.

Ш.

Шаванн, францyз. китаевед — 67, 72, 74, 81, 90, 92, 93, 96.
Шан, династия II тысячелетия до н. э. — 52.
«Шандунг» — 173.
Шанхай — 7, 11, 84, 330, 346, 379, 387, 400, 415, 420, 422, 432.
Шанхайский промышленный район — 9, 418, **419**, 431.
Шаньдун, пров. — 8, 11, 40, 49, 152, 173, 230, 306, 331, **346**, 360, 372, 387, 410, 411.
Шаньси пров. — **8**, 40, 49, 113, 114, 138, 153, 173, 175, 237, 331, **346**, 349, 373, 387, 391, 393, 420.
Шаньсиские банкиры — 183, 304, 346.
Шаньхайгуань, город в Чжили — 7, **236**, 237, 252, 255, 375, 431.
Шелк и шелководство — 30, **50**, 131, 169, 175, **185**, **273**, 274, 279, 280, 307, 308, **333-336**, 347, 357, 393, 416, 417, **421**.
Шерсть — 348, 393.
Шилка, река в Забайкалье — 224, 272.
Ши Цзун, импер. (1532-66 г.) — 227.
Школы — 161, 365, 368, 381. См. «Студенты».
Шкуры — 274, 393.
Шляп изготовление — 416.
Шмоллер — 22.
Шпильман — 330, 342.
Шу, государство — 113, **114**.
Шунь, легендарный идеальный царь — 47, 51, 53, 152.
Шуньдэ, город в Чжили — 347.
Шэньси, провинция — **8**, 11, 40, 49, 58, 113, 173, 236, 237, 253, 264, 339, 347, **348**, 349, 420, 433.
Шэнцзин, кит. назв. Мукдена — 6.
Шэн'ян, древнее назв. Мукдена — 250.

Э.

Эвклида перевод — 236.
Эгейская культура — 54, 56.
Экзамены — 148, 161, 283, 284, 331, 368, 376, 380.
Экономический упадок Китая в XIX в. — 363. См. также «Разрыв хоз. связей».
Экономическое значение провинций и городов — **343-350**.
Экспедиции морские китайцев — 218, 219, 225.
Эксплоатация рабочих — 417, 419.
Экспорт — 30, 78, **105**, 132, **185**, 204, **279**, 356, 363, **416**, **422**.
Экстерриториальность — 274, 318, 380.
Электрических лампочек производство — 425.
Эллинистические государства — 23, 56, 65, 66. См. также «Бактрия», «Согдиана», «Парфия», «Египет» и «Сирия».
Эмалированная посуда, ее производство — 425.
Эмиграция — 25, 36, 121, 132, 136, 168, 235, 320, 321, 328, 380, 385, 416, 417, 426.
Эмиссия при дин. Юань (XIV в.) — 208.
Эфталиты, народность — 126.

Ю.

Юань, династия (1280-1368 г.), монгольская — 138, 139, **202-215**, 218, 223, 265, 284, 285, 289, 331, 346, 347, 377.
Юань Цзун, пилигрим — 163.
Юань Шао — 111, 112.
Юань Ши (история монг. дин.) — 208.
Юань Шикай — 354, 372, 383, 385, **387-389**, 396-398.
Юань Ши Тянь Цзун, божество — 163.
Юань-Юань-хуанди (посмертное звание Лао Цзы при Танах) — 163.
Юг Китая — 9-12, 40, **50**, 71, **84-89**, 387, 400.

Южно-Маньчжурская ж. д. (по-японски: Нан Ман тецудо) — 408.
Юй, легендарный царь — 52.
Юкатан (в Центр. Америке) — 69.
Юнпин, город в Чжили — 347.
Юньнань, провинция — 8, **10**, 11, 15, 49, 61, 78, 84, 86, 87, 93, 113, 137, 140, 149, 151, **172**, 199, 202, 224, 225, 228, 253, 254, 262, **265**, 269, 286, 287, 293, 339, 343, 347, **348**, 349, 398, 409.
Юньнаньская жел. дорога — 11, 265, 350.
Юньнаньский султан — 339.
Юньнаньфу, прежнее название гл. гор. Юньнани — 348.
Юстиниан Великий, визант. импер. 527-565 г. — 122, 125.
Юэ Дунхай, древ. гос. в Чжэцзяни — 86.
Юэ Фэй (Йо Фэй), прославл. патриот — 174, 212.
Юэчжи — см. «Юэши».
Юэчжоу (Йочжоу), город в Хунани — 9, 11, 332, 387.
Юэши, народность — 68, 71-79, 86, 103, 104, 126.

Я.

Ява, важнейший из островов Индонезии — **127**, 180, 183, 219, 225, 228, **259**, 315, 328, **340**, **401**, 412, 437.
Язык — **12-14**, 18, 21, 39, 58, 85, 111, 122, 130, **160**, 166, 213, 331.
Якутия — 268, 269, 296.
Ялу, река — 360.
Ямато, область в Японии — 136.
Ян-ди, имп. дин. Суй — 132, 133.
Янцзы (полное назв.: Янцзы Цзян) — 8, 29, 37, 40, 84, 133, 322, 329, 334, 336, 337, 343, 344, 388.
Янчжоу, город в Цзянсу — 139, 201, 346.
Ян Чжу, философ — 60.
Янь, древ. госуд. в Чжили — 58.
Янь и Инь (активное и пассивное начало) — 285.
Яо, легендарный идеальный царь — 45, 51, 53, 152.
Японии и Китая исторических судеб сравнение — 328, 357, 358, 365, 374, 417, 421.
Япония, географ. полож. ее относ. Китая — 10, 28, 404; древность историческая — 18, **49**, **68**; влияние на нее кит. культуры — 18, **36**, 69, 121, 124, **129**, **130**, 136, 160, 161, 194, 275, 296; «европеизация Я.» — 312, 314, 321, 328, 341, 365; империалистическая — 324, 353, 355, 357-360, 374, 375, 401, 402, 404, **407**, **408**, 410, 411, 416, 418, 424, 427, 431; конкуренция Японии с Китаем — 186, **357**, 417 **421**; объединение Я. — 222, 234, 257; открытие Я. для торговли — 322-323; плавания китайцев в Я. — 35, 65, **69**; феодальная Яп. — 136, 181, 205, 231, 232; Хубилая поход в Я. — **205-206**.
Японо-американская торговля — 403.
Японо-китайская война 1592-98 г.г. — 34, 234-236, **249**.
Японо-китайская война 1894-95 г.г. — 353, 354, **359-360**, 379.
Японо-китайская торговля древняя — 35, **132**, 184, 259, 275, 279, 280. (См. «Яп. пираты»).
Японо-китайская торговля нового времени — 404.
Японо-русская война 1904-5 г. — 354, 380, **406**, **407**, 408.
Японофилы — см. «Аньфу».
Японо-Яванский морской путь — 259.
Японская литература — 213.
Японские пираты — 220, 225, 231, 232, 234, 240.
Японский торговый флот — 402.
Японский язык — 18, 19, 332.
Яркенд — 6, 294.
Ясачные меха, сибирские — 270.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА.

(Слова отдела «Обзор литературы» сюда не входят).

American Oriental Society, The Journal of — 83.
«Ceramic Wares of China», книга — 147.
«China Press», шанхайская амер. газета — 119.
Chong Su-see — 105, 131, 132, 280, 301.

Colquhoun — 127.
Embroideries — 105.
«Foreign Trade of China» — 105, 132.
Giles H. — 157.
«Gems of Chinese Literature» — Hetherington — 147.
«History of Japan» — 234.
Li Ung-Bing — 287.
Marcus Aurelius Antonius — 104.
Mastery of the Pacific — 127.
Morse — 301.
Murdoch — 234.
«North China Standard» — 301.
«Outlines ot Chinese History — пред. — 287.
Ping Hua-li Mabel — пред.
Politique Interieure — 90.
Remer — 301, 416.
Spruner — 103.
Sociolog. Society; Chinese — 98
Steel Yard — 303.
Strait's Settlements — 401.
Terra incognita — 40.
Triêu — 85.
Yu Loo-tang — 119.
Yu Tinn-Hugh — 98, 132.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Использованная при составлении настоящей работы.

Li Ung-Bing. «Outlines of Chinese History». На английском языке.

История Китая от легендарных времен до момента избрания Юань Шикая на пост президента в 1912 г. Книга Ли Юнбина взята за основу при составлении настоящей работы. Из нее же взяты иллюстрации, которых у Ли Юнбина очень много. Недостаток ее — почти полное отсутствие сведений о производстве и торговле и о внешних сношениях Китая до XIX в. Никакой попытки истолкования событий в этой книге нет. До смешного мало сообщается о древних связях Китая с Западом. Достоинством книги является то, что все имена собственные даны не только в английской транскрипции, но и иероглифически, без чего ошибки и неясности неизбежны. Неприятно поражает расшаркивание автора по адресу империалистов и внутренней реакции. Читается легко.

Mabel Ping Hua-li. «The Economic History of China». Экономическая история Китая на англ. яз.

Книга издана Колумбийским университетом в США. Автор ее — китаянка, учившаяся в Америке под руководством, судя по фамилии, выходца из России. По содержанию книга является историей не всего народного хозяйства в целом, а лишь земледелия. Около 150 страниц занимает в книге сводка бывших в распоряжении автора исторических документов и около 350 страниц — сами эти документы, до сих пор б. ч. не переводившиеся на европейские языки. Пять из них дают представление о сравнительно очень высокой технике земледелия в Китае эпохи Хань. Приведенные у Пин Хуа-ли документы не позволяют составить полной картины движения хлебных цен, посевной площади, населения и т. д. (Пин Хуа-ли сама отмечает это). О Доханьском периоде данные Пин Хуа-ли скудны. Очень мало дают они и относительно времени Цин'ов. Сделана попытка выяснить историческое изменение реальных величин различных мер. Автор, повидимому, склонен к мальтузианству. При некоторых недочетах книги, она является единственной в своем

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book.utair.ru/

роде. К сожалению, достать ее не легко. В Пекине, например, ее в продаже нет. Язык книги чрезвычайно легок.

Yu Tinn-Hugh. Progress and social control in China (англ.). Автор — преподаватель высшей педагогической школы в Пекине и редактор китайского социологического журнала. Его книга — опыт социологического исследования прошлого и настоящего Китая. Развитие всякого общества, по его мнению, проходит через следующие фазы: тотемное, патриархальное, господства завоевателей, абсолютизма и конституционализма. Третье из них характеризуется развитием феодализма, который, по мнению исследователя, в Китае Чжоуской эпохи развивался, но не доразвился до конца. Абсолютизм, возникший со времени Цинь Ши-хуанди, он считает резко отличающимся от европейского в том смысле, что этот абсолютизм характеризовался новым укреплением патриархальных начал и в конечном счете задержкой развития. С 221 г. до н. э. Китай в отличие от Европы был, по его мнению, ареной не столько междугрупповых столкновений, сколько столкновений внутригрупповых — борьба лиц, семейств, родов. Большое внимание автор уделяет психологическим расовым факторам; хотя, правда, признает, что современная техника изменяет психологические особенности китайцев. Некоторые мысли автора сходны с высказанными в № 15 «Нового Востока» Канторовичем. Но, в отличие от последнего, он признает прогрессивность времени Хань'ской и Тан'ской династий. Одна из глав посвящена вопросу о движении населения в Китае. Она представляет собою простую компиляцию, без тени анализа. Книга, точнее брошюра, содержит всего 130 страниц небольшого формата. Язык не труден.

Chong Su-see. «The Foreign Trade of China» (англ.). Издана в 1919 г. Колумбийским университетом. История внешней торговли Китая с древнейших времен (на англ. языке, но с непереведенными франц. вставками).

Автор использовал имеющуюся на разных языках литературу широко; в выноске она названа с точным указанием страниц. Значительная часть документальных данных приведена текстуально. Особенно интересны выдержки на французском языке. Первая глава книги посвящена истории внешней торговли Китая до XV в., вторая, заканчивающаяся на 101 странице, торговле с 1500 г. по XVIII век; история же китайской торговли со времени фактического захвата господства над ней иностранцами описана на протяжении между 182-388 страницами. Данные о торговле с 1864 года сведены в таблицы, позволяющие судить о реальных размерах ее

(даны поправки на колебания курса серебра, изменение методов отчетности и т. д.). Вторая часть книги (вся она с приложениями и указателями занимает 450 страниц) дает меньше новых данных, чем первая и страдает многословием в той части ее, где автор пытается уговорить империалистов перестать быть империалистами. Очень ценная работа. Читается легко, но необходим при чтении словарь, точно указывающий смысл коммерческих выражений.

Remer. "The Foreign Trade of China". (англ. Изд. 1925).

История китайской внешней торговли шести последних десятилетий. Автор критически подходит к материалу, везде указывая на вероятные неточности в статистике. Интересна его постановка вопроса о хронически пассивном балансе китайской торговли. Эта книга дополняет Chong Su-see, но не заменяет ее вполне даже в отношении второй части последней, т. к. захватываемая Remer-ом сфера уже. Имеются данные о росте промышленности. Стиль автора лаконичен.

Parker. «The Ancient China Simplified». Изд. 1908 г. 330 стр. (англ.).

История Китая Чжоуского периода (1122-221 г. до н. э.). Существенные ее части использованы Ли Юнбином. Приведенные у Паркера данные заставляют думать, что мнение о недоразвитии феодализма в древнем Китае слабо обосновано (см. выше о книге Yu Tinn-Hugh), хотя, с другой стороны, сам Паркер признает, что приведенные им факты слишком малочисленны и разрозненны, чтобы дать исчерпывающую общую картину. Однако, у него достаточно материала, чтобы выяснить наличие в чжоуском Китае иерархии феодальной соподчиненности (вассалитета, арриер-вассалитета и т. д.), проследить в основных чертах развитие городов и торговли внутри и вне области первоначального заселения китайцев и т. д. В настоящей работе труд Паркера использован совсем мало. Главная причина этого — малые размеры работы. Книга Паркера безусловно заслуживает перевода и тщательного всестороннего разбора.

Слабо использованы и другие работы Паркера, в которых имеется много материалов о ранних сношениях Китая с Западом. Одна из его книг имеется в очень скверном русском переводе. (Паркер. Китай, его история, политика и торговля). Язык Паркера гораздо труднее для неангличанина, чем язык книг, названных выше.

Richard's. «Comprehensive Geography of the Chinese Empire». Перевод с французского на английский. Изд. 1908.

Из 714 страниц этой книги не менее 200 уделено вопросам, касающимся управления, быта населения, реформы за-

ключительного периода маньчжурской династии, а также истории Китая. Исторические сведения сплошь и рядом встречаются и в связи с описанием провинций, городов, портов, дорог и т. д. Дан громадный список литературы по всем вопросам, касающимся Китая. В частности историческая литература перечислена на печатанных петитом страницах 479—485. Язык английского издания не труден даже для начинающих.

Chavannes. — Les mémoires historiques de Se-Ma-Ts'ien, (франц.). (Недавно умершего парижского проф. Шаванна не надо смешивать с другим автором исторического труда по Китаю Де-Шаванн, писавшим в сороковых годах XIX в.).

Работа состоит из переводов исторического труда Сыма Цяня и одного из его писем и из очень ценного предисловия в 250 страниц, в котором Шаванн дает картину жизни Китая при императоре У-ди. В этом предисловии масса нигде больше не встречающегося материала. Слог Шаванна легок даже для сравнительно слабо знающих французский язык и к тому же совершенно чужд «профессорского педантизма». Во многих местах он поднимается до художественности. В отличие от других авторов, Шаванн дает материалы, свидетельствующие о развитии торгового капитализма в Хань'ский период истории Китая. Перевод Шаванна не закончен.

China Year Book. 1924 (англ. текст сопровождается иероглифами).

Справочник-ежегодник. Дает сжатую историю китайской торговли, приводя некоторые данные, отсутствующие в других источниках. Много материала об опиуме в Китае и основные краткие данные об истории внешних сношений, начиная с XVI в. О новом Китае данные сборника, конечно, очень полны. Размеры справочника 1300 страниц большого формата, печатанные петитом. Справочник ежегодно переиздается, но с сильно изменяющимся содержанием.

Hetherington. «The Early Ceramic Wares of China» (англ.), изд. в Лондоне в 1924 году, 169 страниц.

Имеется много иллюстраций. Судя по имеющимся в ней намекам, Китай при Юань'ской династии имел частное мануфактурное производство. Перед 1924 г. разошлось более подробное и полное издание. Язык средней трудности; при чтении нужно иметь техн. словарь.

H. Giles. «Gems of Chinese Literature».

» » **«History of Chinese Literature»** (названа по памяти).

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Оба труда Джайльса имеют то достоинство, что подобно труду Шаванна написаны с большой любовью к изучаемой стране и народу. В настоящей работе выдержки из Джайльса даны в главе «Эпоха романа и драмы».

Stanton — «The Triad Society». Автор этой книги, посвященной самому влиятельному из тайных обществ Китая, бывший крупный чиновник английской колониальной полиции. Приводимые им данные взяты частью из литературных источников, частью из полицейских материалов. В приложениях имеются переводы и оригинал ритуальных клятв, лозунгов и т. д., а также уставов, воззваний и пр. Сообщаемое Стантоном позволяет с уверенностью говорить, что китайские тайные общества, или во всяком случае общество Триады, оно же Неба и Земли, были по сути дела классовым оружием буржуазии, хотя большая часть членов его не принадлежала к числу ее представителей.

Morse, «Cilds of China» (Morse почему-то пишет «Cilds», имея в виду «Cuilds»).

Под гильдиями поразумеваются здесь как гильдии, так и цехи. Описаны они в том виде, в каком существовали в конце XIX и в начале XX века. Кроме того, сообщается материал, относящийся к землячествам. Рассказ сопровождается сравнениями с соответствующими организациями на Западе. Об истории гильдий и цехов автор, судя по его собственному признанию, сведений не имеет. Вывод, напрашивающийся в результате чтения, — распад цехов, незаметно для себя превратившихся в оружие торгового капитала. Это вполне соответствует тому, что сообщалось в нашей прессе о состоянии ремесленных организаций в Кантоне и других местах Китая (см. ст. Далина и др. в «Правде»). Книга Morse вышла перед появлением новых торговых палат.

Boulger — "A Short History of China".

Автор, не пытавшийся давать обобщений, довольствовавшийся простым перечислением фактов, дает, однако, довольно ценный материал о Цинь Ши-хуанди. Транскрипция — французская, сильно затрудняющая чтение.

Murdoch — «A History of Japan» (750 стр.).

» — **«History of Japan during the Centure of Early». «Foreign Intercourse (1542-1651)»** (ок. 800 стр.).

Первая книга доводит историю Японии до середины XVI в., т. е. до появления первых европейцев в Японии, вторая начинает с этого момента. Третья книга Мардока, составляющая продолжение названных, вышла недавно (в 1926 г.) и еще не дошла до советских библиотек. В начале второй книги дано сокращенное содержание первой (так. обр., первую

можно и не читать). Труд Мардока (ныне покойного) является поистине классическим и не только как история Японии, но и как история Д. В. вообще. Этот труд Мардока содержит массу, повидимому, нигде не напечатанных материалов, касающихся эпохи испано-португальского владычества на морях. Часть материалов почерпнута из имеющихся в единственных экземплярах рукописей, хранящихся в лиссабонских, ватиканских и мадридских архивах, и архива в Гоа (португ. колонии в Индии). Они дают много материалов, позволяющих утверждать, что в XVI-ом и даже XVII веках японцы были активны и порой даже агрессивны в своих отношениях к западным пришельцам, в частности в отношении осевших на Филиппинах испанцев. Работа Мардока необычайно интересна и для изучающих вопрос об эпохе первоначального накопления. Язык не совсем легок.

Brincley «China and Japan», из нее взято все, касающееся Чжу Си и Ван Янмина.

Griffis «Corea, The Hermit Kingdom», прошлое Кореи и описание ее жизни в последние годы XIX века (Книга впервые издана 1882 г., а 7-ое издание с добавлением 4-х глав — в 1904-м). В ней имеются сведения о древней истории Маньчжурии, о торговле Китая с Японией и о войнах, которые велись с Кореей и из-за Кореи. (Книга названа по памяти).

A. Colquhoun. «The Mastery of the Pacific». Лондон, 1902 г.

Книга написана в духе ярко выраженного капиталистического хищничества. Имеется материал, относящийся к истории почти всех стран Юго-Восточной Азии и сношений с ними Китая. Тот же автор написал ряд книг о Китае.

Н. А. Рожков. Русская история.

В приложениях к ней, относящихся к ряду других стран, Н. А. дал и краткий обзор истории Китая и Японии и более подробный обзор истории Индии. По его мнению характерен для Китая чрезвычайно замедленный переход от феодализма к дворянско-купеческому государству. На факт перерыва в развитии Китая после Хань внимания не обращено [1]).

Н. В. Кюнер. Очерки новейшей политической истории Китая.

Об этой книге подробно говорится во многих местах основного текста настоящей работы.

[1]) Автор настоящей работы считает себя чрезвычайно обязанным Н. А. Рожкову (ныне умершему), своему бывшему учителю в средней школе (в 3-м Москов. кадет. корпусе в период с 1899 по 1902 год. В 1902 г. Николай Александрович был признан вредным и удален приказом не безызвестного мецената, глав. нач. военно-учебных заведений в. к. Константина Константиновича).

А. В. Рудаков. Общество И-Хэ-туань.

Большая статья, написанная под свежим впечатленим событий в Китае в 1900—1901 годах. В ней собраны подлинные материалы, относящиеся к боксерскому восстанию. Автор, хорошо известный, профессор китайского языка, был очевидцем многих событий того времени. Статья напечатана в Известиях Вост. Института (ныне Вост. Факультета Гос. Дальнев. Университета) в 1901 году.

Ивин. «Красные Пики». Изд. 1927.

Имеется глава об истории крестьянских движений в Китае, начиная с восстания Краснобровых в 25 г. н. э.

Майский. Современная Монголия. Книга написана живо и интересно.

Грубе. Духовная культура Китая.

Колоколов и Мамаев. Китай.

Гребенщиков, проф. К истории китайской валюты.

Шпильман. Крестьянская революция в Китае.

О четырех последних книгах упоминается в соответствующих местах текста.

Кюнер, проф. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры. Изд. Репина.

В этой книге имеются важнейшие данные о классической литературе Китая, об историографии, о вещественных памятниках, сохранившихся со времен глубокой древности, о влиянии буддизма в Китае и т. д. О керамике и живописи имеется мало данных. Много места уделено Великой Стене, описание которой опровергает сложившиеся относительно ее предрассудки.

«Восток», ленинградский журнал. В нем печатались очень ценные переводы с китайского проф. Алексеева. Помимо этого, был ряд других статей, прямо или косвенно касающихся Китая. Одна из статей касается торгового значения Самарканда в ранний период владычества Мин'ов в Китае.

«Новый Восток», журнал Всесоюзной Ассоциации Востоковедения. Среди статей, напечатанных в ней, обращает на себя внимание в № 15 статья Канторовича, стоящего на той точке зрения, что китайский мандаринат представлял собою господствующий класс в стране. Почти на той же точке зрения стоит в Германии Витфогель, а из китайцев названный уже Yu Tinn-Hugh. В том же журнале (в других номерах) есть ряд статей о взаимоотношениях с Китаем Персии и о Золотой Орде.

Розенталь. Борьба за колонии и мировые пути. Часть I. Книга содержит много фактического материала об эпохе первоначального накопления, не встречающегося в других книгах.

II. Неиспользованная или слабо использованная при составлении настоящей книги литература.

Ниже приведены названия книг, которые за отсутствием ли их в распоряжении автора, или по другим независящим от него причинам не были использованы при составлении этой книги, хотя использовать их предполагалось, или которые были использованы, но в недостаточной степени.

Кюнер, Н. В., проф. Новейшая история стран Дальнего Востока. Литографированное издание.

В этом труде рассматриваются сношения Китая с разными странами Европы, с каждой страной в отдельности. В тексте, примечании и специально вводном отделе дается перечень всей необходимой для более детальной проработки литературы на разных языках. Перечень сопровождается пояснениями, в роде даваемых здесь.

Петров. Английский капитализм на заре своего развития.

Тан Малакка. Индонезия. Изд. «Прибой». Материалы о колониальной деятельности голландцев и об истории Индонезии до появления европейцев.

Огородников, проф. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Дает картину жизни и хозяйства в период, предшествующий наступлению имп. Канси на Албазин. Содержит неизвестные до сих пор материалы в большом количестве.

Клюкин, доцент. Несколько работ, разбирающих древнейшие памятники монгольской письменности. Они расширяют фундамент для суждения о связи Дальнего Востока с Западом.

Иоанн до Плано Карпини. «История Мунгалов». — Вильгельм де Рубрук. «Путешествие в Восточные страны». Литературные памятники XIII века с введением и примечаниями переведшего их Малеина. Изд. Суворина, С. Петербург. 1911 г. Название памятника касается попутно и тогдашней России, незадолго до путешествий Карпини и Рубрука покоренной монголами.

Работа Марко Поло.

Бартольд, проф. Разные труды, касающиеся связи Запада с Востоком (в частности «История изучения Востока»).

Хвостова. То же. (В Трудах Казанского Университета).

Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера. Госиздат, 1926.

Кучумов. Китайский либерализм конца XIX века. См. в журнале «Революционный Восток».

М. Покровский. «История России в XIX в.». Том IX. Внешняя политика в конце XIX в.

Morse. «The International Relations of the Chinese Empire».

В этом труде приведено много данных о состоянии народного хозяйства Китая в разные моменты истории его внешних сношений.

Mac Murray. «Treaties with and concerning China». Изд. 1921 г.

Об этой книге многие авторитетные люди говорят, как о лучшей из посвященных вопросам о «договорах с Китаем и о Китае».

Baw. «Foreign Relations of China». Изд. 1923 г.

В ней обрисовано и то положение, которое создалось после напечатания названной только-что книги. В работе Baw затронутые вопросы освещаются с точки зрения китайских кругов, повидимому, готовых на известный компромисс с империализмом. Тем не менее она представляет большую ценность. Написана она нетрудным языком.

Morse. «Trade and Administration of China». Изд. 1921 г. Постоянно цитируемая книга. Это уже второе ее издание.

Радек. «Спорные вопросы китайской истории».

Иванов, проф. «Ван Ань-ши».

Большое исследование, снабженное документальными данными. Книга представляет собою библиографическую редкость.

Алексеев и Шуцкий. Антология китайской лирики.

Переводы в этой книге несомненно выше, чем приведенные у Грубе. У проф. Алексеева есть своя «манера выражаться», которая может не понравиться педантам 100%-ой современности. Но она отнюдь не умаляет высокого достоинства этого труда, к сожалению не имевшегося в нужное время в руках автора настоящей работы.

Конрад — автор работ по истории Японии и японской литературы; см. его «Исэ Моногатари», где в предисловии дана характеристика Тан'ской эпохи.

Leigh Ashton London 45 s. "An Introduction to the Study of Chinese Sculpture".

История китайской скульптуры со времени Цинь'ской (Цинь Ши-хуанди) династии. Послесунскому периоду уделено мало внимания. Больше внимания обращено на период между падением Хань'ской империи и Тан'ским возрожде-

нием. Автор отмечает большие черты сходства феодального искусства Европы (XII в.), с искусством дотанским, т.-е. тоже феодальным. Книга интересна именно тем, что подробно останавливается на материалах, имеющих отношение к поставленному здесь вопросу о перерыве в истории развития Китая, — о «втором средневековии». Однако, автор не решается признать, что этот перерыв был столь же глубок и решающ, как отметивший разрушение античного мира.

Кроме того, см. о скульптуре труды D-r Kuemmel и Siren, автора большой книги о пластическом искусстве Китая.

О сношениях китайцев с древней Мексикой имеется труд L. Wieger — "Rudiments Textes Historiques". В ней рассказывается о путешествии, якобы, совершенном некиим Вэй Чжэнь'ем в 449 г. н. э. В связи с этим интересны исследования H. W. Krieger'a остатков городищ, растянувшихся цепью между Канадой и Орегоном.

О современном Китае богатейший фактический материал дает харбинский журнал «Вестник Маньчжурии». Обобщающий же, теоретический — в журнале «Большевик», в «Правде» и других повременных изданиях. Систематизированный материал об экономике Китая см. Ходоров «Народное хозяйство Китая».

В заключение приведем список книг, рекомендовавшихся для чтения о Китае в прежних востоковедных ВУЗ'ах (кроме книг названных выше).

Георгиевский. «Первый период Кит. истории» и **«Принципы жизни К.».**

Васильев. «Религии Востока» и **«Очерк ист. кит. литературы».**

Попов. «Констит. и зем. учрежд. К.» изд. 1910 г.; **«Гос. строй К. и органы управления»**, изд. 1903 г. и дополнения к «Гос. стр. К.», изд. 1909.

Брунерт и Гагельстром. «Совр. полит. организ. Китая», изд. 1910 г.

Тужилин. «Современный Китай», 2 тома, изд. 1910 г.

Интересующихся деталями истории Китая отсылаем к указателю литературы в книге Ришара (см. выше) и к примечаниям Chong Su-See.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

I. Введение

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

I.

Краткие сведения о географии Китая и его населении.

Подразделение Китая. Неустойчивость транскрипции китайских слов и труднозапоминаемость их делают необходимыми постоянные пояснения к встречающимся в тексте географическим названиям. Во избежание нагромождения их, приходится предпослать основному изложению краткий очерк географии Китая и некоторые разъяснения, касающиеся китайского языка и произношения. Заранее извинимся за сухость этой главы, неизбежную при нарочитой краткости очерка.

Китайская империя в 1911 году занимала площадь, равную приблизительно 11 миллионам квадратных километров, т.-е. была вдвое меньше Российской, но больше, чем Соединенные Штаты Америки, больше Бразилии, а также Австралии и Канады. В настоящее время части Тибета и Монголии фактически обособились. Тем не менее площадь Китая остается во всяком случае больше 7 миллионов кв. км. Старая Китайская империя разделялась на пять основных частей: Собственно-Китай, занимающий около 35% от всех 11 млн. кв. км, Маньчжурию (около 8%), Монголию, Восточный Туркестан и Тибет. Из них Собственно-Китай и южная часть Маньчжурии имеют густое население, но очень неравномерно распределенное. Остальные части населены слабо, а частью совсем безлюдны. Причины этого — засушливый климат и почти полная невозможность земледелия; исключение составляет восточная и средняя часть Северной Маньчжурии, отчасти Южный Тибет, оазисы Туркестана и отдельные районы Монголии.

Приведем сначала встречающиеся в тексте географические названия, которые относятся к частям, находящимся вне Собственно-Китая, т.-е. к тем, которые обобщенно называются Внешними владениями. Начнем с Тибета.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Внешние владения.

Географически Тибет занимат все то величайшее в мире высокое плоскогорие, которое расположено между Индией, Собственно-Китаем, Монголией, Туркестаном и Афганистаном. Но административно северо-восточная его часть выделена в особую обширную область Куку-нор, управляемую китайскими властями. Земледелие развито в Тибете лишь на небольшом пространстве. Главный город Собственно-Тибета — Лхасса — находится близко от Индии. Между Тибетом и Индией расположены в Гималаях вассальные Англии государства Непал, Бутан и между ними — Сикким.

Восточный Туркестан, образовавший около 50 лет назад новую провинцию Синьцзян, состоит из двух главных частей — т. н. Кашгарии, или области бассейна р. Тарима, и Джунгарии (или Чжунгарии). Между ними проходят горы Тяньшань. Бассейн р. Или, с городом Кульджа, составляет как бы третью часть Синьцзяна. Из других городов Синьцзяна в тексте часто упоминаются Кашгар и Яркенд. Оба недалеко как от Индии, так и от советской земли. Фергана — их близкая соседка.

Монголия состоит из Внешней и Внутренней. Внешняя — это та, которая граничит с Сибирью. Ее центром является Улан Батор (Урга). На сибирском рубеже Монголии находится два города-близнеца, но разделенные линией границы. Один из них, Кяхта, — в сущности предместье Троицкосавска. Внутренняя Монголия отделяется от Внешней сухой степью Гоби. Она в значительной степени окитаена. Ее части — особые округа Жэхэ, Чахар и Суйюань и кроме них — часть, управляемая из города Нинся (на р. Хуанхэ, в провинции Ганьсу), и т. наз. Восточная Внутренняя Монголия, составляющая часть южной провинции Маньчжурии.

Маньчжурия (или Манджурия) делится на три провинции — Хэйлунцзянскую или Цицикарскую и Гиринскую — на севере, и Фынтянь или Шэнцзин или Мукденскую, на юге. Южная оконечность Маньчжурии — Ляодунский полуостров, южная часть последнего — японское Квантунское генерал-губернаторство, с городами Дайрен (бывший Дальний) и Порт-Артур. От них идет на север Южно-Маньчжурская жел. дор. Она проходит через Ляоян, Мукден (пров. Мукдэнь) и Телин до Чанчуня. Оттуда она продолжается веткой Китайской Вост. ж. д. до Харбина. Основная линия К. В. ж. д. идет от станции Маньчжурия (на границе Забайкалья) через Цицикар и Харбин на Пограничную, где уже начинается советское Приморье.

Границами Маньчжурии с советской территорией являются реки Аргунь, Амур и Уссури, а с Кореей — реки Тумынь и Ялу. В Амур недалеко от Хабаровска впадает Сунгари, на которой стоят города Гирин и Харбин. Цицикар стоит на Нонни, притоке Сунгари. В тексте упоминается еще Ляохэ. Это река, текущая к югу и впадающая в залив Чжили (часть Желтого моря). Основная масса населения в нынешней Маньчжурии — китайцы, а прежде были тунгусы.

Перейдем теперь к Собственно-Китаю.

«Восемнадцать провинций или Собственно-Китай».

Это страна, приближающаяся по размерам к тому, что до революции называлось Европейской Россией, а также к Европе без советской территории. Юг ее горист, запад тоже, восток большею частью равнинен, но горы есть и там. С другой стороны, и на западе встречаются обширные равнины в провинции Сычуань. Внешние границы Собственно-Китая гористы почти на всем протяжении. На пути из Собственно-Китая в Маньчжурию, на берегу моря, есть узкий проход; крутые горы поднимаются по одну сторону его; на другой стороне плещется мелкое море. Здесь стоит стерегущий проход из Маньчжурии в Собственно-Китай небольшой город Шаньхайгуань, который не надо путать с городом Шанхай (без мягкого знака).

Собственно-Китай имеет две большие реки — Янцзыцзян и Хуанхэ. Первая омывает Средний Китай, вторая Северный. Третья значительная река Сицзян (при устье она называется Жемчужной) орошает юг и впадает у Кантона. В тексте упоминается еще Бэйхэ, на севере, и Хуайхэ, текущая между Янцзы и Хуанхэ, но выхода в море не имеющая: она впадает в искусственный канал, соединяющий Янцзы, Хуанхэ и Бэйхэ. Это самый длинный канал в мире.

Собственно-Китай делят на 18 провинций (выражение «18 провинций» заменяет часто выражение «Собственно-Китай»). Провинция, по-китайски: шен, ни в коем случае не может быть поставлена по размерам на одну доску с российской губернией (но не сибирской). Провинция, с Болгарию величиной, только одна (это Чжэцзян); все остальные больше ее. А одна из провинций — Сычуань — превосходит по территории Францию, т.-е. самое большое из западноевропейских государств.

Назовем теперь эти провинции, а попутно те города в них, которые часто упоминаются в тексте; об упоминаемых

не более одного — двух раз будет сказано в соответствующем месте.

Провинции и города Северного Китая.

Вдоль границ Монголии лежат, начиная с запада, провинции: Ганьсу, Шэньси, Шаньси и Чжили. Первые три омываются реками бассейна Хуанхэ, а последняя веерообразно стекающимися к одному месту многочисленными реками, образующими Бэйхэ. Недалеко от слияния их стоят Пекин (или Бэйцзин) и Тяньцзинь. Второй находится ближе к морю. Важнейший город Шэньси — Сиань, называвшийся прежде Чан'ань. Это одна из бывших столиц империи.

Южнее Шаньси лежит пров. Хэнань, которую не следует смешивать с Хунань (последняя еще южнее). Хэнань густо населена. Оба ее больших города — Лоян, на западе, и Кайфын, на востоке, — бывали столицами то всего Китая, то тех государств, которые образовывались на развалинах единой до тех пор империи. Тунгуань, горный перевал между Шэньси и Хэнанью, имел в истории Китая чрезвычайно большое значение. Его легко отыскать; он находится у того места Хуанхэ, где она, текущая до этого места к югу, резко поворачивает на восток, и где встречаются три провинции — Шэньси, Шаньси и Хэнань.

Южнее Чжили расположена густо населенная приморская провинция Шаньдун. Ее можно отыскать по следующим признакам: север ее омывается рекой Хуанхэ (прежде Хуанхэ текла южнее всего Шаньдуня, но в 1852—53 году переменила русло, погубив при этом множество людей), а восток ее, отличающийся от запада гористостью, полуостровом вдается в море. У начала полуострова стоит город и порт Циндао, недавно германский, потом японский, теперь опять китайский.

Провинции и города Среднего Китая.

По реке Янцзы расположено много провинций. На север от реки, или большею частью своей площади к северу от нее, расположены, считая с запада, Сычуань, Хубэй, Аньхуй и Цзянсу, к югу же от нее — Юньнань, находящаяся в юго-западном углу Собственно-Китая, Гуйчжоу, Хунань, Цзянси и Чжэцзян.

Южнее Чжэцзяна лежит на побережьи Фуцзянь, а южнее Фуцзяни — Гуандун. Между Гуандуном и Юньнанью находится Гуанси.

Теперь два слова о каждой из них.

Сычуань, на западе высокогорная, малолюдная, по населению тибетская, а на востоке равнинная и густо заселенная китайцами, изолирована горами от других провинций. Часто она бывала независимым государством. Ченды — ее главный город. Чунцин — ее важнейший порт на Янцзы. Пороги на реке, на границе с Хубэем, делают сообщение Сычуани с востоком очень трудным.

Хубэй — страна многих рек. Здесь впадает в Янцзы река Хань, текущая из Шэньси. В устьи ее стоит город Ухань, состоящий из трех, до 1927 года отдельных, городов — Ханькоу, Ханьяна и Учана, постоянно упоминающихся в истории. Теперь (1927 г.) Ухань столица. По провинции Хубэй идет исторический речной путь на юг, продолжающийся через Хунань. В старину Хубэй и Хунань составляли одну провинцию Хугуан. Это название не исчезло из употребления и поныне.

Аньхуй — расположена по обе стороны от Янцзы. Южная часть меньше, но богаче.

Цзянсу — очень небольшая (101 тыс. кв. км, т. е. ¼ Украины) провинция у низовьев Янцзы. Она самая промышленная в Китае. Но эта промышленность сосредоточена к югу от Янцзы (район «Цзян нань»), где находятся Шанхай, Сучжоу и Нанкин или правильнее Наньцзин. Север же ее почти сплошь земледельческо-ремесленный.

Чжэцзян — приморская провинция между Фуцзянью и Цзянсу, одна из экономически передовых. Ее главный город Ханчжоу был одно время столицей империи. К востоку от него находится порт Нинбо.

Вернемся теперь назад по реке.

Провинции и города Южного Китая.

Хунань лежит южнее Хубэя. На карте ее бросается в глаза большое озеро, находящееся очень близко от реки Янцзы. Через Хунань идет от Уханя на Кантон недостроенная железнодорожная магистраль. Главный город Хунани — Чанша. Севернее, у озера, находится Юэчжоу или Йочжоу, важный стратегический узел.

Цзянси находится восточнее Хунани. Здесь тоже есть соприкасающееся с Янцзы большое озеро. На южной оконечности последнего стоит город Наньчан, на северной — Цзюцзян. Провинция Цзянси издавна славится своим фарфоровым производством.

Фуцзянь отделена от Цзянси трудно проходимыми горами и во многом отличается от своей соседки. В древности она была отдельным государством и потом не раз обособля-

лась от империи. Главный ее город — Фучжоу. На юге ее находится на островке город Амой, о котором не раз придется здесь говорить. Против Фуцзяни лежит остров Формоза, теперь японская колония, но населенная, главным образом, китайцами.

Гуандун расположен южнее Фуцзяни, Цзянси и Хунани. Он занимает юго-восточную часть Китая. 2000 лет тому назад Гуандун был отдельным государством. Главный его город — древний Кантон. Недалеко от Кантона, на островах, расположены Макао, колония португальцев, и Гонконг, колония англичан. К Гуандуну относится большой остров Хайнань. По направлению к Хайнаню вытянут полуостров; в углу, образуемом последним и линией берега материка, находится Гуанчжоуван, французская колония. Гуандун по размерам равен $^2/_3$ Италии, а по количеству населения близок к ней.

Гуанси — соседка Гуандуна. Эти две провинции вместе называются Лянгуан (лян — значит два, оба). Гуанси орошается той же рекой Сицзян, что и Гуандун. В отличие от Гуандуна, эта провинция слабо населена.

Юньнань, очень гористая, нелегко доступная со стороны других частей Китая провинция. Географически и исторически она связана больше с Индо-Китаем и Тибетом, чем с Китаем. Имеющаяся там железная дорога связывает его с французскими владениями.

Гуйчжоу малолюдная, гористая, имеющая значительную примесь некитайского населения, бедная провинция, находящаяся между Юньнанью, Сычуанью, Хунанем и Гуанси.

Гуандун, Гуанси и Юньнань граничат с той частью Французского Индо-Китая, которая называется Тонкином. По культуре население Тонкина и других частей Франц. Индо-Китая (Аннама, Кохинхины и Камбоджи) очень близко к китайцам. Юньнань, кроме того, граничит с Британской Бирмой, частью Индийской империи.

Другие соседи Китая — Япония и Филиппины, до которых от Китая 2—3 дня пути на пароходе.

Пути сообщения. Для понимания событий последнего периода истории Китая необходимо еще знакомство с расположением железных дорог в нем. Мы коснемся в этом отделе лишь тех железных дорог, которые находятся в Собственно-Китае и прилегающих к нему ближних частях Монголии. Что же касается маньчжурской сети, то о ней достаточно сказать, что она, несмотря на былую отсталость Маньчжурии, развита теперь лучше, чем сеть в Собственно-Китае.

В Собственно-Китае имеется кроме Юньнаньской, не имеющей связи с другими, только шесть магистральных дорог, при чем одна из них недостроена. Это ж. д. Пекин — Ухань — Юэчжоу — Чанша — Кантон. Недостроенный ее участок начинается южнее Чанша.

Другая магистраль Тяньцзинь — Пукоу — Нанкин — Шанхай — Ханчжоу — Нинбо (административно и эта и Пекин-Кантонская разделены на отдельные дороги).

Лунхай'ская ж. д. связывает эти две, доходя до границ Шэньси в одну сторону и до моря (с 1926 года) в другую. Эта дорога тянется параллельно южному колену Хуанхэ.

Четвертая дорога отделяется в Шаньдуне от второй из названных здесь и доходит до Циндао.

Пятая связывает Пекин с Тяньцзинем и Мукденом.

И, наконец, шестая идет от Пекина через Калган (у Великой стены) до города Баотоу, на северном колене Хуанхэ.

Есть еще 4 коротких дороги местного значения: 3 — в Гуандуне и одна в Цзянси.

Вот и все. Остальные — короткие подъездные ветки или дороги в 10—60 километров, обслуживающие порты.

В Ганьсу, Шэньси, Гуйчжоу и Сычуани нет ни одного километра железных дорог. В Тибете, Восточном Туркестане и во всей Монголии, кроме той ее части, которая окончательно окитаена, их тоже не имеется.

Реки юга являются очень удобными путями сообщения. На севере же, где климат гораздо суше, судоходных рек мало. Даже Хуанхэ судоходна лишь местами. Уровень этой реки в нижнем течении выше окружающей местности. Это результат непрерывного оседания ила и постройки растущих по мере поднятия дна плотин. Когда плотины прорываются, то случаются страшные катастрофы.

Хороших грунтовых дорог в Китае очень мало. За последнее время они строятся, однако, в заметном количестве.

Население.

Подавляющее большинство населения Китая — китайцы. Но некитайское население имеется не только во Внешних владениях. Инородцев особенно много в Западной Сычуани (тибетцы и лоло), в Гуйчжоу, Юньнани и Гуанси. Есть они и в Хунани, Цзянси, Гуандуне и Фуцзяни, короче говоря, во всех южных провинциях. В Гуанси, например, они составляют $^{2}/_{3}$ всего населения. На острове Хайнань они тоже составляют большинство. Зато китайцы численно преобладают в Маньчжурии, во многих местах Внутренней Монголии и на принадлежащей Японии Формозе. Очень значительный

процент населения они составляют также в Сиаме (ок. 25%), на Малакке (процентов 40), на Борнео, Суматре и встречаются в заметном количестве на Филиппинах, Гаваях, других островах Океании и, наконец, в советском Дальнем Востоке.

Язык. Основные причины столь разнообразного написания (транскрипции) китайских названий, с каким то-и-дело сталкиваешся в нашей литературе — это, во-первых, трудность передачи русскими буквами китайских звуков, во-вторых, огромная разница наречий китайского языка (вернее: языков Китая). Сами китайцы пишут знаки не буквами, а идеографами. Это — знаки, изображающие понятие, а не звук. Соответствующие примеры в европйских языках есть. Примеры — знаки плюс, минус и другие — в арифметике, крестик вместо слова умер, знак интеграла, значки вместо названий планет и т. д. Каждый грамотный китаец, японец, кореец и аннамит понимает значение своих знаков, но каждый читает, т.-е. произносит их по-своему. По разному они читаются и в самом Китае. Так, например, Сунь Исян читается на юге Сунь Ятсен, Цзян Цзеши — Чан Кайши.

Северное «ча» (чай) фуцзянец прочтет «те», фуцзяньское название «Амой» северянин прочитает «Сямынь» и т. д. Впрочем, о кантонском и двух фуцзяньских языках можно, повидимому, говорить, как об обособившихся в такой степени, в какой обособились друг от друга славянские языки. Но и т. наз. мандаринское наречие не является единым; северное отличается от южного сильно. Принятая у нас транскрипция (передача произношения) китайских слов основана на пекинском произношении, распространенном на севере (впрочем отдельные говоры имеются и там); транскрипция же английская (или точнее: две английских транскрипции) основана на нанкинском наречии. Есть еще очень трудная французская транскрипция, в данном случае, впрочем, имеющая мало значения. Что касается немцев, то они транскрибируют по образцу англичан [1]).

Если транскрипция правильна, то переделка ее с английской на русскую и наоборот не представляет затруднения; стоит лишь обзавестись соответствующей таблицей. Ниже будет приведена наиболее важная часть этой таблицы. Пока же отметим еще некоторые особенности китайского языка.

[1]) Известный знаток Китая Ивин пытается, как это ни печально, привить у нас французскую головоломную транскрипцию.

Наиболее характерной чертой китайского языка является существование т. наз. тонов. Тон — это вот что. Положим вы произнесли: «ши» с оттенком вопроса. Значение будет одно. Вы произнесли то же «ши» ровно — значение будет другое; произнесли его с повышением голоса — опять новое значение, с понижением — четвертое значение. Очень характерна также односложность основных китайских слов и происходящая отсюда легкость новообразований, — словотворчество. Вот, например, название железных дорог. Пекин (Бэйцзин)-Ханькоу'ская железная дорога будет называться просто Цзин-хань. Такие понятия, как телеграф, трамвай, командующий войсками, образуются простой сопоставкой двух идеографов. Эти и другие особенности языка сделали идеографическую письменность устойчивой; переход от нее к азбуке, потребует, вероятно, не мало времени. Да и вопрос еще — нужен ли такой переход.

Географические названия.

Переходя к географическим названиям, мы сейчас же встречаемся с описанной здесь системой складывания двух идеографов (иногда, впрочем, трех и больше). В отношении городов это достигается так: берется односложное или двухсложное название его и прибавляется односложное обозначение административного ранга города — фу, чжоу, сянь, тин. Так образовались Фучжоу (фу — счастье), Гуандунчжоу (по-южному: Кантон). Бэйцзин, т.-е. Пекин — означает «север» (-ная) и «столица»; Наньцзин — южная столица. Названия городов в прошлом часто менялись. Так, например, Бэйцзин был Яньцзин — столица государства Янь. Наньцзин превращался при тайпинах (1850—65) в Тяньцзин — небесную столицу. Это похоже, между прочим, на Тяньцзинь, но мягкий знак в транскрибировании китайских слов — большое дело: цзин и цзинь совершенно по-разному звучат для китайца.

Знание тех слов, которые чаще всего входят в состав географических названий, весьма облегчает запоминание последних. Таких слов сравнительно не так уж много. Бэй, Нань, си (запад) и дун (восток) особенно часты. Ху — озеро, хэ — река, цзян — тоже «река», хай — море, шань — гора, ань — мир, спокойствие, синь — новый, минь — народ, коу — вход, выход, отверстие — вот наиболее часто повторяемые. Отсюда Хунань, Хубэй, Шаньдун, Шаньси, Цзяннань (к югу от реки), Цзянси, Хэнань, Хукоу, Синьминь, Цзюцзян (девять рек) и множество других названий. Кстати, они помогают запомнить местоположение объекта названия.

Теперь о русской и обычной английской транскрипции китайских слов. Но таблица заменит объяснение. Вот наиболее существенное:

kiang—цзян (или дзян)	che—чже
chou (chow)—чжоу (или джоу)	ch'u—чу
chang—чжан (или джан)	huang—хуан (желтый)
ch'an—чан	hang—хан
kian—цзянь (или дзянь)	han—хань
peh—бэй	kwei—гуй (в Гуйчжоу)
p'eh—пэй	ho—хэ
kang—ган	pan—бань
kuang или kwang—гуан	shang—шан
kwan—гуань	shan—шань

Даже этот небольшой список дает возможность уловить наиболее частые искажения.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

II.

Ходячие предрассудки о Китае.

Китай — не «страна» в том смысле этого слова, в каком оно приложимо к Германии, Польше или Болгарии. Если даже говорить только о той территории, где китайцы составляют численно преобладающую часть населения, а не о Китае от океана до Памира и от Амура до Индии, то и она представится нам при сравнении с любым западно-европейским государством целой «частью света». Даже самая маленькая из провинций Китая почти втрое больше Бельгии или Голландии; средние соперничают по размерам с Англией; провинция Юньнань больше Англии с Шотландией и Ирландией, значительно больше Италии, больше Польши и немного больше Японии; пров. Сычуань крупнее, чем Франция с Эльзасом и Лотарингией и значительно обширнее Украины.

Но землями, издревле населенными китайцами, не ограничивается та обширная область, на которой разыгрывалась длящаяся тысячелетиями драма китайской истории. Уже более 2000 лет тому назад китайский купец, солдат, ученый и дипломат, а за ними и земледелец, перешагнули за пределы, отмеченные знаменитой «Китайской Стеной», и распространили влияние своей страны на расстоянии тысяч верст. Несмотря на континентальный характер Китая, в распространении его влияния участвовал и моряк. Уже в самом начале нашей эры оно сказалось на Японии, сказалось и на дальнем юге. Параллельно с распространением культурного влияния шло и переселение китайцев. Десятки тысяч их осели в Японии, многие поселились в Индо-Китае, некоторые пошли еще дальше и обосновались на островах, к югу от экватора. Тибет, Монголия и Туркестан — не только восточный, но и нынешний советский — не раз входили непосредственно в состав Китайской империи.

Бывали моменты, когда Китай становился господином Цейлона, Северной Индии, арабских колоний в Африке и когда его культурное и экономическое влияние сказывалось

не только в Персии, но и в Месопотамии, а, может быть, отчасти и в Антиохии, на берегах Средиземного моря.

Если даже ограничиться теми землями, где китайское влияние держалось долго и прочно и где оно сильно поныне, то и тогда мы смело можем сравнивать их по размерам не с Европой даже, а со всей Средиземноморской областью, начиная с Испании, Англии и Скандинавии и кончая Ираном, Египтом и Марокко. Шестьдесят градусов долготы отделяют Лиссабон от Тегерана и столько же градусов укладывается между западной оконечностью Китайского Туркестана и столицей Японии; 40 градусов широты отделяют Верхний Египет от тех мест, куда финикияне плавали за янтарем, но еще больше угловое расстояние между Ононом, на которых паслись стада соплеменников Чингиз-Хана и Амуром, с одной стороны, и экватором, на котором расположены торговые города, издавна посещавшиеся китайскими купцами и испытавшие сильнейшее влияние китайской культуры, — с другой.

Тихий океан, это величайшее водное пространство, где у берегов Японии находится глубочайшая депрессия на земном шаре, на востоке; громаднейшие в мире горы и самые ужасные по своей безжизненности пустыни на западе; экваториальные страны на юге и область вечной мерзлоты на севере, — вот границы области китайской культуры.

Природа разных частей области китайского культурного влияния еще более разнообразна, чем природа отдельных частей Средиземноморского бассейна. В ней есть части, где путешественник сотни верст проходит по местностям, высота которых над уровнем океана не меньше, чем высота альпийских вершин, и есть огромные пространства, едва возвышающиеся над океанским уровнем. В ней есть места, где поверхность внутренних вод так велика, что лодка является самым обычным средством сообщения, и есть пространства, где бесконечные пески тянутся на многие сутки пути. Есть районы, где средняя январская так же низка, как на Шпицбергене, есть и такие, где чуть ли не все 365 дней в году непривычные северяне страдают от зноя. Одни места этой области покрыты непроходимыми девственными лесами, другие совершенно лишены растительности. В одних население почти так же густо, как в Бельгии, в других одно поселение отделено от другого десятками и сотнями верст абсолютно незаселенных пространств. А ко всему этому, она пересечена мощными горными хребтами и другими естественными рубежами, трудно проходимыми даже при современных условиях техники. И тем не менее, китайцы, о которых принято гово-

рить, как о самом замкнутом, самом неподвижном народе в мире, преодолевали все эти препятствия и связывали столь несходные области не только культурными и экономическими, но и политическими узами. И эти политические узы, несмотря на отпадение бывших вассалов, продолжают еще соединять в одно целое огромную часть области китайской культуры.

Правда, наш Советский Союз занимает площадь, вдвое большую, чем Китай с его «внешними владениями». Но не нужно забывать, что б. Российская империя, от которой Союз унаследовал эти земли, являлась по сравнению с Китаем историческим новообразованием. Ведь, меньше чем 400 лет прошло с тех пор, как захолустное и уж, конечно, ни в коем случае не могшее претендовать на влияние на своих более или менее культурных соседей московское царство начало свое расширение. Но и расширившись, оно не вышло далеко за пределы обширной, но в общем довольно однообразной северной лесной полосы, безлюдной, некультурной, жившей до тех пор «вне истории», никогда не привлекавшей внимания ни Китая, ни существовавшей в одно время с Китаем (эпохи Ханьской династии) — мнившей себя мировой — Римской империи. Россия собрала те земли, которые, повидимому, не нужны были ни тому ни другому древнему великану. И лишь в наши дни факт этого собирания начинает приобретать колоссальное общечеловеческое значение. Но об этом после...

В еще большей степени историческим новообразованием являются Соединенные Штаты Америки — другой пример «страны-части света», а также — Австралия и Бразилия, которые просто еще не имели времени занять видные места в истории человечества, или Канада, явно на глазах сливающаяся со своим огромным соседом — С. Ш. А. Длительную историческую жизнь имели наряду с китайской культурной областью только две. Это — область Средиземного моря, в которую мы условно включаем всю Переднюю Азию, да еще Индия, на которой нам придется здесь остановиться.

На Индии необходимо остановиться, говоря о Китае, потому, что в течение очень многих столетий она была единственной соперницей Китая в борьбе за влияние его на соседние народы. И она одержала значительные успехи не только среди них, но и в самом Китае, которому она передала свой буддизм, свое искусство и очень многое другое. Но политически Китай был победителем. Не только Монголия и Тибет, но даже сама Индия, по крайней мере часть ее, испытали господство Китая. На юге, в западной и южной части Индо-Китая, оба культурных центра — Китай и Индия — в более или менее

13066
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
СБЛ. БИБЛИОТЕКИ

равной степени укрепили свое влияние, и лишь к югу от экватора, на Зондском архипелаге, индийское влияние взяло несомненно верх. Но оно было вытеснено впоследствии арабским, которое и в части Индии нашло для себя благоприятную почву.

Арабское магометанство вместе с арабской, а также персидской торговлей проникло и в Китай; проникло туда вместе с иудейством и христианством, которым, однако, в отличие от магометанства, не удалось себе свить в Китае прочного гнезда.

Но и индийское, и персидское, и арабское, и другие влияния остались в области китайской культуры лишь временно нарушающими факторами, сыгравшими известную роль, роль довольно крупную, но не изменившими очень сильно общую картину развития, да к тому же они сами сильно видоизменились, преломившись через новую среду. Политически же Китай ничего не потерял из-за их появления; наоборот, именно индийский по происхождению буддизм был для Китая тем идеологическим оружием, которое он искусно применил в Монголии и даже Тибете, ближайшем соседе Индии, а задолго до появления буддизма в Монголии он точно так же был использован китайцами в Корее и отчасти в Японии.

Китай был Римом Дальнего Востока. И не только Римом: он был для него одновременно и Грецией, и Финикией, и Вавилоном, и Египтом. Корея, Япония и другие пришли на историческую арену позже, и их возраст во всяком случае не на много превышает возраст европейских государств. В частности, японцы совсем не заслуживают названия «народа-старца», которое им, очевидно, по недоразумению иногда дается. Первенство Китая признавалось до некоторой степени его соседями даже тогда, когда он явно ослабевал и уже не мог претендовать на роль сюзерена своих соседей, признавалось даже в период его распада на отдельные независимые империи. Даже в конце XIX века Корея, Бирма, Аннам и гималайские страны не стыдились своего вассалитета в отношении Китая. Даже Япония, отделенная от Китая морем, в XIV и XV веках в лице своих фактических (а не фиктивных) государей признавала право китайского императора наделять их званиями ван'ов (государей).

Китайское влияние чрезвычайно сильно в «объевропившейся» Японии и поныне. Достаточно сказать, что, за ничтожно редкими исключениями, все технические термины японцев составлены из китайских элементов, подобно тому,

как наши технические термины составлены из соединения латинских и греческих корней (зоология, телескоп, география и т. д.).

Итак, вся та громадная область, приблизительные границы которой приведены выше, если не культурно, то политически, и если не политически, то культурно, признавала гегемонию Китая. Ясное дело, что это могло быть лишь при наличии определенных предпосылок. А что эти предпосылки были экономические, об этом можно говорить, опираясь не только на общие теоретические положения, но и на несомненные исторические факты, факты, относящиеся к внешней торговле Китая. В соответствующих местах о китайской торговле будут даны настолько подробные данные, насколько это допускают размеры книжки; здесь же достаточно будет сказать, что еще в VIII веке она была столь обширной, что заминки в ней вызывали банкротство купцов в Аравии и что в X веке в Китае существовала налаженная, строго регламентированная работа морских таможен.

Это развитие китайской торговли, не говоря о факте появления в старом Китае сильного иностранного влияния, с одной стороны, и распространение его собственного влияния на другие народы, с другой, является доказательством вздорности обвинения китайцев в какой-то невероятной, якобы, только им свойственной замкнутости, в отчуждении от всего остального мира. Сколько нелепого наговорено хотя бы об одной только пресловутой «Великой Стене», которой китайцы будто бы желали «отгородиться от всего мира»! Одному автору, писавшему о Китае, пригрезилась даже «стена, окружающая Китай со всех сторон». Одной стены на границе со степью ему, очевидно, показалось недостаточно.

Изучавшие по его книжке Китай будут, вероятно, чрезвычайно удивлены, если узнают, что не для отделения себя «от всего мира», а вот именно для связи с ним строилась значительная часть этого знаменитого сооружения. А другая ее часть имеет в разных местах ворота, через которые происходила, и поныне происходит, оживленная торговая связь с жителями застенных областей. Очень и очень сомнительна ценность стены, как военного укрепления, но что существование ее помогло китайцам регулировать в желательном им духе торговлю со степью, — это несомненно. Говорить, будто стена служила Китаю средством отгородиться от более культурных народов, это все равно, что утверждать, будто мо-

сковское царство строило вдоль «дикого поля» караульные курганы для того, чтобы не допустить проникновения католической ереси и немецкого лютеранства. Если и можно говорить о китайской стене, как о «загородке от культурных народов», то лишь постольку, поскольку мы будем относить к числу культурных тех, кто додумался до способа изготовлять спиртной напиток из молока, до изготовления седел, войлока и юрт да еще некоторых несложных орудий домашнего хозяйства. Что же касается оседлых культурных народов, то до них во времена постройки стены было так далеко, что даже самое существование их было китайцам совершенно неизвестно.

Легенда о «замкнутости» китайцев — это только легенда; это одна из тех глупых и вредных легенд, которые нужно было выдумать, чтобы оправдать кровавый набег английских убийц в XIX веке. На самом деле, как это ни трудно доказать фактами, Китай был гораздо более гостеприимным по отношению к чужакам, чем многие другие государства. Если ненависть к иностранцам и явилась впоследствии, то это вина этих иностранцев, а отнюдь не китайцев.

Приведенные здесь немногие факты дают некоторый материал и для оценки другого столь же распространенного предрассудка, предрассудка относительно, якобы, «присущей китайскому духу косности».

«Косный дух Китая», «неподвижный Китай», «тысячелетний сон», «китайский консерватизм» и т. д. и т. п. — сколько раз произносились эти фразы писавшими о Китае! Сколько раз повторялись они и теми, кто ничего о Китае, кроме как о его пресловутой стене, о китайском чае, да еще о «китайской грамоте», не слыхал и слышать не хотел! «Неподвижный Китай»... А разве очень «подвижна» была московская Русь? Разве «подвижны» были европейские цеховые мастера, сжигавшие новые изобретения, а заодно топившие и их изобретателей? «Подвижна» была вся Европа в течение длинного ряда веков? И не было ли движение ее в течение, по крайней мере, пяти веков (с IV по IX) не вперед, а назад? Возьмите Византию, возьмите Испанию и Португалию — даже Голландию — сильно разве прогрессировала она после того, как английская конкуренция начала ее подавлять? А пример Польши, шагавшей в течение 2 веков назад! А Германия после Тридцатилетней войны! Не было разве моментов топтания на месте в жизни европейских народов даже в новое время? А разве в наши годы не наблюдается регресса в целом

ряде европейских стран, в целом ряде переживаемых ими явлений!

«Косный дух Китая»... Поезжайте в Китай... да нет, просто читайте повнимательнее идущие оттуда телеграммы и корреспонденции, вникните в них и попробуйте оценить громадность пережитых Китаем перемен, пережитых за какие-нибудь три десятка лет и даже меньше того. Все переменилось в Китае: переменился язык, изменился внешний вид людей, быстро и решительно ломается старый быт. Давно ли китайская молодежь считала уважение к старому и старым своей священной обязанностью — а в 19 году, ломая и руша, она была в первых рядах освободительного движения и очень мало считалась с предостережениями старцев. Давно ли был этот 1919 год? Но студенчество уже в первых рядах бойцов. Уже выступил новый класс, выступил пролетариат, который еще в 1912 году почти не заявлял о своем существовании; в 1919 г. он еще шел по указке студентов и шел не в очень заметном количестве. А в 1922 году он уже дал блестящий бой британскому капиталу в Гонконге; в 1923 году организованно выступал по всей огромной стране в знак солидарности с железнодорожниками и с тех пор не прекращает борьбы. Давно ли китайская армия была всеобщим посмешищем? А теперь дело революции защищает прекрасно организованная, политически воспитанная, сознательная сверху донизу армия Кантона. Давно ли даже введение конституционно-монархического строя казалось в Китае далекой, неосуществимой мечтой? А вот теперь уже пройденной ступенью стало для передового Китая увлечение американским демократизмом. Пройдет еще два-три года и, кто знает — быть может, в Китае актуальными станут вопросы, которые в 1917 году стояли перед нами. Что осталось от пресловутого «косного», «консервативного», «сонного» и проч. китайского «духа»? Куда девался он? Как мог он отлететь от Китая?

Но, могут возразить, Китай только теперь «проснулся», — проснулся после долгого, тысячелетиями длившегося сна; а перед тем, как он проснулся, «косный дух» прочно владел им. Вот на это-то возражение ответить нужно непременно. Это необходимо, чтобы заранее рассеять третий предрассудок о Китае, предрассудок о «неинтересности» его истории. Многим, даже из числа тех, кто изучал прошлое Китая, оно представляется каким-то бессмысленным передвиганием марионеток — царей, цариц, династий, — каким-то вечным кружением вокруг одной и той же точки, сплетением неинтересных

для некитайцев анекдотов, какой-то грудой из наставлений мудрецов, дворцовых переворотов, убийств, узурпаций, непонятных бунтов и жестоких усмирений.

Действительно, большая часть того, что писалось о прошлом Китая — все эти династийные истории и переделка из них на европейские языки — имеет именно такой характер, и если очень невесело читать о том, кто, когда и по какому случаю зарезал своего соперника у нас, в России, то тем менее интересно узнавать подобные же хроники преступлений, имевших место в Китае. Но в Китае, как и везде, происходили не только смены царей и династий, не только придворные интриги. Все это было лишь мелкими явлениями на фоне жизни огромного народа, вернее народов, и их жизнь, как и везде, протекала в изменявшихся условиях.

Были века, когда Китай прогрессировал стремительно, когда его хозяйство изменялось с каждым веком, когда делались изобретения, создавались новые производства, улучшались старые и росла торговля. Были и такие века, когда необработанные пустоши росли во всем Китае, когда вырождалось ремесло и гибли старые торговые центры, когда население резко уменьшалось и на развалинах незадолго перед тем могущественной единой империи появлялись враждующие друг с другом многочисленные князьки. В первом веке н. э., когда, по вычислениям Шмоллера, население всей Европы, несмотря на процветание Рима, исчислялось всего лишь в 30 миллионов, Китайская империя была жилищем 60 миллионов человек, не включая тех, кто заселял огромные пространства завоеванных ею земель. В V веке Китай был редко-населенной страной, где возродились давно забытые феодальные порядки... В VII, в VIII веках Китай, по мнению очень многих, становится самой культурной частью всего тогдашнего мира; к этому времени он — место встречи выходцев из Японии, из Персии и даже из Византии. Затем новый развал, новый подъем. Далее — эпоха монгольского господства, когда, по словам знаменитого путешественника, венецианца Марко Поло, порты Китая кишели судами многих наций, и когда китайский император был сюзереном правителей, сидевших на Волге и в Персии, а китайские купцы, врачи и инженеры доходили до Средиземного моря и работали в Месопотамии... Крестьянское восстание, восстание победившее, но приведшее в результате не к торжеству крестьян, а к неслыханному накоплению земель в руках скупщиков, кулаков и придворных любимчиков... Морские путешествия до Африки и Аравии... Война с Японией... Потеря степных

владений... Набеги степных кочевников. И опять грандиозное восстание; опять внешний завоеватель. А затем — невиданный рост политического могущества, колоссальное расширение, необычайный рост населения... И, наконец, столкновение с промышленной Англией, и 80 лет унизительного полуколониального существования. А затем революция, распад, индустриализация, борьба дуцзюней и новый, совсем новый ветер над полями и городами Китая, — ветер, доносящий мощные призывы из Москвы.

Это — последнее, нынешнее. Но и то, что было раньше и что общими мазками нарисовано здесь, разве говорит о вечном покое, о «застенной» самодовольной «спячке»?

Нет! Китай жил, и жизнь его не была безмятежным сном. Он жил, изменялся и прогрессировал. Но знал и моменты упадка — целые века упадка. Но ведь и Средиземноморский мир не шел все время вперед! Он тоже знал эпохи упадка и развала, и разве далеко он ушел от римлян ко времени Возрождения? А его южные и восточные страны — значительная часть Северной Африки и Передняя Азия — разве не стали они теперь менее населенными, менее обработанными, чем они были даже много веков тому назад?

В XVII веке, говорил в одной из своих речей М. Покровский, Китай стоял на одном уровне с Европой. Пусть это и переоценка, но даже три века не такой большой срок, чтобы лишить народ Китая возможности догнать ушедших вперед. А Китай теперь догоняет Европу быстро, и, думается, недалеко то время, когда он догонит ее во всем. Идеологически он в лице своих передовых революционных борцов уже перегоняет ее.

Но как ни быстро развивается Китай, как ни интенсивно он впитывает все то новое, что выработала обогнавшая его на 2—3 века Европа, результаты многосотлетней его истории сказываются и еще долго будут сказываться и на нынешнем и на будущих неродившихся поколениях. А потому нельзя пренебрегать изучением его длинной и совсем не такой уж неинтересной истории. Не мало найдется в ней и такого, что либо очень слабо, либо даже вовсе не было выражено в истории других народов. В этом ее общечеловеческий интерес. И не только в этом. Многие факты, пережитые Средиземноморскою областью и всем человечеством вообще, не могут быть поняты без параллельного ознакомления с фактами, связанными с историей Китая. Судьба эллинистических государств в Средней Азии, нашествие гуннов, которые двинулись на Запад потому, что получили сильнейший толчок на Вос-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urals.ru/

токе, со стороны Китая, появление в Западной Азии турок, когда-то игравших видную роль на окраинах Китая и в самом Китае, монгольское нашествие на Европу, важные детали первоначального накопления, ослабление арабов, события в Индии, внезапный подъем Японии на уровень великой державы, условия расширения и колонизации России, роль Голландии, как колониальной державы, происхождение книгопечатания, пороха и компаса, история агрономии и многое множество другого вряд ли может быть полностью понято без изучения истории Китая.

В частности, история нашей собственной страны, вероятно, гораздо теснее сплетена с историей Китая, чем нам представляется теперь, при нынешнем уровне наших знаний. Достаточно вспомнить, что те степняки, которые так часто тревожили наши южные границы, имели тесную связь со степью, охватывающую Китай с севера; осадные средства, крушившие стены наших древних городов, вряд ли были монгольскими, а не китайскими изобретениями. Есть прямые указания на то, что в походе против России участвовали и бывшие солдаты существовавшей с XII по XIII век северной Китайской империи (Цзинь). Внезапное превращение степняков в оседлых жителей Казани и Астрахани, торговых центров на Волжско-Каспийском пути, и близ Тобольска, на пути в глубь Азии, вряд ли прошло без участия китайцев. Находки на развалинах по Нижней Волге являются, как кажется, достаточно веским доказательством этого. Но это не все [1]).

Наша страна является тем, как уже здесь сказано, историческим новообразованием, которое собрало и объединило все земли, когда-то пусто лежавшие между отрезанными друг от друга древними империями-гигантами, Римом и Китаем, — между Средиземноморской областью и столь непохожей на нее областью китайской культуры. Через Россию пролегала удобнейшая и практически самая короткая из соединяющих эти разнородные миры путей дорога. По одну сторону от нас — наследники земель Рима, усилившиеся, разбогатевшие, привыкшие к господству и столь туго расстающиеся в лице даже своего передового, рабочего, класса с предрассудками-цепями, с другой — формально единый, обедневший, но зато не имеющий почвы для выращивания опасных для дела трудящихся уклонов, загоревшийся революцион-

[1]) По мнению монголоведа И. А. Клюкина, часть монгольских племен была знакома с земледелием еще во время пребывания своего в Монголии.

ным пожаром Китай. И мы на пути от одного мира к другому. Можем ли мы позволить себе роскошь знать об одном из них только сегодняшнее и отворачиваться от его прошлого.

И не нужно тоже забывать, что на юге области китайской культуры, в далеком от нас Индо-Китае, находится другой стык.

Там начинается область индийского расселения, начинается третья великая культурная область, с много более чем 300 миллионным населением. И линия ее соприкосновения с китайской областью все удлиняется, ибо с каждым годом растет на островах Тихого океана и китайское и индийское население. От Сингапура, полукитайского, полуиндийского, вплоть до самых далеких островов Океании, происходит это распространение. И опять-таки без знания прошлого нельзя понять многие детали этого знаменательного процесса.

Но много ли может дать эта небольшая книжка? Может ли она исчерпывающим образом объяснить прошлое Китая и всей области китайской культуры? Конечно же, нет! Ведь даже в отношении стран Запада, где целые поколения прошедших хорошую школу историков критически осветили все исторические закоулки, отбросили все несообразное и отобрали научно доказанное, где вслед за ними пришли другие и установили закономерность явлений на основе уже проверенных другими фактов экономического порядка — даже там многое множество вопросов осталось неосвещенным или освещенным далеко не полно.

В отношении Китая дело обстоит значительно хуже. Это не значит, что в Китае было мало писавших о прошлом. Нет, исторические труды Китая бесконечно обширны; да к тому же они в отношении хронологии событий более достоверны, чем многие европейские. Даже самая сухость их изложения является для исследования скорее плюсом, чем минусом. Но одно дело — перечисление событий, а другое дело — их правильное исследование и освещение. А вот это-то и остается до сих пор в значительной части огромным непочатым краем, требующим многих подготовленных работников. Они, конечно, найдутся. Они уже есть; есть и китайцы, есть и европейцы. Труды их частью отпечатаны, частью до сих пор ждут своего издателя. И тем не менее понадобится еще не мало времени, прежде чем из всех этих многочисленных трудов, обычно затрагивающих лишь какой-нибудь один исторический период или одну сторону жизни, может вырасти объединяющая работа, которая даст более или менее полную кар-

тину исторической жизни Китая. Понадобится еще большая критическая работа, понадобится контр-критика и критика на критику.

Однако, и те труды обобщающего характера, которые уже имеются, позволяют до некоторой степени уяснить основные закономерности в ходе истории Китая. Конечно, многое из высказанного здесь окажется нуждающимся в серьезных и коренных поправках. Это совершенно ясно. И все-таки мы берем на себя смелость выступить с этой работой теперь же, ибо даже простая систематизация фактов, позволяющая более или менее разглядеть связь между экономикой и фактами из области политики и идеологии, все же лучше, чем биографии высочайших особ, их министров и их любимых жен и наложниц.

В заключение два слова о династиях. Решительно все известные нам исторические труды о Китае, касаются ли они политики, искусств, ремесл, литературы и чего угодно, имеют подразделения на главы и части по названиям династий. Таким образом, для читателя, который не захочет ограничиться этой книжкой, знание этих династий необходимо, как знакомящемуся с географией той или иной страны необходимо умение разобраться в градусной сетке.

С той же целью — для ориентировки во времени — приведены в тексте и даты из лучше известной большинству читателей истории Запада. Впрочем, очень нередко можно найти и прямую связь между событиями на Западе и в Китае.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

III.

Географические факторы в истории Китая и сопредельных с ним стран.

При первом взгляде на карту бросается разительное несходство географических черт Средиземноморской области и области китайской культуры [1]).

Средоточием Средиземноморской области является море, — очень узкое, но зато сильно вытянутое с запада на восток, испещренное островами, разграниченное далеко вдающимися в него полуостровами, сравнительно защищенное от бурь, — словом, не море, а скорее нечто в роде огромного норвежского фиорда. Оно точно нарочно устроено, чтобы дать живущим по его берегам людям удобную бесплатную дорогу из одного места до отдаленного от него другого. К северу от этого моря — не слишком широкое пространство суши, за которым, по выражению одного из писавших об истории колонизаторства, простирается другое, «северное Средиземное море» — Немецкое и Балтийское. Вода с лежащей между двумя водными пространствами суши стекает в разные стороны, но верховья рек сближены между собой и позволяют без особых трудов передвигаться из одного моря в другое даже при отсутствии сколько-нибудь сносных сухопутных дорог. Страны, лежащие к югу и востоку от Средиземного моря, не исключая даже Персии, не очень далеки от него. Даже для Персии оно имело известную ценность, как дорога. А для греков, финикиян, карфагенян и т. д. оно имело исключительно важное значение.

Совсем иная картина в области китайской культуры.

Ее сосредоточением являлось не море, а суша, и жители этой суши, ставшей территорией «Срединной империи», в раннюю эпоху своей истории совсем не нуждались в море, как

[1]) Нужно иметь в виду, что почти вся территория Советского Союза, за исключением лишь Черноморского побережья, Украины, Кавказа и отчасти бывшего пути «из Варягов в Греки», лишь 3-4 века тому назад начала заметно втягиваться в орбиту истории Средиземноморского бассейна. До тех пор она была слабо связана с нею.

Собрание В. Г. Белинского
http://belinsky.su/

в большой дороге. Для них оно было только местом рыбной ловли, но не больше. Если бы среди китайцев, живших лет за 3—4 тысячи тому назад, нашлись люди, которые из любопытства ли, по случайности ли поплыли зимой, когда ветер дует с северо-запада, в открытое море, то еще неизвестно, добрались ли бы они до ближайших к Китаю земель, или нет. Могло случиться и так, что ветер гнал бы их все дальше и дальше; они прошли бы мимо островов Рюкю, быть может, и не заметив их, и помчались далее в открытый океан. Всего вероятнее, что рано или поздно они стали бы жертвой страшного тихоокеанского тайфуна и погибли бы, не успев перед смертью открыть ни одной новой земли. Если бы эти люди поплыли в восточном направлении, они могли бы добраться до Японии. Но, во-первых, расстояние от Китая до Японии так же велико, как расстояние от берегов Португалии до сравнительно поздно открытого европейцами острова Мадейра, и путешествие до нее первобытных судов не менее, а, пожалуй, более опасно, чем по Атлантике, а, во-вторых, китайцам просто не-зачем было путешествовать в Японию; ведь даже в начале нашей эры Япония была совсем варварской, дикой страной, а 3 тысячи лет назад там еще продолжался каменный век. Грекам 3000 лет тому назад было ради чего пускаться в море: продукты египетского и азиатского ремесла были достаточно сильной приманкой. Для их же современников-китайцев ни Япония, ни Филиппины таких приманок не имели и иметь не могли.

Итак, в глазах древних китайцев море было не более как препятствием; лишь поднявшись на несравненно более высокую ступень развития, стали они мореходной нацией. Ясные указания на этот переход относятся уже к концу дохристианской эры.

Нужно, впрочем, отметить, что Кантон, как морской порт, упоминается довольно рано. Неизвестно, однако, был ли он только местом захода иностранных моряков, или же кантонцы и сами плавали в чужие страны. Но вот малайцы, стоявшие несомненно на более низкой ступени развития, чем китайцы, безусловно, были опытными моряками задолго до нашей эры. О них, как об опасных пиратах, знал уже Птоломей. Он писал о них в 130 году нашей эры.

Если моря, широко открытые в сторону океанов, глубокие, бурные и «никуда не приводившие», долго не имели для Китая значения больших дорог, то зато реки приобрели для него колоссальное значение. И не только реки. Уже 2½ тысячи лет тому назад китайцы начали создавать и искусствен-

ные водные пути; среди прорытых тогда каналов упоминается один, продолжив который, китайцы создали впоследствии самый длинный во всем мире искусственный путь. Он существует и поныне.

Но система китайских рек мало похожа на европейскую. В Европе река — участок пути от моря до моря, из которых оба являются большими дорогами, более важными, чем эти реки; такие речные пары, как Сена и Рона, Дунай и Рейн, Днепр и Западная Двина, — типичны в этом отношении. В Китае же роль Средиземного моря долго выполняла самая важная его река Янцзы-цзян (по южному: Янце-кианг), она начинается в дикой части Тибета, а кончается в море, которое, в силу указанных причин, лишь очень поздно стало действительно важным путем сообщения.

Большая часть других важных рек Китая, даже не входящих в бассейн Янцзы, была так или иначе связана с нею, — одни благодаря волокам, проложенным через водоразделы, другие благодаря каналам. По этим волокам и каналам грузы передвигались от Южного Китая и даже нынешнего Тонкина до Тяньцзиня и далее, почти вплоть до Пекина. Эта система внутренних водных путей, которую до известной степени можно уподобить колесу, спицы которого сходятся к ступице, резко отличается от системы европейских рек, образующих более или менее обособленные пары. В Европе речная торговля способствовала политическому объединению племен, живших от моря до моря вдоль речных пар, но не тех племен, которые жили вдоль разных пар. В Китае же объединительные усилия направлялись к Янцзы и от Янцзы, что означало тенденцию к образованию единого громадного государственного объединения, которое уже в силу своей громадности и благодаря включению в его состав очень не похожих одна на другую частей не могло не быть хрупким. И, действительно, каждый раз, когда в Китае происходило ослабление производительных сил, когда падало крестьянское хозяйство и ослабевала торговля, то центробежные силы давали себе чувствовать, а в III в. н. э. произошел распад, хотя хозяйственный кризис и не достигал, повидимому, такой силы и глубины, какой он достиг в рабовладельческом Риме.

В настоящих технических условиях, когда воды, омывающие берега Китая, давно превратились в удобные и почти такие же безопасные пути сообщения, как воды Атлантики, когда при устьях китайских рек возникли иностранные концессии, а их обитатели насильническими договорами доби-

лись того, что транспортировка привозимых из-за границы товаров от моря в глубь Китая обходится дешевле, чем перевозка на одинаковое расстояние между двумя точками Китая, когда, наконец, появились железные дороги, — тогда влияние описанной системы внутренних речных путей перестало ощущаться. Торговые связи, идущие в направлении юг — север (или север — юг), ослабели, связи, идущие с востока на запад и с запада на восток, отчасти, усилились. А вместе с тем увеличились, хотя уже и на совсем иной основе, и центробежные силы.

Нельзя, однако, не подчеркнуть, что еще совсем недавно, всего сто лет с небольшим, иными словами, до того времени, как в Китае почувствовались результаты рождения машинной промышленности, преобладание значения внутренних торговых связей над значением связей внешних было настолько велико, что описанное здесь влияние системы внутренних путей оставалось почти таким же, каким оно было в давно прошедшее время.

Правда, вывоз Китая и тогда был довольно большим, в частности, вывозилось очень много чая, в отношении которого Китай был тогда монополистом на мировом рынке; вывозилось не мало и шелков, а также хлопчатобумажных тканей и фарфора. Но все это шло, главным образом, из районов, во-первых, не очень далеких от моря, а, во-вторых, связанных с ним давно пробитыми, исхоженными путями. Но гораздо существеннее то, что тогдашняя внешняя торговля была односторонней. Продавая довольно много, Китай чрезвычайно мало покупал, а то, что покупал, — речь идет об индийском хлопке, ибо остальное было мелочью, — то, повидимому, далеко в глубь Китая никогда не шло, а перерабатывалось где-то около места выгрузки.

В этом отношении — в решительном преобладании определяющего значения внутриимперской сухопутно-речной торговли над значением внешней, морской торговли — Китай резко отличался не только от городов-государств Греции и Финикии, но и от средневековой Европы.

Лишь во второй половине XIX века разрывание меридиональных связей и частичное укрепление за их счет связей широтных становится процессом, бросающимся в глаза. Но уже к последним годам того же века относится постройка железных дорог, существование которых действует в обратном направлении, т.-е. восстанавливает разорванные хозяйственные связи.

Вернемся, однако, к прошлому, когда не было ни железных дорог, ни иностранных концессий, ни насильнических договоров, ни, наконец, культурного, экономического и военно-политического господства Европы и когда единственными опасными внешними противниками Китая были обитатели монгольских и тибетских сухих степей, и попробуем выяснить значение этой степи для исторических судеб Китая.

Набеги степняков знал не один Китай: Египет, Палестина, Месопотамия, Персия, Индия, оазисы Туркестана, наконец, Россия и даже Западная Европа — все они в той или иной степени испытывали их. И не раз кончались такие набеги утверждением господства кочевой знати над народами-земледельцами. Китай в этом отношении был в несравненно худшем положении, чем Западная Европа, и не в лучшем, а скорее в худшем, чем Россия. Степь охватывает его пределы на огромном протяжении, и борьба с нею, длительная, бесконечная, была для него неизбежностью. Господство степняков над отдельными частями Китая, а иногда над всем Китаем, повторялось много раз в его истории.

Но наступили иные времена, и те самые степняки, которые незадолго перед тем врывались в Китай, превращались сами в китайцев и в свою очередь делались противниками накоплявшихся новых степных орд. Не раз наблюдался и обратный процесс: теснимые степняками китайцы отбивали в конце концов их наступление, переходили, усилившись, в наступление сами, становились господами над степью и били непокорных, зачастую использовывая в качестве солдат сородичей своих врагов. Так, например, около двух тысяч лет тому назад китайцы распространили свою власть в Туркестане руками степных союзников. Позже, в VII веке, степняки, только-что перед тем распоряжавшиеся в Китае и помогшие родоначальнику Танской династии утвердиться на императорском троне, становятся в конце концов ее же подданными. Такая же судьба постигла и союзников маньчжурских покорителей Китая.

В чем же секрет этих вечных колебаний, — этой «превратности судьбы»? Чем объяснить, что сегодняшние господа превращаются завтра в данников, а вчерашние данники в господ?

Майский, автор книги о Монголии, прав, вероятно, когда связывает массовое стремление кочевников к передвижению с таким увеличением численности скота, когда наличной травы перестает хватать. Но это еще не все объяснение. Возникает вопрос, при каких же условиях численность скота может

беспрепятственно увеличиваться. Возникает и другой вопрос: при каких условиях объединение отдельных племен под общим руководством какого-нибудь одного племени наиболее вероятно. Попробуем же разобраться. Вспомним для этого ворота в Великой Стене, о которых говорилось в предыдущей главе, и о производившейся близ нее торговле, повидимому, очень обширной [1]).

Уже одно то, что на пограничные ярмарки стекались кочевники не только с ближних степей, но и из предгорий Алтая, с Байкала и из притяньшаньских районов, не могло не приводить и к взаимным столкновениям и к сближениям жителей степей. Если бы даже межплеменных столкновений этого типа не было, а были бы только обычные, никогда не прекращающиеся столкновения из-за пастбищ, наличие торговли должно было усилить их. Но степная борьба, когда она очень обостряется, обычно приводит к подчинению одним племенем или, точнее, диктаторствующими в нем родами, всех остальных племен, т.-е. к созданию того, что принято называть «племенным государством». Нужно думать, что, при развитии крупной торговли, это объединение должно наступить раньше, чем при отсутствии ее. По крайней мере, в истории Китая и его культурной области можно указать факты, как-будто подтверждающие, что образование степных «империй» было отражением образования перед тем крупного объединения на обрабатывавшихся, т.-е. на китайских, землях, существование которого естественно способствовало улучшению условий как внутренней, так и внешней торговли.

Но если земледельческое государство укреплялось, степная «империя» не могла быть долговечной, ибо конфликт рано или поздно должен был наступить, и когда он наступал, сильное земледельческое государство могло находить множество средств покончить с нежелательным соседом. Одно из них приведено страницей выше. Если же земледельческое государство ослабевало, а это могло быть при условии ослабления его производительных сил, то уже не о покорении степи, а о самообороне нужно было думать его жителям.

[1]) Пин Хуа-ли отметила в своем труде об экономической истории Китая, что прогон лошадей и скота через владения Цзиньской (северной) империи в Сунскую (южную) способствовал в XII и XIII веках сохранению урожайности почвы в первой. И это несмотря на то, что истощение почвы на севере ощущалось незадолго перед тем сильнее, чем на юге. Конечно, подобное утверждение требует проверки.

Наступление степняков было в этом случае неизбежным уже хотя бы потому, что с ослаблением земледельческого государства, ослаблением внутренних хозяйственных связей в нем и неизбежным падением его внешней торговли прирост стад, уже не регулируемый торговлей, делал пограничных кочевников агрессивнее. Перед ними была, конечно, возможность откочевать дальше в степь, но это была, в условиях ослабления земледельческого государства, линия наибольшего сопротивления, ибо откочевка влекла за собой столкновения с другими кочевниками. Нападение же на земледельцев уже не сулило больших опасностей, а создавшаяся раньше привычка к идущим от них продуктам подталкивала на риск (достаточно вспомнить о пристрастии монгол к кирпичному чаю и о широком потреблении ими продуктов китайского ремесла). И чем сильнее было перед тем проникновение в степи китайских товаров, чем меньше, следовательно, удовлетворялись собственным производством потребности степняков, тем их стремление к завоеванию было сильнее. Прежнее действие находило теперь свое логическое противодействие.

Кочевые империи обычно не бывали долговечны. Если же они все-таки доживали до момента подобного ослабления или, тем более, развала земледельческого государства, то уж никакие «китайские стены» удержать степного нашествия не могли, и оно свободно распространялось в глубь Китая; при этом образование новых государств, уже со степняками во главе, было обычным, хотя и не неизб[redacted] часто дело кончалось одним грабежом.

Теперь попробуем выяснить, отчего же могло про[redacted]одить ослабление земледельческого государства и какими могли быть для него результаты степного нашествия. Прошлое Китая дает довольно определенный ответ на эти вопросы.

Волнения, восстания, отделение окраин и распад — все это всегда начиналось тогда, когда вырастали потребности правящих классов, когда обогащалось купечество, когда росли налоги, росло взяточничество, когда усиливалась нищета деревни, истощалась почва, росли пустыри, но росли вместе с тем и имения, когда крестьяне снимались с насиженных участков и бежали куда глаза глядят, когда еще больше росло вследствие этого обложение оставшихся на месте, что приводило к еще большему истощению почвы и еще большему закабалению, большему росту латифундий, большим толпам бегущих. Одновременно разрушалась и национальная армия и ее заменяли наемниками из степняков, которые мало-по-малу становились хозяевами в стране. Они же стано-

вились и начальниками тех пограничных районов, куда стекались бежавшие из центра крестьяне и где они находили новые места для заселения. Центр оскудевал, периферия заселялась, и, наконец, создавались условия, когда наступающие орды находили на окраинах Китая не только обессилевшую китайскую власть, но иногда даже своих сородичей в роли китайских солдат и генералов и вновь образовавшуюся сельскохозяйственную базу, более прочную, чем у Китая в центре.

Все сказанное здесь, быть может, покажется читателю недостаточно убедительным. Быть может, он, познакомившись с фактическими данными, отвергнет вышеуказанную здесь гипотезу или же выдвинет свою собственную. Так или иначе, он, думается, не станет утверждать, что причины кочевых нашествий нужно искать только в степи или, главным образом, в степи, а не наоборот, в самом Китае. Уже одно то, что Китай, выдержавший в 1590-ых годах натиск сравнительно хорошо вооруженной и достаточно организованной армии японцев и под конец нанесший им оглушительное поражение, полустолетием позже был завоеван полудикарями маньчжурами, заставляет предполагать, что за это время в Китае что-то сильно изменилось. И, действительно, в нем тогда многое изменилось.

Остается еще сказать о значении сухих степей Центральной Азии и о Тибете, как о пространствах, через которые лежали пути из Китая в культурные страны Западной Азии и в Индию.

Конечно, они были, да в значительной степени и поныне остаются, серьезными помехами. Но говорить, что они «отрезали» Китай от остального мира, по меньшей мере, неосновательно. Каждый раз, когда потребности обмена этого требовали, степи, пустыни и дикие нагория пересекались дорогами, возникали на них оборонительные сооружения, расставлялись гарнизоны, приводились к покорности попутные враждебные племена, одаривались дружественные племена, и в конце концов путешествия по этим дебрям переставали быть страшными. Когда же Китай под влиянием указанных выше причин деградировал, ослабевал, и когда падала его торговля, тогда заглухали и оживленные до тех пор торговые пути, и заброшенные попутные караулки заносились песками.

Вернемся еще раз к морю. Около 1200—1100 лет назад море стало для Китая если не самым важным торговым путем (таковыми, как уже сказано, оставались внутренние пути), то, во всяком случае, достаточно ценным. Мы не рас-

полагаем статистическими данными, по которым можно бы было судить об активности китайцев, как мореходов по сравнению с арабами, персами и другими. Так или иначе, моряками они были, и они постоянно посещали торговые центры юго-восточной оконечности Азии и близких к ней островов. Правда, дальше — в Индию и Аравию — они редко плавали, хотя в виде исключения китайцы появлялись в XV веке даже у берегов Южной Африки. Задолго до этого их суда посещали более близкие к ним земли — Филиппины, Рюкю, Японию и др. Но, повторяем, море играло для них второстепенную роль. Это вовсе не доказательство отсталости Китая. В VII и дальше до XVIII века это доказывало скорее обратное. Так, например, невозможность широко развивать мореплавание в сторону Японии объяснялась тем, что правительство Японии, испугавшись отлива своего золота и серебра в Китай, воспрепятствовало торговле с ним. То же самое она сделала и в отношении европейских держав (с XVII в.). Приблизительно так же стоял вопрос и о морской торговле с Кореей. Но совершенно иначе обстояло дело относительно торговли Китая с Европой; слабое сравнительно развитие ее до XIX века объясняется не пресловутой «замкнутостью» китайцев, а тем, что с точки зрения меркантилизма торговля с Китаем была для Европы невыгодна — она означала утечку из Европы серебра в Китай. Во Франции ставился даже вопрос о запрещении торговли с ним.

Говорить, что Китай «был и остался на уровне речной культуры», нельзя. Можно лишь говорить о том, что его внутренняя торговля до наших почти дней (а, вероятно, и теперь) была значительно крупнее, чем внешняя, и что, начиная с XVI века, значение торгового флота Китая упало в пользу европейских флотов. Но нужно отметить, что одновременно сильно возросли обороты его торговли и притом не только на суше, но и в морских портах.

Теперь скажем несколько слов о других странах китайской культурной области.

Наибольшего внимания заслуживает среди них Япония, единственная не испытавшая ни разу непосредственного господства над собой Китая, но зато больше проникшаяся его культурой, чем Тибет, где непосредственное влияние Индии было не слабее китайского, или Восточный Туркестан, где сильно западно-азиатское, мусульманское влияние. Непокорившаяся Китаю Япония во многом стала «более китайской, чем сам Китай».

Этот «китаизм» Японии, чрезвычайно сильно сказывающийся в Японии и теперь, а также ее большая роль в истории Китая нового времени, заставляют ей уделить некоторое внимание. Для нашей основной задачи будет, однако, достаточно рассмотреть влияние на нее географических факторов лишь постольку, поскольку они способствовали или препятствовали проникновению в нее китайского влияния.

Впервые оно появилось в Японии приблизительно в начале нашей эры, но долго оставалось ничтожным по значению. И это вполне понятно: не было никаких экономических причин, которые способствовали бы установлению связи между двумя странами. При таких условиях разделяющее их море было целым безграничным океаном. Но когда (это было в VII веке) начался, обусловленный рядом причин, рост территории Китайской империи и когда в прямую или косвенную зависимость от нее попали почти все те земли, которые относятся к китайской культурной области, в том числе и Корея, ближайшая соседка Японии, а также нынешнее Приморье, то положение резко изменилось. Япония стала под прямую угрозу захвата. И вот тогда отдельные струи китайского влияния, проникавшие с IV или V веков в Японию вместе с бежавшими в нее от смут китайцами, слились в один поток и буквально захлестнули Японию. Море, бывшее до тех пор разделителем, стало исхоженной дорогой. «Океан» превратился в «речку», гораздо более «узкую», если говорить о ее проходимости, чем иные ничтожные речушки, отделяющие в Китае крестьянские деревни от поселений засевших в свои горные гнезда инородцев Лоло. Но «речка» стала «океаном» опять, когда изменились обстоятельства. Море осталось все тем же морем, но менялись производительные силы, изменялись вследствие этого политические взаимоотношения обеих сторон, и море становилось то препятствием, то большой дорогой.

То же самое можно сказать о Корее, Рюкю и о Филиппинах. Впрочем, прочно последние так и не вошли в состав китайской культурной области, хотя и заселялись китайцами. Так же обстояло дело и на Зондских островах. Китайцы явились туда лишь как один из элементов населения и, если не считать отдельных населенных пунктов, то они не господствовали там ни политически, ни даже культурно. Как это ни странно, их влияние заметно растет там только теперь, и центром этого влияния является Кантон.

На этом остановимся. В короткой главе невозможно остановиться на всех географических факторах, игравших

роль в истории Китая и его области. Им будет уделено внимание в связи с рассматриванием тех моментов жизни Китая, когда их влияние обусловливало характерные для Китая особенности развития. Одним из таких факторов и, пожалуй, важнейшим из них были разлития Хуанхэ (Желтой Реки), размеры которых и производимые ими невероятные опустошения кажутся просто сказочными, невозможными.

Представьте себе, что Волга прорвала себе новый путь где-нибудь ниже Саратова и пошла не в Каспий, а в сторону Кубани. Или что Кама выбрала себе новое русло и направилась на Самару, при чем сделала это не сразу, а предварительно испробовав то одно, то другое, то третье, десятое, двадцатое направление. Хуанхэ проделывала это не раз, и нужно было много усилий, чтобы удерживать ее рядом насыпей. Она и теперь течет выше окружающей местности.

Но Хуанхэ в течение последних 2 тысяч лет не главная река Китая. Таковой она была лишь до господства Китая на юге, когда важнейшей рекой стала Янцзы, имеющая иной характер и особенности. За Хуанхэ оставалось с тех пор лишь местное значение.

Иначе было в те давние годы, с описания которых начнется наше изложение.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

IV.

Общий ход истории Китая.

Первая достоверная дата в истории Китая, проверенная математически, относится, по мнению проф. Кюнера, нашего крупного востоковеда, к 2000 г. до начала нашей эры. Итак, значит, продолжительность исторической жизни Китая не менее четырех тысячелетий. Между тем, китайцы, несомненно, отстали от «более молодых» европейских наций. Отсюда делается вывод, что китайцы не способны к прогрессу.

Так ли это?

Ответим на этот вопрос вопросом же.

А можно ли рассматривать более чем четырехтысячелетнюю историю Китая, как единый непрерывный процесс?

Пишущий эти строки полагает, что нет, — невозможно, как невозможно нечто подобное и в отношении равновеликой с Китаем Европы, культурная жизнь в которой началась не позже, чем в Китае.

Современная Европа — наследница культуры античных народов. Нет ни одной области в науке, искусстве, гражданственности и т. д., в которой современный европеец не был бы в той или иной степени обязан древним. И тем не менее, историю современных европейских народов, в том числе греков и итальянцев, мы рассматриваем не со времен античной древности. Древние народы шли от патриархальной общины через феодализм к возникшей на основе торгового капитализма Римской империи, которая погибла, разрушенная внутренними противоречиями. Античный мир погиб. Новые народы начали свою историю с племенных общин. Лишь в XV—XVI веках поднялись они до поздне-античного уровня.

Перерыв в истории Европы был несомненно. В Западной Европе, в том числе и в Италии, он обозначился с поразительной яркостью. Западная Европа скатилась с падением Рима к дофеодальному уровню. Даже Италии не миновала эта участь. В юго-восточной Европе и прилегающих к ней местах перерыв был не так ярко обозначен. Но он был и там.

Византия после Юстиниана (VI в.) шла не вперед — ее развитие шло по нисходящей линии. Феодализм восторжествовал и в Византийской империи. И лишь недавно занимавшаяся ею часть Средиземноморского бассейна стала развиваться по восходящей линии.

Перерыв в развитии, быть может, менее отчетливый, чем в пределах бывшей Западной Римской империи, но более явственный, чем в Византии, был и в Китае. Этот перерыв определенно отделяет историю древнего Китая от позднейшей его истории. Известная преемственность между двумя этими историями есть несомненно, как есть преемственность между Грецией Перикла, Фемистокла и Александра и Грецией Венизелоса, как есть она между Италией Гракхов и Августа и Италией Гарибальди и Муссолини, как была она между Римской империей и Священной Римской империей. Но единого, целостного исторического процесса нет ни там, ни здесь.

История древнего Китая и история нового Китая — два обособленных процесса, связанных между собой лишь некоторой преемственностью идеологии. Древний Китай, Китай династии Чжоу, Цинь и Хань, Китай Конфуция и Мэнцзы умер так же, как умерли античные государства, как умер Египет, как умерло Вавилонское царство. Современные китайцы в такой же степени молодой народ, как французы — потомки галлов и римлян, как испанцы, как итальянцы, современные греки или британцы. И когда мы говорим о древности Китая, то это надо понимать в том же смысле, в каком говорят о древности культуры Европы, а не Германии, Дании или Сербии.

Таково мнение автора этой книги, мнение, правда, новаторское. Читатель может, конечно, осудить это новшество, сочтя его слишком дерзким, но факты, приведенные в следующих главах, остаются все же фактами. Они не выдуманы. Исходя из этих фактов, прошлое Китая можно обрисовать общими чертами в таком виде.

Китай пережил две обособленные исторические эры, — первую, которая начинается где-то во мгле седой древности и кончается приблизительно на грани II и III в.в. нашего летоисчисления, т.-е. за два века до события, считающегося конечной гранью истории европейской античности, и вторую эру, начавшуюся с III века и продолжающуюся поныне.

Вторая эра истории Китая отличается от первой и территорией, на которой протекали составлявшие ее события, и этническими признаками ее действующих лиц, и языком, и всем остальным, вплоть до характерных черт костюма.

Первая эра протекала, главным образом, на севере или точнее, в нынешних провинциях Шэньси, Шаньси, Хэнань, Шаньдун и отчасти Ганьсу и Чжили. Остальные провинции современного Северного и Среднего Китая в течение этой эры были не более как окраинами, а юг был чуждым краем, покоренным лишь в самом конце, но далеко еще не окитаенным[1]). Чистые китайцы (поскольку вообще можно говорить о чистых расах) в течение этой эры были жители севера. История Китая древней эры — это история, главным образом, бассейна реки Хуанхэ.

Вторая же эра характеризуется тем, что коренные китайские земли повторно заселялись новыми и новыми волнами пришлых племен — тунгусских, монгольских, тибетских и тюркских. Быть может, в крови современного северянина старо-китайская кровь составляет теперь лишь небольшую долю. Важнейшим сосредоточением китайского расселения стал бассейн Янцзы. Одним из важнейших центров китайской культуры сделался Кантон, — на крайнем юге, — инородческий и даже иностранный город в течение ближайшей части первой эры. Политически китайцы господствовали на юге почти все время. На севере же, т.-е. на своей коренной земле, лишь в виде исключения. История Китая новой эры, — история, главным образом, бассейна Янцзы и морского побережья.

Итак, мы имеем здесь и территориальное и этническое смещение.

Рассмотрим теперь общий ход событий по эрам. Первую эру можно проследить до времени племенного быта. Легенды, бытовые пережитки, суеверия, кое-какие проверенные факты, материальные памятники — вот тот материал, при помощи которого можно до некоторой степени приблизиться к истокам китайской истории. Примерно за 3000 лет до наших дней в Китае определенно складываются феодальные отношения. Земледелие становится основным видом хозяйственной деятельности. Наблюдается земельное утеснение. Устанавливается феодальная иерархия. Возникают города, с небольшими местными рынками вокруг них. Появляется и широкий рынок, но его значение не является определяющим. Приблизительно в VIII веке до начала н. э. усиление крупных феодалов приводит к резкому ослаблению царской власти и к фактическому распаду Китая на ряд отдельных, друг

1) В VI—VII в.в. до н. э. китайцы очень мало знали даже о нынешней провинции Хунань. Это была для них почти „terra incognita" (неизвестная земля).

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

от друга независимых больших государств, растущих как за счет варварских соседей, так и за счет царского домэна. В VI—V веке оформляются типичные для феодализма основные философские течения — рационалистическое, проникнутое психологией разумного эгоизма — его представителем является Конфуций — и мистическое, связанное с именем Лаоцзы, — учение дао. Рост ремесла и торговли, растущая неравномерность распределения благ, борьба за источники богатства приводят в V веке к ожесточенной войне всех против всех. С другой стороны, Китай переживает период интенсивной умственной жизни. Это — золотой век китайской философии. В III в. до н. э. феодальная борьба заканчивается объединением под единой властью первого императора Цинь Ши-хуанди. После его смерти наступает период реакции и частичного восстановления феодальных порядков. Но очень скоро династия фактически ликвидирует власть феодалов, подчиняет их себе, оставляя за ними лишь часть прежних доходов в 140—90 г.г. до н. э., проводит серию завоеваний, доходящих до Индо-Китая, с одной стороны, и Туркестана, с другой, постепенно расширяет права купечества, борется с крестьянскими восстаниями, испытывает затем умаление своего могущества, оправляется в начале нашей эры опять, вновь начинает завоевательные войны и необозримо расширяет пределы империи.

Период династии Хань, отметившийся громадным ростом империи и внешней торговли, был в то же время и периодом процветания культуры, уже не вполне, однако, самобытной, но испытавшей заметное влияние со стороны Индии, а косвенно и Запада. Наиболее крупным явлением в жизни тогдашнего Китая было обезземеление и задолженность крестьянства, сопровождаемые быстрым ростом крупной земельной собственности. Развившиеся на этой почве противоречия дважды приводили к колоссальным потрясениям. Второе из них привело не только к падению династии, но и к распаду империи, — распаду полному, решительному. Это сопровождалось возникновением на почве Китая (как и на Западе) варварских королевств, весьма недолговечных, весьма неустойчивых, почти полным прекращением внешней торговли, громадной убылью населения и частичным возвращением к давно забытым формам землепользования.

Картина, наблюдавшаяся в Китае с III века — это была картина явного возвращения к феодальным порядкам. Сюзеренитет и вассалитет в политической надстройке, полное господство залившего тогда Китай буддизма и возродившегося

даосизма в философии, архитектуре, скульптуре, общественной жизни и т. д., упадок светской идеологии, изменение в языке в сторону формализма, сухости, громадный рост монастырей и монастырских земель, переплавка денег в священные изображения, фанатическое увлечение варварских королей и особенно королев религией и множество других явлений — все это иногда до деталей сходно с происходившим несколько позднее у новых народов Европы.

Перед нами почти буквальное повторение знакомых картин Запада, того Запада, каким он был после падения Рима.

Перед нами картина явного сдвига назад, — сдвига, быть может, на целое тысячелетие.

Это начало второй эры истории Китая. Развитие начиналось сызнова, — начиналось, правда, не с первобытной коммуны, даже не с племенного государства, как где-нибудь в Галлии или Дакии, а, повидимому, с феодализма. Но после Ханьской абсолютной монархии и это было такое громадное отступление, какого не знала даже Византия.

Прошло со времени крушения Первой империи четыре столетия, прежде чем Китай вновь оказался объединенным. Это было достигнуто на исходе VI века н. э. С тех пор Китай оставался объединенным почти все время. Но бывали и перерывы, из которых один продолжался без малого 150 лет, но зато одна из существовавших тогда китайских империй, пожалуй, в наибольшей степени приблизилась к тому типу государства, которое Н. А. Рожков называет дворянско-купеческим. Такой была южная империя, находившаяся под властью Сунской династии, продержавшаяся почти до конца XIII века, когда Китай был завоеван монголами.

Кривая развития Китая не стала понижаться после этого завоевания. Наоборот, есть признаки, что она продолжала повышаться. Но затем наметилось понижение. Это произошло во вторую половину правления сменившей монголов китайской «национальной» династии Мин (1362—1644). Это понижение было явно связано с новым ростом латифундий.

Китай опять подошел к той черте, которую ему пришлось перешагнуть в III веке. Это было как-раз в то время, когда на Западе начался бурный процесс роста, приведший к тому, что Европа, в XI и XII веках сильно отстававшая от Китая, перегнала его. Теперь Европа прогрессировала, а Китай регрессировал.

Победа маньчжур в XVII веке отметила собой новый период восходящего движения, и в XVII веке Китай достиг наибольшего могущества. К тому же времени относится и то

стремительное увеличение его населения, которое сделало «Срединную империю» самым многолюдным государством, когда-либо существовавшим на земном шаре.

Этот период процветания был, однако же, сравнительно кратким. Рост населения, при одновременном сильном увеличении эксплоатации со стороны торгово-ростовщического капитала, создал множество противоречий.

В последнем десятилетии XVIII в. начался период восстаний. Затруднения осложнились тем, что появились со своими требованиями и с пушками англичане. В 1839—42 г.г. они сумели вырвать от Китая некоторые уступки. Они не привели бы Китай к превращению в колонию. Но когда в 1850 г. разразилось грандиозное тайпинское восстание и когда англичане совместно с французами использовали его, для Китая создалось то положение, которое мы наблюдали теперь.

С 1860 годов Китай превратился в колонию иностранного капитала.

Предпосылка его освобождения — индустриализация — возникла только во втором десятилетии нашего XX века.

Итак, вот краткая схема несколькотысячелетнего прошлого Китая.

Он пережил две эры, отграниченные друг от друга почти так же резко, как античная эра отделена в Европе от эры новых народов. Первая эра приблизительно совпадает по времени с греко-римской древностью. Вторая эра совпадает с эрой новых народов Европы. Как показано будет ниже, Китай раньше Европы вышел потом из полосы средневековья и до XIV—XV веков стоял либо впереди Европы, либо был на приблизительно том же уровне развития. Затем, в связи с аграрным кризисом, он пережил в XVI в. период застоя, подобно тому, как из европейских стран пережили его Испания, Польша и некоторые другие страны. Резко же он был отброшен назад лишь в годы тайпинского восстания — 1850—1864.

Именно неудача этого восстания привела Китай к положению колонии.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

II. Китайская античность

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

V.

Древнейший Китай.

В ученические годы ныне седеющего поколения составители наиболее ходовых учебников истории имели обыкновение делать исходными пунктами истории разных народов или какие-нибудь совершенно необыкновенные случаи или «основания первых столиц». Исторические анекдоты, легенды, потопы разных масштабов, обладатели в высокой степени невероятных добродетелей или столь же необычных пороков, чрезвычайно долго живущие цари и патриархи — все это в изобилии имеется и у китайцев. Но в отличие от большинства средиземноморских народов, смутные представления которых о своем прошлом можно проверять по достоверным воспоминаниям о них более старых народов, китайцы не имели таких соседей, которые могли бы рассказать о них. Яо и Шунь, два древних царя, выставлявшиеся позднейшими китайцами, как образцы всех добродетелей, правили, по китайским сказаниям, от 2356 г. до начала нашей эры по 2208, т.-е. целых 150 лет, при чем второй, якобы, унаследовал престол непосредственно от первого, а Яо, в свою очередь, был правнуком Хуанди, тоже процарствовавшего сто лет и бывшего наследником длинного ряда других государей. Легендарность всех этих древних правителей бросается в глаза каждому и, нужно думать, только почтение к авторитету Конфуция (который жил около 500 года до н. э.), много и часто говорившего о Яо и Шунь, заставляет китайских историков считать этих героев легенд за исторические личности. Нам это не пристало, и, значит, мы смело можем говорить, что тот период, к которому относятся первые 8 или 9 египетских династий, а также предшественники вавилонского царя Хаммураби, т.-е. лица, в существовании которого никто не сомневается, был для Китая тем, что (неправильно, конечно) называют «доисторией».

Но и тогда и много позже, даже, примерно, в те годы, когда Рим заканчивал борьбу с Карфагеном, у Китая не было ни одного непосредственного соседа, от которого могли

дойти до нас какие-нибудь письменные сведения о нем. Китай был в своей области средоточием цивилизации и, повидимому, единственной страной, имевшей письменность.

Итак, если говорить о словесных памятниках, то о древнейшем Китае мы можем судить лишь на основании того, что сохранилось в памяти у самих китайцев.

Что касается материальных памятников, способных долго сохраняться, таких, например, как египетские пирамиды, сфинксы и обелиски, храмы Вавилонии и ее глиняные обожженные плитки с надписями, то Китай их не имел или почти не имел. Даже те бронзовые изделия, которым приписывается большая древность, далеко не всеми рассматриваются, как действительно древние, а не как позднейшие подделки. Есть, правда, одна дата, а именно 2000 год до н. э., которую профессор Кюнер считает достоверной, ибо она проверена путем обратного вычисления времени солнечного затмения, но за 2000 годом следует длинный ряд веков, в течение которых не было уже ни одной проверенной даты, и лишь с 841 г. до н. э. начинается период хронологически достоверной истории.

К этому времени китайский феодализм уже развился, денежный обмен уже существовал, многие ремесла достигли большого совершенства, существовали города, была письменность и т. д., иными словами, существовало то, что могло быть результатом чрезвычайно длительного развития, развития в течение не столетий, а уже, наверное, тысячелетий, если только не многих тысячелетий.

Существует, правда, гипотеза, отрицающая самобытность китайской культуры и выводящая ее из Вавилонии. Но гипотеза эта настолько слабо подкреплена, что мы можем спокойно пройти мимо нее, т.-е. признать, что и до 841 г. до н. э. китайцы имели длинный период культурной жизни, когда в недрах племенного союза созревали и созрели феодальные отношения, когда развились ремесла, торговля и письменность и когда люди выучились отвлеченно мыслить.

Но сколько времени длилось это: 2, 3 или 10 тысячелетий? Были ли предки китайцев всегдашними обитателями бассейна реки Хуанхэ, или они пришли откуда-нибудь с запада, пусть, например, из Вавилонии? Начали ли они свою жизнь в нынешнем Китае с положения полулюдей, полузверей или они были обладателями более или менее развитой техники, когда появились на берегах притоков Желтой реки? — Все это пока-что область, быть может, и очень остроумных, но все же только догадок. Так или иначе, остатки

На путях в Собственно-Китай.

Военный пост в инородческом крае на юге.

Ворота Великой стены в Шаньхайгуане, ведущие из Собственно-Китая в Маньчжурию.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Китайские древности.

Идеографы феодального периода (эпохи Чжэу).

Остатки барельефов эпохи Хань.

древнего человека в Китае найдены в таких слоях (под лёссовыми наносами), которые указывают на его давнишнее появление в стране. Очень возможно, что он жил там рядом с вымершими млекопитающими.

Итак, вопрос о степени древности Китая остается открытым, но самый факт древности несомненен. Вместе с тем, почти несомненно, что древнейший Китай стоял за 1500—2000 лет до н. э. на более низкой ступени культурного развития, чем Египет, Вавилония и область критской культуры. Средиземноморская область в целом является в этом смысле более древней, чем китайская. Расцвет древней культуры Китая относится лишь к тому времени, когда происходил расцвет и в Греции, а не тогда, когда Крит, Египет и Вавилония были культурнейшими центрами средиземноморского мира.

Что же касается других народов Дальнего Востока, то их культурно-исторический возраст гораздо меньше. Если китайцев можно назвать историческими ровесниками греков, то японцев, корейцев, аннамитов, рюкюсцев и тибетцев нужно рассматривать, как сверстников новых европейских народов, а отнюдь не как «народы-старцы». То же можно сказать и о тех народах Индо-Китая и Зондских островов, которые находились под двойным влиянием — Индии и Китая [1]).

Область, которую китайцы занимали 3-4 тысячи лет тому назад, т.-е. в те времена, даты относительно которых не могут быть проверены с достаточной точностью, охватывала далеко не весь нынешний Собственно-Китай. Она простиралась, повидимому, только на современные провинции — Шэньси, Шаньси, Хэнань, Шаньдун и южную часть Чжили, при чем и первые 4 провинции заняты были не полностью, а лишь в тех их частях, которые близки к притоку Хуанхэ реке Вей, направление которой совпадает с южным коленом реки, к самой Хуанхэ и к реке Фынь, омывающей южную часть провинции Шаньси. Это та полоса, которая простирается приблизительно до 33° с. ш., на юге, и 37° или 38°, на севере (на западе под этими широтами находится Тунис и Сицилия и се-

[1]) Японцы и корейцы претендуют на большую историческую древность — японцы на 2½ тысячи лет, корейцы же на целых 4 тысячи. Но эти претензии построены даже не на песке, а на чем-то совершенно невесомом и могут быть отброшены без дальнейших обсуждений. Об этом см. проф. Конрада «Япония, государство и народ», а также мою «Япония в прошлом и настоящем». Впрочем, как пояснялось выше, в главе об общем ходе истории Китая, даже о китайцах можно говорить, как о древнем народе лишь в таком же смысле, как о нынешних греках.

верные части Персии). Нынешний же Китай, без Маньчжурии и без так называемых Внешних владений, расположен, как известно, от 18° с. ш. до приблизительно 42°. Из этого видно, что расширение территории китайцев происходило, главным образом, в южном направлении. Но это был медленный, чрезвычайно медленный процесс, тянувшийся целые столетия и даже тысячелетия. Так, Хубэй, где находятся города Ханькоу, Учан и Ханьян (теперь объединенные в виде города Ухань), еще 2200 лет тому назад рассматривался как хотя и окитаенная, но инородческая земля. Так же смотрели тогда и на Хунань, а лежащая еще южнее провинция Гуандун (Кантонская) была окончательно завоевана китайцами лишь около 2050 лет тому назад и только в VII—IX веках окитаилась окончательно. Что же касается юго-западной провинции Юньнань, то ее окончательное присоединение относится уже к XIII веку. Неассимилированные инородцы в значительном количестве встречаются на юге Китая и по нынешние дни.

Итак, говоря о ранней эпохе истории Китая, мы должны иметь в виду только север, да и то далеко не весь, а лишь сравнительно не очень большую его часть.

Эта древнейшая «северная» эпоха жизни китайского народа, сказания о которой дают в целом довольно полную картину развития того, что называется «племенным государством», и возникновения в недрах его феодальных отношений, разделяется китайскими историками на четыре периода, из которых первый даже правоверные китайцы рассматривают, как легендарный.

Этот легендарный, даже с точки зрения древних китайцев, период включает время правления «трех божественных государей», якобы, изобретателей самых разнообразных вещей, начиная со способа добывания огня и приручения животных до изготовления духовых и струнных инструментов и искусства письма, правление их наследников, правление Хуанди (впоследствии слово Хуанди стало нарицательным и стало обозначать понятие император), якобы, распространившего пределы «империи» от Янцзы до нынешнего города Баодинфу и от моря до города Сучжоу[1]), который стоит приблизительно на 98° в. д. на границе пустынь, и, наконец, правление сына и внука этого Хуанди. Заслуживает быть отмеченным, что начало шелководства китайцы относят к этому периоду, точнее ко времени царствования Хуанди.

[1]) Его не надо смешивать ни с другим Сучжоу, который расположен близ Шанхая, ни с Сюйчжоу.

Конечно, это утверждение нужно расценивать лишь как подтверждение глубокой древности, «доисторичности», происхождения китайского шелководства, а вовсе не как некий исторический факт.

О степени «неисторичности» эпохи Хуанди красноречивее всего свидетельствует список приписываемых ему изобретений. Он, по сказаниям, придумал компас и лодку, бамбуковую флейту и телегу, лук, стрелы и календарь, создал гончарное и деревообделочное ремесла, устроил первый монетный двор, установил меры и вес, поощрял торговлю, улучшил систему письмен, установил должность астрономов, которые изготовили для него небесный глобус, и даже написал ряд сочинений по медицине.

Как видно, всю историю своего, вероятно, чрезвычайно медленного прогресса китайцы фиксировали на легендарных фигурах своих древних патриархальных вождей. Даже то, что, без всякого сомнения, было придумано гораздо позже, например, тот же компас, оказалось в легендах изобретением этих патриархов. Вот факт, достойный внимания исследователей первобытной культуры.

С точки зрения прежних китайских историков, следующий период, период царствования Яо и Шунь, является уже достоверным. Как уже сказано, первый, якобы, начал свое правление в 2356 г. до н. э., а конец царствования второго, непосредственного преемника, и, кстати сказать, не сына, а только помощника первого, относят к 2208 году. Все, что рассказывается об этих «образцовых правителях», сравнение с которыми было всегда высшей похвалой для китайских государей, сильно припахивает легендарностью. Повидимому, оба они были таким же фоном, на котором потомки проектировали свои смутные воспоминания о прошлом, как и «божественные правители» и Хуанди. Но содержание проектируемого на них материала воспоминаний было уже иным. Это были не изобретения и открытия, а административные, судебные и административно-хозяйственные нововведения и реформы.

«Период Яо и Шунь» отмечен в легендах необычайно большим наводнением, якобы, начавшимся в 2297 году, а закончившимся лишь через 13 лет. Это то самое «событие», которое доставило значительный материал для квази-научных фантазирований миссионеров, пытавшихся связать его с Ноевым потопом. Однако, натяжка бросается здесь в глаза. Ведь в сказаниях о Ноевом потопе говорится о том, что даже высокие горы были покрыты водой, тогда как китайские ска-

зания, даже приукрашенные, повествуют лишь о совсем не чудесном разливе рек, с которым боролись при помощи сначала насыпей, а потом углублением русел и проведением водоотводных каналов.

Но рассказ об этом наводнении интересен не в связи с миссионерскими фантазиями, а с другим явлением, которое нельзя не отметить.

Организация борьбы с бушевавшей стихией была, по этому сказанию, поручена государем некоему Юй, которому и удалось в результате 8 лет работы ввести Желтую реку в ее прежнее русло. Когда же работа была выполнена, то Юй превратился в «первого министра» при Шуне, а после смерти последнего стал государем, но уже не личным только, не избираемым, как Шунь, а основателем династии, — династии Ся. Здесь бросается в глаза связь между организаторской деятельностью в крупном масштабе, с одной стороны, и превращением гражданского организатора в вождя отдельных племенных князьков, в том числе и сыновей самого Шуня, предыдущего государя.

Династия Ся, основанная Юй'ем, продержалась, по словам позднейших историков, с 2205 по 1766 г., когда в результате восстания ее вассалов появилась новая династия — Шан.

Династия Шан (переименовавшаяся позднее в Инь), оказалась немного более долговечной: время ее господства простирается с 1766 года по 1122-ой, когда ее сменила династия Чжоу.

То, что китайские историки рассказывают о периодах династий Ся и Шан (или Инь), дает сравнительно мало материала, который мог бы заинтересовать читателя. Хронология этих периодов весьма путанна и доверия не возбуждает, а рассказы о царях имеют характер малозанимательных анекдотов тенденциозно-поучительного содержания. Больше интересного материала дают об этой седой древности материальные памятники, в частности, бронзовые изделия и надписи на костях, найденных в Хэнани. Однако, возраст бронзовых изделий, относимых к Шан'ской, а тем более Ся'ской династиям, возбуждает у многих сомнения, а надписи на костях все еще остаются расшифрованными лишь наполовину. Больше того, даже самый факт существования искусства изготовления бронзы с несомненностью может быть прослежен лишь до XV века до н. э. (по Кюнеру), что же касается более древнего времени, то существование этого искусства можно только предполагать, — за это говорит вы-

сокое совершенство его при Чжоу, — но говорить о нем с уверенностью, при нынешнем уровне наших познаний, невозможно.

Вот в сущности и все, что в небольшой книжке стоит написать о до-чжоуском Китае, и мы этим ограничимся. Очень может быть, что изучение названных здесь материальных памятников со временем позволит по-новому подойти к китайским повествованиям о периодах династии Ся и Шан, позволит проверить их и выделить из них то, что окажется действительными событиями. Большой интерес, проявляемый к древностям ныне живущими китайцами, среди которых уже немалое количество овладело оружием современной науки, интерес к предмету и со стороны японцев, а также европейских и американских ориенталистов — залог возможности того, что наши сведения о древнейших периодах китайской истории скоро расширятся на много. База для этого во всяком случае есть.

Попробуем теперь, в целях ориентировки во времени, сопоставить древнейшие события в Китае с одновременными событиями в других странах[1]).

О первой половине третьего тысячелетия, когда в Египте и Месопотамии происходило оформление феодального строя, в истории Китая нет никаких сколько-нибудь достоверных указаний.

Период Яо и Шунь (2356—2208), как уже сказано, достаточно легендарный, совпадает по времени с тем периодом истории Египта, когда он переживал постоянные нашествия из Азии, когда его политическое единство, существовавшее при «Древнем царстве», было уже давно разрушено, но когда уже создавались предпосылки восстановления единства. К тому же приблизительно времени относится полное развитие феодализма в Месопотамии.

Период династии Ся (2205—1766 г.г.) — это время падения феодализма в Сумеро-Акадо-Вавилонском государстве и появления знаменитого кодекса Хаммураби, свидетельствующего о высокой ступени общественного развития, достигнутой тогда в Месопотамии. В Египте это было временем государственного объединения сначала на феодальной, потом на абсолютистско-бюрократической основе, время правления XI и XII династий, начало так называемого Среднего царства.

[1]) Материалы для синхронических сопоставлений взяты в данном случае из труда Н. А. Рожкова «Русская история».

COVID-19 http://bookcubic.ru

Период Шан или Инь (1765—1122) продолжался в Китае в те века, когда в Египте, быстро следуя одна за другой, сменились XIII, XIV, XV, XVI и XVII династии, пришли гиксы, овладели страной и, продержавшись 50 лет, были изгнаны основателем той XVIII династии, при которой египтяне предприняли походы на Азию, доходили до Месопотамии и достигли большого могущества, чтобы потом пережить века новых нашествий, поражений и чужеземного господства. Временный подъем хеттитов в Передней Азии, высокое процветание стран эгейской культуры и последние века существования Древне-Вавилонского царства относятся к тому же времени.

Гораздо более интересно было бы сопоставить события в Китае с тем, что происходило тогда в Индии, мощное культурное влияние которой впоследствии так сильно сказалось в Китае. Но, к сожалению, об истории древней Индии имеются слишком разрозненные и хронологически незакрепленные данные.

Приведенные синхронические данные помогут оценить достигнутый древним Китаем сравнительный уровень развития при династии Шан. Китай переживал тогда ту эпоху, которая характеризовалась чертами только формировавшегося, еще далеко не достигшего своего полного развития феодализма, тогда как и Египет и Древне-Вавилонское царство переживали уже эпоху падения феодализма. Зато следующие века отмечены несомненным и очень быстрым развитием Китая, тогда как Месопотамия, опередившая его на много веков, вернулась после ассирийского нашествия далеко назад; Египет постигла та же участь, а эгейская культура исчезла совершенно и без остатка, как исчезла культура хеттов и многих других.

Перейдем к следующему периоду китайской истории, — тому периоду, который в европейской литературе принято называть Чжоу'ским.

VI.

Феодальный Китай.

Размеры этой книги заставляют нас отказаться от мысли осветить все периоды исторической жизни Китая. Вот почему почти целое тысячелетие, отделяющее момент падения династии Шан от первой попытки объединения Китая в одну громадную империю, пришлось здесь вложить всего лишь в одну главу. А между тем, списанный в ней в самых общих чертах период — один из заслуживающих самого большого внимания. Именно в течение его сложились основы китайских философских систем и основы «китаизма» вообще. Но в русской литературе о древнем Китае его духовной жизни уделено не мало места. Достаточно назвать труды Георгиевского, проф. Кюнера и наших старых востоковедов, Васильева и других.

Иное дело — социально-экономический и политический строй той ушедшей в далекое прошлое эпохи. Об этом не только у нас, но и вообще в европейской литературе, собрано слишком мало серьезных данных, чтобы на основании их можно было представить себе полную картину происшедшей тогда феодальной революции, расцвета феодализма и его падения, — картину, для которой нужна особая, самостоятельная работа, а не одна глава.

Отсылая интересующихся к более солидным трудам об этом периоде, мы, повторяем, ограничимся здесь лишь схематической зарисовкой.

Итак, 1122—255 годы до н. э. — это тот период, который по имени правившей тогда династии называют Чжоу'ским. Нужно, однако, оговориться: выражение «правившей» следует понимать весьма условно, ибо если в первое время представители династии еще могли требовать подчинения себе князей, то впоследствии о таком подчинении уже не могло быть и речи, и Китай распался на несколько совершенно независимых от номинального царя государств, из которых некоторые были весьма могущественными, тогда как непосредственные владения Чжоу превратились под конец в нечто

COYHPNM: В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

весьма миниатюрное. Таким образом, о тысячелетнем существовании Чжоу'ской династии можно говорить лишь условно. Это только способ обозначения периода, не больше.

Начало его относится приблизительно к тому времени, когда под ударами греков пала эгейская культура, когда изгнавшие гиксов египтяне создали свое недолговечное «новое царство», когда вавилонское царство распалось на ряд сравнительно мелких государств и когда греки еще не вышли из эпохи полуродового быта. Конец же Чжоу'ского периода совпадает по времени с ранним расширением римского могущества и с существованием эллинистических государств, возникших на развалинах империи Александра Македонского.

Таким образом, Чжоу'ский период захватывает все время существования античной Греции, время краткого возрождения Египта и его повторных завоеваний внешними врагами, время появления, существования и распада Ассирийского, Ново-Вавилонского и Древне-Персидского царств и время объединения Италии Римом, тогда еще небольшой республикой, а не громадной империей.

Все эти далекие события не имели, повидимому, никакого даже косвенного отношения к Китаю периода Чжоу и он, отрезанный от других культурных стран бесконечными степями и горами, жил своей обособленной жизнью, но жизнью не неподвижной, не застойной: период Чжоу — это период быстрого прогресса Китая.

Уже в самом начале правления династии Чжоу, если не во всем Китае, то в коренных областях китайского расселения, земледелие стало основой хозяйства. Судя по данным, имеющимся в книге Пин Хуа-ли о сельском хозяйстве Китая, земельные просторы к тому времени уже исчезли и перелог сохранился лишь в худших местах. Плотность населения была уже неодинакова, и имелись города, как средоточия более заселенных районов, при чем система землепользования в последних отличалась от существовавшей при предыдущих династиях. Ремесло выделилось и достигло большого совершенства; появились фигуры купца и ростовщика. Однако, торговля не доразвилась еще до той ступени, когда становятся необходимыми легкие и портативные деньги. Впрочем, местные узкие рынки были, повидимому, налицо. Существовала и транзитная торговля на большие расстояния. Среди товаров, ввозившихся издалека, упоминаются перья, кожи, слоновая кость, кожа носорога, малахит, драгоценные камни и вообще предметы потребления верхушки общества и армии. Основным металлом было в течение значительной ча-

сти периода Чжоу не железо, а бронза, которая уступила место железу лишь позже. Это нельзя, однако, рассматривать, как признак отсталости Китая того времени, ибо и в Египте до 1500 г. железо употреблялось редко, а греки раннего периода ценили его наравне с серебром.

При всей своей неполноте, нарисованная здесь картина хозяйственного быта позволяет все же судить о том, что феодализм в эту эпоху должен был развиваться и развиваться при этом не в его отсталой, русской форме, а так, как, например, во Франции. Действительно, все данные указывают на это.

Уже с первых же годов Чжоу'ского периода, если верить китайским историкам, власть на местах феодалов была признана царем, который освятил своим авторитетом существовавшую у них иерархию соподчиненности. Однако, до IX века землевладение еще не влекло за собой суверенитета землевладельца, и носители царской власти иногда успешно, иногда безуспешно добивались фактического господства над феодалами.

842 год до н. э. является поворотным в этом отношении. Восставшие феодалы заставили тогда царя бежать и подчинились ему вновь лишь после того, как добились расширения своих прав. С 770 года, когда чжоу'ские цари перенесли свою столицу в Лоян (недавнюю ставку У Пейфу в провинции Хэнань), феодалы укрепились уже настолько, что цари, чтобы быть в безопасности, вынуждены были поступать под покровительство то одного, то другого из них. За это приходилось отплачивать землями, количество которых в царском домэне все уменьшалось. Зато у сильных феодалов земли скоплялись все больше и больше, и каждый из них становился на своей территории полновластным хозяином.

Между отдельными феодалами все время шла ожесточенная борьба, во время которой слабые либо вовсе теряли свои владения, либо отдавались под защиту более сильных. В результате из 1773 владений первого периода эпохи Чжоу образовалось 7 крупных государств и несколько мелких. В пределах этих семи крупных существовали, конечно, вассалы и вассалы вассалов, иногда тоже воевавшие друг с другом, иногда даже свергавшие своих сюзеренов и разделявшие чересчур разросшиеся княжества между собой.

Не все эти семь крупных государств были, однако, китайскими по населению. Так, например, Чу, которое занимало сначала нынешние провинции Хубэй и Хунань, а потом после завоевания двух западных соседей еще и часть Цзянси,

Цзянсу и Чжэцзян, считалось полуаннамитским, а северное государство Янь (в нынешнем Чжили) — полумонгольским. Языки отдельных государств различались один от другого, и только существование общей письменности, знаки которой изображают целое понятие, а не звуки, давали им возможность сноситься друг с другом. Войны, дипломатическая переписка, поездки послов, заключение союзов и т. д., — все это заполняет то время, которое описал Конфуций (предположительно) в своем «Весна и Осень». Это — 722-481 годы. Один из тогдашних договоров особенно интересен. Он был заключен между сильнейшими из существовавших тогда феодальных государств и связывал подписавших обязательством взаимного ненападения. Это было в 546 г. до н. э., т.-е. около времени рождения Конфуция (в 551 г.). Конечно, он ни к чему не привел, и борьба продолжалась.

Интересной чертой этого периода непрерывных войн было существование многочисленной интеллигенции, вечно кочевавшей из княжества в княжество, вечно интриговавшей и везде выступавшей со своими советами, поучениями и теориями. Внутри ее шла непрекращавшаяся борьба. Рационализм и мистицизм — в философии, защита феодальных порядков и скрытая или явная поддержка объединительных тенденций в политике, — вот, что, судя по Ли Юнбину, разделяло представителей активной интеллигенции. История этой борьбы идей, весьма сложной и интересной, сама по себе потребовала бы целой книги.

В процессе борьбы государств мало-по-малу начинало возвышаться государство Цинь, сначала маленькое, третьестепенное, а потом распространившееся на значительную часть провинции Шэньси, на часть Хэнани и значительные пространства Сычуани и Ганьсу. Рядом с его территорией владения чжоу'ских царей уже в V в. до н. э. были чем-то в роде жалкого придатка, а сами цари превратились, по выражению Паркера, в «подобие римских пап», но только совсем бессильных.

Расширение Цинь'ского государства было лишь отчасти связано с кровавой борьбой, свирепствовавшей в коренном Китае. Цинь раздвигалось в сторону инородческих земель, — на запад, северо-запад и юго-запад, а не на восток. Защищенное с востока стеной гор, не вмешивавшееся в феодальную распрю и, может быть, даже отчасти пользовавшееся выгодами транзитной торговли с Тибетом и Монголией, оно в решительный момент оказалось сильнее всех остальных.

В конце концов, оно овладело ими всеми, в том числе и могущественным Чу [1]). Это произошло в 211 году до н. э.

Но перечисленные преимущества географического положения были не единственными причинами силы государства Цинь. Объяснения успеха Цинь нужно искать в другом, — в экономике. А она, действительно, отличала Цинь от других государств той эпохи.

Цинь было страной прогрессивного земледелия. В то время, как другие государства переживали уже наметившееся тогда истощение почвы, в Цинь земледелие процветало и посевная площадь увеличивалась. Увеличивалась она не только из-за освоения новых участков девственных земель, но и благодаря проведению каналов, воды которых давали не только влагу, но и ил, восстанавливавший плодородие почвы. Уничтожение в 350 году, повидимому, стеснявших развитие земледелия прежних правил о землепользовании, допущение свободной продажи и покупки земли, — рассматривается как другой крупный плюс Циньского государства. Нужно еще отметить, что в нем не существовало сословных ограничений для желавших сделать служебную карьеру, что накопление в нем поощрялось (имеющие избыток хлеба и шелка освобождались от несения натуральных повинностей, а «нерадивые» наказывались потерей личной свободы), что созданы были всевозможные удобства для своего и чужого купечества и что изо всех соседних государств привлекались в Цинь на службу люди, отличавшиеся познаниями или способностями. Со старыми взглядами и установившимися традициями там не считались вовсе. Цинь Ши, завоеватель остального Китая и его первый «хуанди» (император), великолепно продемонстрировал это свое презрение к прошлому, когда приказал собрать и сжечь все старые книги, кроме только тех, в которых писалось о медицине, агрономии и астрологии. На уничтожение обрекались, следовательно, главным образом, те труды, которые трактовали о феодальной политике, феодальной морали. Сожжены были в числе прочих и творения Конфуция. Впоследствии их восстанавливали уже по памяти.

В период Чжоу жили в Китае знаменитые философы Конфуций (собственно: Кунцзы), Мэнцзы и еще раньше Конфуция — Лаоцзы, отец учения даосизма. Лаоцзы был совре-

[1]) Впрочем овладение Чу (нын. Хубэй), а тем более землями его вассалов, было непрочным. Фактически войска Цинь побывали лишь на коренных землях Чу, а не в нынешнем Южном Китае.

менником персидского вероучителя Зороастра и, вероятно, Сакиамуни, предполагаемого основателя буддизма, а также первых греческих философов-ионийцев; Конфуций жил одновременно с продолжателями дела первых греческих философов (он родился в 551 году), Мэнцзы же, истолкователь и популяризатор Конфуция, родился в 372 г. Его современником был, следовательно, Аристотель.

Лаоцзы, Конфуций и Мэнцзы были далеко не единственными представителями философии того времени. Мыслителей было тогда не мало в Китае, и среди них Конфуций, имя которого (в искаженном виде) известно всему свету, был далеко не самым талантливым. Пессимист и эпикуреец Ян Чжу, крайний альтруист Модзи (или Моди), видевший наибольшее счастье, возможное для человека, в «истреблении себя с головы до ног ради счастья мира», крупный стилист Синьцзы, конфуцианец, но резко расходившийся с Мэнцзы и другими в оценке человеческой природы, и ряд других мыслителей создали блестящий расцвет философской литературы заключительных лет чжоу'ской истории. Среди них одни формально принадлежали к школе Конфуция, другие же к школе Лаоцзы, одного из самых темных, трудно читаемых мыслителей Китая (по некоторым данным, он сам ничего не написал, писали его ученики).

Мистицизм и позитивизм, анархизм и прославление государственности, крайняя отвлеченность и простота, скептицизм, пессимизм, оптимизм, признание человека от природы добрым и ярое отрицание этого, призыв к напряженной деятельности и проповедь абсолютного неделания, — все эти столь непохожие оттенки мысли находили себе тогда умелых, ярких и страстных выразителей. Представление о Китае, как о стране, где «все однообразно и одноцветно», начисто опровергается историей той эпохи, — эпохи, когда Китай действительно, а не в воображении ничего не желающих знать о нем, был изолирован от всего остального мира и развивался, не заимствуя от других ничего. Лишь через 100 лет после падения Чжоу изолированность Китая прекратилась, и Китай вступил в связь с Западной Азией, с Индией, а косвенно и с Римом, одновременно распространяя свое культурное влияние и на соседние с Китаем варварские народы.

Объединение феодальных государств в единую обширную империю с цинь'ским государем Цинь Ши-хуанди (что значит: первый император из дома Цинь) во главе закончилось в 221 году до н. э., т.-е. за три года до начала второй Пунической войны, сделавшей Рим господином в западной

части Средиземного моря. Таким образом, политическое объединение Дальнего Востока и Средиземноморского бассейна происходило почти одновременно, как одновременно почти было и появление в Китае и в Греции знаменитых философов. Конечно, это простое совпадение: взаимной связи между Китаем и Западом Евразии еще не было.

Объединение страны не было, однако, полным. Южный Китай — Гуандун, Гуанси, Юньнань, Фуцзянь, Гуйчжоу и южные части Хунани, Цзянси и Чжэцзян если и входили в состав империи, то не были связаны с нею прочно, во всяком случае, впоследствии их пришлось завоевывать вторично. Не было это объединение и длительным. Уже после смерти Цинь Ши Китай фактически распался опять, а в 207 году распад был окончательным.

Тем не менее, царствование Цинь Ши оставило в Китае неизгладимые следы, следы, сохранившиеся и по сей день. Самой важной из тогдашних перемен было распространение цинь'ских земельных порядков на всю империю, т.-е. отмена последних остатков старой системы уравнительного землепользования и переход к частной собственности. Окончательное вытеснение древнейших средств обмена (раковин, например) металлическими деньгами, замена феодалов императорскими чиновниками, разделение империи на 36 областей, границы которых ничего общего не имели с прежними феодальными границами, постройка дорог, проведение кое-где каналов, уничтожение прежних придворных церемоний, делавших чжоу'ских царей затворниками-пешками, переход к новой, более легкой системе письменности, изобретение кисточки, заменяющей наше перо, ожесточенная борьба с идеологами старых порядков, появление у власти людей, весьма мало считавшихся с традициями прошлого, поощрение накопления, близость Цинь Ши к одному купцу, которого даже считали фактическим его отцом, — все это такие факты, которые прямо или косвенно говорят, во-первых, о революционности тогдашнего периода и, во-вторых, о том, что реформы были направлены в интересах тех, кто имел деньги.

В странном противоречии со сказанным выше стоит юридическое положение купцов при Цинь. Они, по выражению Ли Юнбина, автора «Очерков китайской истории», были поставлены в самом низу общественной лестницы и рассматривались «чуть ли не как преступники». Впрочем, юридически оставаясь приниженными и при следующей, Хань'ской династии, купцы умели тогда проводить в жизнь свои желания.

Возможно, что и при Цинь их неравноправие с земледельцами было не более, как юридической фикцией. Ведь и в России, несмотря на 300-летнюю давность господства торгового капитала, общественное положение купца было не из завидных.

Среди многих крупных сооружений, воздвигнутых при Цинь Ши, только одно сохранилось до наших дней. Но зато это сооружение колоссально; оно «восьмое чудо света». Это — Великая стена. Части ее были построены еще раньше, но связана в одно целое она была только при этом правителе.

Последние годы Цинь'ской династии отмечены колоссальными расходами, ростом налогов и ростом землевладения. В конце концов начались восстания, и среди повстанцев выделилась фигура одного мелкого администратора, ставшего в конце концов основателем новой династии, — династии Хань.

Об этой династии часто говорят, как об отметившей свое правление верностью историческим традициям Китая и как о резко отличавшейся в этом отношении от своей предшественницы, Цинь'ской. Если это и верно, то лишь в том отношении, что при ней опять появились феодалы и что конфуцианские писания вновь стали пользоваться официальным почтением к себе. Но и то и другое нужно принять со значительными оговорками. Да, феодалы действительно возродились; они не могли не возродиться, ибо при том развале, при той смуте, которыми отмечены были годы правления наследников Цинь Ши-хуанди, возвышение на местах неубитых прежних владык было естественным явлением. Но в том-то и дело, что возвращение их к власти было далеко не триумфальным. И пятидесяти лет не прошло, как они превратились в заурядных крупных землевладельцев, которые уже никакими правами иммунитета, суверенитета и т. д. не пользовались и которые были в полном подчинении у императора и его чиновников. Их даже лишили права жить в своих «владениях». Что же касается конфуцианства, то оно к тому времени было уже, повидимому, не тем, чем за несколько веков до Хань'ей.

Самое же существенное — частная земельная собственность, увеличение значения торгового капитала, бюрократический строй и императорский абсолютизм — все это при Хань'ской династии продолжало развиваться и укрепляться.

Вот почему нельзя говорить о Хань'ском периоде, как об оторванном от Цинь'ского и как о, якобы, повторившем то, что было при Чжоу. Хань были продолжателями и завер-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

шителями дела Цинь Ши-хуанди, главы первой возникшей в Китае единой империи.

И вот почему мы здесь отходим от общепринятого деления китайской истории на династийные периоды, предпочитая объединить времена правления Цинь, первых Хань и вторых Хань, т.-е. приблизительно 4 столетия, в один период — период Первой Китайской империи (221 г. до н. э. — конец II века н. э.).

К рассказу о ней мы перейдем в следующей главе.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

VII.

Мир времен Первой Китайской империи.

(С середины III в. до н. э. по начало III в. н. э.).

Как современный итальянец гордится своим «римским происхождением», так гордятся и китайцы именем «людей Хань'ей». В представлении нынешнего поколения и многих поколений, живших до нас, эпоха Хань была блестящей, едва ли не самой блестящей во всей истории Китая. Только кантонцы, жители страны, всего лишь около двух тысяч лет вошедшей в состав Китая, предпочитают себя называть «людьми Тан'ов».

Но говорить об эпохе Хань, как об обособленной от предшествовавшей ей короткой Цинь'ской эпохи, было бы просто неосновательно. Не при Хань'ях, а до них, совершилось крупнейшее событие в истории Китая — его объединение под единой властью. И это политическое единство, если не считать короткого перерыва, сохранялось почти полтысячелетия. Сменилась лишь династия, или, вернее, две династии (младшие и старшие Хань). Империя, возникшая при Цинь Ши-хуанди, оставалась и после падения его династии. Лишь в 180—220 годах н. э. разрушилась она окончательно. Вот почему о Цинь'ской и обеих Хань'ских империях удобнее говорить, как о Первой Китайской империи, безотносительно к тому, какой род возглавлял ее.

Возникновение ее относится к тому времени, когда Китай жил еще настолько замкнутой жизнью, что о связях его с внешним миром, если даже и были они, не осталось решительно никаких воспоминаний. Конечно, это не относится к связям с ближайшими, главным образом, кочевыми соседями, ибо такие связи были несомненно. Но уже через одно столетие после смерти первого императора завеса, скрывавшая от китайцев евразийский юг и запад, широко распахнулась, и китайцы внезапно открыли целый громадный мир, — новый для них мир Средиземноморского бассейна.

Это открытие не было безрезультатным. Китай оказался втянутым в обширную, если не по сумме оборотов, то по охва-

СССР Б. Г. Бельминского http://book.rac.ru/

ченному пространству, торговлю, стал сбывать свои товары на дальний Запад; соприкоснулся с Индией, с областью греческой культуры и, восприняв оттуда многое, очень многое новое, в конце концов сделал его, это новое, своим собственным культурным достоянием. Вероятно, приблизительно тогда же нашли китайцы и путь в Японию. Мир, таким образом, на много расширился для китайцев. Их многовековая изоляция кончилась. Китай оказался втянутым, если позволено будет выразиться современным термином, в «мировое хозяйство». Как видно будет из изложенного ниже, это выражение звучит в отношении того периода вовсе не так уж неуместно.

Что же представлял собой тот мир, который открылся Китаю и который сыграл большую роль в жизни Дальнего Востока, до тех пор отрезанного от других культурых областей?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться несколько назад, к тому времени, когда в Цинь'ском уделе создавались предпосылки его предстоящего господства над остальным Китаем.

Приблизительно одновременно с отменой уравнительного землепользования в Цинь и с первыми крупными успехами этого государства над его соседями в средиземноморском мире происходили войны Александра Македонского. Проникая все дальше и дальше на Восток, греко-македонские войска достигли, наконец, существовавшего с VII в. до н. э. Бактрийского государства, которое занимало северную часть нынешнего Афганистана и часть Узбекистана. 2—3 года борьбы пошло на завоевание этой страны. Но и покоренная, наконец, она не всегда была послушна воле победителей. Восстания не раз вспыхивали в ней и потом, во время владычества Селевкидов. Соседняя же с Бактрией степь так и осталась непокоренной. Но то, чего не могло сделать оружие, то, — скажем, немного забегая вперед, — сделало культурное влияние, и в следующие века мы видим уже в Бактрии заметные результаты заимствований с эллинских образцов. Мало того, даже династия утвердилась там греческая, и она продержалась до I века н. э.

Греческое влияние проникло после похода Александра (в 326 году) и в Индию. Но политически она осталась самостоятельной. Мало того, через 21 год после смерти Александра и распада его такой недолговечной империи индусы сами перешли в наступление и напали на Персию, владение Селевка, царя сирийского. Мир 302 года не был почетен для греков.

Им пришлось уступить Маурии, Северо-Индийскому государству, почти все пространство к югу от Гиндукуша.

Приблизительно через 50 лет после этого Сирийское государство Селевкидов потеряло Бактрию, к тому времени сильно эллинизированную, и Парфию, тоже испытавшую сильное влияние Греции. К тому же времени относится и упоминание еще об одном средне-азиатском эллинистическом государстве, Согдиане, расположенной в пределах нынешнего Узбекистана.

Итак, ко времени образования Первой империи в Китае, в Средней Азии существовало три больших государства, в значительной степени эллинизированных, а к югу и юговостоку от них, в пределах Индии и Южного Афганистана, было обширное государство индусов, во главе которого стоял царь Асока (или Ашока), известный, между прочим, тем, что он был первым из правителей Индии, открыто признававшим себя буддистом. Он был для буддизма тем же, чем для христианства был Константин Византийский.

Еще южнее находилось довольно значительное королевство Южной Индии, а еще дальше было государство сингалезов на Цейлоне.

Такова была политическая карта Азии к востоку от владений сирийских Селевкидов.

Следует отметить, что греческое влияние, отразившееся в Индии на организации его армии еще при предшественнике Асока, Чандрагуйта (при дворе которого долго жил греческий философ Милостен), не исчезло и при этом царе-буддисте. Но оно не было воспринято чисто внешне. Влияние Греции оплодотворило индийское искусство, обогатило его, слилось с ним, и в результате получилось то, что известно под именем греко-индийского искусства, многие образцы которого и до сих пор сохраняются в песках Восточного, т.-е. Китайского Туркестана.

Оставим пока Среднюю Азию и вспомним, какова была картина дальше к западу, где наиболее интересной страной был тогда Египет.

Оказавшийся после раздела наследства Александра (323 г. до н. э.) в руках Птоломея и его соратников греков и македонян, образовавших торговую и дворянскую верхушку, Египет сильно эллинизировался и превратился в важнейший центр греческой культуры (точнее эллинистической). Но не одним только процветанием наук выделялась тогдашняя Александрия. Она была громадным торговым центром, крупнейшим из существовавших тогда, по отношению к ко-

торому Родос, Коринф и Антиохия были лишь вспомогательными. Александрия вела торговлю с Абиссинией, Аравией, со всеми странами средиземноморского побережья, торговала и с Индией. Судя по тому, что она ввозила корицу, перец и гвоздику, Александрия имела торговые связи и с далекими Молуккскими островами, которые лишь в XVI веке были достигнуты моряками новых европейских народов. Были ли эти связи с Дальним Востоком непосредственными для Египта или же косвенными — через индусов, — трудно сказать; во всяком случае александрийцы имели представление о странах к востоку от Индии.

Здесь уместно будет отметить, что к тому времени, когда александрийцы, повидимому, знали уже о Зондских островах, о малайцах и об их пиратских наклонностях, Китайская империя еще не распространялась до Южно-Китайского моря. Но Кантон, не как китайский, а как туземный порт уже существовал. Так, по крайней мере, пишет крупный французский синолог Шаванн.

Обширная торговля велась Египтом в течение многих веков. Она была велика уже в III в. до н. э., она росла во II и в I в. до н. э. и продолжала увеличиваться уже при римской власти в I в. н. э., когда приобрел особенно большое значение обмен с Индией и — что в данной связи особенно важно — установились прочные торговые сношения с Китаем. Но этого придется коснуться позже. Пока же вернемся к более раннему периоду, ко II в. до н. э.

Это было время, когда Рим, до тех пор большой, но местный по значению центр, превратился в средоточие громадной торговли, когда он стал посредником между западной и восточной частями Средиземноморского бассейна, когда там скопились колоссальные капиталы и когда обширные земли стали его владениями; вся Италия, Южная Галлия, Сицилия и Испания были уже в руках римлян. А во второй половине века было покончено и с Карфагеном, важнейшим соперником непрерывно росшей республики. В следующем же веке началось решительное наступление римлян и на страны восточной части Средиземноморья. Оно было быстро и мощно, но все же в конце концов оборвалось, не дойдя до восточных пределов эллинистической культурной полосы, полукольцом охватывавшей Средиземное море на востоке.

Малая Азия, Армения, Сирия, Палестина стали римскими. Но Парфия удержалась. Вот этой-то Парфии и суждено было стать преградой между двумя величайшими политическими объединениями тогдашнего мира — Римской импе-

рией — на западе и выросшей в западном направлении, подчинившей себе Бактрию и Согдиану, Китайской империей — на востоке [1]).

Попробуем еще раз одним взглядом охватить общую картину мира эпохи Первой империи в Китае.

С запада в восточном направлении росла империя римлян, подчинившая себе Грецию, Египет и эллинистические государства Западной Азии, но упершаяся в конце концов в Парфию. Почти одновременно с востока росла Китайская империя, подчинившая себе два восточных эллинистических государства, но тоже наткнувшаяся на Парфию. Таким образом, две огромные империи, хотя и проникавшие в одну и ту же эллинистическую культурную область, только с разных сторон, не встретились. Парфия разделила их. Что касается Индии, то возникавшие в ней государства не отличались прочностью. Тем не менее их роль, как создательниц своеобразной культуры, имевшей сильное влияние на Китай, была велика. Благодаря Индии, а также Бактрии и Согдиане, и Китай оказался до известной степени наследником того, что дала миру Греция. Греческое наследие, уже пройдя через призму китаизма, сказалось потом и на самых восточных из стран Евразии — на Японии и Корее.

Теперь два слова об этих двух. У нас утвердилось убеждение, будто корейцы и японцы принадлежат к числу «народов-старцев». Подобное убеждение может иметь только одно основание: это — сказания корейцев и японцев об их отдаленном прошлом.

Сказания эти известную ценность, конечно, имеют; примерно такую же, как сказание о Каине и Авеле, о райском яблочке или, скажем, о Ноевом ковчеге, да престарелом патриархе Мафусаиле, который жил 900 лет. Сказания японцев и корейцев, безусловно, заслуживают изучения. В них много найдется интересного по вопросу о тотэмах, о матриархате, словом, о первобытной культуре и обо всем, что с этим

[1]) Что касается юга Индии, то она, или вернее часть ее, входила в I и II веках н. э. в состав государства племени юэчжи (или юэши), уничтоживших могущество наследников Асока. Новая обширная туземная империя в Индии сложилась лишь в IV веке, но существовала недолго. Скоро ее завоевали сначала гунны, а потом она рассыпалась на отдельные феодальные владения, которые лишь после XIII века опять объединились под властью монгол, т.-е. людей той же крови, что и гунны. К Индии нам еще придется вернуться в связи с рассмотрением позднейших эпох истории Китая.

связано. Но как материал об истории государств они, пожалуй, хуже, чем ничто. Они — минус. Впрочем, достаточно будет сказать, что первая, дошедшая до нас японская летопись написана около 600 года н. э., а «основание японского государства» относится этой летописью приблизительно к 660 году до н. э... Этим все сказано.

Так или иначе, необходимо подчеркнуть, что при наличии довольно тесных связей Китая I и II в.в. н. э. с западным миром его связь с Японией была, повидимому, очень слабой. Какие-то тоненькие ручейки китайского влияния в Японию попадали и тогда, но вряд ли они заслуживают особого упоминания. Иное дело V, VI и особенно VII в.в., когда китайское влияние на Японию было очень сильно и когда она быстро шла вперед.

В описываемую же эпоху Япония была в отношении Китая приблизительно тем же, чем в отношении Европы является теперь, скажем, Гренландия или Огненная Земля.

Что касается Кореи, то она вошла в сферу культурного влияния Китая несколько раньше и даже оказалась проводником китайского влияния в Японию.

Приблизительно со времен Хань'ей же известным становится китайцам и наше Приморье и также бассейн Сунгари и Амура. Существует еще мало заслуживающее доверия сообщение, будто в начале нашей эры китайцы берегом Сибири добрались до Чукотки и Аляски и достигли оттуда Юкатана (в Мексике), где обитало культурное племя Майя. Если не считать нахождения в Юкатане изделий из той породы нефрита, который встречается только в Китае, но отсутствует в Мексике, то никаких солидных подтверждений этому сказанию нет.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

VIII.

Первая империя перед встречей с эллинистическим миром.

Попытка Цинь Ши-хуанди превратить Китай в единое государство, управляемое централизованной бюрократией с самодержавным императором во главе, удалась не надолго. Ни жестокие расправы с непокорными, ни огромная армия, ни проведение многочисленных дорог, ни, наконец, сожжение порожденной феодальной эпохой литературы не могли обеспечить достигнутого вооруженной рукой единства. В 221 году Китай стал единой империей, а уже в 206 году, через пятнадцать всего лет после уничтожения независимых королевств, он превратился в огромный театр военных действий между боровшимися за власть и за земли бывшими феодалами и их вассалами.

В четырехлетие между 206 и 202 годами не было верховного государя в Китае. Им не мог быть назван и тот потомок бывших правителей королевства Чу, который, восстановив королевство своих предков, стал государем крупнейшего из номинальных объединений. Вооруженная борьба шла между его же вассалами, которые получили уже согласие своего, якобы, сюзерена на утверждение их владыками завоевываемых ими земель.

Борьба их была короткой, но решительной, и уже в 202 г. один из соперников был убит, а другой, некий Лю Бан, стал императором. В истории он известен под именем Гао Цзу.

Но и Гао Цзу, разбивший своего могущественного противника и уже не имевший сильных соперников, стать самодержцем, подобным Цинь Ши, не смог. Вступление его на престол было ознаменовано раздачей ленов своим наиболее влиятельным помощником, т.-е., по внешности, полным и безоговорочным восстановлением тех порядков, какие существовали при Чжоу, т.-е. до 221 года, — до объединения.

Казалось, дело объединителей Китая было сведено к нулю, и феодализм опять стал характерной чертой китайской политической системы. Действительно, разделение стра-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

ны на лены, или, как в русской литературе о Китае принято говорить, уделы, сохранилось надолго; оно продержалось во все время существования хань'ской власти, а впоследствии, приблизительно через 450 лет, отчасти, быть может, на почве существования этих уделов, возродилось прежнее раздробление.

Но, как видно будет из изложенного ниже, экономическая, социальная и политическая сущность уделов была при Хань'ях не такой, какой она была во времена Чжоу. Однако, ни при Гао Цзу, ни при его ближайших преемниках это различие не проявилось еще в чем-нибудь наглядном. Заметным оно стало лишь лет через 50—60 после воцарения Хань'ей.

При Гао Цзу перемена еще не была заметной.

Начать с того, что почти все пространство, лежащее к югу от Янцзы, вообще никогда не попадало под власть основателя новой династии. Более того, даже география этой части нынешнего Китая была лишь в общих чертах знакома соратникам этого государя; лишь семью десятками лет позже, это значит уже во времена, когда империя китайцев росла одновременно на запад и на юг, китайцы впервые в подробностях ознакомились с течением реки, на которой стоит Кантон.

И на севере власть Гао Цзу не была сильной. Вынужденный дать лены чужим для него по крови людям, он, правда, постарался рассадить между ними своих родственников, которых тоже сделал феодальными владыками. Но эта система «обузданий и противовесов», впоследствии с огромным успехом использованная в Японии (в эпоху Токугава, 1600—1868 г.г.), не спасла первого из Хань'ей от мятежей и непокорности. Был даже такой случай, когда один из феодалов совсем отложился от империи и отдался под покровительство повелителя гуннов, чья власть простиралась далеко в глубь степей.

Попытка Гао Цзу наказать непокорного кончилась для императора весьма печально. Он потерпел жесточайшее поражение, чуть не попал в руки гуннов, с трудом выбрался из осажденного ими города и лишь унизительным выкупом спас свои владения от дальнейшего наступления степных врагов. Больше он уже не пытался выступать на борьбу с ними.

С другой стороны, и гунны, занятые в это время борьбой со своими степными соседями юэчжи (или юэши), повидимому, не производили больше на Китай таких опустоши-

тельных набегов, и Китай оправился от нанесенного ему удара. Время правления двух первых преемников основателя династии считалось летописцем весьма благоприятным. «Хлеба и одежды было вдоволь», писал он, «пустовавшие земли были распаханы, а преступность уменьшилась настолько, что во всех тюрьмах империи насчитывалось всего лишь 400 человек». Он рассказывает также о смягчении прежних жестоких уголовных законов и о значительном улучшении состояния государственной казны.

К сожалению, наши материалы слишком скудны, чтобы судить об иных, кроме «добродетелей императора Вэнь-ди» (179—157 до н. э.), причинах хозяйственного подъема страны. Историки Китая мало занимались этими вопросами, хотя в то же время находили досуг для описания интриг и несказанных гнусностей, творившихся при дворе предшественницы Вень-ди, фактической правительницы империи. Вообще говоря, каждый раз, когда дело заходит о женщине, ставшей у власти, китайцы не находят достаточно черных красок, чтобы представить ее в самом отвратительном виде. «Ищите женщину», — всегдашний припев династийных историй Китая, когда заходит речь о неудачах и затруднениях.

Полоса хозяйственного подъема отмечена чрезвычайно важным фактом: обнаружилось определенное стремление императорского правительства уменьшить права феодалов. Феодалы ответили на это восстанием, известным под именем «мятежа семи князей». Оно было быстро усмирено, и тотчас же были введены правила, воспрещавшие феодалам производить в пределах своих владений назначения чиновников, которые отныне ставились уже имперским правительством и администрировали на местах от имени последнего.

«С этого времени», говорит Ли Юнбин (автор английских «Очерков истории Китая»), «феодалы продолжали пользоваться доходами со своих ленов, но их земли фактически управлялись агентами короны. В большинстве случаев от феодала требовалось даже, чтобы он проживал в столице». Эта перемена произошла, судя по Ли Юнбину, между 156 и 140 г.г. до н. э. (т.-е. во времена последней Пунической войны и завоевания Греции римлянами).

В своем труде о Сыма Цянь'е, отце китайской историографии, французский синолог Шаванн приводит несколько иные данные об этой перемене. По его словам, подчинение удельных «королей» произошло немного позже, а именно при императоре У-ди, который царствовал с 140 года, и это подчинение было достигнуто назначением к «королям» импе-

раторских советников, своего рода политических комиссаров. Шаванн добавляет еще, что ослабление «королей» было достигнуто таким изменением правил о наследовании, которое вело к раздроблению ленов: до тех пор наследовал только старший сын, теперь же все сыновья получали свою долю и мало-по-малу превращались в простых помещиков, которые к тому же оттеснялись от занятия крупных должностей в империи талантливыми плебеями; император определенно предпочитал последних родовитым аристократам и в высшей степени пренебрежительно относился ко всем аристократическим протестам.

При том же У-ди была создана новая аристократия, аристократия не служилая, а денежная. Титул давался тому, кто жертвовал определенную сумму на содержание армии, ведшей в эти годы непрерывные войны. Таким образом, принцип происхождения потерпел еще один удар. (Это было в 123 году).

Итак, к концу предпоследнего столетия перед началом нашей эры возрожденный при первом Хань'е феодальный порядок потерпел полное крушение. То, что осталось от него, было лишь пустой скорлупой, лишенной содержания.

Но если это действительно было так, то уже по аналогии с другими странами мы можем надеяться, что, порывшись немного, найдем данные о развитии торговли. И мы, действительно, находим их. Вот, что писал по этому поводу Сыма Цянь, современник и очевидец.

«Страны между морями (т.-е. «Срединная империя») были объединены. Открыты были перевалы и мосты. Уничтожены были запрещения, запиравшие горы и etangs. Вот почему богатые купцы и крупные коммерсанты объезжали всю империю. И не было больше ни одного предмета обмена, который не распространялся бы повсюду. Все, что угодно, можно было достать».

Одновременно сооружались судоходные каналы и делались попытки исправления русел рек. Но эти попытки не всегда бывали удачны; для выполнения их требовалась более совершенная техника.

Если обратиться к идеологии, то мы и тут отыщем ряд признаков, говорящих за то, что время царствования У-ди можно рассматривать, как эпоху перехода к дворянско-купеческой государственности, как «дворянскую революцию», если употребить термин Н. А. Рожкова.

Вот несколько фактов, взятых из главы «Внутренняя по-

литика» труда Шаванна Les Memoires Historique de Se-ma Ts'ien [1]). Начнем с религии.

«Император У создал иерархию между божествами неба и над пятью императорами небесных высей поставил верховное божество, названное Тай И, великое единство; этому созданию отвлеченного мышления предстояло сыграть роль в последующих веках в философских системах», — пишет Шаванн.

Кроме того, У-ди ввел совершенно новые жертвенные обряды, придав этому нововведению характер восстановления древних обычаев, что было необходимо для придания им большей торжественности, тем самым сделав себя верховным первосвященником. Характерно также, что он опирался на конфуцианских ученых, не порывая в то же время связей с даосцами.

В 104 году начата была реформа календаря, которая потребовала большой точности, математических вычислений, т.-е. была проделана такая же работа, как и в Риме при Юлии Цезаре, т.-е. тоже во время торжества новых начал.

Процветала музыка. Было создано специальное «бюро гимнов», и гимны, написанные им, были настолько многочисленны, что их трудно даже перечислить.

Поэзия развивалась. Поэтом был и сам император. Одно из его произведений, по словам Шаванна, «проникнутое чувством меланхолического эпикуреизма», переведено на французский язык. Но эта поэзия, подобно русской поэзии XVIII века или французской XVII в., была, главным образом, придворной. Хань'ский период не дал и десятой доли той огромной плеяды поэтов, которая прославила более поздний Тан'ский период.

Но, быть может, самым интересным для этой эпохи является огромный рост интереса к истории, к истории не только отдаленного прошлого, но и совсем близкого. Пробуждение интереса к истории сопровождалось тем возвеличением имени Конфуция, которое с тех пор стало характерным для Китая. Крупнейшим из тогдашних исторических трудов являются уже упоминавшиеся не раз «Исторические записки» Сыма Цянь'я, особенно интересные тем, что автор, повидимому, сильно чувствовал, как велики были происшедшие перемены и как необходимо оглянуться назад, чтобы осознать их. Но о Сыма Цяне, как весьма характерной для той эпохи фигуре, придется поговорить отдельно.

[1]) Страницы 88—113 первого тома.

Собрание им. В.Г. Белинского http://lib.belinsky.ru/

Итак, укрепление самодержавия всеми средствами, начиная с прямого насилия и кончая созданием придворной атмосферы, столь характерной для эпохи преобладания дворянства, роста торговли и предприимчивости, рост внутреннего рынка и крушение старой феодальной раздробленности — вот те характерные черты эпохи царствования У-ди, — длинного царствования, длившегося целых 53 года. То, что было начато Цинь Ши-хуанди, не исчезло, значит, бесследно. Реакция, происходившая при первых Хань'ях, была, значит, не более как временным явлением. Это была одна из тех реакций, которые не в одном только Китае наблюдались в аналогичные эпохи. Но когда она закончилась, Китай ближе подошел к типу абсолютистской монархии, чем он был при зверской диктатуре истребителя книг и инициатора постройки знаменитой «Китайской стены».

Вот почему мы имеем полное право говорить об эпохах Цинь и Хань, как о частях одного периода, хотя по внешности они и оторваны друг от друга четырехлетием войны за власть. Этот период, когда протекал тот процесс, который носит название дворянской революции, процесс роста торгового капитала, процесс, который всегда и везде создавал предпосылки для внешних войн, для усиливающегося обложения и, следовательно, для громадного обострения классовой борьбы.

В Европе, в частности в Англии, он привел в конце концов к полной победе восходящих буржуазного и дворянского классов, к росту территории, эксплоатации и к тому громадному накоплению, которое сделало возможным и даже необходимым переход к промышленному капитализму.

В Китае тоже были войны, тоже был рост эксплоатации, была экспроприация крестьянской собственности, и было накопление, но, как видно будет из дальнейшего изложения, результат всего этого был не такой, как в Англии. С Первой империей произошло в Китае то же, что произошло, хотя, конечно, в каждом случае при разных условиях, с Римской империей, с эллинистическим Востоком, с Византией, с Польшей, с древним Египтом, с Сумеро-Акадийским царством, с государствами арабов, с Испанией, пожалуй, отчасти и с Германией XVII века. Процесс оборвался. Развитие пошло назад. От типа незавершенного дворянско-купеческого государства империя стала регрессировать в сторону феодализма. И в конце концов через 300 с небольшим лет после У-ди Китай был типично-феодальной страной, опустошенной, обезлюженной, разделенной на враждующие друг с другом

независимые государства, то появляющиеся, то исчезающие и сменяющиеся другими столь же недолговечными.

Дать исчерпывающий анализ этого обратного процесса, конечно, невозможно без основательной первоначальной проработки огромного еще почти совсем нетронутого материала, все еще на 99,9 процента остающегося непереведенным на доступные некитайцам языки. Можно быть уверенным, что рано или поздно сами китайцы разберут, осмыслят и истолкуют его. Пока же можно говорить о многом лишь предположительно, — бродить ощупью.

То немногое, что можно было вместить в следующей после двух ближайших глав этой небольшой книжки, позволит читателю до некоторой степени проследить ход обратного процесса развития в период существования Первой империи и проверить высказанные здесь мысли, которые являются в конце концов не более, как рабочей гипотезой.

Но прежде чем говорить об истории империи после У-ди, следует хотя бы в самых общих чертах остановиться на отметивших царствование этого императора внешних войнах и дипломатических сношениях.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru

IX.

Китайцы открывают Запад.

Хотя после Гао Цзу гуннские набеги уже, повидимому, не были такими опустошительными, как при нем, они все же от времени до времени повторялись и вызывали немалые расходы. Как уже сказано раньше, у гуннов были враги и среди степняков. Это были юэчжи (или юэши), которые, таким образом, могли стать естественными союзниками китайцев. В 165 году, т.-е. за 25 лет до воцарения У-ди, эти враги гуннов потерпели от последних поражение и были оттеснены в область реки Или, впадающей в Балхаш. Вот к ним-то и задумал У-ди отправить посла, чтобы сговориться с ними относительно совместных действий против общего врага. Это было в 139 г. до н. э.

Посол, которого звали Чжан Цянь, отправился. С ним было всего лишь около ста человек, и, конечно, встретившись с гуннами, он не мог избежать плена. Целых десять лет пробыл он среди этих степняков, и лишь после того, как женился на гуннке, обзавелся семьей и заслужил доверие, сумел он продолжить свой путь на запад. Но когда он добрался, наконец, до желанного Или, юэши уже не было там. Оказалось, что, теснимые врагами, они продвинулись еще дальше к западу и осели в принадлежавшей до тех пор греко-бактрийцам Согдиане на берегу Аму-Дарьи [1]). Чжан Цянь решил до-

[1]) Тася, как называли китайцы Бактрию, еще раньше была ослаблена войнами с Парфией (при Митридате I, царствовавшем в 174—136 г.г.). Вот почему это эллинистическое государство не сумело воспротивиться юэши, отнявшим у них Согдиану (прибл. нын. Хорезм). Впоследствии юэши овладели и самой Бактрией (Северный Афганистан и часть Узбекистана), где, судя по их монетам, подверглись эллинизации. Еще позже, в начале I в. н. э., юэши продвинулись еще дальше на юг и основали обширное, т. н., Индо-Скифское государство, простиравшееся от Ганга до Аральского моря. Пытались они захватить и подчинившийся Китаю Восточный Туркестан. Но это им не удалось и, разбитые, они должны были польстить Китаю признанием себя его вассалами. Впрочем, вассалитет их был только номинальным. Все это происходило значительно позже времени У-ди — уже в 60 г. н. э.

История юэши, небольшого степного племени, ставшего потом

вести дело до конца и скоро очутился в той стране, где, как уже выяснено раньше, утвердилось греческое культурное влияние. Для него, вероятно, не представлявшего себе внешнего мира иначе, как бесконечной степью, населенной гуннами и им подобными степняками, открытие культурной страны было такой же неожиданностью, как для испанских конквистадоров открытие царства инков. Но еще большей неожиданностью была для него находка в Бактрии китайских товаров, тканей и бамбуковых изделий, носивших все признаки своего происхождения из Сычуани, южной окраины тогдашней Китайской империи. Естественно, возникал вопрос, каким же путем могли попасть на базары до тех пор неведомой Китаю страны китайские вещи. Оказалось, что они шли южным путем через тоже неизвестную китайцам страну Синд, одну из частей Индии.

Только теперь стало ясно Чжан Цянь'ю, что связь с новооткрытыми им странами может поддерживаться не только через неприветливые пустыни Центральной Азии, где на каждом шагу угрожала опасность со стороны гуннов, но и через другие земли, когда-то номинально присоединенные к Китаю Цинь Ши-хуанди, но фактически оставшиеся независимыми. Путь на запад, очевидно, нужно было искать через Юньнань и через Кантон. И нет ничего удивительного, что вот именно в этих направлениях были посланы китайские армии после возвращения дипломата-путешественника.

То основное задание, ради которого собственно и поехал Чжан Цянь, так и не было им выполнено. Его, правда, с почетом приняли, ему показали много интересного, но и только; нашедшие себе новую родину юэши уже не мечтали о своей прежней родине в Восточной Монголии и жили интересами Туркестана. Рассчитывать на союз с ними против гуннов не приходилось больше. Иное дело — возможность поддерживать торговлю с ними и с их соседями.

Чжан Цянь хорошо использовал год своего пребывания на западе (126 г. до н. э.). Он побывал в нынешней Фергане, ездил оттуда приблизительно в направлении нынешних Коканда и Ташкента к северу, пересек оттуда Сыр-Дарью, до-

во главе громадной империи, не представляет собой чего-то необычайного. Гунны, турки и монголы сделали еще большую карьеру. Вообще быстрый рост типичен для всех, т. н., «племенных государств», в том числе и для монархии Карла Великого.

Любопытно отметить, что эти юэши, по мнению некоторых исследователей, были не монголы и не тюрки, а арийцы; некоторые предполагают даже, что славяне.

брался до Аму-Дарьи, побывал в Бактрии, с которой юэши тогда воевали, и пересек ее до южной оконечности и, наконец, поехал обратно на родину, двигаясь через южные оазисы Таримского бассейна.

Еще раз пришлось убедиться ему в необходимости уничтожить господство гуннов. Опять попал он в их руки и опять стал их пленником. Только смуты при дворе степного царя позволили ему, наконец, бежать. И вот, в 126 году, через тринадцать лет после отправления из дома, удалось ему, наконец, добраться до столицы.

Доклад, который сделал Чжан Цянь императору, в сокращенном (по предположению Шаванна) виде дошел до нашего времени благодаря тому, что был включен в труд Сыма Цяня. В этом докладе кратко, но отчетливо приведены данные о Фергане, о бассейне Или, о землях, лежащих на правом берегу Сыр-Дарьи, о киргизских степях, Согдиане, Бактрии, Парфии и, наконец, о «Тяо-ши», повидимому, Месопотамии. В докладе даны сведения о количестве жителей, численности войск, указано, где живут кочевники и где оседлые, и приведены кое-какие географические соображения, в том числе и о том, будто Хуанхэ является продолжением восточно-туркестанской реки Хотан, которая, на самом деле, не доходя до Тарима, теряется в песках. Уже одно это достаточно много говорит за то, насколько мало знали китайцы о своих западных соседях.

И во время отлучки Чжан Цяня и после его возвращения борьба Китая с гуннами продолжалась. Годы 130, 127, 124, 123 и 121 до н. э. — все они были отмечены столкновениями со степью. Но активны были теперь не одни гунны, и уже в 127 году китайцы взяли инициативу в собственные руки. Уже не гунны вторглись в этом году в Китай, а, наоборот, китайцы вошли в их страну. Так же поступили они и в 121 г. А еще через два года пятидесятитысячная китайская армия на целую тысячу верст проникла в степь и нанесла гуннам страшное поражение. Это было результатом усвоения китайскими генералами новой тактики, приспособленной для действия в степи, далеко от земледельческих баз. Об этой тактике военные теоретики Китая написали большие и ценные труды, до сих пор очень ценимые японской военной академией.

На Западе их, конечно, не знают, ибо просто не представляют себе, чтобы китайцы могли быть стратегами и тактиками.

Победой 119 года могуществу гуннов был нанесен сокрушительный удар. Они, правда, и потом продолжали нападать на Китай, случалось, порой наносили ему даже поражения (пример этого приведен в главе о Сыма Цянь'е), но их судьба была предрешена. Прежних страшных гуннов уже больше не было, и в конце концов, отогнанные к северу от пустыни Гоби, они должны были признать над собой сюзеренитет Китая. А часть их превратилась в своего рода китайских казаков-пограничников.

Но не это было существенно. Существенно было то, что с тех пор невозможны стали тесные связи между кочевниками Монголии и теми кочевниками, которые жили в северо-восточной части Тибета (в области Куку-нор), тоже не раз нападавшими на Китай. Они были изолированы друг от друга, и между кочевиями северян и южан пролегла большая дорога, по которой товары Китая двигались вдоль линии укрепленных сторожевых пунктов до Бактрии и Парфии, откуда в конце концов доходили и до страны Тацинь.

В этом странно звучащем для нас слове никто не догадался бы узнать Рим (его восточные провинции). К сожалению, однако, не один только Рим был так переиначен китайцами. Это сильно затрудняет пользование китайскими материалами, касающимися иностранцев.

Итак, путь через степи был, наконец, открыт, а непобедимые прежде гунны в I в. до н. э. стали беспокойными порой, но в общем уже не внушавшими больших опасений номинальными подчиненными империи. Позже они, правда, отделились и вновь взялись за старое, но скоро получили такой урок, от которого уже никогда не могли оправиться. Они бежали на северо-запад, и в V веке н. э. в эпоху «великого переселения народов» мы встречаем их уже в Европе.

Это те самые гунны, о которых с суеверным ужасом рассказывали европейские летописцы. Много раз битые китайцами, униженные и покорные, «рабы», как их звали в Китае, они были для частей рассыпавшейся Римской империи тем «бичом божьим», легенды о котором пережили века и века, пока новое извержение человеческого вулкана великих азиатских степей не выбросило второго докатившегося до Европы потока.

Следует отметить, что великие переселения, подобные европейскому, много раз происходили в моменты перенаселения степей. Один из примеров этого — движение юэши. Их маленькое степное племя потеснили гунны, они потеснили илийцев, в свою очередь сами получили толчок и, наконец,

Собрание В.Г. Белинского
http://vbelinsky.ru

овладели Согдианой, чтобы впоследствии стать господами Индии. Скифы тоже владели этой будущей «жемчужиной британской короны», а потом, в XIII—XV в.в., опять докатилась до Индии лава степного вулкана: пришли монголы [1]).

Поражение, нанесенное гуннам в 119 году, не уничтожило, однако, всех препятствий на пути в Западный Туркестан. Первое и самое важное из этих препятствий было противодействие самих гуннов, побитых, но недобитых, немалое значение имели и барьеры, которые воздвигались бывшими вассалами гуннских царей (со 176 г.), князьками многочисленных оазисов Восточного Туркестана. Эти оазисы были ничтожно малы по сравнению с огромной Китайской империей, но уже одно то, что разделявшая их пустыня затрудняла движение большого количества войск, позволяло князькам заниматься вымогательствами и ставить китайцам палки в колеса. У-ди понимал это и старался ладить с ними. Но с одним из крупных княжеств, которое занимало район Турфана, Урумчи и Гучена (87° в. д., на перевалах Тяньшаня), добрых отношений так и не удалось наладить, и в конце концов между ним и Китаем возгорелась война; в 108 г. до н. э. княжество было покорено, и с тех пор восточно-туркестанские кня-

[1]) Заслуживает быть отмеченным, что в науке до сих пор еще не установлено, к какой группе народов нужно относить гуннов. По мнению Бичурина и Шаванна, они — тюрки и, следовательно, близкие родственники тех уйгуров и «тюкуе», о которых речь будет ниже, в связи с историей Тан'ской эпохи. По мнению же монголоведа Ин. А. Клюкина, они — чистейшие монголы. Свое мнение Шаванн основывал на том описании быта гуннов, которое вошло в труд Сыма Цянь'я. Для тех, кого не трогают подобные детали, все-таки интересно будет в этом описании Сыма Цянь'я, который умер около 85 г. до н. э., то, что за исключением религии, только ничтожные мелочи отличают быт тогдашних степняков от быта живущих теперь. Те же войлочные юрты, та же пища, те же домашние животные, даже такая же своеобразная посадка при езде верхом (слегка боком) и та же манера держать плеть. Степь — это какое-то олицетворение неизменности. А между тем, какие огромные перемены в жизни оседлых народов производили выбрасываемые от поры до времени этой степью человеческие потоки! Невольно напрашивается сравнение забайкальской зимы, области барометрического максимума, где в морозное затишье брошенная пушинка падает прямо вниз, и зимы побережья, где под струями мчащегося к океану ветра трудно бывает иногда устоять на ногах и где при 15 градусах мерзнешь хуже, чем в 35° мороза в Чите.

Европа, Индия, Китай, Передняя Азия, Корея, Индо-Китай, даже Япония испытали, что означает перенаселение степей. Но великое затишье царствует в степи, неизменной на протяжении 2000 лет.

Сколько же тысячелетий прошло, чтобы создавалась эта степная культура, культура юрт, кислого молока, коней, седел и заунывных степных мелодий? Десятки или сотни тысяч лет?

жества уже не чинили препятствий китайцам. С Или добрососедские отношения утвердились еще раньше.

Здесь нужно отметить, что эти оазисные государства отнюдь нельзя рассматривать как стоявшие на низкой ступени развития. Наоборот, это были, повидимому, высококультурные островки пустыни, где перекрещивались влияния греков, индусов и китайцев, где существовала развитая архитектура, скульптура, литература, живопись, где процветало земледелие и ремесла и где умели делать удивительно интересные подземные оросительные водоемы. Такие сооружения, как громадные двухсветные залы со сводом над ними, являются сооружениями, которые современные восточные туркестанцы не умеют строить.

Обеспечив себе свободу передвижения по Восточному Туркестану, китайцы начали распространять свое влияние и на нынешний советский Туркестан. Но тут они наткнулись на решительное сопротивление государства «Таюань», столица которого находилась, по мнению Шаванна, близ Ура-тюбе [1]). Первые попытки китайцев подчинить себе страну (сначала дипломатические, потом военные) успехом не увенчались, и после двух лет бесплодной борьбы китайская армия отступила, потеряв большую часть своего состава. Но У-ди под страхом казни запретил ей возвращаться на родину. Это была его обычная манера. Точно предвосхищая современных французов с их отношением к несчастным русским легионерам в Африке, он говорил: «Или иди вперед или подыхай» [2]). Через два года остатки опальной армии были усилены 60 тысячами новобранцев и вновь брошены на непокорную Фергану. Половина этих солдат погибла еще в пути, но оставшиеся все-таки добились своего, и столица, от которой отвели арыки, была взята. После этого престол был передан китайскому ставленнику, которого обязали послать сына ко двору Хань'ей в качестве постоянного заложника.

Описывая эту войну, Сыма Цянь, к сожалению, останавливается только на том, что могло быть поводом к ней, а не причиной. Это отказ от отправления дани в виде лошадей, допущение убийства китайского посла и т. д. Судя, однако, по тому, что одной из первых забот вновь командированного на запад Чжан Цянь'я (открывшего этот запад)

[1]) Близ железной дороги, идущей от Ходжента к Самарканду; ближе к первому из двух этих городов.

[2]) «Tu crèves, ou tu marches»—боевой лозунг французов... в отношении русских.

было отправление нескольких лиц для установления связи с Индией и Парфией, Заревшанский край рассматривался китайцами, как удобная база для торговли с югом и с Сирией [1]). Победа над Ферганой была одержана в 102—101 годах, и с тех пор, вплоть до начала нашей эры, когда гунны сбросили власть Китая, дорога на запад оставалась открытой.

Столкновения с гуннами все же случались и до этого момента. Так, в 71 г. до н. э. они напали на ставшую вассалом Китая Кульджу, где, однако, потерпели сильнейшее поражение со стороны местных дружин и китайского гарнизона. После этого, сдавленные со всех сторон врагами, они держали себя очень тихо, а в 60 г. до н. э. джунгарские гунны признали себя вассалами Китая. Благодаря этому, в руках Китая оказался еще один путь на запад (Джунгария находится севернее Тяньшаня, через нее идут пути на Чугучак, Фрунзе и на Верхний Иртыш).

Итак, за промежуток между 127 и 102 годами до н. э. китайцы не только справились со страшнейшими до тех пор и, казалось, непобедимейшими врагами, но открыли целый громадный мир, достигли его, частично подчинили и одновременно отогнали гуннов в сторону, а еще через 42 года сделали их своими покорными слугами.

[1]) Путешествию Чжан Цянь'я Сыма Цянь посвятил главу 123 своих исторических записок. В 1917 году она была вторично (!) переведена для «The Journal of the Amer. Oriental Society». 1917 г. XXXVI, стр. 93—116. Следует отметить, что во время второго путешествия Чжан Цянь был только в Или, а не в Бактрии, т. е. очень далеко от Индии.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://booklib.ru

X.

Завоевательные походы на Востоке.

Таковы были военно-дипломатические успехи на северо-западе. Посмотрим же теперь, как обстояли дела в других направлениях [1]). Это — «Корея» (т.-е. фактически Северная Корея, плюс нынешняя Мукденская провинция, ибо тогда так мыслилась Корея) и огромная часть пространства, лежащего к югу от реки Янцзы. Начнем с юга.

Конкретнее говоря, вне Китайской империи были до У-ди на юге все без исключения части нынешних провинций: Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Фуцзянь и Чжэцзян, а в Гуандуне Китаю принадлежала лишь небольшая часть на севере. Что касается заречных частей Аньхуй и Цзянсу, где находится Шанхай, то они уже входили в состав империи. Но даже Цзянси и Хунань продолжали иметь собственного короля в Чанша, фактически, правда, превратившегося в китайского чиновника. Часть Восточной Сычуани тоже не принадлежала еще Китаю (западная же Сычуань присоединена была значительно позже).

Так было в 140 году до н. э.

А к 110-му году Китайская империя владела всеми этими провинциями, кроме одной лишь части — Юньнани; кроме того, она владела еще Тонкином, нынешней французской колонией.

Если вспомнить, что Юньнань (385 т. кв. км) имеет приблизительно такую же площадь, как Япония (без колоний), Гуандун (262) не на много меньше Италии, а остальные, занимая общую площадь, равную приблизительно 600 кв. км, приближаются по обширности к Франции, Дании, Бельгии и Швейцарии, вместе взятым, то огромный рост империи, совершившийся только за одно, правда, очень долгое царствование У-ди, покажется колоссальным. А ведь это была

[1]) Очень удобная вообще для пользования книга Ли Юн-бина имеет, между прочим, тот недостаток, что ни полуслова не говорит о борьбе за овладение югом Китая. Очень мало, всего лишь две строчки, сообщается в ней и о войне с Ферганой. Читатель, который, взявшись за нее, будет думать, что найдет там все заслуживающее упоминания, обманется.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

только часть дела, выполненного тогда. Ведь присоединена была еще обширная часть Ганьсу, покорена южная Маньчжурия (Корея), и в вассальные отношения к Китаю попали бассейн Тарима, Или, Фергана и некоторые другие земли.

Это нужно иметь в виду, чтобы не потерять пропорций. Люди часто просто забывают, что любая из китайских провинций в несколько раз больше некоторых европейских государств.

Теперь разберемся в подробностях событий на юге между 140 и 110 годами.

Как уже известно, впервые завоевание юга совершено было Китаем еще при императоре Цинь Ши-хуанди. Но оно не было прочным. Пала Цинь'ская династия, и когда началось новое расширение китайской территории, даже память о сравнительно недавнем подчинении Китаю притупилась на юге. Однако, культурное влияние Китая все-таки ощущалось и там, а к тому же в двух из тамошних государств короли были китайцами по происхождению.

Самое крупное из этих южных государств имело своим политическим центром Кантон, уже и тогда считавшийся очень древним городом. Территория этого государства охватывала большую часть провинций Гуандун и Гуанси и включала также Тонкин и Аннам. Царствовали там потомки одного из генералов Цинь Ши-хуанди; но аннамиты, повидимому, не считали его династию чуждой для себя. (Они считают ее третьей аннамской династией). Это государство называлось Наньюэ[1]).

Соседило оно с Миньюэ, занимавшим нын. пров. Фуцзянь, которое и поныне резко отличается от соседних провинций Китая двумя своими главными наречиями, резко разнящимися от пекинского.

[1]) Племена, родственные аннамитам, в древности широко были распространены в Китае. Так, население государства Чу, занимавшего до 221 г. до н. э. провинции Хубэй и Хунань, и также население многих завоеванных земель на востоке, считалось аннамским по населению. Современные жители Гуанси, по мнению Ришара, близкие родственники аннамитов. То же, повидимому, относится и к кантонцам. Письменность аннамитов иероглифическая, такая же, как китайская. Смысл иероглифов тот же, что и у китайцев (а также японцев и корейцев); переписываясь, они поймут друг друга, но произношение совершенно разное. Так, имя династии, правившей в Кантоне, читалось китайцами Чжоу, а аннамитами Trièu (вероятно, Трю). Если основатель династии был выходцем из Чу, то тогда понятно, отчасти, почему аннамиты смотрели на него не как на китайца, а как на единоплеменника.

Севернее Миньюэ, в пределах нынешней Чжэцзян, было государство Юэ Дунхай, имевшее столицу в нынешнем г. Вэньчжоу.

Государство Тянь, тоже имевшее потомка китайского генерала во главе, находилось в Юньнани, где имелся еще ряд мелких независимых княжеств. Такие же мелкие государства были и в юго-западной части китайской половины нынешней провинции Сычуань (западная часть нын. Сычуань имеет тибетское население, а не китайское).

Наконец, Цзянси и Хунань, как уже отмечено, тоже представляли собой отдельное государство, величиной с половину Украины, но и «король» его, живший в Чанша, фактически был бессилен.

Вот эти-то земли (кроме последней) и предстояло присоединить Китайской империи. Стремление овладеть ими, заметное уже в первые годы царствования У-ди, проявилось, однако, отчетливо лишь тогда, когда вернувшийся из Туркестана Чжан Цянь (путешественник и дипломат) рассказал в столице о существовании неведомого пути на Индию. Тот историк, который продолжал дело Сыма Цянь'я, прямо говорит в одном месте, что У-ди хотел присоединить Юньнань для того, чтобы и ее и все земли, лежащие дальше к западу, превратить в управляемые чиновниками губернии и уезды, которые доходили бы сплошной цепью до самого Тася, т.-е. до Бактрии.

Из этого видно, между прочим, как несовершенны были тогда географические сведения. Любопытно также, что именно в Юньнани сопротивление проникновению переселенцев-китайцев было наиболее упорным (речь здесь идет не о военном, а полицейском сопротивлении). Очень возможно, что догадки У-ди не были необоснованны и что юньнаньцы действовали в данном случае в духе парфян, но подтверждений этого предположения пока нами не найдено.

Первые, недостаточно отчетливые попытки подчинения юга наблюдались уже в самом начале царствования У-ди, а именно в 138 году (т.-е. годом позже отправления Чжан Цянь'я к юэчжи). Оно выразилось в непрошенном вмешательстве китайцев в вооруженную борьбу между королевствами Миньюэ (Фуцзянь) и Юэ Дунхай (Чжэцзян). Китайцы явились «на помощь» осажденному городу Вэньчжоу, столице королевства, «освободили» осажденных, но «освободили» так, что король, во избежание возможных недоразумений, предпочел бросить свой трон.

Воинственный король Миньюэ, у которого из-под носа вытянули добычу, решил компенсировать себя в Наньюэ (Гуандун и т. д.), но наньюэ'сцы сами полезли в западню и призвали китайцев на помощь. Последним этого только и нужно было. Они отправили на Миньюэ (Фуцзянь) армию и принудили короля умерить свой пыл, а сами стали подготовлять дорогу к более ценной добыче, — к «спасенному» Наньюэ, — к Кантону. Это было в 135 г. до н. э.

Но проглотить Наньюэ китайцам не удалось, так как с севера началось наступление гуннов; наступление нужно было отбивать. Нужно было собрать на севере все наличные силы.

И юг был пока оставлен китайцами в покое. Они не нашли нужным применить оружие даже тогда, когда в сычуаньских землях поднялось открытое восстание туземцев. Китайцы просто снялись и ушли. Это было в 126 году.

Недолго, однако, длилось благополучие южан.

В 119 году, как уже сказано раньше, китайцы нанесли сильнейший удар гуннам, а в 126 году от вернувшегося Чжан Цянь'я были получены сенсационные сообщения о западном мире. И китайцы решили пробиваться на запад юньнаньским путем.

Но государство Тянь и другие юньнаньские княжества в 122 г. воспротивились китайским поискам. Китайцы опять предпочли смолчать и отложить дело на будущее. Нужно, ведь, было еще справиться с гуннами, которые не только мешали торговать, но и нападали на Китай.

113 год до нашей эры был поворотным. Империя быстро вознаградила себя за прежние проволочки. План советников У-ди был таков: сначала покончить с сильнейшими, а потом, имея ореол достигнутых побед, броситься на остальных и, что называется, «взять их на мушку», — победить наведением страха.

Авантюризмом это не было. Почва была приготовлена заранее и приготовлена хорошо. И когда наступил момент действовать, Кантон взят был штурмом, но почти без потерь для нападавших. Государство Наньюэ перестало существовать. Оно было превращено в несколько новых губерний. Кантон, будущий центр национального китайского движения, перестал быть «заграницей». Это произошло в 111 году до н. э.

Сыма Цянь'ский рассказ об этом, хотя и анекдотический отчасти, заслуживает передачи, как более или менее характеризующий тогдашние нравы. Вот он, этот рассказ.

http://book.uraic.ru/

Подготовка к завоеванию Наньюэ началась за много лет, а именно со 135 года, когда непоседливый король нын. Фуцзяни (тогда Миньюэ) вздумал напасть на него. Китайцы миньюэ'ского короля поколотили, но не очень сильно и оставили его в качестве пугала для Кантона. А в Кантон снарядили своего «советника». Ничего особенно важного он там не советовал, а больше пировал и знакомился с людьми да собирал информацию разного рода. Делал он это при всяком удобном случае.

А нужно заметить, что китайцы очень мало знали тогда о юге. Не знали они даже того, откуда течет река Синьцзян, у устья которой стоит Кантон.

Однажды, когда посла угощали вареньем из какого-то незнакомого ему плода, он, по обыкновению, стал расспрашивать, откуда этот плод, как его привозят, на чем привозят и т. д. Расспросы эти дали ему возможность приблизительно сообразить, откуда течет Синьцзян. Вернувшись на родину, он стал наводить справки у жителей западной части Южного Китая относительно растущих там растений и в конце концов у него набралось достаточно материала, чтобы знать, куда нужно отправить отряд, который бы, не обнаруживая себя, дошел до Кантона наиболее удобным речным путем. Мало-по-малу агентами Китая были собраны сведения и о других путях, ведущих к Кантону. Одновременно собирались сведения и о том, как устроить в Кантоне достаточно ошеломляющих размеров пожар.

Затем началась работа по другой линии. Жена кантонского короля родилась и выросла в Китае и, как выяснилось, имела там романтические приключения. Когда ее муж, оставив ей малолетнего сына, умер и она стала регентшей, У-ди приказал ее бывшему ухаживателю отправиться в Кантон в качестве посла. Как он и рассчитывал, старая связь между королевой и послом возобновилась, и кантонская правительница стала орудием в руках китайского императорского двора. Ее поведение сильно скандализировало кантонцев. Среди них поднялся ропот; все заговорили о неправильности того положения, когда иностранка стоит во главе государства, и скоро дело дошло до того, что с минуты на минуту можно было ждать восстания.

В ожидании этого китайцы послали в Кантон двухтысячный отряд войск, т.-е. как-раз такой, какой мог вызвать взрыв негодования и вместе с тем создать впечатление бессилия империи.

Кантонцы поддались провокации. Они подняли восстание, без труда справились с китайской охраной королевы и, торжествуя легкую победу, успокоились. На это-то и рассчитывали китайцы.

В одну из ночей в городе возникло сразу несколько пожаров, а одновременно совершенно неожиданно с шести сторон появились шедшие форсированным маршем китайские войска. К утру весь город был уже в их руках, а за городом пришла очередь и всей страны.

У-ди рассчитал правильно. Падение Наньюэ произвело на соседние государства такое оглушающее впечатление, что они одно за другим поторопились изъявить свою покорность; несколько слабых попыток сопротивления было быстро сломлено, и уже через год весь нынешний Южный Китай, плюс значительная часть Индо-Китая, вошли в состав империи.

А еще через два года была присоединена и Корея, т. е. пространство между р. Ляохэ и приблизительно нынешним Сеулом. Целью ее присоединения, по мнению историков, было создание «щипцов», которые охватывали бы враждебную степь. Западной их стороной была Кульджа, восточной—Корея, осью — Китай. Что касается Кореи, как рынка, то ее значение в это время было, повидимому, очень небольшим. Меха, жемчуг и немногое другое — вот и все, что могла дать эта тогда еще очень малокультурная страна. Завоевание Кореи произошло в 108 году, и она была последним территориальным приращением к империи У-ди.

Первое крупное приращение было в 127 году, последнее в 108-ом, итого весь период роста непосредственных владений Китая охватывал только 19 лет. Что касается Ферганы, Или, Кашгарии и т. д., то они присоединялись не как административные единицы империи, а как вассальные страны.

Подобное разделение заслуживает внимания, ибо оно показывает, что тогда уже существовало ясное сознание разницы между отношениями сюзеренитета-вассалитета, с одной стороны, и отношениями между областями, входящими в состав объединенного государства, с другой.

Здесь следует еще остановиться на вопросе о финансировании бесконечных походов времен императора У.

Огромные расходы на войну быстро свели на-нет то финансовое благополучие, о котором говорили летописцы царствования Вень-ди (179—157). Казна была истощена. Но деньги в стране были, и правительство было неистощимо в придумывании средств для извлечения их из карманов. В 123 го-

ду была создана система покупки титулов; 170 тысяч монет требовали за низший титул и по 20 тысяч добавочных за каждый высший. 370 тысяч стоил самый высший титул. По мнению Шаванна (который говорит об этом предположительно), это соответствовало 37 фунтовым слиткам золота. В 93 году была придумана целая шкала расценок наказаний, от которых можно было откупаться. Так, например, присужденный к повешению платил 50 фунтов золота, чтобы заменить петлю пожизненной ссылкой. В 121 году едва удалось отстоять жизнь 500 купцов, которые были виновны только в том, что не могли уплатить неожиданного дополнительного налога. В 112 году 116 «феодалов» были понижены в звании за то, что, якобы, внесли «добровольное пожертвование» на войну с Наньюэ золотом незаконной пробы. А в 119 году само правительство выпустило новые монеты, которые номинально стоили гораздо больше, чем на рынке. Затем начались бесконечные аресты фальшивомонетчиков. Введена была государственная монополия на соль и железо. Обложены были владельцы лодок и телег. Введены принудительные займы. Введено обложение капиталов. Наконец, была попытка прибегнуть к выпуску кожаных кредиток. И, несмотря на все это, казна оставалась пустой, и нужны были все новые и новые налоги [1]). Но обнищали ли аристократы? обанкротились ли купцы? — те купцы, которых У-ди презирал, о которых издавал уничижительные законы и которых «хотел сделать несчастными». Судя по возможности для каждого крупного спекулянта превратиться без труда в «аристократа войны» (это не значит отличиться на войне, это значит пожертвовать на войну деньги), «делались несчастными» только мелкие лавочники да торговцы с лотка, а вовсе не те, кто умел делать большие деньги. Наконец, тот же Сыма Цянь что-то не думал жалеть купцов, — он им скорее завидовал.

Страдали от всех этих мероприятий крестьяне, с которых и землевладельцы и купцы, а больше всего кулаки и ростовщики, умели взять то, что казна брала у них. Крестьянство быстро обезземеливалось и страшно бедствовало. Царствование Ай-ди (6—1 г. до н. э.), вступившего на престол через 80 лет после смерти воинственного У-ди, считалось впоследствии, вплоть до Мин'ской династии (1368—1644), самым худшим для крестьянства и самым лучшим для «зе-

[1]) Материал взят из уже названной книги Шаванна, том I гл. La Politique Interieure.

мельных акул», которые «пожирали земли бедных». Обнищавшие и разоренные крестьяне бросали землю и бежали куда глаза глядят. Другие истощили ее неразумной эксплоатацией и в конце концов тоже вынуждались бросать ее. Крестьянское хозяйство разорялось окончательно. Положение обострялось и обострялось. Все это не могло не закончиться тяжелым потрясением, и к началу нашей эры оно действительно произошло.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XI.

Жизнь и труды великого китайца.

Как ни подробно будем мы разбирать какую-нибудь эпоху, она останется мертвой схемой, если не познакомиться с живыми людьми, действовавшими, мыслившими, страдавшими и радовавшимися тогда. Для времени «Старших Хань», точнее для тех годов, когда Китай впервые соприкоснулся с западным миром (около 100 г. до н. э.), мы имеем в этом отношении, благодаря французскому синологу Шаванну, богатый материал. Это — предисловие и примечание к переведенным им «Историческим запискам» Сыма Цянь'я, первого историка Китая, отца китайской историографии.

Биография этого замечательного человека, быть может, самого крупного из людей Хань'ской эпохи, даже в нашей краткой передаче, скажет все же больше, чем многие длинные рассуждения, ибо это биография человека, жившего в один из переломных моментов истории, и притом человека, живо откликавшегося на происходившее кругом.

Сыма Цянь происходил из очень многочисленного рода Сыма, родоначальники которого в VIII веке до н. э. и раньше были владыками небольшого лена, — чьими-то вассалами. Уже в ранний период междуусобной войны Сыма потеряли свои владения и превратились в обыкновенных чиновников. Они имели землю и, повидимому, лично принимали участие в ее обработке. В частности о Сыма Цянь'е известно, что хотя в юности он изучал классиков, но вместе с тем и сам пас скот. Отец Сыма Цянь'я занимал, если считать по «табели о рангах», очень высокую должность; он был «герцогом, придворным астрономом». Фактически, однако, номинально высокое звание не делало Сыма Тан'а (как звали Сыма-отца) влиятельным человеком; в своих воспоминаниях Сыма Цянь жаловался впоследствии на то, что «некультурные люди были недостаточно почтительны» к его отцу. Сыма Тан, помимо своих прямых обязанностей, много занимался философией и оставил после себя небольшую работу, где критически разобрал все главные философские направления, суще-

Собрание Великого Китая

ствовавшие в Китае, и выделил даосизм, как наиболее для него приемлемый. Занимался он и историей, при чем делал не очень удачные попытки доказать, что должность придворного астролога была в древности наследственной в их роду. Сыма Цянь, подобно всем правоверным китайцам, относился к отцу с величайшей почтительностью, хотя резко расходился с ним в оценке даоского учения, учения о «недеянии», о принципиальной пассивности.

Сыма Цянь родился, по мнению Шаванна, около 150 г. до н. э. Проведя юность в деревне, он потом много путешествовал, объездил почти весь бассейн Янцзы, побывал на севере, посетил те места в нынешней Цзянси, где жили многие ученые, и везде собирал материалы для своей будущей истории Китая. Потом он поступил на службу в столице и был командирован для инспектирования вновь завоеванных «варварских» земель в Юньнани, где тогда вводились общеимперские порядки. В те времена Юньнань и даже соседняя с нею Сычуань были культурно очень отсталыми окраинами. Поездка по ним требовала не мало мужества. Через год, в 110 г. до н. э., когда будущий историк вернулся, наконец, в столицу, его отец был уже при смерти, и скоро Сыма Цянь стал его заместителем. Занимая должность «великого астронома», Сыма Цянь в 104 г. до н. э. принимал главное участие в той работе по реформе календаря, которая уничтожила расхождение между счетом времени и движением светил. Закончив эту работу, он вернулся к своим любимым историческим изысканиям. Но тут с ним случилось непоправимое несчастье, изуродовавшее всю его дальнейшую жизнь.

Это было в 99 году, когда частые нападения гуннов[1]) вынудили китайское правительство отправить против них карательную экспедицию. Один из посланных в степь генералов, не желая быть в положении подчиненного, добился у императора согласия на предоставление ему самостоятельности действий и, увлекшись преследованием врагов, углубился в пустынные степи в направлении Хами (в Восточном Тяньшане). Результатом была гибель большей части его пятитысячного отряда и плен для него самого. Император (У-ди), типичный самодур, был взбешен, а придворные льстецы, вылощенные, изнеженные аристократы, не жалели красок, чтобы посильнее очернить ненавистного их повелителю человека. Один только Сыма Цянь нашел в себе мужество не

[1]) Правильнее их называть хунну или сюнну. Одни считают их монголами, другие — тюрками.

согласиться с государем. Он выступил с длинной защитительной речью, в которой резко заклеймил добровольных обвинителей, «которые никогда не рисковали собой, а заботились лишь о себе и своих близких», противопоставил им «всегда побеждавшего, не жалевшего себя» воина и, наконец, зашел настолько далеко, что объявил побежденного «героем, которых не было и в древности».

Этим неожиданным выступлением Сыма Цянь погубил себя. У-ди, император, и раньше не любил его и имел на то веские основания. Дело в том, что Сыма Цянь в своих отзывах был весьма далек от восторгов перед этим поклонником религиозных шарлатанов и изобретателей чудодейственных элексиров. И У-ди сумел свести с ним старые счеты.

Сыма Цянь был предан суду, обвинен в попытке обмануть государя и приговорен к высшему после казни наказанию, — к кастрации. Если бы он был богат, он мог бы откупиться, ибо при У-ди, нуждавшемся в деньгах на ведение своих бесконечных войн, откупы от наказания практиковались легально. Но род Сыма оказался недостаточно богатым, и вот основатель китайской историографии превратился в опозоренное бесполое существо.

Это был страшный удар для Сыма Цянь'я. Только сознание того, что ему нужно жить, чтобы довести свою работу до конца, заставило его отказаться от самоубийства. Он готов был претерпеть в настоящем любые муки, готов был вынести презрение современников, но зато утвердить свою личность в веках. Но впоследствии он часто переживал тяжелые минуты. «Как свирепый тигр, попавший в западню, виляет хвостом, прося пищи, так и люди, даже самые высокомерные, в конце концов поддаются страданиям. Оскорбляемый и унижаемый ежедневно человек чувствует, как мало-по-малу расплывается вся его энергия. И тот, кто не боялся говорить государю языком, который наверно был не угоден последнему, трясется теперь, когда слышит шаги тюремного надзирателя», — писал он своему другу.

У-ди был самодур, и, быть может, только потому он остановился именно на Сыма Цянь'е, этом по его же милости изувеченном человеке, чтобы пригласить его на должность высшего сановника, ведающего секретной канцелярией императора. Это была высшая почесть, отдававшая Сыма Цянь'ю ключ ко всем делам правительства. И с тех пор, по словам «Истории династии Хань», «Сыма Цянь был почтен и оценен в выполнении своих обязанностей». Но был ли он тем «свирепым тигром», который «виляет хвостом, прося пищи», ка-

ким он сам выставлял себя в письме к другу? Позднейшие данные говорят против этого. Вот отзыв о его книге, данный почти тремястами лет позже министром юстиции, которого просили об отмене казни историка, хотевшего закончить свой труд.

«Некогда император У, не подвергнув казни Сыма Цянь'я, добился того, что тот написал клеветническую книгу, которая стала достоянием потомства... Если позволить жить Цай Юну, то и он, пожалуй, будет дурно отзываться о людях своего времени».

Это можно понять, как намек на то, будто Сыма Цянь в своей работе отомстил У-ди. Этого не было. Худшие отзывы об У-ди написаны Сыма Цянь'ем до кастрации. Но пережитые страдания не были им забыты, и они отразились на нем развитием пессимизма и мизантропии. Его отзывы о людях вообще, о их взаимоотношениях, стали резки и порой циничны. Но эти отзывы ценны для нас, ибо в них больше материала для изучения внутренних соотношений в современном ему обществе, чем во множестве томов, повествующих о словах и деяниях царей.

Вот кусочки из монографий, приложенных к основному его труду.

«Обратимся к тому, кто беден, чьи родители дряхлы, а дети слабы; ему не на что приносить жертвы в разные праздники года, не на что пойти есть и пить на тех пирушках, за участие в которых каждый платит за себя; у него одежды не хватает, чтобы прилично покрыть свое тело. И если он не краснеет, дойдя до такого положения, то он последний из людей».

«Но у кого амбары и склады полны, тот знает, что такое правила и обряды. У кого есть достаток в одежде и пище, у того есть и чувство чести... Если пруд глубок, в нем водятся рыбы, если есть в горе удобные прибежища, на ней водятся звери, если человек богат, доброта и справедливость живут в нем».

«По мнению людей, мыслящих упрощенно, добродетель и богатство однородные термины. Они говорят: «того, кто крадет приколку, — подвергают казни, а того, кто ворует царство, — признают государем», или «доброта и справедливость всегда в доме господина...».

И это не необоснованные речи.

В другом месте Сыма Цянь говорит о двух добродетельных людях, которые, не пожелав подчиняться основателю

династии Чжоу и не быв в состоянии помешать его воцарению, удалились в горы и в конце концов умерли там от голода.

«Говорят, Небо (провидение) беспристрастно и всегда стоит на стороне добродетельных. А разве не были эти люди добродетельны? Но вот они умерли от голода на горе, а Вэнь-ван и У-ван царствовали. Я в затруднении. Я начинаю сильно сомневаться, чтобы то, что называют провидением, действительно существовало».

Такие заявления сильно шокировали лицемеров.

«Он говорил о людях, которые обогащаются торговлей, он презирал доброту и справедливость и оскорблял тех, кто беден и без средств. Он рассуждал о предприимчивых людях, но мало говорил о соблюдающих законы; зато он хвалил смелость грубых (имеются в виду его суждения о людях, «восстанавливавших справедливость» по собственной инициативе и презиравших законников с их томами законов). Эти проявленные им большие пороки нарушили в нем правильное суждение. Вот почему он понес суровейшее из наказаний» — писал один из этих хранителей заветов старины.

Знали ли они, что на другом конце материка такие же речи, как сымацяневские одновременно или почти одновременно велись о богатстве и добродетели Катоном, Горацием и другими?

Если даже согласиться с Шаванном, что приведенные здесь выдержки из работ Сыма Цянь'я были скорее бутадами, чем выражением подлинных его мыслей, они заслуживают все же самого большого внимания. Ибо о чем говорят они? Могли ли они появиться, если бы те ограничительные распоряжения относительно купцов, которые на бумаге отдавались ханьскими императорами, действительно проводились в жизнь?

Таких распоряжений было не мало, и интересующиеся ими могут найти их в книге Колоколова и Мамаева «Китай», в отделе о торговле. Но какая им была цена, этим распоряжениям, если одного обладания деньгами было достаточно, чтобы избавиться от любого наказания! Какая им была цена, если купец и ростовщик захватывали за долги крестьянские участки и делались хозяевами земли! Пусть Сыма Цянь шаржировал, пусть его слова только горькая издевка над своею собственной судьбой, — судьбой обладателя большого чина и пустого кармана, — все же эти заявления ясно доказывают, что в Китае его времени сложились уже те условия, когда предприимчивость, деляческая ловкость, вера в

свои силы и пренебрежение к традициям и букве устарелого закона было налицо. Развитие торговли, завоевание новых земель, крушение всех попыток земельного поравнения и, наконец, постепенные уступки купечеству — все это говорит за то, что не случайны были эти речи Сыма Цянь'я. Эпохе накопительства и предприимчивости соответствуют и характеры типичных современников Сыма Цянь'я, не элементарных эгоистов, свойственных феодальной эпохе, а именно индивидуалистов. Таков характер и самого Сыма Цянь'я.

«Тяжело мудрецу покидать мир», говорит он, «не сделав своего имени славным». И мы уже знаем, что он согласился на все мучения, на все унижения, чтобы только совершить свое дело, чтобы, выражаясь его же словами, «сделать славным свое имя». Он остался жив и добился своей цели. Его имя действительно стало славным. Славным стало и имя всего его рода, давшего Китаю целый ряд знаменитых ученых, комментаторов и оригинальных авторов. И вот насмешка судьбы: когда пала династия Хань, один из Сыма оказался основателем новой императорской династии, династии Цзинь...

О размахе работы Сыма Цянь'я говорит хотя бы беглое, неполное, частичное перечисление тем, разобранных им в приложениях к основному труду. Он рассуждает там о музыке, о календаре, об инструментах, о жертвоприношениях, о реках и каналах, о торговле, о географической среде, о ценах, об общественных работах, о культе. Он дает 70 монографий и приводит в них ряд исторических портретов: здесь и государи, здесь и чиновники — «образцовые» и «тиранические», — здесь куртизанки, ораторы, убийцы, предсказатели, люди совести, люди, которые «восстанавливают справедливость», здесь же и рассуждения о писателях и их роли, здесь же и данные об иностранных государствах — о «варварах». И это еще не исчерпывает списка его тем.

Его огромный труд, еще только частично переведенный Шаванном на французский язык, все еще ждет своих исследователей, истолкователей и переводчиков.

И они, конечно, будут [1]).

---

[1]) Характеристика основного труда Сыма Цянь'я имеется в печатных «лекциях по материальной и духовной культуре Китая» проф. Кюнера, изд. студентом (ныне преподавателем Дальневосточного университета) Репиным во Владивостоке. В тех же лекциях много внимания уделено западным влияниям на Китай в эпоху Хань'ей.

XII.

От купеческо-дворянской победы до крушения Первой империи.

Медленный, не осложняемый потрясениями извне, но непрерывный хозяйственный упадок. Попытка спастись путем возвращения к давно умершей старине. Грандиозное столкновение противоречивых интересов в результате этого. Затем новый подъем. И опять упадок, закончившийся крушением империи и возникновением на развалинах его недолговечных, борющихся между собой государственных образований. Таково вкратце содержание истории Китая между периодом царствования У-ди (140—87 г.г. до н. э.) и III веком нашей эры.

Небольшая статистическая справка скажет об этом красноречивее всяких слов. К китайской статистике, как и вообще ко всякой статистике, доходящей до нас от более чем тысячелетнего исторического прошлого, нельзя, конечно, относиться с большим доверием. Но если даже допустить, что ошибки были на 50 проц., приведенные здесь цифры окажутся все же достаточно убедительными.

В 23 году н. э. число домохозяйств империи исчислялось в 12.233.062, а число жителей в 59 миллионов.

В 25 году н. э. домохозяйств было уже 4.279.634, а людей 21 миллион.

В 220 г. н. э. домохозяйств — 16 миллионов, а жителей 50 миллионов.

К 270 году осталось только 1½ млн. домохозяйств и меньше чем 8 млн. жителей [1]).

Остановимся сначала на том, что происходило перед 25 г. н. э.

Из предпоследней главы известно уже, каково было положение в царствование Ай-ди, современника римского Авгу-

[1]) Данные взяты из труда Лян Цичжао «Сравнительная численность населения Китая в разные периоды», перепечатанные наряду с данными других авторов в „The Progress and Social Control in China“ by Yu Tinn-hugh edt: The Chinese Sociol. Society. Пекин, 1923.

ста. Это то самое царствование, которое рассматривалось впоследствии, как худшее в смысле положения крестьянства. Рекорды того времени были превзойдены лишь на много-много лет позже, а именно в XVI веке, в период Мин'ской династии.

Само собой разумеется, такое положение долго продолжаться не могло, и взрыв был неминуем. Вопрос был лишь о том, как он начнется. Он начался сверху.

Как-раз в то время, когда по христианской легенде жил Христос, на престоле Китайской империи сидел некий Ван Ман, ставший императором не по праву рождения, а в результате устранения своего предшественника, зятя.

Фанатичный поклонник старины, друг конфуцианских начетчиков, сам очень много читавший и писавший, Ван Ман думал спасти свою империю возвращением к тому времени, когда (если не фактически, то теоретически) существовала так называемая «колодезная система» землепользования,— система уравнительная. «Узурпатор», как его назвали историки, энергично взялся за дело. Всякие сделки на земельные участки были воспрещены; продажа, покупка и залог их стали рассматриваться, как преступления. Излишки против определенной нормы были отчуждены и переданы безземельным. Был введен ряд новых правил о денежных операциях; торговля была подчинена мелочному контролю, и были введены твердые цены, устанавливаемые каждый раз чиновниками; обесценение валюты было объявлено преступлением. Купец оказался в положении человека, ежеминутно дрожавшего перед заведывающим рыночным досмотром, который в любую минуту мог, придравшись к качеству товаров, посадить торгующего в тюрьму. Короче говоря, правительство бросало вызов и землевладельцу и торговцу. Целью было возвращение ко временам основателя династии Чжоу, «когда никто не голодал и всем было хорошо», — ко временам оформления феодальной системы [1]).

Какова на самом деле была деятельность Ван Мана и его помощников, судить при нынешнем состоянии наших познаний о прошлом Китая чрезвычайно трудно. О самом Ван Мане у историков нашлось только одно доброе слово. Это

[1]) Как известно, книги, написанные при династии Чжоу, были в 213 году до н. э. сожжены. Сожжены были и книги законов Чжоу («Чжоу Ли»). Пин Хуа-ли в своей «Экономической истории Китая» высказывает подозрение, что истолковывавший эти законы друг и поверенный в делах Ван Ман'а частично видоизменил их.

то, что он был необычайно усидчив и не отходил от работы днями и ночами. Все остальное, касающееся его, это сплошные помои. Он и отравитель, он и заговорщик, он трус, он суеверен; все мероприятия его «нелепы и бессмысленны», а его административная практика — цепь насилий, несправедливостей и грабежей. Даже то, что чиновники брали взятки, — тоже оказывается его вина. Эти отзывы ясно свидетельствуют о том, кто были эти историки и чьи интересы они защищали.

«Узурпатору», конечно, не дали докончить начатого им дела. Пассивное сопротивление помещиков и купцов сменилось активным. Поднялось восстание «Краснобровых», одно из самых грандиозных в Китае. В конце концов повстанцы овладели столицей и Ван Ману отрубили голову. Это было в 22 г. н. э. на восемнадцатом году его царствования [1]).

С Ван Маном и его реформами было покончено. Но не сразу улеглись разбушевавшиеся страсти. Кровавые столкновения продолжались и потом и прекратились лишь тогда, когда, благодаря тому резкому уменьшению населения страны, данные относительно которого мы только-что привели, ликвидировался аграрный кризис. К этому времени был найден человек, который сошел за одного из представителей дома Хань. Его возвели на трон, и он стал основателем «младшей» династии Хань, или «последующих Хань». Иначе эту династию называют «Восточной Хань», в отличие от прежней, «Западной». Это обозначение получилось в результате переноса столицы из Чан'ань (нынешнего города Сиань в Шэньси) в хэнаньский город Лоян, который являлся в наши дни штаб-квартирой У Пейфу.

Как и нужно было ожидать, революция в Китае привела к потере внешних владений. Гунны отложились от Китая, а отложившись, распространили свою власть на Восточный Туркестан, т.-е. на те оазисы, через которые шли сношения Китая с Бактрией и западным миром вообще.

---

[1]) Использованные нами источники не содержат указаний относительно социального состава повстанческих отрядов «Красных Бровей». Само собой разумеется, однако, они включали и крестьян, ибо иначе они не могли быть велики. Значит ли это, что восстание «Краснобровых» было крестьянским восстанием? Думается, что нет. Это было восстание не крестьян, но крестьяне были использованы, как физическая сила. Взятки, вздорожание и другие явления, возникшие в связи с попытками реформ, могли быть достаточными стимулами, чтобы поднять часть крестьянства против режима Ван Мана. 18½ веков позже крестьянство тоже сражалось против тайпинов, которые восстали во имя справедливости и равенства.

Собрание В. Г. Белинского

Китай опять был изолирован от греко-римского мира.

Конечно, никакой речи о сокрушении гуннской степной империи и быть не могло. Можно было думать только об охране постоянно тревожимых (начиная с Ван Мана) собственных границ. Что же касается юга Собственно-Китая, то власть над ним удалось удержать, хотя попытки отделения и были. Самая крупная из них была, повидимому, в Тонкине.

Если о Ван Мане китайские историки отзываются как о каком-то нравственном уроде, то по адресу Гуан У, основателя Восточной Хань'ской династии, у них находится только одно слово упрека: его обвиняют в расширении прав евнухов. Во всем же остальном он прекрасен. Это покровитель наук и искусств, друг мира и враг войны, человек, умевший быть благодарным и прочее и прочее. Всего вернее, что он был просто ничтожеством, которым вертели, как хотели сильные мира сего.

У Колоколова и Мамаева мы узнаем, что при нем законы о торговле, введенные при Ван Мане, были отменены и «была разрешена свободная торговля без всяких ограничений, касавшихся порядка ведения торговли, но зато строго возбранялось вести торговлю зарубежную, для чего были учреждены пограничные кордоны с широкими полномочиями».

Нам не удалось найти подтверждения сказанного этими авторами, но все, что они говорят о внутренней торговле, вполне соответствует обстановке, которая должна была сложиться после падения Ван Мана. Что же касается внешней торговли, то, поскольку дело идет о степной границе, запрещение было более чем естественно. Разве могло, например, государство допустить вывоз по гуннской границе одного из самых важных предметов своего прежнего экспорта — железа. Ведь позволить — это означало бы допустить снабжение врагов оружием против самого Китая. Кроме того, надо было заинтересовать восточно-туркестанские торговые государства в возвращении под власть Китая. Впрочем, как уже сказано, материалов по этому вопросу не нашлось. Следовательно, изложенное здесь нужно рассматривать лишь как предположения.

Царствование креатуры помещиков и купцов продолжалось до 57 г., когда на престол вступил сын Гуан У — Мин-ди (58—75 г.г. н. э.). Это имя упоминается здесь потому, что с ним тесно связано появление в Китае буддизма, который, несмотря на сношения Китая со Средней Азией и на появление в нем буддийских книг, оставался до тех пор незамеченным

на Дальнем Востоке. Что же касается встреченного нами у Колоколова и Мамаева утверждения, будто Мин-ди «своею завоевательной политикой распространил славу Китая до пределов Римской империи», то оно, очевидно, основано на недосмотре. Про Мин-ди, о котором, как об исторической личности, известно только то, что он живо интересовался сонниками и увлекался буддизмом, борьба за восстановление господства Китая на путях в Туркестан только начиналась. Правда, китайцы сумели нанести гуннам жестокое поражение на Лобноре, взять Хами, взять Турфан и добиться признания китайского суверенитета в Кашгаре, но Джунгария оставалась еще в гуннских руках. А когда Мин-ди умер (это было в 75 году), то все плоды этих непрочных побед, о которых римляне, должно быть, и не слышали никогда, были уже потеряны, и в Лояне (столице Китая) шел даже разговор о желательности полного отказа от завоевательной политики.

Такое же настроение господствовало при дворе и при наследнике Мин-ди, при котором правительство не только не поощряло воинственных генералов, но и всячески удерживало их от завоевательных увлечений. Расширение Китая к западу происходило тогда не по распоряжению свыше, а помимо императора, помимо двора и правительства. Происходило, так сказать, «самотеком».

Героем этих побед был генерал и дипломат Бань Чжао.

Размеры этой книжки не позволяют подробно рассказать о деятельности этого гениального дипломата и воина, и поэтому мы остановимся лишь на самом важном, — на том именно, что косвенно обнаруживает огромное значение тогдашней торговли Китая с Западом.

Бань Чжао был тем человеком, чья неутомимая дипломатическая работа среди враждовавших друг с другом гуннских вождей [1]) создала предпосылки для первых побед, отметивших 73, 74 и 75 г.г. Как уже сказано, плоды этих побед к 76 году были утеряны, и значительная часть гуннов вновь объединилась против Китая. Бань Чжао был отозван. Но он и не подумал возвращаться. Учтя заинтересованность восточно-туркестанцев во внешней торговле Китая, он склонил жителей Хотана и Кашгара к борьбе с их новыми сюзеренами — гуннами, стал во главе восставших, разбил гуннов во всех тех

[1]) В 48 году гунны разделились на северных и южных. Значительная часть последних скоро после этого пошла в китайские пограничные войска и впоследствии сыграла в Китае такую же роль, какую германские наемники в эпоху падения Римской империи сыграли в Италии.

местах бассейна Тарима, где только встречал их, отвлек на себя их силы и тем самым дал возможность другим китайским генералам справиться с гуннами на востоке. В 89 году северные гунны потерпели в своих родных степях страшное, небывалое поражение — поражение в глубине своих же родных степей. Одних пленных попало в руки китайцев до 200.000 человек (так, по крайней мере, утверждали историки); в плен попала и мать их верховного хана (шень'ю). Гуннам оставалось только бежать. И они бежали. Только через 4 столетия они окрепли настолько, чтобы под предводительством знаменитого Атиллы стать «бичом божьим» для Европы. Для Европы, но не Китая!

Другие же гунны еще раньше подчинились Китаю и обязались охранять подступы к Стене. Это было нечто в роде нашего казачества.

Поражение гуннов, решительное и окончательное, широко раскрыло для китайцев ворота на Запад и на три десятка лет отдало им Восточный Туркестан. В 91 году мы застаем Бань Чжао уже в роли наместника западных окраин. Затем он опять становится во главе армий.

На этот раз его противниками были уже юэчжи, вытеснившие греков из Бактрии и овладевшие ею. До сих пор разделенные, они были объединены под главенством некоего Кадфиза и начали свои завоевательные походы. В течение короткого времени они овладели Афганистаном, захватили Кашмир (Северная Индия), стали хозяевами всего бассейна Индии и дошли до Бенареса, став, таким образом, хозяевами огромной империи, простиравшейся почти от Бенгальского залива до киргизских степей. Но захватить Восточный Туркестан они не сумели. Армия Бань Чжао оказалась сильнее, и Кадфиз счел за лучшее признать себя вассалом Хань'ей.

Что это было не только номинальное признание, видно хотя бы из того факта, что шестью годами позже мы застаем Бань Чжао с его армией уже в городе Антиохия Маргиана, т.-е. далеко к западу от Бактрии, приблизительно, на том месте, где теперь стоит Полторацк (Асхабад) или где-нибудь немного восточнее его [1]).

[1]) В русских энциклопедиях нет никаких указаний об Антиохии Маргиана. Географическое положение ее определено нами по старому еще в 1850 году изданному историческому атласу Шпрунера (Spruner, изд. Gothae: Justus Perthes. MDCCCL). В 1850 году география Туркестана была известна немного лучше, чем теперь география земель, открытых на севере экспедицией Вилькицкого; значит, ошибка в данном случае возможна.

Если бы Бань Чжао продвинулся еще на несколько сот верст вперед, китайская армия встретилась бы с римскими легионерами.

Но и не встретившись с ними, она уже находилась в той области, где о римлянах хорошо знали. Римские монеты, например, были уже в руках китайских солдат. Да и собственные деньги государства Юэчжи изготовлялись по римскому образцу. Между территорией, занятой в этот момент (98 г. н. э.), и областями, подчиненными Риму, была теперь только небольшая полоса пустынных земель да Каспийское море. Завязать связь с Римом было для Бань Чжао ближайшей задачей. Но это ему не удалось.

Хотя китайское описание попытки Бань Чжао связаться с Римом не внушает большого доверия, но, за отсутствием другого, придется повторить его без переделок. Находясь в Антиохии Маргиана, говорит китайский историк, Бань Чжао отправил посла Гань Ин'а в империю «Та Цинь». Гань Ин'у удалось добраться до западных границ Парфии и сесть на судно, отправлявшееся из Месопотамии в Египет (куда обычно переправлялись шедшие транзитом через Парфию китайские товары). Однако, хитрые моряки сумели убедить Гань Ин'а бросить эту затею, напугав его описаниями страшных опасностей, ожидающих его в пути. Они просто не хотели допустить, чтобы китайцы узнали, каким путем идут экспортируемые ими товары.

Читатель согласится, вероятно, что это повествование достаточно мифично. Думать, будто люди, сумевшие пробиться через гуннские земли, через враждебные страны Восточного и Западного Туркестана, через пустыни, через Парфию и т. д., испугались путешествия по морю, немного странно. Так или иначе, Парфия действительно стала барьером между Китаем и Римом и оставалась таковым во все время торговых сношений двух громадных империй.

Впрочем, отдельные попытки завязать непосредственные торговые отношения были. Но они относятся уже к тому времени (125—150 годы), когда усилившиеся юэчжи не только перестали быть вассалами Китая, но и овладели частью Восточного Туркестана и опять отодвинули границу Китая к востоку.

Попытки эти делались, однако, не китайцами уже, а западными народами. Первая из них упоминается в 166 г., когда в Тонкине появилась группа купцов, называвших себя послами Марка Аврелия (Marcus Aurelius Antonius; отсюда китайское «Аньтунь») и привезших подарки — слоновую кость,

рога носорога и черепаховые панцыри. Этих послов или выдавших себя за послов встретили в Лояне с большими почестями, но тем дело и кончилось: прочной торговли морским путем развить почему-то не удалось, и парфяне продолжали пользоваться выгодами посредничества.

О характере тогдашней торговли Китая с Западом дает представление работа Хвостова «История восточной торговли греко-римского Египта» (судя по ссылке на нее Рожкова в томе 7, стр. 252): «В Египет шли из Китая меха, кожи, мелкие железные изделия, азбест, шелк и шелковые материи, при чем китайские шелковые материи направлялись из Египта часто в Азию и здесь, на фабриках острова Коса, Тира и Бейрута, распускались и нитки в смеси с бумагой или шерстью обращались в новую ткань» [1]).

Там же мы находим подтверждение китайских данных о римской торговле с Индо-Китаем. Есть, впрочем, один факт, который указывает на крайне слабое развитие морских (но не сухопутных) связей Рима с Индо-Китаем и особенно с Китаем. Это совершенно неверное представление западных географов II века н. э. о характере береговой линии к востоку от Тонкина. Вот, например, карта Птоломея, относящаяся к 160 г. н. э. Восточный берег Африки, Аравия, Персия и даже Индия узнаются на ней легко, хотя контуры Индии изображены так, как-будто ее срезали внизу и приклеили отрезанное к ставшему неимоверно большим Цейлону. Берег Бенгальского залива, общие очертания Индо-Китая приблизительно верны. Но дальше идет почти совсем невероятное: не дойдя до 20° с. ш., берег почему-то круто поворачивает направо (т. е. к юго-востоку, тогда как он на самом деле делает поворот гораздо севернее и дает лишь небольшой изгиб), дальше он идет к югу, потом к юго-востоку, наконец... к востоку (!) и тянется так вплоть до самой... Африки. При этом, Каттигара (вероятно, это должно было обозначать Кантон)

[1]) Chong Su-see в „The Foreign Trade of China“ (стр. 17) дает несколько иную картину торговли того времени. По его словам, китайцы отправляли в пределы Римской империи шелк, железо, кожи и меха, а ввозили оттуда металлы, лекарства (drugs), краски, вязаные изделия, вышивки (embroideries), драгоценные камни, ароматы (fragrant woods) и стеклянные изделия всех видов. В отличие от Хвостова, он отметил азбест в качестве импортного, а не экспортного товара. Приведенный здесь список импортных товаров ясно свидетельствует о росте потребностей высших классов.

Нужно отметить, что позже Китай сам стал вывозить стеклянные изделия и стал «спецом» по производству вышивок. Заметьте, что упоминания о чае еще нет. Китай еще не знал тогда свойств чайного листа.

оказывается восточнее Явы и южнее Индо-Китая. Любопытно также, что Китай на этой карте фигурирует под двумя разными названиями, и этими названиями обозначены на карте две разных области: «Сина» на юге («Каттигара» остается вне ее, она помещена значительно южнее) и «Серика» [1]) на севере. Можно догадаться, что под именем Серика Птоломей понимал бассейн Хуанхэ, течение которой на его карте изображено более или менее подходящим к действительному, и Амура, представление о котором, очевидно, тоже имелось, как имелись сведения и о взаимном положении этой Серики и «Скифии», т.-е. в данном случае Монголии. Но то, что названо «Сина», представляет собой нечто совсем фантастическое. Правда, описанная карта начерчена за 6 лет до отмеченного выше посольства, но, с другой стороны, остается неизвестным, были ли после 166 года внесены какие-нибудь исправления. По крайней мере, до сих пор карта Птоломея остается лучшей из всех известных нам карт древности.

Из всего этого можно заключить, что в эпоху римлян торговые сношения Китая с Западом шли почти исключительно северным путем. Это подтверждается и другими данными.

Но вернемся к внутренним делам Китая.

Подворные переписи 58, 78 и 89 г. г. указывают на быстрое возрастание числа домохозяйств (по Лян Цичао). Оно еще больше возросло к 156 году (по Рокхиллу), когда их насчитывалось уже 16 миллионов, против 9.2 млн. в 89 г., 7,5 млн. в 78 г., 5,8 в 58 г. и 4,2 млн. в 25 г. н. э. Что же касается числа жителей, то и для 89 г. (это тот год, когда гунны были окончательно разбиты) и для 156 г., а также для 220 г., даются приблизительно одинаковые данные — около 50 млн. Таким образом, с 89 г. произошла приостановка роста населения, а число домохозяйств продолжало расти. Что же касается размеров посевной площади, то она оставалась, повидимому,

[1]) Ли Юнбин полагает, что слово Серика произошло от названия одного из сортов шелка Сеньэр, куски которого посылались ежегодно в виде императорских подарков князьям Туркестана. Отсюда английское «силк» и наше «шелк». Сина же, т.-е. то слово, которым Китай и поныне называют в Японии (у французов — шин) произошло, вероятно, от названия династии «Цинь» (вспомните Цинь Ши-хуанди).

Отметим мимоходом, что китайцы и Римскую империю обозначали словом Цинь, вернее: Великая Цинь, Та Цинь; один автор полагает, что этим они как бы признавали равенство двух империй. Судя по одному памятнику старины, они сильно переоценивали благополучие Запада — Рима. Упомянутый памятник относится к деятельности христианских миссионеров.

прежней, если только не уменьшалась. Возможно, что эти новые домохозяйства были городские. Но более вероятно, что увеличение числа домохозяйств означало раздробление участков, означало распад прежних больших семейств, что предполагает дальнейшее развитие денежного хозяйства, а, следовательно, и усиление эксплоатации. И она, действительно, росла.

Ответом на нее были народные возмущения.

Ли Юнбин имеет свое объяснение падения Хань'ей. Все зло, по его словам, было, во-первых, в женщинах, во-вторых, в евнухах, — в евнухах в особенности, в третьих, в той эволюции, которую претерпело конфуцианство, воспринявшее некоторые даоские элементы, и, наконец, в растущем влиянии самого даосизма, как такового, которое организовалось, как особая церковь, возглавлявшаяся в 165 г. своим особым, ставшим наследственным, патриархом.

Господство евнухов во внутренней политике Китая начинается, по данным ханьского историка, со времени императора Хо-ди, царствовавшего как-раз с того 89 года, после которого, по имеющимся данным, рост населения приостановился, а число хозяйств стало расти. Как уже сказано, это означало, повидимому, не что иное, как превращение крестьян в малоземельных или вовсе безземельных арендаторов или батраков у помещиков, среди которых было не мало придворных евнухов.

Последующие царствования отмечены потерей Китаем Восточного Туркестана и господства над степью. Два императора, царствовавшие между 147 и 187 г.г., названы Ли Юнбином «простыми орудиями евнухов», в частности про второго из них говорится, как о государе, при котором торговля должностями происходила совершенно открыто, а протестовавших против подобных порядков казнили десятками. Этого императора звали Лин-ди [1]).

Вот во время этого-то царствования, в 184 г. н. э., и разразилось то страшное восстание, которое в сущности и положило конец Первой империи. Это восстание, возглавлявшееся кое-чему учившимся, но не получившим чиновничьей долж-

[1]) Что представляла собой императорская «власть» при восточных Хань'ях, это видно из данных о возрасте императоров, начиная с Хо-ди (89 г.). Только один из них вступил на престол 17 лет, остальные восемь имели к моменту воцарения от 100 дней до 15 лет. Только один досидел на престоле до 34 лет; из остальных достигли совершеннолетия только трое. Но и достигавшие совершеннолетия никогда не были правителями, а только «простыми орудиями» в руках придворной шайки, т.-е. у землевладельческой и денежной аристократии.

COPY: В. Г. Белкинкоре http://booksiraje.ru/

ности деревенским парнем, не то просто шарлатаном, не то действительно убежденным в своей сверхъестественной силе мистиком, носит название «восстания желтых тюрбанов». Оно было страшно кровавое и втянуло сотни тысяч людей. Восстание было в конце концов усмирено, но выигравшими от этого оказались не император и его министры, а усмирявшие генералы, которые, справившись с повстанцами, немедленно вступили в борьбу друг с другом.

Восстание 188 года в столице (Лояне) против евнухов и избиение их всех было тем событием, которое позволило одному из этих генералов создать для себя совершенно исключительное положение. В разгар смуты он явился в столицу, убил императрицу, сбросил с престола семнадцатилетнего Фэй-ди и посадил на освободившееся место брата свергнутого, Сянь-ди, которому, однако, никакой власти не дал, а лишь пользовался им, как печаткой.

После этого началась борьба «за спасение императора», т.-е. за присвоение его особы.

Все это тянулось до тех пор, пока не образовались три более или менее сильных центра притяжения, а над давным-давно переставшими править Хань'ями не был поставлен крест.

Последним в истории династии Хань годом официально считают 220-ый (н. э.), когда начинается период «Трех царств» — Сань Го.

Начинается время войн, разорений, невероятного сокращения населения, время государственного распада, время возвращения вспять [1]).

Темная ночь второго средневековья спустилась над Китаем.

---

[1]) Материал, касающийся обоих крупных восстаний, описанных вкратце в этой главе, можно найти в статье Ивина в № 15 «Нового Востока». Между прочим, в ней сказано мимоходом, что разрыв между древностью и новым временем был в Китае гораздо менее резок, чем в Европе. По нашему мнению, тов. Ивин не дооценил тех явлений, о которых речь пойдет ниже.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

III. Новое средневековье и Вторая империя

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XIII.

Эпоха распада, войн и нашествий.

(188—581 г.г. н. э.).

Среди множества литературных произведений Китая нет, быть может, ни одного, которое бы пользовалось такой колоссальной и такой длительной популярностью, как «Сань Гочжи Янь-и», — полуроман-полулетопись, написанная около 600 лет тому назад.

Немногие китайцы умеют читать написанные китайской «латынью» труды Конфуция и его учеников. Еще меньше людей, одолевших их писания. Но «Сань Гочжи» знает каждый мелкий лавочник, каждый кули. Если он не умеет читать это, размерами с «Войну и мир», произведение, он знает его из уст уличных рассказчиков, по столь любимому китайцами театру, по картинкам, понаслышке, наконец. Этот роман знают не только в Китае. Он давно уже переведен на маньчжурский, на японский и на сиамский языки, а недавно его перевели и на английский. Быть может, когда-нибудь он будет напечатан и на русском языке. Это необходимо для нас, если мы хотим понимать китайцев.

В «Сань Гочжи Янь-и» описан как-раз тот период, который начинается с упомянутого в последней главе восстания «желтых тюрбанов», охватывает годы взаимной борьбы усмирителей и заканчивается победой одного из образовавшихся на развалинах Первой империи государств над другим, которое было основано одним из героев романа, — Лю Бэй'ем. Этот период охватывает 184—263 г.г. н. э.

Действующие лица этой эпохи слишком многочисленны, чтобы упоминать их всех, но некоторых, наиболее видных, придется назвать теперь же, чтобы читатель не запутался среди странно звучащих имен. Перечислим их.

Юань Шао — молодой гвардеец аристократ, инициатор заговора против евнухов в 189 г.

Дун Цзйо — провинциальный генерал, вызванный заговорщиками в столицу для уничтожения евнухов.

Лю Бэй — человек, вышедший из рода Хань, честолюбивый, авантюрист, впоследствии основатель одной из трех недолговечных империй, — империи Шу.

Чао Чао — будущий основатель другой империи, самой крупной.

Сунь Чуань — будущий основатель Третьей империи.

Упомянем еще род Сыма, уже известный читателю.

Перейдем теперь к описанию событий, в общих чертах уже обрисованных в конце предыдущей главы.

Когда Юань Шао вызвал в Лоян Дун Цзйо, последний, тогда уже вознамерившийся стать императором, выступил со всей своей армией, но предварительно выдал главных столичных заговорщиков евнухам. Ему нужно было добиться, чтобы кровь пролилась в столице по возможности скорее и чтобы все возможные его соперники были уничтожены или ослаблены. Его расчеты сбылись только наполовину, и когда он вошел в столицу и начал вести себя по-диктаторски, соперники, уйдя на восток и сделав Юань Шао своим вождем, объединились против диктатора. Чувствуя себя недостаточно сильным, последний решил уйти в столицу прежних Хань'ей — Чан'ань (нынешний Сиань в Шэньси), путь к которому идет через почти неприступный Тунгуань'ский горный проход. Уходя, он предварительно разграбил Лоян, а затем сжег его, а богатых жителей увел с собой.

Соперники погнались было за ним, но дойдя до разоренной области, остановились, затем рассорились и, наконец, разошлись по разным местам и начали выкраивать для себя владения. С такими вещами, как император и империя, никто уже не считался. Государство распалось, таким образом, больше чем на десяток частей.

Уйдя за Тунгуань'ский проход и почувствовав себя неуязвимым, Дун Цзйо начал управлять доставшейся ему частью Шэньси, как самовластный государь. «Император», которого он привел туда, был для него не больше чем живая игрушка. Всех недовольных Дун Цзйо уничтожил, но в конце концов сам попал под нож своего же начальника охраны. Воспользовавшись начавшейся суматохой, «император» бежал в Лоян. Попадая по дороге в руки то одного, то другого бандита, он в конце концов добрался-таки до своей бывшей столицы, где засел один из главных усмирителей восстания «желтых тюрбанов» Чао Чао.

Чао Чао был очень рад. Теперь уже он, а не его соперник, располагал таким ценным инструментом, как живой император, и Чао Чао пользовался им во-всю. Только теперь по-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

нял наивный мальчик, что он попал из кулька в рогожку. Он вздумал бунтовать и даже «приговорил к смерти» своего хозяина, но толку от этого не было, ибо тот, кто согласился привести «приговор» в исполнение, был арестован и сам казнен. Императора же в наказание за «неуместные шутки» женили на дочке Чао Чао. Последний все еще нуждался в носителе пустого титула.

Тем временем Чао Чао побил всех своих соперников на севере и уже готов был сделаться повелителем всего Китая, когда оказалось, что против него выступают враги с юга. В 208 году враждебные силы столкнулись на реке Янцзы, и огромная армия Чао Чао потерпела сокрушительное поражение как на воде, так и на суше. Победителем был там нанкинский воевода Сунь Чуань, друг Лю Бэй'я.

С этого времени Чао Чао уже не пытался покорять южан, а южане, хотя и делали попытки побить его, но эти попытки ни к чему крупному не приводили. Во время этих войн особенно выделился некий Гун Ю, впоследствии ставший богом войны. Храмы в честь его весьма многочисленны в Китае.

Мало-по-малу враждующие генералы собрались вокруг трех наиболее крупных военачальников, и границы между владениями последних определились. Образовалось три независимых государства — Вэй, Шу и У.

Вэй — это Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Хэнань, Чжили, Шаньдун, северные окраины Цзянсу, Хубэй и Аньхуй и также южная часть Маньчжурии с кусочком Кореи.

Шу — Сычуань и части нынешних Юньнань, Гуйчжоу и Хубэй.

У — Гуйчжоу, Хунань, юг Аньхуй, Хубэй и Цзянсу, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси и Тонкин.

Столица Вэй была в Лояне, Шу — в Чендыфу, У — в Нанкине.

В 220 г. Чао Чао умер, а его сын и преемник дал так называемому императору понять, что в его услугах больше не нуждаются. Марионетка послушно «отреклась от власти», и в Лояне появился новый император. Вслед за сыном Чао Чао объявили себя императорами Лю Бэй, правитель Шу, и Сунь Чуань, правитель У.

С этого времени Китай уже и официально стал страной трех отдельных империй.

Лю Бэй'ю, как родственнику низложенного «государя», советовали отомстить сыну Чао Чао, но он предпочел вступить в драку со своим другом и благодетелем Сунь Чуань'ем. Но ему не повезло, и в 222 году, понеся поражение, он умер.

Эта борьба двух бывших друзей — одна из самых романтических страниц китайской истории. Но здесь не приходится останавливаться на ней.

Когда во главе правительства Шу стал некий Цзю Голян, одна из популярнейших фигур китайской истории, вокруг которой сплелось множество сказаний и легенд (в честь его тоже имеются храмы), Шу воевало с Вэй, а с У старалось ладить. Свыше 25 лет тянулась война Шу с Вэй, но в конце концов вэй'цы взяли верх и в 263 году ворвались в Чендыфу. Шу'ский император, славившийся как большой любитель хорошо пожить и больше ничем не замечательный, встретил победителей у заранее заготовленного пустого гроба, что означало сдачу на милость победителей. Его пощадили и дали ему титул «герцога удовольствий».

На этом моменте заканчивается знаменитый роман.

Через 17 лет после этого, в 280 г., северяне справились и с У, и, таким образом, единство Китая формально было восстановлено. Период Сань Го — период Трех государств — кончился.

Но так было только по внешности, да и то не надолго, всего лишь на 37 лет.

Чтобы понять это, посмотрим, что происходило в империи Вэй, самой обширной из трех китайских империй эпохи Сань Го. Преемники Чао Чао фактически не имели власти. Она была в руках наследственных министров и одновременно главкомов из дома Сыма, из которого вышел знаменитый Сыма Цянь. Их роль при лоянском дворе была такая же, как роль мажордомов при дворе французских Меровингов или канцлеров из рода Фудзивара при древних японских царях. Они правили, а «законные» императоры были для них такими же пешками, какой последний из Хань'ей был для основателя их собственной династии. В конце концов один из Сыма прогнал императора, а сам занял его место. Свою династию он назвал Цзинь. Это было в 264 году, за шестнадцать лет до покорения северянами империи У.

Что же представляла собою эта «единая» китайская империя — империя Цзинь?

А вот что.

Прежде всего, в ней не существовало и подобия имперской армии. Все вооруженные силы были в руках отдельных командиров, которые были полновластными хозяевами занимаемых ими территорий. Во-вторых, весь север был заселен потомками пленных инородцев или же племенами, отдавшимися при Хань'ях под покровительство империи. Так, в Чжили

жили тунгусы, в Шаньси — гунны, в Ганьсу — тибетские племена. Все они имели свое племенное самоуправление, а китайские власти имели над ними лишь «общий надзор». Картина была точь-в-точь такая же, как в Италии, когда там в опустелых провинциях селились остготы, лангобарды и другие германские племена. (Заметьте, сходство здесь до деталей).

Итак, формальное восстановление феодальной системы, — формальной, ибо первый из цзиньских императоров (Сыма Янь) узаконил подобный порядок вещей, — в центре и появление массы инородцев, живших в условиях племенного, дофеодального быта, на окраине, — вот картина политического строя Цзиньской империи к началу V века.

Такое «единство» не могло, как оказалось, продержаться и 20 лет, и оно, конечно, рухнуло.

Начинается эпоха длительного отделения севера от юга. Она продолжается почти 300 лет.

В 209 году «империя» Цзинь'ей была охвачена т. н. восстанием восьми государей, что на самом деле было типичной феодальной войной между отдельными баронами и князьями.

В 308 году гунны, поселенные при Хань'ях в Шаньси, выгоняют китайского инородческого инспектора и создают собственное королевство со столицей в 200 километрах от местопребывания цзиньского императора.

А в 317 году гуннский государь, прежний племенной князек, является в Лоян и, можно сказать, голыми руками берет носителя императорского титула в плен, отправляется затем в Чан'ань, без труда проходит через «неприступный» Тунгуань'ский проход и, взяв в плен объявившего себя императором другого члена дома Цзинь, подчиняет себе весь китайский север. Что касается венчанных пленников, то они были сделаны лакеями. Когда же они надоели, то им отрубили головы.

Как обычно бывает с государствами подобного типа, северо-китайская империя гуннов просуществовала очень недолго. Скоро она развалилась на две половинки. Потом восточная половина завоевала западную и восстановила политическое единство китайского севера. Через несколько лет и эта «империя» развалилась, а на развалинах ее появилось три государства, одно с китайцем во главе, другое — с тунгусом, третье — с тибетцем.

К 384 году то государство, во главе которого стоял тибетец, завоевало два последних северо-китайских королевства, затем Корею, часть Монголии и часть Туркестана и бросилось на остаток Цзинь'ской империи. В битве на реке Фэй армия

северян, состоявшая из 600 тысяч пехотинцев и 270 тысяч кавалеристов, потерпела неожиданное поражение от 80-ти тысячной цзиньской армии и покатилась назад, на север.

Новообразовавшаяся северная империя после этого сейчас же развалилась на 8 государств, из которых только одно имело во главе государя-китайца. Все остальные короли были инородцы.

Хаос царил в это время и на юге. Формально там продолжала существовать империя Цзинь'ей, но это была пародия на государство. Потерявшая, как уже сказано, весь север в 317 году, она уже через 5 лет была театром военных действий: дрались между собой южные феодалы. В 328 году война феодалов разразилась вторично. Вооруженные столкновения происходили и после этого. Учан, сосед Ханькоу, превратился в одно из излюбленных мест стычек. Лишь слабость севера да благоприятная обстановка боя на Фэй сделали возможным для юга победу над северными полчищами в 384 году. Но проходит еще несколько лет, и в результате внутренней борьбы на юге Цзинь'ская империя разваливается окончательно. 420 год отмечен в истории Китая, как год падения этой основанной родом Сыма злосчастной династии, по сути дела существовавшей лишь фиктивно.

Следующие 160 лет были для юга временем кинематографической смены династий (их было пять, не считая Суй'ской), временем дворцовых интриг, убийств, всевозможных иных преступлений, вооруженных столкновений, низложений предшественников, господства временщиков и кровожадных императриц. Рассказывать об этом и скучно и бесполезно. Лишь период между 502 и 557 годами отличался там сравнительным спокойствием. Этот период (господство династии Лян) интересен, как время необычайно быстрого распространения на юге буддизма.

Что касается севера, то его история после битвы на реке Фэй была более интересна, и на ней следует немного остановиться. Как уже сказано выше, эта битва привела к разложению только-что возникшей перед тем империи. Но из 8 государств, на которые она распалась (386 год), было одно, которому удалось стать центром нового объединения и объединения довольно прочного. Это было государство, во главе которого стояло племя Тоба, с родом Сяньбэй во главе. Овладев значительной территорией, это государство сделало то, что, по словам Пин Хуа-ли, не удавалось до тех пор никому: оно восстановило древнюю систему уравнительного землепользования, что, по мнению той же писательницы,

при тогдашних условиях оказалось весьма благотворным мероприятием. Скоро это государство настолько укрепилось, что оказалось в состоянии нанести небывало сокрушительный удар продолжавшим напирать с севера степнякам. В 445 году государству Тоба удалось подчинить себе весь север, ставший с тех пор территорией того, что получило название империи Бэй Вэй (Северное Вэй). В царствование Сяо У-ди (471—499 г.г.) столица Северного Вэй была перенесена в Лоян, и с тех пор начинается интереснейшая страница истории инородческой империи.

Император-инородец, перенесший свой трон в это средоточие китайской культуры, издает указ за указом против остатков племенной самобытности. Не только «татарская» одежда, но и разговор на языке тоба рассматривается отныне как преступление; при наличии двух или более жен у мужчины старшей считается китаянка, хотя бы она была и самой последней по времени брака. Короче говоря, все китайское объявляется перлом создания, а свое, родное, никуда не годным, позорным. Но, что самое любопытное — наибольший интерес к языку тоба, их обычаям и прошлому, от которых сами тоба открещивались, обнаружили китайские ученые, которым и обязаны позднейшие поколения своими знаниями об истории, языке и нравах этого народа, окончательно и бесповоротно рассосавшегося среди побежденных.

«Китайское море делает солеными все втекающие в него пресные воды». Судьба Тоба постигла впоследствии и маньчжур. А об арабах, евреях, русских (албазинцах) и говорить не приходится.

В 535 году империя Бэй Вэй, единственная более или менее прочная за этот период, тоже развалилась. Несколькими годами позже, в 557 году, распалась и южная империя Лян. Но на этот раз уже не надолго.

В 581 году все четыре государства, образовавшиеся на развалинах Бэй Вэй и Лян, были объединены опять, и если не считать очень кратковременного рецидива распада, то уже надолго.

Но прежде чем переходить к описанию эпохи нового единства, следует еще раз вернуться ко времени распада и междуусобных войн, чтобы проследить роль церкви в этот, как его называет Ли Юнбин, «период мрака».

XIV.

Идеология периода феодального распада.

Возвращение северной части Китая к давно оставленной системе уравнительного землепользования, огромное уменьшение численности населения и, наконец, та картина политического распада, которая зарисована в предыдущей главе, — все это достаточно ярко свидетельствует о факте попятного движения Китая, о происшедшем в нем рецидиве феодализма. То же может быть прослежено и в области внешней его торговли, которой, в интересах краткости изложения, лучше будет коснуться потом, — в связи с положением ее при Второй империи.

Посмотрим же теперь, каковы были идеологические явления в эту эпоху; посмотрим, есть ли в них сходство с тем, что на два-три века позже наблюдалось на бывшей территории разрушившейся Римской империи? Проверим, правы ли те, кто утверждает, будто китайцы — народ особенный, ко всем и всяким религиям не склонный, от европейцев и всех прочих резко отличающийся. Ведь такая точка зрения существует, товарищ читатель! — существует же мнение, будто «природа китайца» совсем, совсем не такова, как «природа белого человека».

Посмотрим же. Проверим.

Очень многие наблюдатели отмечали разительное сходство между буддизмом Востока и католицизмом Запада, — сходство не в первоначальных философских представлениях, о которых, кроме спецов этого дела, вообще говоря, мало кто знал и которыми мало кто интересовался. О сходстве церквей говорят в отношении «исторического христианства» и «исторического буддизма», какими они стали в результате определенной эволюции.

Пусть между христианским учением первых апологетов, а тем более апостола Павла, с одной стороны, и учением Сакиа Муни, с другой, действительно нет ничего общего. Допустим это. Но что позднейший католицизм был очень похож на буддийскую Махаяну, т.-е. на буддизм, каким он стал

после Четвертого Собора (в конце I в. до н. э.), это несомненно. Так вот, не играл ли этот «католический буддизм» в Китае эпохи распада такую же роль, какую играл католицизм в феодальной Европе?

Появление буддизма в Китае относится еще ко времени Хань'ского императора Мин-ди (58—75 г.г.), после которого происходило то огромное расширение пределов империи, которое связано с именем Бань Чжао. Занесенный в своей первоначальной форме, в форме Хинаяна, буддизм, однако, играл тогда сравнительно ничтожную роль в определении мировоззрения китайцев, хотя в то же время несомненно отразился на скульптуре, живописи, архитектуре и т. д. Владыками мысли были тогда конфуцианцы, т.-е. в данном случае такие люди, которые, живя в совершенно иной обстановке, чем основатель их учения, конечно, понимали последнее не так, как его понимали за 300—700 лет до них[1]).

Но когда распалась империя Хань, а особенно, когда на севере появились инородческие королевства, говорить о влиянии конфуцианства можно было уже лишь с большой натяжкой. Конфуцианцами пользовались, когда это было надо, но уже не им, а представителям других учений принадлежала власть над умами.

На юге она принадлежала даосцам, сторонникам «неделания», сторонникам учения о том, что высшая заслуга не в деятельности, а в безразличии, в погружении в «дао», которым обозначалось нечто изначальное, вечное, неизменное, которое не есть ни добро, ни зло, ни плюс, ни минус. Первобытная простота, невежество, безначалие — было их идеалом. Они стремились назад, к тому времени, когда, по словам их учителя Чжуан Цзы, «все были одинаково лишены знаний и потому добродетель их не могла пойти по ложной дороге. Все были одинаково без стремлений и поэтому были в состоянии естественной честности — высшем превосходстве человеческого существования»[2]). Полная свобода личности от всех форм контроля, политического, социального и религиозного, было их идеалом.

---

[1]) Эти люди представляли, например, душу человека, как нечто столь же неотделимое от его тела, как неотделима острота ножа от самого ножа: «нет ножа, нет и остроты его»,—так говорили они в своих спорах с буддистами.

[2]) Из статьи Yu Loo-tang в „China Press", май 1926 г. Даосизм безусловно имел черты сходства с неоплатонизмом периода упадка Рима. Одинаковые причины порождали одинаковые следствия.

Но, конечно, подобные взгляды не могли удовлетворить «религиозных потребностей» масс, и даосизм либо приспособляется и создает свою собственную церковь, конкурирующую с буддийской, либо просто уступает последней место. Сначала это происходит на севере, а затем уже и на юге.

В 335 году н. э. девять десятых китайского населения уже буддисты (говорит Ли Юнбин). В одном из королевств издается закон, позволяющий китайцам вступать в монашество. С необычайной быстротой множатся монастыри; их население все больше и больше растет...

В 405 году один из северных королей отправляет в Туркестан целую экспедицию, чтобы вывезти оттуда знаменитого своими писаниями монаха-индуса, при помощи которого переводятся на китайский язык: «Реальность и представления», «Алмазная Сутра» и другие буддийские книги.

В те же годы (400—414) монах Фа Сянь отправляется через Туркестан в Индию, проводит там в монастырях 14 лет и морем, через Цейлон, возвращается обратно, везя множество книг, но уже учения не Хинаяна, а Махаяна.

В 424—53 г.г. целый ряд посольств, состоящих из монахов разных частей Индии, является в Южный Китай с целью поддержать распространение своего учения.

С 446 года в Северном Вэй, только-что перед тем (445 г.) объединившем весь север, происходит нечто совершенно невероятное. Огромные средства жертвуются на буддийские храмы, статуя за статуей воздвигаются повсюду, и одна из них, в 43 фута высотой, требует для своего изготовления около 25 пудов золота и в 17 раз больше бронзы.

В 516—527 г.г., когда население всего Китая исчислялось в 9—16 миллионов, в одном только Северном Вэй насчитывается одновременно 30 тыс. храмов и 200 тыс. монахов и монахинь. Фабрикация статуй и постройка пагод принимает там грандиозные размеры. Отливкой статуй занимаются даже в императорском гареме, и императрица, которой почему-либо не удается отлить статую, рискует своим положением.

Как и в Европе, где «равноапостольные» цари и царицы ухитрялись соединять любовь к Христу со зверской жестокостью, так и в тогдашнем Китае самые невероятные злодейства совершались наиболее ревностными прозелитами, а в особенности прозелитками.

Буддизм захлестывает и даоский юг.

При императоре Лян У-ди (в Нанкине) в первой четверти VI века издается указ, запрещающий вышивать на шелке изображения животных, дабы, прокалывая их иголкой, не при-

учаться к мысли о допустимости убийства живых существ. С гордостью говорит о себе этот император:

«Со дня восшествия моего на престол я непрестанно строил храмы (буддийские), переписывал священные книги и санкционировал пострижение новых и новых монахов».

В конце концов он сам бежит из дворца, тайно постригается в монастыре и сидит там до тех пор, пока жена не выкупает его у монахов. Затем он повторяет этот подвиг еще и еще, каждый раз увеличивая выкупами монастырскую казну.

Такие вещи можно рассказывать без конца; примеров, подобных перечисленным, множество. Но хватит и их, чтобы понять, как могло случиться, что возникшая впоследствии империя Тан, нуждаясь в землях для раздачи готовившимся бунтовать крестьянам, одним ударом спасла свое положение, когда рискнула реквизировать почему-то неиспользованные монастырские земли (Пин Хуа-ли).

Начало VI века было временем особенно бурного проникновения буддизма. В Индии победили брамины, враги буддистов, и буддистам приходилось спасаться. Часть их хлынула в Тибет и Туркестан, часть бежала в заселенные малайцами островные страны и создала себе там множество мелких государств, лишь в XII—XV веках подвергшихся магометанизации и попавших в другие руки (арабов и туземных королей), часть пошла в Китай и осела там. В числе прочих попал туда и буддийский патриарх, оставшийся навсегда в Китае и проповедывавший там ненужность книг и превосходство над мыслью созерцания. В пример и назидание прочим, он сам уселся на корточки перед стеной в Лояне и просидел в этой позе 20 лет.

Около того же времени явились в Китай и корейцы, много наслышавшиеся о великолепии буддизма и пожелавшие приобщиться к нему. После этого буддийская волна распространилась еще дальше на Восток, полонила Корею и, наконец, попала в Японию, где почва для усвоения всего завозимого из Китая была уже приготовлена массовым переселением туда беженцев-китайцев еще в V в. или раньше. В Японии они осели, обжились и образовали значительную часть населения той территории, которая находилась под властью главы сильнейшего из японских племен. Впоследствии, наполовину или совсем ассимилированные, китайские эмигранты образовали зародыш городского населения. Это были ремесленники, торговцы, писцы, частью же также солдаты и земледельцы.

Момент появления в Японии буддизма совпал с началом ее государственной жизни; буддисты оказались для нее теми гражданскими организаторами, благодаря которым стало возможным широкое проникновение в Японию китайского культурного влияния, сыгравшего в истории Японии такую огромную роль. Но это относится уже к более позднему времени, — к эпохе китайской династии Тан [1]).

Буддизм, как его ни расценивать, сыграл в свое время положительную роль в странах Востока. Он был тем средством, при помощи которого многие культурные завоевания Индии стали известны Китаю. Нет ни одной области жизни Китая, где бы не сказалось это влияние. Но индийское влияние было в то же время и влиянием греко-римским, ибо начиная с эпохи македонского завоевания, продолжая эпохой эллинистической и дальше, вплоть до времени Юстиниана Великого, культурное влияние средиземноморского мира проникало в Индию. Проникало туда и влияние Персии. Таким образом, буддизм принес с собою не только учение о «райской стране на Западе», не только учение о воздаянии и искуплении, не только церковническое безумие с его статуями и монастырями, но и новые приемы в арифметике, астрономии, литературе, скульптуре, живописи и т. д.

Китайцы в свою очередь передавали это дальше.

Значит, буддизм был тем, что помогло сблизиться народам совершенно непохожих друг на друга стран. Он дал им общий язык образов, представлений и, если говорить о народах только Дальнего Востока, то и письменных знаков, тех знаков, которые являются для Восточной Азии ее языком эсперанто. Без буддизма культура Китая была бы слишком чужда находящимся в младенческом возрасте его соседям.

Влияние буддизма сказалось, по мнению Ли Юнбина, и на языке Китая, в частности, на возникновении в нем того, что является зародышем (никогда, впрочем, не развившейся, да и, пожалуй, не могущей развиться) фонетической письменности.

Скажем мимоходом, со слов этого историка, и о литературном языке того времени. По его характеристике, это полупроза, полупоэтическая речь, очень связывающая мысль, очень искусственная, условная и неподвижная, короче говоря, именно такая, какой надо было ожидать в эпоху, подобную описанной здесь.

[1]) О прошлом Японии см. Конрада «Япония — государство и народ», а также популярно изложенную мою «Япония в прошлом и настоящем», изд. «Книжного Дела». Владивосток, 1926 год.

Добавим в заключение, что постоянные связи Китая с Туркестаном, Индией и Индонезией, которые осуществились через религиозное паломничество, способствовали укреплению и торговых связей, которые не были, да и не могли быть прочными в III—VI веках.

Но подробнее об этом скажем в главе о Второй империи в Китае.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XV.

Мир при Второй империи.

В 581 году, через четыре столетия после приведшего к распаду Хань'ской империи восстания Желтых Тюрбанов, Китай снова был единым государством. Возникла Вторая китайская империя, просуществовавшая с двумя перерывами до 1127 г., когда Китай опять надолго распался. За эти полтысячелетия Китай проделал большую эволюцию. Полный вначале феодальных пережитков, он поднялся в 650-750 г.г. на значительную высоту, в начале X века еще раз испытал период частичного распада, но, вновь объединившись, больше приблизился к типу дворянско-купеческого государства, чем был при Хань'ях.

Официальная китайская история делит этот 546-летний период на четыре: период династии Суй, который часто объединяется с предыдущим периодом под именем «шести династий», период династии Тан, период «пяти династий» и, наконец, период Сун. Даты, отмечающие их, таковы:

Суй	581— 617 г. г.
Тан	618— 906 »
5-ти дин.	907— 960 »
Сун	961—1127 » [1])

Это было время быстрого прогресса, время многих изобретений, время широких международных связей. Необычайно развилась изящная литература и создала, по мнению многих, неподражаемые образцы. Процветало искусство. Развилась философия. Культурное влияние Китая распространилось на огромную область и прочно укрепилось в Японии, Корее и Аннаме, в Тибете, на севере и даже отчасти на азиатском Западе. Необычайно расширилась территория империи, и китайская армия доходила до Ганга в Индии. Вместе с тем Китай стал притягательным центром для многого множества людей, живших в далеких странах, исповедывавших самые разнообразные религии, но одинаково не встре-

[1]) Сунская империя продолжала существовать после 1127 г. еще 150 лет, но лишь на юге. Север был занят империей Цзинь.

чавших в Китае ни нетерпимости, ни преследований, ни просто враждебности.

Если бы фантазия Уэльса — «Машина времени» — могла стать реальностью, современный европеец, наверное, предпочел бы поселиться в Китае, чем в тогдашних Британии, Германии или даже Италии и Византии. Он бы почувствовал себя там больше «в своей тарелке».

Но прежде чем рассказывать о тогдашнем Китае, попробуем разобраться в его международном положении и в его взаимоотношениях с другими странами. Начнем с самой дальней от него области, — с Западной Европы.

Читатель помнит, что в 90-ых годах I века н. э. китайцы первые начали искать связей с Европой, а во II веке жители Римской империи пробовали завязать с Китаем непосредственную торговую связь. Помнит читатель и то, что тогдашняя европейско-китайская торговля имела характер не случайного обмена, а была сравнительно налаженной, прочной.

Но могла ли создаться такая обстановка в VI веке? Конечно, нет!

Ибо чем была тогдашняя Европа?

Еще в самом начале V века варвары-готы, отброшенные из южно-русских степей теми самыми гуннами, которых в 89 году н. э. наголову разбил Китай, вторглись в Италию и, без труда добравшись до Рима, разграбили его и навязали ему желательный им мир. Пятью годами позже появились на сцене сами гунны, которые в 415 году вторглись в нынешнюю Францию, тогда еще римскую провинцию, и лишь с большим трудом были оттуда отогнаны. А еще через несколько лет от прежней Западной Римской империи остается одна лишь Италия. Но и там варвары составляли уже очень значительную часть населения. Итальянские города уже запустели, прежняя обширная торговля их исчезла; везде и всюду торжествовало натуральное хозяйство.

Восточная Римская империя еще держалась. Константинополь все еще оставался большим торговым центром и сосредоточением чиновничества, которое правило над обширными странами в Азии, Африке и Европе. В правление Юстиниана Великого (527—565 г.г.) империя еще казалась сильной. Но уже при Юстиниане из Азии надвинулись персы, с севера — славяне, а на юге Балкан возникали условия, которые привели к фактическому загниванию империи, к ее попятному движению к феодализму, к узкому местному рынку.

Образование Второй империи в Китае почти в точности соответствует тому моменту в жизни Византии, когда она

стала деградировать. Периоду подъема Китая соответствовал в Византии период быстрого опускания.

VII век — век распада Италии на мелкие и мельчайшие государства германских варваров, борьбы Византии с персами, потом с арабами, захвата последними всей Северной Африки и сожжения Александрийской библиотеки.

VIII и IX в. в. — время образования и распада (843 г.) племенного государства франков, образования Папской области, реакции в Византии, борьбы полудиких, только-что окатоличенных германцев с венграми, первого упоминания о России, возникновения английского королевства и крещения моравских славян Кириллом и Мефодием.

О каких торговых связях тогдашней Европы с далекими странами могла быть тогда речь? Ведь и в Галлии (Франция) не было тогда даже простых лавок, — в Галлии, которая имела целое тысячелетие культурного прошлого!

Одна только Византия сохраняла еще кое-что от прошлого, но она продолжала регрессировать, пятиться назад.

Итак, поскольку речь идет о территории, на которой существовала некогда Римская империя, торговля Китая с нею при династиях Суй и Тан могла быть только случайной и, конечно, совершенно не заслуживающей упоминания. Запад в целом был тогда страной натурального хозяйства.

Посмотрим теперь, чем была тогдашняя Центральная и Западная Азия, Индия и Египет.

В IV веке Индия переживала период подъема и временного объединения; в руках пришельцев юэчжи оставалась только северо-западная часть страны. Культурное влияние Индии на соседние народы было тогда очень сильным, а связи ее были обширны. Она поддерживала их и с Египтом и с возникшим тогда Новоперсидским государством, а также, как уже известно, и с Китаем. Но уже в следующем V веке Индия испытывает удар со стороны гуннов, не тех «черных» гуннов, которые пошли после поражения от рук китайцев в 89 году в нынешний Казакстан, затем на Волгу, оттуда на Венгрию и, наконец, во Францию, а «белых» гуннов, удержавшихся при Хань в покорности Китаю. Их звали иначе эфталитами. Создав обширное государство, охватившее часть Индии, Средней Азии и Восточного Туркестана, оно, это типично племенное государство, не могло, конечно, быть прочным, и оно действительно скоро потеряло значение, уступив в Западной Азии дорогу Персии.

Но нападение гуннов не осталось без следа в Индии. Оно ускорило там развязку некоторых накопившихся противоречий, а это привело в VI веке (по другим данным, уже и в V в.) к значительной эмиграции из Индии в сторону Суматры, Явы и далее. Эмиграция эта, буддийская по религии большинства участников, была толчком, выдвинувшим малайцев, в частности жителей Явы, на историческую арену. Подвергшись культурному влиянию пришлых индусов, яванцы сами пришли в движение и начали основывать на соседних островах — Суматре, Борнео и друг., а также на Малаккском полуострове, свои колонии, скоро ставшие местами оживленной торговли. Международная торговля велась там, правда, и раньше, и уже в 130-ых годах н. э. Птоломей знал страну Малай-Колон, из которой в Средиземное море доставлялись перец, корица, гвоздика и некоторые другие тропические продукты. Но теперь торговые связи на Востоке стали гораздо живее, чаще и шире, о чем свидетельствует хотя бы множество материальных и иных памятников индийского влияния не только на густо заселенной Яве, но и на далеких от нее островах Индонезии. Отзвуки этого влияния имеются даже на Филиппинах [1]).

Еще раньше индийский буддизм проник в Бирму, а в 638 году он утвердился в Сиаме (не имевшем до этого года летописей).

Таким образом, Индонезия превратилась в важное сосредоточение международной торговли, где рано или поздно должны были завязаться узлы морских путей в Индию и Аравию, с одной стороны, и в Китай, Японию и Корею, с другой. Так действительно и произошло.

Эта превратившаяся впоследствии, в период европейского первоначального накопления, в яблоко раздора тропическая область была в VI—XII веках н. э. более привлекательна для торговца, чем гордящаяся теперь своим «расовым превосходством», а тогда еще совсем отсталая Европа...

Другой областью, в торговле с которой китайцы могли быть заинтересованными, была Азия, к западу от Памира.

В середине VII века Персия уничтожила гуннское государство и, таким образом, приблизилась к старым границам Китая. В свою очередь Китай рос в это время навстречу Персии, и когда они, наконец, встретились, торговля между ними быстро развилась. Она не прекратилась и после тех потрясе-

[1]) „The Mastery of the Pacific", by Archibald R. Colquhoun London. 1901, стр. 10 и дальше.

Собрание им. В. Г. Тан-Богораза

ний, которые происходили в Западной Азии после выступления арабов (бегство Магомета было в 622 году, т.-е. около времени основания Тан'ской династии), наоборот, она расширилась. Великий халифат, включавший Северную Африку, Персию, Сирию, Испанию и т. д., короче говоря, все пространство от Индии до Атлантического океана, распался; но торговые связи между образовавшимися отдельными халифатами продолжались и потом, — продолжались как по суше, так и по морю, и захватывали страны, лежавшие вне непосредственного влияния арабов и магометанства. Вслед за индусами арабские купцы идут в Индонезию и начинают там вести постоянную торговлю. Около 626 года, несомненно, а по некоторым данным, еще в 300-ых годах арабы завели торговлю в Кантоне, а их моряки дали западному миру первые сведения об истинном очертании берегов Дальнего Востока. Торговля велась с Китаем и по суше, что, между прочим, объясняет присутствие большого количества китайцев-мусульман в западных частях Собственно-Китая (не только, значит, в Китайском Туркестане). И эта торговля была немалой. Немалым было и взаимное влияние китайцев и их западных соседей друг на друга.

Об этом с исчерпывающей ясностью свидетельствует персидский поэт Фирдуоси (X век), в глазах которого китайцы были представителями чрезвычайно высокой культуры. Их искусство было для него образцовым, их женщины самыми изящными, их вкус самым тонким. Византийцы, которые, казалось бы, должны были быть более понятны и более близки персидскому поэту, были для него чем-то бесконечно менее культурным. В этот период китайцы встречались повсюду в Персии. Что же касается персидских портов, то для плаваний туда китайцами строились специальные большие джонки. В свою очередь и иностранцы бывали постоянными посетителями Кантона и более северных портов.

Итак, ко времени, когда Китайская империя окончательно объединяется, т.-е. ко времени воцарения Тан'ов, мир к западу и к югу от Китая представлял собою картину, мало напоминавшую ту, которая была при Первой империи. Римского могущества больше не было. На пространстве, где когда-то была империя цезарей, господствовало натуральное хозяйство. Даже Византия не составляла бросающегося в глаза исключения. Зато в Месопотамии, Персии и Египте торговые центры сохранились и связались с Китаем тесными торговыми отношениями, пожалуй, гораздо более тесными, чем те, которые поддерживались при Хань'ях, когда торговля

была почти исключительно сухопутная. В связи с развитием морской торговли и переселением индусов, новые, не существовавшие раньше важные центры выросли на юге — в Индонезии и Индо-Китае, и там сложились культурные государства, которых раньше не было, повидимому, вовсе. Значение северных сухопутных путей уменьшилось. Значение южных, морских, выросло. Торговые центры передвинулись на бывшие инородческие земли. Такова была картина на западе и на юге.

В основном она мало изменилась в последующие века. Те перемены в Европе и близких к ней местах Азии, которые заслуживают упоминания в связи с рассмотрением истории Китая, а не самого Запада, произошли значительно позже, — приблизительно в XV, даже в XVI веке. Об этих переменах придется поговорить в связи с рассмотрением периода Минской династии. Но надо прибавить, что и тогда еще, т.-е. в XV и XVI веках, Китай не стоял в общем ниже своей будущей угнетательницы.

Впрочем, об этом потом. Перейдем пока к рассмотрению тех стран, которые расположены восточнее Китая.

Сюда относятся не только Япония и Корея, о которых говорилось уже, но и та часть Маньчжурии и Приморья, которые лежат приблизительно между нынешним Владивостоком и Харбином, между южным коленом Сунгари и Амуром. В эпоху Второй империи в Китае эти территории тоже были втянуты в торговые и политические связи с Китаем. Если судить по большому количеству обнаруженных в Приморьи памятников китайского влияния, танских монет и т. д., эти связи были довольно прочны и крепки. Но это такая тема, которая требует специального рассмотрения.

Что касается Кореи и Японии, то период Второй империи в Китае был для них временем отрочества. Обе переживали свой дофеодальный возраст, т.-е. тот, который соответствовал возрасту Франции при Меровингах, России при Владимире или Германии при ее крестителе Бонифацие.

Но условия были неодинаковы на Западе и на Востоке. Германские и славянские племена получили свои первые уроки культуры у Италии и Византии, — от стран, порастерявших свои культурные традиции, многое позабывших, много не понимавших из того, что формально сохранили. Они не могли не растерять, не забыть и не разучиться понимать, ибо они развивались вспять. Что могли понимать итальянцы, жившие в условиях натурального хозяйства, в том, что создавалось римлянами эпохи господства торгового капитала! В каком

виде мог передать восточным европейцам греческое наследие византиец, если он сам жил в условиях разложения, упадка, бестворчества! И что же удивительного в том, что Карл, Владимир, Хлодвиг, Аларих и все прочие и после сближения с Италией и Грецией остались такими же варварами, какими они были раньше!

Японцы и корейцы были тогда в лучшем положении. Их учителем был Китай, страна, которая в это время была на подъеме, которая развивалась, творила, шла по восходящей линии развития. Вот почему так необычайно быстро выросла Япония, в два века создавшая своеобразную утонченную культуру [1]).

Но тут есть большое «но». Влияние Китая на Японию было, главным образом, идейное, надстроечное, верхушечное. Это влияние могло привести к возникновению в Японии блестящей придворной культуры, к эстетизму, к опоэтизации жизни, но переделать экономику страны могло только в самой слабой степени. Блестящий расцвет Японии это был расцвет двора и столицы, — единственного города во всей Японии. А за пределами столичного района начинались медвежьи углы и звериные тропы и было натуральное хозяйство. А поэтому занесенная извне идеология там только кое-что прилизала, пригладила и приукрасила, а помешать развитию того, что должно было развиться, т.-е. феодальных отношений, не помешало.

Период, который пережила Япония в эпоху II Китайской империи, был периодом перехода от племенного строя к феодальному. Приблизительно такова же была эволюция и Кореи.

Так или иначе, в описываемый период сложились предпосылки того взаимопонимания, которое и по сей день характерно для трех стран (четырех, если считать Аннам) Дальнего Востока. Это общий письменный язык, общепонятная литература, общие термины, общий для всех буддизм и т. д.

---

[1]) Тем читателям, которые усумнятся в сказанном здесь о Японии и Корее, мы рекомендуем сравнить японские образцы скульптуры VII—XII веков с одновременными европейскими. Разница колоссальная. Она бросается в глаза сразу.

XVI.

Время расширения Второй империи.

Два относящихся к описанному уже периоду распада интересных факта, о которых вскользь и мимоходом говорит историк внешней торговли Китая Chong Su-see, обращают на себя внимание. Во-первых, то, что несмотря на постоянные поездки в Китай и из Китая монахов, паломников и послов, Китай даже в V веке имел об Индии весьма неотчетливое представление, а, во-вторых, отсутствуют какие бы то ни было намеки на то, чтобы между III и VI веками в Китае или в соседних странах в отношении китайской торговли ставились такие вопросы, как о взимании пошлин с судов, о сборах таможенных и сборах транзитных — вопросы, которые там же приобрели в VII веке очень большое значение. У того же автора есть сообщение, что в 226 году из империи У (в период Сань Го) выехала в Индо-Китай торговая миссия, результаты поездки которой были неудовлетворительны и, повидимому, не привели к расширению торговли, которая возникла еще при династии Хань. А мы знаем уже, что морская торговля при Хань'ях не была велика.

Но хоть и небольшая, она все-таки продолжала существовать. Так, есть основания думать, что первая арабская фактория в Кантоне была основана уже в 300 году. О спорадических появлениях в V и VII веках персидских миссий, под маской которых могли появляться и обыкновенные купцы, тоже имеются сведения. Но это были, повидимому, миссии, ехавшие сухим путем. Несомненные же данные о сношениях с арабами по морю относятся только к первой половине V века. О морской торговле с Византией, — торговле, впрочем, не прямой, а ведшейся при посредстве Индии и Аравии, имеются сведения у греческого торговца-монаха Космаса. Довольно заметной была торговля с турками (необычайно усилившимся племенем, жившим раньше на Алтае, а потом создавшим степное государство от Аральского моря до стен Китая). Они покупали в Китае шелк и вату, а продавали мелкие железные изделия своего собственного изготовления.

Что касается состава южной морской торговли, то источники указывают, как на главные товары, на железо, стекло и ткани. Среди других товаров, имевших, повидимому, меньшее значение, упоминается в конце V века и чай (вывоз которого в VIII веке играл уже большую роль).

Среди портов, с которыми в V веке китайцы вели торговлю, упоминается Рангун (в Бирме) и порты Месопотамии и Красного моря. Но эти указания недостаточно убедительны.

Почти отсутствовала до конца VI века и торговля с Японией. И это несмотря на то, что число китайских эмигрантов там исчислялось, по японским сведениям, десятками тысяч. Гнала их туда царившая в Китае неурядица.

«Действительное развитие морской внешней торговли с южными странами и с Японией начинается лишь с эпохи династии Суй, — говорит Чжан Су-си; — плавания на дальние расстояния стали часты, связь с соседними странами окрепла, а в 607 году в Сиам отправилась торговая миссия с целью укрепления торговых сношений».

По словам Пин Хуа-ли, написавшей книгу об истории земледелия в Китае, к тому же приблизительно времени относится появление географических карт, описания чужих стран, прокладка дорог, большие общественные работы и заметное увеличение населения.

Данные, собранные у другого автора[1]), подтверждают ее сообщение о росте населения при династии Суй. Для 540 г. дана у него общая цифра жителей в 9 миллионов, а для 606 г. уже 55.

Как ни относиться к этим частью не совсем подкрепленным статистикой данным, но в факте хозяйственного роста Китая того времени сомневаться не приходится. Даже историк Суй'ской династии не отрицает их, несмотря на свое крайне отрицательное отношение к личности Ян-ди, второго и последнего Суй'ского императора. Его антипатия к Ян-ди, его сознательное извращение фактов, лишь бы только погуще очернить императора, прямо бросается в глаза. В описании историка он буквально какое-то чудовище в образе человека. Даже то, что было безусловно полезно для развития Китая, ставится Ян-ди в вину. Доходит иногда прямо до смешного. Так, прорытие при Ян-ди знаменитого канала,

[1]) Yu Tinn Hugh. Остальные данные взяты, гл. обр., из книги Chong Su See „The Foreign Trade of China" edt. Columbia University. 1919. Стр. 19 и дальше.

длиннейшего во всем мире, который соединил Хуанхэ с Янцзы и с городом Ханчжоу, рассматривается, как продиктованное желанием этого государя прокатиться с удобствами до красивых мест Чжэцзяна. А, между тем, Ян-ди ни разу по этому каналу и не плавал.

Эта ненависть не случайна. Такое же количество помоев конфуцианские историки вылили и на других активных императоров, при которых происходило расширение территории, при которых ломалось старое и которые делали, что сами хотели, а не то, что ждали от них конфуцианцы. В отношении реакционеров к нашему Грозному с его дворянской опричниной, в отношении Карамзина к Петру можно найти в этом отношении поучительную аналогию [1]).

Посмотрим же, как складывались события в Китае в начальный период Второй империи.

Как уже сказано, во главе Китая стояла в это время династия Суй; она была основана мелким феодалом, китайцем, жившим в одном из тех северных инородческих королевств, которые были продуктом распада Северного Вэй'ского государства, — государства «татар» Тоба, распавшегося в 535 г. Проделав головокружительную карьеру и поднявшись до высшей должности в королевстве, этот феодал сам стал в 581 году королем и с необычайной быстротой завоевал земли всех своих соперников. В 586 году им занят был Нанкин, в 588 году уже присоединен был весь юг, и объединение Китая было закончено.

400-летний период разделения закончился. Чан'ань (ныне Сианьфу), столица первых Хань, опять стала средоточием колоссальной империи.

Но это было только началом. Возникли новые войны, войны на этот раз уже внешние. Они происходили и на юге, и на севере, и на востоке. На юге была восстановлена китайская власть в Аннаме, на севере шла борьба с турками, на востоке — с Кореей и жителями островов Рюкю.

[1]) Суй Ян-ди и Цинь Ши-хуанди, при которых происходило оформление Второй и Первой империй, одинаково ненавистны этим представителям «светского духовенства». Фактического основателя Тан'ской династии, стратега и реформатора, покровителя ученых и писателей, они тоже упрекают, — упрекают за то, что он сам занимался реорганизацией армии. А об императрице, жене его сына и очень энергичной фактической правительнице, ими написано столько гадостей, сколько ей физически нельзя было проделать. Но о пассивных, безвольных и консервативных их отзывы, обычно, не очень суровы. Эта закономерность ненависти, вероятно, не случайна. Очевидно, конфуцианские ученые — это были люди с определенной классовой физиономией.

Если война с Рюкю имела характер военно-морского набега, не отразившегося заметно на внутренних делах Китая, то о корейской войне этого сказать нельзя. Эта война, или вернее, три отдельных военных экспедиции, потребовала огромного напряжения сил, больших армий и основательной предварительной подготовки. Она велась с 611 по 614 год; велась и на суше и со стороны моря, и количество войск, брошенных в первый поход, достигало 350 тысяч человек. Некоторые полагали, что именно огромность армий и была одной из причин неудачи этого похода («стреляли по крысе из баллисты тысячепудовым камнем», — как выразился один тогдашний генерал). Другой же причиной было, как думали современники, непредоставление начальникам достаточной инициативы. Это замечание интересно, ибо показывает, что суй'ский император был уже достаточно силен, чтобы заставлять военачальников считаться со своей волей. Но и два других корейских похода (612—614 г.г.) тоже окончились неудачами, что объяснялось, однако, не только героическим сопротивлением войск северно-корейского государства, но и тем еще, что заодно свалило Суй'скую династию — нападением турок с севера и восстаниями внутри Китая, которому не по плечу оказались огромные расходы, вызванные войнами. Восстание произошло и в самой армии, — в том ее корпусе, который был направлен против турок. В результате империя разделилась на 7 частей, последняя из которых лишь в 20-ых годах была вновь подчинена центральной власти. Во главе империи стал отец вождя восставшего корпуса.

Перемена династии ни в какой степени не отразилась на характере внешней политики Китая. Войны продолжались. Первой и самой важной задачей было довершение борьбы с турками, благодетелями новой династии — династии Тан. но благодетелями далеко не бескорыстными. За помощь, которую они оказали ее основателю, они требовали все новых и новых подарков и в конце концов были наказаны за это. Подготовив путь к победе дипломатией или, выражаясь точнее, интригами и сеянием склок, китайцы в 630 году обрушились сравнительно слабыми силами на турок и нанесли их восточному государству очень основательное поражение, после которого восточно-турецкое государство уже не пыталось оспаривать сюзеренитета Китая над собой.

Пятью годами позже, в 635 году, Китай, уже овладевший было при Суй областью Куку-нор (Сев.-Вост. Тибет), но не довершивший дела, обрушился на нее вторично, чем, между

прочим, вызвал враждебность к себе Тибета, успевшего окрепнуть за века китайского феодализма. Еще через пять лет, в 640-ом году, Китай завоевал вновь ту часть Тяньшаня, которая лежит между Турфаном и Урумчи (88° в. д.), что означало подчинение всей области Бэйло (северных дорог), т.-е. северного склона Тяньшаня и прилегающих мест Чжунгарии. Годом позже закончилась война и с Тибетом, закончилась дипломатическим браком и компромиссным соглашением. Китайцы смотрели на это соглашение, как на признание Тибетом своего вассалитета. Соответствовало ли это действительным отношениям между Тибетом и империей, или же это было патриотической фикцией, сказать трудно; так или иначе, тибетцы выполнили в 648 году возложенную на них Китаем задачу покарания одного северного индийского государя, который незадолго перед тем сместил своего предшественника, друга Китая (государство его находилось между Гималаями и Бенаресом). Несмотря на то, что китайцы составляли в экспедиционной армии ничтожное меньшинство, они были руководителями, и подлежащий наказанию «узурпатор» был доставлен в оковах в Чан'ань, столицу Китая (это событие является одним из заключительных эпизодов длительной борьбы в Индии между буддистами и их врагами. Свергнутый раджа был ярым буддистом, какими были тогда и отомстившие за него).

Корея тоже не была оставлена без внимания. Четвертый набег на нее был совершен в 645 году, т.-е. за три года до гималайского похода. И корейцы опять вышли с честью из испытания. Они оказались тем единственным народом, который сумел отбиться от считавшегося непобедимым тогдашнего императора Тай Цзуна.

Прежде чем рассказывать дальше, следует пояснить, что представляла собой тогдашняя Корея и каковы были ее отношения с Японией, в истории которой Тан'ские войны заняли огромную решающую роль.

До описываемого периода Корея не представляла собой чего-то однородного. Ни политического, ни этнического единства в Корее не было. Юг был занят народом, вероятно, близким по происхождению к малайцам, на севере же жили тунгусские племена. Южане имели свое государство Силла (по-яп. Синра), считавшееся вассалом Китая, государством по тому времени очень культурным. Что же касается двух северных, Гаоголи и Пакчё, то они власти Китая, по крайней мере в описываемое время, не признавали. Их отношения с Силла были очень плохи, а так как Силла была вместе с тем

врагом и для Японии, то, естественно, что между двумя тунгусскими государствами Кореи (и Южной Маньчжурии: территория Гаоголи не ограничивалась полуостровом, а захватывала также Ляодунский полуостров, район Мукдена и т. д.), с одной стороны, и Японией, с другой, возник союз против корейского вассала Китайской империи. Защита вассала, т.-е. Сылла, и была предлогом для всех тех войн, которые Китай вел в Корее, начиная с 611 года.

Что касается Японии, то тоже неоднородная этнически, она в V уже веке н. э. имела прочный зародыш будущего единого государства. Этим зародышем был племенной союз, с народностью Ямато во главе. В VI веке этот союз достаточно окреп, хотя еще далеко не справился даже с некоторыми, из ближайших к его территории, враждебными племенами [1]). Тогда же или немного раньше на его землях поселилось много беженцев из Китая. Селились китайцы и в Корее.

Наступление Тай Цзуна в 645 году послужило для Японии тем сигналом, который заставил ее не только частично перенимать культурные достижения Китая, но и просто «окитаиваться». Это был поворотный момент в истории японской культуры, — для нее наступил период «Великих перемен». Китаизм буквально захлестнул тогда Японию.

Как уже сказано, поход на Корею в 645 году оказался безрезультатным, и китайцам пришлось отойти. Это была уже четвертая по счету неудача в Корее. Но неудача в Корее не ослабила завоевательных стремлений империи в других направлениях. В 657 году китайские войска сражаются уже в пределах Западного Турецкого государства и подчиняют его, тем самым отодвигая западную границу империи до Аму-Дарьи, Гиндукуша (в Афганистане) и до верховьев Тобола. Впрочем, эти новые присоединения, поскольку они были построены на такой непрочной базе, как предварительное существование племенного государства западных турок, были, по всей вероятности, лишь номинальными; фактически власть Китая распространялась, вероятно, не дальше Восточного Туркестана. Тем не менее, ореол китайской непобедимости был настолько велик, что последний представитель персид-

[1]) Из них до настоящего времени сохранились только живущие на Хоккайдо (северный остров) и Сахалине айны. Когда-то айны были весьма многочисленны. Теперь же их осталось тысяч 18, если не меньше. Что касается других, то они исчезли давно.

ской династии Сассанидов, теснимый тогда арабами, признал себя вассалом китайского императора и лично отправился в Чан'ань просить о военной помощи.

Но он не получил ее. Очередной задачей Китая была теперь не авантюрная кампания на Западе, а все та же, все время ставившаяся и четыре раза не разрешенная, задача покорения Кореи.

Новая война с Кореей началась в 660 году. Повод к ней был явно ничтожный. Быть может, его даже просто сочинили. Тем не менее, военно-морская экспедиция была предпринята, но уже не на самое северное государство, как до тех пор, а на Пакчё (лежавшее между северным Гаоголи и вассалом Китая Сылла). Такой план кампании оказался более удачным, чем прежние, когда Корею стремились победить лобовым ударом, двигаясь по самой длинной дороге. Стремительный удар в центр разрешил задачу. В 663 году был уничтожен японский флот, явившийся на помощь, а к 668 г. вся Тунгусская Корея, т.-е. значительная часть того, что мы называем Кореей теперь, плюс Южная Маньчжурия, были в руках Китая, и здесь были созданы два новых «дао», как тогда назывались области в Китае. Что касается остальной Кореи, то она осталась в руках Сылла, которая и так была вассалом Китая. Северо-восточная часть Маньчжурии до моря автоматически попала под влияние Китая [1]). Значительное количество тан'ских монет, которые были найдены в Никольске-Уссурийском профессором Гребенщиковым, указывает на то, что если не политическое, то экономическое влияние Китая укрепилось тогда на этой окраине империи прочно.

Вот приблизительно очертания Тан'ской империи к концу VII века:

Устье Амура — на северо-востоке. Хинган. Район к юго-востоку от Оренбурга — на крайнем северо-западе. Местность к западу от Аральского моря (между ним и Каспийским). Аму-Дарья. Гиндукуш. Гималаи. Горный хребет, тянущийся вдоль реки Меконга в Анниаме. Район города Сайгона. Побережье от 10° с. ш. до точки, лежащей против северной оконечности Сахалина.

Но острова Хайнань, Формоза, Внешняя Монголия (Халха) и Юньнань не вошли в состав империи (не закрашена

[1]) Современное Приморье и восточная часть Северной Маньчжурии составляли царство Бохай.

на имеющихся у нас исторических картах в китайский цвет и Сылла, хотя она и была китайским вассалом).

Итак, к концу VII века Китайская империя имела своими соседями Японию на востоке, Сиам и Индию — на юге, Персию — на западе и тайгу или степи, частью пустынные, — на севере.

Это был момент наибольшего распространения территориального могущества Китая при правлении в нем китайцев [1]). Среди признавших китайское господство были теперь самые разнообразные народы — южные корейцы, тунгусы, аннамиты, тибетцы, киргизы, тюкуе (турки), были, по словам Масперо, и какие-то степные северные жители с русыми волосами, голубыми глазами, высокие ростом. По мнению И. А. Клюкина, такими были тогда предки киргизов.

Волна китайских завоеваний не пошла дальше Западной Турецкой империи. Более того, скоро она схлынула из Туркестана, схлынула как-то совершенно незаметно. А в это же время туда надвигалась другая волна — волна арабских завоеваний. Был момент, когда она, казалось, перебросится далеко за Тяньшань и Памир. Но этого не случилось. Мусульманские солдаты, правда, побывали и в Восточном Туркестане, но почему-то скоро ушли, хотя их никто не гнал. С тех пор отношения между Китаем и Багдадским халифатом, да и вообще с арабами, были не только мирными, но и обычно дружественными. Лишь в IX веке у китайцев произошло в Кантоне серьезное столкновение с арабскими и персидскими моряками и жившими в городе многочисленными купцами-мусульманами. Но это было не более, как инцидентом, правда, очень кровавым.

О внешней торговле Китая лучше будет рассказать после, так как наиболее крупных размеров она достигла не в тот период, о котором здесь шла речь, а уже в несколько более поздний, относящиеся к которому многочисленные и разнообразные описания дают возможность яснее представить себе картину торговых взаимоотношений. Данные же относительно VII века слишком скудны. Стоит, однако, отметить тот факт, что еще в самом начале VII века правительство Суй'ского императора устроило обширный рынок в Шаньси, куда собирались степняки со всей Монголии и куда являлись также жители Туркестана. Одновременно были приняты меры к укреплению путей, идущих к ярмарочному месту, и была

[1]) При господстве в Китае монгольской династии Юань размеры империи были больше фактически, а не номинально.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

возведена новая дополнительная стена. В середине того же века корабли, участвовавшие в торговле Кантона, достигли очень больших размеров по сравнению с прежними. Существовала должность инспектора морской торговли, на обязанности которого лежало взимание вывозных пошлин и сбор с судов (пропорционально их размерам). Что касается ввозных пошлин, то они взимались натурой с пряностей, камфары и ценных пород дерева. Относительно же сборов с других товаров соответствующих сведений у нас нет.

К этому времени, т.-е. к середине VII века, относится появление в Китае значительного количества персидских беженцев. Большая часть их осела в Кантоне, где уже до тех пор жило много арабов. Но многие персы отправились дальше и расселились по всей империи. Распространение магометанства в Китае началось, по некоторым данным, еще раньше (до 626 г.). Первыми очагами его были Кантон, Цюаньчжоу и Янчжоу. Число магометан до середины следующего века все время увеличивалось. Судя по Ли Юнбину, с магометанами соперничали по численности последователи Зороастра, т.-е., вероятно, те же персы. В 634 г. упоминаются и христиане; это были сирийцы-несториане. Их епископ Олопун имел большой успех при дворе Тай Цзуна (627—649 г.г.) и при его наследнике или, правильнее, при жене его наследника, знаменитой У Ши. Олопуну разрешили строить храмы не только в Чан'ань'е (ныч. Сианьфу), но и в других городах. Затем явились в Китай и евреи. Появились также христиане-манихейцы [1]).

[1]) Христианство продержалось в Китае только до середины IX века, когда оно, наряду с буддизмом, подверглось гонениям. Буддизм перенес их благополучно, христианство же исчезло. Но оно удержалось в степи и когда Китаем овладели в XIII веке монголы, опять вернулось в Северный Китай. С падением монгольской (Юань'ской) династии, оно, повидимому, исчезло вторично, хотя попытки европейских миссионеров обратить китайцев в христианство делались не раз. Однако, до XIX века все эти попытки окончились ничем. Иудейство держалось дольше, держится в Кайфыне и до сих пор. Но нынешняя еврейская колония весьма малочисленна, безграмотна и притом состоит из полунищих. Только магометанство укрепилось основательно. Прочно оно и теперь, особенно в Ганьсу, где магометане составляют половину населения. Но вернемся к христианству.

Желание — мать уверенности. Комики разных наций и разных церквей, обуреваемые жаждой открыть широкое распространение христианства в Танском Китае, не раз делали необычайные открытия. Один из них нашел в X веке целых два миллиона китайских христиан. А один наш соотечественник, нельзя сказать, чтобы очень вдумчивый что ли, но зато весьма православный, построил даже целую удивительную теорию.

Дипломатические связи Китая с внешним миром тоже были довольно часты. Конечно, это были сношения, главным образом, с ближними народами. Но помимо того, в Чан'ань прибывали послы и из дальних стран. Так, в 640 году туда явилась византийская дипломатическая миссия, посланная императором Феодосием, посольств же от арабских халифов было несколько.

С завоеванием Кореи рост империи прекратился. Прекратились почти на столетие и внешние войны. Лишь в 754 году была более чем неудачная попытка завоевать нынешнюю провинцию Юньнань. Война с Юньнань'ю была тем толчком, который уже в следующем, 755 году, привел к страшно разорительной и имевшей чрезвычайно неблагоприятные последствия гражданской войне, после которой началось медленное, но несомненное разложение империи. Еще раньше, приблизительно в 709—713 годах, Китай потерял свою политическую власть над Западным Туркестаном, который был завоеван арабами, а в 760 годах потеряны были остатки прав империи

Она касается, во-первых, олопуновского несторианства, во-вторых, самого Тай Цзуна (императора). По этой теории выходит, что несторианства никакого в Китае не было, а было несторианоподобное православие, светом которого и было осенено его тогдашнее величество. А отсюда выводился весьма приятный для православных душ вывод. Какой именно, это нашему брату, не посвященному в тонкости заумного языка в стиле мережковских прорицаний, понять не дано. Где уж нам, коли мы принадлежим, по вдохновенному слову не то Зинаиды Гиппиус, не то самого маэстро религиозного словоблудия, к числу «очеловеченных горилл». Знаем только, что вывод был приятный и что его величество Тай Цзун был... «равноапостольным».

Но что бы сказали столпы правоверия, если бы узнали, что тот же Тай Цзун был весьма мил и к магометанам, огнепоклонникам и даже по отношению к иудеям? Не перечислили ли бы они его из равноапостольных в жидомасона?!

Что касается императрицы У Ши, особенно весьма разносторонней, то она и в религиозных делах была достаточно широкой натурой. Быть покровительницей христиан и одновременно даосцев и состоять притом в звании «нерожденного Будды» — это не всем могло удасться. Кстати, о ней.

Эта У Ши (или У Хоу, а также У Цзэ-тянь) единственная женщина в Китае, которая не только правила, но и носила звание «хуанди» (императора). Своих сыновей она поссылала, чего они, кстати сказать, вполне заслужили, а мужа сделала своим граммофоном. Лишь 80 с лишним лет она из-за болезни ослабела настолько, что позволила себя свергнуть. И нужно сказать, что она достигла своего положения вовсе не преступлениями, обычными во дворцах, а благодаря необычайной одаренности. Между прочим, ее называют первой феминисткой Китая. Конфуцианские историки, конечно, сделали все от них зависящее, чтобы очернить ее память и превратить ее в чудовище.

в Тибете. В 822 году тибетско-китайский мир зафиксировал создавшееся положение.

Как и почему происходил этот процесс разложения, можно понять, лишь разобравшись во внутренних делах Собственно-Китая.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XVII.

Внутреннее положение империи в VII—VIII в. в.

И при Суй'ской и при Тан'ской династиях пережитки натурального хозяйства были еще очень сильны в Китае. Развитие торговли происходило, пути сообщения улучшались, перевозка товаров на огромные пространства как внутри страны, так и за ее пределы, происходила. Но не это было характерно для эпохи. Торговля казалась обширной только потому, что обширна сама страна и велик был масштаб торговли, велик в смысле размеров охваченной территории. Но основной чертой эпохи было все же наличие узких ограниченных рынков. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с тем, что представляло собой земледелие, как велась внутренняя торговля и какова была налоговая система.

Земледелие. При Тан'ской династии существовала юридическая фикция о принадлежности всей земли государству. Каждый семейный мужчина и каждая одинокая вдова с детьми имели право получать определенный участок земли (мужчина — 5½ десятин, женщина в три раза меньше) и обязаны были вносить за это «арендную плату» (не «налог») за землю. Кроме того, каждая семья платила подворные, опять-таки, главным образом, натурой и обязана была выполнять в течение 20-50 дней в году общественные работы, от которых, впрочем, разрешалось откупаться, при чем уплата исчислялась не в деньгах, а натурой же. Поземельный налог («аренда») определялся в начале династии в 2 мешка риса, подворные в определенном количестве шелка, льна и т. д. Характерно при этом, что работа рассматривалась не как нечто, зависящее от воли занимающего землю, а как его обязанность. При Тай-Цзун'е, например, крестьянин, бросивший свой участок, арестовывался и препровождался на место постоянного жительства насильно. Торговец, который помимо торговли занимался земледелием, освобождался от общественных работ. Арестант во время страды переводился на свою деревенскую работу. Крепостнический (по отно-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

шению к государству, а не к лицу) элемент оказывался и в том, что крестьянину воспрещалось становиться купцом.

Но жизнь вносила свои коррективы. Законы этого рода фактически не выполнялись. Это видно хотя бы из того, что уже при номинальном правлении сына Тай Цзуна (650—683 г.г.) правительству пришлось вновь подтвердить запрещение продажи участков. Но оно не могло заставить купивших землю вернуть участки обратно прежним владельцам: оно выкупало их. Мало того, оно, как это видно из ряда данных, не могло помешать даже захвату водных пространств — озер, прудов и т. д., служивших для орошения. Не могло оно и помешать крестьянам, разоренным скупщиками, бросать свои участки. Оно даже было вынуждено узаконить переселения, оговорившись, однако, что делает это в виду неурожая.

Во время самостоятельного правления императрицы У Ши (около 700 г.) пришлось пойти еще дальше. Императрица в специальном указе прямо запретила карать беглецов, в том числе и тех, которые считались солдатами (нечто в роде военных поселенцев), снимала с них недоимки и приказывала выдавать прогонные до места постоянного жительства. Но и это не помогло, и при ее сыне (713—755) было установлено, что земли фактически продолжают быть предметом купли, продажи и залога и что по всем дао (областям) имеются земли, занятые пришлыми людьми, которые, нигде не будучи прописаны, не несут поэтому никаких повинностей. Не платили никакой «аренды» и занявшие участки, брошенные своими хозяевами. Произведенная тогда перерегистрация участков показала, что, таким образом, ускользнуло от повинностей... 800 тысяч семейств, а всего их было тогда в Китае около 6 миллионов. Потом опять отдавались распоряжения о воспрещении земельных сделок и опять оказывалось, что сделки все-таки происходят и притом во все возрастающих размерах.

К этому времени число домохозяйств, исчислявшееся перед 712 г. в 6,1 млн. дворов, увеличилось почти до 9 миллионов. По дошедшим до нас документам, это означало уменьшение площади под отдельным хозяйством до размеров ниже необходимого минимума, а, следовательно, усиленное истощение почвы. Площадь под отдельным хозяйством теоретически считалась равной 100 му (5½ дес.) в среднем. Фактически же, как показали обследования, запашка на семью упала в среднем до 12—8 му на хозяйство. Очевидно, большая часть земель была заброшена вовсе или же ускольз-

нула от регистрации. Что касается столичного района, то там к 750 годам положение было ясно, и оно было безотрадно. Урожаи падали из года в год. О сборе недоимок не приходилось мечтать, и они были сложены. Одновременно население столичного района освобождалось от всех общественных работ. Тогда же выяснилось, что в пяти провинциях у крестьян, пострадавших от недорода, хлеба нет вовсе и правительству приходилось кормить голодных.

К этому времени практиковавшееся раньше наделение землей чиновников (выдавалось самое большее 66 десятин) прекращается окончательно и чиновники переводятся на жалование.

Все это разрешается в конце концов грандиозным восстанием 755 года (Ань Лушинь'я), после которого число домохозяйств резко уменьшается. Оно доходит в 786 годах до менее чем 2-х миллионов (а было 9).

Резкое уменьшение населения не уничтожило, однако, аграрного кризиса. Наоборот, крестьянин еще больше задолжался и, следовательно, закабалился сильнее. В результате захват земель ростовщиками усилился, а не ослабел; сосредоточение земель продолжалось; крестьянин бедствовал. Побеги с земли не прекращались. Вместе с тем росли число и общая площадь незаселенных земель, — земель истощенных [1]).

В 841—46 годах правительство Тан'ов, до тех пор всегда отличавшееся большой благосклонностью к буддийской церкви, вынуждено было на такую героическую меру, как конфискация церковных земель, закрытие монастырей и разгон монахов и монахинь. Затем было узаконено занятие брошенных земель, при чем занимающим предоставлялись самые льготные условия, а участки закреплялись за ними навеки. Таким образом, частная собственность фактически вводилась опять. Дело дошло до того, что приговоренные к смерти освобождались от наказания, если они соглашались сесть на землю на северных окраинах (где земли не были истощены).

Это было уже в последнее царствование (889—905) в доме Тан. Результаты подобного мероприятия, бывшего в сущ-

---

[1]) Ослабление аграрного кризиса в I в. н. э. обычно объясняют исключительно убылью населения. В VIII же веке такого эффекта, как видно из материалов Пин Хуа-ли, очень склонной к мальтузианству, почему-то не получилось. Нужно добавить, что данные, относящиеся к танским временам, более полны, чем относящиеся к ханьским.

ности признанием создавшегося положения, сказаться не могли, ибо наступила полная сумятица, и империя развалилась на целых 55 лет. Когда она была восстановлена, частная собственность уже никем не оспаривалась (материалы взяты у Пин Хуа-ли).

Налоги, ремесла и внутренняя торговля.

Уже при императрице У Ши, т.-е. на рубеже VII и VIII веков, обследование в одной из областей показало, что площадь запашки на одну семью равнялась в среднем 8—12 казенным му, что соответствует приблизительно половине нашей десятины. Сбор с такой площади был достаточен лишь для покрытия полугодовой потребности семьи, да и то при хорошем урожае; платить же налоги, выплачивать долги и т. д. было, естественно, нечем. Такое же приблизительно положение было, вероятно, и в других областях. Зерна не хватало. Правительство было вынуждено издать целый ряд законов, воспрещавших непродуктивное использование зерна, в роде, например, продажи риса на корм животным, выделки рисовой водки и т. д., вынуждено было допустить фактический захват земель обрабатывающими их и освободить захватчиков от несения всех повинностей, в том числе и от уплаты налогов. Поступление продналога становилось все меньше и меньше, и правительство, стоявшее перед угрозой вымирания населения, вынуждено было покупать зерно, — покупать у тех, у кого оно имелось, т.-е. у тех, кто, не считаясь с существовавшей фикцией относительно неотчуждаемости земель, захватывал их у обнищавших крестьян, превратившихся либо в батраков, либо в бродяг.

Но откуда было брать деньги, если из 1.933.124 семейств, зарегистрированных во время царствования 756—762 годов, хронических недоимщиков, которых пришлось совершенно освободить от налогов, насчитывалось 1.174.592. Еще задолго до этого царствования пришлось обратиться к иным источникам обложения, а именно к акцизу на соль, на чай и другие товары, к усилению обложения купечества и т. д. Подоходный налог тоже приобрел важное значение, но наличие его само по себе создавало необходимость безоговорочно признать легальность существования крупного землевладения, ибо только оно давало достаточное количество денег казне и только оно давало избыток зерна. Непризнание ведь вело только к тому, что фактический помещик, считаясь номинально обладателем крестьянского по размерам участка, платил только за него, а не за всю свою землю.

Каков же был результат введения новых налогов?

Соляной налог, который вместе с чайным стал важнейшим источником дохода, еще больше ухудшил положение крестьянства. Налог на чай и введение экспортной пошлины на него приводили к стеснению торговли этим товаром, ставшим главным предметом вывоза. Транзитные сборы, в том числе и с имевшегося на руках у купца золота и серебра, приводили к стеснению внутренней торговли. Мелочной надзор за торговлей, за мерами, весами и характером сделок вел к тому же. Лучшим доказательством слабости торговли было то, что основной денежной единицей была в это время мелкая медная монета (хотя, правду сказать, безукоризненно выполненная). Но этой монеты скоро не стало хватать, и страна все время переживала медный голод, что вызывало необходимость выпуска бумажных обязательств и, повидимому, вело к порче монеты. А это становилось новым источником внутренних смут.

Одной из важных реформ царствования 780—805 г.г. было введение новой системы земельного обложения, при которой размеры налога стали переменными: теперь они определялись каждые полгода, в зависимости от урожая. Эта система удержалась надолго. Насколько она была благотворна, судить трудно. Во всяком случае следует отметить, что с тех пор наблюдался некоторый рост населения, и еще то, что китайские историки отметили царствование 805—20 и 847—859 г.г., как благополучные. Нужно, однако, оговориться, что количество жителей империи определялось в «благополучном» 841 г. всего лишь в 25 миллионов человек, тогда как в 755 году, когда началось восстание, оно исчислялось почти в 57 миллионов. До тех пор такая крупная цифра отмечена только для времени Ван Ман'а (6—23 г.г. н. э.), т.-е. до восстания Краснобровых, а после Тан'ов мы встретили ее только в конце XII века.

Впрочем, эти цифры, как уже не раз отмечалось, должны приниматься с большими оговорками. Получались они обычно путем умножения числа семейств на 5½. Но мы уже знаем, что население всячески избегало регистрации, ибо таким путем избавлялось от необходимости платить налоги, а, во-вторых, во многих переписях семьи неплативших налоги не подсчитаны вовсе. Сюда относились, между прочим, и те семьи, которые из-за долгов или по другой причине вступили в кабалу к богатым. Закабаление практиковалось часто. Была и продажа детей в рабство. Тан'ское правительство пыталось пресечь это явление и даже выкупало (или, быть может, только собиралось выкупать) малолетних рабов, но толка

от этого не было, и оно в конце концов вынуждено было примириться с наличием закупничества [1]).

Здесь следовало бы остановиться на положении ремесла в эпоху Тан. Но при современном объеме наших знаний по экономической истории Китая дать соответствующую картину очень трудно. Достаточно сказать, что даже такое производство, как фарфоровое, хорошо изучено в отношении этого периода лишь в течение последних 14—15 лет. До тех пор (до 1912 г.) имелось много образцов позднейшего фарфора, сун'ского, и были образцы раннего, т.-е. хань'ского фарфора; о тан'ском же знали сравнительно очень мало. Лишь в 1912 году, когда было обнаружено огромное количество разбитых фарфоровых изделий тан'ского периода на месте разрушенного (а впоследствии восстановленного) города Самарры в Месопотамии, бывшего одно время столицей халифов, можно было убедиться, что торговля фарфоровыми изделиями была в эпоху, соответствующую времени существования империи Карла Великого в Европе и «призвания варягов» в Россию, чрезвычайно оживленной. Затем были обнаружены и многочисленные цельные экземпляры. О некоторых из них говорилось, как о чрезвычайно трудно выполнимых даже при современном нам состоянии техники [2]).

Заслуживает быть отмеченным, что ко времени Тан существовало уже новое, до тех пор неведомое ремесло. Это — книгопечатание. О времени возникновения его точных данных нет. Масперо, например, говорит о существовании его при Суй'ской династии (581—617), у проф. Кюнера указано более позднее время. Ли Юнбин же указывает 953 год, как год изобретения, т.-е. дату, уже после падения Тан'ов. Но утверждение Ли Юнбина не вяжется с другими фактами, например, с такими, как существование при Тан'ах бумажных денег и издание «Правительственного Вестника», существующего и поныне.

Это первая газета в истории человечества.

Гражданское управление и армия.

Носителем верховной власти, высшим законодателем, исполнителем и судьей был император, непосредственными помощниками которого были три высших

[1]) Данные о закупничестве при Тан'ах можно найти у Паркера в книге «Китай» имеется русский перевод). Но они очень неполны.

[2]) Это почерпнуто из книги „The Early Ceramic Wares of China" by A. L. Hetherington, изд. 1924 г. Названная работа является сокращенным наполовину изданием специального труда того же автора, в настояще время разошедшегося. Книга может представлять ценность для интересующихся керамикой вообще, не только китайской.

советника, один из которых стоял во главе исполнительной власти и имел в подчинении 6 начальников отделов. Среди других высших сановников были: главный инспектор торговли, инспектор земледелия и зернохранилищ, судьи верховного суда, директора народного просвещения, искусств, промышленности, арсеналов, общественных работ, государственных церемоний и дворцового коннозаводства. Кроме того, были так называемые «цензоры», роль которых можно с натяжкой сравнить отчасти с ролью прокуратуры и истолкователей законов, отчасти с ролью органов народного представительства. По идее, они должны были указывать на злоупотребления и вредные действия не только всех сановников, но и самого императора. Во главе управления областей стояли начальники, совмещавшие в своем лице все виды власти, не исключая и военной, — факт, имевший весьма неблагоприятные последствия для Тан'ов.

Право на занятие должностей получали те, кто выдерживал испытания, от времени до времени устраиваемые в столице. К экзаменам допускались лица, уже выдержавшие предварительные испытания в областях, и те, которые оканчивали специальные правительственные школы, существовавшие в столице. Характерно, что в одну из них принимали сыновей только самых высших сановников, в другую сыновей менее важных сановников, а в третью всех остальных молодых людей. Служебные заслуги отца играли, таким образом, признанную роль. Разделение на ранги, которых было 9, по две степени в каждом, проводилось настолько далеко, что даже одежда устанавливалась для каждого звания иная. Не занимавшие никаких должностей ученые тоже имели свою форму одежды.

Теоретически рассуждая, наследование должностей в империи не существовало и не было такого закона, который бы запрещал бедному крестьянину стать первым министром. Но на практике уже в VIII веке передача званий по наследству укрепилась и именно там, где это было особенно опасно для империи. Укрепилась она в отношении военных начальников областей, на границах степей. Это явление стояло в непосредственной связи с разорением и бегством с земли крестьян.

Перед 715 годом несение воинской службы было обязанностью всех мужчин от 20 до 60 лет, хотя практически больше 900 тысяч человек никогда не призывалось. Набор производился только во время войны. После 715 года впервые была

организована постоянная императорская армия, силою в 120 тысяч человек.

Переход от ополчения к постоянной армии не был случайностью, не был он и простой реформой. Это было нечто гораздо более серьезное. Это был результат обнищания крестьян, которых не могли заставить нести повинности. Новая постоянная армия составилась поэтому в значительной части не из китайского, а из степного, инородческого элемента. Даже на высших командных должностях инородцев было не мало. К середине VIII века наблюдались уже такие случаи, когда китайцы сознательно вытеснялись с офицерских должностей и заменялись единоплеменниками генералов-инородцев. Цензоры указывали на это явление, предрекали всякие несчастья, но это не помогло. Мало-по-малу императорская армия становилась инородческой. Помимо ее были еще войска, находившиеся в распоряжении пограничных начальников.

Восстание 755 года и было как-раз возглавлено одним из этих инородческих по происхождению генералов, некиим Ань Лушань'ем.

За год перед этим восстанием Китай сделал попытку овладеть той страной, которая известна теперь, как провинция Юньнань (в юго-западной части Собственно-Китая). Еще при Хань У-ди (140—87 г.г. до н. э.) китайцы овладели частью ее. Но скоро потеряли завоеванное. После этого там возникло государство, которое по-китайски называлось Нань Чжао. Его влияние ощущалось далеко в Индо-Китае. Попытка Тан'ов покорить его кончилась полным разгромом императорской армии, которая потеряла в боях и отступлениях около 200 тысяч человек. В столичном районе были только слабые кадры. Лишь в северных областях, где хозяйничали пограничные начальники, сохранились нетронутые местные вооруженные силы. Крупнейшие из них были в подчинении Ань Лушань'я.

Поражение в Юньнани и тяжелое экономическое положение внутри страны создали благоприятные условия для осуществления честолюбивых планов этого генерала. В 754 г. было поражение в Юньнани, а уже в 755 -ом 150-тысячная армия Ань Лушань'я овладела Лояном, затем Тунгуань'ским проходом и, наконец, самой столицей Чан'ань. Как это часто бывает, занятие блестящего и богатого города привело к деморализации в армии Ань Лушань'я, состоявшей в значительном количестве из ничего, кроме своих степей, не видавших «татар». Начались разбои, грабежи, мародерство и разло-

жение. Это помогло успевшим бежать Тан'ам. С большим трудом они собрали остатки императорской армии, пополнили ее новыми наемниками из турок-уйгуров и после борьбы, тянувшейся в течение восьми лет, разбили, наконец, аньлушаньцев. Но победа Тан'ов не была бы возможна, если бы среди повстанцев не пала дисциплина, если бы не было у них ожесточенной, доходившей до убийств, грызни между вождями и если бы не было уйгуров. Впрочем, и в пределах самого Китая отдельные укрепленные города защищались от Ань Лушань'я довольно стойко.

Едва закончилась эта внутренняя война (755—763), имевшая своим театром почти весь Китай, к северу от Янцзы, как на Китай обрушилось новое несчастье. Вторглись тибетцы. Им удалось захватить столицу и заставить бежать двор. Это было уже второе его бегство в течение всего лишь одного десятка лет. Уйгуры, только что помогшие справиться с Ань Лушань'ем, теперь тоже оказались в стане врагов. Лишь дипломатия китайцев спасла положение и заставила тибетцев отойти. Позже, в 822 году, они подписали мир с Китаем, но мир в свою пользу.

Со времени разложения повстанческой армии Ань Лушань'я и нападения тибетцев, китайской императорской армии, как таковой, уже не существовало. Сначала она была сокращена из-за безденежья на $^2/_3$, потом переведена целиком на местные средства и в конце концов стала уже армией не империи, а поместных губернаторов.

Увеличение налогов с разоренного и резко уменьшившегося за эти бурные годы населения дало возможность одному из губернаторов опереться на недовольные массы и начать новое восстание, оказавшееся неудачным для восставшего: он был разбит и казнен. Это образумило других начальников областей, и они уже не пытались выступать против центра. Тем не менее, Тан'ы держались с тех пор только тем, что интриговали среди начальников областей, восстанавливая одного против другого. Но картина распада оставалась. Несменяемость областных начальников сделалась правилом. Их независимость от центра стала полной. Их собственные вооруженные силы были единственными войсками империи. Роль императора сводилась отныне лишь к утверждению на должности фактически занимавших уже ее областных начальников.

XVIII.

Конец Тан'ов и «Пять династий».

Конец Тан'ской династии до мелочей напоминает конец Хань'ской. Сходство иногда буквально поражает. Но если вспомнить картину разложения Ханьской империи, то такому сходству не придется удивляться: одинаковые причины породили одинаковые следствия. И тут и там было разорение крестьянства; в обоих случаях рост торговли сопровождался усилением закабаления масс; и тогда и теперь были инородцы; евнухи тоже повторили свою прежнюю роль. И вот в результате и при Хань, и при Тан произошли те восстания, которые оказались предтечами формального распада империи и утверждения власти областных начальников. В обоих случаях восторжествовали центробежные силы.

Но было бы неправильно говорить, что «история повторилась». Огромная разница заключалась хотя бы уже в том, что новый период политической феодализации протекал при наличии продолжавшегося и даже росшего торгового обмена, который в IX веке, поскольку об этом говорят сохранившиеся разрозненные данные, был несравненно крупнее, чем в III веке, когда распалась Хань'ская империя. Не это ли было одной из причин того, что падение Тан'ов не сопровождалось длительным разделением империи и что новая династия Сун уже к концу X века, т.-е. через шесть десятилетий, сумела скрепить отдельные части Собственно-Китая прочнее, чем ее предшественница?

Вот почему в данном изложении периоды династий Суй, Тан, Сун и «Пяти династий», существовавших после Тан и до Сун, объединены в один — в период Второй империи.

Перейдем теперь к изложению событий, приведших к падению «власти» Тан'ов.

Кавычки около слова «власть» поставлены здесь не случайно. Начиная с 827 года, был на императорском троне только один человек, о котором нельзя определенно говорить, как об игрушке или просто ставленнике придворных евнухов. О всех остальных можно сказать это совершенно

определенно. Значит, в этот период династия не только не управляла областями, но и в собственном-то доме не была хозяйкой. Характерен один исторический анекдот:

«Какого вы мнения обо мне», спросил император Вэнь Цзун (827—840) своего министра.

«Вы подобны Яо и Шунь», отвечал министр, делая этим самый большой с китайской точки зрения комплимент своему государю.

«Ничего подобного», отвечал тот, «я хуже Хань Сянь-ди: тот был пешкой в руках министра, а я арестант евнухов».

В 881 году началась развязка. Опять, как семь столетий тому назад (восстание Желтых Тюрбанов в 184 г.), вспыхнуло народное возмущение; непосредственным поводом его была страшная голодовка.

Начавшись в нынешнем Шаньдуне, восстание быстро перекинулось в другие места и в конце концов охватило весь Китай. Один из вождей восстания, некий Хуан Чжао, особенно выделился в развернувшейся гражданской войне. Он со сказочной быстротой обошел со своим отрядом нынешние провинции Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун, пошел оттуда вниз по реке Сянцзян на Чанша (это путь победоносной кантонской армии в 1926 г.), оттуда на Учан, спустился затем вниз по Янцзы, взял нынешнюю провинцию Аньхуй, вошел в Хэнань, овладел Лояном, миновал считавшийся непреодолимым проход Тунгуань и, наконец, взял столицу Чан'ань (нынешний Сиань).

Двор бежал в Сычуань и вызвал оттуда на помощь степной тюркский народ, славившийся своею непобедимостью. Эти «черные вороны», как их назвали китайцы, действительно оправдали свою славу. Повстанцы всюду терпели от них поражения. Наконец, когда Хуан Чжао умер, его помощник предал шедших за ним повстанцев и, получив звание «верноподданнейшего», превратился из революционера в начальника той области, которая занимала часть нынешней Хэнани.

Предательством вождей восстание окончилось. К этому времени умер старый император и вступил на престол новый, который задумал (как это было и за 700 лет перед тем) избавиться от евнухов одним ударом. С этой целью он тайно вызвал в столицу того лже-вождя, который предал повстанцев. Как и при Хань'ях, избиение евнухов произошло. Как и тогда, император стал игрушкой в руках своего избавителя. Как и тогда Лоян сделался местом императорской почетной тюрьмы. И как и тогда, появились генералы-защитники. Но дальше дело пошло более ускоренным темпом.

Императора зарезали и поставили вместо него малыша. Потом зарезали и этого. А двойной предатель объявил себя императором, основателем династии Лян.

Но ему не удалось овладеть всей империей. В нынешней Чжили, Шаньси, в Хунани на северо-западе, в Сычуани, на пространстве между реками Хуай и Янцзы, в Чжэцзяне и Фуцзяни — везде местные вожди объявили себя самостоятельными государями. Только два губернатора не сделали этого.

С 908 года по 970-ые годы между этими «королями» и сменявшими друг друга с большой поспешностью «императорскими династиями» (одна из них просуществовала всего лишь 4 года) продолжалась борьба. Детали ее — это хроника убийств, предательства и бесконечных войн как внутренних, так и внешних, которые велись, главным образом, с киданями, маньчжурским племенем, объединившим Маньчжурию, значительную часть Монголии, северные окраины Собственно-Китая и подчинившим себе область Куку-нора (сев.-вост. часть Тибета) и Корею.

Все то время, которое прошло между падением Тан'ов и концом X века, заполнено событиями, так или иначе связанными с попытками киданей завоевать Китай, — непосредственно ли или при помощи своих вассалов. Из тех пяти династий, которые возникли и исчезли в Китае в период между 908 и 960 годами, три были не более, как киданьскими агентурами. Агентами киданей были и некоторые короли северных частей Китая. Что касается юга, то там новоиспеченные королевства держались немного прочнее и независимее. Впрочем, их история имела только локальный интерес.

О кинематографичности борьбы, происходившей в течение этих нескольких десятков лет, можно судить хотя бы по биографии того человека, которого Ли Юнбин называет изобретателем книгопечатания, но который был, вероятно, только усовершенствователем этого искусства. Заведывая типографией, этот человек служил 10 «императорам», бывшим представителями 4 разных династий.

Концом «эпохи пяти династий» считается 960 год, когда генералом, сумевшим нанести киданям поражение, была основана очередная династия Сун. Подобно предыдущим пяти, она не владела вначале всем Китаем, а лишь бассейном Хуанхэ.

Но к 971 году всё, кроме лишь одного из недолговечных королевств, было уже присоединено к Сун'ским владениям.

Империя была восстановлена. Но ни тогда, ни позже она не достигала тех колоссальных размеров, которые отличали

империю Тан'ов в VII веке. Внешних владений не было у нее никогда, и войны ее по существу были исключительно оборонительными. Даже в пределах нынешнего Собственно-Китая она не распространялась на Юньнань, западные части нынешних провинций Ганьсу, Сычуань, Гуйчжоу и Гуанси. С другой стороны, она отличалась от Тан'ской большей внутренней устойчивостью, меньшим количеством феодальных пережитков и большим развитием денежного хозяйства.

Но об эпохе Сун'ов, охватывающей время с 960 по 1273 г.г., не может быть составлено сколько-нибудь отчетливого представления, если не познакомиться предварительно с тем, что представляла собою так называемая «духовная» культура эпохи Тан'ской династии, гораздо более феодальной, чем эпоха Сун'ская, но вместе с тем более блестящей, красочной, яркой.

Среди многих ориенталистов существует даже мнение, что при Тан'ах Китай достиг высшей ступени своего развития, что нам не кажется верным. Но что он стоял тогда на недосягаемой высоте по сравнению с тогдашней Европой в смысле вот именно «духовной культуры», то это совершенно несомненно.

Итак, вернемся к Тан'ской эпохе.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru

XIX.

Культура и быт при Тан'ах.

(VII—X века н. э.).

Если бы житель какой-нибудь Британии или Франции, уже не говоря о России, попал во времена Тан'ов в Чан'ань, столицу Китая, он почувствовал бы себя приблизительно так же, как обитатель современной феодальной Абиссинии в нынешних Париже или Лондоне.

Тогдашний европеец мало напоминал нынешнего. Такие вещи, как, например, белье, были ему известны больше понаслышке от арабов. Выпускание дыма от очага не в трубу, а прямо в дыру в крыше, было обычным явлением даже у графов. Безграмотность была поголовной: даже сам Карл Великий так-таки и не выучился подписывать своего имени. Бумага, чернила, перо, свечка, книга, лавка, в которой можно купить мыло, самое это мыло, приличная посуда, зеркало и тысяча тысяч других вещей, таких, казалось бы, обычных, точно возникших чуть ли не с ледниковой эпохи — всех их или вовсе не было в распоряжении тогдашнего жителя Европы, или они были так же редки, как теперь, скажем, широковещатели. Вообразите себе, ну, пусть хоть самого этого Карла, сидящего с газетой в руках в удобном красивом кресле и пьющего чай из хорошей фарфоровой чашки — и вы почувствуете, что одно с другим никак не вяжется.

В тогдашнем же Китае была уже газета; лавок (а также кабаков) было великое множество; фарфор, зеркала, мебель и т. д. мало уступали, а, может быть, были даже лучше современных и не только Карл, но и любой состоятельный гражданин мог проделать описанное выше.

Сравнивать тогдашний Китай с современной ему Западной Европой — это то же самое, что сравнивать, скажем, Францию XVII в. с Центральной Африкой, в которой, ведь, давно уже существует искусство изготовления железа и где издавна существуют ярмарки.

Тан'ский Китай во многом отличался и от Китая Хань'ского периода. Начать хотя бы с внешности его жителей.

СОЦИАЛИЗМ В. Г. Белинского http://booksblogs.ru/

Длинные, халатообразные одежды, волочащиеся по земле и стесняющие движение, давно уже были заброшены. Их вытеснила «татарская» одежда, облегающая тело, а кожаные сапоги заменили прежние туфли. Жизнь стала гораздо более разнообразной; темп ее стал быстрее. В приморских городах, в столице, на реках, на больших дорогах — то-и-дело попадались пришельцы из далеких стран, приезжавшие и уезжавшие опять. Японцы, корейцы, персы, арабы, индусы, яванцы, евреи, армяне, сирийцы, греки и представители других народов были настолько многочисленны, что в Кантоне, например, их считали десятками тысяч. Христианские церкви, синагоги и мечети стояли рядом с конфуцианскими храмами, буддийскими и даосскими монастырями. Порты были оживлены судами из разных стран, и были среди них многие, на которых плавало по несколько сот человек.

Существовали крупные города, полные ремесленных заведений и лавок, были оптовые товарные склады; в портах были таможни и таможенные управления; были учреждения, где отмечались все прибывшие и убывшие и где выдавались паспорта. Места развлечений были многочисленны; борьба, петушиные бои, конские бега, в которых участвовали породистые кони, выведенные из Туркестана и Персии, труппы танцовщиц — все это было обычным в тогдашних городах Китая. Были и чайные домики, так как чай стал к тому времени общераспространенным напитком. Любители сыграть в карты, китайские шахматы, в кости и т. д. везде могли найти подходящие места. Но особенно много было кабачков.

По словам Ли Юнбина, в те времена над всеми городами и даже в деревнях реяли флаги, показывавшие, где можно выпить. Пили рисовую водку, пили и виноградное вино, впоследствии мало распространенное в Китае, но тогда являвшееся одним из любимых напитков. Опиум и морфий, современные бичи Китая, были еще неизвестны, но пьянство, почти незаметное теперь, было частым явлением. Оба тогдашних знаменитых поэта Ли Бо (705—762) и Ду Фу (712—770), стихи которых славятся поныне, были горькими пьяницами, завсегдатаями всех столичных кабаков.

Но это была изнанка быта. Наряду с уродствами, было и то, что заставляет современного китайца с восторгом говорить о Тан'ской эпохе, подражать людям того времени, рассматривать сделанное ими, как недосягаемые образцы.

«Время Тан'ской династии, — пишет Джайльс, известный знаток китайской поэзии, — связано в представлении китайцев со многими романтическими эпизодами любви и

войны, с богатством, культурой, изысканностью, с легкомыслием, роскошью и распущенностью, но больше всего с поэзией. Наибольшие достижения в этом направлении сделаны, главным образом, в пределах трех этих столетий, и произведения той эпохи были тщательно сохранены, как законченные образцы для будущих поэтов всех поколений».

В 1707 году, при последней маньчжурской династии, избранные произведения Тан'ских поэтов были изданы вновь. Это — 900 книг, которые соответствуют тридцати толстым томам, в которых собрано 48.900 поэтических произведений, самых разнообразных по содержанию. О поэзии того времени создалась целая наука, и специалисты утверждают, что можно без труда различить время создания того или иного произведения, — эпоху «раннюю», «славную» или «позднюю». Это — подразделение Тан'ской истории по литературному признаку.

В двухтомном собрании переводов Джайльса «Сокровища китайской литературы» («Gems of Chinese Literature» by H. Giles) читатель, знакомый с английским языком, найдет больше того, что можно сказать здесь в коротком, попутном изложении.

Здесь нужно пояснить, что употребленное здесь выражение «перевод» нельзя считать правильным. Китайские, как и японские, стихотворения можно передать только приблизительно, ибо в переводе теряется слишком много красоты подлинника. Особенно это касается китайских произведений, в которых имеет значение не только звук и рифма, но и тон, каким произносится слово, а также начертание иероглифов, даже почерк, которым они написаны. Здесь надо пояснить, что такое тон. В китайском северном языке какие-нибудь «ша», «чжоу» или «хань» могут означать разное, в зависимости от того, произнесены ли они с повышением или понижением тона, гладко или полувопросительно. На юге имеется даже 7 тонов. Эта тональность создает в поэзии особую, непонятную для некитайца дополнительную мелодичность, непередаваемую никаким, даже наилучшим переводом.

Некоторое представление о китайской поэзии дает книга Грубе «Духовная культура Китая». Отдельные стихотворения имеются на русском языке в великолепных переводах, сделанных проф. Алексеевым и другими в журнале «Восток» (1923 г.), к сожалению, чрезвычайно мало распространенном. В числе прочих приведен там и ряд других произведений того же Ли Бо (или Ли Дай-бо), пьяного гуляки «бессмертного винной чары», но вместе с тем необычайно чуткого,

тонко чувствующего человека, умевшего несколькими словами так передать мысли и чувства давно умерших людей чужой нам страны, что они вдруг становятся близкими и понятными нам, живущим 1200 лет позже. Одно из его стихотворений врезывается в память. Это короткое, скупое на слова стихотворение о войне.

Молодая жена грустно смотрит вдаль на осеннюю долину. Посол спешит из ставки татар: быть войне... Придет время, вернется муж... застанет ее отцветшей, состарившейся...

Вот и все его содержание. Но даже в переводе чувствуется огромная творческая сила автора.

Или другое.

Ночь, все затихло кругом. Луна. Горы. И он... Никогда не надоедят они друг другу — природа и человек.

Большая любовь к природе, мягкое отношение к людям, ко всему живому. Какая-то особенная, светлая, облагораживающая печаль. И еще водка... Вот — Ли Бо.

Его звали «изгнанным на землю ангелом»[1]).

Впрочем, не нам говорить об этих давно-давно написанных произведениях. Это задача знатоков китайской литературы, задача важная, нужная. Ибо мало нашему читателю знать, что вот-де есть такая страна, называется Китай, находится под гнетом империалистов, что живет там чудовище Чжан Цзолин, живет У Пейфу, и что ссорятся и дерутся там генералы, торгуют компрадоры, и плетут тонкую нить интриг старые мандарины.

Мало знать и то, что там есть борющийся пролетариат, есть гоминьдан и есть кантонская армия. Нужно еще понять, что этот Китай, — «неподвижный», «окруженный со всех сторон стенами» и еще какой-то там, — что этот Китай имеет

---

[1]) Между прочим, Ли Бо принадлежит одно шуточное стихотворение о выпивке, которое было переведено на русский язык. Начинается оно так:

«Я в роще цветущей расселся и пью.
Я пью и еще наливаю,
Один наполняю я чару свою
И с кем бы мне выпить, не знаю...»

Поэт недоволен. Но положение спасает выглянувший из-за горы месяц. Вместе с месяцем появляется и тень. Поэт пускается в пляс. Тень тоже танцует вместе с ним. Танцует и месяц на небе. Так, втроем — месяц, поэт и его тень — проводят они ночь. Но вот скрывается месяц, куда-то убегает тень, и пирушка заканчивается. Поэт удовлетворен. На завтра назначается новое свидание.

Этот Ли Бо был одним из основателей клуба «Шести бездельников источника под бамбуками» и один из «восьми бессмертных винной чары». Кончил он жизнь тем, что, пытаясь в пьяном виде поймать отблеск луны, перевесился через борт лодки и утонул.

богатейшее культурное прошлое, которому позавидовать приходится большинству народов мира. Нужно понять, что вот эти самые китайские милитаристы, компрадоры и прочие, а, с другой стороны, и бедняки-кули являются обладателями величайших культурных достижений в области слова, живописи и многого, многого другого. Здесь сказано: кули... Да, и кули! Ибо даже простой неграмотный пекинский кули знает, кто был Ли Бо и Ду Фу, знает и других поэтов давно ушедшей в историю эпохи. И не только знает их имена, но и некоторые из их произведений. Если когда-нибудь вам придется побывать в Пекине и вы увидите какого-нибудь ужасно важного американского культуртрегера, едущего в тележке, которую рысью везет полуголодный рикша, — знайте, что в девяти случаях из десяти не тот, кто едет, а тот, кто везет, является представителем более высокой культуры!

Ибо правильно сказал на одном официальном банкете китайский ученый некоему представителю высокой американской культуры, приехавшему, по его же заявлению, «поднимать китайцев»:

«У нас были большие достижения, но мы не знаем многого, очень нужного, без чего нам не пойти дальше. У нас есть литература, есть искусство, есть поэзия. Но наше водоснабжение никуда не годится, у нас плохи дороги, мы не имеем даже культурных уборных и страдаем из-за отсутствия гигиены. Выучите нас устраивать хорошие уборные, и мы сумеем отблагодарить вас тем, чего нет у вас».

Конечно, это только ирония. Конечно, Китай, нуждается не только в культурных уборных, но и во многом другом, что есть в Америке и чего нет и не так скоро будет в Китае. И тем не менее, в этом ироническом ответе слишком высоко задравшему нос заморскому просветителю доля истины есть. Стране небоскребов и по Форду рационализированного труда есть чему позавидовать и чему поучиться в Китае, позавидовать хотя бы тому, что вот еще в такую отдаленную эпоху, как Тан'ская, когда предки нынешних Вильсонов еще панталон, как следует, носить не умели, были в Китае писатели, которые не в пример нынешним гонителям дарвинизма вслух издевались над увлечением его величества буддийскими фокус-покусами, взывали к здравому смыслу и даже платились за это ссылкой, но ссылкой почетной, а не такими наказаниями, какие придумывают американские хранители устоев для людей науки.

Сатира одного из этих писателей, написанная по поводу торжества по случаю перенесения из Индии «кости Будды».

до сих пор славится, как образец литературного достижения.

Итак, предоставляя другим писать о литературе Тан'ской эпохи с точки зрения ее художественной ценности, остановимся лишь на ее социально-историческом значении.

Самое важное и существенное здесь то, что она не была феодально-героической. Это — «дворянская» поэзия, поэзия, типичная для эпохи растущего торгового капитала. Такой является она и по темам и по настроениям и, наконец, по общественному положению ее представителей. Большинство их — чиновники разных степеней или же люди, державшие государственные экзамены, но почему-либо не сделавшие чиновничьей карьеры или же оставшиеся за бортом в самом начале. Есть среди них, правда, и придворные «кавалеры» и дамы, есть даже один император (он написал об иге евнухов) и одна императорская дочка, но основной кадр поэтов — служилое сословие. К тому же, ведь и при дворе Людовиков, т.-е. в несомненно дворянско-купеческую эпоху, придворная поэзия была сильно развита. Словом, если подходить к изучению эпохи с идеологической меркой, то надстройка покажет то же, что показывают факты невозможности бороться со скупкой земель, факт роста торговли, появления вполне завершенного типа монет, изобретения книгопечатания и т. д.

О том же говорит и язык Тан'ской эпохи. По словам Джайльса и по свидетельству Ли Юнбина, он сильно изменился по сравнению с до-Танской эпохой. Он обогатился, стал более гибким и изящным, в нем исчезла прежняя деревянность, излишние оковы были выброшены из поэзии, дан был выход воображению, словом, он пережил ту эволюцию, какую переживает язык во все эпохи, когда на смену феодальной знати приходит дворянин и представитель торгового капитала [1]).

Остается сказать, что тан'ская поэзия сыграла огромную роль и за пределами империи. Она «заразила» соседнюю Японию, приобщение которой к китайской культуре привело к мощному расцвету так называемой классической литера-

[1]) Изучавшие литературный китайский язык, окончательно развившийся при дин. Сун, утверждают, что он не имеет себе равных по гибкости и разработанности. Такого же мнения и профессор Рудаков. Автор этих строк не компетентен в данном случае, но он не может не отметить, что как современный китаец, так и японец, поскольку японский язык китаизировался, абсолютно не нуждаются в заимствовании европейских слов для обозначения совершенно новых для них понятий. Японцы, правда, иногда употребляют искаженные европейские слова. Но это не более, как «фасон» — мода и довольно безвкусная, нужно сказать, мода.

туры, во многих отношениях оставшейся не превзойденной впоследствии. И там, в недавно полудикой Японии, появились сборники избранных стихотворений, переживших века.

Китай был тогда Элладой Дальнего Востока. Он был той страной, чьи школы стали магнитом для японцев, корейцев, тибетцев, для жителей степей, для таких даже далеких сравнительно мест севера, как наше современное Приморье. Среди учеников существовавших тогда в Чан'ане школ были и сыновья правителей соседних стран. Чан'ань был тогда для Востока тем, чем недавно Париж для Европы.

В тогдашних школах было не только простое заучивание классиков. На государственных экзаменах интересовались и способностью кандидатов самостоятельно мыслить. Задавались вопросы о их мнениях относительно тех или иных мероприятий, социальных и экономических, о их взглядах на внешнюю политику государства и т. д. Конечно, все это только в не широких пределах. Но большего и трудно было бы ожидать.

Школ было, конечно, не очень много. Но уже одно то, что кандидаты являлись на экзамены в столицу со всех областей, показывает, что учителя были и вне Чан'аня. Были и общественные библиотеки. Их появление относится еще к эпохе Суй'ской династии (581—617), когда они были открыты в разных городах империи и когда, если верить Масперо, уже существовало книгопечатание. Впрочем, трудно сказать, насколько они были тогда доступны для широкой публики.

Искусство было сильно развито во время Тан'ов. Благодаря Лауферу, мы знаем теперь, что в области производства художественного фарфора Тан'ская эпоха мало уступала нашему времени. Развито было и производство художественных изделий из бронзы; особенно славились тан'ские бронзовые зеркала. Что касается живописи, то ее блестящее развитие относится уже к более поздней, Сун'ской эпохе. Образцы скульптуры как светской, так и буддийской, духовной, тоже достигли высокого совершенства. Во всем этом Тан'ский период сделал по сравнению с предыдущим шаг вперед.

Теперь посмотрим, каким было положение церкви, игравшей такую колоссальную роль в предыдущую эпоху, особенно в Северно-Вэйском государстве. Не было ли со стороны государства того стремления подчинить ее себе, сделать ее своим орудием, какое наблюдалось при оформлении дворянско-купеческих государств во всем мире — во Фран-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

ции в XIV веке, в Германии, в Англии, в России при Иване Грозном, в Японии при Токугава и т. д.?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него.

Ведь уже один тот факт, что противники буддизма наказывались так мягко, яснее ясного показывает отсутствие господства церковников и на их подчинение государству. Церковь, конечно, и при Тан'ах оставалась силой и умела отстаивать себя. Так, например, тот император, который в 845 году рискнул отобрать в казну монастырские земли и разогнать монахов, уж очень как-то быстро умер после этого, и уж очень как-то усердно старался его сын о ликвидации антирелигиозного наследия отца. Но способность отстаивать себя еще далеко не господство. Ведь и наше отечественное православие умело очень больно кусаться, но от этого оно не переставало быть тем, чем было, т.-е. духовно-полицейским ведомством в руках торгового капитала. Но мы имеем и прямые указания на подчинение церкви государству.

Одним из таких указаний является существование особых правительственных комиссаров, на обязанности которых лежал неустанный, даже мелочной надзор за буддийской и даоской церковью, особенно за монастырями. Чтобы стать монахом, нужно было получить от комиссара специальное на это разрешение, и монастырь, допустивший к себе в число братии не имеющего соответствующего разрешения, нес ответственность. Веротерпимость не мешала правительству вмешиваться и в такие, например, дела, как внутренняя обстановка мечетей, от настоятелей которых требовалось, чтобы рядом с таблицей с именем пророка была и таблица с именем императора. Над христианами, огнепоклонниками и т. д. тоже было учреждено наблюдение.

Что церковь рассматривалась, как орудие государства, и что она пережила ту эволюцию, которая обычно переживается в соответствующие эпохи, тоже имеются совершенно ясные доказательства. Об этом свидетельствует история даоской церкви.

Даосизм в том виде, в каком он существовал при Тан'ах, мало напоминал учение Лао Цзы, умершего за 1000 лет с лишним перед тем. Учение Лао Цзы, чрезвычайно туманное, абстрактное, мало говорящее умам простых людей, превратилось в его практическом истолковании в нечто весьма удобное и портативное. От «дао», о котором можно много говорить, но определенное что-нибудь сказать трудно, ничего

не осталось. Зато появился вполне оличненный господь-бог в лице Юань Ши Тянь Цзуна — бога основопричины, небесного отображения абсолютного императора. Но поскольку у земного императора обязательно имеется свой первый министр, то и к небесному государю был назначен ближайший помощник в лице бывшего библиотекаря дома Чжоу — самого Лао Цзы, которому в подчинение даны были особы поменьше, апостолы, святые и прочие, набранные частью из учеников Лао Цзы (лиц далеко не исторических), частью из бывших губернаторов, начальников уездов и прочих должностных лиц.

А чтобы связать небесное с земным, поступили по рецепту, применявшемуся во всех странах и у всех народов. Просто-на-просто нашли богобоязненного старичка, который увидел соответствующий видам и намерениям правительства сон, и из этого сна сделали соответствующие выводы.

А сон этот был такого рода. Явился человек с длинными ушами (признак мудрости) и, отрекомендовавшись духом Лао Цзы, сказал:

— Иди и скажи государю, что я его предок.

Сновидец послушался, явился к основателю династии, отцу Тай Цзуна, и передал порученное. Тот, конечно, поверил и немедленно отдал распоряжение о постройке в честь «предка» храма. Впоследствии Лао Цзы получил звание Юань-Юань-хуанди, что означает в вольном переводе первый из первых императоров (Юань значит основание, начало), чем и была завершена смычка с небом [1]).

Затем, как водится, даосские священники получили освобождение от налогов и повинностей и в каждом уезде было построено для них по монастырю. Среди обитателей этих монастырей оказывались впоследствии и члены императорского дома.

Однако, даосизм не мог занять монопольного положения; буддизм оказался слишком сильным. К тому же, между двумя религиями уже давно происходило взаимодействие, сделавшее их как бы продолжением друг друга. В силу этого, уже при Тай Цзуне, втором Тан'ском императоре, буддизм занял равное с даосизмом положение в государстве. Когда

[1]) Читатель спросит, а как же обстояло дело с предками самого Лао Цзы, ведь они же были еще «первее»? Пустяки! Лао Цзы, как и всем в его положении полагалось, родился без всяких мужских предков. Его мать была, конечно, девственницей. Затруднение, таким образом, отпадало.

некий Юань Цзун, знаменитый пилигрим, 16 лет проведший в Индии и вывезший оттуда 657 буддийских санскритских книг, перевел их и издал, предисловие к ним дал сам Тай Цзун, чем, конечно, сделал их гораздо более популярными, чем если бы они были изданы без этого. Его сын Гао Цзун дал предисловие к другим трудам знаменитого монаха, а императрица У Ши, жена преемника Тай Цзун'а и фактическая правительница (сам Гао Цзун был у нее на положении телефонной трубки), пошла еще дальше.

Нужно сказать, что эта дама была вначале одной из гаремных обитательниц при дворе Тай Цзуна, уже человека в летах. У Ши не было и 27 лет, когда он умер, и ей, как это полагалось по тому времени всем «вдовам» императора (хотя она быть может никогда его женой и не была) пришлось поступить в монастырь, в монастырь буддийский. Скоро ей, однако, удалось оттуда выкарабкаться и оказаться вновь в гареме, но на этот раз уже не отца, а сына. Очень скоро она овладела новым правителем целиком и стала его соправительницей. А после смерти мужа сделалась сначала регентшей, а потом и «хуанди» [1]).

Но мало показалось этого честолюбивой женщине. Ей, как причастной к буддизму, удалось заживо стать богом. Она сделалась «Майтрея» — «буддой, которому предстоит родиться», а ее придворные дамы сделались в меру сил и способностей воплощениями бодисатв [2]). Таким образом, смычка была установлена и с буддийским пантеоном, что не исключало достигнутой ранее связи с небом даосцев. А так как предприимчивая женщина-император усмотрела возможность использования и христиан, то она не замедлила приблизить к своей особе и несторианских миссионеров, уже ранее обласканных Тай Цзуном и ее мужем. Вот только с магометанством, зороастрианством и иудейством она, насколько нам известно, не установила определенных отношений.

---

[1]) «Хуанди» значит император, а не императрица. Рассказывают, что эта бойкая женщина, не желая оскорблять консервативных чувств своих министров видом женщины на троне, являлась на их заседания с подвязанной бородой. Вероятно, это измышление кого-нибудь из «бессмертных винной чары», среди которых был один из ее больших друзей, поэт, впоследствии прогнанный ею. Но анекдот все же характерен, как рисующий нравы эпохи (из Джайльса).

[2]) Бодисатва — человек, достигший наивысшей после Будды степени духовного озарения.

Буддизм процветал и при ее преемниках. Лишь в 845 г., отчасти из-за интриг даосцев, а больше из-за того, что буддийская церковь слишком разбогатела, внезапно начались гонения, при чем было уничтожено 4.600 монастырей, разрушено 40.000 меньших зданий и 260 тысяч монахов и монахинь было разогнано в качестве «бездельников и вредных людей». Одновременно в одном Чан'ане было перебито 70 манихейских (христианских) монахинь.

Это был единственный случай проявления религиозной нетерпимости при Тан'ах, но случай, гибельно отразившийся на христианстве, которое после этого продолжало держаться только на окраинах империи. Что же касается буддизма, то скоро он расцвел опять.

В качестве показательного примера терпимости, можно указать на тот случай, который имел место при императоре Дай Цзуне (не «Тай»). Он был ревностным буддистом и тем не менее дал манихейцам грамоту, в которой их учение характеризовалось, как «луч света, проникающий сквозь тучи». Что касается Тай Цзуна, то о его веротерпимости свидетельствует каменная таблица в Сианьфу (быв. Чан'ань) с надписями на двух языках, восхваляющая его за покровительство христианству.

Что религия была хорошим средством управления, свидетельствует хотя бы тот факт, что исчезновение из обращения медной монеты объясняли приверженностью населения к буддизму — собранные деньги иногда переплавлялись, и из них делали священные изображения.

Относительно же гостеприимного отношения к иноземным религиям можно сделать то предположение, что в нем видели средство привлечь купцов. В частности арабов привлекали позже и другими средствами, например, специальным понижением таможенных ставок. Что же касается несториан, то они были довольно сильны в Восточном Туркестане, т.-е. на торговом сухопутном пути. Манихейство же было религией уйгуров, спасших династию во время восстания Ань Лушаня в 755 году. Когда же манихейцев преследовали, уйгуры были уже бессильны.

Философия была той областью умственной деятельности, которая не развивалась при Тан. Ее временем была эпоха Сун'ов.

XX.

Три века борьбы с инородцами.

Значение для Китая этого времени и роль кочевников.

В конце X века рассыпавшаяся империя Тан'ов была вновь объединена под властью династии Сун, продержавшейся почти до конца XIII века. Но только в первой половине эпохи своего правления она была хозяйкой всего Китая. С 20-ых годов XII века она разделяла власть в нем с пришельцами из Маньчжурии, овладевшими почти всей территорией, которую занимал китайский народ в древности.

Сун'ам они предоставили юг, бывшие окраины Китая.

Уж это одно показывает, что истории северных инородцев нужно уделить достаточно внимания. Им и посвящена эта глава, охватывающая целых три столетия Сун'ского времени.

Но ради сохранения перспективы нужно раньше сказать несколько слов о значении этих трех столетий для внутренней жизни Китая, как-раз тех столетий, отметим мимоходом, когда происходили крестовые походы на Западе.

При Сун'ах Китай поднялся на еще более высокую ступень развития, чем при Тан'ах и чем в древности. Его ремесленная промышленность развилась сильно, книгопечатание стало обычным. Производство фарфора достигло величайшего совершенства. Развилась внутренняя торговля. Денежная система усложнилась. Роль кредитных билетов стала очень большой. Внешняя торговля приняла значительные размеры. В области управления империи не наблюдалось больше прежнего самоуправства губернаторов. Абсолютизм окреп. Развитию абсолютизма соответствовала и господствовавшая система философии, ставшая с тех пор официальной и сохранившая такое положение почти до наших дней. Большой прогресс в живописи — другое крупное достижение сун'ского времени. Характерно для него было и окончательное оттеснение из области искусства религиозного духа. Светское направление определенно восторжествовало. Язык достиг наибольшего совершенства.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Существует мнение, что Китай и вообще достиг тогда наивысшей ступени своего развития, уже не достигавшейся впоследствии. Мы не разделяем этого взгляда.

Перейдем же теперь к кочевникам, непрерывная борьба с которыми составляла главное содержание внешней политики Сун'ской эпохи. О внутренней жизни страны будет рассказано подробнее в следующей главе.

Постоянные столкновения из-за пастбищ и иных угодий, а также отчасти из-за стремления господствовать на торговых путях были причиной непрерывной смены названий тех квази-государств, которые возникали и разрушались на степной границе Китая и дальше к северу, северо-востоку, северо-западу и к западу от нее. Эта вечная смена названий страшно затрудняет изучение отношений Китая с его северными соседями, столкновения с которыми сыграли такую огромную роль в его истории. Непрерывная почти борьба со степью при Хань'ской династии, возникновение множества инородческих по династии государств в Северном Китае в эпоху распада империи, связь Тан'ов со степняками вначале и зависимость от степной помощи в эпоху упадка, хозяйничанье степняков на китайском севере в X веке — обо всем этом уже говорилось. Но в дальнейшем роль степняков и обитавших по соседству с ними жителей Маньчжурии становится еще больше.

С начала XII века они являются уже полными хозяевами той части Китая, в которой зародилась, развилась и откуда 2 тысячи лет тому назад только отчасти распространилась по направлению к югу китайская культура. Конец XIII века отмечен уже небывалым до тех пор явлением, — господством степняков на всем пространстве Китая и не только Китая, но и тех южных и западных земель, на которые сам Китай не умел надолго распространять свою власть. Свержение степной власти в XIV веке не привело к улучшению положения Китая; наоборот, почти трехвековое господство Мин'ской династии (1368—1644) является чуть ли не худшим временем в истории Китая. И когда инородческая волна надвигается с севера опять, когда воцаряются маньчжуры, Китайская империя достигает не надолго высшей ступени своего экономического и политического развития.

Но не одно только политическое господство инородцев заслуживает нашего внимания. Надо учесть и факт их биологического и культурного воздействия на Китай. Жители севера, начавшие играть активную роль в истории Китая с древнейших времен, уже в I в. н. э. массами селились в Китае, сме-

шивались с китайцами, усваивали их культуру и в конце концов превращались в китайцев. В VII веке и позже они отчасти сами повлияли на китайцев, передав им свой костюм, некоторые свои бытовые черты и свои вкусы. Смотреть на степняков, как на нечто привходящее и несущественное — это почти равносильно тому, что приписывать существование западной культуры исключительно грекам и итальянцам, совершенно сбрасывая со счетов германцев, кельтов и славян. Ибо роль степняков в Китае может быть, если не вполне, то в значительной степени, сравнена с ролью трех европейских групп арийского племени.

Кто знает, быть может, современный китаец имеет даже больше степной и маньчжурской крови в своих жилах, чем унаследованной от своих предков эпохи Чжоу.

Все это настолько крупно, что мы ни в коем случае не можем пренебрегать историей самих степняков. Нам придется начать с киданей, которые сыграли особенно заметную роль в разбираемую здесь эпоху.

Борьба с киданями и тангутами.

Кидане, народность тунгусского происхождения, занимали в эпоху Тан'ов ту часть Внутренней Монголии, которая близка к северному колену Хуанхэ. В IX веке они объединились в союз племен, вожди которых поочередно занимали положение общесоюзных предводителей. Ослабление Тан'ской империи позволило киданям продвинуться к югу, в пределы земледельческой полосы, и уже в самом начале X в. произошел переход части киданей к земледелию и оседлости. Тогда же появляются у них и укрепленные города. Переход киданей к оседлости сопровождался вселением на их территорию китайских крестьян, ремесленников и представителей других профессий, что было вполне естественно при тех условиях, которые создались в пределах коренного Китая. Таким образом, здесь происходила «диффузия народностей», а не одностороннее проникновение, как это наблюдалось в Италии во времена германских нашествий V—VIII веков. Одновременно происходила быстрая китаизация киданьских верхов, и китайские ученые играли уже значительную роль при дворах вождей [1]). Само собой разу-

[1]) Читатель, вероятно, уже обратил внимание на созвучие «Китай» и «Кидань». Оно не случайно. Дело в том, что слово «Китай» и происходит как-раз от «Кидань». Сами китайцы называют себя Чжунго-жэнь (срединного государства человек), а раньше называли себя по имени правившей династии или, наконец, «людьми Хань'ей», но только не так, как мы их называем. В средине века слово «Китай» применялось и в Западной Европе, но произносилось «Катай».

Собрание В. Г. Белинского
http://lib.ru/

меется, при таких условиях прежний тип киданьского объединения существовать уже не мог. Вместо союза племен неминуемо должно было развиться племенное государство с тем племенем, которое занимало экономически наиболее развитый, т.-е. в данном случае земледельческий район, во главе. И действительно, вождь этого племени в год падения Тан'ской династии (907) отказался от передачи предводительской власти очередному вождю (они сменялись каждые три года) и объявил себя несменяемым. Сразу это ему, впрочем, не удалось, но в 916 году он сумел уничтожить всех своих соперников и стать королем всех киданей. После этого, как это часто бывало в степи до него и после него, территория королевства стала быстро увеличиваться, а к 960-ым годам она уже включала значительную часть Монголии и Маньчжурии. Что касается Китая, где перед 960 годом кидане создавали и свергали недолговечные династии, то он к концу семидесятых годов достаточно окреп, чтобы сделать попытку бороться со степной державой.

Но окреп он все же не настолько, чтобы уничтожить власть киданей в тех заселенных, главным образом, китайцами шестнадцати уездах, которые были уступлены Киданьскому королевству одной из послушных ему пяти после-танских династий. Первая попытка в этом направлении была сделана Сун'ской империей в 979 году, и она кончилась поражением императорской армии. Шестью годами позже империя вновь начала военные действия и одержала вначале некоторые успехи. Но счастье скоро изменило китайцам, и к 989 году (время княжения Владимира в России) Киданьское королевство овладело еще двумя китайскими уездами. Почти одновременно кидане овладели новыми пространствами в других направлениях: в Маньчжурии, где они подчинили племя нюйчжень, и в Корее, над которой они установили свой суверенитет. После этого они вновь начали движение на Китай.

В 1004 году армия киданей была уже на берегах Хуанхэ. Вопрос шел уже о самом существовании Сун'ской империи. Шла уже речь о переезде двора на юг. Но в конце концов, когда китайская армия, с самим императором во главе, выступила навстречу киданям, Китаю удалось заключить мир. Он был далеко не почетен для империи. Китай обязался ежегодно «дарить» киданям по 100 тысяч лан серебра и по 200 тысяч кусков шелка, при чем обычный в этих случаях вопрос о способе обращения государей друг к другу был разрешен следующим образом: китайский император дол-

жен был отныне называться «старшим братом», а киданьский «младшим братом». Иными словами, устанавливалось некоторое равенство между сторонами.

Киданьское государство продолжало расти и после этого. В середине XI века оно охватывало уже огромное пространство, простиравшееся от моря, с одной стороны, до Тяньшаня, с другой, и от реки Кэрулена, т.-е. почти от границ нынешнего Забайкалья, до урезанной в своих границах Сун'ской империи. Пекин был одной из их столиц; Ляоян, в Маньчжурии, был другой столицей. Кроме того, имелось еще три столицы. Это был момент высшего могущества Киданьского государства, или, как оно именовалось тогда, «Железной империи», — империи Ляо.

Но она не могла быть прочной, эта степная империя, столь слабо связанная экономически, социально и политически. Рано или поздно она должна была пасть.

Действительно, что представляла собой эта «империя», простиравшаяся на тысячи верст от туркестанских пустынь до Тихого океана и от сибирской тайги до Желтой реки? На юге ее были области, где было развито земледелие, где чувствовалось земельное утеснение, были древние города, давным давно выделилось и развилось ремесло, существовала значительная торговля и были налицо старые культурные традиции. Но по отношению к огромным пространствам на севере, маньчжурском северо-востоке и монгольском северозападе кидане были не более, чем господствующей в племенном государстве народностью, которая если бы и хотела этого, то не могла уничтожить племенного самоуправления подчинившихся ей других народностей, — подчинившихся частью номинально. Сильные внутренние трения были неминуемы.

Одной из таких подчинившихся народностей были нюйчжени, которые в конце концов и разрушили могущество киданей. Но это произошло уже на много лет позже, а именно в 1123 году, через два столетия после оформления киданьской державы. Об этом будет рассказано ниже. Здесь же придется вернуться к началу XI века.

Кидане были не единственным племенем, с растущей мощью которого приходилось считаться Сун'ской империи. Ей, сделавшей в 1004 г. уступки киданям, ровно через 40 лет пришлось еще больше уступить новым врагам. Этими новыми противниками были тангуты, жители нынешней Ганьсу и соседней с этой северо-западной провинцией Собственно-Китая тибетской областью Куку-нор.

Появились тангуты в пределах Китая еще в тот период, когда Тан'ская империя была могущественной и славной; появились не как враги, а как ищущие защиты беженцы. С разрешения императора Тай Цзуна (627—649 г.г.), они поселились на окраине Китая, при чем им было оставлено их племенное самоуправление. В течение двух с половиной веков они вели себя очень лойяльно, а когда в Китае вспыхнуло то восстание, которое привело к падению династии (881 г.), они были на стороне Тан'ов.

Распад Тан'ской империи позволил тангутам образовать свое независимое государство, которое, пережив эпоху распада Китая (907—960), осталось прочным и после появления у власти Сун'ов. Формально они признали императоров новой династии «отцами» своих королей, но фактически положение было таково, что Сун'ам очень и очень приходилось заботиться о поддержании дружбы с подданными своих «сыновей». Киданьские государи тоже считались с тангутами, а последние слали свои подарки то Сун'ам, то «Железной» империи киданей, — в зависимости от того, кто в данный момент был или казался сильнее.

В 1032 году во главе тангутского государства, которое китайцы называли Си Ся, что означает «западное Ся», стал энергичный вождь, при котором изгнаны были из Ганьсу жившие там уйгуры, создана тангутская письменность (сходная по начертанию букв с китайской иероглифической), расширена территория и начались частые набеги на китайские земли. Сун'ская армия оказалась неспособной справиться с этим новым врагом, и императорское правительство сочло за благо, оставив сопротивление, просто откупиться от тангутов. В 1043 году мир был заключен. Китай обещал ежегодно дарить «императору великого Ся», как теперь стал называть себя тангутский вождь, по 250 тысяч лан серебра, 250 тысяч кусков шелка и 250 тысяч кэтти чая, т.-е. больше, чем раньше киданям.

К этому времени и кидане («империя Ляо») выговорили себе удвоение прежних ежегодных подарков. Таким образом, китайские императоры платили теперь дань и киданям и тангутам — и «младшему брату» и «сыну».

В 1070-ых годах, когда у власти стоял в Китае Ван Аньши (совершенно неосновательно называемый «китайским Лениным»), кидане путем дипломатического нажима добились уступки новых китайских территорий. Одновременно китайцы испортили свои отношения с тангутами посылкой на северо-запад армии, задачей которой было прервать связь

между Тибетом и «Великим Ся». Экспедиция оказалась безрезультатной. Но она автоматически прерывала действия договора 1043 года и формально развязывала руки тангутам — «Великому Ся».

Борьба с нюйчженями.

Итак, к началу XII века в пределах того, что до 1911 года было Китайско-Маньчжурской империей, находились: империя Сун'ов, занимавшая большую часть Собственно-Китая, империя Ляо (киданьская), владевшая Маньчжурией, Монголией и северо-восточными окраинами Собственно-Китая и считавшаяся сюзеренной по отношению к Корее, и империя Си Ся, владевшая северо-западными окраинами Собственно-Китая и прилегающими к ним частями степи. Кроме того, независим был Тибет, а на юго-востоке Собственно-Китая находилось государство Наньчжао, объединявшее нынешнюю Юньнань, западные части Гуйчжоу и Гуанси.

В XIII веке политическая карта Дальнего Востока была перекроена заново, перекроена в ущерб Китаю и в погибель киданям. Виновниками этой перекройки были уже известные читателю нюйчжени, до тех пор слабое племя, признававшее себя вассальным киданям и по происхождению родственное им.

Кто же были эти новые противники Сун'ской империи?

До X века слово «нюйчжень» не было в употреблении у китайцев, и те племена, которым впоследствии было присвоено это имя, носили другие названия, в зависимости от того, какое племя у них стояло во главе. Они были для китайцев то «Илоу», то «Удзи», то «Мохэ», то, наконец, «Бохай», как называлось то государство, которое занимало пространство, ныне обслуживаемое К. В. ж. д., в Маньчжурии, и Владивостокский округ, в СССР. Объединителями нюйчженей и основателями их империи явились восточные роды, обитавшие к востоку от Сунгари.

Мало кому известные, незаметные, восточные нюйчжени появились на исторической сцене совершенно неожиданно. Объединившись вокруг своего вождя Агуда, они в 1114 году отказались признавать власть киданей (империи Ляо), выступили против них, разбили их армию и провозгласили Агуду императором Айсин Курун, что означает Золотая империя. Новорожденная «империя» быстро справилась с сопротивлением киданей, взяла их Восточную Столицу и заняла всю территорию, населенную в Маньчжурии западными нюйчженями, которых китайцы звали в отличие от их соплеменников

«цивилизованными нюйчженями», — восточные числились у них в «нецивилизованных» [1]).

Возвышение нюйчженей было для Сун'ской империи радостным событием; китайцы думали, что, войдя с ними в союз, они сумеют общими усилиями справиться со своими старыми врагами, киданями. Но их расчеты не оправдались. Союз с «Золотой империей» (Цзинь Го по-китайски) был заключен, но он привел только к тому, что еще более осмелевшие нюйчжени в 1123 г. окончательно разбили киданей и заняли всю ту территорию их «Железной» (Ляо) империи, которая находилась вне Собственно-Китая. Что же касается китайских областей империи Ляо, то в них действовали сун'ские войска и действовали настолько неудачно, что, не явись им на помощь победоносная армия нюйчженей, они были бы разбиты совершенно.

Нюйчжени спасти сун'скую армию спасли, но выполнить условия договора 1120 года, сводившиеся к возвращению Китаю отнятых у него киданями территорий, отказались. Лишь после длительных переговоров они поступились шестью уездами из оговоренных шестнадцати, но зато обязали Сун'скую империю уплачивать ежегодную дань в один миллион связок, по тысяче чохов (медных денег) в связке.

Из киданьского огня сун'цы попали в нюйчженьское полымя.

Но это было только начало. Нюйчжени скоро нашли повод, чтобы обрушиться на основные владения Сун'ской империи, разбили ее армию, осадили Сун'скую столицу, взяли контрибуцию в 2 миллиона лан (унций) золотом и 5 миллионов лан серебра, взяли заложников, заставили китайского императора признать своего вождя «дядей» и добились новых территориальных уступок. Это было в 1126 году.

---

[1]) Восточная Столица в данном случае имя собственное. У народов китайской культуры это обычное явление. Так, слово Токйо тоже означает восточная (то) столица (кйо), Бэйцзин или Пекин означает северная (бэй) столица (цзин), Наньцзин или Нанкин — южная столица. Север, юг, запад и восток (бэй, нань, си и дун) вообще чрезвычайно часты у китайцев и их соседей в качестве составных частей имен собственных. Хубэй, Хунань, Шаньдун, Шаньси, Гуандун, Гуанси, Хэнань, Шэньси и Цзянси — примеры этого. Соответствующие японские названия стран света — хоку, нан, сей и то. Обычай называть места по странам света распространен в Корее и Аннаме. Нужно пояснить, что в Северном и Южном Китае чтение иероглифов неодинаково. Вот причина того, что пользующиеся английской информацией люди часто называют Хубэй — Хупэ, Шаньдун — Шантунг, Цзянси — Киангси и т. д.

В том же году нюйчжени, придравшись к тому, что сун'цы пытались поднять побежденных киданей на восстание, вновь подошли к столице, вновь ее осадили, взяли в плен императора и его отрекшегося от престола отца, полонили многое множество сановников, придворных дам и т. д. и всех их увели к себе в Маньчжурию, предварительно дочиста ограбив столицу, которой нечем было платить контрибуцию. Императором был объявлен брат уведенного в плен, и это было поводом для нового наступления нюйчженей. Несмотря на сопротивление главкома, армия которого успешно удерживала это уже третье по счету наступление, двор решил переселиться на юг, на низовья Янцзы, и там отсиживаться.

Это событие рассматривается, как конец собственно-Сун'ской династии и начало династии Нань Сун, т. е. южных Сун (1126).

Дальнейшая борьба была менее счастливой для нюйчженей. Они потерпели поражение на переправах через Янцзы (близ Нанкина), их план использовать восстание в тылу у сун'цев не удался, а созданное ими при помощи китайских изменников буферное государство в нынешней Хэнани не принесло ожидавшейся от него пользы. В 1137 году сун'ская армия, под предводительством генерала Юэ Фэй (или Ио Фэй), оказалась даже способной перейти в наступление по направлению из Хубэя в Хэнань, что сводило на-нет удачи нюйчженей на правом фланге (в Сычуани).

Если верить историкам, китайцы только потому не сумели справиться с нюйчженями, что император доверился изменнику-министру, который отозвал шедшего от победы к победе Юэ Фэй'я и добился его смерти, о чем, еще будучи в плену, договорился с врагами. Правда ли это, или только патриотическая басня, в конце концов не столь важно. Но важно то, что в таком толковании чувствовалась необходимость и что, следовательно, сознание национальной гордости, возникающей только на известной ступени социально-политического развития, было уже в Китае налицо [1]).

В 1142 году мир с нюйчженями был, наконец, подписан. По этому миру Сун'ский император признавал право нюй-

[1]) Память о Юэ Фэй, как о национальном герое, военном гении и верном своему долгу человеке, пережила века. Могила его в Ханьчжоу (в Чжэцзяне) почитается до сих пор, портреты, стилизованные, как это обычно у китайцев, украшают учебники и жилища. По преданию, его с большим трудом удалось заставить оставить борьбу. Когда же он, наконец, вернулся, его оговорили, посадили в тюрьму и там потихоньку прикончили вместе с его сыном, тоже отличившимся на войне.

чженей утверждать его и его преемников в императорском звании, обязывался платить дань в размере 250 тысяч лан серебра и 250 тысяч кусков шелка и уступал северные территории. Нюйчжени, со своей стороны, ограничивались только одним обязательством: они отпускали из плена мать императора и отдавали останки его умершего в плену отца. Что касается его брата, бывшего императора, то преемник предпочел оставить его у врагов, чтобы не уступать ему места.

Торжество нюйчженей было полное. Еще совсем недавно, всего 28 лет тому назад, ничтожное племя, затерянное среди лесов и сопок Восточной Маньчжурии, мало того, подчиненное другому племени, оно было теперь во главе государства, охватывающего все пространство от низовьев Амура до границ нынешних провинций Сычуань, Хубэй и Цзянсу и от Хингана и западной части Шаньси до моря. В его руках теперь были почти все те места, которые находились под властью Китая до Хань'ской династии, была вся Внутренняя Монголия, почти вся нынешняя Маньчжурия, все Приморье и Северная Корея. Сун'ам отошло только то, что Китай приобрел после завоеваний Цинь Ши-хуанди.

Что касается северо-запада, то он продолжал оставаться в руках Си Ся (тангутов). Кроме того, образовалось из остатков киданей новое государство — Западное Ляо, опиравшееся на сочувствие оазисных городов Восточного Туркестана. Попрежнему существовало Тибетское государство и государство Наньчжао на юго-западе. Положение Северной Монголии было неопределенным.

Но вот именно там, на границах Забайкалья, возникал новый очаг войн и передвижений племен. Только одно неполное столетие исторической жизни предстояло нюйчженьской империи, столь невероятно быстро выросшей из ничего. Новой волне предстояло смести и «Золотую империю» нюйчженей и Великое Ся тангутов, и Сун'скую империю, и все другие государства, которые здесь упомянуты. Корее, Персии, Индии, Грузии, России и множеству других тоже предстояло стать жертвами будущего движения.

Но пока все было сравнительно спокойно. Наступило относительное равновесие. Сун, Цзинь (нюйчжени) и Си Ся разграничились и с 1142 года уже не так сильно тревожили друг друга. Но полного мира все же не было. Новые столкновения происходили в 1161—5 годах и закончились миром, несколько улучшившим для Сун прежние условия. Правда, император Цзинь'я попрежнему был «дядей», а Сун'ский император «племянником». Но сюзеренитета Цзинь над Сун

уже не было. Уменьшена была на 20 процентов и дань. В 1208 году Сун'ская империя еще раз сделала попытку покончить со своим подчинением Цзинь, но поплатилась тремя миллионами лан контрибуции и увеличением размеров дани. Скоро, однако, Сун, воспользовавшись нападениями монголов на Цзинь, вовсе перестали платить дань. А еще 12 годами позже, в 1240 году, Сун'ская империя попыталась уничтожить империю Цзинь вовсе. Чтобы осуществить эту свою заветную цель, она вступила в соглашение с монголами, т.-е. повторила ошибку 1120 года, когда вошла в союз с Цзинь против Ляо (с нюйчженями против киданей). Результат, как будет рассказано ниже, был на этот раз еще более трагический.

Тем временем удивительное превращение произошло с нюйчженями. Их самобытность исчезла в течение всего лишь одного столетия. Издание строгих законов против ношения китайского платья, против подражания китайцам в нравах и обычаях и запрещение изучать китайскую литературу по китайским книгам, а не по переводам, не помогало. Нюйчжени быстро окитаивались и в конце концов совсем слились с побежденным народом. Перед тем та же метаморфоза произошла и с киданями. Судьба обоих племен оказалась той же, что некогда (в VI веке) северно-вэй'ских Тоба.

Ручеек, с таким шумом влившийся в китайское море, исчез бесследно. И, когда полутысячелетием позднее новая волна маньчжурского нашествия пришла в Китай, победители не обнаружили среди побежденных никаких следов своих соплеменников. А затем затерялись во всепоглощающем море и они.

Итак, вот общая картина борьбы между инородцами и Китаем за время существования Второй империи.

При Суй'ской династии (581—617 г.г.) инородцы тревожат границы. При первых Тан (VII в.) помогают новой династии; потом нападают на ее владения, терпят поражение и в конце концов сами подчиняются ей. В следующих VIII и IX веках они в лице тибетцев производят опустошительные, но короткие набеги извне, а в лице киданей являются главными участниками восстаний внутри. Но другие инородцы (уйгуры) оказываются союзниками династии. В X веке инородцы-кидане ставят и сбрасывают в Китае династии, но еще слишком слабы, чтобы овладеть Китаем; они еще только пользуются смутами, чтобы отрывать лакомые куски. Когда это им удается и их племенной союз превращается в государство, они переходят в наступление и делают империю своей

Тан'ские правители.

Императрица У Ши, правившая Китаем в VII—VIII веках.

Тай Цзун, фактический основатель династии Тан, знаменитый завоеватель.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Ван Ань-ши, «китайский Ленин».

Военное судно эпохи Сун'ской династии.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://bookuraic.ru/

данницей. То же делают тангуты. По прошествии столетия с четвертью киданьская держава, совершенно окитаившаяся, внезапно разрушается новым инородческим потоком, и в результате почти половина Китая становится с 1127 года владением выходцев из Маньчжурии, империя которых тоже окитаивается. Новая монгольская волна, о которой речь впереди, приходит в следующем веке и овладевает оставшейся половиной Китая и одновременно распространяется на большую часть культурных стран Евразийского материка.

Об этом последнем и наиболее мощном извержении центрально-азиатского вулкана и пойдет теперь речь.

Начало монгольских завоеваний.

Монголы, народность, повидимому, ведшая свое происхождение от древних гуннов, кочевали между реками Кэрулен и Онон, т.-е. в юго-восточной части нынешнего Забайкалья и в прилегающих частях нынешней Монголии. Сначала они были под властью киданей, потом Цзинь'ской империи, но при деде Темучина (будущего Чингиз-Хана) освободились от Цзинь'ской власти. Только с этого времени они и стали называться монголами. До тех пор они были известны под другими названиями. Между 1187 и 1206 годами (в 1204 был начат Четвертый крестовый поход) между племенами, заселявшими Монголию, шла кровопролитная война, которая закончилась торжеством монголов и избранием на съезде князей (курултае) Темучина, их племенного вождя, великим князем, чингиз-ханом. После этого выражение «монголы» стало применяться ко всем объединенным Темучином племенам, населявшим степь. Затем степняки перешли от междуусобных драк к завоеванию соседних земель.

Это было в 1206 году. Обратите внимание на эту дату.

Прежде всего, они бросились на тангутскую державу в Северо-Западном Китае, уже известную из предыдущего изложения Си Ся, которое очень ослабело из-за происходивших в нем смут. Эта первая внешняя война была для монголов удачна, но восстание некоторых племен на Иртыше заставило Темучина оставить Си Ся, чтобы расправиться с непослушными. Их вождь, хан племени найман, бежал в Туркестан. Вернувшись в Си Ся, Темучин начал наступление на более мощного противника, — на империю Цзинь, и дошел до нынешнего Вэйхайвэя в Шаньдуне (Хуанхэ текла тогда в другом направлении и впадала в море не к северу от Шаньдуна, а южнее, таким образом, река не была в данном случае препятствием). Получив дань, выкуп и обещания верности,

Темучин потом еще раз набросился на Цзинь, но его отвлекло появление серьезного соперника, найманского хана, который только-что перед тем сверг приютившего его хана Кара-киданьского государства (или, что то же, Западного Ляо) в Восточном Туркестане. Достаточно было, однако, Темучину появиться там, чтобы новый правитель кара-киданей был свергнут. Это сделало Темучина владыкой земель, доходивших до владений союзника его павшего врага, хана Хорезма [1]), находившегося в это время в состоянии войны с багдадским халифатом.

Здесь нужно отметить, что, разбив найманского хана, Темучин не сразу бросился на его союзника, как этого можно было ожидать, а заключил с ним договор, договор весьма показательный и о многом говорящий. Это было соглашение о допущении ведения монгольской торговли транзитом через Хорезм.

Нарушение торгового договора и послужило причиной той войны, которая открыла серию монгольских нашествий на запад.

Поход монгол на Хорезм начался в 1218 году. Были взяты Самарканд, Бухара и ряд других городов. Только под стенами Газни, находящегося верстах в 150 от Кабула, в Афганистане, монгольская армия понесла поражение. Но скоро прибыли свежие войска, и монгольская армия овладела всем Южным Туркестаном, Афганистаном и частью бассейна Инда, в Северо-Западной Индии.

В 1222 году она была уже хозяйкой Грузии. Оттуда перекинулась в черноморские степи, разгромила кипчаков и в знаменитой битве на Калке покончила с русскими князьями.

Так, в течение менее чем 20 лет неведомое миру забайкальское племя одержало верх над всей степью, разбило три государства в пределах бывшей Тан'ской империи, в том числе такую обширную как Цзинь'ская (нюйчженьская), разгромило Хорезм, Грузию, Северо-Западную Индию и, наконец, Россию. Крайними пунктами пройденной за последние пять лет территории был Вэйхайвэй в Шаньдуне, Байкал, Хуанхэ, Мультан в Индии и Днепр.

Итого около 90° по долготе... Четверть окружности земного шара!..

Вернувшись на восток, Темучин, по словам китайских летописцев, застал Си Ся «усеянной трупами». Это был ре-

[1]) Между прочим, этот найманский хан, свергший человека, который его приютил, был из христиан. Кара-кидане же были мусульманами.

зультат войны этого государства с Цзинь. Никакого сопротивления Темучину оно уже оказывать не могло. С ним было поступлено просто. Короля отправили в плен в Монголию, а государство Си Ся было окончательно присоединено к монгольским владениям.

Затем начались приготовления к завоеванию Китая. В разгар этих приготовлений Темучин умер, а его империя была разделена между сыновьями и внуками.

Это было в 1227 году.

В глухих степях, которые вы увидите из окна вагона поезда, мчащегося из Читы к ст. Маньчжурии, — в степях пустых и бесплодных, где глаз напрасно ищет хотя бы признака древесной растительности, где нет и намека на пашню и где только станционные поселки разнообразят картину голых холмов и скучных солончаков, где жива еще память о последнем решительном бое под Мациевской с отступавшим через границу Семеновым, — началась в 1180-ых годах борьба каких-то неизвестных миру кочевых племен, — маленьких, незаметных.

Мало кто знал о ней за 500—600 верст оттуда.

Через 20 лет одно из этих племен стояло уже во главе огромного племенного государства, простиравшегося от Китая и Маньчжурии до Туркестана и Иртыша.

А еще через два десятка лет оно разрушило своими таранами стены далеких городов, средоточия высокой культуры, и его кони топтали поля и тех мест, где развилась культура Китая, и тех, где было индийское царство Акбара, и в землях, где царствовали наследники Александра, и в бывших провинциях Римской империи.

Прошло еще 15 лет, и монгольские всадники появились в Верхней Силезии, столкнулись с чехами, немцами и поляками, сразились на подступах к Константинополю с турками, раньше их ушедшими на запад, побывали еще раз в богатой Индии, завоевали окончательно весь китайский север и уже готовились завоевывать весь мир.

Как могло это случиться? Каковы были те условия, которые дали возможность полудиким кочевникам сметать царства со своего пути, сбрасывать династии, становиться хозяевами в их бывших владениях и мечтать о завоевании мира?

Необычайная подвижность кочевых орд, обилие их коней, бывших то средством передвижения, то источником пищи, выносливость кочевников, привыкших испытывать в своих степях переходы от жары к морозу в течение одних суток, — все это лишь отчасти объясняет их огромные успехи. Их не

Copyright В. Г. Балинского http://book.uraic.ru

было бы — этих успехов, — если бы степные наездники не сумели овладеть средствами борьбы, которые были в обладании их оседлых соседей. Но кочевники не были бы в состоянии взять эти средства, если бы их оседлые соседи не были ослаблены. И у них не было бы побуждений завоевывать одновременно и восток и запад, если бы между западом и востоком не было до этого установлено прочных связей. Важнейших объяснений сокрушительности чингизханова нашествия нужно искать не в степи, где условия менялись так медленно и незаметно, а в тех странах, с которыми им пришлось столкнуться — прежде всего, в северо-китайской, т.-е. Цзинь'ской империи, в империи Сун'ов и в странах Западной Азии.

О внутреннем положении Китая и придется рассказать теперь.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXI.

Китай при Сун'ах.

(X—XIII века).

Международное окружение и внутренние порядки.

Период правления Сун'ской (с 960 по 1273 г. г.) и вытеснившей ее в 1114—1127 годах с севера Цзинь'ской (1127—1234) династий совпадает с тем временем истории западных народов, когда феодализм достиг у них наивысшего расцвета и когда велись крестовые походы (1095—1291). Феодальная иерархия и ленное землевладение достигли полного и окончательного господства в этот период и в Индии. Феодальные порядки восторжествовали тогда [1]) и в пределах Багдадского халифата, распавшегося на двенадцать, приблизительно, мелких государств и до сотни почти независимых мелких княжеств. В Японии в X и XI веках еще продолжало существовать то древнее государство, которое построилось по образцу Тан'ской империи, но в недрах его уже оформлялись феодальные порядки, окончательно восторжествовавшие в конце XII века, когда возникла феодальная империя Йоритомо. Индонезия, если не говорить о малодоступных внутренних частях, в этот период представляла собой скопление множества феодальных государств, с индийскими или индуизированными туземными раджами во главе. Корея имела свою национальную династию — Корай (924—1392), — но самостоятельной не была, так как находилась в зависимости то от одного, то от другого континентального государства: сун'ского, киданьского, потом нюйчженьского (Цзинь).

Конец этого периода отмечен в Западной Европе в землях арабов явлениями, характеризующими распад феодальных порядков. Исключение составила Византия, которая после эпохи некоторого подъема (в X—XII в.в.) вновь вернулась к феодальным порядкам. Но в Индии, на Кавказе и Япо-

[1]) По Н. А. Рожкову — «Русская история».

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru

нии эти порядки удержались полностью. Удержались они и в Юго-Восточной Азии, включая Индонезию.

Крупнейшее событие XIII века — это завоевание большинства перечисленных здесь стран монголами. Завоеваны были ими в числе прочих и все государства, расположенные в пределах Китая.

Что же представляли они в рассматриваемый период? Что в частности представляла собой империя Сун'ов, собравшая в 960—979 годах осколки рассыпавшейся в начале того же X в. империи Тан'ов и явившаяся продолжением последней?

Первое, на что обращают внимание китайские летописцы, говоря о первом Сун'ском императоре, — это те его мероприятия, которые сводились к ликвидации неисчезнувших при Тан'ах пережитков феодализма и к укреплению императорского самодержавия. Все его соратники были им раскомандированы по областям, где, однако, не получили прав гражданских правителей, как это было на северных окраинах при Тан'ах. Кроме того, их лучшие войска были у них отняты и удержаны в прямом подчинении правительства. Власть на местах была поручена гражданским лицам, которые наблюдали за сбором налогов. Основным принципом новой государственной организации был тот, что военные должны подчиняться гражданской власти и что гражданский ранг выше военного.

Внешним выражением нового представления о достоинстве самодержца было воспрещение сидеть в его присутствии, обращаться к нему словесно, а не письменно и т. д. Это касалось даже первого министра.

Усиление централизации, как уже выяснено, не сопровождалось, однако, увеличением могущества империи во вне. Тяжелое наследие времени распада сказывалось, в частности, в увеличении мощи киданей, уже в течение почти целого столетия имевших обширную земледельческую базу на севере Китая и уже давно переставших быть первобытным племенем. В сущности их государство было уже вполне китайским, хотя, конечно, более отсталым, чем Сун'ское.

Напомним еще раз, что Сун'ская империя потеряла значительные области в 988, 989 и 1004 годах и была вынуждена платить своей северной сопернице ежегодную дань и что в 1043 году ей пришлось заключить новый невыгодный мир, на этот раз уже с тангутами (Си Ся) и обязаться уплатой дани в их пользу. Немногим лучше было и на юге, где Китай вел неудачную войну с аннамитами, которые при «Пяти дина-

стиях» признавали власть над собой одного из тогдашних недолговечных государств, а именно Нань Тан (с центром в Цзянси), но теперь отложились. Поход против них в 980 г. окончился полной неудачей, и Аннам из части Китая превратился в платящего номинальную дань китайского вассала (каким и оставался, если не считать перерывов, до франко-китайской войны 1884 года).

Но эти внешние неудачи не отразились слишком сильно на внутреннем положении империи. Царствование 1023—1063 годов, т.-е. то, при котором как-раз империя терпела внешние неудачи, рассматривалось историками, как лучшее в истории династии. В этот период происходил значительный рост населения, число хозяйств увеличилось (по Лян Цичао) до 15,7 миллионов против 3 всего миллионов в 960 г., размеры пахоты росли.

Торговля при Сун'ах.

Росла и внутренняя торговля. Между прочим, именно к тому времени относят некоторые исследователи рост общеимперского значения банкиров провинции Шаньси, игравших большую роль в Китае вплоть до самого последнего времени, — до появления китайских банков современного типа. Росла и внешняя торговля.

Перед тем она сильно уменьшилась, вследствие происходивших в течение X века внутренних войн, а еще раньше — во время восстания восьмидесятых годов IX века (см. главу XVIII — «Конец Тан'ов»), когда, по словам арабского географа Абу Заида, в одном только Кантоне погибло 120 тысяч занятых торговлей магометан, евреев, христиан и персов, и когда волна банкротств докатилась до Сирафа, в Персии, и Омана, в Аравии. Тогда многие торговцы бежали из Кантона и Цюаньчжоу в Калах, на западный берег Малакки, куда и было перенесено место обмена между Индо-Арабо-Персидской областью и Китаем. Но с приходом Сун'ов к власти торговля непосредственно в китайских портах ожила опять, а с ней вновь ожили старые, еще при Тан'ах развившиеся торговые центры. Кантон и Цюаньчжоу опять торговали с Аравией, Малаккой, Сиамом, Явой, Индией, Западной Суматрой и Западным Борнео, с Филиппинами, Египтом и даже Занзибаром в Африке. Торговый путь, по которому шел фарфор, наметился еще в одном направлении, а именно по реке Салуэню, к городу Мульмейну в Бирме [1]). Предметами торговли были теперь не только предметы роскоши, как при Тан'ах,

[1]) Из книги о фарфоре Хетсерингтона и по Чжан Су-си.

но и такие товары, как сталь, хлопчатобумажные ткани, свинец, а также рис и морские продукты из Японии (по данным за 999 год). В связи с ростом торговли понадобилось в корне изменить старую систему таможенного надзора, создать центральное таможенное управление в столице. Эта реформа произведена в 971 и 988 годах. Затем в 1087 году было увеличено число таможенных пунктов на побережьи. Торговля была настолько велика, что правительству, соблазнившемуся возможностью наживаться на ней непосредственно и попытавшемуся превратить ее в свою монополию, не удалось этого сделать, и оно ограничилось взиманием 30-процентной импортной пошлины. Только с арабов, пользовавшихся особым покровительством правительства и даже имевших в Кантоне, Цюаньчжоу и Ханчжоу свое самоуправление, бралось не 30, а 15 процентов рыночной стоимости ввозимых товаров (с 1017 г.). Торговля продолжала развиваться и позже. Победа Цзинь в 1127 г. не помешала ей, и в 1175 г. обороты ее уже были в десять раз больше, чем в 1053 [1]).

Правительство все время активно поддерживало ее. Оно даже посылало в соседние страны своих торговых агентов, которые действовали там в качестве комми-вояжеров, а в 1156 году оно уничтожило внутренние таможенные заставы, «чтобы облегчить движение грузов».

В XII веке китайцы впервые стали пользоваться уже давно известным им свойством намагниченной иглы «поворачиваться к югу», после чего их морские путешествия стали еще более часты и, притом, не только периодичны, как до тех пор, когда они плавали лишь во время муссонов. Возможно, что применение компаса стояло в непосредственной связи с тем обстоятельством, что, двигаясь около берегов, они вынуждались платить очень крупную (20 проц.) пошлину в пользу аннамского порта, повидимому, нынешнего Турана. К 1141 году относится издание первых в Китае законов о навигации.

К началу XIII века, т.-е. к тому времени, когда началось движение монголов, китайские моряки были хорошо знакомы с восточно-африканским берегом между Красным морем и Занзибаром, понаслышке знали и о Сицилии и были постоянными посетителями побережья Персидского залива и ны-

[1]) Это основано на одном сообщении из династийной истории Сун'ов, «Сунши» (ши — история). К сожалению, из него трудно определить абсолютные величины; приведенные там данные, при теперешнем состоянии изучения экономической истории Китая, могут служить базой для определения лишь относительных величин.

нешнего города Палембанга (тогда Сарбаза), на Суматре, где было место встречи купцов разных наций — китайцев, арабов, персов, индусов, а также яванцев и других их малайских сородичей; китайские купцы возили туда фарфор, шелк, камфару, ревень, железо, сахар, драгоценные металлы и, наконец, «маленьких черных невольников». Предметами покупки для них были ароматы, драгоценности, кораллы, жемчуг, мечи, хлопчатобумажные изделия и другие товары, главным образом, из Индии, Сирии и Аравии [1]). О чем же говорят эти данные о китайской торговле X—XIII веков?

Уже одно то, что во всех источниках, касающихся предметов торговли, на первом месте стоит торговля фарфором, отодвинувшим на задний план чай, главный предмет вывоза при Тан'ах, заставляет предполагать высокое развитие его производства. И действительно, все имеющиеся источники (дошедшие до нас в подлинниках) указывают на значительное развитие этого производства. При этом следует обратить внимание на то, что далеко не все фарфоровые заводы принадлежали короне или субсидировались ею, как это многими предполагается. Императорские фарфоровые мануфактуры действительно существовали. Но уже одно то, что для них существовало специальное обозначение «гуань» (официальный), заставляет предполагать, что помимо их были и частные. Судя по классическому труду о китайском фарфоре, названному недавно в примечании, такие частные мануфактуры имелись во многих местах. Они были в нынешних провинциях Хэнань, Чжэцзян, Цзянси, Гуандун, Шаньси, Шэньси, Чжили, Фуцзянь и т. д., и среди сортов тогдашнего фарфора имеются такие, которые определенно связаны с именами частных владельцев.

Что касается рынка для китайского фарфора, то он был весьма обширен. Так, значительная часть фарфора направля-

[1]) В этом списке, взятом у Паркера, обращает на себя внимание ввоз рабов, драгоценных металлов и ввоз хлопчатобумажных тканей. При маньчжурской династии Китай не столько ввозил хлопчатобумажные ткани, сколько вывозил их, вывозил даже в Англию; ввозил же хлопок-сырец, из чего можно сделать вывод о росте производительных сил к тому периоду, по сравнению с Сун'ским. Что касается наличия среди вывозимых товаров драгоценных металлов, то они вряд ли добывались в самой Сун'ской империи, ибо Китай беден золотом и серебром. Можно думать, что они получались из империи Цзинь, точнее из Маньчжурии. Торговля «маленькими черными рабами» тоже указывает на посреднические операции сун'ских купцов, ибо маленькие черные люди в пределах Восточной Азии встречаются только в глуши Филиппин и в Индо-Китае. Это почти исчезнувшие к началу XX века негритосы.

лась в Месопотамию и Персию, очень много шло (через Мульмейн) в Дамаск и другие места, но в Японии, Корее и Сиаме создалось, отчасти благодаря переселению китайских мастеров, собственное производство. В Корее, например, в эпоху династии Корай (924—1392 г.г.) фарфоровое производство настолько развилось, что образцы его не уступали китайским, в Японии же, развившись позже, оно достигло в 1400-ых годах даже большей высоты, чем в Китае (по мнению Ли Юнбина). В Сиаме фарфоровые фабрики в 300 верстах к северу от Банкока появились уже при Сун'ах. Но и там, и в Корее, и в Японии образцами долгое время оставались сун'ские.

Второе, на что следует обратить внимание, это видное место среди ввозимых товаров предметов роскоши — черта, характерная для китайской торговли и в первой половине XIX века. Что предметы роскоши ввозились в очень большом числе, свидетельствуют и другие, не приведенные здесь данные, относительно стремления правительства ограничить их ввоз, как ведущий к очень большому отливу золота, серебра, меди, и об упорной, жестокой, но совершенно ни к чему не приводившей борьбе с контрабандным ввозом жемчуга, кораллов и других драгоценных камней. Нахождение на корабле даже одной незарегистрированной жемчужины вело к конфискации всего груза. Но это не останавливало контрабандистов, и импортные предметы роскоши наводняли Кантон и другие портовые города. В борьбе с контрабандой правительство доходило в XII веке до того, что вовсе закрывало некоторые порты для импортной торговли, но, повидимому, немногого добилось такими драконовскими мероприятиями.

Аграрный вопрос и «китайский Ленин».

Попробуем теперь выяснить, кто мог быть потребителем этих «вредных для государства товаров».

Уже в то благополучное, по словам историков, царствование, которое продолжалось с 1023 по 1063 г.г., было отмечено явление, о котором одна из боровшихся тогда партий говорила, как о чреватом гибельными последствиями. Это было сильное уменьшение площади землепользования на семью, оказывавшейся, якобы, вдвое меньше, чем при Чжоу'ской династии [1]). Между тем число домохозяйств продолжало быстро увеличиваться, а налоги из-за необходимости платить киданям дани и контрибуции росли. Тяжесть их обрушивалась, главным образом, на крестьян-

[1]) Вероятно, говорилось о какой-нибудь одной небольшой области.

ство, которое задолживалось и, как говорит современник, постоянно осаждалось кредиторами.

«Кто благоденствует благодаря земле, тот не работает на ней; кто работает на земле, тот не владеет ею», — писал один из тогдашних противников ростовщичества.

Земля уходила из рук крестьян, но уходила, по сохранившимся данным, в такие моменты, когда цена на нее падала. Когда же цена поднималась, крестьянин не мог продать своего участка, но, вынужденный платить налоги, должен был итти к ростовщику, который брал с него кабальные проценты, доходившие до 100 и выше. В результате, ко времени нового посева крестьянин оказывался в таком положении, что ему приходилось просить у кулака и деньги на уплату налогов, и семена для посевов, и даже пищу для себя. В конце концов крестьянин оказывался перед дилеммой: сеять, а это значит немедленно зачисляться в число налогоплательщиков и, следовательно, еще больше закабаляться, или не сеять вовсе, а просто поступать в батраки или бежать куда-нибудь на окраину, где свободные земли еще были, т.-е. в пределы владений киданей.

Уже в конце XI века положение стало грозным. До $^2/_3$ зарегистрированных семейств оказывались систематическими недоимщиками и наметилась тенденция к сокращению до тех пор расширявшейся посевной площади в империи.

С создавшимся положением нужно было бороться, ибо в противном случае оно должно было привести к ослаблению государства и без того занятого все новыми и новыми наскоками на него с севера. Но как бороться? Первое из испытанных средств — ограничение размеров землевладения — не привело ни к чему. Оно было признано «невыгодным» и оставлено. Ростовщики, захватившие землю, после этого осмелели еще больше и уже не стеснялись захватывать и осушать озера и пруды, что означало падение урожайности во всем районе, до тех пор пользовавшемся водой из этих водоемов для орошения. Неурожаи и голод еще больше ухудшали положение. А тут еще появились с новыми претензиями кидане.

При дворе и во всей стране шла напряженная борьба партий: одна, с историком Сыма Гуань'ем во главе (не спутайте его с историком Сыма Цянь'ем Хань'ского периода), стоявшая за применение уже испытанных и уже доказавших свою непригодность мероприятий, другая, возглавлявшаяся Ван Ань-ши, сторонником совсем нового подхода к аграрной проблеме. Борьба усилилась настолько, что захватила даже императорскую семью, где на стороне Сыма Гуань'я была

вдовствующая императрица, а на стороне Ван Ань-ши сам император («идиот», по изящному выражению одного английского автора по истории Китая). Это было в 1068 г. Ван Ань-ши победил.

Человек железного характера и независимой мысли, чрезвычайно смелый, умевший вслух заявлять императору такие вещи, как «конечно, не было в прошлом худшего времени, чем царствование вашего величества», Ван Ань-ши приступил к своим реформам. Но он прибег не к обанкротившейся системе ограничения землепользования, которая на практике вела лишь к тому, что земля, бумажно возвращенная неоплатному должнику, оставалась фактически в руках ростовщика, который только ухмылялся, ибо освобождался от налога с отчужденной земли, а доходами с нее продолжал пользоваться. Ван Ань-ши начал с самого ростовщичества. Мероприятия Ван Ань-ши, начатые с 1069 года, сводились к следующему: 1) вводилась система государственных ссуд крестьянам, 2) вводился подоходный налог, 3) создавались казенные склады, в которых крестьянин и ремесленник могли получить нужный товар в обмен на продукт своего труда или же могли заложить привезенное под ссуду.

Детали первого закона таковы. Исходя из того предположения, что все без исключения крестьяне задолжались, получение ссуды рассматривалось не как право, а как обязанность. Процент устанавливался из 2% в месяц. Уплата частных долгов до тех пор, пока не будут уплачены налоги и не покрыта казенная ссуда, воспрещалась вовсе. С введением подоходного налога, уничтожались одновременно натуральные повинности. Деятельность ростовщиков рассматривалась отныне, как преступная.

Из этого не трудно убедиться, что целью Ван Ань-ши было обеспечение постоянного поступления налогов в казну и повышение доходов ее путем замещения госорганами ростовщиков и отчасти купцов, а также уничтожение возможности для «съедавшего земли бедняков» кулака уклоняться от платежа налогов с фактически захваченной им земли. Цели Ван Ань-ши станут еще яснее, если обратить внимание на то, что, настаивая на удовлетворении требований киданей, он утверждал, что проведение его реформ сделает государство достаточно сильным и богатым и позволит с лихвой вернуть уступленное врагам.

В полном соответствии с этим стоят и две другие реформы Ван Ань-ши. Это — обязательство каждой семье содержать по одной кавалерийской лошади и военизация населе-

ния: каждые 10 семейств должны были выставлять по одному рекруту в мирное время и по два в военное.

Реформы Ван Ань-ши, весьма далекие от того, чтобы называть их автора «китайским Лениным» и «первым социалистом», как это делают некоторые китайские товарищи, были все же достаточно круты, чтобы не понравиться очень и очень многим. Самые невероятные способы борьбы были пущены в ход. Реформатора заклинали цитатами из классиков, на него клеветали, его делали «киданьским шпионом», на него натравили мать императора, его обвиняли в нарушении заветов предков, в его решениях по отдельным административным и судебным вопросам старались найти доказательства глупости или безумия. Но император верил Ван Ань-ши больше, чем его врагам, и диктатура реформатора оставалась.

Она продолжалась до тех пор, пока на небосклоне столицы не засветила достаточно устрашающего вида комета, которую истолковали и использовали во-всю. После этого Ван Ань-ши был уволен, а комета отправилась по предначертанному ей пути дальше. (Эта небесная гостья наделала тогда не мало шума и в Европе).

Но и комета не помогла бы врагам Ван Ань-ши, если бы не исполнители, которые так сумели повернуть дело, что деньги, ассигнованные на помощь крестьянам, попали в руки не к ним, а к тем же ростовщикам, что казенные склады превратились в причину товарного голода, а подоходный налог и военные мероприятия остались на бумаге.

К власти пришел Сыма Гуань, который немедленно же отменил все мероприятия Ван Ань-ши. В 1094 году (за год до Клермонского собора, после которого начался первый крестовый поход), когда Ван Ань-ши уже не было в живых, его партия сбросила сымагуаневцев, и таблица с именем Ван Ань-ши была торжественно установлена в храмах Конфуция, рядом с таблицей самого Конфуция. Имя же Сыма Гуаня, противника реформ, вместе с именами его 308 сторонников, украсило собою воздвигнутый на площади «столб изменников». Но сымагуаневцы восторжествовали опять. «Столб изменников» был разрушен, а таблицу Ван Ань-ши пустили на дрова. Впоследствии ее восстановили и с торжеством поставили опять. Потом вынесли еще раз [1]).

[1]) До каких нелепостей доходили обозлившиеся противники Ван Ань-ши можно судить по тому, что они распустили слух, будто он никогда не моется и питается нечистью. О Ван Ань-ши имеется большой труд проф. Иванова, к сожалению, в продаже, кажется, не имеющийся.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Тем временем положение крестьян продолжало ухудшаться. Ко времени решительного столкновения с Цзинь (нюйчженями) в 1127 году большинство крестьян уже не имело земли. Ростовщичество продолжало свирепствовать. Запашки уменьшались. В 1208—34 годах, когда монголы вели свое наступление пока еще только на севере — на Цзинь, Си Ся и в направлении на запад, — в Сун'ской империи, по свидетельству современников, происходили страшные вещи: из 10 домов 9 было брошенных, люди топились в Янцзы и умирали на больших дорогах, осушка озер под поля производилась совершенно открыто и невозбранно.

И вот тогда была сделана новая попытка спасти положение. Правительство решило выкупить помещичьи земли. Но как выкупить? А, главное, чем?

Правительство поступило просто. Оно произвело оценку всех земель, превышавших размеры трудового хозяйства, выделило излишки и, зачислив их в земельный фонд казны, следующим образом расплатилось с бывшими владельцами:

За излишки небольших размеров платили бумажками, которые никто не брал, и бумажками, которые имели некоторую ценность; первых давали много, вторых мало; кроме того, прибавлялось очень немного звонкой монетой.

За излишки средних размеров давали бумажек, имевших хождение, побольше, бумажек, хождения не имевших, поменьше, а золота и серебра относительно (а, значит, и абсолютно) больше, чем в первом случае.

За излишки же большие расплачивались золотом и серебром, главным образом, затем бумажками, имевшими хождение и, наконец, но совсем в небольшом количестве, теми бумажками, которыми жгли печи.

Итак, от этой знаменитой «реформы» крупные помещики только выиграли, средние пострадали, а мелкие пострадали еще больше.

Крестьяне же ничего не получили, что видно из того, что их положение от такого «выкупа» нисколько не улучшилось. Историки говорят, что в это время не было никого, кто бы не ругал правительство и не желал ему гибели[1]).

В следующее очень короткое царствование все мероприятия, проведенные перед тем, были отменены и были намечены новые реформы, из которых, однако, ничего не получилось, ибо правительству и двору приходилось уже зани-

1) Подробности о сунском выкупе имеются у Пин Хуа-ли.

маться только теми мероприятиями, которые сводились к спасению себя от неминуемой гибели.

С севера шли монголы.

В 1273 году Сун'ская династия прекратилась.

Теперь обратимся к северному, Цзинь'скому (нюйчженьскому) государству, существовавшему с 1127 по 1234 год, когда оно было превращено во владения монгол.

Положение на севере.

В течение первой половины его существования оно по благосостоянию населения стояло, повидимому, гораздо выше, чем Сун'ская империя. Конечно, его внешняя торговля не могла иметь такого размаха, как Сун'ская. По крайней мере, нет указаний на его торговлю морем. Но торговые обороты со степью были все же настолько обширны, что, по свидетельству современников (которым, конечно, можно и не верить), плодородие почвы поддерживалось, благодаря массе скота и лошадей, постоянно проходивших в южном направлении (стада шли из Монголии в пределы Сун'ской империи). Дань с Сун'ской империи тоже, говорят, давала северному государству настолько много, что дело доходило до обесценения денег, т.-е. приводила к падению их реальной цены, выраженной в зерне. Аграрный кризис не ощущался, хотя наблюдалось скопление земель в руках чиновничества: 70 семейств служилого класса владели 16½ тысячами русских десятин земли внутри стены, в руках же военных было в три раза больше. Юридически все эти земли считались казенными, надельными, на практике же между казенными и частными землями не было никакой разницы. Крестьянская земля была частью собственной, которую можно было продавать и покупать, частью же надельной, купля-продажа которой не разрешалась, но на деле практиковалась. Урожаи были сравнительно высокие; к северу от стены они бывали обычно вдвое больше, чем в Сун'ской империи.

Под конец существования Цзиньской империи замечалось сильное вздорожание хлеба при непрерывном падении цены денег. Началась спекуляция зерном. Правительство боролось с нею реквизициями, воспрещением частной перевозки хлеба, обысками и т. д. Недосборы хлеба были под конец империи хроническими. Правительство прибегло к прикреплению крестьян к земле и к насильственному переселению. Страшный голод, испытанный большей частью Цзинь'ской империи, резко ухудшил ее положение. А после этого появились монголы. Империи оставалось только смириться и даже дать степнякам военную помощь (вот откуда появились у

монголов те тараны и штурмовые лестницы, с которыми они впоследствии обрушились на Киев и другие русские города)[1]. Второе нашествие окончательно уничтожило Цзинь. Это было в 1234 году, за сорок лет до падения южной империи.

Что касается третьего из государств Собственно-Китая (не считая Юньнаньских), Си Ся или Великого Ся, то о внутреннем положении его у пишущего эту книгу мало данных. Во всяком случае, известно, что ко времени нашествия Темучина оно переживало период смут и внутренних раздоров, осложненных вдобавок войной с Цзинь.

Как ни неполно рассказанное здесь, как вообще ни слабо изучена экономическая история Китая, все же и то, что можно было собрать, дает достаточно убедительную картину.

Отчего победили монголы? Что позволило маленькому отсталому племени, мирно кочевавшему вдали от всего культурного мира, внезапно усилиться и в течение баснословно короткого времени свергнуть десятки династий, уничтожить множество государей, проникнуть в Индию, в Тонкин, в Галицию, в Месопотамию, сесть на корабли и добраться до Японии? Неужели же только быстрота их коней? Неужели только смелость всадников?!

Этого было бы слишком мало, чтобы даже на одну десятую обеспечить успех.

Объяснения нужно искать во внутреннем положении тех стран, на которые монголы обрушились. Но что было в этих странах? Одни из них переживали тот чрезвычайно болезненный период, который свойственен эпохе первоначального накопления, когда множество людей разоряется и нищает, растет неравенство и классовая ненависть. Взгляните хотя бы на положение бывшего арабского Великого халифата, распавшегося было на феодальные княжества и в XII веке уже собиравшегося вокруг нескольких центров, но собиравшегося в условиях ожесточенной классовой борьбы; она происходила также в Персии, в Месопотамии, в Хорезме. В сравнительно отсталой Армении тоже наблюдалось тогда расширение рынков, что, однако, не создавало еще основы для прочного объединения.

В других, более отсталых странах, как Грузия, наоборот, существовали условия, способствовавшие сужению рынка, государственному распаду, то же самое наблюдалось и в России. Распад был и в Индии. И все они были легкой добычей

[1]) По другим данным осадные орудия монголы добыли в Персии.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uralc.ru/

для выброшенного степью воинственного племени. А когда оно завоевало, осело, окрепло, его вожди продолжали делать то же, что делали бы и без них местные правители. Так, в арабских землях они продолжали собирание земель, в Индии оставили в неприкосновенности старые порядки, ибо там не созрели еще (до XV века) условия перехода к новому, а у себя в степях они остались теми же кочевниками, какими были раньше, жившими в условиях скоро, однако, распавшегося племенного государства.

Картина в Китае достаточно ясна. Китай не был бы завоеван монголами, если бы не разрешившаяся ничьей полной победой классовая борьба не ослабила его. Он ослаб и был побежден. Но победители не внесли ничего существенно нового в жизнь Китая. Они объединили его, уничтожили такие ненормальности, как дани юга северу, уничтожили помехи к развитию внешней торговли, короче говоря, продолжили дело лучших Сун'ских правителей.

Духовная культура при Сун'ах.

Но прежде чем переходить к эпохе монгольской победы и власти, необходимо остановиться хотя бы в общих чертах на том, что нового дала Китаю Сун'ская эпоха в области духовной культуры.

Если в экономике и политике эпохи Сун везде ясно проглядывают черты, свойственные дворянско-купеческому периоду, периоду торгового капитализма, то, очевидно, те же черты должны быть открыты и в идеологии эпохи. И действительно, изучая искусство Сун'ской эпохи, мы уже не встретим того господства религиозных мотивов, которым полно искусство периода распада и которые не исчезли в эпоху Тан.

Развивается живопись, достигающая ко времени решительного столкновения с Цзинь (1127 г.) огромной высоты. Это яркий показатель нового индивидуалистического духа, духа эпохи торгового капитализма. Развивается искусство пейзажа, изображения птиц, цветов, вырастает и портретная живопись. Появляется огромный интерес к древним картинам, которые тщательно собираются, изучаются и критически описываются в многотомных трудах, впоследствии переиздаваемых. В тот же период везде создаются центры керамического производства, которое достигает высокого развития. Развивается, как самостоятельное искусство, каллиграфия. Часто художники слова оказываются одновременно и художниками кисти. Звание художника становится завидным и его доби-

© ОЦНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

ваются сами государи. Китайская художественная проза достигает непревзойденного совершенства.

Сун'ская эпоха известна также процветанием при ней философии, так наз. неоконфуцианской школы. Об этой философии, наиболее крупным представителем которой был Чжу Си, говорится часто, как о наделавшей не мало вреда. Быть-может, это и так, но важно не то, что именно говорил Чжу Си и его последователи, а то, что его философия и в Китае, и в Японии всегда казалась наиболее приемлемой именно в те времена, когда укреплялось самодержавие, — укреплялся государственный строй, свойственный периоду господства торгового капитала.

Китай вплоть до самого конца XIX века не вышел из этой стадии развития. Был даже целый период (Мин'ский), когда в нем наблюдалось некоторое движение вспять. В связи с этим сун'ская философия, как ее принято называть, удержалась надолго и стала официальной идеологией Китая эпохи маньчжурского господства и Японии в эпоху сёгунов из династии Токугава (1600—1868 годы). Грубе, автор «Духовной жизни Китая», утверждает даже, что Срединная империя уже не знала с тех пор прогресса в области философской мысли. С этим нельзя согласиться. Но что для значительного ее развития не было соответствующей социальной почвы, признать приходится [1]).

Остается добавить, что в период Сун'ов искусство книгопечатания развилось уже настолько сильно, что большую часть относящихся к этому времени вопросов можно изучать по сохранившимся с той поры печатным трудам. В этом отношении Китай перегнал Европу на много. Первые печатные книги появились в ней лишь в 1440 году.

---

[1]) Мы не беремся излагать здесь то, на что потребовались бесконечные томы комментаторов. Достаточно сказать, что, по общему мнению, сун'ская философия благословила абсолютизм и всемогущество бюрократии, как носительницы понимания и знания объективно существующего закона природы и морали. Критика сун'ских философов означала поэтому критику существовавшего государственного строя. Критиковать было опасно. Но неверно, будто в Китае не было после Сун'ов независимых мыслителей. Одним из них был Ван Янмин, философ-интуитивист, утверждавший, что каждый человек равноправен с каждым другим в оценке добра и зла. «В сердце каждого человека отражен весь мир и законы мира и сердца человека тожественны», говорил он. Практический вывод отсюда тот, что высшим судьей поведения человека является он сам. В Японии во времена абсолютизма Токугав философия Ван Янмина считалась опасной и вредной.

IV. На историческом перевале

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXII.

Завоевание Китая монголами и их империя.

Усиление классовых противоречий, острое недовольство во всех классах общества, за исключением разве только крупных землевладельцев и ростовщиков, падение земледелия в связи с помещичьефильской политикой правительства, товарный голод, обилие людей без определенных занятий, голодных и озлобленных, безденежье и проистекающая из всего этого слабость государства, его неспособность сопротивляться нашествию иноплеменников — вот главные причины победы монгольских наездников. Империя Сун'ов не могла не пасть под ударом, и она действительно пала. И тем не менее, внутренние связи в ней оказались все же достаточно прочны, чтобы отсрочить момент падения на сравнительно долгое время. Целых 40 лет (с 1234 по 1275 г.г.) понадобилось монголам, чтобы овладеть Сун'ским Китаем окончательно. Мало того, монголы не сразу решились напасть на своего ослабевшего соседа; они предпочитали действовать пока в других направлениях.

Мы остановились в предпоследней главе на 1227 годе, когда умер Темучин (Чингиз-Хан), только-что вернувшийся из своего погромного похода на западные страны и покончивший с тангутским Западным или Великим Ся. Перед смертью он подготовлял уже поход на Китай, но смерть помешала этому предприятию.

Новый великий хан Огдай приступил к новым завоеваниям в 1234 году. Целью его было окончательное завладение Северной Китайской империей нюйчженей, империей Цзинь, от которой при его предшественнике за 25 лет перед тем было уже отнято $^2/_3$ ее территории. На этот раз речь шла о той последней и лучшей ее трети, которая занимала коренные земли древнего Китая. Но чтобы занять ее, нужно было предварительно форсировать исторический проход Тунгуань,

расположенный на стыке трех нынешних провинций — Шэньси, Шаньси и Хэнань. Огдаю перспектива форсирования неприступного прохода не улыбалась, а поэтому он предложил Сун'скому императору позволить монголам пройти через его территорию. Он получил категорический отказ, но тем не менее пошел через Сун'ские земли, осадил столицу Цзинь'ей, Кайфын и овладел всей территорией Цзинь'ской империи.

Так погибла эта империя, в двадцать лет возникшая, в столетие окитаившаяся и так же быстро разрушившаяся под ударами новых пришельцев. Косвенно наступление на Цзинь было и началом войны с империей Сун, неприкосновенность территории которой была нарушена.

Через два года после покорения Цзинь монголы приступили к новым завоеваниям, вернее, к окончательному закреплению того, что в первый поход, начавшийся весной 1218 г., было завоевано лишь «начерно», даже просто пройдено. Известно ведь, что первое монгольское нашествие на Россию было как какая-то гроза, разразившаяся и так же внезапно прекратившаяся. Такой же налетческий характер она тогда имела и в большинстве других стран. Это было нечто в роде колоссальной рекогносцировки. Поход 1336 года имел уже совсем иной характер; на этот раз монголы шли для того, чтобы завоевать и осесть в завоеванных странах.

Наступление велось одновременно в трех направлениях — на юг, на Корею и на Европу. Но поход на Сун'скую империю был почему-то приостановлен. Поход на Корею закончился ее подчинением, а поход на запад привел, как известно, к созданию в степях Поволжья Золотой орды Батыя. Это тот самый поход, который сопровождался разорением Киева, Рязани и других русских городов, движением на Галицию и Венгрию, на Польшу и Силезию.

Конец этого второго похода был типичным для всех монгольских походов. Огдай опился кумысом и умер. Ожидался новый курултай, на котором надо было выбрать ему наследника, и вот все начальники отрядов заторопились назад в родные степи.

Следующий десяток лет прошел в нападениях на турок и в коротких рейдах на Сун'скую территорию, не имевших больших последствий. Это как-раз в это время, в 1245 году, прибыл в монгольскую столицу Каракорум (она находилась верстах в 300 к югу от Байкала) первый западно-европеец, описавший монгол и их обычаи, это был епископ Плано Карпини, посланец папы. Его труд, детски наивный, наивный

подчас до смешного, является, однако, весьма ценным документом эпохи. Он имеется и в русском переводе [1]).

Следующее десятилетие отмечено уже решительными боями, приведшими к решительным изменениям в Азии. Монголы вновь начинают свои завоевания, и объектами их становятся на этот раз старые культурные страны — Сун'ская империя на Дальнем Востоке и Багдадский халифат в Западной Азии. Происходившие в это время раздоры между наследниками Чингиз-Хана не помешали монголам добиться побед.

Поход на Сун'скую империю начался в 1253 году. Не желая рисковать борьбой на хорошо укрепленных путях по реке Хань, впадающей в Янцзы в черте тройного города Уханя, монголы пошли в обход. Они прошли из Ганьсу (где было раньше тангутское государство) в Сычуань, далее на Юньнань, где подчинили себе существовавшее там независимое от Китая государство, и дошли до Тонкина. Проникли они и в Тибет, но сейчас же заключили с ним договор о дружбе и уже больше не тревожили его. Мало того, именно около этого времени произошло обращение части монголов в тибетскую форму буддизма — ламаизм, который и до сих пор играет большую и скверную роль в жизни монгольского народа. Монголы были теперь и на севере, и на западе, и на юго-западе от территории Сун'ов.

Но монголы не сочли все же возможным нанести Сун'ам решительный удар. Лишь в 1257 году они двинули главные свои силы в центральные части Китая. Они одержали большие успехи и осадили Учан (южную часть Уханя), который едва держался. Но здесь повторилась старая история: умер великий хан; опять предстоял курултай, и Хубилай, один из двух предводителей армии, действовавшей против Китая, заторопился в свои степи, наскоро заключив в Учане мир. По этому договору, не утвержденному, впрочем, императором, монголам отдавалась вся область к северу от Янцзы и обещалась уплата дани.

Это было уже в 1259 году.

Почти одновременно (в 1258 г.) родственник Хубилая Хулуга (между прочим, христианин) огнем и мечом прошел по Средней Азии, истребил до 800 тысяч человек, разбил ту-

[1]) Среди нелепостей, понаписанных Карпини, есть и такая: «А в пустыне живут лесные люди, у которых нет суставов и которые не могут говорить. Когда они падают, они сами не могут подняться. У них есть бойлоки, при помощи которых они передвигаются очень быстро» (как при помощи паруса). Это еще не самая нелепая часть книги Карпини.

рок и войска ставшего к тому времени совсем жалким Багдадского халифата и сделался ильханом (правителем народа), верховным правителем на огромном пространстве от Индии до Греции и от Аральского моря и Кавказа до пустынь Аравии и Персидского залива. Отсюда его преемники думали при участии европейцев взять Египет, о чем сговаривались с папой и Францией.

Почти таких же громадных размеров было другое ханство, кипчакское, занимавшее большую часть России, Северного Кавказа и огромные пространства в Казакстане.

Не меньше были и владения Джагатая, простиравшиеся от нынешней провинции Ганьсу до Аральского моря и от Балхаша до бассейна Ганга в Индии.

Наконец, был целый ряд владетелей в коренной Монголии, Маньчжурии, Тибете, в Забайкальи, по Ангаре и верховьям Лены.

Причина, заставлявшая Хубилая спешить на север, заключалась в том, что он хотел добиться занятия положения великого хана (хагана), т.-е. стать верховным сюзереном всех этих ханов, владевших землями от Сахалина и места, где стоит нынешний Владивосток, до Малой Азии, Карпат и Твери. Он знал, что если он не поспеет во-время, то хаганом будет не он, а его брат. Впрочем, он так и не дотерпел до прибытия в Каракорум. Уже по дороге он без всяких курултаев объявил себя хаганом, пошел вперед, сразился с братом и стал первым великим ханом не по праву избрания, а силой.

Этот инцидент достаточно показателен, чтобы сделать ненужными дальнейшие доказательства слабой спаянности огромной империи, созданной степными наездниками. Повидимому, это понимал и Хубилай. Иначе не ушел бы он из Каракорума, не создал новой столицы в Пекине. Этим шагом он как бы подчеркивал, что уже не огромная империя на глиняных ногах интересует его, а Китай.

Тем временем разложение большой монгольской империи продолжалось. В 1265 году началась война одной части наследников Чингиз-Хана (в том числе сидевшего на Волге) против ильхана. Затем союзные ханы бросились в тыл Хубилая, который к тому времени вел военные операции в Китае. Однако, Хубилай справился с врагами-родственниками, разбил самого опасного из них на Орхоне, в районе нынешней Урги (Улан Батора), но все же преследовать его не решился.

С этого момента о единой империи монголов уже не могло быть и речи. Просто было несколько государств, совер-

шенно разных по своему социально-политическому типу, частью совсем примитивных, частью сравнительно высоко развитых. Вся связь между ними выражалась в том, что их правители теоретически, но только теоретически, признавали одного из своей среды старшим в роде. Впрочем, это не мешало им и после выступать против него войной.

Так или иначе, Хубилай пока-что избавился от опасности со стороны родственников и с новой энергией принялся за завоевание Сун'ской империи. События сменялись теперь быстро. Но только после пятилетней осады удалось хубилаеву помощнику Баяну овладеть крепостями на Хань, затем взят был Учан. Оттуда монгольская армия двинулась на Нанкин, взяла его и пошла на Сун'скую столицу, нынешний Ханчжоу (в Чжэцзяне, тогда этот город назывался Линь'янь).

Сун'ский император сдался. Его пощадили и отправили в плен в Пекин. Сун'ская империя формально перестала существовать. Но это произошло только через 20 лет после того, как Хубилай предпринял свое обходное движение через Сычуань, Юньнань и Тонкин.

Пленением императора не закончилась борьба. Область к северу от Нанкина (бассейн реки Хуай), Янчжоу, сосед Нанкина, нынешние провинции Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси продолжали обороняться. Два мальчика, братья плененного, были один за другим сделаны императорами. Конечно, они не играли самостоятельной роли. Монголы продолжали наступать. За Чжэцзяном занята была Фуцзянь, за Фуцзянью Гуандун, наконец, остался один только единственный островок, ради взятия которого пришлось снарядить целую флотилию. И только когда не было уже никакого выхода, защитники последнего уголка гибнувшей империи бросились в волны и погибли [1]).

Все это очень мало годится для иллюстрации той мысли, будто китайцы-де никогда не были патриотами и всегда равнодушно относились к тому, кто именно у них правит. Этот вздор, никак не вяжущийся с фактом относительно высокого социально-политического развития Китая, придуман со специальной целью очернить китайский народ, представить его как можно более тупым, скотоподобным, а главное

[1]) Наиболее стойкими защитниками Сун'ской империи оказались солдаты из хакка, не то племени, не то сословия. О них подробнее в выноске при главе о тайпинах. Здесь достаточно будет сказать, что в течение 2 тысяч лет хакка часто переживали угнетения, погромы, высылки, но при Сун'ах жили спокойно.

предназначенным быть рабом тех, кто теперь распоряжается в его стране.

Итак, в 1275 году Хубилай был уже хозяином всего Китая, кроме того, он владел Юньнанью, до тех пор никогда полностью не входившей в состав Китайской империи, Маньчжурией с Приморьем, его сюзеренитет признавался Тибетом и Кореей, а Монголия была целиком послушна ему. Теоретически он был также сюзереном ильхана, восстановившего единство областей, некогда принадлежавших Киру персидскому, и других ханов, а в том числе и хана Золотой Орды, являвшегося в свою очередь сюзереном русских князей. Таким образом, выходит, что и Россия составляла тогда часть земель, подчиненных китайскому богдохану.

Конечно, это было только номинально. Хубилай никогда не мог контролировать дела в Киеве или Москве; не мог он ручаться и за то, что даже Монголия будет ему послушна. Восстания против него были уже в восьмидесятых годах, когда поднялся владелец лена в Маньчжурии Наян-хан и когда брожение возникло в западных степях. Но если отбросить фикцию всемонгольской империи, остававшейся фикцией и после 1303 г., когда западные ханы формально признали своим сюзереном наследника Хубилая, если рассматривать монгольских императоров, как императоров китайских и только китайских, то их власть можно было признать довольно прочной, не менее прочной, пожалуй, чем власть их предшественников, Сун'ов и Цзиней.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru

XXIII.

Под монгольской властью.

(Династия Юань).

Чем же объясняется эта сравнительная прочность власти степных завоевателей? Каковы ее социальные корни.

Дело в том, что монголы, поскольку они были только администраторами, придворными и солдатами, были вначале очень мало связаны с землевладением, — с тем классом помещиков, который правил страной при Сун'ах. Поэтому монголы могли сделать то, что Сун'ы пробовали сделать и чего они сделать не могли. Монголы действительно ограничили землепользование помещиков. И они очень мало миндальничали с этими врагами крестьянства. Они просто сгоняли помещиков с захваченных участков и поселяли на отнятых землях крестьян. Налоги при монголах были значительно понижены. Недоимки были аннулированы. Водоемы были восстановлены и на казенный счет устанавливались оросительные колеса-водочерпалки, при помощи которых орошались и высоко расположенные участки, до тех пор никогда не поливавшиеся. Таким образом посевная площадь могла быть (теоретически, по крайне мере) сильно увеличена. Затем возможно стало для крестьян переселяться на те пригодные для земледелия степные участки, которые прежде были под угрозой налета степняков. Все это значительно улучшало положение крестьян и устраняло много накопившихся раньше препятствий к развитию. Монголы определенно хотели опереться на крестьянство.

Обращает на себя внимание и их борьба с укоренившимся в Китае взяточничеством. В одном только 1303 году было привлечено к суду 18473 обвиняемых в получении взяток. В 1313 году был издан новый закон, каравший растраты и казнокрадство клеймением. Учет был поставлен лучше, чем когда бы то ни было прежде.

Купцы и промышленники тоже не имели оснований жаловаться. Превращение монгол из помехи для сухопутной

торговли в пособников ее сильно расширило рынок для китайских продуктов. Те товары, которые до тех пор вывозились в сравнительно небольшом количестве, теперь стали изготовляться на массового покупателя. Так, например, некоторое ухудшение фарфоровых изделий, их погрубение, прямо объясняется тем, что прежде они производились, гл. обр., для избранных, а теперь их стали изготовлять для массовой продажи на туркестанских и персидских базарах. Золото и серебро появились в Китае в таком количестве, в каком никогда не появлялись там раньше. Связь с другими странами усилилась и расширилась настолько, что уже в 1340 году в далекой Венеции появилась книга в духе современных коммерческих справочников, и в этой книге приводился, как типичный, пример купца, имеющего в своем распоряжении товаров на сумму в 120 тысяч рублей [1]).

Солидные справочники были изданы и на арабском языке. Отношение к иностранцам было настолько терпимое, что им не только позволяли проповедывать, торговать и путешествовать, но и служить в Китае. Так, Марко Поло, знаменитый венецианский путешественник, пробывший на Востоке 17 лет и написавший о Китае и других посещенных им странах очень серьезную и толковую по тогдашнему масштабу книгу, был при Хубилае не более, не менее, как помощником председателя военного совета. Другой, перс по национальности, был у Хубилая, выражаясь современным языком, «министром финансов» (по другим, впрочем, данным, — крупнейшим откупщиком). Среди миссионеров того времени, пользовавшихся тогда полным гостеприимством в Китае, стоит отметить Монте Корвино, ставшего архиепископом пекинским, и Одорика, давших свои описания тогдашнего Китая.

Здесь следует прибавить, что та несомненная несцементированность большой монгольской империи, о которой говорилось выше, не создавала, однако, заметных помех для торговли между ее отдельными частями. Наследники Чингиз-Хана могли драться друг с другом, могли мириться, но даже в те годы, когда они дрались, Самарканд оставался крупнейшим товарным распределительным центром, через который

1) Озаглавлена она так: «Полное и подробное разъяснение относительно торговли на разных китайских рынках, о путях, по которым нужно туда следовать, о монетах разных стран, которые нужно пересечь на пути туда, и о бумажных деньгах Китая». Появление таких книг один из многих фактов, опровергающих мнение тов. Канторовича («Новый Восток», № 15) об изолированности Китая при Юаньской династии.

шли и откуда направлялись дальше товары из Китая, из Индии, Персии, Сирии, Египта, Италии, из Сибири и, наконец, из Новгорода и балтийских стран. Даже в начале XV века, когда монголы были уже изгнаны из Китая, торговля его с западными странами не сразу угасла на сухопутных дорогах. При Тамерлане, который умер в 1405 году, она еще процветала. Лишь много позже, так, приблизительно с 1432 года, она, повидимому, сократилась почти до нуля. Это было уже при китайской династии Мин.

Крупная торговля шла тогда в Китае и по морю, но, повидимому, она была не больше, чем при Сун'ах.

Только в одном направлении торговля Китая при Юаньской династии (т. е. при монгольской) резко упала, а не выросла. Это — торговля с Японией. Объяснения этому нужно искать в том, что один единственный в Японии крупный торговый центр, каким в предыдущую эпоху было Киото, столица микадо, в XIII веке потерял почти все свое былое значение. С усилением феодалов на местах, с прекращением посылки дани в царскую столицу, с распадением страны на ряд мелких замкнутых рынков, с исчезновением зародыша денежного хозяйства, существовавшего в VIII-XI веках в небольшом по размерам Киотоском районе, внешняя торговля, естественно, должна была сильно уменьшиться. Но она все же не уменьшилась бы так резко, если бы не было дополнительных причин. Такой причиной была война Хубилая против Японии.

Еще в 1274 году, едва покончив с Сун'ской империей, он вынудил своего вассала, короля корейского, дать ему достаточное количество кораблей, моряков и запасов для нападения на Японию. Но планам Хубилая помешала буря, разгромившая монголо-корейский флот под Цусимой, той самой пары островов, близ которых 630 годами позже погибла эскадра Рождественского и Небогатова. Хубилай не оставил, однако, своего плана. В 1281 году, уже став полным хозяином в Китае, он построил в богатой лесом Фуцзяни вторую эскадру, силою в 4500 вымпелов (конечно, эскадры состояли из небольших, по сравнению с нынешними, судов), погрузил на них пехоту, метательные орудия (персидские баллисты), штурмовые лестницы, тараны, абордажные мосты и т. д., вплоть до кавалерийских коней, и пустился к берегам Японии вновь. Судя по описаниям этого похода, технически он был подготовлен великолепно. Были даже наблюдательные вышки на судах, были зажигательные снаряды, выбрасывавшиеся баллистами, и были устроены абордажные приспосо-

бления для кавалерийской атаки с судов. В одном японском источнике (правда, весьма мало заслуживающем доверия) говорится даже об огнестрельном оружии, но, очевидно, это просто неверное истолкование слова, которое могло иметь раньше не то значение, какое оно получило потом (теппо — ружье). Но, несмотря на все это, Хубилай и на этот раз потерпел поражение. Японцы не дали его армии возможности высадиться в намеченном им месте, а потом опять пришла одна из тех страшных бурь, которые бывают нередко в этих водах, и китайско-корее-монгольский флот погиб [1]).

Это было уже во второй раз. Хубилай больше не пытался повторить свою затею.

Неудачна была также попытка Хубилая пробраться в Кохинхину. Там врагами его армии оказались микробы тропической лихорадки. А их работу докончили спрятавшиеся в засаде противники. Но эта неудача не отразилась на торговле Китая с югом.

Заслуживает быть отмеченным, что не только Марко Поло, который поведал Европе очень много странных вещей о Японии, но, кажется, и сами китайцы не имели о тогдашней Японии достаточно ясного представления. Она казалась им страной необычайных богатств, где золото и серебро чуть ли не лопатой гребут. Возможно, что именно эти преувеличенные описания японских богатств и были причиной такой сильной жажды Хубилая захватить Японию [2]).

К концу Юаньской династии торговля с Японией возобновилась, но она не имела больших размеров. Происходившие тогда огромные столкновения внутри Японии не спо-

---

[1]) О том, что может представлять собою буря у берегов Японии, не скажешь лучше, чем сказал Гончаров в приложении к «Фрегат Паллада» («Через двадцать лет»). Пишущий эти строки видел лично две таких бури и уверен, что Гончаров не преувеличил. Представьте себе бурю, которая так подействовала на не очень нервного человека, что он и в 1926 году часто видит во сне виденное наяву в 1914-ом. Не волны, — буквально горы, громадные водяные горы, — обрушиваются на берег. Шум адский. От волн рождаются порывы ветра. Три часа — и знакомый берег преображается совершенно. Таковы японские «цунами» — бури, порожденные поддонными толчками.

[2]) Когда Колумб в 1492 году отправился в «Индию», к которой в Европе многие относили и «Катай» с Японией, он выговорил себе право потомственного губернаторства в Японии. Карта, которой пользовался Колумб, чрезвычайно неточна. Япония изображена на ней чуть ли не посредине того океана, который, по предположениям его и его современников, лежал между Европой и «Индией». К тому же она у него не продолговатая, а круглая.

собствовали торговле. Развитие ее относится уже к более позднему времени.

Начало XIV века в истории Юань было уже отмечено тем обычным, не раз упоминавшимся здесь явлением, которое знали все инородческие династии в Китае. Юань'и начали китаизироваться. Правда, эта китаизация не зашла так далеко, как для их предшественников, но она так или иначе началась. Что это значит? Повидимому, это было идеологическим проявлением того, что высший класс среди монголов начинал оседать в Китае, превращаться в местных жителей, в людей, уже по-новому заинтересованных в эксплоатации страны. Повидимому, они были теперь уже не внешней силой, а, вероятно, такими же помещиками, какими были доморощенные помещики эпохи Сун. Их хозяйское крестьянолюбие за 40-50 лет исчерпалось. А поскольку они китайцами еще не успели стать, антипатия к ним должна была быть достаточно сильной.

Одной национальной антипатии слишком мало, чтобы поднять на восстания большие массы. Но вот именно огромные массы выступили против Юань в 1350-ых годах. Чем же это объяснить? Пин Хуа-ли, специально изучавшая вопрос о сельском хозяйстве в Китае, не дает ясного ответа на этот вопрос. Другие же работы по истории Китая, поскольку они трактуют о Юань'ском периоде, часто просто не заслуживают доверия. Пристрастность, подчеркивание тех порочащих фактов, которые в истории других династий, несомненно, тоже были, но оставались не подчеркнутыми, наконец, заведомо ложные утверждения, в роде, например, того, что монголы стремились «уничтожить население Китая ради превращения страны в пастбище», — все это прямо бросается в глаза. Взять хотя бы последнее. Как могла появиться подобная бредовая идея у народа, который уже выучился понимать толк в таких вещах, как шелк, вата, хлеб? Но вот попробуйте найти подтверждение этой клеветы хотя бы у той же Пин Хуа-ли, которая весьма тщательно выписала все важные документы, относящиеся к земледелию. Вы там не найдете ничего подобного. Но вы найдете зато прямые указания на стремление этих бывших кочевников насадить земледелие даже там, где его перед тем не было.

Не в тех ли земельных мероприятиях Юань'ей, которые они проводили, только-что явившись из степей, нужно искать причину ненависти к ним обеспеченной части населения, из которой рекрутировались историки и писатели?

Есть, однако, нечто такое, что уже само по себе могло создать огромное недовольство в самых широких массах. Это колоссальная эмиссия, практиковавшаяся во времена Юань'ской династии. Если верить Ли Юнбину, между прочим, тоже достаточно пристрастному, выпуск бумажных денег не обеспечивался ничем, ибо Юань'и «разбрасывали золото и серебро направо и налево». За одно только царствование Хубилая, наиболее благополучное, кредиток было выпущено на 624.135.500 долларов номинальных. При этом, бумажные деньги играли роль и разменной монеты, ибо медная монета не чеканилась вовсе [1]).

Как ни относиться к этим данным, остается все же несомненным, что эмиссия была значительная и что к концу династии монгольские кредитки потеряли всякую цену, а между тем, правительство сильно нуждалось в деньгах, так как весь юг был охвачен восстанием. Естественно, что это должно было создать очень напряженную атмосферу.

Все же нужно сказать, что период Юань'ей остается по существу наименее изученным. А, между тем, именно, он имеет для интересующегося некитайской, а «всеобщей» историей наибольшую важность. «Юань ши», история Юань'ской династии, все еще остается для европейских читателей книгой за семью печатями; переведена только ничтожная ее часть. Нет никакого сомнения в том, что изучение ее открыло бы европейским, в частности русским историкам, очень много, чего они напрасно будут искать в европейских источниках той эпохи. Для нас, русских, она открыла бы особенно много ценного.

---

[1]) Возможно, что усиленная эмиссия объяснялась большим ремонтом и завершением постройки Великого Канала, доведенного при Юан'ях до Тяньцзиня.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

XXIV.

Эпоха романа и драмы.

Любители страшных рассказов очень много внимания уделяли творившимся монголами ужасам. Зарезанные дети, реки крови, кучи трупов, сожженные до тла города, изнасилованные женщины, замученные старики — вот содержание того, что обычно писалось о монголах. Слов нет, монголы толстовцами не были. Но не такие же ли вещи проделывали и крестоносцы, и турки, и арабы, и те же китайцы и вообще все завоеватели, шедшие, как известно, вовсе не для того, чтобы усладить своим присутствием взоры побежденных. Монголы были не лучше других. Но были ли они хуже — это еще вопрос. Во всяком случае, за веру они никого на кострах не жгли. А это уже большой плюс.

За веру они не казнили, но все же из-за церкви пострадали при них многие. Буддийская церковь, в ее тибетском виде, т. е. в виде ламайства, была нужна монголам, как орудие господства над остальными племенами степей. Поэтому ее служителей всячески ублажали, и они, случалось, использовывали свое положение ко вреду китайцев. В этом отношении при Юань был сделан шаг назад по сравнению с малосвязанной с церковью Сун'ской династией.

Регрессом, как уже сообщалось выше, отмечено при Юань и изготовление фарфоровых изделий, но это объяснялось не столько падением вкуса, сколько интересами развившейся торговли. Поэзия, живопись, скульптура, повидимому, особых успехов не сделали. Философия тоже не пошла вперед. И все же недолгий период Юань'ского господства можно считать в высшей степени плодотворным в истории китайской духовной культуры.

Это утверждение, столь не вяжущееся с представлением о монголах, как о каких-то профессиональных убийцах и истребителях, основывается на том, что именно во время их правления процветали в Китае две не развившиеся, а по мнению других и вовсе не существовавшие раньше формы лите-

COPYRIGHT В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ратуры — роман и драма. При монголах же они не только развились, но и сразу же достигли высокого процветания. Как творчество в поэзии было неумирающей заслугой современников династии Тан, как с развитием философии связываются имена ученых времени Сун'ов, так о романе и драме нельзя говорить, не упомянув о людях, живших в Китае под «монгольским игом».

Мы остановимся здесь только на этих двух проявлениях духовной культуры при монголах. Об остальном, как видно из объясненного выше, нового не скажешь.

По словам Джайльса, ни романа, ни драмы в Китае до Юань'ского периода не было. Правда, еще в Чжоу'ский период существовали какие-то «комедианты», о которых, между прочим, весьма неодобрительно говорил Конфуций, и были какие-то, повидимому, ритуального характера, танцы, но ни трагедии, ни комедии не развилось из этого. В эпоху Тан, — говорит Ли Юнбин, — труппы танцовщиц были в большом количестве. Они имелись даже в домах частных лиц. Они очень часто сопровождали и действующие армии. Но опять-таки эти группы не приобрели иного характера. Но у киданей театр был. Однажды случилось даже, что придворный спектакль явился причиной дипломатических осложнений. Это было в 1031 году, когда посол при дворе киданьского правителя опротестовал комическую трактовку Конфуция, между прочим, прямого предка этого посла.

Джайльс и роман склонен рассматривать, как продукт иностранного влияния. До Юань'ей, — говорит этот известный знаток китайской литературы, — существовали у китайцев короткие рассказы, басни и т. д., но не было ничего, что бы могло связывать их с возникшим при Юань'ях и прочно привившимся с тех пор длинным романом. Джайльс думает, что он возник в Китае благодаря влиянию Западной Азии, одновременно с Китаем оказавшейся под властью монголов.

Как бы то ни было, при Юань и драма и роман в Китае расцвели пышно. В 1615 году, т.-е. уже перед концом Мин'ской династии, были изданы сто избранных драм Юань'ского периода, и они заняли 8 толстых томов. В большинстве случаев они анонимны. В тех же случаях, когда имя автора известно, оно мало дает, ибо биография даже лучших авторов, из которых наиболее прославился Ван Шифу, не дошли до более позднего времени. Известно только, когда они жили, да и то лишь приблизительно.

По словам Джайльса, китайские драматические произведения трудно подвести под наши понятия трагедии, комедии

и т. д., ибо такого резкого подразделения у китайцев нет. Однако, то, что он приводит в пример, мало согласуется с его положением.

Вот, например, прославленное произведение Ван Шифу «Случай в Западном павильоне», повидимому, чрезвычайно близкое к тому типу, который определяется у нас как «мещанская драма», столь характерная для эпохи торгового капитализма.

Важная дама остановилась с дочкой в подворье при монастыре, куда она явилась на богомолье. Там же остановился молодой красивый ученый, которому когда-то удалось спасти их от разбойников, за что ему была обещана рука девушки. Однако, мамаша с тех пор успела раздумать. Но дочке молодой человек нравится, и она хочет быть его женой. На помощь приходит очень умная и хитрая горничная девушки, которая устраивает в конце концов дело так, что ее хозяйка, несмотря на нежелание матери, добивается своего.

Или:

Одному молодому человеку удалось понравиться отцу и матери взрослого женатого сына, не имеющего детей. Старики усыновляют его.

Молодой человек, влюбившийся в жену родного сына стариков, уговаривает его отправиться вместе с женой в одно место, где, по его словам, можно получить исцеление от бесплодия. По дороге он сбрасывает названного брата с лодки и заставляет его жену следовать за ним. Проходит много лет; старики успели превратиться в нищих. Но вот однажды к ним является молодой блестящий ученый, который оказывается их родившимся во время разлуки внуком. Старики счастливы. Но их счастье становится еще полнее, когда неожиданно появляется монах, в котором они узнают своегс давно потерянного сына — отца молодого ученого. Он оказывается не утонул, его спас рыбак. Находят и жену, мать ученого. Конечно, монах бросает монастырь. Старики опять поселяются в приличном доме, а злого разлучника ловят и наказывают.

Автором этой драмы была, по словам Джайльса, гетера, социальный тип, исчезнувший впоследствии в Китае. Среди таких женщин было несколько выделившихся своим поэтическим даром.

Юань'ские драмы и посейчас ставятся в китайских театрах. Но они редко разыгрываются точно по подлиннику. Обычно имеются урезки и вставки позднейшего периода. Иногда они носят злободневный оперeточно-буфонадный характер.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

Однажды, рассказывает Джайльс, он смотрел драму, содержание которой было построено на событиях эпохи Сун'ской династии, т.-е. относящихся к X—XIII в. в. Центральные фигуры драмы были генерал, его сын и царица враждебного племени. Сын, служивший под командой отца, не сумел выполнить порученной ему задачи, попал в плен и против желания оказался мужем варварской царицы. В конце концов он все-таки возвращается в ставку генерала. Отец приказывает его казнить. Просьбы матери и других, включая самого императора, не помогают. В этот момент появляется жена приговоренного, варварская царица, и разрезает веревки. Генерал узнает в ней ту, которая когда-то держала в плену и его самого. Он остолбеневает и, растерявшись, не препятствует ей делать то, в чем отказал перед тем императору. Оскорбленный этим император смещает генерала с должности, а вместо него назначает его сына.

Драма кончена. Но ее финал не удовлетворяет некоторых зрителей, и они громко выражают свое недовольство. Чтобы удовлетворить и их, действие продолжается. Теперь выясняется, что во всем виноваты не генерал, не сын, не варварская царица, а ее слуги. Приводят слуг. Они оказываются англичанами XX века, с рыжими усами, в визитках, с характерными тросточками и с трубками в зубах. Их допрашивают, судят и под восторженные крики на этот раз всех присутствующих ведут казнить.

Одна из драм посвящена памяти Юэ Фей'я, того генерала, который так доблестно сражался при Сун'ах с нюйчженями и так бесславно погиб. Об этой драме один русский китаист высказывается, как о высоко художественной. Она имеет совершенно иной характер, — героический.

Юань'ские романы тоже отличаются значительным разнообразием. Наиболее популярный из них «Сань Го Чжи Янь И». Основная его канва — исторические события, происходившие с момента восстания «Желтых тюрбанов». Но действительные факты так перевиты в нем с самой необузданной фантазией, так полны всевозможных чудес (в роде стрельбы в точку, как в предании о Вильгельме Теле), что получается нечто весьма мало похожее на настоящий исторический роман. О нем уже говорилось выше. По размерам он не меньше толстовского «Война и мир», если только не больше.

Другой тогдашний роман тоже с фантастическими включениями, но в данном случае уж совершенно переходящими за все пределы, написан по путевым заметкам одного буддийского монаха, ездившего в Индию.

Наряду с перегруженными фантастическим элементом историческими вещами писались и такие произведения, которые касались близкого времени. Среди них особенно славится авантюрный роман, главными действующими лицами которого являются разбойники, действительно существовавшие лица. По словам Джайльса, этот роман дает очень много для понимания жизни Китая. Написан он почти на разговорном языке [1]).

Этот переход к «подлому штилю», как выражались наши предки, и появление типичной мещанской драмы — явления, вполне согласные с тем, что дает анализ Юань'ской экономики.

Юань'ский период был, несомненно, периодом роста торгового капитализма.

Следующий, Мин'ский период, к рассказу о котором мы теперь переходим, не был в этом отношении шагом вперед. Наоборот, тогда, как мы увидим, произошло движение вспять. То, что при Мин'ах наблюдались некоторые успехи в области идеологии, говорит за прогрессивность их периода не в большей степени, чем появление свода законов при Юстиниане о превосходстве Византии VI в. над Римской империей I—III веков.

Мин'ский период был критическим периодом китайской истории. До него Китай стоял впереди Европы. После него он оказался позади.

Еще об одном.

Этот очень краткий обзор Юань'ского периода все же достаточно полон, чтобы дать понять, насколько неверно ходячее представление о «татарах», как о каких-то первобытных дикарях. Правда, здесь говорилось не столько о монголах степей, сколько о китайцах и о тех монголах, которые уже прикоснулись к источникам китайской, персидской и арабской культур. Но уже одно то, что, например, Хубилай

[1]) Здесь уместно будет отметить, что развитие японской литературы, в частности романа, происходило хотя и не без влияния со стороны Китая, но в общем совершенно самостоятельно. Возникновение романа, высокохудожественного, реалистического, относится в Японии к X веку. Но позднее китайская фантастика отразилась и на японской литературе. О японской драме тоже можно говорить, как о самобытной. Японские мистерии, т. наз. «Но», выросли непосредственно из религиозных представлений и в этом отношении близки к греческой трагедии, однако, поздейший «вульгарный» театр несомненно отразил некоторые китайские влияния.

Вообще говорить о японцах, как только о подражателях, значит расписываться в своем невежестве; в данном случае — в отношении драмы и романа — подобное утверждение будет просто бессмысленным.

Собрание В. Е. Белинского http://book.uraic.ru/

мог быть другом китайских ученых, что письменность монголы уже до Хубилая получили через уйгуров от сирийцев, что монголы умели управлять огромными армиями, вести статистику, налаживать финансовый аппарат, организовывать интендантство и т. д. — все это не говорит за первобытность активной части этого народа. Если даже признать, что оставшиеся в степях сохранили обычаи своих гуннских предков на все 100%, то о тех монголах и их соседях, которые осели на великих торговых путях евразийского континента, смешно говорить такие вещи. Монголы Китая, несомненно, были культурными по тому времени людьми. Такими же были монголы в Персии и Туркестане. Почему же о монголах Золотой Орды нужно говорить, как о якобы стоявших на несколько ступеней ниже жителей наших деревянных городишек XIII века? Какие данные за это? Да никаких! Кроме разве тех, что мы, мол, «европейцы», а они всего только «азиаты».

Но что такое «Европа» и что такое «Азия»? Чистейшие условности! Птоломей проводил границу Азии около нынешней Москвы. Поляки XV века у Смоленска. 10 лет тому назад граница Азии и Европы шла по линии границ Тобольской и Пермской, Оренбургской и Тургайской губерний. Почему? Потому, что так начальство решило. Урал, правда, естественная граница. Но почему бы в таком случае и Индию не считать за материк?! Гималаи, ведь, все же раз в 6—7 выше Урала.

Нет никакой Европы и Азии! Есть Евразия — единый материк. Стоит посмотреть на карту, положив ее в непривычном для глаза положении, и это бросится в глаза.

Причину падения власти татар в России нужно искать вовсе не в «европействе» и «азиатстве», не в христианстве и магометанстве, а в том, что Каспийско-Волжский торговый путь был длиннее и неудобнее, чем прямой путь из Передней Азии в Венецию и Геную и далее в Западную Европу, и в том еще, что Москва выгоднее расположена по отношению к Европе и по отношению к самой России, чем район Астрахани и даже Казани. Распад Батыева наследства был поэтому неизбежен, как неизбежно было возвышение Москвы. Но в XIII веке Волжско-Каспийско-Персидский путь мог еще иметь значение, способствующее развитию зачатков торгового капитализма, но только не у нас, русских, а именно у татар. Мы же пришли уже во вторую очередь.

В № 6 «Нового Востока» интересующийся вопросом о культуре татар найдет несомненные доказательства сравни-

Собрание им. В. Г. Белинского
http://book-li.narod.ru/

тельно очень высокого культурного уровня, достигнутого в Золотой Орде потомками кочевников.

Кстати надо пояснить, что выражение «татаре» применяют в связи с историей Китая к очень многим жившим к северу от него народам, в том числе к маньчжурам. Но татаре, как особое племя, существовали давно. Они, повидимому, имели зачатки земледелия еще тогда, когда не вышли вместе с монголами из степей Северной Монголии.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXV.

Восток и Запад в период европейского Возрождения и великих открытий.

Пройдут века. Пройдут тысячелетия. Воспоминанием далекого прошлого станет наша борьба. Изменится и человечество и грандиозно выросшей техникой изменит лик земли. Быть может, исчезнут нынешние расы, смешавшись и поглотивши друг друга. Быть может, невероятным будет казаться, что Европа когда-то была средоточием мира. Быть может, где-нибудь в Сахаре или на островах Тихого океана расцветут центры культуры. Вспомните, как феерически быстро изменялся мир на протяжении всего лишь полутора столетий. Чем были 150 лет тому назад нынешние Соединенные Штаты? Чем была Япония? И не диким ли кажется теперь, что неисследованными областями были тогда местоположения нынешних цветущих городов Тихоокеании! Не странно ли, что вот та самая владивостокская бухта, которая видна из окна пишущему эти строки, даже 70 лет тому назад не была еще обозначена на карте?!

Необычайно изменился мир, и кто знает, какие огромные перемены произойдут даже на протяжении жизни одного нашего поколения!

Но как бы ни сложилась история человечества, как бы «доисторично», «пещерно» не представлялась людям грядущего все то, что предшествовало начавшемуся на наших глазах рассвету, — не забудется все же полная великими событиями эпоха XV—XVII веков.

Ибо именно тогда сложились предпосылки объединения человечества в планетарном масштабе.

Недешево достались они. Войнами, голодовками, истреблением целых народов отмечено было «первоначальное накопление». Золотым веком казалось, вероятно, современникам недавнее феодальное прошлое. Но это было неизбежно. История не знает тысячелетий мирной эволюции. И катастрофами сопровождалось рождение нового всегда и везде. Ката-

строфой, потрясающей революцией была и серия тех «великих открытий», которые происходили на рубеже XV и XVI веков.

1484—1521 годы. Всего лишь тридцать семь лет. Всего лишь полжизни одного поколения. Двадцатилетние стали пятидесятилетними, тридцатилетние еще не стали глубокими стариками. Но сопоставьте объем географических познаний Европы в начале и в конце короткого периода.

В начале этого тридцатисемилетия место поворота африканского берега в вершине Гвинейского залива было крайним пунктом достижения европейских моряков. Дальше простиралось неизвестное, загадочное, пугающее, окутанное туманом странных и нелепых легенд.

Там ждали «Клейкого моря», «сжигающих все живое палящих лучей», ждали невероятных чудес. Европейцы не перешагнули тогда даже за ту черту, до которой за три тысячелетия перед тем, повидимому, простиралось влияние критской культуры [1]). Мир остался таким же тесным, каким он был в древности.

А через 37 лет была обследована огромная часть побережья до тех пор совершенно неведомой, даже не предполагаемой Америки, открыт был морской путь в Индию, достигнут Китай, открыт ряд островов в Тихом океане и завершено первое кругосветное путешествие.

За 37 лет был открыт мир.

Большая часть работы была, конечно, впереди. Но это была работа детализации. Фундамент европейского господства над миром был заложен.

Это было величайшее торжество европейских моряков. Но это было и катастрофой, — катастрофой для многих миллионов живших и еще не родившихся поколений. Оно было катастрофой и для Китая. Но только значительно позже ощутил он ее.

Есть странное соотношение между кривыми развития Китая и Средиземноморского мира, — соотношение, конечно, случайное; только в позднейшую эпоху можно здесь предположить причинную связь. Речь идет о характерном расположении ее восходящих и нисходящих частей в течение последних восемнадцати веков. В III веке, когда западный мир переживал период высокого подъема, Китай спустился до самой низкой точки своего послеханьского феодального рас-

[1]) О связях критян с центрами древней негрской культуры и об этой культуре был ряд статей в «Новом Востоке».

пада. В ранний Тан'ский период, когда внешнее могущество Китая достигло зенитной высоты, полнейший распад являлся, наоборот, уделом Запада, как римского, так и византийского. А в период, когда так мощно поднималась Европа, т.-е. вот именно в рассмотренные здесь XV—XVII века, кривая развития Китая шла вниз. Упреждая наш рассказ, отметим еще, что последний и худший распад Китая — 1850—1875 годы — хронологически точно совпадает со временем стремительного подъема Европы. Но уже здесь взаимную зависимость двух этих противоположных явлений можно установить определенно.

В XV—XVII веках такой зависимости не было. Упадок Китая, как это будет видно из следующей главы, объяснялся внутренними причинами, повидимому, совсем не связанными с возникновением сношений с впервые появившимися в 1517 или 1518 годах в Китае европейскими моряками.

В эти трагические для Китая три столетия во главе его стояла династия Мин, вынесенная к власти на гребне громадного восстания, охватившего империю их предшественницы Юань'ской, монгольской династии. Мы уже отмечали некоторые причины, приведшие к ослаблению Юань'ей. Здесь остается еще добавить, что при последних, в сущности номинальных, императорах юаньского дома в нем происходила непрерывная внутренняя склока из-за престолонаследия. Отравления, убийства и тому подобные «византийские» приемы процветали. Династия слабела. Народное недовольство же возрастало. В конце концов тайное общество Белой Лилии, о котором мы еще не раз упомянем в дальнейшем изложении, организовало движение, очень сложное, очень интересное, но опускаемое нами просто ради экономии места. В результате восстания сын бедных деревенских родителей, монастырский послушник Хун У, как он назывался уже в качестве императора, стал основателем династии, — династии Мин. Это событие относят официально к 1368 году.

Ничто не предвещало тогда предстоявшего упадка Китая. Наоборот, именно тогда китайцы шагнули, казалось, вперед и осуществили то, чего ни до Мин'ов, ни после них они не делали.

Они приступили к тому же самому, к чему несколько позднее приступили португальцы и испанцы — к созиданию для себя империи за морями. Мало того, они взялись за это еще более решительно, более организованно и в более крупном масштабе, чем пиренейские государства.

Китайские мореходы начали свои завоевательно-торговые экспедиции в 1405 году и в течение ближайших же лет вынудили признать господство своего императора государей Рюкю, Явы, Цейлона и многих других земель, никогда не подчинявшихся предшествовавшей Юань'ской династии, тоже обладавшей флотом. Оттуда они поплыли дальше на запад и достигли, наконец, устья Замбези в Южной Африке. Пройди они еще немного, каких-нибудь 2 тысячи верст, а это был пустяк по сравнению с пройденным от Китая путем, — и не португальцам, а китайцам, досталась бы тогда честь открытия морского пути вокруг Африки.

Но ни они, ни арабы, постоянно плававшие в этих водах, почему-то этот последний, сравнительно маленький участок не прошли. Всего вероятнее они не сделали этого просто потому, что подобное путешествие не обещало никаких торговых выгод. Европа не была ведь окружена для них тем ореолом легенд, каким для Европы была окружена «сказочно богатая» Индия.

Эти плавания китайцев были громадны не только по покрытому пространству, но и по числу судов и моряков. Уже первая экспедиция включала 62 больших корабля с 30.000 человек.

Совсем иной характер имели экспедиции, начатые 28-ью годами позднее португальцами. Чтобы убедиться в этом, посмотрите на карту Африки и проследите по годам достигнутые крайние пункты. Вот они:

В 1433 году достигнут мыс Баядер. Он не дальше от Португалии, чем Сицилия.

В 1440-ом — мыс Бланко, на 20° с. ш. Успех за 7 лет выразился километрах в 700—800.

В 1444 и 1445 годах были еще некоторые достижения, но не настолько большие, чтобы о них стоило говорить особенно много. Современникам же они казались громадными, ибо удалось обогнуть мыс Зеленый, самую западную оконечность Африки.

В 1470 году достигнут Гвинейский берег, который, вероятно, посещался европейцами еще задолго до греков (см. «Новый Восток», № 15, ст. Богаевского «Атлантида»), в эпоху процветания Крита.

И только в 1484 году начались более далекие плавания и было достигнуто устье Конго.

Обогнут же мыс Доброй Надежды был уже в 1498 году.

Картина ясна: португальцы шли медленно, ощупью, превозмогая затруднения и опасения не годами даже, а десят-

ками лет. Лишь через 50 лет после первого «дальнего» плавания они дошли до того места, до которого китайцы, выйдя в море, доплыли сразу, не задерживаясь подолгу нигде.

Но в 1500-ых годах о китайских моряках уже не слышно на морях, а португальцы становятся хозяевами тех портов, из которых одним веком раньше возилась дань китайскому императору. Мало того, в том же XVI веке жители китайского побережья становятся постоянными жертвами пиратов разных наций и вынуждены уходить далеко в глубь страны, ибо они бессильны против морских налетчиков и — что нужно подчеркнуть — не только европейских, но и японских, малайских и т. д.

Дело было, очевидно, не в превосходстве европейцев, а в слабости, — слабости, обозначившейся за одно столетие. Причины нужно, очевидно, искать не вне Китая, а внутри его. И действительно, именно в те годы, когда португальцы совершали свои первые робкие попытки плаваний к югу, в Китае появилась та страшная язва, которая разъедала в течение 250 лет Мин'скую империю.

О ней в следующей главе.

Пока же вспомним, что произошло за те же ¼ тысячелетия в Европе. Остановимся только на идеологии и еще на расширении территории будущих противников Китая.

В XIV столетии, когда пала монгольская династия в Китае и у власти стала Мин'ская, Италия переживала период Возрождения. Но средневековый дух еще царил во всей остальной Европе. Да и в самой Италии лишь передовые люди избавились от него.

В XV веке, когда наметился упадок Мин'ской империи, Возрождение заражает и Германию. Начинается подготовка к Реформации, идет борьба с католицизмом. В XVI веке усвоившая и возродившая наследие древних Европа начинает уже самостоятельное движение вперед в области науки. Эту новую страницу открывают Коперник (1472—1543 г.г.), Леонардо да Винчи и ряд других. В XVII веке делается следующий громадный шаг. В 1620 г. печатает свой знаменитый «Новый Органон» Бэкон, одновременно с ним работают Кеплер (ум. в 1630 г.), Галилей (ум. в 1642 г.) и целая плеяда других астрономов, математиков, физиков, работа которых подготовляет путь Ньютона, который на рубеже XVIII века открыл первый мировой закон, закон тяготения. Впрочем, это уже выводит нас за пределы того периода, который охватывает в Китае процесс мин'ского гниения.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Конечно, Коперник и все остальные основоположники современной точной науки, жившие тогда, были еще одиночками. Новое мировоззрение еще не сложилось. Средневековье еще царствовало над умами правителей и управляемых. Попрежнему жгли на кострах ведьм, сжигали не раз и ученых. Ведь и Галилей, умерший за два года до даты падения Мин'ов в Китае, рисковал костром. Ведь в Европе, как и в Китае, ручное производство все еще оставалось господствующим безраздельно. Феодализм ведь не умер окончательно и там.

Но предпосылки экономического переворота, а с ним и переворота во всем остальном, были в Европе налицо. В Китае же происходил не рост, а распад.

Любители старинной бронзы не нахвалятся произведениями мастеров того периода. По их мнению, тогдашняя бронза не превзойдена с тех пор. Мин'ская живопись, лакированные изделия, клуазоны до сих пор возбуждают среди ценителей восторг. Мин'ский фарфор великолепен; говорят, не было той вещи, которая не могла быть тогда сделана из фарфора, из него изготовлялись целые башни. Но развитие этих производств шло рука об руку со страшным сокращением посевной площади, хищническим отношением к земле, с огромным упадком благосостояния масс, с вымиранием и вырождением. Рынок сокращался и самое процветание этих искусств, качественное, а не количественное, было результатом того, что они обслуживали, главным образом, ценителей из обогащающейся за счет широкого потребителя знати, главным образом, придворной.

Конечно, положение народных масс в Европе было тогда не легче. Жакерия во Франции (1358), восстание Уота Тэйлора в Англии (1384), разорительная Столетняя война между Францией и Англией (с 1337 г.), татарские набеги и войны с Литвой в России, турецкие нашествия на юге Европы — все это тоже было окрашено в цвет крови. Но кривая развития для Европы поднималась. Росла и политическая мощь тех, с кем впоследствии Китаю пришлось столкнуться. Вспомните хотя бы то, что наблюдалось в эпоху, когда в Китае царствовали Мин'ы, в самой отсталой европейской стране, — в России.

В конце XIV в. Московское княжество еще только-только становится на ноги. Новгород, Псков, Тверь еще враги для него. На Волге господствуют Казань и Астрахань; на северовостоке — Новгород. Московское княжество остается еще чем-то уездным, маленьким. В 1471 г. Новгород уже вассал

Москвы; через 14 лет вассалом становится и Тверь, а столетием с небольшим позже татарские царства уже смяты, отряд Ермака переходит через Урал, и в 1640 г.г., когда Мин'ская династия пала, русские доходят до Охотского моря. Московское княжество — маленькое, уездное — превращается в 300 лет в огромную империю, простирающуюся от Ливонии и Польши до Тихого океана.

В те же годы сложилась мощь и другого будущего врага Китая, самого страшного врага, — Англии, выступившей на арену мировой политики в 1600 годах.

Тогда же, в 1600 годах, окончательно объединилась и Япония, где при господстве Токугав вырос торговый капитализм, сделавший возможным переход Японии в XIX веке к промышленному капитализму.

И тогда же возникли поселения в Новой Англии, выросшие впоследствии в нынешние Соединенные Штаты.

Кадр будущих врагов Китая формировался.

Подведем теперь те итоги 300-летия Мин'ской эпохи, которые относятся к внешним делам Китая.

В 1368 году Китай сбросил с себя власть монголов, от которой не сумела освободиться в 1380 году Россия (год Куликовской битвы) и которая все еще продолжала держаться и даже укрепляться в Юго-Западной Азии. А в 1644 году тот же Китай был без труда завоеван небольшим полукультурным народцем с берегов Сунгари.

В конце XIII века Марко Поло, выходец из Венеции, передового уголка тогдашней Европы, поражался высотой китайской культуры. А в 1600-ых годах начался упадок даже в тех производствах, которыми специально славилась эпоха Мин.

В 1405 году китайцы совершали морские набеги и торговали на всем пространстве Индийского океана. А уже во второй половине XVI века пираты разных стран совершенно безнаказанно грабили китайские берега, не боясь встречи даже с лучшими из мин'ских солдат.

С окончательной победой маньчжур в конце XVII века Китай вступил в период нового подъема. В XVIII веке он даже достиг высшего в его истории могущества. Но не надолго. 300 лет гниения сказались. Китай уже не мог догнать опередившую его за это время Европу и, когда он столкнулся с нею, он оказался разбитым.

Мин'ская эпоха — это то время, когда сложились предпосылки будущего порабощения Китая.

XXVI.

Критический период китайской истории.

(Династия Мин 1368—1643 г. г.).

В 1368 году владычество монголов было уничтожено. Их последний представитель на китайском троне бежал в свои родные степи. А на смену ему пришел вынесенный на гребне народного восстания вчерашний монастырский послушник, основатель династии, 275 лет правившей Китаем, — на восемь лет дольше, чем сменившая ее маньчжурская. Лишь исключительно благоприятные для нее, но не для народа, условия позволили ей держаться так долго, — ей, которая, по мнению китайских историков, была единственной среди «больших» династий Китая, не имевшей своего «золотого века».

Восстание, приведшее к падению власти монголов, было по составу участников крестьянским, а вождь его, будущий император Тайцзу, более известный под именем Хун У, был тоже из земледельцев. Восстание победило, но, как и следовало ожидать, оно не привело к улучшению положения крестьянских масс. Уже одно то, что изгнанные монголы не хотели мириться с потерей Китая и создавшимися для них условиями, делало невозможным уменьшение налогов и повинностей; они, наоборот, должны были расти, а с ними расти должна была и задолженность крестьян. Но в XIV веке было только начало. Худшие времена пришли потом.

Война с монголами была вначале успешной для Китая. Китайские войска, преследуя монгольских налетчиков, проникли в их родные степи, заняли Внутреннюю Монголию, укрепились в Южной Маньчжурии и двинулись дальше, потеснили недавних своих господ на р. Керулэн, которая протекает недалеко от нынешних границ Забайкалья. В одном из боев — это было в 1388 году — монголы, по данным китайских историков, потеряли 80 тысяч человек одними пленными. Таким образом, попытка монгол вернуть себе власть над Китаем кончилась для них весьма печально.

Успех сопровождал войска экс-монаха и в других местах. Еще в 1371 году они покорили неподчинявшийся новой власти Сычуань, а затем Юньнань, которая, нужно напомнить, до Юаньской династии не была частью Китая. Успехи в Юньнани заставили и соседнюю Бирму признать над собой сюзеренитет Мин'ов, а успехи в Монголии привели к добровольному вассалитету и Корею, вассалитету, правда, скорее номинальному, чем действительному.

Несмотря на войны, внутреннее положение в Китае было до 1408 года сравнительно благополучным, хотя уже последние годы царствования Хун У отмечены были захватом бедняцких земель сельскими богачами. Но это была сущая безделица по сравнению с тем, что происходило потом. Наметился даже некоторый рост населения (с 56 до 60 миллионов).

Положение крестьянских масс резко ухудшилось после смерти Хун У, когда началась борьба за престол.

Нужно пояснить, что помимо провинций с «казначеями» во главе их, при Хун У существовали и уделы, розданные 23 его сыновьям, из которых каждый имел собственные войска. Внук и преемник Хун У сделал попытку покончить с уделами, но наткнулся на бешеное сопротивление дяди, который с боями прошел по двум провинциям и взял Нанкин, тогдашнюю столицу, и сам сделался императором, предварительно расправившись со всеми своими противниками. Впрочем, племянника ему поймать не удалось.

Едва кончилась эта война, как началась новая, на этот раз внешняя. Началась она под предлогом помощи отстраненному от престола наследнику аннамского престола. Результатом этой «помощи» было присоединение Аннама в качестве новой провинции (1407 г.). Почти одновременно пришлось возобновить борьбу с монголами, которые, правда, ненадолго, вновь объединились под главенством знаменитого Тимура, присоединившего часть Индии, разбившего турок и мечтавшего о возвращении под власть монголов Китая. Со смертью Тимура (1405), как это часто бывало со смертью вождей степняков, грандиозные планы монголов были, однако, оставлены. Тем не менее китайцы борьбу не прекратили, и на этот раз сами выступили в качестве захватчиков.

С 1409 по 1422 год шла эта борьба. Успех повсюду сопровождал китайцев. Вся Монголия к востоку от меридиана нынешней Томской губернии покорилась им. Они разбили монголов на Ононе (Онон и Ингода, две реки Забайкалья, образуют, сливаясь, Шилку, которая, сливаясь в свою очередь

с Аргунью, образует Амур), на Толе (близ Урги) и в других местах Внешней Монголии и стали хозяевами большей части этой страны. Впрочем, очень недолго длилась их власть над Монголией.

Завоеванием Монголии, Аннама, Южной Маньчжурии и Юньнани и вассалитетом Кореи и Бирмы не ограничились великодержавные стремления первых Мин'ов. Они искали большего.

Под предлогом отыскания местопребывания бежавшего бывшего императора его победитель, дядя, отправил сильный флот под командой евнуха Чжен Хэ (евнухи играли огромную роль при Мин'ах), который, отправившись из Китая в 1405 г., побывал на близлежащих островах Рюкю (где было государство, имевшее китайскую культуру, но по расе населения близкое к Японии [1]), на Яве, Суматре, Борнео, в Малакке и даже в Индии, где накладывал дань и добивался признаний китайского суверенитета. Впоследствии тот же Чжен Хэ, как это отмечалось раньше, побывал также на Цейлоне и даже в устьях Замбези, в Южной Африке. По своему характеру плавания флотилии Чжен Хэ были весьма похожи на более поздние поездки Васко-де-Гама и ему подобных открывателей дальних морей, умевших сочетать в себе дипломатов, военных, купцов и пиратов.

Столкнулись китайцы и с японцами, которые уже со времен Юаньской династии производили пиратские нападения на берега Китая. В 1419 году китайцам удалось нанести пиратам жестокое поражение в Ляодуне (в Маньчжурии), и это несколько охладило пыл японских авантюристов.

Таким образом, к концу первой четверти XV в. Мин'ская империя по внешности процветала. «Ее слава гремела» от Байкала и Енисея до экватора и от Японии до Африки. Если бы Китай сумел тогда закрепить свои успехи, он затмил бы и монгольскую империю, и императорский Рим, и других претендентов на мировое господство. Но он не закрепил своих успехов и закрепить их не мог. А не мог потому, что внутри его была червоточина, которая все расширялась и все больше и больше разъедала его государственный организм.

По внешности все было великолепно. Царствования императора-завоевателя и его преемника отмечены высоким процветанием искусства лакирования и инкрустаций, еще большим процветанием изготовления бронзовых изделий, предназначенных для украшения домов и храмов, большими

[1]) Рюкю описаны в гончаровской «Фрегат Паллада».

достижениями в живописи и каллиграфии и успехами ремесл. Начинался классический период китайской керамики. Литературе оказывалось покровительство. Перепечатывались в огромном количестве старинные книги. В крупных центрах открывались доступные для публики библиотеки, устраивались школы. Составлялось новое уложение — огромный труд, к которому было привлечено множество людей. Составлялась энциклопедия. Были крупные достижения и в архитектуре.

Но червоточина уже сказывалась — сказывалось растущее разорение крестьян.

Уже война за наследство (1398 г.) больно ударила по сельскому населению, а грандиозные военные предприятия последующих годов беспрестанно били по карманам плательщиков налога. Задолженность их росла. Начались голодовки. Ростовщики поднимали головы. Уже в самом начале XV в. насчитывалось не мало крупных земельных имуществ. Но что было наиболее грозным, многие из имений занимали не обыкновенные поля, а дно бывших озер, захваченных и осушенных местными крупными помещиками, как чиновниками, так и купцами. Это означало недостаток орошения для соседних земель и необходимость их хищнического использования, т. е. быстрого истощения. Среди имений последнего типа были уже такие, размеры которых доходили до 7 тысяч правительственных му, т. е. на русский счет почти до 400 десятин. Это, заметьте, озерных земель, а не земель вообще. Идя на поводу у помещиков, правительство должно было смотреть сначала сквозь пальцы на осушку водоемов, а затем даже официально допустить это заведомо губительное явление. Тем самым оно осудило себя на путь, который должен был привести к гибели династию и империю.

«Не было ни одного года» (во время правления Мин'ов), говорит один из современников, «чтобы то та, то другая местность не освобождалась от уплаты земельных налогов». Но само собой разумеется, подобное освобождение могло иметь место только тогда, когда с крестьян все равно ничего собрать было нельзя. Если бы это было иначе, если бы сложение недоимок объяснялось одним лишь великодушием императоров, то мы бы, конечно, не нашли среди документов той эпохи сообщений о массовом бегстве крестьян с земли, бегстве от долгов, не нашли бы и тех грозных распоряжений о казни уличенных в бегстве с земли, после которых следовали новые распоряжения о всемерной заботе о бежавших и об их устройстве на новых местах.

Ясное дело, сбор налогов с каждым неурожаем, с каждым моментом массового отчуждения крестьянских земель становился затруднительнее и все туже становилась выплата денег размножавшимся императорским родственникам, содержанкам, евнухам и прочим паразитам, облеплявшим двор. Чтобы удовлетворять их все увеличивающиеся аппетиты, пришлось искать новые средства, и они были найдены в создании так наз. дворцовых имений.

Первое упоминание о дворцовых имениях относится к середине XV века, когда правительство конфисковало владения одного частного человека, размерами в 193 десятины, и объявило их собственностью двора, а через 40-50 лет дворцовых имений в одной только столичной провинции насчитывалось пять, с общей площадью в 70 тысяч десятин, плюс 332 имения с общей площадью в 181 тысячу десятин, розданных высшим чиновникам и придворным. Еще несколькими годами позже, в царствование У Цзуна (1506-1521), в столичной провинции было 300 дворцовых имений, а кроме того, неизвестное количество их было разбросано по всей империи, при чем одно из них, находящееся в руках влиятельного императорского родственника, занимало 2 с лишним тысячи десятин (35 тысяч му). Таких же размеров достигали имения ряда лиц, относительно которых известно только то, что они бывали при дворе и пользовались императорскими симпатиями. По свидетельству современников, эти земли были «частью подарены им императором, частью украдены или силой отняты у людей». В царствование Ши Цзуна (1532—66) дворцовые имения, находившиеся в распоряжении некоторых принцев, принцесс и других паразитов, доходили каждое до 55 тысяч десятин (1 миллион казенных му). Правительство изредка отдавало приказы о приостановке захвата земель, запрещало, грозило, но одновременно частным образом, закулисно поощряло дальнейшие грабежи.

Дворцовые земли были, по мнению современников, «главной причиной народного негодования, народной нищеты, истощения почвы и неурожаев». Насколько это мнение верно, трудно сказать без предварительного серьезного изучения этой проблемы.

Но вернемся к тому времени, когда дворцовые имения еще не возникли, но рост налогового бремени уже начал больно давить плательщика, т.-е. ко времени недолгого «блеска» империи Мин'ов.

А он действительно был очень недолог. Уже в 1428, т. е. через 21 год после южного похода, китайский император

«счел более удобным предоставить Аннам управлению туземных властей» и вывести оттуда войска и чиновников «на условии платы ежегодной дани». Но дело было не в удобстве или неудобстве, а в том, что мин'ская казна не могла выдержать расходов по управлению новозавоеванным краем. Что же касается «дани», то она, повидимому, была номинальной и сводилась к периодическим подаркам императору [1]). Восемью годами позже, в 1436 году, против власти Китая поднимается ободренный успехами своего соседа Аннама Юньнань, и на усмирение его тратится целых 11 лет.

Тем временем отделяется покоренная было Монголия, и степные наездники начинают по-старому, по-бывалому нападать на Китай. Их смелость все возрастает, и в конце концов они захватывают город Датун в Шаньси (место пограничных конских ярмарок), решительно бросаются потом на полумиллионную китайскую армию, с самим императором во главе, наголову разбивают ее и (в 1449 г.) берут императора в плен. Правда, их напор постепенно слабеет, и, дойдя до Пекина, где их поджидает вторая армия, они уже не в состоянии вступить с нею в бой; тем не менее, с тех пор о возобновлении власти Мин'ов над Монголией речи уже не могло быть.

Больше того, китайцы даже не выступили, чтобы выручить своего плененного государя. Они нашли ему заместителя, который и был объявлен императором и оставался им до тех пор, пока пленник не надоел монголам. Они отправили его домой и имели удовольствие видеть, как отпущенное ими ничтожество рубит головы тем, кто приостановил наступление монголов, но счел ненужным позаботиться о своем неудачливом повелителе.

Что касается «вассалитета» южных стран, в которые ходила эскадра Чжен Хэ, то он рассосался как-то незаметно. Правда, экспедиция указала дорогу китайским купцам, которые с тех пор часто посещали Яву, Суматру, Борнео, а в особенности Малакку. Так или иначе о подчинении этих стран Китаю речи уже не было.

---

[1]) О вассалитете Аннама по отношению к Китаю вопрос всплыл лишь в 60-х годах XIX века, когда Аннам начал становиться жертвой Франции. А в 1884 году из-за Аннама Китай был втянут в неудачную войну с Францией.

XXVII.

Двести лет гниения.

(XV—XVII вв.).

Возвращение императора из плена было в 1457 году. Это тот самый год, когда было конфисковано уже упоминавшееся имение, — первое из превращенных в число дворцовых. С этого времени ослабление Мин'ской империи идет непрерывно, решительно и неуклонно, без всяких временных периодов улучшения. И это гниение продолжается вплоть до 1644 года.

«С 1457 года и до 1627 все императоры династии Мин были развратны, не заботились о делах и губили империю», пишет современный нам китайский историк Ли Юнбин, свято верящий, очевидно, что все зависело от императорских воли и характера.

Шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы — годы непрерывных мелких войн. Кончается столкновение на границе с Монголией, начинается война с неассимилированными туземцами внутри Китая; кончается война с ними, начинается пограничная война. Войны разнообразятся местными возмущениями, вспыхивающими то тут, то там. «Войска все время двигались с места на место, не зная покоя», отмечает тот же историк.

Правительство пробует исправить положение дешевой распродажей хлеба в неурожайных районах. Но это капля в море нищеты. Оно пытается добыть средства добыванием золота в бедном им Центральном Китае и, конечно, терпит убытки. А приисковые рабочие мрут от эпидемии лихорадки. Наконец, правительство решается на героическую меру и отнимает земли у буддийских и даоских монастырей, чтобы поселить на них тех, чьи участки истощены. Но, повидимому, очень скоро эти земли уходят туда же, куда уже ушли земли обнищавших крестьян, — «к сановникам, могущественным лицам, богатым купцам» (Пин Хуа-ли) и, вероятно, под дворцовые имения, которые в это время особенно быстро растут и по количеству, и по размерам.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Царствование Сяо Цзуна (1488—1505) проходит под знаком невероятного взяточничества, которым особенно прославился любимый министр этого государя. Вот что знаменитый философ Ван Янмин [1]), современник этого императора, писал о положении в Китае, — Ван Янмин, который по своему положению наместника обширной, охватывающей две современные провинции [2]), области, казалось, должен был быть склонным к официальному оптимизму, а не к горестным размышлениям:

«Судя по нынешним условиям, мы приходим к заключению, что нет средств улучшить положение силами правительства и народа, а в то же время надежды на помощь со стороны всех наших соседей уже исчезли».

Но и это не было худшим временем.

Мы подошли теперь к той эпохе, когда первые европейские моряки — испанцы с востока и португальцы с запада — добрались впервые до Китая. Каким же был тогдашний Китай?

Засухи, наводнения и голодовки то-и-дело посещали Северный Китай. Немного лучше было на юге, откуда шло снабжение столицы (с 1421 г. она была перенесена из Нанкина в Пекин) и армии рисом, с монголами все время происходили столкновения. На другом конце империи, на острове Хайнань, шло восстание. Восстание было и на западе, в Сычуани. Было оно и на севере, в Чжили. Шаньдун превратился в страну, где путешествие было слишком большим риском, ибо все дороги были во власти разбойников. Казна была пуста, и чтобы пополнить ее были введены откупы от наказаний. Любое преступление прощалось тому, кто уплачивал штраф деньгами или зерном. Бегство крестьян с земли продолжалось.

С 1488 по 1532 год посевная площадь государства уменьшилась с 6 миллионов цюаней до 4,3 млн. против 8,5 миллионов, обрабатывавшихся в первые годы существования Мин'ской династии, — говорят данные Пин Хуа-ли.

[1]) Ван Янмин был сторонником того взгляда, что «законы мира и законы сердца человека одинаковы», что всякий ученый и неученый, знатный и незнатный, одинаково может быть судьей своих и чужих дел, так как в сердце своем он находит высший критерий добра и зла. Учение Ван Янмина впоследствии сильно распространилось в Японии, где сыграло революционизирующую роль перед переворотом 1868 года. Оно и до сих пор не утеряло своего значения.

[2]) Ван Янмин был губернатором в пров. Хугуан, впоследствии разделенной на Хубэй и Хунань. Поделены впоследствии были и две другие существовавшие при Мин'ах провинции. До XIV века административные деления сильно отличались от нынешних.

Вдвое!..

Мало того, они, эти четыре миллиона, «давали вдвое меньший урожай при вдвое большем труде», — так, по крайней мере, говорили современники.

Короче говоря, положение уже тогда было катастрофическим. И тем не менее, оно продолжало ухудшаться.

Вот тогда-то и появились в Кантоне португальцы; первый раз в 1516 году (Рафаэль Перестрелля), второй раз в 1517 (Фердинанд Андраде). Однако, роль португальцев вовсе не была так велика, как это думают, она была в сущности ничтожной. Поэтому, во избежание перерыва в изложении, мы на этом задерживаться не будем. Достаточно лишь отметить, что с португальцами пришло в Китай огнестрельное оружие и расширились познания по астрономии и геодезии [1]).

Иное дело японцы. Со времени Хубилая, попытавшегося завоевать Японию, торговля между нею и Китаем почти прекратилась. Лишь отдельные мореходы, полукупцы и полуразбойники, появлялись от времени до времени у берегов Китая. С конца XIV века их нападения участились, но после того как в 1419 году их десант потерпел поражение в Ляодуне, Мин'ские императоры сочли выгодным вступить в переговоры с так называемым центральным правительством Японии, чтобы побудить ее удерживать своих слишком предприимчивых подданных. «Правительство», т. е. те, кто в этот момент был сильнее, соответствующее обещание дать дало, но, конечно, его не выполнило и выполнить не могло, ибо территория, на которую распространялась его власть, была совершенно ничтожной и притом все время изменявшейся.

Тогдашняя Япония находилась в состоянии полного феодального распада, и поражение каждого из борющихся князьков означало появление новой «резервной армии» морского разбоя. Когда же феодальная борьба в Японии достигла наивысшего напряжения, а одновременно Китай вовсе запретил торговлю с Японией, то, естественно, и японские разбои стали особенно смелыми. Разбой был единственным выходом для побитых японских самураев, и он же был, с другой стороны, средством образования «основного капитала» для новой борьбы у себя дома.

И кого только не было среди тогдашних японских пиратов! Тут были и настоящие, так сказать, «кадровые» самураи,

[1]) Богатейший материал по истории сношений Китая с западными государствами можно найти в труде проф. Кюнера «Новейшая история стран Дальнего Востока», Владивосток, 1912 (литографированное). В нем приведено много названий источников и дано их краткое содержание.

были и забросившие свои мотыги и ставшие сначала сухопутными разбойниками, а потом солдатами, крестьяне, были рыбаки, были буддийские монахи, был, наконец, и один феодал, который начал с ремесла войны, потом стал католическим ксендзом, ездил затем на дальний Запад, а кончил пиратством.

На своих легких судах эти искатели приключений доходили до Сиама и Малакки, производили набеги на Филиппины, грабили, случалось, и европейцев, но излюбленным объектом своей активности сделали берег менее разоренного, чем север, Южного Китая. И не было от Шанхая до Кантона ни одного места, где бы пираты не оставили следов своего пребывания. А в 1554 году они поднялись далеко по Янцзы — до Нанкина, разграбили его, вернулись на море, а потом до 1563 года держали в своих руках захваченный одновременно с Нанкином Амой.

Одновременно по монгольской границе шли нападения, и не было тех сил, которые могли бы положить им конец. Не было денег, чтобы кормить солдат, а те поля, которые находились в распоряжении войсковых частей, приносили такие урожаи, что солдат-земледелец мог быть относительно сытым лишь полгода, по прошествии которых ему оставалось либо грабить, либо дезертировать. А правительство еще требовало с него налог. Результатом было то, что монголы порой свободно проникали до ярмарочных городов, брали там, что хотели и, не спеша, нагруженные добычей, возвращались в свои степи, испытывая ощущение полнейшей безнаказанности. Так, например, было в 1542-ом, и это повторялось не раз и позже, вплоть до 1571 года, когда Китай заключил с ними выгодное им соглашение. Как обычно, одной из жертв была императорская принцесса, которую отдали замуж за степного вождя. Рассказывают, что она оказалась потом настолько влиятельной в степи, что стала фактической повелительницей монголов.

XXVIII.

Худшие годы Китайской империи.

Если судить по описаниям тех картин, которые в 1570-ых годах наблюдались на всех больших дорогах Китая, переполненных еле двигавшимися беженцами из голодных мест, то приходится сделать заключение, что положение внутри Китая не улучшилось после мира с монголами. Но данные, о количестве запаханных цюаней говорят о противоположном. Посевная площадь к 1580-ым годам, если верить Пин Хуа-ли, стала расти вновь, хотя оставалась все же гораздо ниже, чем в начале правления Мин'ов (7 млн. против 8½). Впрочем, нужно отметить, что рост посевной площади произошел не на севере, а на юге, при чем на Хунань и Хубэй, тогда еще соединенные в одно целое (Хугуан-шэн), приходилось 2,2 миллиона цюаней из 7 млн. во всей империи. «Земли на севере заброшены и не дают зерна, и оно везется к нам за тысячи ли с юга», рассказывает современник. Одновременно шло огромное накопление земель в руках владельцев дворцовых имений.

Что положение с земледелием было из рук вон плохо, свидетельствуют другие документальные данные, приведенные у Пин Хуа-ли. Два из таких исторических документов особенно красноречивы.

«Нет спасения», писал один современник, «когда мы хотим добыть зерно в наших собственных зернохранилищах, они оказываются уже пустыми. Когда мы просим областные власти о высылке нам зерна, то узнаем, что опустошены и их склады. Когда мы умоляем богатые семейства одолжить нам их запасы, мы убеждаемся, что истощены и они». «Голодовки постоянно посещают Фуцзянь и провинции по Янцзы», писал другой, «на тысячи ли тянутся красные (т.-е. вконец истощенные) земли, и восстания становятся неизбежными».

А тем временем почти без перерыва шли малые и большие войны; они шли и внутри, шли и по границам, и не было почти ни одного года покоя. Но не было, кажется, никогда

такой безумной роскоши в верхах, как в эти годы повального вырождения, голодных смертей, неурожаев и разбоев.

Как это ни странно на первый взгляд, именно к этому времени (царствование Сунь Чжун 1573-1619) относится расцвет фарфорового дела. По словам Ли Юнбина, одна из работавших тогда фарфоровых мануфактур действует и поныне. Она находится в Фуцзяни [1]).

Если даже поверить историкам, которые говорят, что начало царствования Сунь Чжуна было отмечено некоторым улучшением, то конец его оказался тем временем, о котором разные авторы в один голос говорят, как о худшем в истории Китая. Крупнейшим его событием были война с Японией, — первая большая война со времени появления в Китае артиллерии [2]).

Начала ее Япония (1592 г.), только-что перед тем объединившаяся под властью «дальневосточного Наполеона» Хидейоси, который, как говорят историки, возмечтал сделать то, что впоследствии удалось сделать маньчжурам, т. е. свергнуть Мин'ов и создать в Китае собственную империю. Чтобы сделать это, нужно было предварительно заручиться помощью Кореи или заставить ее пропустить японскую армию через свою территорию. Но Корея предпочла остаться верной своему сюзерену — Мин'скому императору и за это жестоко поплатилась.

Японцы высадились в Фузане, с невероятной быстротой расправились с корейскими войсками, стремительно двинулись на Сеул, взяли его и направились к границе Южной Маньчжурии (принадлежавшей Китаю, а не маньчжурам). Прибывшая на помощь китайская армия тоже потерпела поражение, и положение стало угрожающим уже для самого Китая. Его спасли три вещи: организационная слабость феодальной, состоящей из вчерашних взаимных врагов, японской армии, восстания корейцев в тылу у японцев и, наконец, созданный корейцами флот (суда с броневым прикрытием свер-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

[1]) Подтверждения слов Ли Юнбина мы не нашли нигде.

[2]) Интересующихся ее деталями отсылаем к книге Murdoch «A History of Japan»; материалы из этой книги частично использованы автором настоящей работы в книге «Япония в прошлом и настоящем». Владивосток. изд. «Книжного Дела». 1926. Со стратегической точки зрения она подробно освещена в большом труде японского генерального штаба. Эта война очень интересна для военных историков. Вскоре после войны 1592—1598 г.г. Япония превратилась в страну-затворницу. Прекратилось и пиратство, ибо при сильной власти династии Токугава (1600—1868 г.), устранившей наследника Хидейоси, постройка мореходных судов была воспрещена.

ху и с боков). Известную роль сыграли и эпидемии, которых не избегли, впрочем, и сами китайцы. Вследствие всего этого война, начатая стремительным наступлением, выродилась в тяжелую затяжную кампанию. Она закончилась лишь в 1598 году эвакуацией японского арьергарда, долго державшегося после ухода на острова главных сил. Затея Хидейоси окончилась печально для островитян, и они уже больше не рисковали выступать против Китая. «Честь» победы над ним досталась, таким образом, Маньчжурии.

Другим противником Китая оказались в это же царствование голландцы, захватившие Пескадорские острова. Несколько позже, а именно в 1622 году, голландцы рискнули на большее. Они высадились в Амое и попытались захватить его, как за шестьдесят лет перед тем захватили его японцы. Но голландцам это не удалось, и они удовольствовались занятием не входившей в те времена в состав Китая Формозы. Но и оттуда их впоследствии выгнали китайцы. Что касается португальцев, то они осели в Макао и вели себя там довольно скромно, за большим не гнались и платили Китаю арендные деньги. Испанцы тоже не тревожили Китай, но по отношению к тем китайцам, которые переселились на Филиппины, аннексированные Испанией в 1543 году, испанцы вели себя как истые погромщики-убийцы. Несмотря на эти погромы, китайское население на Филиппинах истреблено до конца не было и впоследствии выросло опять. Китайцы и их смешанной крови потомки и теперь являются там главными представителями туземной интеллигенции, а также торговли и промышленности [1]).

Но, как уже сказано, роль европейцев на Дальнем Востоке была тогда ничтожной. Вернемся поэтому к последствиям войны с Японией.

Эта война и происходившие одновременно с нею наводнения в целом ряде северных провинций привели к сильному истощению казны. Новая попытка добывать золото опять оказалась безрезультатной. Наметившееся истощение почвы на юге, откуда, как уже указано, привозился на север хлеб, еще более ухудшило положение. Ко всему этому монголы

[1]) Часть их давно окатоличилась и обиспанилась или отагалилась. Среди таких потомков китайцев (потомков по мужской линии, по женской же — чистых филиппинцев) не мало активных борцов с империалистическими пришельцами. Из их числа были вожди филиппинского восстания в 1897 году — Агвинальдо и другие (тагалы — наиболее многочисленная из народностей Филиппин и наиболее культурная из них. По религии тагалы — католики).

давно уже забыли о мире 1571 года и вновь нападали на пограничные районы. А тут еще прибавились маньчжуры, обрушившиеся на нынешнюю Мукденскую провинцию, захватившие ее, к 1626 году овладевшие всем Ляодуном и частью Монголии и добившиеся признания Кореей вассалитета. Истощенная войной 1592—98 годов Корея не могла оказать им никакого серьезного сопротивления.

В том же 1626 году маньчжуры были уже под стенами Шаньхайгуаня, важнейшего стратегического пункта Северного Китая. Это тот укрепленный город, который находится между морем и круто обрывающимися в аллювиальную (наносную) равнину чуть-чуть не доходящими до берега горами. Стоя близ Шаньхайгуаня, маньчжуры одновременно делали набеги на Пекин, двигаясь по горным тропам и дорогам, но, конечно, это не могло им дать решающей победы. Война затягивалась, и каждый год ее стоил Китаю 16 миллионов таэлей (лан).

На все остальное при тогдашнем положении внутри страны средств не хватало и хватать не могло. Достаточно сказать, что на борьбу с голодом, охватившим целую провинцию, у казны оказалось всего лишь 50 тысяч лан. Правда, при последнем из Мин'ских императоров, описываемом историками, как образец правителя, расходы двора были, по сравнению с прошлым, меньше. Но это не было выходом из положения, и правительство начало изыскивать всевозможные средства, чтобы съэкономить хоть на чем-нибудь. Но ничего не удавалось. Император менял своих министров, как перчатки, но что могли сделать они при создавшихся условиях! Один из них был хорошим математиком, переводчиком Эвклида на китайский язык, и, если верить миссионерам, которые обратили его в католичество, честным человеком. Но и он ничего не мог поделать. Что же касается остальных, то, видя безвыходность положения, они обратили свое внимание на личное обогащение. Казнокрадство развилось тогда до невероятных размеров.

Одно небольшое мероприятие в духе экономии было той последней каплей, которая переполнила чашу и привела уже к окончательной катастрофе.

Эти мероприятия сводились к увольнению рабочих, обслуживавших казенный транспорт на границе с Монголией. Большинство этих рабочих были родом из Шэньси, где в это время был голод и процветало разбойничество, с которым власть боролась при помощи уговоров и благородных же-

стов. Появление там множества безработных, привыкших к известной организованности, и привело к взрыву.

Отдельные шайки разбойников (разбойников поневоле), усиленные бывшими пограничниками, объединились и скоро стали хозяевами целых округов. В 1631 году Шаньси, Хэнань, Сычуань и Хубэй тоже были вовлечены в движение, и бои между повстанцами и правительственными войсками развернулись по обе стороны от знаменитого прохода Тунгуань, овладение которым не раз отдавало Северный Китай в руки то тех, то других победителей. Эти бои были успешны для Мин'ов, но новое усиление маньчжур потребовало отсылки части армии под Шаньхайгуань.

После 1640 года повстанцы имели уже успех за успехом и скоро в их руках оказался Кайфын (близ Хуанхэ, в Хэнани), который они взяли лишь после того, как затопили его водой из реки.

Вслед за тем занят был и Тунгуань. После этого повстанцам пришлось встретить сопротивление лишь в одном месте, но сопротивление, действительно, невероятное по ожесточенности (гарнизон погиб до последнего человека), во всех же других местах их встречали власти с городскими ключами в руках. В Пекине, где было только несколько сот вооруженных евнухов, произошло то же, и последнему Мин'скому императору оставалось только умереть, что он и сделал. Вождь же повстанцев объявил себя императором.

Но царствовал он недолго. Командующий шаньхайгуаньского фронта генерал У Саньгуй, узнав о падении Пекина, вступил в соглашение с маньчжурами и вместе с ними, своими вчерашними врагами, пошел на повстанцев, которые в первом же бою потерпели сильнейшее поражение, бросили столицу и пошли назад в Шэньси, преследуемые по пятам китайско-маньчжурской армией. Они уже не знали больше ни одного успеха и в конце концов от повстанческой армии не осталось ничего, кроме небольшого отряда, затерявшегося где-то в Хубэе. Что произошло с ним потом, неизвестно.

Что же касается маньчжур, то, похоронив со всеми царскими почестями покончившего с собой императора и наказав изменивших ему, они не проявили никакого желания видеть на месте покойного какого-нибудь из его родственников:

— Мы спасли Китай от бунтовщика, Китай наш, — решили они. А так как они были сильнее, чем огромный, но разоренный и истощенный Китай, то их государь стал китайским императором.

Это произошло в том 1644 году, который считается первым годом власти маньчжурской династии, — династии Цин («чистой»).

На самом деле понадобилось еще около 40 лет борьбы, прежде чем маньчжурская власть стала в Китае прочной.

Об этой кровавой борьбе, о маньчжурах и о подробностях того, что вкратце набросано на этой странице, мы расскажем ниже.

Пока же — несколько слов о характерных фигурах мин'ского безвременья.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXIX.

Мертвые души на троне.

Есть одна профессия, о представителях которой, несмотря на их высокое положение, почти не приходится говорить в связи с историей Китая Мин'ского периода, не приходится просто потому, что очень уже мало заметна была их роль. Это — Мин'ские императоры. За императоров действовали придворные евнухи, люди по тому времени довольно образованные, начитанные, но, если верить китайским историкам, исключительно жадные к деньгам и почестям, исключительно вероломные, продажные и жестокие. Это они были чуть ли не главными после императорских родственников приобретателями громадных имений. О восьми из них, правивших в 1506—21 годах, сохранилось воспоминание, как о «8 тиграх». Невероятную жестокость проявили евнухи и в период борьбы за престолонаследие. Вообще же при Мин'ах они играли еще большую роль, чем во все предыдущие времена. Если не считать времени двух первых Мин'ов, основателя династии и его погибшего внука, то евнухи совершенно заслонили собою императоров.

Тем не менее, о трех Мин'ских императорах стоит рассказать не как о правителях — правителями они никогда не были, — а просто, как о характерных типах той эпохи; как о людях, «созвучных ей», или, если хотите, как о тех представлениях, какие сложились об определенных носителях императорского звания у их современников и у их биографов.

Несмотря на большое несходство в характере трех этих государей, одна, по крайней мере, черта была у них общей и не только у них, но и у всех остальных, за исключением, пожалуй, двух или трех ранних представителей династии, т.-е. тех, при которых империя была еще империей, а не гниющей массой. Эта черта — полное равнодушие к делам империи и даже к судьбе своей династии. Всем им было в высшей степени наплевать на будущее, на то будущее, которое, старайся ли, не старайся — все равно ничего хорошего не сулило.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ukrain.ru/

Застойная эпоха не ставила никаких больше задач, если не считать задачи пассивной обороны от все новых и новых врагов. На базе полуразрушенного и продолжающегося разрушаться хозяйства могла вырасти только одна психология, — психология отчаяния или безразличия, — в зависимости от темперамента, — психология «мертвых душ». С этой точки зрения и только с нее мин'ские императоры стоят упоминания.

Император У Цзун (1506—1521), царствовавший при правлении знаменитых «8 тигров» и во время появления в Китае первых португальцев, обладал живым темпераментом и не мирился с положением дворцового затворника. Ему тесно было в гареме, тесно на троне. Нападение кочевников и восстания были теми моментами, когда он чувствовал себя хорошо. Он облачался тогда в военную форму, которой очень гордился, и отправлялся на фронт. Теперь он уже был не государем, а верховным главнокомандующим. И когда победа одерживалась и приходилось возвращаться в надоевший дворец, он уже в качестве царя сам себя, как генерала, награждал почетными титулами. И это его тешило. Когда же ни войн, ни бунтов не было, он либо сидел за книгами, никакого отношения к текущей жизни не имевшими, либо в переодетом виде шатался по пекинским и иногородным притонам и искал внегаремных романтических приключений. От нечего делать он настолько хорошо изучил монгольский, арабский и санскритский языки, что поражал всех своими познаниями. Так и прожил он до конца дней своих, не знающий, куда девать свои силы, скучающий, равнодушный к своим царским обязанностям, в созданной для себя искусственной обстановке.

Император Ши Цзун (1532—66) был замкнутым и злым человеком. Его эпоха была едва ли еще не худшей, чем заключительная эпоха Мин'ского периода. Именно при нем наглость японских пиратов перешла все пределы, посевная площадь сократилась до минимальных размеров, люди во многих провинциях ели только траву и корни и бешено росли дворцовые имения. До всего этого императору не было никакого дела. Самое большее, что он делал, это подписывал смертные приговоры неудачливым военным начальникам. Кроме того, он ни с того ни с сего начал преследование буддийской церкви, сторонниками которой были все его предки, начиная с основателя, отнял у нее золотые и серебряные вещи и, перелив их на деньги, построил на них дворец для матери. Все свое свободное время, а такого у него было мно-

го, он затрачивал на отыскивание философского камня и на беседы со своими друзьями, даоскими «учеными», гораздо худшими шарлатанами, чем ненавистные ему буддийские монахи.

Третья мертвая душа (1621—27) царствовала в то время, когда маньчжуры уже напирали с севера, а внутри начинались восстания. Императору было все равно. С утра до вечера он столярничал и плотничал, и в конце концов стал искусным мастером. Бумаги, приносимые ему, он не читал, а государственные дела поручил своей мамке да малограмотному евнуху, в честь которого приказал повсюду воздвигнуть храмы и которого объявил «равным Конфуцию».

Что касается остальных Мин'ских государей, то они были элементарные гаремные развратники, у которых не было даже таких увлечений, как у трех перечисленных. У китайских историков слово одобрения нашлось лишь для последнего представителя династии, человека, ничем, кроме упорного трудолюбия и умеренности, не отличавшегося. Он кончил не без театрального жеста («изувечьте мой труп», писал он победившему вождю повстанцев, «но не обижайте мой народ»).

Как это ни странно, династия Мин была тем знаменем, которым пользовались почти все повстанцы и тайные общества. Даже тайпины опирались на якобы Мин'ское родство своего вождя.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.unic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

V. Век могущества Китая

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXX.

Маньчжуры и завоевание ими Китая.

Прежде всего, надо пояснить, что такое Маньчжурия.

В настоящее время этим словом обозначают три северо-восточных провинции: Хэйлунцзянскую, Мукденскую и Гиринскую. Это чисто административное понятие, которое не соответствует ни историческим, ни географическим признакам. Оно, с одной стороны, шире, с другой — уже их. Географически Маньчжурия — это бассейн Амура-Сунгари до Хингана, т.-е. то пространство, составными частями которого являются также советское Приморье и Амурский край. Приблизительно в тех же пределах Маньчжурия представляется и с исторической, а также с этнической точки зрения. Это — страна, населенная в древности теми тунгусскими племенами, которые в разные периоды итории объединялись в сравнительно устойчивые, по много лет существовавшие племенные союзы. Державшееся между 690 и 926 годами племенное объединение, официально признанное Тан'скими императорами в 713 году, как королевство Бохай, — один из примеров подобных союзов. Айсин, возникшее в 1014 году и ставшее после этнической и военной основой Цзинь'ской (северо-китайской) империи, — другой пример [1]). Третье объединение, имевшее место в начале XVII века и послужившее базой для создания Цин'ской империи в Китае и сопредельных с ним странах, — третий и последний пример. О нем и пойдет теперь речь.

[1]) Еще раньше, приблизительно в начале нашей эры, объединение маньчжурских тунгусов, повидимому, тоже имело место. Тогда их называли сушэнями. Интересующиеся этими вопросами, в частности вопросом о Бохай, занимавшим, между прочим, и наше Приморье и оставившим здесь многие следы своей культуры, повидимому, довольно высокой, найдут нужный материал в работе проф. Гребенщикова — «К истории китайской валюты», Харбин, 1922 год, в других трудах того же автора и в работе З. Н. Матвеева — «Бохай», изд. Гос. Дальневосточного университета, 1927 г.

Как уже известно из прежнего изложения, Цзинь'ская империя, созданная маньчжурскими выходцами в 1227 году, была столетием позже разрушена монголами и маньчжурская ее часть стала уделом (улусом) монгола Наяна. Восстание, бывшее причиной падения Юань'ской династии (монгольской), привело в конце концов к распаду монгольского единства и в степях, после чего Маньчжурия опять превратилась в страну политически не связанных друг с другом племен. Что касается современной Мукденской провинции, то она осталась за Мин'ами. В сохранении ее за Китайской империей не было ничего нового; эта часть Маньчжурии в современном понимании этого слова уже с Хань'ской эпохи, обычно, входила в состав либо Китая, либо вассальной ему Кореи. Если она и терялась для Китая, то почти всегда одновременно отпадали от него и соседние, китайские по населению, земли.

Все это необходимо было оговорить, ибо империалисты, зарящиеся на Маньчжурию, постоянно искажают факты, чтобы, таким образом, оспорить историческое право Китая на эту территорию (о праве этническом говорить не приходится, так как никакого сомнения в том, что в Маньчжурии живут, главным образом, китайцы, нет и не может быть).

Итак, тот район, который начинается приблизительно от города и станции Телин, был к началу последнего из маньчжурских племенных объединений в китайских руках; назывался он тогда Ляодуном, т-е. тем именем, которое прилагается теперь к его крайней южной части.

В середине XVI века тунгусские племена Маньчжурии переживали еще период полного раздробления. Всего их, по словам Ли Юнбина, было 14, не считая солонов, живших на северо-западе, между Хинганом и Аргунью. И все они были друг с другом в весьма натянутых отношениях. Причина этой вражды заключалась, судя по данным названного автора (в данном случае, нужно отдать ему справедливость, весьма туманным), в росте населения, которое должно было оставить перекочевки и перейти к оседлости и земледелию. Начавшаяся междуплеменная борьба в 1583 году имела уже очень острый характер, а в 1587 году одно из племен, с Нурхаци во главе, оказавшись уже господином других племен своего колена, начало борьбу с соседним коленом, которое поддерживало дружественные отношения с китайцами.

Китайцам, конечно, не могло улыбаться объединение их соседей, предки которых (нюйчжень) за 4¼ века перед тем показали, какие серьезные последствия это может иметь для империи. Поэтому пограничные власти делали все от них за-

висевшее, чтобы разжечь маньчжурскую усобицу и помешать объединению. Этим они сильно испортили свои отношения с Нурхаци.

Но когда междуусобная драка между маньчжурскими племенами достигла наибольшей остроты, китайцам было уже не до них. Они сами были втянуты в войну с Японией, войну очень тяжелую, очень разорительную. Лишь в 1601 г., т.-е. через три года после того, как Китай сумел, наконец, отбросить из Кореи заморских врагов, он опять стал активно вмешиваться в дела Маньчжурии. Нурхаци, очень усилившийся за это время, вначале все-таки уступал китайским властям, заступавшимся за своих друзей и помогавшим им не только оружием, но и людьми; после же осмелел и уже не считался с китайцами. Весьма возможно, что он был хорошо осведомлен, как скверны были дела в Китае. В 1618 году он настолько набрался храбрости, что объявил войну самому Китаю.

К этому времени ему были покорны все маньчжуро-тунгусские племена, начиная от солонов, на западе (у Хингана), до гольдов, чьи поселения доходили до устья Амура, на востоке; даже дальний Сахалин покорился ему (по Ли Юнбину). Покорились и некоторые монгольские племена. Маньчжурия была объединена. Мало того, она была организована по-военному, и хотя армия Нурхаци не могла считаться большой, она все же была достаточна, чтобы сделать положение в пограничной области чрезвычайно опасным [1]).

Началом военных действий маньчжур против китайцев был набег 40-тысячной маньчжурской армии на северные города Ляодуна, как называлась тогда принадлежавшая Китаю часть Маньчжурии в современном значении этого слова. Этот набег был неожиданностью для китайцев, так как Нурхаци свое объявление войны послал не им, а духам предков, т.-е. попросту сжег документ. Лишь после того, как был взят Фушунь и еще один пограничный город, китайские войска четырьмя отдельными колоннами, действовавшими каждая са-

[1]) В своем первоначальном виде армия Нурхаци состояла из 4 «знамен», силою каждое в 7.500 бойцов. «Знамя» делилось на 5 чала, каждое чала на 5 нюлу-ячень. Боевой строй был таков: впереди тяжелая пехота, копейщики и меченосцы. Позади ее — легко вооруженные пешие лучники. Позади лучников конница. Тактика маньчжур заключалась в напоре тяжелой пехотой, засыпании врага стрелами шедших позади лучников и в бросании вперед конницы в тот момент, когда неприятель, пораженный «ураганным огнем» лучников, обнаруживал колебание. Огнестрельного оружия у маньчжур вначале не было (Ли Юнбин).

мостоятельно, пошли на Нурхаци. В каждой колонне было по 60 тысяч человек и была артиллерия. Нурхаци же имел теперь 60 тысяч всего, а огнестрельного оружия не имел. Тем не менее, ему удалось разбить три колонны одну за другой, взять Телин и Кайюань, овладеть последнею крепостью последнего еще не подчинившегося ему маньчжурского племени, разбить пришедшие на помощь китайцам корейские войска и заставить отступить один из четырех китайских корпусов без боя. По некоторым данным, эта первая фаза борьбы (1618—19 годы) стоила китайской армии 45 тысяч убитыми. Кроме того, Нурхаци вырезал население всех сопротивлявшихся ему городов. В руках победителей оказалась масса брошенного китайцами военного снаряжения, хлеба и фуража.

Масса ошибок, нелепых, диких, свидетельствовавших о полном разложении в китайских верхах, была причиной этих неудач. Эти ошибки повторялись и потом. Нурхаци понял их и воспользовался ими. Через два года он вновь бросился на Ляодун, взял считавшийся неприступным город Шэньян, переименованный им в Мукдэнь (Мукден), затем Ляоян и с триумфом дошел почти до того места, где впоследствии возникли Порт-Артур и Дальний (ныне Дайрен). Короче говоря, он прошелся по той самой дороге, по которой почти тремя стами лет позже, но только в обратном направлении, шел за Куропаткиным Ояма.

В следующем 1622 г. Нурхаци овладел и правым берегом Ляохэ. После этого военные действия вплоть до 1625 г. сводились лишь к небольшим стычкам местного значения.

В 1625 году столица маньчжуров была перенесена в Мукден, т. е. уже на прежнюю китайскую территорию. Затем началась новая война, на этот раз уже за подступы к внутреннему Китаю. Она оказалась для маньчжур неудачной. Начались переговоры о мире. Нурхаци к этому времени уже умер и его место занял государь, впоследствии принявший титул императора. Любопытно, что маньчжуры, ведя переговоры о мире, еще не думали добиваться признания даже простого равенства сторон. Они требовали только, чтобы их повелитель не ставился ниже китайских высших сановников. Интересно также, как расценивали они прекращение военных действий. Они потребовали 100 тысяч лан (унций) золотом, 1 миллион лан серебра, 1 миллион кусков ситца, 10 миллионов кусков холста. Затем они предлагали поддерживать торговлю такого рода: китайцы в конце каждого года шлют им золото, серебро, ситец и холст, а маньчжуры платят им меха-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

ми, жемчугом и женьшенем (корень, ценящийся китайцами, как лечебное средство). Переговоры, однако, ни к чему не привели.

Тем временем маньчжуры вступили в войну с Кореей (1627), разбили ее войска и, беря город за городом, подошли к Сеулу. Король бежал на остров, где маньчжуры его достать не могли. Там он подписал мир о равенстве. Позже за отказ в помощи против Китая он был наказан новым вторжением и был вынужден признать себя маньчжурским вассалом.

В 1629 году маньчжуры произвели набег через земли дружественных им монгольских племен (корчинов) вплоть до Пекина, но вернулись, так как побаивались чахаров, тоже монгол, но бывших на службе у Мин'ов, и вернулись обратно, успев до прихода китайских подкреплений произвести погромы и грабежи в значительной части пекинского района. Как и обычно, знаменитая стена никакой реальной пользы китайцам не принесла. Далее война опять выродилась в мелкие столкновения, интересные только тем, что в это время маньчжуры (с 1631 г.) начинают уже применять артиллерию и даже лить пушки. Выучили их этому искусству китайские пленные. В это время внутри Китая уже вспыхнуло то охватившее огромное пространство восстание, которое позже, в 1644 году, закончилось падением прогнившей Мин'ской династии.

Пользуясь этим восстанием, маньчжуры, покончившие в 1631—33 годах со своими врагами чахарами, до тех пор сильнейшими из монголов, добившись без труда добровольного подчинения других племен и обнажившие, таким образом, стену, начали производить набеги не только в пекинский район, но и гораздо дальше. Они доходили теперь уже до середины Шаньдуна и без особых помех возвращались с награбленным добром, с заложниками и с захваченным скотом через пункты, где сидели китайские генералы. Да это и не было трудно! Мин'ские генералы слишком были заняты склоками и подсиживанием друг друга, чтобы иметь время на организацию серьезного сопротивления. В результате Тяньцзин, Баодин, Тунчжоу, ближайший сосед Пекина — все испытали набеги маньчжур. Одновременно они осаждали застенный город Цзиньчжоу (от которого теперь идет соединительная железнодорожная ветка через Инкоу) и после нескольких лет осады взяли его. Это было в 1641 году.

Маньчжурское господство достигло к этому времени значительных размеров. Оно включало всю область, заселенную

маньчжурскими тунгусами, Ляодун и очень значительную часть Внутренней Монголии. Южной границей ее была китайская стена, северной — течение Амура. Кроме того, ей подчинялись в качестве вассалов король Кореи и вожди земледельческих племен, живших на левом берегу Амура (вскоре после этого выдержавших погром русских налетчиков-землепроходцев).

Было или не было тогда у маньчжуров намерение завоевывать Китай — неизвестно. Но тут произошли события, которые давали им неповторимые шансы на успех.

В 1644 году Мин'ская династия пала. Пекин был в руках повстанцев. Царствовал обычный в этих случаях хаос. Старая китайская армия на севере больше не существовала. Был только осколок ее — гарнизон неприступного Шаньхайгуаня, стерегущего единственный удобный путь из Маньчжурии во внутристенный Китай, тот самый Шаньхайгуань, о который в течение предшествовавших 25 лет разбивались все маньчжурские попытки использовать эту дорогу для своих налетов. И вот теперь начальник шаньхайгуаньского гарнизона У Саньгуй, о котором еще не раз придется говорить впоследствии, открывает маньчжурам дорогу и предлагает им расправиться с повстанцами. Маньчжурам оставалось только согласиться.

Попытки бывшей повстанческой армии отстоять Китай успехом не увенчались. Она была разбита под Шаньхайгуанем соединенными силами маньчжур и У Саньгуя, отступила к Пекину, а оттуда к считающемуся неприступным горному проходу в Тунгуане (на стыке Шаньси, Шэньси и Хэнань). Маньчжуры же заняли столицу, объявили национальный траур по лишившему себя жизни последнему Мин'скому императору (конечно, это для того, чтобы понравиться китайцам) и потребовали покорности «новому императору Китая». В знак покорности китайцы обязывались побрить полголовы, по маньчжурскому обычаю, и сделать косу. До тех пор кос у китайцев не было, был шиньон.

Это произошло в начале июня 1644 года, а в октябре того же года маньчжуры владели уже четырьмя провинциями Китая, не считая Ляодуна, и добили в Шэньси повстанческую армию. Сторонники Мин'ов попытались создать новую власть в Нанкине, но из этой попытки ничего не вышло, так как одни начальники войск изменили и передались маньчжурам, у других возмутились войска, третьи оказались бездарными. А новый Мин'ский император был достоин своих генералов. Маньчжуры без всякого труда дошли до Янцзы, встретив со-

противление только в одном месте. В отместку они уничтожили в непокорившемся городе все живое, а взятого в плен китайского главкома казнили. Нанкин, столица нового императора, открыл победителям ворота добровольно, бежавший же император был скоро выдан им одним из его доверенных генералов. Затем занята была вся провинция Цзянсу.

Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Фуцзянь, Хунань, южная часть Цзянси, большая часть Чжэцзяна и отдельные районы других провинций были еще верны Мин'ам (юг при Мин'ской династии был экономически более благополучен, чем север), Сычуань был во власти повстанцев; восстания не прекратились также в Шэньси и Шаньси. Держаться еще было возможно. Но у маньчжур было единство, а у их противников, сторонников Мин'ов, шли раздоры и склоки. Поэтому, как только маньчжуры усмирили Шэньси и Сычуань, они бросились на Чжэцзян, где была столица одного из двух императоров (ссорившиеся друг с другом сторонники Мин'ов выбрали в двух разных местах по одному императору). «Император» бежал; солдатам его оставалось последовать его примеру, и маньчжуры стали хозяевами Чжэцзяна, а затем и Фуцзяни, где взяли в плен второго «императора». В ноябре 1646 г., несмотря на стойкую оборону, взяты были города южной Цзянси. Население сопротивлявшихся городов было, по маньчжурскому обычаю, вырезано до последнего человека.

К началу 1647 года в руках сторонников Мин'ов были уже только Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань и Хунань.

Мин'ам надо было создать власть и организовать оборону из одного центра. Но партии образовались опять, и опять появилось два императора — один в Кантоне, другой в 90 верстах от него.

И между ними началась война. Но появились маньчжуры, и одному из них пришлось покончить с собой. Другой бежал.

Первые успехи у противников маньчжур были в Гуанси; им удалось не только отстоять еще не занятую часть этой провинции, но и вытеснить маньчжур из уже занятых ее частей. Но Хунань была потеряна. Это было отчасти из-за новых склок, возникших вокруг оказавшегося там бежавшего императора, отчасти из-за состава армии. Половина ее была набрана из бывших солдат повстанческой армии 1631 года.

Но в следующем 1648 году положение опять резко изменилось в пользу Мин'ов. Ряд антиманьчжурских восстаний и измен покорившихся было маньчжурам китайских генералов создали новое положение: Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуан-

дун, Хунань, Цзянси, Сычуань, Шэньси и Шаньси опять были в руках сторонников Мин'ов.

Это затянуло борьбу.

Однако, в 1649 году маньчжурам удалось с большими усилиями вернуть Цзянси и Хунань, а к концу 1650 года взяты были после трудных боев главные пункты Гуандуна и Гуанси. Одновременно услужливый У Саньгуй потопил в крови восстания в Шэньси, Шаньси и Сычуани. Вне власти маньчжур в 1651 году оставались лишь Гуйчжоу и Юньнань, т.-е. та часть Китая, которая сравнительно недавно (с XIII века) вошла в состав империи и которая даже теперь имеет значительную примесь инородческих элементов. Весь коренной Китай был, таким образом, в руках победителей.

И тем не менее, маньчжуры еще не могли праздновать окончательную победу.

Едва главные силы маньчжур вернулись в Пекин, как им пришлось поспешить на борьбу с новыми врагами, которые появились на юге и на севере одновременно. Это были так называемые «пираты», нападавшие на Фуцзянь и соседние с нею провинции, и русские землепроходцы, угрожавшие коренным владениям маньчжур. О тех и других будет рассказано в следующей главе, здесь же достаточно будет упомянуть о них, — упомянуть, как о тех врагах, которые отвлекли внимание маньчжур от последнего прибежища Мин'ов.

Задержка маньчжурского наступления позволила Мин'ам несколько оправиться и даже предпринять шаги к отвоеванию ближайших к Гуйчжоу и Юньнани провинций. В 1656 г. они имели даже некоторые успехи. Но обычные склоки, завершившиеся изменой одного из генералов, свели эти успехи к нулю. Отбив удары всех верных Мин'ам генералов и вновь утвердившись в Сычуани, Гуанси и Хунани, маньчжуры в 1658 году повели из всех этих трех провинций наступление на Гуй'ян, главный город Гуйчжоу, взяли его и пошли на Юньнань.

Мин'скому императору с его свитой и гаремом оставалось только одно: бежать в соседнюю Бирму. Вместе с ним перешла границу и его армия, которая повела себя в Бирме настолько скверно, что бирманцы, перед тем согласившиеся было приютить беглецов, сочли для себя более удобным выдать их У Саньгую, тому самому, напомним, который перешел на сторону маньчжур под Шаньхайгуанем, а затем усмирял непокорных в Шаньси и Шэньси. Теперь он стоял у границ Бирмы со стотысячной армией и грозил Бирме войной. Бирманцы, у которых появился тогда новый король, отняв-

© ЦУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ший власть у предыдущего, исполнили требование и выдали Мин'ского императора вместе с сыном, двенадцатилетним мальчиком. И У Саньгуй, когда-то опора Мин'ов, повесил последнего Мин'а. Не пощадил он и ребенка. Как видно будет из дальнейшего, он действовал в данном случае вполне сознательно.

— Ты стоишь на моей дороге, — ответил он на просьбы казнимого мальчика.

Это было в 1661 году, в разгар борьбы с «пиратами».

Борьба за Китай еще не кончилась для маньчжур.

Но суммируем сказанное.

Маньчжурам далеко не с одного удара удалось овладеть Китаем. Не менее шестнадцати лет понадобилось им только на то, чтобы завоевывать его застенные части, т.-е. нынешнюю Мукденскую провинцию и прилегающие к ней земли покорных китайцам монголов. Правда, они совершили за это время ряд набегов на Внутренний Китай, но это были только набеги, не более того. Они не приносили маньчжурам ничего, кроме лишь обычной разбойничьей добычи. Свержение Мин'ов выпало не на их долю, а на долю повстанцев, фактически овладевших столицей и основавших новую династию. И когда главные силы маньчжур подошли, наконец, вплотную к Шаньхайгуаню, этим воротам в Китай, им пришлось сразиться уже не против Мин'ской армии, а в союзе с частью Мин'ской армии против повстанцев.

1644 год, который считают за первый год правления в Китае маньчжурской или, как ее официально звали Цин'ской династии[1]), был таковым лишь по имени. Лишь в 1850 г. маньчжуры могли себя считать хозяевами большей части Китая. Но и после него им пришлось выдержать длительную борьбу с «пиратами» и с последними представителями Мин'ов.

Как видно будет из дальнейшего, им пришлось воевать и с теми, при помощи которых они овладели Китаем и которых считали своей опорой в завоеванной стране. Это были У Саньгуй и два других изменника.

Что касается русских, то серьезная борьба с ними началась лишь после того, когда последняя искра сопротивления в Китае была потушена. Это было уже в 1680 годах.

Но обо всем этом в следующей главе.

---

[1]) Не «Цинь'ской»; Цинь — это та династия, которая была основана за 2½ века до нашей эры Цинь Ши-хуанди. И не Цзинь, как называлась династия Сы Ма, а впоследствии нючженей (Цзинь нючженей и Цзинь Сы Ма пишутся различно и имеют разный смысл).

XXXI.

Утверждение маньчжур в Китае и отражение европейцев.

Мир в годы маньчжурских побед.

Прежде чем читать дальше, полезно будет несколько ориентироваться во времени, ибо без этого судьбы Китая в период маньчжурского господства будут просто непонятны.

В те годы, когда разлагалась империя Мин'ов, а на севере объединялись под властью Нурхаци тунгусские племена, в Европе происходили события, результаты которых впоследствии имели большое значение и для Китая. Важнейшими среди них были, поскольку речь идет о Китае, быстрое расширение территории России и рост торгового и политического могущества Нидерландов и Англии.

Начало борьбы между собой маньчжурских племен относится еще к тому времени, когда Нидерланды еще только боролись за свое освобождение от испанского ига (с 1572 г.), а англичане были еще морскими разбойниками, грабившими испанские колонии (Дрэйк в 1577 г.). Что касается России, то она до 1581 года была еще за Уралом, хотя стремление овладеть торговыми путями из Балтики в Азию уже наметилось тогда определенно (взятие Казани в 1552 г., Астрахани в 1556 г.). Когда же взаимная борьба маньчжурских племен достигла наибольшей остроты, русские были уже к востоку от Урала (1581 — начало похода Ермака, 1604 — заложен Томск). За это время голландцы и англичане разбили «Непобедимую Армаду» Филиппа II испано-португальского (1588 г.), создали свои остиндские компании (1600 и 1602 г.г.), добыли себе первые колонии и начали оспаривать земли Португалии в Индии и на близких к Китаю малайских островах.

1618 год, когда Маньчжурия вступила в открытую войну с Китаем, был отмечен возобновлением войны Голландии с Испанией. Эта война, слившаяся с 30-ти летней, сопровождалась столкновениями моряков обеих наций и на Даль-

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

нем Востоке. Одним из эпизодов ее была неудачная голландская попытка обосноваться в Макао, занятом тогда с разрешения Китая португальцами, невольными союзниками Испании.

1644 год, когда маньчжуры заняли Пекин, отмечен тем, что русские впервые дошли до Тихого океана и стали перед задачей обеспечить себя местным хлебом; прежний способ доставки хлеба, который тогда еще не сеялся в пределах Сибири, был слишком труден.

К тому же приблизительно времени относится английская революция (1640 — начало Долгого Парламента), положившая начало английской мощи, впоследствии во много раз превысившей голландскую. Но в 40-ых годах еще Голландия, а не Англия была «царицей морей». Ее торговый флот состоял тогда из 43 тысяч судов, что составляло 80% всего флота Европы, а ее торговые обороты в пять раз превосходили торговые обороты Англии. Ее колонии были в 70 раз больше размера метрополии[1]).

Около того же времени создались, а затем объединились те пуританские колонии в Америке, из которых выросли впоследствии Соединенные Штаты Америки. Приблизительно тогда же окончательно укрепилось единодержавие Токугав в Японии, — единодержавие, подготовившее путь к созданию современной империалистической Японии. К тому же времени относится огромное усиление Франции.

Таким образом, рождение Маньчжурской империи почти совпадает по времени с возвышением или рождением тех мировых держав, с которыми ей пришлось столкнуться двумя—двумя с половиною столетиями позже. Но с Россией и с Голландией ей довелось иметь дело уже в самом начале, и Китай в отношении обоих оказался победителем.

Сначала расскажем о борьбе с Голландией, которая входит, в сущности, как частный инцидент, в борьбу Цин'ов с их китайскими противниками, а именно с теми, кого историки назвали «пиратами».

Как уже сказано в главе о Мин'ском периоде китайской истории, Китай уже в XIV веке испытывал частые набеги

[1]) Размер колоний определен здесь условно. Голландцы непосредственно владели тогда не «землями», а только торговыми и стратегическими пунктами. Но последние были центрами влияния на обширные гинтерлянды. Официальное господство Голландии над этими гинтерляндами началось уже после Венского конгресса 1815 года, а отчасти еще много позже. Исключением были южно-африканские земли, куда голландцы (буры) переселялись и где они становились фермерами. Очевидно, там они не ограничивались побережьем.

© ОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru

пиратов как китайских, так и в особенности японских, необычайно осмелевших в XVI веке. Конечно, «принципиальная» разница между ними и так называемыми «честными купцами», например, португальскими и голландскими, была. Она заключалась в том, что пираты действовали на свой собственный страх и риск, а последние имели на грабеж санкцию своих правительств. Но по сути дела разница была маленькая, и для берегового населения Китая ненавистны были как те, так и другие, — как жители стран «низкорослых согнувшихся рабов», так и «красноволосые черти». Как те, так и другие иногда производили набеги, иногда торговали «честно», как те, так и другие, завладевали иногда береговыми городами и распоряжались в них.

Война с купцом-государем.

Что касается китайских моряков, то и они зачастую вели себя ничем не лучше иностранных. Мин'ское правительство не имело сил справиться с ними, но могло использовать их против им подобных. Оно тоже легализировало их деятельность, наградило их вождя, жившего в Амое (в южной Фуцзяни), громким титулом, позволило ему собирать с моряков дани и пошлины, вообще поставило его в положение настоящего государя-феодала, настоящего морского короля. А у него были свои вассалы-викинги. Эти морские рыцари-разбойники и одновременно купцы были, конечно, вооружены и имели возможность, побуждение и желание вести борьбу с купцами-пиратами чужих наций.

Когда династия Мин'ов была свалена, «морской король» подчинился маньчжурам, и они отвезли его к себе в Нингуту (в Маньчжурию). Но его сын не подчинился и продолжал борьбу, якобы, во имя Мин'ов. Звали его Чжэн Чэнгун, но в европейской литературе укрепилось не это его имя, а прозвище Госин'я, доискаженное до Коксинга. Мы так и будем называть его здесь.

Предоставив отцу действовать, как тот хотел, Коксинга остался в Амое и начал производить оттуда свои набеги на занятые маньчжурами приморские города. Признанный вассалами своего струсившего отца, он пользовался их помощью в полной мере: гуандунцы снабжали его рисом, из южной Фуцзяни шли к нему бойцы и мореходы, а северная Фуцзянь и юг Чжэцзяна давали лес для постройки судов. Маньчжуры, не имевшие достаточно флота, были бессильны против него. Им, правда, не без труда удалось в 1651 г. справиться с его полусоюзником-полувраго м Лу Ван'ом, одним из мин'ских принцев крови, тоже превратившимся в морского

налетчика, но иметь дело с Коксинга, обладавшим базой южнее, было труднее. В 1654 году Коксинга окреп настолько, что рискнул пойти на Нанкин. Но ему помешала буря. В 1659 г. он пошел опять, поднялся вверх по Янцзы, занял ряд городов по реке и в стороне от реки и, решив прочно захватить выходы из Великого канала, чтобы лишить север подвоза риса, подошел вплотную к Нанкину. Пекин был в панике. Сам император готовился стать во главе армии и итти на «пирата». Но под Нанкином Коксинга потерпел поражение и в конце концов должен был искать более прочной базы вне материка. Это еще не значит, что он совсем ушел с материка.

О могуществе этого «пирата» можно судить по тому, что в 1654 г. он имел возможность собрать под своими знаменами около 150 тысяч человек, солдат и матросов. Этого было недостаточно, чтобы справиться с маньчжурами, но вполне достаточно, чтобы добыть себе царство. И Коксинга добыл его. Он добыл его на Формозе.

Формоза или, как ее называют японцы и китайцы, Тайван, до тех пор никогда не принадлежала Китаю. Мало того, она, несмотря на свою близость к берегу, была даже плохо известна ему. Китайцы знали Японию, знали Филиппины, торговали на Молуккских островах, подчиняли себе, не надолго, правда, Цейлон и доплывали до Африки, а о Формозе до Сун'ской династии не знали ничего. Мало знали в Китае о Формозе и в 1620 годах, когда там уже существовало китайское и японское население. Вот одна из причин того, что китайское правительство, сумевшее изгнать голландцев из Пескадор (острова между материком и Формозой), ничего не имело против их перехода на Формозу [1]).

Голландцы обосновались там в 1624 году, выгнали осевших раньше испанцев, устроили складочные пункты, служившие им, как промежуточные между Батавией, на занятой раньше Яве, и Японией, где голландцы пользовались исклю-

[1]) Незнакомство китайцев с Формозой может показаться хорошим доказательством недоразвития Китая и, в частности, неперехода его к периоду «морской культуры». Но вот пример из европейской истории. Канарские острова лежат всего лишь в 300 километрах от берегов Марокко (на 29—30° с. ш.). Смутные сведения о них были еще у греков. Но даже во времена Помпея римляне имели о них самое нелепое представление: Канарские острова были для них обиталищами блаженных, где «горы источали мед» и происходили другие невероятные вещи. Впоследствии, правда, Канары были исследованы и даже использованы для выделки пурпура. Но затем их забыли, а еще позже в XIV веке Канарские острова были открыты так же, как впоследствии открыли Америку (см. «Новый Восток», № 15, статью Богаевского «Атлантида и атлантическая культура»).

чительными правами торговли, воздвигли форты, построили кое-где дороги, допустили новых переселенцев из Китая, устроили ряд школ и миссионерских пунктов, словом, решили обосноваться прочно и по-хозяйственному. Но Коксинга испортил им все планы.

Уже после своего поражения в 1659 году он завел с формозскими китайцами постоянные связи, обзавелся голландскими картами и в 1661 году, явившись на остров во главе 25-ти тысячного отряда, потребовал сдачи острова.

Голландцы не сдавались. Лишь после почти целого года борьбы и девятимесячной осады форта «Зеландия» с голландским господством над островом было покончено. Коксинга, жестоко расправившись с миссионерами, учителями и защитниками форта и отправив остальных голландцев, кроме красивых молодых женщин, на Яву, стал правителем Формозы. Но своих материковых владений в районе Амоя не оставил.

В 1662 году Коксинга умер, оставив трон сыну, который не только продолжал удерживать Амой, но и делал попытки восстановить власть своего дома над другими местами в Фуцзяни. Одно время в его руках была половина этой провинции. Лишь в 1680 году маньчжурам удалось изгнать его с материка. Но Формоза и Пескадоры оставались в руках династии Коксинга еще три года. Маньчжуры не решались атаковать ее. Они пытались лишь добиться того, чтобы властитель острова признал себя вассалом маньчжурского императора, — «таким же, как Корея и Япония», поясняли они. Лишь в 1683 году один из китайских мандаринов, желавший угодить маньчжурам, сумел организовать поход и взять Пескадоры, а затем и Формозу. Формозский король сдался. Его наградили за покорность титулом, но поселили на материке, где его потомки, очень важные, но обедневшие, живут и поныне.

Так закончилась эта борьба. Она была полна интересных деталей, которые здесь, к сожалению, невозможно рассказать, дала множество тем для повестей, романов и драм и была воспета и на китайском и на японском языках [1]). С окон-

[1]) Популярность Коксинга у японцев объясняется тем, что он был китайцем только по отцу. Мать его была японка. Судя по некоторым японским источникам, она была католичка, как, впрочем, и многие японцы того времени. Очень может быть, что его расправы с голландскими священниками объясняются католическим фанатизмом. Между прочим, с испанцами, владевшими тогда Филиппинами, Коксинга придерживался дружеских отношений.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

чанием ее в состав Китая вошла страна, еще никогда не принадлежавшая ему. Вместе с тем, это было первое приобретение маньчжур за пределами прежнего Китая.

Формоза (это слово означает «красавица») стала с тех пор частью провинции Фуцзянь. Скоро она прославилась, как область исключительного взяточничества, чиновничьего самоуправства и восстаний. Времена Коксинга вспоминались там, как золотой век. Поборы и восстания продолжались вплоть до того времени, пока не явились японцы и не превратили остров «Красавицу» в свою колонию, где создался режим, худший еще, чем в Корее. Теперь — это вотчина Мицуи, Мицубиси и пары других магнатов японского капитала.

Награда китайским изменникам.

Одновременно с борьбой против формозцев маньчжуры выдерживали первые натиски со стороны русских, еще в 1650 году занявших Амур, и, что было гораздо серьезнее не только столкновения в Маньчжурии, но и войны с Формозой, — восстание «Трех Князей», — восстание, которое, казалось, вот-вот приведет к концу их власть над Китаем и заставит их бесславно бежать в свои родные тайгу и степи.

Это было восстание, руководимое и возглавлявшееся У Саньгуем, шаньхайгуаньским изменником. Оно тянулось 8 лет (1673—1681), и только когда оно кончилось, стало возможно говорить о действительном утверждении маньчжурской власти над Китаем.

Чтобы понять это, необходимо познакомиться с положением при маньчжурском господстве самого У Саньгуя и его трех коллег по измене. Но сначала о самих маньчжурах.

Судя по отдельным явлениям идеологического порядка, по характеру борьбы в первый период возвышения Нурхаци, по большой роли охоты в хозяйственной жизни страны и, наконец, по тому факту, что взаимоотношения между государем и его подданными мыслились, как отношения хозяина и рабов, маньчжуры еще не изжили родового быта. Но развитие земледелия происходило у них несомненно и, например, в районе Гирина уже ощущалось земельное утеснение. У них были города, была письменность, велась торговля, а оседлость развивалась даже на крайнем севере, на Зее. Все это, да еще прямые указания на появление вассалитета, позволяет говорить о постоянном образовании у них феодальных форм. После занятия ими Ляодуна процесс феодализации пошел еще быстрее.

Собрание В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

Что касается Китая, то хотя там давно уже существовали государственные формы, свойственные эпохе торгового капитализма, но феодализм еще не был изжит окончательно; попятное движение, отметившее период владычества Мин'ов и происходивший при них рост латифундий, способствовали, наоборот, возрождению и восстановлению феодальных форм. То, что было здесь рассказано о Формозе, Амое и прилегающих к нему районах, является, пожалуй, одним из доказательств этого.

При таких условиях, было вполне естественно, что овладев огромными пространствами Китая, в значительной степени еще враждебного и будучи по сравнению с 50—60 миллионной китайской массой ничтожным меньшинством, маньчжуры должны были не только сохранить, но и укрепить пережитки китайского феодализма — восстановить лены, поставить во главе ленов лойяльных маньчжурской власти китайцев и допустить существование ленной, из китайцев состоящей армии. Маньчжурских и монгольских ветеранов хватило только на 11 провинций или, точнее выражаясь, на 15 гарнизонных городов, да на столичный район. В шести провинциях маньчжурских гарнизонов не было вовсе, не было их, между прочим, и в двух юго-западных, в Гуйчжоу и Юньнань, тех самых, где дольше всего удерживалась власть Мин'ов. Вооруженные силы состояли там почти исключительно из войск У Саньгуя [1]).

Это не были войска императора. Их кормил, одевал, набирал и распускал сам У Саньгуй, имевший в этом районе всю полноту власти. Он не отчитывался перед центром в сборе и расходовании средств, он имел право собирать соляные и рудничные доходы, не передавая собранное в императорскую казну. Он сам назначал чиновников, и эти чиновники имели право переводиться в другие части империи и служить там наравне с назначенными императорской властью. Ко всему тому он был обладателем 70 тысяч му, свыше $3\frac{1}{2}$ тысяч

[1]) Четыре из гарнизонных городов расположены были на краю степи. Занимавшие их гарнизоны имели задачей наблюдение за монголами, а не за китайцами. Три находились в коренном Китае, но основная задача тамошних войск определенно сводилась к охране путей на Пекин. Только 8 гарнизонов имели задачей поддерживать покорность в самом Китае. Они были расположены в главных городах Сычуани, Фуцзяни, Гуандуне, Цзянсу и Чжэцзяне и в двух меньших городах двух последних провинций. Но все это пограничные провинции. Из центральных провинций гарнизоны имели только Шэньси и Шаньси (они были расположены в Сиане и Кайфыне) да еще в Хубэе. Хунань, Цзянси, Гуанси, Аньхуй, Гуйчжоу и Юньнань вовсе не имели маньчжурских гарнизонов.

десятин собственной земли. Историки рассказывают, что по роскоши своего дворца он соперничал с императором.

Фуцзянь, Гуандун и Гуанси тоже были превращены в лены. Там сидели три других китайских изменника. Один из них был прежде комендантом сдавшейся маньчжурам ляодунской крепости, а два другие офицерами партизанского отряда, который действовал в тылу у маньчжур после того, как последние уже завладели Ляодуном. История этого отряда, действовавшего, в сущности, совершенно самостоятельно от правительства Мин'ов, стоила бы того, чтобы о ней поговорить отдельно, но здесь придется ограничиться немногими словами. Он долго был бельмом на глазу у маньчжурского повелителя и он был неуловим, ибо базировался на остров, а маньчжуры флота не имели. Лишь измена двух будущих южных феодалов дала, наконец, маньчжурам покой.

Власть трех владельцев ленов в Гуандуне, Гуанси и Фуцзяни не отличалась такой полнотой, как у владыки Гуйчжоу и Юньнани. Присутствие маньчжурских отрядов в Кантоне и Фучжоу было некоторым тормозом. Но тем не менее и эти лены сыграли опасную для маньчжур роль.

Долгое время маньчжуры доверялись У Саньгую и его коллегам по измене вполне. Да и отчего бы не верить людям, которые сыграли наиболее видную роль в последней фазе борьбы с Мин'ами? Ведь, когда Мин'ы сопротивлялись в 1644—61 годах на юге, сломили сопротивление изменники! Поручить им охрану последних непокорных маньчжурам провинций казалось вполне естественным.

Но когда в Китае наступило сравнительное успокоение, которое лишь изредка нарушалось выступлениями еще не подчинившихся амойско-формозских «пиратов», настроение в Пекине изменилось. Существование ленов стало уже нежелательным, и с ними решено было покончить. Просьба кантонского феодала об отставке, одна из тех просьб, которые подавались вовсе не «всерьез», а лишь для того, чтобы показать себя с лучшей стороны (наш современник, знаменитый Чжан Цзолинь, тоже «отказывался» от своего «генерал-инспекторства», чтобы стать «начальником обороны северо-восточной границы»), была подхвачена центром, как великолепный предлог отделаться от феодалов.

Подавшего в отставку уволили, приказали ему поселиться в Ляодуне и привезти с собой сына; иными словами, лен отнимался не только у него, но и у всего его рода. У Саньгуй и фуцзяньский феодал «из вежливости» тоже «подали в отставку», очевидно, твердо надеясь, что их попросят остаться. Но

с ними было поступлено так же, как и с кантонским. Что касается Гуанси, то там просить отставку было некому, так как тамошний феодал уже успел умереть, не оставив сыновей. Но его власть осталась в руках мужа его дочери, союзника трех остальных феодалов, начальника местного гарнизона.

Обращение Пекина с его вассалами было достаточно решительно, чтобы не оставлять места сомнениям. Было ясно, что Пекин поставил себе целью реорганизовать империю на бюрократический лад и покончить с автономией дальнего юга. У Саньгуй первый сделал из этого логический вывод.

Он убил юньнаньского губернатора, изгнал других ставленников центра и, вступив в переговоры о совместных действиях с другими «обиженными», выступил против императора. Это было в декабре 1673 года.

Последнее сопротивление китайцев и торжество маньчжур.

Через три месяца У Саньгуй был уже хозяином в Хунани, связался с Гуанси и Фуцзянью и скоро настолько усилился, что позволил себе обратиться через Далай-ламу к императору с предложением разделить Китай пополам, т. е. восстановить положение, существовавшее при династиях Сун и Цзинь. Император ответил на это казнью его сына и внука, которые находились в это время в Пекине.

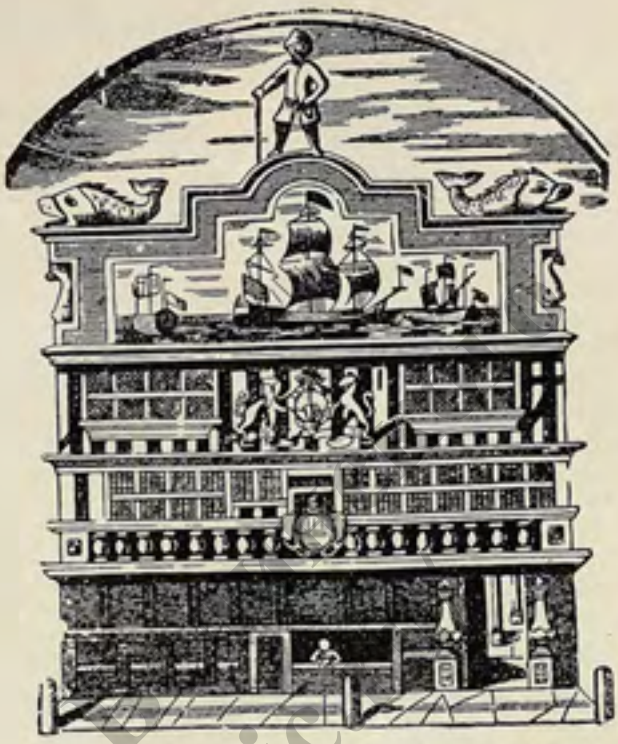
У Саньгуй не прекратил борьбу. Воспользовавшись восстанием против маньчжур китайских войск в Сычуани, он уже через год после начала восстания овладел всей Сычуанью, подчинил себе Шэньси и вторгся в Ганьсу, оказавшись, таким образом, обладателем не только того, о чем незадолго перед тем говорил через Далай-ламу, но и двух северных провинций. В следующем 1675 году он, правда, потерпел в Ганьсу поражение, но в Хунани держался прочно. Его союзники в Гуандуне, Гуанси и Фуцзяни тоже имели успехи.

Положение стало ухудшаться для феодалов в 1676 году, когда действовавшие в своих собственных интересах формозцы с сыном Коксинга во главе отняли у них половину Фуцзяни.

Столкновение между собой двух групп врагов маньчжурской власти спасло ее. В следующем году маньчжурам удалось уже проникнуть далеко на юг и овладеть Гуандуном, изолировав, таким образом, своего главного врага, но еще не овладев Фуцзянью окончательно; формозцы все еще держали ее южную часть в своих руках.

Но У Саньгуй в 1678 году продолжал господствовать на юго-западе и в Хунани, откуда угрожал сообщениям се-

Коксинга, король Формозы, т. наз. «пират», нанес поражение голландцам.



Главное правление Ост-Индской К-о в Лондоне в XVII веке.

Хидейоси, правитель Японии в конце XVI века. Воевал с Китаем.

СОУНБ им. В. Г. Б
http://book.uraic

Инородцы Китая.

Житель Южного Китая
из народности Шан.

Буддийский священник (лама)
из Внутренней Монголии.

Маньчжурские женщины в национальных головных уборах.

СОУНБ им. В. Г. Бенедиктова
http://book.uni

вера с Кантоном. Неудачи двух прошлых годов не обескуражили его. Он даже нашел возможным объявить себя императором и основателем новой династии. Борьба продолжалась и после его смерти, в августе того же года. Лишь в 1680 году, когда маньчжуры окончательно вытеснили войска его сына из Хунани, Гуанси и Сычуани, они смогли начать поход на последнее прибежище своих врагов, — на Гуйчжоу и Юньнань [1]). И только в 1681 году они восстановили свою власть и в этих провинциях, — тех двух провинциях, которые послужили последним пристанищем и для последних Мин'ов. Общая стратегическая картина борьбы в 1644—61 годах повторилась в 1673—81-ом.

За год до этого маньчжуры, как уже известно из предыдущего описания, очистили от противников и Фуцзянь, где перед тем удерживались в районе Амоя сторонники Коксинга, а двумя годами позже цин'ские войска овладели Формозой. С ленами было покончено. Китай окончательно перестроился по бюрократическому типу.

Таким образом, в 1683 году последние следы сопротивления в Китае были сломлены. Китай окончательно стал собственностью маньчжур и стал надолго. Лишь более чем столетием позже обнаружились новые попытки к освобождению, и лишь через 228 лет маньчжурская власть была сметена.

Китай вступил в период сравнительно очень мирной внутренней жизни. Но мир внутри не означал, конечно, мира за пределами Китая. Наоборот, именно благодаря миру внутри, Китайско-Маньчжурская империя оказалась способной

[1]) Провинции Юньнань и Гуйчжоу и раньше и после с трудом удерживались центральной властью Китая. Присоединенные частично еще при Хань'ской династии (см. главу о Сыма Цяне), они отпали от Китая при троецарствии и не могли быть удержаны полностью даже при Тан'ах, когда империя (если не фактически, то номинально) простиралась от Николаевска на Амуре почти до Каспия. При Сун'ах и Гуйчжоу и Юньнань были целиком вне власти империи. При монгольской династии (Юань'ской) Юньнань была покорена. Затем она была базой для последних Мин'ов и для У Саньгуя. В XIX веке, как видно будет ниже, она отложилась опять и удерживала свою независимость в течение более двух десятков лет. После революции 1911 года она всегда была вне фактической зависимости как от пекинского, так и кантонского центров. В настоящее время (начало 1927 г.) она находится под управлением бывшего гоминьдановца и врага коммунистов Тань Цзияо, не считающегося ни с национальным правительством, ни с пекинским. А с ним не считаются жители западной окраины его провинции, объявившие себя независимыми. В наше время изолированность Юньнани объясняется уже не только недостаточностью путей сообщения в Китае, но и существованием французской и английской железных дорог. Первая проникает в пределы провинции и кончается в ней тупиком. Вторая близко подходит к китайско-бирманской границе.

начать свои внешние войны, начать свое гигантское расширение.

В 1683 году империя состояла из Собственно-Китая, Маньчжурии, Формозы и той относительно небольшой части Монголии, которая входит теперь в состав Мукденской и Чжилийской провинций. Вся остальная часть Монголии, т. е. в сущности все то, что мы называем Монголией теперь, весь Тибет, уже не говоря о Туркестане, были тогда вне владений Цин'ской империи. Вне ее оставалась и та часть географической Маньчжурии, которая находится по левую сторону Амура. Здесь осели русские.

Очередная задача империи заключалась теперь в изгнании пришельцев из-за Урала.

Теперь подведем итоги.

Маньчжуро-китайская война в скрытом виде началась с 1601 года. В 1618 году война была объявлена официально. Но как ни глубоко было разложение Китая при Мин'ах, окончательное овладение империей удалось маньчжурам лишь в 80-ых годах,— через 63 года после первого открытого столкновения.

Это большой срок. Зато овладение было сравнительно очень прочным.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

XXXII.

Война и дальнейшие взаимоотношения с Россией.

Сначала необходимое предупреждение.

Выделение описания борьбы с Россией в отдельную главу продиктовано просто тем, что она — эта борьба — для русского читателя более интересна, чем многое другое. С точки же зрения китайского историка она имела сравнительно небольшое значение, во всяком случае гораздо меньшее, чем предшествовавшая борьба с формозцами или, тем более, с У Саньгуем. Занятые русскими территории даже для маньчжур были не более как окраинами, а для китайцев они были сравнительно мало известной страной. Правда, уже при Птоломее китайцы передали Европе сведения о существовании Амура (европейцы II века даже отмечали на картах Становой хребет), но это не доказательство основательного знания страны [1]).

Однако, перейдем к описанию русско-маньчжурского столкновения.

Конец XVI и начало XVII веков отмечено в истории торговли большим спросом на меха. Этот спрос побуждал европейских колонизаторов искать новые страны уже не только в тропических или близких к ним областях, как это было в XV и в первой половине XVI века, но и на севере. Уже в 1599 году во Франции образовалась отдельная торговая компания для Канады, а в 1606 году началась систематическая колонизация этой страны, оказавшаяся, правда, более чем неудачной; даже в 1763 году там было не более 80 тысяч французов. В 1628—29 году англичане уже попытались отобрать у них канадские владения, но по Сен-Жерменскому договору 1632 года вернули захваченное, чтобы впоследствии еще и еще раз броситься на этот лакомый ку-

[1]) На птоломеевой карте начерчены Амур, Сунгари и Становой хребет; Тихий океан отсутствует. Но отсутствует на ней и Северная Скандинавия, не говоря уже о бассейне Двины. «Terra incognita» — «неизвестная земля» — написано у Птоломея на тех местах, где положено быть Северной Европе.

Copyright ... http://booksite.ru/

сок, окончательно перешедший в их руки лишь в 1763 году. Занятие англичанами земли Рупперта в Гудзоновом заливе (1676), путешествие французов во внутренние части тогда еще неведомого северо-американского материка, открытие ими Миссисипи и Миссури в 90-ых годах XVII века — все это тоже было обусловлено, главным образом, поисками мехов [1]).

Русское движение на Сибирь было тоже движением за мехами. О сибирском золоте тогда еще никто представления не имел. А то, что в Сибири можно сеять хлеб, готовить масло и сыр, показалось бы в те времена невероятным. Как это ни странно, первые русские люди, обосновавшиеся в Сибири в XVII веке, получали хлеб не откуда-нибудь, а из-под Вятки и Вологды.

Начало русского движения в Сибирь, как уже сказано, совпадает по времени с обострением междуплеменной борьбы будущих победителей Китая. Оно было отмечено походами Ермака в 1581—82 годах. В 1585 году была уже заложена Тюмень, в 1587-ом — Тобольск, а в 1596-ом — Нарым на Оби и в 1604-ом — Томск. Движение было, очевидно, очень быстрое. Но оно стало еще быстрее в течение следующих сорока лет, когда русские землепроходцы добрались до устьев Лены, Яны, Индигирки и Колымы, заняли Забайкалье и в 1644 году, в тот же самый год, когда маньчжуры овладели Пекином, подошли к берегам Тихого океана.

Так русский торговый капитал, потерпевший поражение в борьбе за Балтику, компенсировал себя приобретением огромных пространств в Северной Азии (одновременно Россия росла и к югу, где незадолго перед тем ее граница проходила не дальше Воронежа и Курска; Самара, Саратов и Царицын были еще совсем юными городами).

Удалившись так далеко на восток, русские землепроходцы оказались в очень тяжелом положении в смысле снабжения. Мяса, дичи было вдоволь, но самого главного — хлеба — не было. Нынешние «житницы Сибири» были тогда еще либо вовсе не заняты, либо были неиспользованы для

---

[1]) Читатель, быть может, заподозрит здесь опечатку. Очень уж дико звучит в наше время «открытие Миссисипи». Но это не ошибка. Устье Миссисипи открыто только в 1687 г. Открытие было утеряно и в 1699 году великая река открывалась вторично. О нынешних западных штатах С. Ш. А. еще и понятия не имели. О том, что Азия не соединяется с Америкой, «цивилизованный мир» тоже не знал. Об Австралии в сущности толком узнали только в конце XVIII века. Очень еще молод наш мир!

хлебопашества по другим причинам. Так, например, Минусинский край, тот самый, где когда-то, в неизвестных веках, существовало значительное земледелие и процветала бронзовая культура неизвестных нам людей, давно уже превратился в страну бесхлебных кочевников. Лишь в XVIII веке он начал заселяться немногочисленными русскими земледельцами. Да и вообще тогдашняя колонизация Сибири шла не по лесостепным и степным землям, а по тайгам. Это приводило вот к чему.

Чтобы накормить служилых людей Сибири (по данным проф. Огородникова), хлеб собирали на российском севере и везли по Чусовой до района нынешнего Свердловска. Отсюда его волоком перетаскивали на Исеть и сплавляли на Туру, потом по Тоболу, Иртышу и Оби в Обскую губу... Пересекши полярный круг дважды, хлебный груз попадал в р. Таз и плыл до волока, по которому попадал в Енисей. По Енисею он шел до устья Верхней Тунгуски (т.-е. Ангары) и если он предназначался не для Забайкалья, а для центральной части Восточной Сибири (административный центр, воеводство, было тогда в Якутске), то еще раз попадал на волок, доходил до Лены, грузился на каждый раз специально выстраиваемые с этой целью паузки и так, на 9 месяце пути, достигал, наконец, Якутска, откуда уже распределялся между меньшими центрами, до которых от Якутска оставалось еще расстояния, примерно, как от Москвы до Харькова, Ростова и Тифлиса.

Ну, а если по дороге случалось крушение и хлеб не доходил? Как быть тогда?

Русские, естественно, должны были начать искать те страны, где бы можно было найти хлеб. От забайкальских тунгусов поддерживавших обмен с маньчжурами, они узнали, что такая земля есть и что расположена она на Амуре. Якутские власти отправили туда экспедицию во главе с Поярковым, который проплыл по Амуру и там убедился, что рассказы тунгусов основаны не на фантазии. В 1651 году та часть амурского побережья, которая прилегает к Забайкалью, была уже прочно занята, построен был город Албазин и по всему Амуру пошел стон туземцев, жестоко обираемых незваными гостями. Будучи вассалами маньчжурского государя, жители Амура обратились за помощью к нему, но не до них было ему тогда... На юге его тревожил Коксинга; в Юньнани и Гуйчжоу сидели Мин'ские защитники; неспокойно было и в других местах. Небольшой отряд, правда, был отправлен, но он почему-то до Албазина не дошел и вернулся

обратно ни с чем. Населению же Амура маньчжурами было предложено перейти на Сунгари.

Между тем русские осмелели. В 1654 году отряд албазинцев в поисках еще неразоренных земель спустился по Амуру и зашел в устье Сунгари. Здесь он был разбит. Тем не менее, в 1656 году опыт был повторен. Он тоже был неудачен. Русские набеги не прекратились, но маньчжуры не имели еще возможности тратить силы на борьбу с северным врагом.

Тем временем в Якутске и Москве поняли, что гораздо выгоднее продавать ясачные (т. е. собранные с туземцев в виде натурального налога) меха не в Европу, а на не менее емкий китайский рынок. Решено было начать соответствующие переговоры. Первая русская миссия прибыла в Пекин в 1654 г. и была принята там, как обычно принимались послы вассальных стран. Подарки были взяты, как знаки подчинения и послов снабдили письмом к царю, в котором император выражал свое «удовлетворение лояльностью страны, до сих пор еще не посылавшей Китаю дани» и «приказывал» царю продолжать действовать в том же духе и впредь.

Это послание осталось в Москве непрочитанным; соответствующих спецов не нашлось.

В 1670 году уже китайская миссия отправилась в Москву. Она должна была добиться прекращения набегов и, кроме того, выдачи племени, которое из-за притеснений маньчжур переселилось на Шилку. Но взаимное непонимание и на этот раз привело к неудаче. Переговоры решено было перенести в Пекин, где в это время были знающие китайский язык иезуиты. Русские послы отправились туда вместе с китайцами и прибыли в их столицу лишь в 1675 году. Пекинские переговоры были тоже безрезультатны, т. к. Россия упорно не соглашалась на выдачу беглецов, а пекинское правительство до улажения этого вопроса никаких других вопросов обсуждать не соглашалось[1]).

В равнодушии китайского правительства к вопросу о русской торговле не было ничего удивительного. Оно не имело никаких намерений косвенно способствовать сохра-

[1]) Потомки хана бежавшего племени крайне многочисленны в Забайкальи. Зовут их Гантимуровыми. Все они сплошь князья и княжны. Часть их живет крестьянским хозяйством или скотоводством, часть в городах. Среди них есть мелкие лавочники, есть извозчики, инженеры, врачи и кто угодно. Были между ними и революционные подпольщики. Это, кажется, единственный «аристократический род» на всю Сибирь и один из очень немногих дворянских. В этом отношении Сибирь — полная противоположность Кавказу.

нению русской власти на Амуре, и уже тогда готовилось уничтожить ее. Что же касается торговли транзитом через Монголию, то она вряд ли могла тогда быть выгодной для Китая: Монголия была еще вне пределов империи и между заселявшими ее племенами шли несогласия, которые скоро перешли в открытую борьбу.

Прошло еще 8 лет. Наступил тот 1683 год, который отмечен безусловным окончанием сопротивления маньчжурской власти в Китае и распространением власти империи на Формозу. Теперь руки у маньчжур были развязаны. Наступил момент, когда можно было обратить внимание и на Амур.

Еще в 1682 году начались приготовления к походу. Маньчжуры построили целую флотилию военных шаланд, вооружили их пушками, устроили в Айгуне (недалеко от нынешнего Благовещенска) одну военную базу, в Цицикаре — другую и в 1683 году потребовали от албазинцев сдачи. Начальник крепости Толбузин ответил отказом.

Через полтора года, в 1685 году у Албазина стояло уже — флот в 100 судов, вооруженных 200 орудий, и 5 тысяч солдат. Столько же было на базах в резерве. У Толбузина же насчитывалось всего лишь 450 человек. Тем не менее, эта горсточка людей выдержала бомбардировку, выдержала натиск и отступила лишь тогда, когда потеряла свыше 100 человек убитыми и пленными. Маньчжуры овладели крепостью, срыли ее до основания, а пленных отправили в Пекин, где они, не в пример китайцам, которых маньчжуры за сопротивление истребляли, были не только освобождены, но и зачислены в число «знаменных», т. е. приравнивались к маньчжурам. Это была честь, которой удостаивались монголы, но в которой китайцам, как правило, отказывалось [1]).

В 1686 г. русские опять появились в Албазине и скоро укрепились настолько, что маньчжурам пришлось отправить против них 8 тысяч человек при 400 орудиях. Русские

[1]) Маньчжуры не проявили по отношению к русским и доли той свирепости, которая отличала их в борьбе с Китаем и позже с калмыками. Рассказывают, что во время второго албазинского «сидения» маньчжуры отправили осажденным лекарства. Албазинцы, сидевшие голодом, ответили на любезность любезностью: послали огромный калач из остатков муки. Что касается тех русских, которые попали в плен, то в Пекине им дали жен из маньчжурок; их дети, в свою очередь, тоже поженились на маньчжурках, а в результате их потомки окитаились вместе с маньчжурами. Современных «албазинцев» даже опытный глаз не сможет отличить от китайцев.

Факты, относящиеся к русско-маньчжурской борьбе, взяты здесь из книги Ли Юнбина, — не из русских источников.

земляные укрепления оказались достаточно прочными, чтобы защитить гарнизон, но болезни и голод уменьшили его численность до 60 человек. «Сидение» их окончилось лишь тогда, когда из Пекина пришло сообщение о заключении мира. Гарнизон отошел после этого к Нерчинску.

О мире, заключенном в 1686 году, переговоры велись не непосредственно, а через голландцев. Непосредственно русским и китайским представителям удалось встретиться лишь после того, как закончилась междуусобная война в Монголии, та война, результатом которой было ее присоединение к Китаю.

Лишь в 1689 году представители России и Китая встретились в Нерчинске. Обе миссии сопровождались войсками, и эти войска стояли друг против друга в боевом порядке. Обе стороны были вначале достаточно дерзки и требовательны, но в конце концов при помощи иезуитов текст договора удалось выработать.

По Нерчинскому договору, Россия отказывалась от всех своих захватов на Амуре и признавала своей границей Становой хребет и течение реки Аргуни до ее слияния с Шилкой (Шилка и Аргунь образуют Амур). Это означало полную и безоговорочную победу Китая. Восстанавливалось положение, существовавшее до 1644 года.

В дальнейшем русское расширение на востоке происходило лишь в тех местах, где о встрече с китайцами не могло быть и речи. Так была захвачена Чукотская земля, присоединена Камчатка, а позже Аляска. Еще позже были отдельные, не увенчавшиеся длительным успехом, попытки обосноваться на Гавайских островах и на западном побережьи Америки к югу от Аляски; одно время русские были даже очень недолгими хозяевами района близ нынешнего Сан-Франциско. Но попыток продвижения за счет Китая до середины XIX века не было [1]).

Лишь в 1858 году Россия вернулась на Амур.

Таким образом, то быстрое расширение России, которое имело место в 1581—1651 годы, разбилось о Китай.

А Китайская империя тем временем стала расти, пока не доросла до Гималаев, Памира, Алтая и Саян. Этот рост продолжался почти до конца XVIII века.

---

[1]) Эти сведения о Гаваях и Калифорнии почерпнуты из «Живописной России», приложения к журналу «Новь» (пересказывается здесь по памяти).

Одновременно с этим происходило сначала медленное, потом все ускорявшееся увеличение в Азии территорий скоро столкнувшихся друг с другом французов и англичан. Но пределы России в Азии росли медленно. Они расширялись тогда за счет Турции, Польши и Швеции.

Теперь остается посмотреть, каковы были отношения между Россией и Китаем в долгий период их миролюбивого соседства в Азии. Самым показательным будет в этом отношении характер их торговли, весьма непохожей на ту, которая имела место после.

Русско-китайская торговля началась сравнительно рано. Если даже не говорить о том косвенном обмене, который, повидимому, был налицо еще во времена монгольской династии, то остается все же несомненным прибытие русских караванов в Пекин в 1658, 1672 и 1677 годах, т. е. до вытеснения русских с Амура. Отсутствие дипломатических связей, очевидно, не мешало обмену. После заключения Нерчинского договора 1689 года, между прочим, первого договора Китая, заключенного с европейской страной, русско-китайская торговля оживилась еще больше. «В 1699 году», говорит историк Соловьев, «русские выгодно торговали в Пекине. Продавая там меха, они приобретали взамен шелк, золото и бумажные ткани». В царствование Петра I китайских товаров приобреталось в среднем на сумму, соответствующую нашим современным 3—3½ миллионам рублей. Помимо этой, так сказать, общероссийской торговли, существовала еще торговля местного, пограничного значения, имевшая центрами Ургу и Кяхту. Во второй половине XVIII века одни только вологодские купцы вели с Китаем через Сибирь торговлю на 800 тысяч рублей. К этому времени Иркутск, Нерчинск и Кяхта были важными центрами торговли с Китаем, но они не были единственными, торговля с Китаем шла и через Минусинский край и через Семипалатинск. Впрочем, судя по данным об обменивавшихся там товарах, торговля этих районов была по существу не столько русско-китайской, сколько русско-монгольской, в которой китайцы выступали лишь как посредники [1]).

Торговля эта потребовала еще нескольких соглашений между Китаем и Россией. Так, в 1727 г. был заключен Кяхтинский договор, определивший границу между Сибирью и Монголией, в 1768 году были введены дополнительные измене-

[1]) Этот абзац написан по данным, приведенным в «Русской истории» Н. А. Рожкова.

ния к нему, а в 1792-ом было заключено новое соглашение между иркутским генерал-губернаторством и китайскими пограничными властями.

Но характер русско-китайской торговли оставался в общем и целом неизменившимся. Китай ввозил в Россию чай, шелковые изделия и хлопчатобумажные ткани, Россия везла в Китай меха и шкуры, да еще в некотором количестве сукна, не шедшие, вероятно, дальше Монголии. Короче говоря, Китай поставлял в Россию предметы окончательно изготовленные, а Сибирь слала свое сырье. Нужно прибавить, что все время баланс был положителен для Китая и что каждая приостановка в движении караванов ударяла сильнее Россию, чем Китай. (Куда могла Восточная Сибирь девать свое тяжелое, сравнительно, сырье, не потеряв на этом, как не в Китай?). Вот почему не Китай, а Россия готова была поступиться то одним, то другим и вот почему Китай от времени до времени ставил торговле России палки в колеса. Это был один из способов побольше добиться в свою пользу.

Во всем этом было что угодно, только не пресловутое «самоотгораживание от мира».

Что касается отношения к русским, то оно, в отличие от отношения к иностранцам, появлявшимся с моря, было сравнительно хорошее. Это не значит, что русские вели себя лучше, чем западно-европейцы. Но последние, отметившие свое первое появление в Китае пиратством или чем-то близким к нему, остались, если не считать голландцев, не наказанными. Русские же получили за свои погромные деяния на Амуре заслуженный урок и с тех пор смирились.

Как иллюстрацию русского смирения, можем привести то, что русские миссионеры, появившиеся в Пекине для поддержания православия среди потомков албазинцев, соглашались получать жалованье от пекинского приказа по инородческим делам (по делам Монголии и Тибета), тем самым признавая себя как бы подданными Китая, и что Екатерина II (т. е. «Великая») вынуждена была протестовать против грубого обращения с русскими на границах.

Большое значение в русско-китайских соглашениях придавалось вопросу о подсудности подданных обеих империй. Он был разрешен в смысле обоюдного признания экстерриториальности: китаец, совершивший преступление в России, выдавался китайским властям; русский, провинившийся в Китае,—русским властям. Этот порядок держался до 1858—60 г.г., когда он был изменен в пользу России,—изменен резко и решительно.

Итак, начиная с 1680 года и вплоть до 1850 годов, Россия и Китай жили бок-о-бок мирно, жили, как два азиатских соседа, границы которых были определенно и прочно установлены (окончательно, впрочем, только в 1827 г.). К тому, что за этот период происходило по морской границе Китая, Россия имела весьма отдаленное отношение, вернее—не имела никакого.

Вот почему говорить о взаимоотношениях между Китаем и Западной Европой нужно отдельно. Мы коснемся их позже, когда будем говорить о периоде упадка маньчжурской мощи [1]).

Здесь же достаточно будет сказать, что со времени Коксинга и с укреплением маньчжурского господства в Китае, прекратились и те торгово-разбойничьи выходки западных моряков, которые имели место при Мин'ской династии.

В XVIII веке Европа не тревожила свою будущую добычу.

Япония же была тогда рынком для китайских товаров, была восторженной поклонницей всего китайского, была ученицей и подражательницей, но уже грозой-то не была ни в какой степени.

XVIII век был в отношении внешнего окружения исключительно благоприятным для Китайской империи; более благоприятным даже чем VII век, век расширения Тан'ской державы.

Тем болезненнее оказались испытания в XIX веке.

---

[1]) Детали см. в книге «Новейшая история стран ДВ» проф. Кюнера, наиболее полной и солидной работе, посвященной отношениям Китая и Западной Европы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

XXXIII.

Век наивысшего расцвета Китайской империи.

Династия Цин и китайцы.

Государство есть орудие классового господства. Вот — истина, такая элементарная, так часто повторяемая, известная, казалось бы, каждому школьнику и все же почему-то постоянно забываемая, когда речь заходит о Китае. Цин'ской (т. е. маньчжурской) династии особенно не везет в этом отношении. Ряд авторов и притом таких авторов, от которых меньше всего этого можно было бы ожидать, упорно не желают признать за ней права представлять интересы землевладения и торгового капитала. Маньчжурам постоянно навязывают какую-то весьма странную, а, главное, ничем, абсолютно ничем не подтвержденную роль не то каких-то грабителей, которые только потому имели возможность так долго продолжать свое грабительство, что ограбляемый «спал», не то садистов, мучивших китайцев ради самого процесса мучительства. Во всяком случае, почти каждый автор считает себя обязанным очень уж подробно останавливаться на факте инородческого происхождения этой династии и очень уж много придавать значения знаменитому лозунгу «долой Цин! восстановим Мин!» («фань Цин! фу Мин!»).

Такой лозунг, действительно, существовал, и он не раз зажигал массы повстанцев. Отрицать это было бы просто смешно. Но что это доказывает? Это доказывает только то, что Китай стоял на той ступени развития, на которой республиканские лозунги еще просто не могут двигать массы и когда измученные эксплоатацией люди стараются не о том, чтобы уничтожить всякую династию вообще, а лишь заменить одну династию другой. Разве наш Пугачев не оказался вынужденным объявить себя Петром III! Разве мечты о «хорошем царе» не дожили у нас вплоть до 9 января!

Да! Для китайцев имя Мин'ов звучало, как призыв к борьбе; более того, о их приверженности к памяти

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Мин'ских императоров можно было бы написать целую книгу: чего стоит, например, хотя бы такой обычай, как одевание умирающих в одежды времен Мин'ов! Но если проследить хорошенько за историей приведенного выше лозунга, то окажется, что он тогда лишь стал действительно боевым кличем, когда маньчжурская власть уже начинала банкротиться, — не раньше этого! До тех пор никакого «общественного значения» этот лозунг не имел и иметь не мог, потому что для него не было подходящей почвы.

Говорят об инородческом происхождении Цин'ов. Но много ли найдется на свете монархий, где династии создавались туземцами? Возьмите Европу. В Англии — инородцы, в Швеции — инородцы, в Норвегии — тоже, в Испании — тоже, в Болгарии, Румынии, а недавно и в Греции, в России и в целом ряде других государств то же самое. Но разве кто-нибудь когда-нибудь придавал значение тому несомненному факту, что испанский король происходил от немцев — Габсбургов или что Николай II вел свой род от голштинцев? Это просто никого не интересовало!

Можно, конечно, возразить на это, что в России немцы не имели легальных преимуществ перед русскими, а в Китае маньчжуры пользовались привилегиями. Но, во-первых, привилегии маньчжуров были в значительной степени дутыми, а, во-вторых, сами-то маньчжуры, включая императоров и императриц, были больше китайцами, чем российские цари и аристократы русскими. В пекинском дворе, номинально маньчжурском, маньчжурский язык был в XIX веке просто непонятен. Даже командиры пограничных частей, выросшие в Пекине и уже в зрелые годы попавшие на Амур, обычно, не понимали языка туземцев. А в нынешнем Пекине, даже в нынешней Маньчжурии, язык Нурхаци и его сподвижников известен лишь очень немногим.

Говорят о жестоком «грабительстве» при маньчжурах. Но с каких это пор государство — орган классового господства — начало рассматриваться с точки зрения его пригодности для обеспечения «общего блага»! Конечно, если пользоваться языком агиток, то «грабеж» при Цин'ах был. Но в таком же, точно таком же смысле это выражение применимо и в отношении, например, екатерининской России, т. е. России, несомненно, процветавшей. В еще большей, пожалуй, степени оно применимо к Англии времен «огораживания», оно применимо и к Франции эпохи Людовиков; применимо вообще ко всякой стране, где диктаторствуют помещик и торговый капиталист. Такой грабеж, грабеж исторически не-

Собрание В.Г. Белинского http://vbelinsky.narod.ru/

избежный, объективно необходимый и, если так позволено будет выразиться, прогрессивный, в Китае при Цин'ах был.

Правда, здесь можно возразить, что если не «общее благо», то во всяком случае обеспечение развития производительных сил может и должно быть мерилом «годности» государства. Это будет возражение дельное, и на него придется дать ответ, — ответ фактами.

Население, производство и торговля.

По данным переписи 1662 года, т. е. того года, когда сопротивление Мин'ов (но не У Саньгуя и наследников Коксинга) было уже сломлено, население Китая исчислялось в 21 миллион. Допустим, что это было преуменьшением; допустим даже, что преуменьшено было вдвое, но преуменьшение имело место и в 1710 году, а, между тем, население было исчислено тогда в 70 миллионов. А в 1784 году оно исчислялось уже в 284 миллиона. Можно, конечно, не доверять китайской статистике. Доверять нельзя и одновременно статистике в России и даже на Западе. Но и недоверие должно иметь свои пределы. Огромный рост населения был несомненно. Об этом свидетельствуют не только данные переписчиков, но и такие факты, как запашка земель, которые до тех пор никогда не обрабатывались, как постоянное упоминание о происходящем росте населения в ряде императорских эдиктов, как прямые заявления об этом местных администраторов и лиц, не связанных с администрацией.

Таково одно из доказательств «годности» цин'ской государственности, — доказательство очень важное: не могло быть такого значительного роста, если бы одновременно не происходило роста производительных сил. А раз оно происходило, то, значит, империя не изжила себя, не превратилась в оковы для развития.

Переходя непосредственно к производству, мы убедимся в том же. Те безобразные явления в земледелии, которые происходили при увенчанных посмертными лаврами Мин'ах и о которых мы достаточно подробно говорили раньше, уже почти не упоминаются в связи с историей XVIII века. Пустоши исчезли. Бродяжничество, если и было, то не из-за социально-политических явлений, а просто из-за наводнений, засух и других стихийных бедствий. Латифундии Мин'ской эпохи распались. Частью они были бесплатно переданы сидевшим в них арендаторам, частью превратились в собственность маньчжур и прочих «знаменных», — но так или иначе, те причины, которые приводили к оставлению земли на произвол судьбы, были, повидимому, уже изжиты.

Плодородие почвы восстановилось, и крестьяне работали на прежних «красных» полях. Среди этих крестьян были и собственники своих участков, были арендаторы, были суб-арендаторы, были, наконец, и такие, которые, числясь юридически арендаторами, на самом деле были полными собственниками, которые не могли получить соответствующих свидетельств только потому, что существовал закон, воспрещавший отчуждение знаменных земель. Но жизнь была сильнее всяких законов, и, в конце концов, государство было вынуждено легализировать уже состоявшиеся сделки на землю. Как это случилось, об этом интересующиеся могут справиться по книге Пин Хуа-ли, к сожалению, впрочем, имеющейся в продаже (за границей) в исключительно малом количестве экземпляров.

Рост сельскохозяйственной продукции и значительное увеличение количества хозяйств при Цин'ах можно считать фактом совершенно бесспорным. Но сельским хозяйством дело не ограничилось; рост производства происходил и в других отраслях хозяйства. И оно росло не только количественно, но и качественно. Цин'ский фарфор признается некоторыми знатоками лучшим, чем фарфор предыдущих эпох. Шелководство достигло при Цин'ах высокого процветания. Хлопчатобумажные ткани, которые раньше частично ввозились из Индии, стали производиться в таком количестве, что их хватало не только для сильно возросшего населения внутри страны, но и для вывоза за пределы ее. Монголия, Тибет, Корея, Япония и, как это ни странно звучит, даже Англия, были в XVIII веке потребителями «китайки», «нанки» и всевозможных других видов хлопчатобумажных тканей. Китай вывозил тогда готовые изделия, а важнейшим предметом его ввоза был хлопок-сырец. Китай даже и в отношении английских владений был тогда страной, вывозящей фабрикаты и ввозящей сырье и драгоценные металлы. Огромное значение приобрел вывоз чая, почти неизвестный в Англии в XVII веке, а в XVIII веке ставший там «национальным напитком». Масса чаю, главным образом, кирпичного, шла в Тибет и Монголию, а также в нашу Сибирь. Россия тоже стала крупным потребителем чаев. Сильно развилось и производство сахара. Увеличился и вывоз его. Рост внутренней торговли, несомненно, тоже был, хотя, к сожалению, соответствующие цифры привести невозможно и приходится довольствоваться лишь косвенными или в лучшем случае прямыми, но голословными данными. Впрочем, в этом отношении далеко не удовлетворительны и дошедшие до нас дан-

ные, касающиеся России. К числу таких косвенных данных относится все время росший денежный голод. Меди, которая составляла важнейший предмет ввоза из Японии в Китай, не хватало. Ее не хватало несмотря на то, что Япония, снабжая Китай, довела свои рудники до истощения. Помимо этого, Китай впитывал огромное количество шедшего ему в обмен на чай, шелк, ситец мексиканского серебра. Лишь позднее, с развитием ввоза опиума, серебро стало накапливаться в меньших чем прежде размерах. Подсчитано, что в течение столетия серебро, скопившееся в Китае, благодаря неизменно благоприятному балансу, дошло до 2.000.000.000 лан.

Существует совершенно превратное мнение о, якобы, нежелании китайцев допускать торговлю с «красноволосыми чертями». Но вот факты, взятые из книги Chong Su-See, ссылающегося, в свою очередь, на Морозе, Дэвиса, Бринклэй и на других авторов.

В 1677 году вице-король Кантона обратился к англичанам с «самым настойчивым предложением» («extended a most pressing invitation») устроить свою факторию в Кантоне. Но они отказались, так как боялись рассердить своего самого опасного конкурента, контролировавшего торговлю в южнокитайских водах формозского «пирата». После поражения наследников Коксинга, англичане попытались было обосноваться в Кантоне, но было уже поздно, так как там за 8 тысяч фунтов стерлингов годового взноса монополия на торговлю передана была португальцам. Но правительство пошло англичанам навстречу, и в 1685 г. для иностранной торговли открыты были все без исключения китайские порты и оставались открытыми вплоть до 1757 года, когда императорское правительство, частью в интересах казны, частью из-за необходимости контроля над ввозом опиума, ограничило район торговли Кантоном. «Рыцарское» отношение к албазинцам и другие показательные факты, свидетельствующие о желании поддержать добрососедские отношения с Россией, в военном отношении совсем не опасной для Китая, говорят о том же. Заботой о торговле были, повидимому, продиктованы и такие, например, мероприятия, как отчуждение от подчиненного на рубеже XVII и XVIII веков Тибета восточных его окраин, где расположены важные торговые пункты Литан и Батан.

Здесь следует еще отметить, что еще в начале XVIII века (в 1712 г.) правительство имело, несмотря на постоянные войны, настолько большие доходы, что сочло возможным

ограничить взимание подушного налога, одновременно определив на «все будущие времена» и общую сумму поземельного налога со всей империи. А при преемнике царствовавшего тогда императора подушный налог был отменен вовсе (что, между прочим, является одним из объяснений быстрого изменения официальной цифры населения: люди перестали скрываться от переписчиков). Несмотря на проведение этих мероприятий, казна была полна. Один из китайских временщиков конца XVIII века, бывший носчик императорского паланкина, а впоследствии первый сановник империи, мог благодаря этому нажить такое колоссальное состояние, что превзошел всех своих современников. Если верить (а верить в данном случае все-таки трудно) китайским историкам, он под конец имел капитал в 3 миллиарда наших рублей.

О характере маньчжурской власти дает представление и ее внешняя политика, сводившаяся вовсе не к тому, чтобы получать с государей покоренных земель дани, которые, обычно, бывали меньше, чем ответные подарки императора, а к созданию в покоренных землях наивыгоднейших условий для китайской торговли. Так было в Монголии, так было и в Тибете. Правительство даже не посылало туда своих чиновников, предоставляя управление этими странами туземным духовным и светским князьям, лишь ставя над ними своих «амбаней», высоких комиссаров. Исключение составил лишь Восточный Туркестан. Но и там ниже маньчжурских или китайских уездных начальников шли уже местные «беи», туземцы. Материальными выгодами от владения этими странами пользовались лишь те, кто вел с ними торговлю, т.-е., прежде всего, китайцы, главным образом, шаньсийцы, а не маньчжуры, которые были обязаны несением военной и гражданской службы. Конечно, это не исключало возможности вступления в китайские торговые компании и администраторов из маньчжур; выгодами от торговли пользовался, вероятно, и сам император; но пользовался он ими не как сюзерен монгольских и тибетских феодалов, а как представитель торгового капитала. Как император же, он никаких прямых выгод от колоний не получал [1]).

[1]) О размерах отдарков императора своим вассалам можно судить по тому факту, что Баньшень-лама, один из двух тибетских пап, съездив на поклон в Пекин, получил там разного добра, приблизительно, на миллион рублей. Из-за дележа этого подарка впоследствии в Тибете произошла серьезная драка.

Тот факт, что китайцы, которые при Мин'ах два столетия смирно сидели за своей пресловутой стеной, ни в какой мере не оберегавшей их от непрекращавшихся набегов степняков, а при Цин'ах спокойно торговали в Семипалатинске и Тобольске, при чем торговали там не столько китайскими, сколько монгольскими товарами, красноречивее красноречивого говорит о том, что китайский торговый капитал нашел в маньчжурской династии гораздо лучшую защитницу, чем в чисто-китайской Мин'ской.

Социальные отношения и идеология.

Как китайцы в XVIII веке смотрели на своего «инородческого» государя, кстати сказать, того самого, который нашел досуг, чтобы написать историю завоевания Китая маньчжурами, при чем перехвалил своих предков до небес, свидетельствует сложенная о нем коротенькая песенка. Этого императора звали Цянь Лун. А вот песня о нем:

Цянь Лун бао;
Цэн Шоу као!
Цянь Лун цзянь;
Вань-вань нянь!

Ли Юнбин переводит ее так: «О, деньги Цянь Луна. Да знаменуют они ему долгую жизнь. О, монета Цянь Луна, многие лета ему».

Этот император-завоеватель, повидимому, вполне угодил тому классу людей, которые и в стихах-то мыслили не иначе, как от денег. Кстати сказать, этот Цянь Лун, завоеватель и историк, был поэтом и сам. По словам Джайльса, он ухитрился написать между 1736 и 1786 годами 33.950 стихов (главным образом, коротких), и все они были напечатаны. Судя по отзывам Грубе и Джайльса, они были не из тех, которые нашли бы своего издателя, будь их автор рангом пониже. Но автор был доволен, критики, конечно, хвалили, как хвалили русские критики одновременные стихотворные упражнения Екатерины II, и слава маститого поэта домчалась вплоть до Парижа, где Вольтер сложил в его честь оду, — оду, посвященную «Charmant roi de Chine».

Популярность свою Цянь Лун сохранил до конца жизни. Он умер 89 лет от роду, прославившись, помимо всего прочего, еще и тем, что дважды устроил банкет в честь других таких же престарелых лиц, как он сам. Это было в 1799 году. Но к этому времени он уже отрекся, и вот год его отречения, 1796-ой, был как раз тем годом, когда клич «долой Цин! да здравствуют Мин!» (в вольном переводе) впервые приобрел действенное значение.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В тот год началось первое за 110 лет восстание китайцев, — «восстание Белой Лилии». Заметьте, первое! В течение же предыдущих одиннадцати десятилетий воспоминания о Мин'ах возбуждали большие движения только на Формозе. Только на рубеже XIX века спохватились остальные китайцы.

Мало было в Китае династий, которые могли бы похвастаться таким длительным внутренним миром, как маньчжурская и очень немногие имели среди своих представителей таких популярных государей, как Цянь Лун. Но Цянь Лун был в этом отношении не единственным. Его дед Кан Си был почти так же популярен. Что это значит? Да просто то, что режим, существовавший при них, соответствовал интересам правящих классов. Цянь Лун был популярен по той же причине, по какой популярна была «матушка Екатерина». А когда условия изменились, наследники Цянь Луна потеряли всякую привлекательность. И только тогда стали «инородцами» эти насквозь окитаившиеся потомки сунгарийских таежников.

До сих пор мы говорили, главным образом, об интересах купечества. Теперь необходимо будет остановиться на положении при Цин'ах того слоя населения Китая, который до некоторой степени соответствует нашему служилому дворянству. Это были не только маньчжуры, типичные представители служилого сословия, которые подобно русским дворянам до-екатерининской эпохи (т. е. до указа о вольности дворянства) были закрепощены за государством и уже в силу этого были во многих отношениях в худшем положении, чем многие китайцы. Ли Юнбин, например, утверждает, что большинство маньчжур уже в XVIII веке, не взирая на всевозможные льготы и на обеспечение землей, обнищали, задолжались и, оказавшись в кабале у китайских ростовщиков, фактически потеряли свои наделы.

Группой, соответствовавшей нашему дворянству, была и та часть китайцев, которая, благодаря своему материальному положению, могла подготовлять своих сыновей к государственным экзаменам и, таким образом, обеспечивала для них фактически (а не юридически) наследственное право на занятие чиновничьих должностей, что, в свою очередь, позволяло поддерживать состояние тех домов, к которым они принадлежали, на достаточно высоком уровне. То, что в Китае не существовало точного сословного разграничения, дела не меняло. Эти «нотабли» или джентри, как их часто называют в нашей печати, оставались, тем не менее, по социаль-

ному положению настоящими потомственными дворянами, порой очень и очень влиятельными в своих районах. Они были частью землевладельцы, частью ростовщики, частью купцы, но чаще всего и то, и другое, и третье вместе. Быть может, именно близость этих трех групп друг к другу и являлась причиной того, что в Китае отсутствовало настоящее сословное деление.

Основой образования джентри была конфуцианская философия, не та, конечно, которая была создана за 500 лет до н. э. Конфуцием, а такая, какой она стала в результате позднейших поправок, подчисток, наращений и прочих вековых наслоений. В общем и целом она все же близко подходила к тому, что уже успело сложиться в эпоху Сун'ской династии (960—1280), когда помещичье-купеческое государство уже успело оформиться. Отсюда и ее название—Сун'ская философия.

Уже в 1678 году, в разгар войны с двойным изменником У Саньгуем, царствовавший тогда император Кан Си принял меры к ослаблению возможной оппозиции описанного китайского дворянства. Одной из этих мер, о которой рассказывать подробно не приходится, была та, которая сводилась к привлечению в Пекин всех, кто, благодаря своей энергии и способностям, мог возглавить оппозицию на местах. Благодаря ей, незаметные и нечиновные, а, возможно, и враждебные до тех пор люди, сразу оказались в завидном положении, а, главное, государственными экзаменаторами. Естественно, они образовали хорошее «средостение» между инородческим троном и поместными нотаблями. Это та самая тактика, которую в маленьком масштабе и в иной среде с таким успехом проводит наш современный Форд.

Покровительство литературе, собирание и перепечатывание старых книг, составление официальной энциклопедии, словарей, справочников и т. д. все это дало работу и многим другим выходцам из семейств нотаблей. Нельзя не упомянуть и о таких политических демонстрациях Кан Си, как его путешествие к гробу Конфуция и прирезка к земельным владениям его потомков новых обширных участков.

Но это было еще не все. Кан Си сделал для фактического дворянства больше, чем сделала для него любая прежняя династия. Он избавил ее от конкуренции сильного при Мин'ской династии духовенства. При Тан'ах, как в свое время рассказывалось, духовенство было крупной силой. При Сун'ах оно было гораздо слабее, но при Юань'ях и Мин'ах буддийские священники опять появились на самых высоких

должностях. При Юань'ской династии они положительно обнаглели. Кроме того, при Мин'ской династии очень большая роль принадлежала евнухам, порой вытеснявшим из правительственных верхов всех, кто был не из их круга. Всему этому при Цин'ах был положен конец.

Истинной доктриной признавалась теперь только та, которая была изложена сун'ским философом Чжу Си, т.-е. сводившая старый китайский дуализм (мужское и женское начала) к монизму, к некоему изначальному единству, к Разуму, рассматривавшая два начала древней философии, как различные проявления начала всех начал, толковавшая «янь» (мужское начало), как активность, знание, инициативу, а «инь» — как пассивность, подчинение. Это было не чем иным, как идеологическим оправданием бюрократизма, абсолютизма, короче говоря, того, что строила с 1683 года маньчжурская власть, только-что перед тем покончившая с У Саньгуем и другими новоявленными феодалами.

Что же касается буддизма, то он официально объявлялся вредным, опасным и заслуживающим всяческого порицания, и чиновникам поручалось внушать это народу. Мало того, было установлено правило, согласно которому каждые две недели в каждом уездном городе должна была служиться своего рода конфуцианская обедня. Она заключалась в том, что особо назначенный чиновник зачитывал перед народом нравственные поучения, составленные на основании писаний сун'ских философов. В этих поучениях не говорилось, конечно, ни о начале всех начал, ни о прочих отвлеченностях, но очень ясно проводилась та мысль, что все исходит от государя и что нужно слушаться старших. Все это сопровождалось дополнительными разъяснениями о вреде буддизма [1]).

Таким образом, уже не только светские права оказались в руках служилого класса, но и те, которые, обычно, принадлежат отцам духовным. Это был большой удар для церкви. Одновременно покончено было и с евнухами, другими конкурентами дворянства.

Так обстояло дело в Китае. Ну, а в отношении Тибета и Монголии, где церковь была все, велась совершенно иная политика. Там императорская власть была покровительницей церкви, ее защитницей и благодетельницей. Там правительство тратило деньги на сооружение богатейших мона-

1) Нужно пояснить, что наиболее полезное для себя в буддизме неоконфуцианство взяло себе. В частности, самого Чжу Си обвиняют в позаимствованиях из буддийских книг.

стырей, туда оно слало миллионные подарки, а тамошних иерархов официально признавали за перевоплощенцев. Даже в пределах самого Пекина, где постоянно бывали монголы и тибетцы, правительство имело два лица, — лицо не слишком злобного, правда, гонителя церкви и лицо покровителя ее.

Организация управления.

Остается еще рассказать об организации управления. Со времени восстания У Саньгуя настоящих ленов в пределах коренного Китая уже не было; сохранились лишь подобия их в пределах расселения еще неассимилированных докитайских племен в Хунани, Гуйчжоу, Гуанси, Сычуани и Юньнани (общая площадь, занимавшаяся ими, была равна современной Франции). Во всех провинциях было устроено так, чтобы начальник китайских войск получал деньги на содержание войск от гражданского губернатора, при чем финансовые агенты не должны были иметь связи с армией. Во главе крупных провинций или двух менее крупных стоял вице-король, имевший помощника или помощников в лице губернаторов провинций. Их взаимоотношения определялись, однако, не как начальника и подчиненного, а как коллег, из которых один был старшим, другой младшим. В тех провинциях, где имелся маньчжурский гарнизон, взаимоотношения властей были сложнее, но полного единоначалия все же не было. Основной принцип сводился к тому, чтобы командование войсками, сбор денег и администрирование находилось в разных руках. Но судебная власть была слита с административной. Срок занятия должности определялся законом. По истечении его соответствующее лицо должно было подать прошение о разрешении явиться с отчетом ко двору, после чего оно могло быть вновь назначено на старое место. Но предварительно нужно было побывать в Пекине (по Ли Юнбину).

Старые феодальные китайские титулы при маньчжурах сохранились. Но это были только титулы. Ни на обладание ленами, ни на содержание войск они прав не давали [1]).

---

[1]) «После восстания Сань Фань (У Саньгуя)»—пишет Ли Юнбин,—сложнейшая система сдерживания и уравновешивания была введена в провинциях. Военные начальники в отношении получения денег были поставлены в зависимость от своих гражданских коллег и финансовым агентам была воспрещена какая бы то ни было связь с провинциальными войсками или «зелеными знаменами» (войска из китайцев). Номинально вице-король возглавлял гражданских и военных начальников своей области, состоявшей из одной или двух провинций. Но его права наблюдения за ними были соответствующим образом узаконены (Were

В 1726 году Цин'ское правительство предприняло и дальнейшие шаги. На этот раз дело шло относительно тех инородческих, не то феодальных князьков, не то родовых старшин, которые еще удерживались не только в горных трущобах, но и отчасти в прилегающих к ним равнинных местах. Задача, которую ставило себе правительство, сводилась к «дарованию инородцам гражданских прав», что по существу означало подчинение их китайской администрации, проникновение к ним китайского купца, а еще, как показало дальнейшее, лишение их земли. Результатом этой политики было восстание 1731 года, восстание 1739 и длительная война в 1795—99 годах. Китайцам так и не удалось окончательно справиться с ними. Инородческий вопрос в Сычуани и Юньнани не разрешен и поныне. Более того, после 1911 года он еще более обострился. Старые порядки кое-где удержались у инородцев и в Гуанси. Тем не менее борьбу с инородцами в XVIII веке нельзя не упомянуть. Пусть она и не вполне привела к цели, но уже одно то, что она была так упорна, настойчива и ожесточенна, не менее, пожалуй, ожесточенна, чем борьба России с кавказскими горцами, все это заслуживает нашего внимания. Она определенно доказывает, что истинным хозяином Китая была тогда не какая-то там «инородческая династия», а китайский торговый капитал.

Царствование Цянь Луна было временем наивысшего расцвета китайского абсолютизма.

Подобно «Королю-Солнцу», этот государь любил говорить, что для него не существуют министры, существуют лишь люди, «которые обязаны точно записывать его приказания». Если не считать инородцев юга да формозцев, то в пределах

matters of statutory provisions). Во многих отношениях эти права разделяли с ним губернатор или губернаторы, сослужащие с ним (associated with him). Он не был их начальником, а скорее старшим сослуживцем. В городах, где имелся маньчжурский гарнизон, эти отношения еще больше осложнялись присутствием «татарского генерала». Короче говоря, в провинциях не было единовластия. Иначе говоря, не было в области ни одного лица, которое обладало бы такой полнотой власти в отношении армии, финансов и гражданских дел одновременно, которая позволила бы ему противопоставить их центральному правительству. К тому же никто не мог оставаться на посту дольше установленного законом срока. (no man could hold his position beyond the tenure of office ordained by law). Когда срок истекал, сановник или чиновник должен был донести (об этом) трону и попросить разрешения явиться на аудиенцию в Пекин; вопрос об оставлении его на должности всецело зависел от милости императора. Титулов китайской знати было девять. Ни один из них не был связан с правом владения леном или содержанием собственных войск» (Li Ung-Bing «Outlines Ch. H.», стр. 369).

коренного Китая ослушников при нем не было. В ближних частях Монголии, присоединенных еще при Кан Си, и в Тибете были только эпизодические взрывы непослушания, — были исключения, подтверждавшие правило. Прославилось его царствование и наивысшим развитием охранки.

То же царствование отмечено наибольшим расширением пределов империи. После Цянь Луна она больше не увеличивалась, она даже слегка уменьшилась при его ближайших преемниках.

К беглому обзору фактов, относящихся к расширению империи при маньчжурах, мы и перейдем теперь. Это необходимо хотя бы потому, что такой обзор позволит разобраться в одном «противоречии» — наличии торгового капитализма, с одной стороны, и совершенно ничем необъяснимого в этих условиях, единственного, неповторяемого китайского «миролюбия». Читатель убедился, что это самое «миролюбие» было само по себе (имея пребывание в головах фантазеров), а войны, ожесточенные и непрерывные, великолепнейшим образом продолжались, так сказать, через голову «миролюбия».

Мифотворчество — излюбленное дело специалистов по открытию и изобретению исключительных черт той или иной нации.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralc.ru/

XXXIV.

Войны и захваты.

Значение победы маньчжур над степью.

Китайская империя не раз достигала громадных размеров. При Хань'ской династии (III в. до н. э. — III в. н. э.) ее войска доходили под начальством Бань Чжао до Полторацка и едва не встретились с римскими легионами. При Тан'ах (618—907) она опять расширилась почти до Европы. При Юань'ской династии (1278—1368) сюзеренитет китайского императора, хоть на словах, признавали на Волге татарские ханы, которые сами, в свою очередь, являлись сюзеренами Москвы, Твери, Рязани и т. д.

Власть маньчжурских императоров никогда не распространялась на такое обширное пространство. Но до них господство империи в дальних странах ни разу не оказывалось длительным и притом почти всегда было более или менее номинальным. При Цин'ах же и Монголия, и Тибет, и Восточный Туркестан стали бесспорными частями империи. В Тибете, например, воля пекинского правительства соблюдалась едва ли не более послушно, чем в пределах Собственно-Китая. Вот почему о маньчжурской империи можно смело говорить, как о самой громадной из имевших своим центром Китай. Ее прочность оказалась настолько большой, что даже в период, когда европейские насильники укрепились в китайских портах, сам Китай продолжал господствовать над своими континентальными окраинами. Секрет этой небывалой прочности заключался вовсе не в каких-нибудь особых талантах маньчжур, а в том, что действительными объединителями этих огромных пространств были на этот раз не столько солдаты, сколько купцы и ростовщики, лишь от времени до времени нуждавшиеся в помощи солдат и дипломатов.

Мы не будем останавливаться здесь на деталях маньчжурского расширения, — интересующиеся этим найдут соответствующий материал на русском языке в изобилии; достаточно назвать работы проф. Позднеева «Монголия и

монголы», Котвича, Майского и целого ряда других авторов, создавших о Монголии, а попутно и о соседних с нею Внешних владениях Китая целую литературу. Здесь мы ограничимся лишь самым общим.

В 1683 году, когда Цин'ская империя, справившаяся с феодалами и формозцами и укрепившаяся внутри, приступила к борьбе с Россией, она включала в свои пределы только Собственно-Китай, Маньчжурию и земли Внутренней Монголии. Остальные земли, вошедшие впоследствии в ее состав, были еще независимы. Из них Тибет представлял собою феодально-теократическое государство, Халха была разделена между четырьмя отдельными ханами, враждовавшими друг с другом, а область Куку-нора, Западная Монголия и Или были объединены одним из ойратских, т.-е. западно-монгольских или иначе калмыцких племен. Это племенное государство распространяло свое влияние и на Восточный Туркестан, а также на Тибет и уже готовилось установить свою власть и в Халхе (Внешней Монголии). Если бы это ему удалось, оно, это племя, могло бы оказаться восстановителем степного единства, разрушившегося при потомках Чингиз-Хана. Нужно еще отметить, что одно из ойратских племен, а именно торгоутское, ставшее у нас известным под именем калмыков, распространилось к тому времени до Ишима, Тобола и Волги и настолько сильно тревожило Россию, что сделало колонизацию черноземной полосы Сибири совершенно невозможной. Лишь к 1771 году, за два года до восстания Пугачева, большая часть их ушла обратно на свою старую родину, в Чжунгарию.

Таким образом, к 80 годам XVII века создалось уже нечто в роде фундамента для новой колоссальной империи степняков, такой же, какой была в прежние времена гуннская, потом турецкая, уйгурская и т. д. вплоть до чингизхановской. Конкурент у Цин'ов был сильный. Допусти маньчжуры укрепление влияния калмыков (ойратов) над восточными монголами, они стали бы перед опасностью перехода на сторону своих соперников южных монголов, живущих вдоль Великой Стены. Не было никакой гарантии против того, что наметившееся объединение не приведет к новой чингизиаде, к проникновению монгол за Стену и к отнятию у маньчжур всех плодов их побед. Слишком уж малочисленны были маньчжуры, чтобы своими собственными силами справиться с поднимавшейся в степи волной. Что бы могли они сделать, если бы эта волна подхватила всю массу подвижных и легких всадников, кочевавших от окрестностей Пекина до Бай-

кала и от Сунгари до Волги, и за Волгой, — вплоть до Воронежа, Курска и Полтавы. Ведь было уже раз такое объединение. Что могло помешать его повторению. По крайней мере, в 1683 году положение было таким, что оно казалось более чем возможным.

Но Цин'ы справились со стоявшей перед ними труднейшей задачей, справились блестяще. И уже через несколько десятков лет вся степь, вплоть до Забайкалья — на севере и до кочевий киргизов — на западе, а также весь Тибет, были в их руках. Не сделай они этого — и, кто знает, быть-может, объединенная степная рать пошла бы на Китай и заменила там маньчжурскую власть своей собственной, а может-быть, и это гораздо вероятнее, она пошла бы по линии наименьшего сопротивления, — пошла на ослабленную восстанием Разина Россию, наводнила южную степь, дошла до Слободской Украины и только-что присоединенной к России Малороссии и надолго задержала бы оформление Московского государства, все еще довольно слабого в ту эпоху [1]).

Присоединением к Китаю будущих «внешних владений» маньчжуры сослужили, таким образом, большую службу не только для торгового капитала своей новой родины, но и для торгового капитала вообще. Это относится не только к Монголии и Восточному Туркестану, — относится это и к Тибету, где китайско-маньчжурская армия в начале 1790 годов разбила захвативших господство в Непале (стране в Гималайских горах) гурка, которые угрожали британскому господству в Индии.

Такова еще одна иллюстрация пресловутой «изолированности» Китая.

Перейдем, однако, к изложению событий.

Войны с ойратами. В 1684 году между халхасцами происходили несогласия, в которые вмешались император Кан Си, тибетский Далай-лама и Галдан, могущественный хан ойратов. На устроенном

[1]) Не надо, ведь, забывать, что и гораздо позднее российская территория не распространялась дальше Иртыша, линии Омск—Петропавловск—Курган—Челябинск и Челябинск—Орск—Оренбург (вспомните «Капитанскую дочку»). В 70 годах XVIII века Екатеринославская губерния все еще оставалась вне пределов России, и вся наша черноморско-азовская степь, теперь такая оживленная, была еще почти сплошным ковыльным безлюдием. Берег Черного моря стал окончательно границей России лишь в 1783 году, т-е. через сто лет после замирения Китая, а в Сибири продвижение в глубь киргизских степей, то продвижение, которое закончилось достижением Россией границ Восточного Туркестана, началось на памяти еще живущих поныне людей (с 1864 г.).

в присутствии их представителей съезде халхаских ханов один из последних (Тушету-хан) в пылу спора убил крайне нагло державшегося представителя Галдана. Галдан решил мстить и в 1688 году привел в Халху свою армию, против которой халхасцы оказались бессильными. Им оставалось одно из двух — либо покориться, либо бежать. Но вопрос, куда? На севере была Россия, только-что побитая Китаем, бессильная защитить, а, главное, экономически невлиятельная в Монголии; с другой стороны были китайцы. Выбор был ясен. Халхасцы, за исключением лишь бурят, отдались под покровительство Кан Си, переселились поближе к Великой Стене и были зачислены в ряды знаменных, в своего рода китайское казачество. Это было в 1691 году.

Кан Си оправдал доверие халхасцев. В 1694 году его армия нанесла Галдану такое сильное поражение, что в тылу у Галдана появились осмелевшие соперники, пожелавшие заменить его власть своею. Скоро халхасцы вернулись на родину, оставшись, однако, подданными Кан Си. Таким образом, вся восточная часть Монголии стала частью империи.

Следующим шагом Кан Си было завоевание Тибета. Эта страна, как известно, еще при Тан'ах (в VII в.) была в близких отношениях с Китаем и одно время даже признавала себя чем-то в роде его вассала. Но потом она нападала на него. При Юань'ской династии влияние Китая на Тибет было сильное. Оно не исчезло даже при Мин'ах, которые пользовались существовавшими там раздорами между представителями старой или «красной» церкви и новой «желтой», отличавшейся от первой признанием догмата о перерожденцах, безбрачием духовенства и желтым цветом монашеской одежды. В начале XVII века «красная» церковь опять начала поднимать голову. Тогда «желтая» церковь призвала против нее ойратов и при их помощи изгнала «красных» в Непал. Вот с тех-то пор (1637) калмыцкое влияние и укрепилось в Тибете, и, ясное дело, что тибетский регент[1]) поддерживал Галдана в его притязаниях на Халху.

Когда ойраты (калмыки) потерпели поражение (1694), Кан Си начал стремиться укрепить за их счет свое влияние в Тибете и уже в 1705 году добился того, что Далай-ламой оказался человек, нужный для Китая. Но ойраты, не хотевшие, понятно, упускать своего господства над «буддийским Римом», в 1716 году заняли Лхассу и убили китайского ставленника. Высланные против них китайские войска были

[1]) О регентстве в Тибете см. ниже, в этой же главе.

СОУНБ http://booksite.ru/

уничтожены с тыла. Необескураженный этим Кан Си, против желания своих советников, опять вмешался в тибетские дела, послал вторую армию, выгнал ойратов, посадил в Далай-ламы подходящего для себя монгола и поместил в Лхассе постоянный двухтысячный гарнизон.

Это было в 1720 году. А еще через два года армия Кан Си напала на ойратов в их собственной стране. По миру с ними, Китаю была уступлена вся степь восточнее Хами.

В следующем, 1723 году — кукунорцы попытались освободиться от власти Китая и, потерпев поражение, вынуждены были примириться с усилением надзора над ними. Это было осуществлено путем назначения особого комиссара в городе Синине (в Ганьсу).

В 1724-ом от Тибета отделяются важные торговые узлы с окружающей их обширной территорией и передаются под ведение вице-короля Сычуани.

В следующем году уничтожается старое родовое самоуправление туземцев Юньнани, в следующем за ним то же проделывается в отношении туземцев четырех других провинций.

Эти мероприятия вызывают со стороны туземцев сильное сопротивление. Они восстают. Война с ними продолжается четыре года.

Едва она заканчивается, как Китай ввязывается в новую войну с ойратами (1731—33), ведя одновременно борьбу со вновь восставшими инородцами в самом Китае. Это не мешает империи отодвинуть свою границу с ойратами еще дальше на запад. Едва сделав это, китайцы усмиряют новое инородческое восстание. Это было уже на 22-ом году почти непрерывавшихся военных действий. За это время территория империи выросла более чем в 1½ раза.

Вот иллюстрации к знаменитому положению о «присущем китайскому национальному характеру миролюбии».

Но проследим дальше.

В 1750 году тибетцы восстают, уничтожают в Лхассе китайский гарнизон и убивают наместника. Китайцы усматривают в этом руку ойратов и одновременно занимают Тибет новыми силами и овладевают всеми проходами из Тибета в земли ойратов. В 1752 году у Китая возникают трения с Бирмой. Одновременно земли, примыкающие к кочевьям ойратов, приводятся в состояние, делающее их пригодными в качестве базы для дальнейшего наступления, и в 1755-ом китайская армия, заблаговременно собранная и снабженная всем необходимым, в течение пяти месяцев занимает весь

Собрание В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

бассейн Тарима и Или и кладет конец ойратской империи. Первое, что китайцы делают после своей исключительно легкой победы — это уничтожение всяких зародышей крупных объединений среди покоренных.

На этот раз счастье впервые изменяет им. Ойраты во главе с Амусана восстают. Против них посылается армия. Но халхасцы, присоединенные к числу подданных императора целых 65 лет тому назад, отказываются нести интендантскую и почтовую службу и не дают рекрутов.

Это был очень опасный момент для китайцев. Но положение спасли попы. Духовный меч обласканной и задаренной китайцами буддийской иерархии быстро смирил «неблагодарных» халхасцев, а эпидемия оспы и китайское оружие произвели такой страшный погром у ойратов, что от всего ойратского народа, насчитывавшего в пределах Чжунгарии 190 тысяч семейств, осталось в живых только 40 тысяч, да и то только тех, которые успели бежать к своим сородичам в Россию. Из остальных — 80 тысяч погибло от оспы и 60 тысяч было перебито. Это случилось в 1757 году.

Чжунгария обезлюдилась совершенно. Вот причина, которая заставила китайцев в 1771 году просить живших в России торгоутов (калмыков), т. е. другую ветвь ойратского народа, вернуться на землю своих предков. Какой толк был китайским купцам от страны, где не было людей! От ойратов осталось, кроме того, 20 тысяч семейств, еще раньше переселившихся в район Жэхэ (недалеко от Пекина).

Поражение, а затем и истребление ойратов позволило жителям Восточного Туркестана, до тех пор ойратским подданным, сделать попытку образовать независимое государство. Тогда китайская армия идет на них (1758). Поход китайцев неудачен. Они осаждены и вынуждены питаться друг другом и случайными пленными. Но в 1759 году приходят подкрепления, спасают осажденных, штурмуют и берут Яркенд, Аксу и Хотан и надолго устанавливают в крае китайскую власть. Ввводится управление по маньчжурскому образцу.

Это создает соответствующее настроение в Тибете, который с тех пор уже не пытается противиться китайскому господству.

С тех пор, несмотря на сохранение видимости самоуправления, Тибет был настоящей колонией Китая. Он оставался

ею вплоть до 1912 года, когда, воспользовавшись революцией в Китае, Тибет отложился [1]).

Возьмем ли мы систему налогов в Тибете перед его отложением, будем ли рассматривать правила о ведении торговли, начнем ли изучать историю его внешних отношений, — во всем и всегда мы почувствуем невидимую, но сильную руку китайского торгового капитала.

Мы остановимся здесь только на характере существовавшей в Тибете «верховной власти», ибо на ней порабощение Тибета Китаю отразилось с неоставляющей сомнения ясностью.

В Тибете было два хубилгана (перерожденца) по числу учеников основателя Желтой секты. Один из них Паньшень (или Баньшень)-лама, другой Далай-лама. Второй имел больше монастырей и земель, чем первый, но поскольку Паньшень-лама был свободен от всех мирских обязанностей, а Далай-лама был одновременно и духовным и светским владыкой, постольку Паньшеню приписывалось больше святости, чем его коллеге. Поэтому Далай-ламу решено было разгрузить от светских дел.

К нему был назначен регент и Далай-ламе было предоставлено молиться и заниматься самосозерцанием до старости. Позже он был лишен и этого, так как китайцы завели такой обычай, чтобы душа бодисатвы не слишком-то долго засиживалась в одном и том же теле, а по возможности скорее переносила местожительство в тело очередного новорожденного младенца. Как именно производилась подобная операция — это покрыто мраком неизвестности. Так или иначе Далай-ламы на этом свете не заживались. Не расчет был китайцам допускать существование в присоединенной стране взрослого духовно-светского государя, да еще настолько уважаемого, что даже производимые им неудобоназываемые вещи засушивались, толклись в порошок и по бешеной цене распродавались в качестве всеисцеляющего лекарства (вот, кстати, один из тех примеров, который остался неиспользованным австрийской школой экономистов!).

Нечего и говорить, что перерожденец обычно выискивался среди тех младенцев, которые были нужны заинтересованным лицам. Обыкновенно, выбор небес совпадал с волей китайского императора, — того самого, по чьему пове-

---

[1]) На русском языке имеется 4-томный труд проф. Кюнера «Тибет», очень богатый по собранному материалу. О последних годах жизни Тибета см. «Новый Восток», статьи Берлина и других.

лению чиновники внушали в Китае, а не в Тибете, ложность и вредность буддийской церкви (в том числе и желтой). Но официальное презрение к буддизму не мешало императорам понимать небесные знамения, непостижимые для простых смертных. (Что касается монгольского (ургинского) перерожденца, то в отношении его божественные указания неизменно вели к дому Тушету-хана, т.-е. наиболее сильного из степных царьков).

Могущество империи. Итак, в 1760 году, в результате непрекращавшихся войн и агрессивной дипломатии, вся та территория, которая была известна под именем Дайцинской империи, оказалась объединенной, замиренной и подчиненной господству китайского торгового капитала и маньчжуро-китайского чиновничества, дружески уступивших долю добычи туземным князьям и попам. Ее границами были теперь Якутия, Забайкалье, Сибирь, область Киргиз, Индия, Индо-Китай, Тихий океан и Корея.

Но эти границы точно определены были только в очень немногих местах, например, по Аргуни и по обе стороны от Кяхты. В других местах они большей частью определялись фактическими пределами непосредственной власти Китая. Так, например, было на западе, где гнавшиеся за мятежным Амусана китайские войска получили приказание следовать за ним, куда бы он ни пошел. Они вернулись лишь потому, что узнали о его смерти в России. (Он умер не то в Тобольске, не то по пути в Тобольск, а его жена добралась даже до Петербурга, где и оставалась до своей смерти). Граница с Индией тоже оставалась неясной. Так, уже в конце XIX века Пекин претендовал на Кашмир (в Северной Индии), как на зависимую от него территорию. Корея тоже считалась до 1870 г.г. вассалом Китая, острова Рюкю (растянувшиеся от Японии до Формозы) — тоже. Вассальным был и нынешний Французский Индо-Китай. К числу вассальных государств китайцы относили также Сиам и Японию; первый потому, что он послал в Китай подарки, а вторую больше по старой памяти: в XIV—XV в. в. японские сйогуны действительно признавали Китай своим сюзереном.

Китай был «Срединной империей» Чжун Го — центром, от которого считались все расстояния. Это горделивое название было не совсем необоснованно. До конца XVIII века Китай действительно был в своей части света единственным мощным государством. Россия соприкасалась с ним своей

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ural.ru/

самой безлюдной окраиной, где не было и десяти городов, достойных этого имени, и где земледельческая колонизация едва только начиналась. Все остальные его соседи, за исключением одной только Бирмы, были либо его вассалами, либо непосредственными владениями.

Вот против Бирмы-то и обрушилась китайская армия после того, как разделалась с ойратами и тибетцами[1]). Первый набег на нее китайцы произвели в 1767 и дошли почти до столицы, г. Ава. Но они вынуждены были отступить, так как, не имея карт, сбились с пути. Однако, в 1769 году китайцы пришли вторично и хотя вновь повстречались с рядом неудач, но все-таки заключили мир, в результате которого бирманский король признал себя обязанным раз в десять лет платить дань. В 1788 году китайцы вмешивались во внутренние дела Аннама, ходили туда походом и хотя тоже потерпели ряд неудач, но все же добились того, что новый король просил у императора инвеституры. 1792 год отмечен последней завоевательной войной Китая. В этом году ему подчинился в качестве вассала Непал, новое гималайское государство, образовавшееся в 1769 году в результате слияния трех существовавших раньше. Во главе его было воинственное племя гурка.

Война 1792 года была последней наступательной войной, которую китайцы вели за пределами созданной ими до 1760 года империи. Позднейшие войны были лишь обороной уже имевшегося раньше или усмирением повстанцев. Период китайской агрессивности кончился.

---

[1]) Бирма — страна с Францию и половину Германии величиной, имеющая всего лишь около 7 миллионов разноплеменного населения монгольской и малайской рас, является довольно древним государством. Первая летопись ее написана около 79 г. до н. э. В III в. н. э. в ней распространился буддизм и индийская культура. С V века Бирма переживала много внутренних и внешних войн. В XIII веке она была цветущим объединенным государством, но уже в следующем веке распалась на враждующие области. Политическая история Бирмы сводится с этого времени к борьбе двух центров: Пегу — на юге, и Ава — в центре. С 1540 года властвовала Ава, в 1752 же году Пегу господствовала над Авой. В 1754 году в Бирме произошло крестьянское восстание. Оно было победоносно и привело к тому, что вождь восстания, некий Лломкра, стал государем, собравшим под своей властью все бирминские земли. Затем он воевал с Сиамом и 10 лет держал его в подчинении. В этот же период происходили уже описанные выше столкновения Бирмы с Китаем. В XIX веке Бирма была по частям присоединена к британским владениям в Индии (с 1826 по 1888 г.г.) и стала одной из областей Индийской империи. (По энциклопедии Брокгауза и Ефрона).

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urdc.ru/

А через 50 лет Китаю пришлось согласиться на договор, который лишал его чисто суверенных прав даже в пределах его собственных, коренных владений.

Чтобы понять, как это могло случиться, необходимо хотя бы в самых общих чертах ознакомиться с создавшейся к тому времени международной обстановкой и с внутренним положением Китая в самом конце 90-ых годов XVIII века и в первые четыре десятилетия XIX века, т.-е. до момента первого вооруженного столкновения с Великобританией.

Речь будет у нас, следовательно, о том времени, когда Европа переживала Великую французскую революцию, походы Наполеона и последовавшую после Венского конгресса реакцию. Важно еще напомнить, что за эти же 50 лет в Англии, а в меньшей степени и во Франции, создалась крупная машинная индустрия.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru

VI. Подготовка порабощения

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.unic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXXV.

Упадок империи.

Недавно вышла в свет одна чрезвычайно интересная книга. Это воспоминачия о Китае члена британской королевской миссии, отправившейся ко двору Цянь Луна в 1792 году. Если судить о Китае того времени только по этой книге, по книге автора, который принадлежал к нации, уже вкусившей тогда прелести колонизаторства и уже приобревшей традиции презрения к «цветным расам», то пришлось бы сделать заключение, что Китай в последние годы правления Цянь Луна был чуть ли не самой благополучной страной в мире [1]). Если бы какой-нибудь провидец сказал автору этих воспоминаний, что через сотню лет европейцы будут выкраивать из Китая сферы влияния, отправлять на китайскую территорию гарнизоны и обращаться с потомками Цянь Луна, как с преступниками, он, вероятно, расхохотался бы такому предсказателю в лицо. Подобное предсказание звучало бы тогда приблизительно так же, как теперь прозвучало бы для самоуверенного янки аналогичное заявление о судьбе его страны.

И тем не менее, уже через 50 лет после посольства лорда Макартней был подписан Нанкинский договор, с которого началось низведение Китая на положение британской полуколонии.

Подробный и исчерпывающий анализ причин такого необычайно быстрого падения Китая — дело пока еще неосуществимое. Экономическая и социальная история Китая еще слишком слабо разработана; не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что вне Китая в этом направлении сделаны пока только первые робкие шаги. Пин Хуа-ли, например, прямо заявляет, что предпринятая ею работа по истории земледелия является первой попыткой этого рода, а в работах о китайской торговле Morse, Chong Su-See, Remer и других не хва-

[1]) Автору этих строк пришлось ознакомиться только с одной частью названного труда в перепечатках «North China Standard». Возможно, что в других ее частях найдутся и иные данные.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

тает местами самого существенного. Тем не менее, кое-какие выводы, конечно, требующие большой проверки, сделать можно. Для обоснования их мы приведем здесь те факты, относительно которых сомнений быть не может.

Таким фактом является, прежде всего, огромный рост населения. Приведение цифр будет в данном случае излишним, ибо каждая из них потребовала бы довольно подробных пояснений, которые заняли бы много страниц; вообще вопрос о населении в Китае требует специальной и очень серьезной разработки. Здесь достаточно будет сказать, что по официальным китайским данным население Китая при Цянь Луне возросло в десять (!) раз, но что на самом деле рост был, вероятно, гораздо меньше, ибо в первый раз подсчитывалось только работоспособное население, а во второй, повидимому, все. Но если даже пойти на самую большую крайность и допустить только удвоение населения, то и такой факт придется расценить, как долженствовавший создать тяжелый кризис. Правда, торговля Китая росла и рынок расширялся, но расширялся не настолько, чтобы обеспечить работу для новых миллионов населения. Дробление хозяйств, сведение крестьянских участков до голодного минимума, кошмарные голодовки в годы засух и наводнений — и в результате отсутствие запасов в крестьянском хозяйстве, усиление вследствие этого ростовщичества и крестьянского закабаления, детоубийства, возрождение бродяжничества, появление разбойничьих шаек, опять сделавших некоторые дороги непроезжими, оттеснение в горы инородцев и захват их земель, приводивший к отчаянному сопротивлению и к требовавшим огромных расходов усмирениям, далеко не всегда приводившим к желанной цели, — все это и многое другое, не менее чреватое опасностями, было в последние годы правления Цянь Луна налицо. Создавалось такое положение, когда правительство больше, чем когда-либо прежде, должно было озаботиться о сохранении той воинской силы, на которую оно только и могло полагаться вполне, т.-е. силы маньчжур и наиболее испытанных из монгол, а это приводило к закрытию для колонизации имевшихся на севере обширных, еще почти нетронутых земель, иначе говоря, к отказу от наипростейшего в данном случае способа разрешения проблемы перенаселения.

Рост населения, даже очень сильный, вряд ли, однако, привел бы к тем потрясениям, которые испытала империя, если бы не было налицо того, что стесняло развитие производительных сил, т.-е. уже известных по истории Запада

гильдий, цехов, земляческих объединений и т. д.[1]). В отличие от европейских, они не имели никаких привилегий, дарованных существующими властями, и существовали, так сказать, явочным порядком. Тем не менее они были все же настолько сильны, что не раз заставляли считаться со своей волей представителей власти. Так, например, даже вице-короли (стоявшие во главе двух провинций средних размеров или одной, но крупной) были обязаны вносить в пользу живущих в управляемых ими областях земляков определенный, землячеством устанавливаемый, минимум; помощь администратора своему приятелю-предпринимателю, нанявшему больше рабочих, чем полагалось по цеховых правилам, не спасала последнего от жестокой мести других членов цеха; судья не смел вмешиваться в дела, касавшиеся споров членов одной и той же организации, а эти члены не смели искать помощи судьи, не получив предварительно разрешения со стороны своего цеха или гильдии. Каждый цех, гильдия и землячество, обычно, вели свои дела так, чтобы посторонние поменьше знали о них. Морзе рассказывает, что даже уставы их большей частью оставались в рукописях, имевшихся в ничтожном количестве экземпляров. Часто не было даже рукописного устава, и член должен был запоминать существующие в его организации правила наизусть. Не было ни

[1]) Относительно землячеств необходимо дать некоторые пояснения. Это — организации, существующие, между прочим, и поныне, членами которых являются, во-первых, представители фирм, принадлежащих выходцам из одной и той же провинции (или иногда одной части провинции, а иногда даже только одного города), но работающих вне своей родины; во-вторых, из чиновников, которые при Цин'ах не имели права служить в пределах родной провинции; в-третьих, из так называемых «ученых», почему-либо оказавшихся жителями чужой их роду провинции; в четвертых — но уже в качестве безгласной и пассивной массы — из всех остальных выходцев из той провинции, имя которой носит данное землячество. Земляческими правами пользуются в данном случае не только по праву рождения, но и происхождения. По мнению Морзе, провинциальные землячества по своему типу больше всего напоминают средневековые купеческие организации, существовавшие вне своих стран — такие, например, как Немецкий Двор в Новгороде или Steel Yard в Лондоне. В этом есть, вероятно, большая доля преувеличения.

Влияние в землячествах принадлежит, обычно, самым богатым, которые являются по отношению к землякам настоящими олигархами. Но в таких центрах, как Пекин, влияние чиновников и «ученых» сильнее. Еще недавно с постановлениями земляческих судов коронные судьи считались, как с до известной степени связывающими и их. Шаньдунское землячество было и во Владивостоке; во времена белой власти и интервенции оно было очень активно. У него был даже свой собственный скорый, но отнюдь не милостивый суд.

одного цеха, гильдии или землячества, которое не имело бы своих тайн. И это было залогом того, что каждая такая организация могла в соответствующий момент превратиться в тайное политическое общество, каких не мало было в Китае уже во времена Хань'ей [1]).

Монополия процветала. Одни из монопольных организаций, как, например, шаньсийские банкиры, существовали благодаря своей внутренней спайке и в случае нужды пользовались обычными гильдийскими орудиями в роде бойкота, подкупа и т. д.; другие возникли при прямом участии правительства. К числу последних относились — купеческая организация в Кантоне. Члены ее имели исключительное право торговли с иностранцами и даже отвечали за их поведение (со стороны Англии тоже выступала в Кантоне монопольная организация — Ост-Индская К-о). Возможность обогащения была у них громадная; Ремер рассказывает, что один из членов ее в несколько лет заработал 6 миллионов лан, несмотря на то, что, не мало потратил на подношение чиновникам. В Монголии, Тибете и Восточном Туркестане подобные же монополии возникали благодаря связям с администрацией. Насколько купцы-монополисты были сильны, можно судить по тому, что им давались иногда на откуп целые районы, где вся масса населения превращалась в фактических крепостных откупщиков. Так, в одном месте Туркестана откупщики пользовались на своих рудниках подневольным трудом, под видом выполнения населением общественных повинностей.

Недовольство монополистами было сильно не только в эксплоатируемых ими массах, но и среди той части буржуазии, которая почему-либо не попала в число счастливчиков, так, например, восстание 1786 года на Формозе, являвшейся за 100 лет перед тем одним из узлов международной торговли на Дальнем Востоке, а потом вынужденной отказаться от нее в пользу Кантона, шло под руководством миллионера Лин Шуанвэня, человека, уже перед тем являвшегося председателем заговорщического «Общества Неба и Земли» (Тяньдихуй) или Триады.

---

[1]) Вторжение европейского капитализма привело не к ослаблению, а, повидимому, как раз к обратному — к укреплению гильдийства. Почему — это будет видно из дальнейшего. Разложение гильдий и цехов началось быстрым темпом лишь после экономической депрессии 1920 года, само собой разумеется, отразившейся и на Китае. Есть, впрочем, серьезные основания думать, что распад цехов происходил задолго до появления евроейцев.

Император Цянь Лун в древней военной одежде маньчжур.

Белинского
raic.ru/

Усмирители тайпинского восстания.

Гордон, «герой» усмирения тайпинского восстания и войны с махдистами в Судане.

Ли Хун-чжан, администратор, дипломат и военный организатор.

Цэн Го-фань, организатор добровольцев, действовавших против тайпинов в Хунани.

СОУНБ им. ... ского
http://book...

Казнокрадство и хищения уже в 1770 г.г. достигли невероятных размеров, а к концу правления императора-историка, поэта и воителя они переходили уже всякие границы. Мы уже говорили выше о том временщике, который ухитрился в короткий срок накрасть будто бы до 2-х миллиардов. Он был не единственным в своем роде. Каждое новое восстание инородцев, каждая новая война были временем золотой жатвы. Власть сама провоцировала недовольных на восстание. Так, например, уже упомянутое формозское восстание может быть и не началось бы, если бы не чем иным, кроме, как желанием спровоцировать, необъяснимое поведение властей не толкнуло население под знамя «Неба и Земли».

Восстание «Белой Лилии», от которого так сильно поживился названный временщик, тоже стояло в связи с колоссальными злоупотреблениями императорской охранки, о которой историки писали как об идеале всех охранок, но которая на этот раз почему-то никак не могла добыть главных заговорщиков, хотя взять их было не трудно. Зато она перearестовала всех тех, у кого можно было получить выкуп. Когда же стараниями охранки к числу сторонников до тех пор бессильных заговорщиков были привлечены симпатии множества людей, и когда восстание в 1796 году, наконец, разразилось, оно явилось источником новых обогащений [1]).

Девять лет оно и его отражения истощали казну, и девять лет под ряд шло обогащение тех, кто мог бы его прекратить, но не прекращал, а явно раздувал. Одной из характерных черт усмирения этого восстания было привлечение в войска так называемых «добровольцев» из крестьян. Этих «добровольцев» ставили, обычно, в первые ряды и понуждали их итти вперед оружием стоявших за их спинами маньчжурских солдат, бездельников по профессии. Каждое столкновение с повстанцами давало маньчжурам награды, изредка награды получали и местные войска из китайцев («зеленые»), но «добровольцы» не получали никогда и ничего, кроме ран, смерти и разорения. Неудивительно, что после усми-

[1]) Ли Юнбин рассказывает о таком случае. Министры Цянь Луна играли однажды в карты. Во время игры решающая игру карта упала под стол. Ее искали упорно, но найти не могли. На другой день потерявший карту министр явился на аудиенцию и, к его ужасу, император вытащил потерянную вчера карту. К счастью для министра, дело на этот раз ограничилось выговором. В других случаях Цзянь Лун — большой ценитель птичек, цикад и ночного шелеста листьев, расправлялся гораздо круче. Так, например, одну из очередных склок при дворе он прекратил тем, что отрубил виновным в ней головы.

рения Белой Лилии повстанцами оказались бывшие «добровольцы».

Еще раньше, чем началось восстание Белой Лилии, которое охватило Западный Хубэй, всю Сычуань, юго-запад Хэнани и частично Ганьсу и Гуанси и которое тянулось до 1804 года, выступили лишившиеся своих земель и загнанные в горы инородцы мяоцзы. С ними справились только в 1799 г. В 1806 году поднялись бывшие «добровольцы», усмирявшие Белую Лилию. В 1808—10 г.г. шла в Чжэцзяне и в близких к ней провинциях борьба с хорошо сорганизовавшимися и прекрасно вооруженными пиратами. В 1813 и 1814 г.г. началось восстание, руководимое обществом «Небесного Разума» (Тянь Ли); повстанцы пытались захватить императорский дворец, но, потерпев неудачу, начали движение в Чжили, Шаньдуне и Хэнани, где захватывали города и выдерживали осады.

Этим, пока-что, кончилось. Все более крупные восстания были задавлены. Но причины их устранены не были. Наоборот, положение еще более ухудшалось. Антидинастийное движение, естественно, усилилось. Лозунг «Фань Цинь! Фу Мин!», прозвучавший во время восстаний от Формозы до Ганьсу и от Шэньси до Хубэя, стал действительно боевым кличем. Каждое тайное общество пользовалось им. А этих обществ становилось все больше, и число членов их росло. «Общество восьми диаграмм» и И-хэ-цюань, то самое, которое впоследствии стало известно всему миру под именем «Большого кулака», были особенно сильны среди них. Что могла поделать с ними пережившая свою полезность власть, кроме как применять репрессии?! И она применяла их в полной мере. Охранка свирепствовала. Множество издателей, авторов и обладателей антидинастийных прокламаций сложило головы на плахе, тысячи подозрительных людей попали в тюрьму [1]).

Между тем, положение в стране продолжало ухудшаться. Империя обнищала. На одно только усмирение Белой Лилии ушло, как говорят, два миллиарда лан. Другие восстания тре-

[1]) О том, что дело шло вовсе не о Цин'ах и Мин'ах, а о недовольстве «старым порядком», свидетельствует хотя бы то, что один из вождей повстанцев использовал имя не Мин'ов, а У Саньгуя, т.-е. того генерала, который боролся не за Мин'ов, а с Мин'ами. Еще показательней тот факт, что люди, за смерть которых клялись мстить члены общества Неба и Земли, по преданию, верой, правдой и по доброй воле служили императору Кан си, т.-е. одному из Цин'ов. Это были монахи одного древнего монастыря. Легенда о них приведена в книге Стантона о Триаде.

бовали новых расходов. Перерыв внутренней торговли, разорение внутренней войной городов и деревень, пиратство — все это, конечно, тоже отражалось. Сыграли, вероятно, известную роль и вызванные наполеоновскими войнами затруднения в сообщениях с Европой. Что касается сообщений с Индией, то они, как видно будет из дальнейшего, в эти годы приносили китайской торговле больше вреда, чем пользы. Ко всему тому Китай оказался опять втянутым в новую войну в Восточном Туркестане. С перерывами она продолжалась с 1821 по 1847 год, т.-е. почти до того времени, когда недовольство масс, заглушенное, придавленное в начале XIX века, но не исчезнувшее, не проявилось с новой силой опять и не потрясло империю настолько, что она не удержалась бы, не приди ей на помощь иностранцы.

Здесь надо еще остановиться на роли внешней торговли. Существует мнение, будто развитие ее уже в начале XIX века привело к разорению китайского ремесла. Такой взгляд не подтверждается фактами. Хлопчатобумажные изделия тогда еще являлись для Китая не столько импортным, сколько экспортным товаром; из английских товаров ввозилось в значительном количестве только сукно, которое сам Китай не производил. Что касается других импортных товаров, как, например, стекло, стремена, сбруя, часы и т. д., то привоз их был относительно настолько незначителен, что о разорении из-за него китайского ремесла разговаривать не приходится. Если что-нибудь и могло иметь некоторое значение, то это было усиление значения скупщиков чаев, шелка, сахара и фарфора, ибо благодаря политике правительства эти скупщики могли диктовать производителям любую цену. Впрочем, это только наше предположение. Прямых указаний относительно такого явления у нас нет, — есть только косвенные.

Меньше всего о внешней торговле Китая XVIII и начала XIX веков можно говорить и о как разорительной в смысле отлива денег. Китай не только не терял ничего на ней, но, наоборот, получал очень много. Если торговля с заграницей и привела к ослаблению его производительных сил, то это отнюдь не из-за ввоза английских сукон и небольшого количества других товаров. Колоссальный вред принес Китаю ввоз опиума, т.-е. того товара, который англичане начали ввозить по двум причинам, во-первых, потому, что в производстве опиума была заинтересована Ост-Индская К-о, являвшаяся такой же монополисткой в восточно-азиатской английской торговле, какими были в кантонской китайской

торговле уполномоченные на нее императорской властью купцы, во-вторых, потому еще, что опиум был единственным товаром, который имел в Китае достаточно широкий сбыт.

По существу, англо-китайская торговля сводилась в XVIII веке к тому, что англичане покупали в Китае чай, сахар, шелк, фарфор и ревень, а продавать из продуктов своей собственной промышленности почти ничего не продавали. Из всех товаров, с которыми имели дело англичане на Дальнем Востоке, только для опиума нашелся достаточно емкий рынок [1]). И ввоз его стал рассматриваться, как коммерчески необходимый.

Как рос ввоз опиума, об этом красноречивее всего расскажут сухие цифры.

В 1729 году, т.-е. в период мощного роста китайской империи, опиума было ввезено 200 ящиков по 133—160 паунд'ов (английских фунтов) каждый; с тех пор его ввоз увеличивался, приблизительно, на 20 ящиков в год. В 1767 году ввезено было уже свыше тысячи ящиков, а в 1796 г. уже через один Кантон (помимо того контрабандой через другие места) прошло 1070 ящиков. Но, как уже известно, 1796 год был отмечен началом восстания Белой Лилии и началом «периода восстаний», как его называет Ли Юнбин, вообще. Посмотрите же, как смуты в Китае были использованы ядоторговцами. В табличке это лучше видно:

	1729 г.	200	ящиков
	1796 » . . . . . свыше	1070	»
В среднем ежегодно между 1800 и 1811 г.г.		4016	»
В среднем в 1811—1821 »		4494	ящика
» » » 1821—1828 »		8043	»
» » » 1828—1835 »		18835	ящиков
» » » 1835—1838 »		30000	»

Если бы в Китае не было ни колоссального роста населения, перегонявшего рост средств потребления, ни хищного торгового капитала, ни паразитировавших маньчжурских солдат, ни огромных расходов на завоевание и усмирение колоний, ни всего того, что было с этим связано, как разбой-

[1]) Во избежание недоразумений надо пояснить, что сама Ост-Индская К-о весьма аристократическая, джентльменская, в XIX веке опиумом не торговала. В ее глазах это была позорная торговля, торговля греховная. Но разве могла она мешать торговать тем частным судовладельцам, которым она за соответствующую мзду разрешала плавать между Индией и тихоокеанскими портами. Мешать им — ведь это значило итти вразрез с британскими традициями свободы!

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://booksonline.ru/

ничество, пиратство, восстания, возмущения инородцев и прочее, то одного этого непрерывного накачивания в страну опиума было вполне достаточно, чтобы породить разложение, ибо оно уничтожало самую главную часть производительных сил — трудовую энергию людей. Нечего и говорить, что вокруг опиума развивалось колоссальное количество чиновничьих и торгашеских злоупотреблений, что сила сопротивления эксплоатации уменьшилась и что в пораженных новым социальным недугом районах, — и это были как-раз те, которые работали отчасти и на иностранный рынок, — ухудшилось качество товаров, требующих не только применения физической силы, но и художественного вкуса. Наметившееся после Цянь Луна ухудшение продуктов фарфоровой и лакировальной промышленности вряд ли не было связано с усилением потребления опиума.

Ко всему сказанному здесь нужно прибавить еще одно: о состоянии китайской армии. Из сказанного в предыдущей главе видно, что за все долгие годы внешних завоеваний ей ни разу не пришлось встретиться с достаточно хорошо обученными и притом не малочисленными войсками других стран. Русские, с которыми маньчжуры дрались на Амуре, несомненно, были весьма беспособны, но слишком малочисленны; формозцы были хорошими солдатами, но их можно было задавить массой. К тому же войны и с теми и с другими были уже очень давним воспоминанием прошлого. Правда, китайская армия могла похвастаться такими, с военной точки зрения, героическими походами, как те, которые ей уже в XIX веке пришлось совершить в Восточный Туркестан; не менее труден был и гималайский поход на непальцев-гурка, которые славились своей воинственностью. Но, во-первых, и гурка и туркестанцы не обладали новой техникой войны, а, во-вторых, в походах против них участвовала лишь небольшая часть китайской армии. Остальная т.-е. громаднейшая часть маньчжуро-китайской армии «училась победам» только на усмирениях безоружных или плохо вооруженных повстанцев. А вед хорошо известно, что такая «война» больше всего развращает армию.

С начала 1790-ых годов и вплоть до момента встречи с европейцами китайская армия была по существу организацией полицейских и палачей. Но эта армия, по старой памяти, считала себя всепобеждающей, ибо деды солдат 1839—42 годов действительно ходили от победы к победе. Такая армия не могла не потерпеть поражения при встрече с хорошо вооруженным и хорошо организованным внешним

врагом. Не могла она не понести поражения и при встрече с такими повстанцами, у которых революционное воодушевление сочеталось бы с более или менее сносной организованностью.

С такими вот противниками китайской армии и пришлось столкнуться впоследствии, и она действительно была побита.

Мы этим вовсе не хотим сказать, что вот будь у Китая лучшая армия и он бы не превратился в полуколонию Европы. Лучшей армии он и не мог иметь. Армии не создаются «впрок». Они создаются в процессе борьбы и ради борьбы. Петровская армия не вдруг создалась. Лишь неудачи войн XVI века за обладание балтийским побережьем и необходимость убрать польского конкурента русского торгового капитала заставили московское правительство улучшать свою военную организацию. Но оно так и не довело ее до того совершенства, какого она достигла в Петербургский период русской истории. Стрельцы, рейтеры и драгуны московских царей были не намного лучше, а, может быть, даже хуже маньчжурских «знаменных».

Китайский торговый капитал, осуществляя свои задачи в Центральной Азии, просто не нуждался в лучших войсках, чем те, какие у него были. А что касается того противника, который появился после, то-есть в первую голову англичан, то его появление для Китая было неожиданностью.

Достаточно вспомнить историю колониальной борьбы, чтобы это стало ясно. Мы остановимся на ней в следующей главе. Но прежде суммируем сказанное в этой и предыдущих главах.

Завоевание Китая маньчжурами явилось в результате не столько силы маньчжур, сколько внутренней гнилости Мин'ской империи. Став хозяевами Китая, маньчжуры разрушили пережитки феодализма (усмирение У Саньгуя или, как принято говорить, восстания Сань Фань — трех князей). Покончив с феодалами крупными, они принялись и за мелких инородческих феодалов. Одновременно они создали прочную бюрократическую организацию и, насколько позволяла громадность страны, централизовали управление. Они покончили с латифундиями, но допустили средних размеров «дворянское» землевладение (маньчжуров и китайских «нотаблей»). Этим был положен конец аграрному кризису, погубившему Мин'скую империю, и были созданы предпосылки громадного роста населения и роста торговли. Внешние войны, которые вели маньчжуры, были тоже выполнением заданий тор-

гового капитала, — не маньчжурского, а торгового капитала империи, т.-е., главным образом, китайского. Царствование Цянь Луна было временем расцвета китайского «старого порядка». К этому времени он стал уже стеснять развитие, и противницей его сделалась та часть буржуазии, которая была недовольна самовластием чиновничества и торговыми монополиями. Предпосылки для буржуазной революции далеко еще не созрели, но они уже появились. Поэтому идеология недовольных выражалась еще в такой туманной форме, как антидинастизм.

Местным, чисто китайским своеобразием этого периода были исключительно быстрый рост населения, восстания инородцев в местностях близких к центру, преобладание некитайского элемента в армии, слабость этой армии, обусловленная историческими и географическими причинами и некоторая рознь между чиновниками разного происхождения (китайцами и маньчжурами). Более существенными и длительными факторами были некоторая раздробленность Китая в силу географических условий на ряд отдельных, во многом несходных, провинций и даже более мелких частей, связанное с этим разноязычие, областничество (партикуляризм), длительное сохранение пережиточных форм, в роде гильдий, цехов и землячеств, а кое-где, в горных районах, главным образом, очень узких замкнутых рынков. Кроме того, важно отметить особенности климата — засухи и наводнения, являющиеся часто толчком для массовых движений. Одно из таких бедствий было в 1785 году [1]).

Внешними условиями, внешними по отношению к Китаю в целом, были: стремительное возрастание экономической и политической мощи западных стран и, прежде всего, Англии, устранение Англией всех тех своих соперников в Азии, борьба с которыми связывала ей руки, и создание ею мощной базы для дальнейшего наступления в Индии.

Сочетания этих условий было, по нашему мнению, достаточно, чтобы сделать процесс буржуазного переворота,

[1]) Здесь еще раз надо напомнить сказанное в начале книги, — напомнить об огромности Китая. Гильдии, цехи, разноязычие, партикуляризм и даже самые настоящие феодалы досуществовали до XIX века и в Германии. А Германия, ведь, не больше двух средней величины провинций Китая. Китай, даже без Маньчжурии и некитайских окраин, равен приблизительно всей Западной Европе. Но разве Европа — сплошная Англия? Разве не в Европе находится и поныне сохранившая очень ясные пережитки феодализма Албания? Разве нет в Европе стран, где развитие задержалось? Разве не превратились Португалия, Польша, Балканы и т. д. в колонии других стран?

начавшегося еще в конце XVIII века, чрезвычайно длительным и страшно болезненным, полным рецидивов старины, но вместе с тем и поэтому самому не могущим привести буржуазию к длительному и спокойному господству в стране. Для объяснения медленности этого процесса нет просто никакой необходимости притягивать за бестелесные уши такие невесомые штуки, как «национальный дух», «закоренелый консерватизм», «вековая отчужденность» и все прочие абстракции.

Если они что-нибудь и объясняют, то лишь кое-какие детали, весьма несущественные. Все дело, однако, в том, что прежде чем ими орудовать, нужно доказать их существование. Но как доказать такую, например, вещь, как «вековая отчужденность», или, тем более, как «стена, со всех сторон окружающая Китай». Дело это нелегкое и хлопотное. Придется раньше доказать, что факты, которые были, не были, а стену, которая «отгораживает Китай», придется построить заново.

В заключение еще об одном — об очень важном.

Найдутся такие читатели, которые, прочтя эту главу, решат, что все зло было в колоссально быстром росте населения. Да, он был, этот рост. И он действительно был колоссален. В результате его число обитателей Китая, не включая в это понятие степных, пустынных и маньчжурской окраин, приблизительно сравнилось с числом жителей Западной Европы. Все это так.

Но вот знатоки дела говорят, что при условии введения лучших удобрений, облесения гор, улучшения путей и организации водоснабжения, сбор хлебов в Китае может быть легко увеличен в полтора и более раз. И это говорится на основании не только теории, но и поучительнейших наблюдений тех результатов, которые уже давно достигнуты в общегосударственном, а не фермо-показательном масштабе в Японии. Больше того, достаточно было бы выгнать так называемых милитаристов, чтобы посевная площадь под хлебами увеличилась в Китае за счет находящейся под маком.

Вот первое положение, доказывающее, что сам по себе рост населения еще не привел бы к потрясениям, будь налицо дальнейшее развитие производительных сил и не будь отрицательных явлений социально-политического характера.

А, кроме того, разве до Цин'ов, при гораздо меньшем населении, не было моментов крайнего разорения, нищеты и голодовок? Были! И не приводило ли это к гибели дина-

стий, к внутренним войнам и к полному разложению империи? А между тем люди жили в 7—8 раз просторнее, чем теперь.

Не в росте населения, значит, надо искать корней бедствий Китая.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXXVI.

Международное положение ко времени капиталистического наступления на Китай.

Общая картина.

Невозможно понять судьбы Китая за последние годы, не учтя тех условий, которые сложились вне его. Но чтобы обзор внешних событий не был голословным, необходимо дать точные даты. Хронология — утомительная вещь. Поэтому, прежде чем говорить о деталях, зарисуем общую картину.

Эта общая картина представляется в таком виде.

До времени Венского конгресса (1815 г.) Китай не имел сильных соседей. Он знал только таких, которых он или побеждал или на которых культурно влиял. И он мнил себя «Срединной цветущей империей».

Промышленный переворот в Англии обеспечил ей победу над всеми соперниками в Азии и позволил ей потребовать от Китая изменения условий торговли. В результате — война 1839—42 г.г. Через 20 лет тайпинское восстание помогло Англии и ее союзнице Франции нанести Китаю новый удар и подчинить его окончательно. Россия тоже воспользовалась этим случаем.

Экономический рост России и Франции создал на Востоке новое положение. Он привел к тому, что вокруг Китая в течение 20—30 лет образовалось сплошное кольцо владений империалистических держав.

Это, а затем возрождение Японии и рост финансового капитала в Европе создали условия, которые не могли не повести к стремлению разделить и Китай.

Но никто не мог бы затеять раздел Китая, если бы Китай предварительно не был ослаблен. А он действительно был ослаблен невероятно.

Весь период между первым нажимом на Китай в 1834 г. и вплоть до созревания империализма был, как мы увидим дальше, временем либо открытых восстаний, либо подготовки к ним, либо, наконец, временем, когда Китай испыты-

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru/

вал непосредственные результаты прежних колоссальных бедствий.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных периодов.

В интересах цельности изложения, мы объединим в этой главе рассмотрение событий, имевших место в течение первых трех четвертей XIX века.

Перед Венским конгрессом (1815 г.).

Политическая карта Азии в начале XVIII в. была мало похожа на то, во что она превратилась впоследствии. За исключением России, владения и колонизация которой недалеко подвинулись от таежных районов, на материке Азии не было ни одного крупного владения европейских государств. Они были только на островах, — на Филиппинах, на Яве, да отдельными точками-факториями на соседних с ними землях. В Индии дело тоже ограничивалось факториями. Зато азиатские империи занимали обширные пространства. Таков был Китай, такова была Турция, а в Индии еще держалась империя Великих Моголов.

Да и вообще крупные владения европейских государств вне самой Европы были тогда, если не считать Сибири, только в Америке, в те времена еще совсем малолюдной, — малолюдной и в тех местах, которые стали впоследствии Соединенными Штатами.

Положение резко изменилось уже к середине XVIII века.

Началось с Индии. Империя Великого Могола распалась. Зато Франция имела там территорию, в шесть раз превышавшую ее собственную и заселенную 60 миллионами человек. Рядом с французами там оказались их вековые враги, англичане, почти беспрерывно дравшиеся с ними одновременно и в Европе, и в Азии, и в Америке. Но в 1763 году, в результате Семилетней войны (1756—63), Франция по Парижскому миру потеряла почти все свои владения в Америке и в Индии. Одновременно Англия прижала и Голландию. Еще через два года Англия владела в Индии землями, лежащими между 20° с. ш., морем и 80° в. д., и установила протекторат над Бенгалией, откуда она с тех пор снабжала Китай опиумом.

Таким образом, с 1763 года Китай получил в Азии новую европейскую соседку, если и не непосредственную, то во всяком случае очень близкую.

На этом борьба Англии с Францией не прекратилась. В частности война продолжалась между ними и в Индии, но когда началась великая революция 1789 г., Англия полностью использовала создавшееся в Европе положение непрерывной

войны, чтобы округлить свои азиатские и вообще внеевропейские владения. Истребив в 1797 году флот Испании, Голландии и Франции (адмирал Нельсон), Англия уже не имела основания тревожиться за свой тыл, тыл в отношении колониальных фронтов. Теперь она не только расширяла свои индийские владения, но и захватывала азиатские колонии Голландии (потом она их большей частью вернула). Захватила она мимоходом и Макао, арендованный португальцами кусочек Китая. Китай протестовал; англичане ушли, но потом опять вернулись и опять ушли. Это было в 1808 и 1814 г.г. Но это были единственные случаи в своем роде. Англичане еще джентльменничали. Объяснив свой поступок условиями необходимой обороны, они извинились и послали второе посольство с предложением урегулировать старый-престарый, 200 лет насчитывавший, вопрос о «нормальном ведении торговли». Они опять ничего не добились. Это было в 1815 году.

После Венского конгресса.

Но вот окончилась серия наполеоновских войн и собрался в 1815 году Венский конгресс. Не будем повторять того, что и так всем хорошо известно. Скажем только, что после него Англия получила южную оконечность Африки, важнейшие станции (до открытия Суэцкого канала в 1869 году) на пути в Индию и Китай, окончательно добилась ухода Франции из Индии (кроме 4 городов с их окрестностями), получила Цейлон, второй важный пункт на пути в Китай, а в 1819 году приобрела Сингапур и пятью годами позднее город Малакку. Возвращаясь несколько назад, отметим, что с 1788 года Англия начала заселять Австралию, до тех пор «ничью землю» (дикарей, конечно, за собственников не считали, их просто истребляли). В 1824 году в Австралии были уже города и происходила, помимо каторжной, вольная колонизация. В 1826 году Англия совершила первый поход в вассальную Китаю Бирму, приобрела на северо-востоке Индии страну Ассам, и благодаря этому стала непосредственной соседкой Китайской империи на широком пространстве. До тех пор она соприкасалась с нею лишь на небольшом участке в Гималаях, где она еще в 1814 году приняла под свое покровительство страну Сикким, через которую идет лучшая дорога из Индии в Тибет. Между прочим, это было уже некоторым нарушением прав Китая, прав, правда, слабо подкрепленных.

Около этого времени Испания растеряла все свои колонии в Америке, кроме лишь островных, и ее сообщения

с Филиппинами могли отныне происходить лишь через порты, которыми овладела за счет Голландии Англия.

Голландии ее владения на Зондских островах были возвращены, но Кэплэнд (на южной оконечности Африки) остался за Англией, т. е. морские сообщения Голландии тоже оказались под полным контролем Англии.

Португалия удержала Тимор (близ Явы и Новой Гвинеи), но его значение слишком ничтожно.

Наиудобнейший путь в Китай для вновь создавшегося государства (1783 г.), Соединенных Штатов Америки, тоже шел через Капштадт (Кэптоун) в Кэплэнде. Не нужно, ведь, забывать, что США тихоокеанским берегом тогда еще не владели; они прочно осели там только в 40-ых годах.

Таким образом, к 30-ым годам XIX века Англия стала единственной сильной державой в Тихом океане, хозяйкой всех морских путей в него [1]) и обладательницей огромной Индии, с ее более чем 200 миллионным (теперь 325 млн.) населением и с огромными ресурсами. Одновременно она освоила весь австралийский материк, заняла Новую Зеландию и ряд островов в Тихом океане. Правда, Россия имела на Дальнем Востоке свою собственную морскую базу. Это был Охотск, через который поддерживалась связь с Камчаткой и российскими владениями в Америке. Но можно ли говорить серьезно о такой базе? По крайней мере, правительство Александра I противилось завоевательным авантюрам русских сибирско-аляскинских моряков [2]).

Никаких соперников у Англии на Дальнем Востоке теперь не было. Ее руки были развязаны, и она могла делать, что хотела. Остается напомнить, что в 1832 году в Англии была произведена та избирательная реформа, которая означала победу торгово-промышленников над землевладельцами и либералов-фритредеров над консерваторами-протекционистами. С этого времени захват земель уже не про-

[1]) В 1833 г. Англия овладела Фальклэндскими островами близ южной оконечности Америки. Таким образом, и путь вокруг Америки оказался в руках «царицы» морей.

[2]) Эти завоевательные авантюры мало известны у нас широким кругам читателей. Интересующихся мы отсылаем к «Живописной России», приложению к существовавшему лет 30 тому назад журналу «Новь»,—к тому, который посвящен Восточной Сибири. Там читатель найдет историю «русских американцев», весьма красочную и приключенческую. Таким фактам, как участие русских в междуусобной войне на Гаваях и попытка остаться там навсегда, как постройка форта близ нынешнего Сан-Франциско и т. д., уделено в этой книге несколько страниц. Интересно также описание быта русских на Аляске.

водится так энергично. Но тем сильнее становится стремление «открывать» страны для пресловутой «свободной торговли».

В 1834 году истек срок чартера Ост-Индской Компании; от нового либерального правительства она, конечно, не могла ждать продления своих монопольных прав. И она в отношении Китая лишилась их. С этого времени кантонская гармония нарушилась. До сих пор английские монополисты торговали с китайскими монополистами. Теперь «свободные торговцы» должны были иметь дело с попрежнему монопольными китайскими торговцами. И вот Англия решила провести идеи Адама Смита и в Китае. После кризисов в 1825 и 1837 г.г. это было особенно необходимо.

1839—42 г.г. отметились первой войной Англии с Китаем. Они закончились Нанкинским договором 1842 года, по которому Китай обязывался открыть для иностранной торговли Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо и Шанхай, иными словами, пока еще только морские порты и притом только те, которые находятся к югу от Янцзы; соглашался на подсудность иностранцев суду консулов их государств, уплачивал контрибуцию и передавал Англии островок Гонконг, близ Кантона. О речных портах и о морских к северу от Янцзы речь еще не заходила. Кроме того, по дополнительному торговому соглашению, Китай обязывался взимать с ввозимых товаров не свыше 5 процентов их стоимости и соглашался на подсудность англичан консульскому суду.

К этому времени в торговле Китая с Европой произошел уже перелом. Баланс, благодаря опиуму, был уже в пользу Европы, т.-е. фактически в пользу Англии, ибо англичанам принадлежало несомненно первое место. Голландия уступала ей больше чем в 35 раз [1]).

Нам остается напомнить, что с 1790 годов паровая машина начала вытеснять в Англии ручной труд и что уже в 1825 г. был первый промышленный кризис. В 1837 году кризис повторился.

[1]) Рассматривать захват Гонконга, как проявление империализма, в строгом смысле этого слова, нельзя. Гонконг — небольшой, туманный и в те времена малярийный, а притом и безлюдный остров. Англичанам он был необходим лишь как станция, как залог успешности торговли, как противовес Макао. Через несколько лет после его захвата англичане подумывали даже об оставлении его, так как испугались малярии. Но перерешили, осушили болота и в конце концов создали там цветущий город. Но и тогда они не проявляли стремления добиться увеличения территории. Охота англичан за территориями в Китае — это уже явление, свойственное империалистическому периоду, 90-ым годам.

Вспомним теперь, какой резкий перелом пережила Европа за эти немногие десятки лет в области техники. Вспомним просто даты.

В 1790 годах ручной труд начал вытесняться в Англии машиной и паром. В 1807 году изобретен пароход и с 1815 начинает применяться на практике. В 1819 первый пароход пересек Атлантику (правда, он шел 26 дней, из которых 8 дней под парусами). В 1838 г. строится уже винтовой пароход и вводятся первые регулярные рейсы. В 1825 г. строится первая железная дорога. В 1833—37 г.г. изобретается телеграф. Скоро после этого вводится нарезное оружие.

Изобретение паровой машины и ткацкого станка, уничтожение помех для плавания в дальние страны, устранение Англией всех ее соперников в Тихом океане — все это произошло с такой феерической быстротой, что Китай, конечно, не мог подготовиться к совершившимся в его международном окружении переменам. Да он и не мог бы, так как переживал очень болезненный внутренний процесс, о котором мы уже говорили выше.

Сороковые годы.

Монопольное положение страны, провозгласившей поход против монополий, продолжалось, однако, на Дальнем Востоке недолго. Обладание узлами морских путей и первенство в промышленности не застраховали ее от появления конкурентов и соперников. Англия удержала свое командное положение; но кое-чем пришлось все же поступиться. Прежде всего — в пользу Франции.

В первой половине XVIII века Франция была после Испании и России обладательницей самой обширной колониальной территории. После Венского конгресса она потеряла почти все. Почти одновременно (в 1820 годах) растеряла свои колонии и Испания. Но Испания была страной застоя, а Франция страной развивавшейся. Она не могла примириться с разрушением своей первой колониальной империи. Уже в конце двадцатых годов, т.-е. еще до июльской революции (1830 г.), она приступила к созданию второй внеевропейской державы. В 1830—47 годах Франция овладела Алжиром, вмешивалась в ближневосточные дела, устраивала базы в разных частях Африки, помимо Алжира, в 1836 году договаривалась с Англией относительно «независимости Сиама», в 1838 получила кое-какие права на островах Таити, в 1840 заложила основу своего господства на Мадагаскаре, африканском острове с самое Францию величиной, а в 1843 году заняла близкую к Австралии Новую Каледонию.

Все это давало ей возможность и в Китае добиться тех прав, которых в 1842 году там добилась Англия. Впрочем, это было уступкой только юридической. В торговле, мореплавании и банковском деле гегемония на Дальнем Востоке осталась в руках Англии. Прочного положения на Дальнем Востоке Франция добилась лишь в 60-ых годах.

Одновременно с Францией получили права наибольшего благоприятствования и Соединенные Штаты. Ранее их появление на Дальнем Востоке было, впрочем, случайным явлением. Оно объясняется, во-первых, неучастием США в наполеоновских войнах, позволившим их судам плавать в Китай, в то время, когда судовладельцы других торговых наций рисковали потерей всего своего груза, во-вторых, тем, что тогда суда строились еще из дерева, а леса, как известно, было тогда в США очень много. Развитие китобойного промысла в Тихом океане и открытие в 1848 году золота в до тех пор пустынной Калифорнии усилило интерес США к Китаю, откуда стали вывозиться в Калифорнию рабочие (к 1868 г. китайцев было там уже 56 тысяч человек).

Как видно будет дальше, США впоследствии перестали играть роль на Дальнем Востоке. Они «вернулись» туда окончательно лишь к 90-м годам.

Что касается России, то она была всецело поглощена Турцией, Кавказом и Персией, и до конца 40-ых годов Дальним Востоком не интересовалась. Благодаря этому, положение, установившееся после Нерчинского (1689) и Кяхтинского (1727) договоров, оставалось в основном без изменения.

В общем и целом в 1840-ых и до конца 1850-ых годов, в значительной степени и после, роль гегемона на Дальнем Востоке оставалась, несмотря на появление соперников, за Англией.

Испания, Португалия, Голландия, а тем более те европейские страны, которые не имели на Дальнем Востоке колоний, ничего не могли там сделать такого, что бы было нежелательно для Англии. Франция, Россия и Соединенные Штаты, как более мощные, имели, конечно, гораздо больший вес, но тоже должны были считаться на Дальнем Востоке с англичанами и очень сильно считаться. Обладание Гонконгом, портом около Кантона, было крупным плюсом для Англии.

Пятидесятые годы.

Начиная с 1851 года и вплоть до кризиса 1873 года, кривая конъюнктуры в Европе быстро поднимается. Одновременно усиливается и колониальная деятельность держав.

Уже в самом начале 50-ых годов Англия, еще раньше округлившая и закрепившая свои владения в Индии, построила Сиккимскую железную дорогу, доходящую почти до границы Тибета, провела вторую кампанию в Бирме, овладела ее побережьем, добилась отказа Сиама от признания сюзеренитета Китая и приобрела ряд новых опорных пунктов и угольных станций. К этому времени Австралия, недавно безлюдная, имела уже около ½ миллиона населения. Одновременно Англия расширила свои владения в Южной Африке [1]).

Ее соперница Франция продолжала в это время расширять и закреплять свои прежние приобретения. После революции 1848 года, а особенно при Наполеоне III, она была чрезвычайно активна в колониях. Особенно упорно было ее стремление проникнуть в Индо-Китай, который она облюбовала еще в XVII веке (один воинствующий католический епископ задумал еще тогда завоевать Аннам. Даже флот соответствующий завел).

Англо-французское соперничество не помешало обеим сторонам выступить совместно против начинавшей подниматься России. Разбившая турок в Европе и имевшая успехи над ними на Кавказе Россия потерпела, однако, вследствие вмешательства Англии и Франции, поражение в Крыму и должна была оставить мечты о господстве над Ближним Востоком. Завяла мечта и о Царьграде: Россию нужно было компенсировать в других местах, ибо как ни изгнило николаевское самодержавие, экономически Россия была все-таки стра-

[1]) Сиам — обширное государство, по размерам близкое к Персии, и приблизительно равное Франции и Германии, вместе взятым, но имеющее сравнительно очень небольшое население; там всего около 10 миллионов жителей, из которых около 3 миллионов пришельцев из Китая. Остальные, повидимому, близки по крови к южным инородцам Китая и к бирманцам. История Сиама записана с VII века, когда туда проник буддизм. Китайское культурное влияние, наряду с индийским, уже издавна было сильно в Сиаме, но политически Китай никогда там не господствовал. Влияние Европы начало сказываться в Сиаме еще в XVII веке, но серьезные попытки захвата его относятся лишь к 90-ым годам XIX века. Сиам добровольно принялся за частичную «европеизацию» одновременно с Японией, но, не обладая достаточными военными силами, должен был уступить большие территории Англии и Франции. Соперничество последних спасло его от дальнейшего раздела. В настоящее время он более или менее обеспечил свою независимость и даже проявляет отчетливые признаки экономического, военного и политического роста. В этом отношении он был к 1926 году в лучшем положении, нежели Китай (По кит. консульским данным, китайских граждан в Сиаме только 1½ миллиона).

ной поднимавшейся. Поэтому ей было позволено пойти туда, где интересы Англии и Франции были меньше. Еще во время Крымской кампании и отчасти раньше Россия начинала подбираться к тем местам, откуда в 1689 году ей пришлось уйти. Вновь, как и 200 лет тому назад, русские спустились по Амуру и водрузили русский флаг при его устьи. Англо-французский флот сделал было попытку помешать этому, но после заключения мира России была предоставлена возможность оставить Амур за собой.

Сотрудничество англичан и французов продолжалось и после Крымской войны (1854—6 г.г.). На этот раз они действовали уже в Китае, и их военные действия там, приблизительно, совпали по времени с новым кризисом в Европе (1857) и с тайпинским восстанием в Китае. Результатом этой войны было открытие для торговли Тяньцзиня на севере и портов на Янцзы, появление посольств в Пекине, контрибуция и дальнейшее расширение иностранных прав в Китае. Россия воспользовалась этим случаем, чтобы добиться от Китая права аннексировать левый берег Амура и весь Уссурийский край вплоть до реки Тумень, границы с Кореей. Это означало, что маньчжурская династия теряла значительную часть своей коренной земли, вотчины своих предков. Русские представители опирались при этом на, якобы, недоговоренность о границах в Нерчинском договоре.

В 1859 году французы взяли Сайгон, теперь крупнейший порт Французского Индо-Китая, и тем самым положили начало закреплению в этой стране. Окончательно они стали там хозяевами лишь в 80-ых годах. Тем не менее, нельзя пройти мимо факта захвата Сайгона: он был новым примером вторжения европейцев в государство, до тех пор вассальное Китаю, новым прорывом оборонительной стены дружественных ему стран.

Около того же времени произошло и первое серьезное наступление на другого соседа Китая, на Японию, 200 с лишним лет придерживавшейся по меркантилистским соображениям политики самоизоляции. Эту задачу взяли на себя Россия, пославшая в Нагасаки фрегат «Палладу» (на котором ехал писатель Гончаров), и Соединенные Штаты, одновременно пославшие в Токиоский залив флотилию Перри. Россия никакого успеха иметь не могла, так как ее судно само оказалось под опасностью нападения англичан. Американцы же добились своей цели, и Япония была открыта для иностранной торговли. В данном случае активность Америки объяснялась, главным образом, интересами ее торговли

с Китаем, а не с Японией; Япония нужна была лишь как попутное место для захода судов за водой и углем [1]).

Насильственное открытие Японии привело к началу в ней гражданской войны, длившейся с перерывами до 1870 года, но эта война по своим размерам была детской игрой по сравнению с тем, что одновременно происходило в Китае, охваченном войной от края до края.

Одновременно с восстанием пришлось иметь дело и англичанам в индийских владениях, в которых вспыхнуло возмущение сипаев (1857); оно, однако, скоро было усмирено. После этого управление Индией было реорганизовано и Индия превратилась из собственности Ост-Индской Компании в обыкновенную колонию, в «Индийскую империю».

1860 год был первым годом уже полного подчинения Китая иностранцам. Отныне дело шло только о «мирном» расширении уже приобретенных раньше прав. Но поскольку идея «открытых дверей» не противоречила интересам Англии, гегемона на Дальнем Востоке, о дележке Китая не думали. Китай остался «суверенным» и «неделимым». Лишь в 90-ых годах стал вопрос о его раздроблении в пользу нескольких соперничавших держав. Но к тому времени гегемония Англии уже больше не существовала. Она оставалась сильнейшей лишь относительно.

В том же 1860 году, летом, на безлюдный, заросший лесом берег бухты Мэй, впоследствии Золотой Рог, высадился небольшой отряд русских линейцев и матросов. Построенные ими бараки были зародышами будущего Владивостока. Могли ли думать его строители, что наступит такое время, когда этот город, построенный, чтобы «владеть Востоком», станет одной из трибун антиимпериалистического движения!

Шестидесятые и семидесятые годы.

1860 год был отмечен еще одним событием, сыгравшим большую роль в истории Китая. В этот год в США был избран президентом Линкольн, что послужило последним толчком для разразившейся гражданской войны 1861—65 годов. С этого времени США редко вмешиваются в дела Китая и Дальнего Востока вообще.

Зато усиливается начавшееся перед тем наступление Франции и России, которые мало-по-малу придвигают свои колониальные владения все ближе и ближе к границам Ки-

[1]) О Японии см. мою «Япония в прошлом и настоящем», изд. «Книжного Дела». Владивосток, 1926.

тая. Особенно быстр был теперь рост России; уничтожение крепостного права развязало узы, мешавшие ее капиталистическому развитию. Ее торговля, медленно увеличивавшаяся с петровских времен, подолгу задерживавшаяся на одних и тех же уровнях, скакнула с 399 млн. рублей в 1861 году до 707 миллионов рублей в 1871; ее промышленность развивалась; ее потребность в хлопке росла. Гражданская война в США еще более усилила ее стремление завладеть хлопкопроизводящими районами, и вот, начиная с 1864 года, она быстро переходит в наступление на остававшуюся так долго без внимания степь и уже через год далеко оставляет позади линию Оренбурга, Челябинска, Омска, Семипалатинска. В 1865 г. взят Ташкент, в 1868 — Самарканд, в 1873 — Хива и в 1876 — Коканд. Россия и Китай становятся, таким образом, соседями на всем пространстве от Тихого океана до Памира.

Одновременно идет и наступление Франции. В 1862—67 гг. она овладевает Кохинхиной и Комбоджей, т. е. южной частью своих нынешних индо-китайских владений и постепенно разными средствами добивается укрепления своего влияния в коренном Аннаме и в Тонкине, когда-то частях Китая. Формально она овладела ими в 1883 году и в результате новой войны заставила Китай в 1885 г. признать французские права на Индо-Китай.

Большую роль сыграло для судеб Китая то сокращение пути к нему из Европы, которое было результатом прорытия Суэцкого канала. Он начал сооружаться в 1859 г., а в 1869 г. был закончен. Акции канала скоро оказались в руках Англии, которая своевременно озаботилась приобретением узловых пунктов на пути к нему. Аден, Перим, о. Кипр и другие пункты стали ее собственностью. А позже, уже в 80-ых годах, Англия при помощи финансового нажима оказалась хозяйкой и над Египтом. Около того же времени Англия окончательно закрепила свое господство и в Бирме, соседке Китая.

К 80-ым годам сухопутное империалистическое окружение Китая было завершено, и лишь со стороны моря не имелось близкой империалистической соседки. Но она скоро появилась.

Это была Япония.

Едва сама справившаяся со своими внутренними затруднениями и еще не избавившаяся от неравных договоров, она начала агрессивную политику в отношении Китая. В 1873 году она добилась присоединения островов Рюкю, до тех пор плативших дань и Японии, и Китаю одновременно, а в 1876 году подписала договор с Кореей, тем самым признав ее незави-

симой от Китая. Конечно, это было очень невинно, но дальнейшее показало, что это были первые шаги, направленные против самого Китая.

1873 год был началом европейской промышленной депрессии и началом резкого подъема колонизаторской деятельности. В следующих 1880-ых годах империализм в основных своих формах определился отчетливо и в области экономической политики. Период свободной торговли кончился. Торжествовал протекционизм, монополия, захваты и дележка всего, что только можно было разделить. Но все то, что окружало Китай, было уже захвачено и разделено.

Объектом дележа предстояло теперь стать самому Китаю.

Но это было уже в 90-ых годах, относительно которых лучше будет рассказать особо.

Вернемся теперь к Китаю, к тому, что происходило в нем после первого нападения англичан.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXXVII.

Тайпинское восстание.

Историческое значение восстания.

Вскрыть корни порабощения Китая, объяснить с исчерпывающей полнотой причины его упадка — задача слишком большая, и не здесь, конечно, разрешать ее. Но указать на некоторые существенные факты, которые могут стать исходными для серьезного исследования — возможно. Хронологические сопоставления будут в этом отношении весьма полезны.

Чем был период 1850—1873 годов для Европы?

Это был период небывалого, сказочного подъема. Не было, пожалуй, ни одной отрасли промышленности, которая не росла бы стремительно. Не было почти ни одной европейской страны, которая не пережила бы колоссального подъема. Конъюнктурная кривая, поднимавшаяся до тех пор постепенно, буквально взвилась кверху. Рушились крепостнические пережитки. Уничтожались мелкие государства. Создавались крупные национальные объединения. Капитализм, тогда еще полный сил и творческих возможностей, завоевывал мир. Лишь наиболее проницательные понимали тогда неизбежность будущего его загнивания.

И вот те же самые годы, именно те же, — 1850—1873-ий, совпадение здесь точное, — были для Китая временем самого колоссального из испытанных им потрясений, временем наибольшего разрушения его производительных сил, временем, когда, за исключением одной только малолюдной окраинной Маньчжурии да еще Тибета, он весь от края и до края был в огне восстаний. Именно в эти годы и именно в Китае произошло самое грандиозное крестьянско-ремесленное восстание, когда-либо происходившее на памяти человечества.

Представьте себе все крестьянские восстания, происходившие между XIII и XIX веками в Европе, сошедшимися в одной точке времени, приложите сюда две внешние войны

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

с бесконечно лучше вооруженными противниками, добавьте внезапное высвобождение громадной реки из рамки сжавших ее плотин (1851), двухлетнее ее путешествие на протяжении сотен верст в поисках нового русла по одним из самых густо населенных местностей в мире, вспомните об опиуме, о результате потери таможенной свободы, о пиратстве и т. д., добавьте еще невероятно тяжелый голодный год, соедините все это в одну цельную картину, и вы получите то, что было пережито Китаем в годы наибольшего подъема для Европы.

Мы уже говорили выше о другом критическом периоде китайской истории, о времени Мин'ской династии, но тогда болезнь была длительной, затяжной; теперь она была галопирующей. Результатом был резкий упадок Китая, превращение его из страны, вывозившей фабрикаты, в поставщицу дешевого сырья, распад внутренних торговых связей, увязывание отдельных местностей Китая, каждой отдельно, с мировым рынком, распад государства и появление предпосылок для будущего самовластия на местах оголтелой военщины.

Многие склонны думать, что основной причиной восстания был империализм. Это верно лишь отчасти. Внешнее насилие сыграло в событиях 1850—73 г. г. большую роль, но не оно определило их. Свою «корь» Китай должен был пережить. Ее определили накопившиеся еще в XVIII веке противоречия, которые уже приводили к тяжелым столкновениям на рубеже двух веков, уже искали своего разрешения, но не нашли его. Новый взрыв был неминуем. Вопрос был только о времени и о течении. Однако, не будь вторжения европейского капитала, взрыв произошел бы, вероятно, немного позднее, а, может быть, произошел бы уже и в 50-ых годах, но имел бы другие результаты. Данные о деятельности тайпинов в начале 60-ых годов дают возможность определенно утверждать, что победа была для них еще возможна. Больше того, нам кажется, что она была обеспечена, — обеспечена если не для самих тайпинов, то для их временных союзников, буржуазных группировок портовых городов.

Но в момент, когда решалась судьба революции, на чашку весов были брошены английские и французские пушки, были брошены европейские деньги и европейская поддержка всех иных видов, и вот, — не сразу, не одним ударом, а после длительной героической борьбы, — реакция восторжествовала.

Ускорение событий и прямая помощь китайской реакции — вот то, что, несомненно, было «заслугой» иностранного капитализма, и Китай, «затраты производства революю-

ции» которого пропали даром, оказался отброшенным на столетие или больше назад, чтобы через полстолетия начать разрешать задачу сызнова. И характерно: когда в 1900 г. происходило боксерское восстание, оно по своей идеологии было ступенью ниже, чем тайпинское.

Что бы было с Китаем, если бы события пошли иным путем? Ответом на это может служить нынешнее положение Японии. Она переживала почти то же самое. В ней была та же неопределенность, та же недозрелость. События были ускорены внешним толчком и в ней. Больше того, ее экономическая и политическая структура была, пожалуй, ниже, чем у Китая. Но иностранного вмешательства на стороне реакции в ней не было. Победа досталась там идейно-реакционным группам. И тем не менее эти реакционеры по своим идеям вынуждены были делать то, что в конце концов привело к полной и несомненной победе буржуазии и к превращению Японии в государство вполне современного типа.

Но обратимся к самим событиям в Китае.

Предпосылки восстания и «опийная» война 1839—42 г.г.

Как мы уже говорили в XXXV главе, конец XVIII века был временем упадка старого порядка и всеобщего недовольства, проявлявшегося в восстаниях и деятельности тайных обществ, во главе которых стояли в отдельных случаях (а, может быть, и во всех — материалы пока еще не дают ясного ответа на это) представители крупной буржуазии. Движение было придавлено, но не задавлено. Цин'ское правительство сидело как на вулкане. Запрещение тайных обществ было безрезультатным. Они продолжали существовать. Особенно сильны были среди них те, которые имели широкие связи с заграницей, с Сингапуром, с Явой и т. д. Как показали дальнейшие события, особенной активностью отличались фуцзяньцы, т.-е. как-раз те, чья коммерческая деятельность была урезана цин'ской политикой торговых монополий.

Тем временем положение широких масс продолжало ухудшаться. Колоссальный ввоз опиума, приведший к отливу серебра за границу, обусловил вздорожание товаров. Вместо 100 медных единиц за серебряную единицу платили в тридцатых годах 120. Помимо этого, ввоз опиума, товара запрещенного, доставляемого не иначе, как контрабандным путем, означал колоссальный рост чиновничьей продажности. Район Кантона, единственной тогда отдушины Китая, был, конечно, особенно неблагополучным в этом отношении. К тому же нигде не было такого неравномерного распреде-

ления богатств, как в этом городе и его районе, где одна — две удачных контрабанды обогащали сразу. Нет ничего более естественного, что очагом восстания явился именно кантонский район.

И вот, в накаленную атмосферу Кантона врывается война 1839—42 годов.

Мы не станем описывать ее в хронологическом порядке. Это потребовало бы слишком много места, да, к тому же, русский читатель имеет возможность ознакомиться с ходом ее по целому ряду трудов, старых и новых, которые мы назовем в приложении. Здесь достаточно отметить, что в 1839 г. пекинское правительство, встревоженное отливом серебра за границу и не добившееся отказа от торговли опиумом у шайки засевших в Макао и в Кантонской фактории ядоторговцев, решило прибегнуть к крутым мерам. Иностранным купцам приказано было сдать весь имевшийся у них опиум властям. Это не подействовало. Тогда кантонских и макаоских торговцев «лишили огня и воды» и заставили их подчиниться. Английское правительство поддерживать заведомых контрабандистов-отравителей, как контрабандистов, не рискнуло, но поскольку оно желало уничтожить стену китайских монополий, оно поддерживало их, как торговцев. На сцену явилась провокация, а за провокацией последовала война, вначале совершенно безрезультатная.

Короткие набеги то на один, то на другой приморский города. Переговоры в Кантоне между двумя набегами. Новый набег, отъезд встревоженных и приезд успокоившихся купцов. Захват островов. Очищение их ради начатия новых переговоров. Опять какой-нибудь инцидент, а за ним новая бомбардировка или высадка. Опять переговоры. Посылка китайских войск из глубины страны к берегам и их столкновение с несравненно лучше вооруженными англичанами. Опять затишье и даже возобновление торговли в Кантоне. Появление новых китайских войск и т. д. Такова была сумбурная картина в конце 1840 и 1841 годов.

В Пекине думали, что тактика «ни войны, ни мира» рано или поздно заставит англичан пойти на компромисс. Но Пекин ошибся. После долгих месяцев бессистемных спорадических наскоков, давших, однако, англичанам один несомненный плюс — это захват того острова, на котором теперь расположен г. Виктория (Гонконг) — англичане сумели нанести Китаю удар по самому больному месту. В 1842 году они сломили сопротивление фортов, стерегущих вход в устье Янцзы, поднялись вверх по этой могучей реке и, дойдя до

того места, где начинается Великий канал, остановились. Это было осуществлением того, что когда-то хотел сделать, но не сделал Коксинга (формозский «пират»).

Важнейшая торговая дорога в стране была, таким образом, прервана. Пекин был осужден на голодание.

В результате — Нанкинский мир: 21 миллион контрибуции, открытие для беспрепятственной, немонополистской, торговли Кантона, Шанхая, Нинбо, Амоя и Фучжоу; статья об урегулировании «на справедливых началах» таможенного вопроса (потом «урегулировались» на 5% стоимости товаров), статья о «равенстве сторон» и уступка Гонконга навсегда [1]).

Об опиуме не было ни слова. Англичане «тоже были против торговли им», но они находили, что это дело китайцев следить за неввезением его, а вовсе не их, не англичан: как могут они вмешиваться в дела другой страны! Китайские делегаты заявляли, что раз англичане позволяют китайским контрабандистам плавать под английским флагом, то китайские власти будут так же бессильны в борьбе с опиумом, как были и до тех пор. Англичане ссылались на страх пиратов перед английским флагом, на свою заботу о безопасности китайских купцов да еще на благородные английские традиции. Англичане, видите ли, и не думали защищать ядоторговлю. Они заботились лишь о том, чтобы было достигнуто «равенство сторон». Название «Опийной войны» — это оскорбление для англичан. Так, по крайней мере, толкуют события 1839—42 годов английские историки.

Война усилила брожение в стране и ускорила взрыв. Правительство было бессильно предотвратить назревшие события. И через 8 лет после Нанкинского договора они наступили.

1850-ый год был первым годом тайпинского восстания. Закончилось же оно только в 1865 году, когда уже бушевало дунганское восстание.

Мы можем дать здесь лишь самый беглый, поверхностный обзор его, но тот, кто заинтересуется им, может найти исчерпывающее описание в имеющейся в русском переводе книге Шпильмана «Крестьянская революция в Китае», снабженной предисловием Радека [2]).

---

[1]) Ценность Гонконга самого по себе ничтожна. Это был красивый, но пустынный, окутанный туманами и полный малярийными комарами остров. Но, как складочный пункт — он незаменим. Через несколько лет Гонконгский порт превратился в один из первых портов мира.

[2]) В подлиннике книга озаглавлена иначе. Что касается предисловия т. Радека, то оно включено и в его брошюру «Сунь Ятсен».

Первая фаза восстания.

Очагами этого огромного движения были поселения так наз. хакка, разбросанные в кантонском районе и вообще в Юго-Восточном Китае. Эти хакка являются не коренными жителями юга, а потомками шаньдунцев, переселившихся на юг при Юань'ской династии. Другие жители Гуандуна, так наз. пунти (по-северному: бэньди), т.-е. «коренные» иначе кантонцы, считают их нечистокровными китайцами и жестоко презирают. Но, думается, этих хакка нужно рассматривать скорее как своего рода сословие, а не народность [1]).

Центральной фигурой движения был, как и во времена желтотюрбанников (при Хань), человек, мечтавший о чиновничьей карьере и не добившийся ее. Не добился он ее, прежде всего, потому, что не имел денег (в Кантоне процветала тогда своеобразная лотерея, в которой были заинтересованы не только экзаминаторы, но и многочисленные пайщики и которая сделала экзамены голой видимостью).

К тому же, Хун Сюцюань, как звали главу движения, был презренный хакка. Правда, этот хакка имел какие-то основания считать себя родственником того рода, который выдвинул династию Мин.

Движение, поднятое этим представителем «младшей линии Мин'ов», было по своему типу очень близким к обычным

---

[1]) По словам географа Ришара, хакка, что означает «пришлые семейства», живут на острове Хайнань, на Формозе, в Чжецзяне, Цзянси, Фуцзяни, но, главным образом, в Гуанси и Гуандуне. В последней провинции их до 4 миллионов человек, и в одной из губерний этой провинции они составляют сплошное население. Много хакка живет также в Малакке, куда они переселялись в качестве, главным образом, рабочих. По преданиям хакка, они жили в древности в Шаньси и Шаньдуне, где в 249—209 годах до н. э. подвергались гонениям, от которых бежали в Аньхуй, Хэнань и Цзянси. Они опять подвергались гонениям в 419 и 620 годах н. э. и оба раза передвигались вновь. При Сун'ах (960—1280) многие из них были солдатами, оставшимися верными династии до конца. За это их в большом количестве перебили опять. При Мин'ах им опять пришлось передвигаться. Они в значительной массе оставили Фуцзянь, где тогда жили, и перешли в Гуандун. После тайпинского восстания (вероятно, не без связи с ним и не без провокации со стороны власти. К. Х.) в Гуандуне произошел страшный погром, и пунти перебили 150 тысяч хакка. Из оставшихся в живых множество было переселено силой в Гуанси.

Ришар считает хакка результатом смешения китайцев с аборигенами юга. По языку они ближе к северянам, чем к кантонцам. Среди них много парикмахеров (постыдная в Китае профессия); остальные — земледельцы, носильщики, каменотесы и т. д., хотя встречаются и богатые землевладельцы. Есть среди них и получившие китайские ученые степени. Некоторые обычаи хакка отличают их от кантонцев в выгодную сторону. Их жен-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

сектантским движениям. В основе лежало, как обычно, возмущение неравенством, была вера в мессианизм и близкое пришествие конца греховных порядков, было одушевление, ритуалы, клятвы, был мистический монархизм и характерный для крестьянско-ремесленнических движений потребительский коммунизм. Конфуцианские, буддийские и даосские традиции были у тайпинов, но было и нечто отличавшее их идеологически от прежних повстанцев. Это — значительная примесь позаимствований из христианства, настолько большая примесь, что о тайпинах определенно можно говорить, как о христианской секте. Но для миссионеров они были впоследствии «хуже, чем язычники». Понятно, почему!..

Сам Хун Сюцюань воображал себя младшим братом Иисуса Христа и, следовательно, вторым сыном Иеговы. Его роль была, впрочем, велика только в ранний период движения. Потом он отошел в сторону совершенно и, числясь «императором», сидел у себя во дворце и, как кажется, действительно предавался излишествам. Биография его, интересная для психиатра, вряд ли заслуживает особого внимания.

В 1850—51 году движение тайпинов (Тай пин — великое спокойствие) ограничивалось Гуандуном и Гуанси. Оно сопровождалось столкновениями с войсками и осадами городов, знало много неудач, знало и удачи, но в общем имело локальный характер (хотя нужно вспомнить, что Гуандун и Гуанси, вдвоем, — целая «великая держава» по размерам).

В 1852 году положение резко изменилось в пользу повстанцев. Им удалось отбить все нападения, самим перейти в наступление и проникнуть из Гуанси в Хунань. Осенью того же года они уже осаждали столицу ее, город Чанша. Через месяц они овладели пограничным с Хубэем городом Юэчжоу (или Иочжоу), потом взяли Ханьян, Учан и Ханькоу,

щины свободнее, не отделяются от мужчин и не уродуют ног. По костюму они тоже отличаются от кантонцев.

Помимо хакка, в Гуандуне есть и другие отличающиеся от кантонцев по типу и языку этнические группы. В Гуанси же хакка и несомненные инородцы составляют свыше двух третей населения.

Среди южных инородцев — лоло, очень непокорные и тем не менее тоже презираемые китайцами, относятся Ришаром к арийцам. Они белокожи, горбоносы, голубоглазы и имеют миндалевидные глаза. Они живут в мало доступных горах, охотятся и мало занимаются земледелием, женщины их равноправны с мужчинами (по Ришару). Китайцев лоло ненавидят. К случайно же попадавшим к ним европейцам они относились хорошо. У лоло имеется письменность (около 3000 знаков). Их язык характерен чередованием гласной и согласной, как у полинезийцев, тоже близких по типу к европейцам, и как у японцев.

эти три города-близнеца, слитые в январе 1927 г. в один город Ухань, новую столицу Китая, 18 февраля овладели Цзюцзянем, через неделю Аньцином (оба города находятся ниже Уханя по Янцзы), 4 марта были в Уху, 8 марта подошли к Нанкину, а через 11 дней, 19 марта 1853 года, овладели им. Отныне этот город был не Нанкином (точнее Наньцзин), а Тяньцзин — «небесная столица» [1]).

Это движение было поистине победным шествием, а не завоеванием. Очевидно, императорская армия не годилась никуда. Что касается тайпинской армии, то она все время росла. Но о своем тыле тайпины не заботились, и к моменту, когда они овладели городами по Янцзы, маньчжуры в Гуандуне уже рубили головы бескосым (коса была символом подчинения маньчжурам). Не спешили повстанцы и с движением на север, тем самым давая возможность Цин'ам собрать свои силы. В результате дальнейшее тайпинское наступление, начатое в апреле 1853 года, взятием Пекина не увенчалось, хотя повстанцы совсем близко подошли к нему. Мало того, несмотря на ряд больших успехов, в роде овладения столицей Шаньси, городом Тайюань, и другими городами севера, им пришлось отступить обратно к Нанкину. Иначе они не могли — им угрожал голод.

Из этого очень краткого, сухого перечня не трудно увидеть, как громадна была территория, охваченная войной: ведь от Кантона до Пекина расстояние почти такое же, как от Москвы до Франции; и все это густо населенные районы.

Военное затишье и реформы тайпинов.

Тем временем в занятых тайпинами областях производились всевозможные нововведения. Улучшено было положение женщин, бинтование ног было воспрещено, издавалась религиозно-нравственная литература, печатались прокламации, строились школы, вводился обязательный для всех субботний отдых, уничтожены были пытки, делались кое-какие попытки насаждения общности имущества. Но принципы управления оставались привычные для китайцев. Это был абсолютизм, соединение административной власти с судебной и т. д., но с добавлением теократических элементов. Буддийские и даоские храмы тайпины беспощадно уничтожали.

[1]) Читатель уже заметил, вероятно, что путь тайпинов почти точно совпал с путем кантонцев в 1926 году. Что касается названия Тяньцзин, то для китайца это звучит не совсем так, как название северного города Тяньцзинь. Иероглиф не тот и произношение не то. Цзинь означает брод, цзин — столица.

С мародерством в это время ими велась свирепая борьба. Что касается маньчжур, то их много погибло лишь в период взятия городов: потом с ними обращались мягко.

1854 год был отмечен восстанием против маньчжур и в прибрежных еще не занятых тайпинами городах. Но там выступали не их сторонники, а члены общества Тяньдихуй («неба и земли»), или иначе «Триады». По имеющимся данным, это были, если говорить о верхушке, организации буржуазного состава или, во всяком случае, буржуазного руководства. К тайпинскому «коммунизму» они относились определенно враждебно, хотя в самом начале, еще в Гуандуне, действовали в согласии с тайпинами [1]).

В течение 1855, 1856 и вплоть до 1860 года тайпины не раз имели столкновение с войсками Цин'ов, попытавшихся было переходить в наступление. Тем не менее, тайпины удержали за собой две трети провинции Аньхуй, по одной трети Цзянсу и Цзянси и части Хубэя и Хунани, короче говоря, места, прилегающие к нижнему течению Янцзы.

Что же касается юга, то он опять был под властью маньчжур.

Таким образом, Китай, признававший Цин'ов, состоял теперь из двух половин — северной и южной, и обе они не имели иной связи друг с другом, кроме связи по морю, выхода к которому тайпины не имели. Положение было явно неустойчивым. Рано или поздно оно должно было измениться либо в ту, либо в другую сторону. Но обе стороны были слишком слабы, чтобы покончить с противниками и утвердить свою власть. Маньчжуры потерпели ряд поражений, от которых не могли оправиться, тайпинам же приходилось все время вести войну в Хунани и в Хубэе, где против них действовали местные отряды, организованные одним из видных представителей местных «джентри», т.-е. имущих. Это был некто Цзэн Шунфан.

Чрезвычайно трудно сказать, из каких элементов состояли эти враждебные тайпинам отряды. Тот факт, что во главе их были представители имущих классов и то, что антитайпинское движение усиливалось из-за реквизиций, прибегнуть к которым вынуждены были тайпины, а также ряд дру-

[1]) Более подробные данные о Триаде приведены автором этой книги во владивостокском «Красном Знамени» в 1927 г. 30 января. Эта статья была построена на основании английской книги Стантона «Общество Триады в Китае». Статья о тайных обществах в Китае была напечатана в одном из номеров «Русского Богатства», кажется, в 1900 или 1901 году. Пишущий эту книгу не имел случая прочесть ее.

гих соображений, в роде, например, того, что антитайпинское движение зародилось в тех местах, откуда до занятия тайпинами Нанкина шел на север рис, в вывозе которого могли быть заинтересованы только имеющие излишки да хлеботорговцы — все это позволяет почти уверенно говорить, что хугуанское (т.-е. провинций Хубэй и Хунань) движение было движением имущих классов, предпочитавших власть маньчжур власти сторонников общности имуществ. Что же касается невозможности для тайпинов овладеть побережьем, то тут факт противодействия именно буржуазии можно проследить более отчетливо.

Пройдет, однако, еще не мало времени, прежде чем те огромные материалы о тайпинах, которые уцелели не в Китае, а в Лондоне (в Китае их усиленно истребляли), будут изучены. До тех пор придется довольствоваться материалами, подобранными с нарочитой целью изобразить тайпинов в виде каких-то разбойников, развратных садистов или в лучшем случае полусумасшедших или невежественных людей. На таком материале многого не построишь.

Отметим, между прочим, что вожди антитайпинского движения в Хугуане были все без исключения из китайцев. Маньчжуры если и появлялись, то неизменно терпели поражение. Китайцем был и тот мандарин, который впоследствии руководил усмирением. Это — талантливый, рано выдвинувшийся взяточник Ли Хунчжан. Дело, очевидно, было не в «маньчжурах» и «китайцах», а совсем в другом, более существенном.

В середине 1858 года у тайпинов произошли крупные перемены. Среди них появились люди, разбиравшиеся в положении лучше, чем прежние вожди. Среди них выдвинулось двое: один бывший католический ксендз, двоюродный брат Хун Сюцюаня, ставший гражданским организатором, другой, носивший звание Чжун-вана (князя верности), талантливый военачальник. Эти люди заново реорганизовали армию, придали ей стройный вид, обучили ее, добыли оружие и т. д. и провели новые реформы гражданского характера. Решено было нанести Цин'ам окончательный удар.

Война 1857—60 годов и вмешательство капиталистических держав.

Тем временем началась новая китайско-английская война, к которой потом примкнули и французы. Как эта война началась, при каких обстоятельствах — обо всем этом достаточно написано на русском языке и повторять все это не стоит; в конце концов, не все ли равно, на какую именно про-

вокацию пустились люди, которые давно уже задумали довести до конца недоведенное в Нанкине.

Ведь в 1857 году был промышленный кризис, рынок нужно было расширить, а расширить его в Китае можно было путем открытия дополнительных портов, т.-е. северных, главным образом, Тяньцзиня, а затем по Янцзы. Можно ли было довольствоваться одними только портами юга, когда «каждый лишний вершок китайской одежды означал поддержание манчестерской промышленности на целый год»! (это не наше мнение). Можно ли было не воспользоваться таким великолепным случаем, как разделение Китая на враждующие лагери, из которых ни тот ни другой не могут победить! Можно ли было ждать, пока тайпины организуются окончательно и создадут армию, которая будет единой армией единого Китая!?

Подвернулся случай с задержанием китайскими властями в Кантоне китайской шаланды, ходившей под английским флагом (право на пользование которым у нее, нужно сказать, истекло). Англичане раздули этот пустяковый инцидент в большое дело и начали войну. Франция, для которой Китай, как экспортер фарфора и готового шелка, был опасным конкурентом и которая желала видеть в нем экспортера шелка-сырца, тоже вмешалась. Ей, к тому же, нужно было обеспечить захват Индо-Китая. Остальное шло, как в этих случаях у «цивилизованных наций» идет везде. За оскорбление флага — бомбардировка. После бомбардировки — высадка. А далее, как принято, — стремление вести переговоры. Переговоры желательно вести в Пекине. Путь к Пекину закрыт фортами в Таку. 20 мая 1858 г. их бомбардируют и 28 июня подписывают мир, по которому должны быть открыты порты на Янцзы, уплачена контрибуция и начаты детальные переговоры в Пекине. Затем перерыв, новые придирки, новые нападения на форты, штурм, высадка, поход на Пекин (7 октября 1860 г.) и новые повышенные требования.

К этому времени армия тайпинов была окончательно реорганизована и начала военные действия. Маньчжуры против 350 тысяч тайпинских бойцов имели 450 тысяч. И тем не менее, все их попытки разбить повстанцев кончились крахом. Затем уже тайпины перешли в наступление и начали занимать город за городом на побережьи. Теперь их армия была достаточно боеспособна. Было ясно, что если тайпинам никто и ничто не помешает, то они с прогнившей цин'ской монархией покончат.

Вот тогда-то и вмешались так долго и упорно терпевшие «непорядок» на Янцзы иностранцы. Из недавних врагов маньчжурского «варварства» они вдруг превращаются в его друзей, они дают ему орудия, ружья, военных инструкторов, помогают ему активно своим флотом, передают ему своих лучших офицеров, в том числе «героя» колонизаторства Гордона, провоцируют, нападают, лгут — наглейшим образом лгут в печати, чтобы опорочить тайпинов, выдумывают сказки о внезапном, якобы, просветлении маньчжурских сановных умов, бросают в корзину для мусора показания тех из своих же дипломатических агентов, которые недостаточно подлы, чтобы назвать борцов за свободу разбойниками, создают в Европе соответствующее общественное мнение и в конце концов берут руководство делом разгрома тайпинов в собственные руки.

И, несмотря на все это, тайпинам еще целых три года удается сдерживать натиск как знаменитой «вечно побеждающей армии» Гордона, так и маньчжур. Одновременно они борются и на противоположном конце своей территории и борются успешно. Дело ясное — у них, очевидно, создалась армия, которая может стать опасной для «цивилизованных наций».

Тогда помощь маньчжурам усиливается.

Гордон, только-что разыгравший комедию благородного негодования жестокостями маньчжур и ушедший было в отставку, опять приходит на помощь палаческой армии Цин'ов, и в конце концов, в июле 1864 года, Нанкин после героической (это не преувеличение) обороны берется штурмом.

Что было после, об этом свидетельствует вид нынешнего Нанкина. Вообразите себе обширное пространство, обнесенное стенами. Внутри бесконечные пустыри. А среди пустырей в одном углу стен приютился остаток прежнего огромного города, центра обширной ремесленной промышленности, шелковой, бумаготкацкой и т. д.

Что сталось с населением Нанкина, не трудно догадаться. И в нем и в других городах казнили не тысячами, а десятками тысяч. Не щадили ни детей, ни стариков, ни больных. Крамолу вырывали с корнем — «до десятого поколения». Военного организатора, знаменитого Чжун-вана, после его допроса, на котором он «так поразил судей своим благородством, что ему предложили было просить помилования, отчего он отказался» (Ли Юнбин), присудили к «медленной смерти». Его разрезали живым на куски.

Англичане своего добились. Хлопчатобумажная (ремесленная) промышленность лучших частей Китая была разрушена. Правда, погибло, говорят, до 20 миллионов китайцев, но зато дверь для английских товаров открылась шире. Тем временем и шанхайская таможня «благодаря случаю» попала в английские руки. Французы тоже выиграли, ибо знаменитые центры фарфоровой индустрии лежали в развалинах. Вывоз готового шелка прекратился. Усиленно стал вывозиться нужный французам сырец. А ко всему тому пекинское правительство стало верным холопом империалистов. Ведь его же спасли от неминучей гибели! Должно же было оно отблагодарить барина!

Таковы были результаты помощи цивилизованных народов.

Последние тайпины и новые потрясения.

Взятие Нанкина можно рассматривать как заключительный аккорд тайпинского восстания, как такового. Но не все тайпины погибли. Некоторым из них удалось с большим трудом прорваться через кольцо врагов. В октябре того же 1864 года они подходят к Амою, так часто являвшемуся в прошлом базой непокорных, и берут его. Но в Амое, одном из пяти открытых по Нанкинскому договору портов, настроение было не в их пользу. Город подожжен. Множество людей погибает в огне. Тайпины уходят. Мало-по-малу ряды их растут и скоро у них опять появляется 50-тысячная армия, которая грозит то одному, то другому городу. Они овладевают Чжаочжоу в Фуцзяни. Но англичане опять на сцене. 16 мая 1865 года соединенный англо-китайский отряд выступает из Амоя и заставляет защитников Чжаочжоу отойти в глубь страны, в Цзянси, на соединение с другим тайпинским корпусом. Тем временем в Чжаочжоу идет обычная резня, и, как обычно, англичане выражают свое благородное негодование и... умывают руки.

Тем временем на Хуанхэ, т.-е. в Северном Китае, вспыхивает новое самостоятельное движение няньфэй'ев, стихийное, неорганизованное, но огромное. По некоторым данным, няньфэ'ев собралось 300 тысяч человек. Оставшиеся тайпины идут частью на соединение с ними, частью на юг. Им еще несколько раз удается разбивать маньчжур. Но мало-по-малу армия тайпинов исчезает в массе новых повстанцев севера, и о тайпинском движении, как о таковом, говорить уже не приходится. Историки любят говорить по этому поводу, что вот-де тайпины превратились в обыкновенных вульгарных грабителей. На самом деле тут было не «превращение в гра-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

бителей», а было неизбежное кормление за счет населения тех мест, в которых переставала кормиться императорская администрация. Систематический грабеж, производимый господами, называется, как известно, налоговой политикой, а установление повинностей в пользу повстанцев, да еще установление их на короткий срок — грабежом.

Что касается ушедших на юг, то они оказались в конце концов в Тонкине, т.-е. к югу от границы Китая, и в 1873 г. явились основным кадром борцов за независимость этой страны против Франции. Это так называемые «Черные Флаги». Благодаря им, Тонкин сумел сохранить независимость еще десять лет.

Одновременно с заключительной стадией борьбы тайпинов и няньфэй (их окончательно разбили в 1868 г.) происходило восстание мусульман. Оно началось в 1862 году и растянулось на столько же почти лет, на сколько тайпинское. Это восстание охватило северо-западные провинции Шэньси и Ганьсу и распространилось на китайскую колонию — на Синьцзян, т.-е. на Или и Кашгарию (Вост. Туркестан). В пределах Собственно-Китая с этим восстанием было покончено в 1873 году, в Туркестане же оно продолжалось еще четыре года.

Другие мусульмане восстали в Юньнани, где в 1867 году основали продержавшийся несколько лет султанат Сулеймана, попытавшийся было добиться своего официального признания державами, но не успевший в этом, т. к. в 1873 году был разгромлен императорскими войсками. Территория султаната занимала столицу и значительную часть пространства существовавшего до монгольского нашествия (XIII в.) государства Наньчжао.

Одновременно почти происходило восстание инородцев мяоцзы в Юньнани и Гуанси.

Итак, в 1873 г. последние крупные восстания в пределах Китая были сломлены, но оставалось не ликвидированным восстание вне Собственно-Китая, в Туркестане. Лишь в 1877 г., после напряженной борьбы, Цин'ская династия сумела кое-как справиться и с ним. По существу, впрочем, это была внешняя война (одновременная с русско-турецкой). Нужно отдать справедливость цин'ским войскам, их поход 1875—77 годов против повстанцев Восточного Туркестана был чем-то совершенно исключительным по трудности и по проявленному ими героизму. Но ради чего он проявлялся? В результате победы Восточный Туркестан превратился в одно из самых отвратительных мест в мире. Китайский торговый капитал доказал

там, что национальные и расовые отличия даже в слабой степени не отражаются на характере политики капиталистов. Режим, установленный китайцами на усмиренной окраине, оказался точной копией режима, установленного голландцами на Яве. Но как ни сильна была эксплоатация китайцами населения окраины, она вряд ли могла компенсировать их за тот огромный ущерб, который был нанесен длительным перерывом торговых связей между коренным Китаем и его колониями.

Следующий 1878 год был опять несчастным для Китая. В тот год там произошел сильнейший голод, унесший до 13 миллионов жизней.

Через два года Цин'ская династия опять втянула страну в новую разорительную войну. Согласившись на просьбу аннамского короля, временно оставленного в покое французами, — просьбу усмирить поднявшихся против него повстанцев, Китай послал в Тонкин войска, но не отозвал их оттуда после окончания восстания.

В 1882 году французы, главные силы которых в 1874 году ушли из Тонкина, вернулись обратно и опять были побиты «Черными Флагами», бывшими тайпинами, на этот раз уже невольными союзниками цин'ских войск. В 1883 году французы пришли с новыми силами и, не объявляя войны, изменнически напали на отряд китайских войск и уничтожили лучшие силы своих главных врагов — «Черные Флаги». Китайцы все же еще раз разбили французов и обратили их в постыдное бегство. Оказывается, что китайская армия даже в момент наивысшего падения своей страны все еще могла драться, если она не была разделена на враждующие лагери.

Тогда французы, побитые на суше, бросились на Китай с моря. Конечно, их современные суда сумели справиться с фучжоускими фортами и разгромить слывшие под именем китайского флота вооруженные шаланды. Но когда французы попытались высадиться на сушу — это было в Северной Формозе, — они опять были побиты. Тем не менее, Китай, уже уступивший французам в 1871 году после инцидента в Тяньцзине, где толпа, возмущенная наглым поведением иностранцев, перебила с десяток их, главным образом, французов, уступил и на этот раз, как уступал в эти годы и всем остальным — России, захватившей Или, Англии — которая захватила Бирму окончательно, и даже жалкой Португалии, фактической колонии англичан (в 1887 году Китай признал Макао, юридически бывший в течение 350 лет арендованной территорией, полной собственностью португальского коро-

левства. Очевидно, это было не без поддержки англичан, обычно очень ревностно относящихся к «престижу белой расы»).

Все эти уступки, имя которым легион, потребовали бы целой большой главы, даже если бы мы вздумали их просто перечислить. Интересующиеся ими найдут соответствующий материал в многочисленных книгах других авторов[1]). Мы же ограничимся здесь общей характеристикой.

Каждой уступке предшествовал какой-нибудь инцидент, иногда вызванный провокацией, реже возникший «самопроизвольно», но всегда раздутый до невероятия. Затем предъявлялись требования, ставились условия и произносились угрозы. Когда же Китай уступал, то приходили представители других держав и заявляли: так как мы имеем права наибольшего благоприятствования, то извольте дать и нам те права, которые вы дали только-что такому-то государству. Требование, конечно, выполнялось, и на свет дипломатический появлялась серия новых соглашений — по числу «цивилизованных наций» (Япония была тогда еще нецивилизованной).

Затем цивилизованные поджидали нового инцидента.

А если он, паче чаяния, заставлял себя ждать слишком долго, то пускали в ход свойственные цивилизации капитализма средства. Когда соответствующий эффект получался и желанный инцидент происходил, описанное проделывалось сначала. Книга Коростовца, бывшего российского посланника в Пекине, расскажет об этом подробнее. Этот превосходительный господин, умевший подходить к китайским вопросам с истинно-барским, великолепным презрением, даст, пожалуй, более убедительную картину цивилизованной подлости, чем можем дать мы. Ибо мы ведь «тенденциозны»...

Книгу его превосходительства мы рекомендуем горячо. Столько в ней этакой свежести! столько безоблачной ясности мысли! Прочтя ее, читатель лучше поймет, отчего восторженные и наивные, как дети, тайпины, так искренно приветствовавшие «заморских братьев во Христе» и так много ждавшие от них, выделили впоследствии ячейку (в Хунани), все устремление которой сводилось лишь к одному — к уничтожению «красноволосых чертей». Прочтя творение Коростовца, читатель поймет, почему китайцы, никогда не отличавшиеся нетерпимостью — да, никогда, товарищ читатель: по-

[1]) См. «Новейшая история стран Дальнего Востока» проф. Н. В. Кюнера.

ра забыть гнойную ложь, распущенную международной дрянью! — могли проникнуться такой бешеной, такой неизбывной ненавистью к «просветителям».

Прочтите Шпильмана, человека объективного, познакомьтесь с тем, что этот современник тайпинов писал о последних годах их сопротивления — и вы поймете, что другим языком нельзя писать об этих самых «заморских братьях».

Ибо такого чудовищного преступления, какое совершалось тогда на берегах Янцзы, не совершалось, вероятно, никогда в истории человечества!

Маньчжуры, истребившие ойратов в Джунгарии, были мальчишками и щенками по сравнению с шайкой Гордона и Ли Хунчжана!

И появление на китайской сцене боксеров было более чем естественно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXXVIII.

Экономические и социальные последствия бурных годов.

(1850—73).

Ухань, Нанкин, Цзюцзян, Сиань (древний Чан'ань), Гуйлинь (в северной части Гуанси), Сучжоу (в Цзянсу) и Ханчжоу — все эти города с давних времен являлись крупнейшими центрами торговли. О Сучжоу, например, имеются данные, как о значительном торговом узле, уже с VI века до нашей эры (см. Паркера); о Ханчжоу Марко Поло говорил в XIII в. н. э., как о городе, где имеются два с лишним миллиона одних мастеров и подмастерьев; о торговле по Янцзы Марко Поло приводит такие же огромные цифры. Если допустить даже, что знаменитый путешественник преувеличил в обоих случаях в десять раз, то и тогда придется сказать, что Ханчжоу имел в его время больше жителей, чем любой из тогдашних городов любой страны Европы, и что размеры речной торговли по количеству грузов уступали современным лишь в 1½ раза. И это, повторяем, при допущении, что М. Поло преувеличил не в два, не в три, а в десять раз. Но это еще вовсе не доказано, что он преувеличил; по крайней мере, другие путешественники (например, миссионеры в XVII в.) подтверждали его сведения. Протяжение городских стен и ряд других фактов тоже говорят за обширность старых китайских торговых и ремесленных центров.

И вот все перечисленные здесь города, а, кроме них, ряд других, не упомянутых здесь, испытали все ужасы гражданской войны и были разорены. Мало того, в течение, по крайней мере, 15 лет торговый обмен через них если и происходил, то лишь в местном масштабе. Это значило, что юг Китая жил своей обособленной хозяйственной жизнью, север — тоже, центр — тоже; запад же был оторван от востока в течение не менее 10 лет, а отдельные части его, Юньнань, например, и того больше.

Собрание В. Г. Белинского http://dugward.ru/

Один уже разрыв связей в Ухане стоил для Китая столько же, сколько бы стоил тогдашней России перерыв связей в Московском дорожном узле.

Это еще не все. Волна восстаний и усмирений разрушила не только центры обмена, но и центры массового производства и притом не только на юге, но и на севере. Так, разрушение коснулось, например, главного города Шаньси Тайюаня.

Таким образом, всекитайский рынок был разрушен. Когда же серия восстаний и усмирений закончилась, то порванные связи не могли быть восстановлены в прежнем виде, не могли хотя бы уже потому, что важнейшие порты и притом не только на побережьи, но и на Янцзы, оказались в руках иностранных захватчиков; а эти захватчики к тому времени уже успели добиться от маньчжурской власти таких привилегий, которые сделали провоз от «открытых портов» до внутренних торговых пунктов менее дорогим, чем провоз на одинаковое расстояние китайских продуктов, идущих из одной части внутреннего Китая в другую ее часть.

Ясное дело, что при таких условиях каждая отдельная часть Китая связывалась прочнее с тем или иным контролируемым иностранцами портом, чем с другими частями Китая.

Разрыв торговых связей по внутренним линиям, таким образом, закреплялся надолго. А к чему это вело? Вело это, само собой разумеется, к тому, что китайский рынок переставал быть единым рынком, а превращался в сумму отдельных местных рынков. А это в свою очередь предопределяло уничтожение связей между представителями одних и тех же классов в империи. А уничтожение связей между членами одних и тех же классов — скажем конкретнее: между представителями торгового капитала — вело к тому, что империя должна была рано или поздно рухнуть. Ибо не может существовать власть, которая ни на какой класс не опирается, а опирается только на бюрократию.

Если и можно отчасти согласиться с Канторовичем, выдвинувшим теорию о бюрократии, как о «господствующем классе» в Китае (см. «Новый Восток», № 15), то это лишь постольку, поскольку речь идет о послетайпинском периоде истории. Бюрократия действительно была тогда единственной опорой трона. Но уже одно то, что так называемая «революция 1911 года» была больше похожа на военное восстание (пронунциаменто в испанском стиле), чем на революцию, доказывает, что бюрократия была не классом, а лишь каррикатурой на класс; в лучшем случае она была подобием

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

деревянной подпорки под готовым свалиться зданием, да еще гнилой подпорки.

Громадная Китайская империя выросла на базе развитой внутренней торговли, выросла на основе национального рынка. Когда же этот национальный рынок развалился, то неизбежным стал и развал империи. Поскольку же развал сопровождался внедрением иностранцев, постольку предпосылки для превращения Китая в вооруженный лагерь, в простую сумму фактически независимых владений, главы которых связались с той или иной державой и превращались порой в их орудия, был неизбежен.

Появившийся после 1911 г. китайский дуцзюнат (правление милитаристов) был, таким образом, неизбежным явлением. Это было похоже на восстановление феодализма. Но на деле это был квази-феодализм, ибо характернейшей чертой его было чрезвычайно быстрое накопление, совершавшееся самими же милитаристами, становившимися вследствие этого своим же собственным отрицанием.

В следующих главах мы остановимся на всем этом подробнее, здесь же приведем некоторые данные, характеризующие состояние внутренней торговли Китая, что крайне необходимо. Это необходимо потому, что есть не мало людей, которые склонны отрицать существование в дотайпинском Китае национального рынка и утверждать, что каждая провинция всегда жила своей обособленной хозяйственной жизнью.

Итак, вопрос ставится о том, существовал ли в Китае национальный рынок?

Конечно, исчерпывающе ответить на такой вопрос можно лишь в многотомном труде, снабженном многочисленным справочным материалом, но указать важнейшее и построить на этом важнейшем рабочую гипотезу можно и в пределах такой небольшой работы, как эта. Наша рабочая гипотеза и выводы из нее состоят в том, что национальный рынок, быть может, и не так крепко сколоченный, как в какой-нибудь европейской стране, с одну-две китайские провинции величиной, — был, что на основе этого рынка существовала империя, что эта империя была политическим выражением интересов торгового капитала, представленного землевладением и торговлей, которые в Китае были обычно сращены персонально в одних и тех же лицах, и что бюрократия была для этого самого торгового капитала родной дочкой и его исполнительным органом.

Что же касается фактов, на которых мы построили эту гипотезу, то мы преподносим их на суд читателя в том виде, в каком они имеются в «Описании Китайской империи» Матусовского, изданном в 80-ых годах, т.-е. тогда, когда всекитайский рынок уже испытывал роковой удар. Мы нарочно выбираем русское издание, чтобы сомневающиеся могли проверить, и мы стараемся избегать комментариев.

Начнем с Цзянсу. Крупнейшим торгово-промышленным центром во времена процветания Китая там был Нанкин (теперь, конечно, Шанхай); он производил на весь Китай и для заграницы атласные материалы, нанку и некоторые другие товары. Близкий от него город Янчжоу (на Великом канале) был торговым центром, который еще при Юань'ях отличался, по словам М. Поло, «многолюдством и величественностью». Сунцзян, к юго-западу от Шанхая, тоже изготовлял материи, главным образом, на вывоз в дальние провинции и за границу.

Аньхуй, г. Хуйчжоу, на юге, производил особенно ценную тушь, которая расходилась по всему Китаю. Фын'ян торговал сельскохозяйственными продуктами, которые переправлял на север Китая.

Цзянси — производила вывоз хлопка, чая, индиго, сахара, хлопчатобумажных и пеньковых тканей и т. д. А кроме того — фарфоровых изделий, изготовлением которых было в 40-ых годах занято (по Ришару) $^1/_{20}$ — $^1/_{30}$ часть населения провинции. Рис составлял довольно значительный предмет вывоза на дальний север Собственно-Китая и в города по Янцзы.

Хэнань — привозила железо из Шаньси и переотправляла его в Сычуань, вывозила хлопок в Сычуань и Хубэй — на юг и в Шаньси — на север. Кормила своим хлебом Шаньси, производила ножевой товар, который расходился по всей империи.

Шаньси — ввозила продукты земледелия, вывозила уголь, железо, ножевой товар и соль. Изготовляла бумагу при помощи водяных двигателей и вывозила ее. Горное дело было важнейшим источником доходов. Шаньсийские купцы встречались по всей империи, в том числе и на самых далеких окраинах Монголии. Они славились и как банкиры. Город Тайгу был центром фирм, имевших отделения вне Шаньси — во всем Собственно-Китае, в Монголии, Тибете и Туркестане.

Провинция Шаньдун — вывозила стеклянные изделия во все части империи. Внутри провинции имелись крупные сосредоточения хлебной торговли. Порт Чжифу выво-

СОЦНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

зил в другие части Китая свыше 4 миллионов пудов разных грузов.

Чжили — «Невыгодные условия для земледельческой промышленности, а главное — чрезмерная густота населения, — пишет Матусовский, — всегда ставили Чжили в экономическую зависимость от Среднего и Южного Китая». Мы можем прибавить, что подобная зависимость была уже в эпоху Сун'ской династии и что еще при Юань'ской династии был ремонтирован в целях снабжения Чжили хлебом Великий канал (длиной, как от Риги до Одессы). Район г. Юнпина жил почти целиком торговлей скотом и лесом, а хлеб выписывал с юга. Г. Чжэндин продавал во все другие провинции лекарственные травы; г. Шуньдэ торговал оселковым камнем и рыбой.

Фуцзянь — отпускала, помимо таких товаров, как шелк, лак, соль, чай и т. д., лес, т. е. очень громоздкий товар, и он шел далеко на север; сахарного песку один только порт Дагоу отпускал около $3\frac{1}{2}$ миллионов пудов.

Чжэцзян — торговала всевозможными изделиями: канатами, цыновками, веерами, лакированными вещами — шелковыми, бамбуковыми и т. д. Чжэцзянская бумага расходилась по всему Китаю. В провинции много каналов, плитчатых набережных, мощеных дорог и т. д. Два города имели свыше полумиллиона жителей.

Хунань — вывозила много риса на север, в Чжили главным образом. Доставляла рис и в соседние провинции. Г. Сянтан, сосредоточение торговли, имел, по Рихтгофену, свыше миллиона жителей, а ближайшая Чанша свыше 300 тысяч.

Хубэй — в ней Ухань, важнейший торговый узел Китая. Жителей в нем, по мнению большинства, около 2 миллионов.

В провинции Гуандун — Кантон был центром производства самых разнообразных товаров и отпускал в другие провинции даже такой громоздкий товар, как тяжелая мебель. Фошань снабжал весь Китай парусиной. Торговля углем тоже распространялась на сравнительно большую площадь. То же можно сказать о мраморе. Что же касается легких и дорогих товаров, то они, разумеется, шли далеко.

Но перейдем к тем провинциям, которые лежат на западе и рассматриваются как типичные в смысле слабой связанности с далекими рынками. Таковы Юньнань, Шэньси, Ганьсу и Гуйчжоу. Такова и Гуанси. Но нужно помнить, что их население составляет не более $^1/_{10}$ населения всего Китая. Сюда присоединяют еще Сычуань. Но, во-первых, она вовсе

СОЦИАЛИЗМ Бельгия http://booksfan.ru/

не так уж оторвана от остального Китая, для которого она была и осталась поставщицей воска, растительных масел, соли и ревеня (составлявшего значительный предмет вывоза и за границу) и покупательницей хлопка, во-вторых, служила путем для торговли с Тибетом, а раньше и с Индией, а, в третьих, она настолько велика, что если бы она даже не имела торговых связей с остальными провинциями, а имела одну только развитую внутреннюю торговлю, то масштаб был бы все-таки «национальный». Ведь, Сычуань по размерам близка к Франции.

Что же касается четырех названных перед ней, то вот данные из Матусовского.

Ганьсу вывозила лес, медь, изделия из дерева и немного риса.

Гуйчжоу — ртуть, лес (в Гуандун), железо и медь.

Юньнань отпускала в другие провинции (но не за границу) около ½ миллиона пудов меди и отчасти другие металлы, главным образом, олово. Главный город провинции Юньнань — Юньнаньфу имел перед мусульманским восстанием 100 тысяч жителей (потом 50 тысяч). В нем были крупные мастерские, изготовлявшие на вывоз ковры, войлок и металлические изделия. Ввозились же в Юньнань хлопчатобумажные и шелковые ткани из Сычуани, хлопок из Хубэя, затем воск, сушеная рыба и другие товары. Среди вывозившихся из Юньнани товаров были особые местные сорта чая, расходившиеся по всему Китаю.

Шэньси вывозила в Хэнань хлеб и поддерживала обширную торговлю с Монголией, Тибетом и Сычуанью [1]).

Что касается Гуанси, то по рекам в ней лежат местности, связанные торговлей с Кантоном, но в стороне от рек, где сообщения очень трудны, условия транспортирования крайне неблагоприятны. И что же? — там, если верить Ришару, можно натолкнуться на отношения, типичные для феодализма.

Суммируя данные, разбросанные в книге Матусовского, мы увидим, что важнейшими товарами межпровинциального

[1]) Тракт Утингуань, идущий по ущельям и высоким перевалам Цзунлина от Сиань (бывшей Чан'ань, древней столицы) на реку Ханьцзян и оттуда на Чэнду (в Сычуани), построен еще в III веке до н. э. и улучшен при династии Мин (1368—1644). Через Сиань проходил шелк из Чжэцзяна, сахар из Сычуани, чай из Хубэй и Хунань и прочее и направлялись через Ганьсу в Восточный Туркестан и Тибет, а оттуда шли в Сиань ревень, мускус, лекарственные растения, опиум, шерсть, меха и т. д. Рихтгофен определял население этого города в целый миллион (стена, квадратом охватывающая его, имеет 20 верст длиной, но вне стены имеются еще многолюдные, имеющие собственные стены, предместья).

обмена были следующие: рис, рыба, пшеница, хлопок, лес, скот, железо, олово, ртуть, соль, кожи, сода, ткани, сахар, чай, стальные и железные изделия, посуда, канаты, проволока, иголки, инструменты, бумага, тушь и другие; короче говоря, не только предметы роскоши, не только те предметы, в которых нуждались верхушки общества, не только предметы потребления, но и то, без чего не могла развиваться хозяйственная жизнь провинций, не имевших соответствующих производств.

Можно ли говорить в таком случае об отсутствии всекитайского рынка? Он был, и он был к тому же теснейшим образом связан с тибетским, монгольским и туркестанским, т.-е. с $^1/_{14}$ сухопутной поверхностью земного шара.

Но здесь необходимо внести некоторую поправку. Дело в том, что гористый, малодоступный характер некоторых районов, даже таких, например, как расположенных в западной части Хубэя, т.-е. вблизи Уханя, «китайской Москвы», сделал их сообщение с внешним миром очень трудным. Матусовский описывает один из таких хубэйских городов, как типичный средневековый центр местного рынка, грязный, малолюдный (4 тыс. ж.), скученный и унылый. Островки таких замкнутых районов, где много сохранилось от давно изжитой стари, были, да и сейчас есть, в Юньнани, в Ганьсу, в Шэньси, есть и в Шаньси, в Гуанси и Гуйчжоу. Но характерны они для той части Китая, где живет не более четверти его жителей.

Приведенные здесь данные, взятые у Матусовского и основанные, повидимому, на сведениях, относящихся частью к уже послетайпинскому времени, рисуют все же картину довольно развитой внутренней торговли. Что в 30—40-ых годах она была, несомненно, оживленнее, об этом свидетельствует очень многое. Начать с того, что лейтмотив, проходящий через описание городов у Матусовского (у Ришара тоже) — упадок непортовых городов, потеря ими прежнего значения, уменьшение числа их жителей, сокращение их торговых оборотов. Наряду с этим сообщается о росте оборотов портовых городов (это у Ришара, писавшего в 1908 году, — не у Матусовского). Заглухание старинных дорог, построенных еще при прежних династиях, вплоть до Хань'ской, резкое ухудшение состояния каналов, упадок старых ремесленных центров и т. д. и т. п. — все это говорит о том же.

В какой же степени обнаружился распад внутренних торговых связей и насколько это было использовано иностранцами.

СОНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В нашем распоряжении в данное время нет достаточного цифрового материала относительно этого. Но вообще он имеется, имеется, как кажется, исключительно на китайском языке. Для наших целей достаточно, впрочем, будет привести данные о Формозе и Хайнане, на которых до 1860 года не было открытых портов и которые снабжались, следовательно, исключительно китайскими товарами или же иностранными, но прошедшими через китайские материковые порты. В 80-ых же годах (1882—86) китайских товаров ввозилось на Формозу на сумму от 333 до 536 тысяч рублей, а европейских от 2,3 миллиона до 2.966.000 рублей. В Хайнане такая же вещь: китайских товаров в 1886 году ввезено на 0,45 млн. рублей, иностранных же на 3,1 млн. рублей — в семь раз больше. Картина не нуждается в пояснениях.

Позже, когда иностранцы начали строить в Китае железные дороги, стремление оторвать части Китая от остального Китая и привязать их к своим торгово-стратегическим базам было вполне сознательным. Юньнаньская железная дорога, построенная французами, и ветвь французской железной дороги к границе Гуанси являются в этом отношении классическими примерами.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

VII. После тайпинов

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XXXIX.

Последние полвека.

О Китае послетайпинского времени написано у нас множество книг; в частности о последнем тридцатилетии имеется солидный труд проф. Кюнера, к которому мы и отсылаем всех интересующихся новейшей историей Китая. Многочисленные статьи Ивина, Ходорова, Радека, Павловича, Виленского, Войтинского, Семенова, Попова-Татива и других, вышедшие частью отдельно, частью напечатанные в журналах и газетах, осветят детали. Поэтому здесь нет смысла подробно останавливаться на уже рассказанном другими; достаточно будет зарисовать общую картину политической жизни Китая, дав попутно тот экономический и международный фон, на котором они разыгрывались.

Но прежде чем рассматривать отдельные стороны сложной картины последнего пятидесятилетия, полезно будет в целях ориентирования в ней разобраться в хронологической последовательности событий.

Рассматриваемое полустолетие можно разделить на отдельные короткие периоды, во многом отличавшиеся один от другого.

Первый охватывает время между концом тайпинского восстания (1865 г.) или от окончания других восстаний в пределах Собственно-Китая (1873 г.) до 1894 года, когда началась китае-японская война. Его особенности — всеобщая подавленность, застой и ничтожные по результатам бессвязные попытки обновления страны — во внутренней жизни и империалистические нажимы, еще не приводившие, однако, к захвату китайских земель — во внешней политике. Инциденты с Японией, приведшие к захвату последней спорных островов Рюкю, война с Францией, недоразумения с Англией из-за бирмано-китайской границы и с Россией — из-за границы в Туркестане, насильственное возвращение Китаем отпавшего было Восточного Туркестана — вот главные события этого времени. За эти годы Китай порастерял всех своих вас-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

салов, кроме лишь тех, которыми он управлял фактически. Никаких серьезных признаков восстановления хозяйственного единства, разрушенного в предшествовавшие бурные годы, не было. Это было время, когда термины «спящий», «неподвижный» и т. п., пожалуй, и впрямь подходили Китаю.

Второй период гораздо короче и гораздо богаче событиями. Он начинается в 1894 году, когда Япония начала с Китаем несчастную для него войну, и кончается 1905 г., когда Япония воевала с Россией. Это было время народных волнений и оформления революционных групп, время империалистических захватов частей Китая и выкраивания из него так называемых «сфер влияния», «сфер интересов», и «арендных» областей. Это было временем наибольшего унижения Китая, временем наинаглейших вымогательств. Кличка «сонный» и т. д. уже не совсем соответствовала действительности. Китай уже тянулся к переменам, потребность в реформах ощущалась не только в эксплоатируемых низах, но и в правивших верхах. Но характерной была стихийность, бесплановость: стихийным было восстание боксеров в 1900 году, безрезультатна была попытка реформ сверху. Но были и плюсы. Такими плюсами было появление значительного количества людей, получивших современное образование, и постройка железных дорог, как-никак все-таки суливших преодоление того хозяйственного распада, о котором достаточно говорилось выше. Но политический распад продолжался. Важнейшими фактами этого периода являются японо-китайская война 1894—95 г.г., империалистические захваты 1897—99 г.г., боксерское восстание 1900 года и русско-японская война 1904—5 г.г.

Начинается третий период.

С 1905 по 1914 год разложение политическое продолжалось. Кое-какие реформы сверху, скорее, впрочем, лишь обещание их, ускорение постройки железных дорог, создание современного типа армий — все это уже не могло спасти потерявшую классовую опору монархию. В 1911 году она пала и сменилась диктатурой Юань Шикая, наперсника покойной императрицы, который и отменил все мнимые завоевания мнимой революции. Но инерция политического распада сделала диктатуру Юань Шикая невозможной. Бывшая империя Цин'ов продолжала дробиться и рассыпаться; появились самостоятельные генералы.

Во внешней политике это время характеризуется более мирным по внешности нажимом извне: Китай не делят, а только навязывают ему займы, концессии и т. д. Наиболее актив-

ны в этот период не дипломаты и не солдаты империалистов, а банкиры. «Суверенитет Китая уважается». Но что касается так называемых «внешних земель» — Маньчжурии, Тибета и Монголии, то они фактически теряются для Китая.

Четвертый период начинается с мировой войны.

С 1914 по 1922 год Китай переживает период несомненного подъема. Китай индустриализируется, и тем самым создаются действительные предпосылки политического единства. Но единства все еще нет в этот период. Китай — вооруженный лагерь, где похожие на древних феодалов, сражающиеся друг с другом генералы выступают в качестве первоначальных накопителей. Тем временем под влиянием внешних событий, в частности вымогательств Японии, изменнического поведения держав, якобы, «союзников» Китая в войне с Германией, а также в связи с русской революцией, стремительно растет национальное чувство. На борьбу с империализмом выступает передовая интеллигенция; организуется в 1919 году в гигантском масштабе бойкот японских товаров; а с 1920-го, в особенности с 1922-го года, выступают на арену борьбы рабочие массы.

1924, 1925, 1926 и 1927 годы являются уже революционными годами, когда несходные во многом противоречивые интересы разных классов обнаруживаются отчетливо и когда вопрос о будущей власти ставится ребром. Перечислять события этого короткого, но чреватого грандиозными возможностями периода невозможно здесь, ибо они громоздились друг на друга, сменяли друг друга с громадной быстротой и не давали времени хорошенько осознать их. Ибо это была буря.

В 1926 году началась настоящая революционная война.

Китай вплотную подошел к историческому рубежу.

Вернемся теперь к первому из намеченных здесь периодов.

XL.

Попытка раздела Китая.

В восьмидесятых годах Китай до известной степени оправдывал свою кличку «неподвижного». Со всеми протестами народных масс, поскольку они пытались найти внешнее выражение, было покончено. Иностранцы были требовательны, и уступки на эти требования уже не вносили чего-нибудь существенно нового. Захваты империалистов в это время происходили за счет бывших вассалов Китая, все равно и так уже потерянных для него. Даже война с Францией в 1883—85 годах не явилась в этом отношении исключением. Но ухудшение положения Китая продолжалось. Из года в год его торговый баланс ухудшался. Его импорт в 1865 году оценивался в 61 млн. лан и экспорт в 60 миллионов; в 1890 же году экспорт был доведен только до 87 млн., тогда как импорт оценивался в 127 миллионов — почти в полтора раза больше. Правда, это был исключительный год. Но в 90-ых годах неблагоприятный баланс в 30—40 миллионов лан стал правилом, а в 1896 году дошел уже до 70 миллионов (202 и 131 млн. лан). Темп роста китайской торговли все это время был значительно меньше, чем в большинстве других стран. Но если сравнить тоннаж судов за разные годы, то картина получится иная. Отчего? Да просто потому, что вывоз Китая все больше и больше становился сырьевым. Что же касается ввоза, то роль хлопчатобумажных товаров, когда-то предмета вывоза из Китая за границу, а не наоборот, росла все больше. Количество ввозимого опиума достигло колоссальных размеров, а потом остановилось на одной точке; но это только потому, что Китай сам стал сеять мак. Это означало сокращение посевной площади под хлеб. А сокращение производства хлеба означало рост нищеты, голодовок и необходимость ввозить хлеб из-за границы.

Вывоз чая не рос; китайский чай быстро вытеснялся на европейском рынке плантационным цейлонским, а в Америке

японским. «Китайский фарфор» изготовлялся теперь во Франции, в Германии и в Японии. Китайские центры производства его так уже и не оправились после тайпинского восстания, сахар из экспортного продукта превратился в импортный. В шелководстве Япония быстро нагоняла Китай и впоследствии оставила его позади. Так было и со всеми другими специально китайскими производствами. Народное хозяйство Китая хирело все больше и больше. Только в одном отношении Китай был в сравнительно благополучном положении: у него не было заметной задолженности за границей.

Тем временем незаметно и неярко, под боком у Китая, вырастал новый враг, враг более опасный, чем Франция и многие другие. Это была Япония. В тот самый год, когда Китай с огромным трудом восстанавливал свое господство в Восточном Туркестане (1877 г.), в Японии произошло последнее крупное восстание противников «европеизации» (т. е. господства буржуазии), а когда Китай вел войну с Францией (1884), произошло и вообще последнее вооруженное выступление недовольных. Тот кризис, который Китай переживал с такими ужасающими муками, с такими реками крови, Японии обошелся сравнительно дешево. Такой непрерывности вооруженной борьбы, как в Китае, в Японии не было, были только разрозненные выступления, а участников их было мало. В целом в Японии господствовал мир, к тому же не было опиума и не было такой острой заинтересованности иностранцев в захвате ее земель. В 1884 году Япония, остававшаяся еще почти вполне аграрной страной, была, однако же, в состоянии начать свою индустриализацию, сначала, правда, очень медленную по темпу. Но так или иначе Япония шла вперед. В Китае же дело шло к ухудшению. И Япония в короткий срок сумела стать поставщицей того, что перед тем монопольно поставлял на мировой рынок Китай [1]).

Но самое главное — Япония сплачивалась в одно хозяйственное целое. Китай же, начиная с первых годов тайпинского восстания, распадался на отдельные районы, из кото-

[1]) Между прочим, совершенно неверно, будто Япония была на Востоке единственной в своем роде. «Европеизация» одновременно с Японией началась и в Сиаме (с 1868 года). Но это не помешало Франции и Англии отрывать у него кусок за куском. А еще раньше Японии «европеизировались» Гаваи. Но там не было и полумиллиона жителей, и потому американцы проглотили их (после чего гавайцы с необычайной быстротой стали вымирать). Филиппины европеизированы вполне уже 400 лет тому назад. Однако, американцы не хотят оставлять их своими заботами. Счастье Японии было в том, что она обзавелась сразу армией.

рых каждый сам по себе связывался с мировым рынком. Япония шла от феодального раздробления к единству. Китай — от единства к распаду. Японцы становились нацией, Китай — суммой уездов, губерний и провинций, над которыми сидели чиновники-грабители. «Маленькая» Япония становилась политически больше, чем «громадная империя» Середины. И когда они столкнулись, то успех для Японии был обеспечен.

Ко всем плюсам Японии присоединился еще один важный плюс. Это — благоприятная международная ситуация — соперничество держав на материке. С 1864 года Россия двинулась на Туркестан. В 1881 г. она была уже хозяйкой Туркмении и Мерва. Индия была совсем близко. Берлинский конгресс, правда, задержал российский напор на юг, но великодержавные планы России не исчезли. А в 1891 году Россия приступом к постройке Сибирской жел. дороги показала, что она и на Дальнем Востоке желает утвердиться прочнее. Сибирская железная дорога, противовес Суэцкому пути, уничтожала монопольное значение Англии. А за Россией стояли ведь еще банкиры Франции. Было ясно, что Франко-Россия хочет оспаривать положение Англии на Дальнем Востоке, угрожая в то же время и в направлении Индии. Англии был нужен союзник. Таким союзником могла быть по условиям момента только Япония. И вот уже в начале 90-ых годов Англия начинает искать дружбы Японии. Англия уже тогда готова была поступиться и неравными договорами и многим другим. Но Япония этим не удовлетворялась. Она хотела Корею, где в 1884—87 годах Англия пыталась было создать свою базу, но ушла, как-будто бы, только из-за протестов России. Нет, дело было тут не только в протестах России [1]).

[1]) Стремление России обосноваться у выходов из Японского моря обнаружилось очень давно. Едва заложив Владивосток (1860 г.), она высадила в 1861 г. на стерегущих Корейский пролив японских по населению островах Цусима десант. Англичане добились, однако, ухода русских. В 1885 г. Россия сделала новую попытку продвинуться к югу занятием в Корее порта Лазарева. Англия ответила захватом порта Гамильтон на одном из южных островов Кореи (близ большого острова Квельпарта), но скоро его очистила. За десять лет перед тем Англия пыталась было занять Бонинские острова, тянущиеся от Токийского залива в направлении экватора, но отказалась от намеченного плана, когда туда поторопились явиться японцы, до тех пор пренебрегавшие этими островами. Теперь Бонины представляют собою первую линию японской обороны и обеспечивают исключительно благоприятное стратегическое положение Японии в западных водах Тихого океана.

Первая после Хидейоси (1592—98 г.г.) попытка Японии укрепиться в Корее относится к очень раннему времени ее европеизации, а именно к 1875 г. Сделана она была, если говорить о субъективных побуждениях, по причинам, ничего общего не имеющим с капиталистическим подходом. Но объективно это был акт раннего империализма. Провокация, инцидент, обстрел, ультиматум — все это Япония проделала, доказав тем самым, что она уже цивилизовалась. Больше того, она потребовала открытия страны для иностранной торговли вообще, не для одной только японской. После этого и другие члены цивилизованной семьи заторопились на запах жареного. Япония проделала в Корее точь-в-точь то же, что англичане проделали в 1839 году в Кантоне. Удельный вес Японии вырос, и очень скоро какой-то умник создал теорию об арийском происхождении японцев [1]).

Появление японцев в Корее, считавшейся вассалом Китая, встревожило китайское правительство. Оно начало противодействовать. Это было уже вторым японо-китайским конфликтом за последний период: первый был в 1873 г., когда японцы произвели нападение на Формозу. Тогда дело кончилось благополучно, если не считать потери Китаем права сюзеренитета над островами Рюкю, сюзеренитета, нужно сказать, весьма академического. Теперь дело было серьезнее. Имея у себя дома слишком много дела, Китай предпочел путь интриг. Результатом их было нападение корейских националистов на японское посольство в Сеуле в 1884 году. После этого и Китай и Япония договорились в Тяньцзине о непосылке в Корею войск. Но через 10 лет, в 1894 году, когда в Корее вспыхнуло восстание тонхаков («Восточного учения»), организации и по социальной сущности и по идеологии близкой к тайпинам (она возникла в 1857 г., т.-е. еще во время тайпинских успехов), Китай нарушил соглашение, отправив несколько сот солдат королю на помощь. Инцидент был, таким образом, налицо. Ведь, тяньцзинское соглашение 1884 года было нарушено!

Летом 1894 года японские солдаты идут в Сеул. Одновременно японский флот идет навстречу китайским войско-

[1]) Честь, в которой упорно отказывают жителям Полинезии, ибо они — удобный материал для колониальной эксплоатации. Отказали бы и индусам, если бы это не было слишком уж глупо. Но вот за лоло (см. примечание в предыдущей главе) честь принадлежать к арийской расе признают. Они могут пригодиться против непокорных китайцев. Такова «бесклассовая» наука!

вым транспортам и топит их, предоставляя солдатам тонуть [1]). Это было 23 июля 1894 г. 15 сентября японские войска столкнулись с китайскими под Пхён'яном в Корее и потеряли всего 350 человек, тогда как китайцы потеряли 2 тысячи одними убитыми (за 302 года перед тем японцы и китайцы встретились у того же города, но тогда разбиты были японцы). Затем, благодаря лучшей артиллерии и большей скорости, японцы наносят удар китайскому флоту, который едва-едва успевает скрыться в Порт-Артур. В октябре японская армия разделяется. Одна идет на Порт-Артур и берет его в один день, другая переходит через Ялу и гонит перед собой отступающих китайцев. К ней подходит портартурская армия, попутно избившая мирное население в Дайрене. Зима немного задерживает операции, но в конце концов японцам удается нанести под Нюйчжуанем (в Южной Маньчжурии) новый сильный удар китайцам и взять в Шаньдуне крепость Вэйхайвэй, где гибнет почти весь китайский флот, детище Ли Хунчжана [2]).

Это было концом кампании. Враг был в нескольких переходах от столицы. Цин'ам оставалось только признать себя побежденными и выслушать требования победителей.

17-го апреля 1895 года Ли Хунчжан подписал Симоносекский мир, по которому Китай обязался уступить в добавление к открытым раньше портам еще 4, в том числе два находящихся далеко в глубь материка на Янцзы, признать полную независимость Кореи, уступить Японии Формозу и Пескадоры, уступить Ляодун и уплатить Японии 200 миллионов лан.

Россия, которая сама хотела получить Ляодун, воспротивилась, Франция поддержала ее, Германия тоже, Япония получила 230 миллионов, вместо 200, но от Ляодуна должна была отказаться. Через два года, когда на китайской сцене появилась Германия и, придравшись к убийству каких-то там миссионеров, получила в аренду район Цзяочжоу с портом Циндао в Шаньдуне и право на постройку в этой про-

[1]) Транспорты шли под английским флагом. Конечно, никакого инцидента из-за этого не вышло. Не было поставлено в укор адмиралу Того и неспасение тонувших солдат. Его биографы этот факт замяли. Но что он очень любил воробышков и даже обходил их, чтобы не мешать им кушать — написали.

[2]) Этот флот был еще нов. Отчего он оказался технически хуже японского, нам неизвестно. Возможно, что Ли Хунчжан, этот «китайский Бисмарк», и тут заработал, как заработал он и на переговорах с Витте. Но данных утверждать это у нас нет.

винции железных дорог, Россия потребовала в награду за заступничество в отношении Ляодуна этот же Ляодун. Тогда Англия, «ради равновесия» на Востоке, «арендовала» Вэйхайвэй, а Франция, уж неизвестно почему именно, заняла Гуанчжоу-ван (на полуострове, вытянутом на юге по направлению к о. Хайнань). Италия тоже потребовала компенсаций, в целях равновесия, но китайское правительство на этот раз уже отказало.

Америка не приняла участия в дележке и даже обратилась (1899 г.) с циркулярной нотой к державам с предложением о поддержании в Китае «политики открытых дверей», что в переводе на обычный недипломатический язык означало следующее: Америка не протестует против захвата портов, но желает, чтобы захватившие их державы не делали там того, что уже сделала Америка с одновременно захваченными ею Филиппинами. Она, «спасая Филиппины от испанского насилия» (ее никто, между прочим, об этом не просил, к тому же филиппинцы к моменту прибытия американских спасителей уже и сами сбросили испанскую власть), завела там выгодные для себя тарифы. Европейцы же не должны были этого делать в захваченных одновременно частях Китая. Конечно, никто с этим советом особенно считаться не стал.

Но нота Гэя все же принесла Америке колоссальную пользу. Никто не обратил внимания на то, что ее захват, — захват Филиппин, — был самым крупным на Востоке, ведь она проглотила не порт, не кусочек земли, а целую страну в 297 тысяч квадратных километров, т.-е. почти равную Италии. Но китайцам было тогда не до чужих болей; они думали только о своей родной стране. И Америка была понята как единственная в мире благородная страна, которая заслуживает полного и безусловного доверия. Такая слава о ней поддерживалась до нашего времени. Держится в некоторых кругах и поныне.

Итак, если в 60—80-ых годах расхватывали земли соседей Китая, его бывших вассалов, то теперь дело шло уже о самом Китае. Каждый здравомыслящий человек понимал, что захват портов, связанный с правом постройки от них в глубь страны железных дорог, есть начало разделения всей страны. Это заставило встрепенуться придушенную страну. Голоса протеста зазвучали опять. Мертвенное оцепенение, продолжавшееся столько долгих мучительных лет, исчезло. Мало-по-малу начало нарастать то движение, которое должно было скинуть династию, уничтожить монархию и в конце кон-

цов выйти на широкую дорогу перерастающей национальные рамки революции.

Но прежде чем это случилось, Китаю пришлось перенести еще одно испытание, еще один набег интернациональных погромщиков.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XLI.

Сто дней.

Сначала напомним рассказанное раньше.

Почти весь XVIII век был отмечен процветанием Цин'ской империи. Накопившиеся противоречия обнаружились лишь к 1795 году, когда произошло первое сильное антидинастическое восстание, возглавленное обществом Белой Лилии или, если быть точным, учения Белого Ненюфара, по-китайски — Байлянь-цзяо. Цин'ы оказались, однако, достаточно сильны, чтобы справиться и с ним и с рядом других движений, возникших после.

Это была первая волна.

За ней пришла другая, гораздо более мощная — восстание тайпинов, няньфэй и дунган (1850—1877). К этому времени назревшие противоречия были уже настолько сильны, а гниение цин'ского режима зашло так далеко, что правительство оказалось не в состоянии удержать новую волну своими собственными силами; лишь помощь иностранцев, помощь всесторонняя, энергичная, упорная, спасла маньчжурскую династию. Но это было достигнуто ценою страшного принижения хозяйственного уровня Китая, ценою частичной гибели ряда производств, разрушения внутренних связей, превращения страны в экспортера малоценного сырья и гибели множества людей. Но принижение экономического уровня означало, конечно, и принижение уровня социального. Вместе с тем возникли и те элементы государственного распада, которые полностью проявились, однако, значительно позже — уже после падения династии, ставшей после 1860 года послушным орудием капиталистических государств.

70—80-ые годы были отмечены глубочайшей реакцией внутри и непрерывным ростом требовательности со стороны держав. В 90-ых же годах дерзость пришельцев достигла своей кульминационной точки. Дело шло уже не о приобретении прав и преимуществ, а о разделе империи между держа-

Собрание В. Г. Белинского
http://rvb.ru

вами, ибо что же, как не это, обозначала так называемая аренда портов, приобретение концессий на постройку железных дорог, открытие всех внутренних водных путей для иностранного пароходства, открытие все новых, новых и новых так называемых «договорных портов» и т. п.[1]).

Все это создавало чрезвычайно сложную картину переплетавшихся интересов, обострившихся и все обострявшихся противоречий, уже во многом несходных с теми, какие наблюдались перед тайпинским восстанием. Как и всегда, происходившие в Китае процессы протекали крайне противоречиво, но из всех противоречий одно выделялось наиболее отчетливо. Оно заключалось в том, что продолжавшийся распад страны на отдельные рынки, сопровождавшийся образованием сфер влияния империалистических держав, вызвал свое собственное отрицание в виде появления телеграфа, почты, железных дорог, зародыша текстильной индустрии (машинной), появления арсеналов, современных армий и флота, в развитии добывания угля[2]), увеличении ввоза и вывоза, появлении первого в истории Китая крупного, в 50 миллионов фунтов стерлингов, государственного долга, идейных влияниях заграницы и т. д. Все это в целом увеличивало рост эксплоатации, а этот рост эксплоатации сопровождался появлением иностранцев во всех уголках империи, в частности, появлением миссионеров, которые получили право повсеместного жительства в Китае по договору 1858 г.

Это создало совершенно новое явление в жизни Китая. До тайпинов китаец, живший вне договорных портов (а их было только пять), знал об иностранцах только понаслышке, а тут они появились почти везде и везде вели себя вызывающе. Каждый крестившийся негодяй был теперь под защитой миссионеров, а это значило — под косвенной защитой иностранных пушек. Нет нужды объяснять, к чему это вело и какое недовольство возбуждало. Но, с другой стороны, иностранцы, главным образом, миссионеры, явились для правительства Цин'ов весьма полезным громоотводом. Они были

---

[1]) Порт имеет в данном случае не только свое обычное значение; «порт» — это вообще всякое место, открытое для торговли и жительства иностранцев. Поселок при станции «Маньчжурия» — тоже порт, хотя там нет даже речки.

[2]) Пользуемся случаем, чтобы отметить, что, по данным Китайского Геологического Комитета, угольные богатства Китая не только не грандиозны, как думал Рихтгофен, а также Дрэйк и Иноуе, но, наоборот, очень ограничены. Геолком определяет угольные запасы Китая в 100 миллиардов тонн (наш Кузбасс один имеет до 240 миллиардов тонн).

для него тем же, чем евреи для царского правительства последних десятилетий его существования. Даже в тех случаях, когда миссионеры занимались полезными делами, например, распространением математических, естественно-научных и географических познаний [1]), они оставались все же иностранцами, представителями враждебной и вместе с тем таинственной Европы, так необычайно быстро овладевшей Китаем, до тех пор гордым своей древней культурой, своим могуществом. Этот внезапный перелом в судьбах Китая казался настоящим чудом, и обвинения в таинственных чарах, в ритуальных убийствах, в сознательном сеянии заразы и т. д. — все это легко было распространять в массах и тем самым отводить энергию ненависти от Цин'ов, бюрократов, помещиков и ростовщиков, и китайские эксплоататоры, естественно, поддерживали ненависть к пришельцам. Они поддерживали ее и в тех случаях, когда объектом ненависти был иностранец, занимавшийся нужным для Китая делом, например, переводом научных книг, преподаванием иностранных языков или распространением медицинских сведений. Вероятно, реакционные бюрократы полагали, что научные сведения, хотя бы и проникшие при посредстве патеров, превратятся в орудие, направленное против старого порядка. Ведь и Сунь Ятсен начал с полумиссионерской школы; тайпины тоже черпали свое вдохновение от христиан.

Наиболее умные из старых бюрократов, в том числе и сын одного из усмирителей тайпинов, рекомендовали рискнуть пойти навстречу опасности, повторив опыт Японии. Чжан Чжидун, автор вышедшей после 1895 года книги «Единственная надежда Китая», был другим видным сторонником реформы. Он занимал очень видный пост. Но правительство Японии, вышедшее из революции 1868 г., и «правительство усмирения», правительство, вышедшее из победы над повстанцами, — две вещи разные. Китайское правительство

[1]) Было бы совершенно неправильно представлять себе всех миссионеров, как каких-то заговорщиков. Сознательные агенты империализма не были среди них большинством. Многие искренно верили в то дело, которое они выполняли. В частности, о Сиккивейских иезуитах, много поработавших над изучением природы Китая и очень мало занимавшихся религиозной пропагандой, можно сказать много похвального. Сиккивей — это действительно научный центр. Но, конечно, дело не в субъективных переживаниях отцов и не в научной деятельности единиц. 2218 миссионеров в 1900 году и их объективная политическая роль — вот что важно для нас. В 1925 г. иностр. миссионеров было уже 6.636, а их китайских помощников 25.723; церквей было 16.314, миссионерских школ — 1.766, с 430 тысячами учащихся в них (по данным хр. союза мол. людей).

80-ых и 90-ых годов было так же мало способно провести серьезные реформы, как за 20—30 лет перед тем правительство японских сйогунов, которое тоже попыталось было кое-что сделать, но в конце концов наткнулось на сопротивление поддержавших его феодальных элементов. Дальше сформирования частей небольшого кадра новотипной армии, постройки флота, проведения телеграфа и тому подобных нововведений дело не пошло. И все это делалось с определенной целью: сделать возможным сохранение старых порядков (телеграф, например, появился в интересах борьбы с повстанцами).

Но нововведения были несовместимы со старыми порядками. Ярким доказательством этого является, например, нежелание китайских капиталистов вкладывать свои средства в строительство железных дорог. Давать деньги на предприятие, относительно ведения которого не было никакой отчетности, это значило бросать их на ветер. Правительство же ни на какой контроль не соглашалось и по самому существу своему согласиться не могло. Но жизнь требовала уступок. И вот в среде самих господствующих классов — помещиков, купцов и связанной с ними бюрократии — возникла после поражения 1895 г. борьба, принявшая под конец весьма ожесточенный характер.

Оба лагеря были по существу консервативны. Оба хотели сохранить власть за торговым капиталом и землевладением. Но тактика у них была разная. Те из представителей господствующего класса, которые имели привилегии сословного характера — а это были, главным образом, маньчжуры, — не желали никаких уступок, другие, специальных привилегий не имевшие, а являвшиеся членами господствующего класса лишь благодаря обладанию землей и капиталами, настаивали на реформах — эти были по преимуществу китайцы. Самыми видными были среди них Кан Ювэй и Лян Цичао, оба уроженца Гуандуна.

О том, каких именно реформ они хотели, об этом свидетельствуют темы писаний Кан Ювэя: он выдвинул, как образцы для подражания, реформы Петра I и японских деятелей 70-ых годов, которых можно упрекнуть в чем угодно, но уж только не в радикализме. Это были консерваторы с головы до ног — будущий маршал Ямагата, будущий князь Ито и все остальные, включая сюда ославленного в качестве радикала Окума, никогда дальше бисмарковских идеалов не шли. Такими же были и Кан Ювэй и Лян Цичао, оба монархисты, оба поклонники Конфуция, оба выходцы из господ-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

ствующего класса и оба противники своего современника Сунь Ятсена, выходца из мелкой буржуазии.

Это были китайские декабристы, в лучшем случае.

Борьба двух этих «цензовых» групп, привилегированной и непривилегированной, происходила одновременно с первыми проявлениями радикально-интеллигентского движения на юге, подробности которого читатель найдет в трудах Виленского («Сунь Ятсен, отец китайской революции»), Радека, Ивина, Ходорова, Павловича, проф. Кюнера, профессора Позднеева и многих других авторов и которыми поэтому нет смысла загромождать эту книгу, и с нарастанием движения в массах классово неопределившихся, массах пролетаризировавшихся, но еще не выделивших из себя пролетариат, часто просто босяческих, частью полуразбойничьих — движение, следовательно, слепое. Как эти разнородные течения переплелись одно с другим, будет сказано ниже: пока же вернемся к борьбе внутри господствующего класса.

Борьба двух цензовых групп происходила вне Пекина и в Пекине. Вне столицы она выражалась в печатании книг, — не антидинастических, не революционных, а мирно-обновленческих по идеям, — в организации обществ, в пропаганде среди эмигрантов и т. д., а в Пекине она сводилась в первое время к подаче императору петиций, сначала не доходивших до него, но затем выразилась в открытом столкновении. Но здесь необходимы некоторые предварительные пояснения.

Дело в том, что характер наследования престола, о котором говорить подробно здесь нет смысла, привел к такому положению, что уже со времен тайпинского восстания роль государя была сведена к нулю. Фактически верховная власть почти все время находилась в руках регентов или регентш, за которыми стояла клика наиболее непримиримых, ибо наиболее привилегированных. Лучшей выразительницей своих стремлений, чем вдовствующая императрица Цыси, они найти не могли, и вот уже с 1881 года она с перерывами оставалась у власти. Когда же она внешне отходила от нее, ее личное влияние, как одной из самых активных, умных и подлых в ее лагере, продолжало ощущаться.

Вся свора мандаринов, многому учившихся, но оказавшихся со своими уже ненужными знаниями у разбитого корыта, все обладатели переживших свою полезность правительственных постов, все боявшиеся конкуренции молодежи представители старины и, наконец, та часть военных, которая уже тогда понимала возможность половить рыбу в мутной воде, были с нею. Против нее были те, кто не стоял у вла-

сти. Не имея за собой реальной силы в виде войск и административной власти, эти противники клики императрицы, естественно, постарались сделать своим орудием законного императора, фактического пленника бюрократов, своей тетки и всей придворной камарильи. Его бытие фиктивного венценосца, но фактического узника, делало его и помимо его личных вкусов и симпатий типичным интеллигентом-оппозиционером.

С большим трудом Кан Ювэю и его сторонникам удалось в конце концов прорвать императорское окружение и на время превратиться в подобие правительства. Последовало «100 дней» реформ, — реформ бумажных, вряд ли делавшихся известными во всей империи. Реформаторы лихорадочно писали эдикты, император подписывал их один за другим. Тут было и уничтожение кучи ненужных должностей, была и отмена старого типа экзаменов, которые кормили реакционных начетчиков, было введение новых школ и нового способа обучения, была и реформа армии.

Реакционеры насторожились. Но однажды упустив из рук своего пленника, они не решались на открытый протест. Они только выжидали и уже, конечно, саботировали. Но императрица Цыси, успевшая убедиться, что армия будет с нею, рискнула. 22 сентября 1898 года она торжественно явилась из загородного дворца в Пекин, отправила нашалившего императора в изолированный дворец, откуда он уже не мог вредить, а всех его друзей, из которых только два названные здесь успели бежать, казнила. Пострадали и все другие, замешанные в этом единственном в своем роде «бунте императора».

Так закончился этот трагикомический стодневный инцидент, еще раз доказавший, что всякий самодержавный государь является орудием класса или, вернее, худшей части класса эксплоататоров.

Все мероприятия реформаторов, за исключением одного единственного, были тогда же отменены. Это единственное неотмененное было основание императорского университета.

Но на кого же могла опереться вернувшаяся к власти старуха и ее маньчжурская клика, после того как она пошла против интересов прогрессивной части общества. А опереться на кого-нибудь было необходимо, ибо страна волновалась и массы искали выхода из невыносимого положения. Была, правда, армия, был чиновничий аппарат, но кто же не знает, что на штыках долго не просидишь? К тому же, новая армия была слишком малочисленна, а старая никуда не годи-

лась. И династия вышла из положения, вышла ценою крови и новых страданий масс и нового закабаления их, но все же удержалась еще на 11 лет.

Она проделала удивительный эксперимент — она оперлась именно на те массы, от которых она могла ждать нового выступления в стиле тайпинов. Отвратив, таким образом, грозу от себя, она заодно расправилась и со всеми оказавшимися в пределах досягаемости идейными противниками. Вместе с тем и тем самым она сделала попытку свергнуть унижавшее ее иго иностранцев.

Эта сложная операция была произведена путем использования накопившейся ненависти к иностранцам. Произведен был в неслыханных раньше размерах колоссальный погром, сделано было то, чего нельзя было сделать во времена тайпинов, когда вся ненависть была направлена на династию и ее административную машину. Теперь же ненависть раздвоилась.

Кто были те, кого гнилой режим избрал своим оружием и вместе с тем жертвой, хорошо известно. Это были так называемые «боксеры», те люди, которые ненавидели и не могли не ненавидеть своих китайско-маньчжурских господ, но для которых, по условиям момента, еще более ненавистны были обнаглевшие, до конца распоясавшиеся, расхватывавшие и растаскивавшие отдельные куски Китая империалисты.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://booklib.by

XLII.

Боксеры.

Было бы слишком нелепо думать, чтобы правительство, давно потерявшее популярность, могло своими собственными силами поднять массы против иностранцев. Чтобы проделать подобную вещь, нужна была организация, которая бы не имела явных связей с властью, или еще лучше, которая имела бы славу защитницы интересов народа против вообще всяких угнетателей, в том числе и против династии.

Если бы в Китае не существовало тайных обществ, запрещенных, преследовавшихся, гонимых, их бы пришлось теперь выдумать, ибо именно они оказались теми организациями, в которых в данный момент нуждалась обанкротившаяся власть.

Итак, инструмент для Цин'ской реакции нашелся. Это были тайные общества, те самые тайные общества, которые писали на своих знаменах «долой Цин'ов». Больше того, это было одно из ответвлений уже известного читателю общества «Белой Лилии», за сто лет перед тем выступившего за восстановление Мин'ов.

Место не позволяет останавливаться на длинной истории китайских тайных обществ вообще и этого общества в частности, достаточно лишь будет сказать, что оно, как и все ему подобные, имело близкую связь с даосизмом, одной из двух религий Китая, которые, переплетаясь вместе и смешиваясь с элементами конфуцианства, образуют вместе так называемую народную религию Китая, такую же путаную, нелепую, полную всевозможных суеверий, как и западные православие и католицизм, но в отличие от них, презираемую верхушками общества. Можно почти уверенно говорить, что те группы, которые возглавляли и использовывали тайные общества, были далеки от веры в то, что внушалось членам-массовикам, т.-е. физическим исполнителям заданий общества. Но что связь с мистицизмом у тайных обществ была, это совершенно несомненно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Таинственное всегда импонирует, а на малокультурных, в массе безграмотных людей оно действует иногда со страшной силой. Когда впоследствии достаточно подготовленные, нафанатизированные жертвы провокации были брошены августейшими провокаторами на штыки иностранцев, они, как говорят, совершенно не считались с опасностью. Так сильна была их вера в могущество таинственных чар, якобы предохраняющих их от пуль и холодного оружия.

Представьте себе такую картину. Оживленный базар, где покупают, продают, торгуются, вообще занимаются своими обычными делами. Все, как вчера, как третьего дня, как всегда. Но это только по внешности. Слухи, слухи упорные, неизвестно откуда идущие, уже настроили всех на ожидание чего-то необычного. Все чего-то ждут, ждут такого, что должно сразу изменить неприглядное настоящее и создать нечто новое, хорошее.

В это время откуда ни возьмись появляются среди толпы какие-то странные дети. Они что-то выкрикивают и производят какие-то странные телодвижения. Их речь туманна и запутана, в ней нет логики, но в отдельных выкриках звучит что-то уже слышанное, что-то желанное. Детей окружают, расспрашивают.

— Кто научил вас этому?

— Никто. Но во сне явился к нам старец и сказал, что надо делать.

Затем они падают на землю и долго лежат без движения, не шевеля ни одним мускулом. Конечно, начинаются разговоры, предположения. Обычно находится старик, который с видом знатока истолковывает значение загадочных, несвойственных детям фраз и каждый раз оказывается, что их нужно понимать, как приказ к всеобщему восстанию против иностранцев.

Тем временем ползут все новые и новые слухи, все более и более необычные. То оказывается, будто открыты неведомые развалины неизвестного города, надписи на воротах которого предрекают перемены, то обнаруживается в столице древняя надпись, которая истолковывается знающими людьми, как предвещание страшных потрясений, то распространяется известие, будто в Европе, по указаниям слабых девочек, невидимо проносящихся над ее городами, погибли тысячи «иностранных чертей». И все это в условиях напряженной ненависти к все более и более наглеющим представителям «великих держав», — ненависти, далеко переросшей ненависть к властям и к собственным эксплоататорам.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Правительство делало вид, будто оно ничего не знает и не понимает. Закон, воспрещавший деятельность тайных обществ, оставался в силе. Членам их попрежнему приходилось устраивать свои собрания в заброшенных пустырях, далеко от глаз начальства. Но их деятельность все оживлялась. Особенно активны были кружки обучения мальчиков даоским телодвижениям, якобы, позволяющим душе оставлять бренную оболочку, возноситься в горние выси, беседовать там с богами и, возвращаясь оттуда, сообщать своему телу неуязвимость. Столь же деятельны были руководимые даоскими монахинями кружки девочек, которых учили «летать над вражескими городами и сеять в них смерть и разрушение». Внушение девочкам веры в свою мощь проделывалось так искусно, что они сами начинали верить в свои необычайные способности и воображали, будто на самом деле пролетали над Парижами и Лондонами. Это были кружки, название которых проф. Рудаков, автор работы о «боксерах», переводит словами «Внутреннее озарение при помощи философского камня», а буквальное значение которого — «свет красного фонаря» [1]).

Если прибавить сюда всевозможные другие фокусы, называемые спиритизмом, животным магнетизмом, телепатией, ясновидением и прочими научно звучащими терминами, когда их производят европейцы, и дикарскими выходками, когда за них принимаются «азиаты», то картина подготовки провокации будет полная.

Скоро всей этой чертовщиной увлеклись в некоторых местах чуть ли не все, в том числе добровольцы-стражники, солдаты и даже люди с некоторым образованием. Особенно сильно было это увлечение в Шаньдуне, где представитель высшей власти в провинции довольно откровенно проявлял свою симпатию к «И хэ цюань» — секте «кулака восстановления справедливости». В этой провинции, где находились две «арендованные» империалистами территории — Вэйхайвэй и Циндао, где имелись открытые порты, строилась железная дорога и разрабатывались копи, ненависть к иностранцам была особенно сильна, и администратор, сам маньчжур, уже не боялся, что энергия И хэ цюаня обратится против его сородичей.

Наконец, поведение губернатора обратило на себя внимание иностранцев, и правительство вынуждено было заменить его другим. Это был китаец Юань Шикай, впоследствии

[1]) См. Известия Восточного Института 1901 г.

игравший большую роль. Юань иначе взглянул на работу И хэ цюаня и решил искоренить его одним ударом. С этой целью он собрал в свой ямынь всех вожаков секты и, предложив им продемонстрировать перед огромной толпой свою «неуязвимость», на что они согласились, попросту расстрелял их. В конце концов он своего добился. Зато в Шаньси, где очутился бывший шаньдунский губернатор, и в Чжили деятельность И хэ цюаня, или, как их стали называть европейцы, «боксеров», стала развиваться страшно быстро [1]).

К этому времени правительство уже не скрывало своей «симпатии» к движению. Оно, наоборот, само принимало меры не только к поощрению, но и к насаждению его в тех местах, где его до тех пор не было. Наиболее ярким примером этого было косвенное понуждение к вступлению в ряды И хэ туаня (т.-е. в отряды «туань», созданные сектой И хэ цюаня) рабочих, строивших К. В. ж. д. На этот раз строителям поручалось разрушить построенное их же руками. Вообще документальные данные говорят за то, что в Маньчжурии, где население было в значительной части пришлое, И хэ туани насаждались сверху, а не возникали в массах независимо от власти. Правительство озаботилось даже о том, чтобы в тех местах, где формировались туани, обязательно появлялись учителя И хэ цюаня в качестве, что ли, духовников. Однако, оно ставило дело так, как-будто никакого отношения к их появлению в новом месте оно не имеет.

В мае 1900 года «боксеры» выступили открыто. Они разрушили участок строившейся к югу от Пекина железной дороги. Положение обострилось и в Пекине. Иностранные миссии сделали попытку обратиться за помощью к правительству Цыси, но правительство слишком уж было сильно вовлечено в дело боксеров, чтобы его участие не бросалось

[1]) Хитрость Юань Шикая не увенчалась полным успехом. Смерть демонстрировавших «неуязвимость» верующие объяснили тем, что погибшие допустили греховные мысли. Это же соображение было причиной и жестокого отношения боксеров к своим раненым товарищам: их не лечили, а упрекали и били. Насколько нелепая вера в безвредность неприятельского оружия сильна, видно из того, что недавно в Хубэе был повторен Юаньшикаевский опыт, но уже по настоянию самих его будущих жертв, на этот раз, впрочем, отделавшихся только ранами. Судя по этому случаю, по ряду случаев в Сычуани и по тому, что т. Ивин писал в № от 11 августа 1926 года в «Правде», традиции И хэ цюань или иначе «Большого кулака» существуют и поныне; по крайней мере, ивинские описания обычаев «Красных Пик» до деталей совпадают с имеющим 27-летнюю давность описанием обычаев «Больших кулаков» (см. работу проф. Рудакова).

в глаза. Оно играло ва-банк. Оно открыто назначало видных чиновников «сановниками И Хэ туаня», устраивало во всех северных провинциях алтари секты, снабжало заправил официальными печатями и, наконец, формально возглавило движение отцом вновь выбранного наследника, принцем Дуанем. Отступать было уже поздно.

Дипломатические миссии поняли это и начали думать об обеспечении своей безопасности собственными средствами. Они усилили охрану и вызвали с моря десантные отряды, образовавшие международный отряд под командой английского адмирала Сеймура. Но этому отряду так и не удалось дойти до столицы. Он столкнулся с боксерами, потом со ставшими открыто на сторону боксеров правительственными войсками и в конце концов отошел к окрестности Тяньцзиня, где и укрепился. Тем временем миссии в столице были осаждены, подвергнуты обстрелу, а не успевшие прибыть в миссию миссионеры, прочие европейцы и японцы, а также их слуги и туземцы-христиане были перебиты. Началось знаменитое «пекинское сидение».

Одновременно китайцы начали производить нападения на русских в Маньчжурии и в конце концов вздумали обстрелять находящийся на северном, т.-е. русском берегу город Благовещенск. Враждебные действия были предприняты и в направлении к морю от города Хуньчуня, находящегося у того места, где сходятся границы России, Кореи и Маньчжурии.

Так началась эта героическая, если говорить о физических участниках борьбы, но нелепая попытка изгнания из Китая империалистов, попытка, во многом сходная с задуманной сацумскими самураями за 40 с лишним лет перед тем в Японии. Разница была только в том, что элемента провокации в японской попытке не было, зато необдуманности, нелепости было чуть ли не еще гораздо больше, а шансов на успех, следовательно, еще гораздо меньше. Да и была она к тому же несравненно мельче. Вообще нужно отметить, события китайской истории в XIX веке внешне были всегда очень сходны с происшедшими до 1880-ых годов в Японии, но всегда они бывали гораздо крупнее, как крупнее Японии и сам Китай. Больше оказалась в Китае и продолжительность периода борьбы. Повторяем, речь идет о внешнем сходстве: о внутреннем же лишь отчасти. Революции в Китае и Японии — вещи слишком несоизмеримые.

Начавшаяся попытка свержения иноземного ига очень скоро окончилась. Подробности ее ликвидации хорошо из-

вестны и не раз описывались с разных точек зрения самыми разнообразными авторами, начиная с профессоров и кончая очевидцами-корреспондентами. Изложим лишь общую последовательность событий. Десанты восточно-азиатских эскадр держав 16 июня 1900 года взяли стоящие у устья реки форты Таку; через 10 дней эти десанты, подкрепленные русскими полками из Порт-Артура и японскими из Японии, дошли до Тяньцзиня; к 14 августа они добрались до Пекина. Затем началась вакханалия мщения, грабежа и всего того, что империалисты всегда проделывают в «нецивилизованных странах». Достаточно сказать, что даже сами империалистические апологеты вынуждены признавать, что в поведении армий «цивилизованных наций» было много такого, что заставляет краснеть.

И хэ туань'цев, конечно, за «регулярных врагов» не считали. Поэтому стоило кому-нибудь из них запустить традиционное тогда бритье головы и, таким образом, обнаружить существование вызванной ихэтуаньскими упражнениями плеши (она появлялась в результате неумеренных земных поклонов), чтобы его хватали, тащили на площадь и рубили голову. Когда же из-за океанов появились новые подкрепления с немецким генералом Вальдерзее во главе, то за отсутствием у них иного дела, они начали производить набеги в более отдаленные местности и тоже рубить, жечь, вешать и мучить.

Что касается Цыси и ее провокаторской банды, то они, конечно, своевременно удрали, предоставив расхлебывать заваренную ими кашу другим. Вернувшись через год, Цыси поторопилась заявить о своей, якобы, полной непричастности к провокации. Себя она спасла, но спасти своих ближайших свойственников и сотрудников не сумела. Державы, не удовлетворившие своей жажды кровью рядовых ихэтуаньцев, потребовали ради своего «престижа» и царской крови. Цыси, пожертвовавшая десятками тысяч жизней, спорить не стала. Державы были удовлетворены вполне.

Результатами восстания были: 450 миллионов «боксерской» контрибуции в пользу держав, постоянная военная оккупация полосы вдоль железной дороги от Пекина до Тяньцзиня и временная от Тяньцзиня до Шаньхайгуаня и дальше, такая реорганизация министерства иностранных дел, которая сделала его удобным орудием для нажима в дальнейшем, превращение пекинского дипломатического квартала в интернациональную крепость, — вооруженную, занятую постоянным иностранным гарнизоном и приспособленную для войны

с китайцами (и это, заметьте, в самом центре столицы!), и разные мелочи, унизительные для господствующего класса Китая и его династии, в роде посылки принцев с извинениями, воспрещения производства экзаменов и т. д

Это было достигнуто по «Протоколу» 1901 года. Кроме того, это уже помимо протокола, — русские войска заняли всю Маньчжурию, подняли русский флаг и начали вести себя, как в окончательно присоединенной стране; даже таможни стали заводить. Россия, очевидно, решила обосноваться прочно.

Много было отнято земель у Китая раньше, но это были либо земли вассалов, а не его непосредственные владения, либо отдельные пункты, теперь же фактически отрывалась громадная страна и притом та, которая была вотчиной династии, мало того, — страна, дважды в истории Китая служившая базой для завоевания Китая, один раз — всего, другой раз его половины.

Оккупация русскими Маньчжурии была лишней причиной потери династией последних следов былой (при Цянь Луне) популярности. Ее предательская, подло-трусливая роль в 1900 году дала ей возможность удержаться не надолго. Но она уходить не собиралась, и, как мы увидим дальше, сделала даже попытку пойти навстречу нуждам прогрессивной части общества, в частности, появившимся уже в зародыше технической интеллигенции и промышленной буржуазии. Повторяем, только в зародыше. Машинная индустрия делала в Китае только первые шаги. В сущности она возникла только в XX веке.

Теперь полезно будет остановиться, чтобы бросить взгляд на прошлое и попробовать оценить, что же представляли собою былые восстания трудящихся в Китае — восстания крестьян и городской бедноты.

Только-что описанное «боксерское» восстание не является среди них типичным. Во-первых, оно было небольшим по охваченной площади, во-вторых, оно было коротким, в третьих, оно было направлено не против внутренних порядков, а против иностранцев, в четвертых, наконец, правительство не только не боролось с ним, но, наоборот, использовывало его в своих собственных целях. Как мы уже выразились раньше, это восстание, не в обиду будь сказано, было в этом отношении сродни нашим российским погромам. Но, несмотря на эти своеобразия, оно по существу мало отличалось от других восстаний. Не сумей власть взять в руки руководство им и не будь иностранцев с их концессиями и наглой требовательно-

COVID http://bookzz.ru

стью, восстание бы все равно рано или поздно произошло и приняло бы антидинастический характер. Что же касается малых размеров охваченной территории, то нам кажется, что объяснения этому нужно искать опять-таки в ослаблении внутренних хозяйственных связей, т.-е. в том явлении, которое обнаружилось отчетливо уже во времена тайпинов. Так или иначе, на этот раз движение дальше северо-западного угла Китая не пошло. На Янцзы жизнь шла, как обычно; на юге движение было, но оно имело иной характер и было свободно от «погромного» элемента; что же касается Маньчжурии, то, как уже сказано, там чувствовалась рука провокатора слишком сильно, чтобы можно было говорить о народном движении, как о таковом.

Но что роднит и движение боксеров и все предыдущие, так это характерное отсутствие ясно осознанной цели, огромное влияние тайных обществ, мистицизм и иногда поддающееся обнаружению, а чаще трудно различимое присутствие направляющей руки.

Вспомните восстание против порядков Ван Мана при Хань'ской династии. Оно было по результатам дворянско-купеческим и было направлено против императора, задумавшего бунтовать против своего же класса. Но по составу физических участников оно было крестьянским. Восстание против Юань'ей, пытавшихся вначале опереться на крестьянство против помещиков, шло под руководством Белой Лилии. Оно было крестьянским. А кончилось победой кого угодно, только не крестьян. Восстание в конце XVIII века на Формозе шло определенно под руководством буржуазии. Но физическими исполнителями были крестьяне. А вдохновлялись они таинственной «Триадой». «Триада» же своею помощью подтолкнула тайпинов, но отступила, когда тайпины провозгласили свои лозунги потребительского коммунизма. А потом дело дошло до того, что те самые города, где «Триада» была сильна, открыто шли против тайпинов. В боксерстве мы опять наталкиваемся на руководительство извне. Даже в тех данных, которые имеются относительно современных нам Красных Пик, есть, как кажется, намеки на руководство со стороны буржуазных элементов [1]).

Все это, конечно, не случайность.

Китай — страна, в которой, в силу раннего развития единодержавия, гильдии, цехи и землячества не сумели достигнуть узаконенного многочисленными грамотами то баро-

[1]) См. «Правду» 11 августа 1926 года, ст. Ивина.

нов, то королей, то церкви легальных прав. Они всегда создавались явочным порядком и в порядке явочном же продолжали существовать. Конечно, тайными, в полном смысле этого слова, они не были, но таинственность всегда была выражена в их жизни ярче, чем в соответствующих организациях Европы. Поэтому и политическими орудиями их борьбы явились не парламенты, не газетные кампании, а тайные политические общества, своего рода масонские ложи. При наличии единовластия, распространяющегося на обширные территории, и при отсутствии большого количества войск в стране, физическими исполнителями заданий этих обществ могли быть только те массы крестьянства, которые всегда испытывали гнет. Конкретно этот гнет олицетворялся фигурой чиновника, при более широком масштабе движения — губернатора, при еще большем — династией.

Восстание, конечно, не происходило по данному в такой-то день и в такой-то час сигналу. Оно возникало, когда положение становилось нестерпимым. Но раз оно уже возникло, то расширение его, поскольку в соседних районах условия были в общем такие же, могло быть чрезвычайно быстрым. Довольно было зажечь массы достаточно сильно действующим лозунгом. И лозунг бросался. Массы шли на приступ, если нужно было — свергали династию, а затем рассеивались, теряли связь друг с другом и превращались в «людскую пыль». А тем временем расцветала новая династия. И заметьте, — почти все цари-зачинатели династий были удивительно милыми людьми. А все последыши, за редким исключением, гады. В чем же дело? Не в том ли, что господствующие классы находили в лице своих новых ставленников послушное себе орудие? [1]).

[1]) Таковы те соображения, которые возникли у нас в связи с изучением вопроса о крестьянских восстаниях в Китае. К глубочайшему сожалению, у нас не было той статьи, которая к тому времени появилась в «Новом Востоке», а именно статьи тов. Ивина, работавшего в этом направлении специально. Таким образом, нам не известны его выводы. Тем не менее мы рекомендуем ее, не прочитав, тем читателям, которые живут не на Восточной окраине, до которой книжные новинки о Востоке доходят не ранее, чем достигнув 2—3 летнего возраста, а еще чаще не доходят вовсе.

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XLIII.

Последние годы маньчжурской власти.

В то самое время, когда гуандунцы Кан Ювэй и Лян Цичао, сами консерваторы, вели борьбу с непримиримыми реакционерами, другие гуандунцы с Сунь Ятсеном во главе (по-северному: Сунь Исянь. Его звали также Сунь Вэнь), представители мелкой буржуазии, выступали против Цин'ской власти с оружием в руках. Не случайно в обоих случаях начинателями оказались жители Гуандуна, не случайно было и такое расхождение в методах борьбы. Провинция Гуандун имела длинную историю торговли, экономически была передовой, классовая диференциация в ней была выражена по тому времени ярко, а противоположность между прежними условиями и новыми ощущалась острее, чем где бы то ни было. В частности, этому способствовало медленное, но неуклонное передвижение центра внешней торговли Китая с юга в бассейн Янцзы, — из Кантона в Шанхай. Между прочим, это передвижение обусловило впоследствии разделение политически активных групп Гуандуна на сторонников провинциальной ограниченности и на тех, кто лозунгу «Гуандун для гуандунцев» противопоставил идею общекитайского объединения.

Первые признаки нового революционного подъема наметились в Гуандуне уже в 80-ых годах, т.-е. к тому времени, когда остатки тайпинов сражались в Тонкине с французскими грабителями. В 1895 году, когда японские победы над Цин'ами ослабили престиж династии, революционеры делали уже приготовления к вооруженному выступлению, но заговор их был открыт заблаговременно. В 1900 году, когда на севере происходило боксерское восстание, южные революционеры осуществили первое вооруженное выступление и хотя потерпели поражение, но создали зато условия, необходимые для мобилизации вокруг своего знамени значительных сил. Она происходила не только в Гуандуне, не только в соседних с ним провинциях, но и за границей, где в на-

Сканирование В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

чале 900-ых годов появилось, помимо старых эмигрантов, множество студентов, которых отправляли учиться все провинции. В 1905 году в одной Японии насчитывалось 13 тысяч китайцев учащихся. Таким образом, за границей образовались те недосягаемые для агентов Цин'ского правительства трибуны, с которых революционное слово достигало любой части Китая. Это было посерьезнее закончившихся так печально лояльных попыток Кан Ювэя и его друзей.

Пекинское правительство понимало, что одних репрессивных мер, на которые оно, само собой разумеется, не скупилось, недостаточно, чтобы справиться с движением. И оно пошло на реформы. Нечего доказывать, что эти реформы были половинчатыми в лучшем случае, мнимыми в большинстве с рассчитанными на укрепление колеблющегося трона. Часть обещанных мероприятий осталась в виде неоплаченных векселей; серьезно же проводились только те, которые, как казалось, могли усилить династию. Это была реорганизация армии, создание отвечающей новым условиям школы, во главе угла которой были поставлены «лояльность, конфуцианство, любовь к родине и воспитание военного духа», улучшение средств сообщений и реорганизация центральных учреждений по типу европейских министерств (до тех пор было двоевластие в каждом из них). Ряд чисто декларативных эдиктов, вроде запрещения бинтования ног, воспрещение опиекурения, отмена старого типа экзаменов и т. д. тоже были рассчитаны на создание атмосферы симпатии к династии. Эдикты о введении единой монетной системы, о пересмотре законов и т. д. имели тот же смысл; издав их, правительство получило бумажное заверение двух держав в их готовности отказаться от экстерриториальности и это могло быть использовано, как политический капитал на внутреннем рынке: монархия делала вид, будто она серьезно захотела быть вождем национального движения, ставшего особенно заметным после поражения, нанесенного азиатской Японией европейской стране — России. К этому как-раз времени и относится большая часть эдиктов. Чтобы подчеркнуть, якобы, добровольный характер реформ, императрица Цыси в своем первом эдикте отметила, что предпринимаемые ею шаги ничего общего не имеют с прежними попытками Кан Ювэя, который клеймился в том же эдикте, как смутьян и виновник всех постигших Китай бедствий. Мы уже говорили раньше, что та же особа отреклась от всякой связи с боксерством и с легким сердцем предала всех своих друзей, даже самых близких.

К числу мероприятий 1905 года относилась и посылка сановных туристов для «изучения конституций», а 1 сентября 1906 года правительство декларировало свою готовность «добровольно даровать конституцию», но только не сразу, а после необходимой «для неподготовленных к ней китайцев» выучки. Политическими школами первой ступени на этом, рассчитанном на одно десятилетие, пути должны были стать провинциальные собрания, куда могли попадать только чиновники да нотабли, и где они могли не решать, а только советовать. Школой второй ступени было национальное собрание из назначенцев. Вот такого-то рода «органы народного представительства», да закон об уравнении в правах маньчжур и китайцев, да еще законы горный, торговый и другие, и должны были, по мысли горе-реформистов, послужить средствами восстановления связи монархии с имущими классами. Что касается масс, то, после опыта боксерского использования, о них и не думали. Очевидно, считали, что для них хватит полиции и палачей.

Чистым балансом периода реформ было значительное увеличение школ, появление множества людей, получивших кое-какое образование за границей, прокладка значительного числа, по сравнению с прошлым, километров железных дорог (около 3 тысяч километров, не считая маньчжурских и уже существовавших ранее), национализация почт и телеграфов и создание стотысячной армии при 500 с лишним полевых орудиях. Что касается промышленности, то она в это время, как уже сказано раньше, развивалась слабо.

Реформаторские потуги не спасли династию от гибели и не могли ее спасти. Они не могли ее спасти хотя бы уже потому, что в стране не было материальных средств для действительного проведения намеченных реформ. Не было «основного капитала», которым можно было бы маневрировать. А между тем появилась новая крупная расходная статья — выплачивание боксерской контрибуции. Положение было очень трудное. Увеличить прямое обложение оказалось невозможным, так как провинции и без того имели общий дефицит в 3½ миллиона лан, а косвенное обложение вызывало протесты и сулило новые осложнения. Обложение, конечно, разными способами все-таки увеличили, но провинции, автономные в финансовых делах, не довозили собранных излишков до столицы. Займы становились вследствие этого необходимостью, а займы уничтожали возможность для правительства играть роль руководителя национального движения. Отсутствие средств у центра делало, между про-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.urale.ru/

чим, невозможным и задачу создания армии, как опоры трона. Формирование частей приходилось относить за счет провинций, что уже само по себе было залогом того, что результат будет как-раз обратный ожидавшемуся. Даже стотысячное основное ядро оказалось под контролем правительства лишь отчасти; на севере было только 60 тысяч при 350 орудиях, 40 же тысяч при 174 орудиях — были на юге и подвергались влиянию революционной пропаганды.

Неудачна была и попытка увеличить число европейски-образованных людей. Они учились слишком мало, чтобы чему-нибудь хорошенько выучиться, а если и выучивались кое-как, то, возвращаясь домой, оказывались в самом скверном положении, ибо низкий экономический уровень страны делал их и их приобретенные за границей познания ненужными (это явление наблюдается отчасти и теперь; в особенности это касается агрономов). Не удалось пристроиться даже тем 60 человекам, которые выдержали дополнительные испытания в Пекине, весьма торжественно устроенные. Получилась уродливая картина: численность технической интеллигенции росла не по дням, а по часам, но вся она оказывалась в рядах безработного интеллигентского пролетариата или в роли нахлебников у своих папаш.

В результате значительная часть их, за неимением лучшего, выбирала офицерскую службу в провинциальных армейских формированиях.

Распропагандированные за границей, озлобленные неудачей, они не могли быть опорой для Цин'ов. В 1911 году они легко изменили им и пошли под белый флаг революции (он не был красного цвета). Но они оказались плохой опорой и для революции. Связанные через отцов с купечеством и землевладением, существовавшим в условиях преобладания местного рынка над общекитайским и заграничного над внутренним, они были самым подходящим материалом для превращения в будущие дуцзюни и дуцзюневские помощники. Возмужавшие и изменившие навсегда юношеским идеалам, они не в малом количестве встречаются теперь в рядах участников генеральских войн.

Буржуазия не верила реформам и игнорировала их. Она отказывалась приобретать правительственные облигации, с оглядкой пользовалась даже теми преимуществами, которые ей давались, и, как и раньше, организовывалась по признаку происхождения из одной и той же местности. Провинциализм попрежнему был характерной ее чертой, и Цин'ские попытки централизации власти вызывали порой ее откры-

тую враждебность. Такой факт, как бойкот американцев в Шанхае за преследование в Америке кантонцев и фуцзяньцев, еще рассматривался тогда как нечто весьма прогрессивное: как же, — в Шанхае — и вдруг интересуются положением кантонцев. Это было ново, необычайно.

Между тем, движение на юге не прекращалось. В 1907 г. было новое вооруженное выступление в Чжэцзяне и других местах. Среди вождей его была даже женщина, знаменитая Цю Цзинь [1]). Готовились новые выступления. Среди участников ее были даже крупные чиновники. Революционная ситуация оставалась. Выступления были и в Цзянсу. А тут прибавился новый фактор — поднятие революционной волны по всему Востоку. Влияние русской революции 1905 года сказывалось тоже. Единственным плюсом для династии было то, что ее не тревожили извне. Больше того, Америка, которая уже начала тогда свою политику залезания в души, в 1908 г. отправила свой флот с дружественным визитом в Амой и тогда же сделала свой великодушный жест — отказалась от своей части боксерской контрибуции.

В том же 1908 году умерла Цыси, игравшая такую видную роль в течение без малого 30 лет, — умерла при довольно странных условиях. За день до нее умер тот, который, несмотря на долголетнее заточение, все еще числился императором. Это было 14 ноября. Императрица-тетка еще успела наинтриговать и устроить на престол очередного младенца, чтобы опять стать регентшей, но 15-го неожиданно скончалась сама.

С ее смертью все переменилось при дворе. Ее советника Юань Шикая выгнали, остальных видных китайцев — тоже. Реформы превратили в издевку. А в конце-концов новые хозяева Пекина дошли до такой наглости, что составили кабинет министров исключительно из маньчжур, да притом еще из великих князей. Пекинский двор превратился в контору, где направо и налево продавались за деньги чины, звания и должности, где заключались займы у иностранных банкиров и тратились потом неизвестно куда и на что. Верховной властью была теперь кучка молодых великих князей («молокососов», как их звали), творивших именем императора-младенца всевозможные безобразия. Дело шло уже не о реформах и даже не о сохранении династии, а просто о скорейшем и максимальном обогащении кучки маньчжурских безобраз-

[1]) О ней см. «Новый Восток», № 2, ст. проф. Позднеева.

ников, точно предчувствовавших, что им осталось недолго царствовать.

Как это ни странно, им удалось продержаться после Цыси еще три года.

В течение этих трех лет в провинциях уже действовали провинциальные представительные органы и заседало в Пекине национальное собрание. Впрочем, членам последнего рекомендовалось говорить не слишком много. Это была пародия, — пародия даже не на парламент, а на то, чем бы стала Булыгинская Дума, если бы она собралась.

Тем временем на юге произошло еще несколько вооруженных выступлений [1]).

---

[1]) О них см. Виленского — Сун Ят-сен — отец китайской революции, главу — «Как подготовлялась китайская революция», и проф. Кюнера.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

Чжан Чжи-дун, китайский сановник, представивший первый доклад о настоятельной необходимости реформ.

Император-арестант Гуань Сюй.

Императрица Цы-Си.

Деятели 1911 года.

Полковник Ли Юань-хун (впоследствии президент).

Юань Ши-кай.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://b...uraic.ru/

XLIV.

Свержение династии.

(1911—1912 г.г.).

Либеральная личина, которой обзавелась царственная провокаторша Цыси, не обманула ни революционеров, ни антидинастическую буржуазию. Кажется, один только почтенный историк Ли Юнбин поверил в ее искренность, как поверил он и в величие ее друга и помощника Юань Шикая. Революционное движение нарастало при ней все время. Когда же своей смертью она очистила место для великокняжеской банды, так торопившейся запастись про черный день капиталами, картина гниения монархии была ясна каждому. Созыв провинциальных и национального собрания ничего не изменил в этом отношении. Революционные выступления на юге продолжались. Покушения на отдельных администраторов повторялись. Буржуазная эмиграция, еще в 90-ых годах относившаяся весьма неодобрительно к Сунь Ятсену и его идеям, жертвовала теперь деньги на революцию.

1911 год, год максимального обнагления принцев, отмечен был рядом террористических выступлений со стороны революционеров и заговорами их. Но ничего такого, что бы предвещало близкую перемену, еще не было. Взрыв был, однако, ускорен самим правительством, которое вздумало было проводить свою политику — «национализации железных дорог». Конкретно это означало, что правительство, или точнее — клика сиятельных тунеядцев, желавших получить в свое бесконтрольное распоряжение заем у англо-германо-франко-американского финансового консорциума, лишило частную Китайскую Компанию полученного ею права на постройку железной дороги из Ханькоу в Сычуань. В свое оправдание правительство привело необходимость скорейшего начатия работы и якобы медленность сбора средств. Этим мероприятием правительство вовлекало пайщиков в 3.000.000-ый убыток и затрагивало интересы очень многих,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.ural.ru/

ибо выпущенные компанией мелкие боны были очень широко распространены среди населения Сычуани. Но правительство упорствовало, и оно дождалось — сначала демонстраций протеста в Сычуани, потом бойкота, неуплаты налогов, закрытия лавок и, наконец, открытого восстания, приведшего к осаде главного города Сычуани — Чэнду, города с полумиллионным населением.

Но Сычуань связана рекой Янцзы с рядом других провинций, густо заселенных и на тогдашний китайский масштаб экономически развитых. Во всех этих провинциях сычуаньские повстанцы встречали сочувствие. Обнаружение списков заговорщиков в одном из домов в Ханькоу и опасения арестов были тем толчком, который заставил поднять восстание и причастных к революционному движению офицеров и солдат артиллерийских и саперных частей Учанского гарнизона. К их восстанию присоединился остальной гарнизон, который и захватил в городе власть. Но Учан — это только часть Уханя, именно та его часть, которая лежит на южной стороне Янцзы, на противоположном берегу которой находятся разделенные друг от друга впадающей в Янцзы рекой Хань города Ханьян и Ханькоу, — Ханьян на западной, а Ханькоу на восточной стороне р. Хань [1]). Следовательно, 9 октября 1911 года, когда произошло это чреватое последствиями восстание, повстанцы держали в руках в сущности лишь одну часть двухмиллионного Уханя. Ни соответствующей подготовки, ни достаточного количества обученных людей, ни руководящего органа у них не было. Восстание было бы сломлено в один момент, будь у монархии хоть какая-нибудь опора в стране. Но ее не было. И вот, 12 октября восставшие части без труда заняли Ханькоу и, что еще важнее, Ханьян с его арсеналом и складом оружия, вооружили этим оружием зеленых новобранцев, не знающих с какой стороны к нему подойти, и, неожиданно для самих себя, сделались хозяевами «китайской Москвы», естественного центра страны.

О том, как все это было хаотично и непродуманно, лучше всего скажет тот факт, что во главе движения стал полковник Ли Юаньхун, человек весьма мирно настроенный, ни о каких таких вещах, как возглавление революционной армии, и во сне не помышлявший и выбранный в главкомы просто потому, что «некого было больше». Разумеется, он всячески отнекивался, но потом поплыл по течению и нача-

[1]) С января 1927 года все три соединены в один город Ухань, являющийся теперь столицей национального правительства.

янно попал в «революционные герои» [1]). Затем было выбрано временное правительство. Это правительство стало ждать, что же из всего случившегося выйдет.

16 октября, через неделю после восстания гарнизона, к Учану подошла флотилия канонерок. Подошла, стала на якорь и тоже стала ждать. Так простояла она с развевающимися на корме императорскими желтыми флагами до 12 ноября. Потом спустила желтые флаги, подняла белые (революционные) и ушла обратно.

Тем временем в целом ряде городов, в Юэчжоу (Иочжоу), Чанша, Цзюцзянь, Хукоу (рядом с Цзюцзянь), Уху (на Янцзы), Шанхае, Ханчжоу, Кантоне, Фучжоу, Амое и других, в том числе и в северных — Чжифу (в Шаньдуне), Датуне (в Шаньси) и даже Мукдене — местные именитые граждане или сами чиновники объявили себя сторонниками учанского правительства. К 30 ноября власть пекинских торговцев должностями не признавалась уже почти нигде к югу от Янцзы. На севере же положение оставалось неясным.

Правительство струсило. Как водится, император (ему было уже 5 лет) выпустил эдикт, в котором брал на себя вину и обещал исправиться. Но вопрос о восстановлении «порядка» оставался открытым. Среди маньчжурских «молокососов» не было ни одного пригодного даже для усмирительской роли. Оставалось лишь пойти на поклон к выгнанному за 3 года перед тем со двора Юань Шикаю и покорнейше попросить его спасти своих обидчиков. Ему дали звание вице-короля Хугуана (Хубэй и Хунани), облекли его исключительными правами, отдали ему всю новую северную армию и предоставили ему действовать по собственному крайнему разумению.

Это было еще 14 октября, т.-е. еще в самом начале событий.

И с этого дня о Цин'ах, как о правящей в Китае династии, речи уже не могло быть. Верховной властью был отныне Юань Шикай — хозяин северной армии и хозяин положения. Цин'ы были теперь круглыми нулями. Борьба шла отныне не между династией и революционерами, а между сторонниками Юань Шикая, бывшего помощника Цыси (но, нужно отдать

[1]) Впоследствии мы встречаемся с ним в роли председателя курьезного предпарламента, созданного пробиравшимся к трону Юань Шикаем, потом вице-президента республики, потом президента, но везде и всегда в качестве чьей-нибудь пешки. Он бросил теперь политику, оброс колоссальной семьей и занялся торговлей и воспитанием детей. Он — довольно типичная фигура эпохи генеральских битв.

ему справедливость, не участвовавшего в провокации 1900 г.), и республиканцами.

Юань Шикай тоже не спешил. Лишь 25 ноября он атаковал Ханьян и взял его, что было легким делом, ибо у него были солдаты, имевшие пятнадцатилетний стаж обучения, а у Ли Юаньхуна был очень восторженный, всегда готовый на жертвы, но в конце концов все-таки сброд, — сброд со спецовской военной точки зрения. Взятием Ханьяна и ближайших левобережных мест Юань Шикай ограничился. Учан остался за революционерами.

Тем временем такая же с бору и с сосенки собранная армия разбила под Нанкином плохо обученные северные войска генерала Чжан Сюня, будущего «героя» неудачной монархической попытки 1917 года, и 1 декабря овладела городом. И тоже не пошла дальше. А Чжан Сюнь переправился через Янцзы (Нанкин находится на правом берегу, т.-е. южном) и остался ждать событий в Пукоу (на левом берегу).

Новое правительство возникло теперь и в Нанкине, куда скоро прибыл Сунь Ятсен, выбранный президентом.

Таким образом, к декабрю граница владений двух правительств, пекинского и нанкинского, определилась. Этой границей была река Янцзы. Попыток переправиться через нее не делали ни южные, ни северные войска. Военных действий не было. Наступил период переговоров, которые 8 декабря начались в Шанхае.

К этому времени маньчжурский великокняжеский кабинет министров по требованию до тех пор таких бесконечно покорных членов «национального» собрания ушел в отставку, и Юань Шикай — главнокомандующий стал вдобавок и премьер-министром. Это не удовлетворяло его. Ему нужно было гораздо большее. И он имел право на большее, ибо за ним была сила.

Положение было, следовательно, такое. У Юань Шикая было премьерство, непотрепанная армия, возможность распоряжаться казенными деньгами, магистральная железная дорога (к концу 1912 года даже две магистрали) и, наконец, признание держав. У Сунь Ятсена было подобие армии, состоявшей из гораздо большего количества едоков, чем бойцов, не было ни одной железной дороги, кроме коротких, не было признания держав и не было денег. Что касается активной поддержки масс (о платонической симпатии мы не говорим), то этого не было ни у той, ни у другой стороны.

Борьба между ними, как уже сказано, шла с 8 декабря при помощи не орудий и штыков, а языков. Велась она долго,

свыше 2-х месяцев, и кончилась тем, чем не могла не кончиться, — кончилась полной победой Юань Шикая. Он «уступил» только в одном — в признании республики, вместо той Цин'ской монархии, защитником которой он притворялся. Нужно же было ему иметь что-нибудь, с чего бы можно было уступать!

Удовлетворив желание республиканцев, он 12 февраля 1912 года приказал великокняжеской банде приготовить манифест об отречении (этот смешной документ пригодится еще когда-нибудь для любителей исторических анекдотов), получил от вдовствующей императрицы-регентши мандат... на установление республики, удовлетворил двор неслыханной в истории милостью — оставлением за ним всех прежних доходов, имуществ и почета [1]), а сам сделался президентом. Его избирателями были те же люди, которые перед тем избрали Сунь Ятсена. Последний сошел теперь со сцены: он должен был удовлетвориться должностью председателя комиссии по разработке вопроса о железнодорожном строительстве.

---

[1]) Эта сверхнелепость, существование императора в республике, — императора с 4-х миллионным цивильным листом, с двором и со всем прочим, что полагается иметь императорам, продержалась до конца 1924 г., когда генерал Фын Юйсян разогнал всю дворцовую свору. «Император» бежал под защиту японцев и потом имел наглость потребовать возвращения ему прежних доходов. Заслуживает быть отмеченным, что на защиту попранных «прав» ставшего уже 18-ти летним юнцом Пу И стали английский и другие посланники. У пекинского правительства хватило, однако, мужества предложить непрошенным защитникам не вмешиваться в чужие дела.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

XLV.

Корни дуцзюната.

Даже тех немногих данных о состоянии «народного хозяйства Китая» после тайпинского восстания, которые были приведены выше, вполне достаточно, чтобы понять, во-первых, что Цин'ская династия рано или поздно должна была пасть и, во-вторых, что всякая попытка заменить ее какой-нибудь иной общекитайской властью — монархической ли, республиканской ли, диктаторской, наконец, — это безразлично — заранее была осуждена на провал. А это значит, что то состояние распада и генеральского самовластия, свидетелями которого мы являлись в течение 16 лет, не было случайностью и не было результатом только происков империалистов, а было вполне закономерным, неизбежным явлением. Китай должен был пройти через это чистилище.

Для уяснения этого воспользуемся конкретным сравнением Цин'ской империи с Романовской.

Можно ли сказать, что Романовская власть в России висела во второй половине XIX века в воздухе, не представляя ничьих интересов, кроме интересов самих Романовых, или, иначе говоря, не была общественно обусловлена? Конечно, нет. Даже палочный режим Николая I имел определенную классовую опору. А Александр II сознательно называл себя «первым дворянином империи» и не ошибся, если бы прибавил: и купцом. Романовы держались потому, что представляли мощные интересы помещичьего землевладения и торгового капитала. Правда, с ростом промышленности положение изменилось. Понадобилась новая социальная опора, и Романовы пали бы или переродились даже в том случае, если бы (допустим на момент такую возможность) пролетариат оказался менее активным и не он, а промышленный капитал действовал бы как гегемон общества. Однако, до 90-ых годов Романовы были сильны.

Но кого представляли Цин'ы того периода, который начинается ликвидацией тайпинского восстания?

СОЦИАЛИЗМ и Б.Г. Безымянского http://booksite.ru/

Чтобы ответить на этот вопрос, разберемся в положении и интересах разных общественных классов в этот период. Начнем с землевладельцев. Похожи ли они на тех наших черноземных помещиков, о которых писали наши классики? Нет, не похожи. Наш помещик жил продажей хлеба, пеньки, льна, и эти продукты крепостного труда шли на широкий рынок, не мировой, правда, но во всяком случае всеевропейский. Интересы помещиков Украины, Поволжья, Рязани и Пскова отличались, конечно, но разница интересов помещиков разных районов была меньше, чем сходство. Узел общности интересов был завязан на широком рынке. Интересы купцов, хлебных посредников, скотопригонщиков и т. д., вплоть до импортеров духов и пудры, тоже увязывались с помещичьими интересами.

В Китае была иная картина. Широкий рынок был и там. Но, как мы уже старались показать, он был в период тайпинского восстания разбит на местные рынки, а политика держав, ликин [1]) и прочее усилили тенденцию распада. Впрочем, если бы не было даже потрясений 1850—73 годов, для китайских производителей важнейших товаров рынок был бы все-таки уже, чем для производителей тяжелых грузов у нас. Из тяжелых грузов, в которых заинтересованы землевладельцы, на значительные расстояния передвигались в Китае только хлопок и рис, и оба эти товара передвигались из определенных мест в одних и тех же направлениях: рис — из районов двух озер, что лежат к югу от Янцзы, и с низовьев этой реки к Пекину по Великому каналу; хлопок из Цзянсу, Хэнани и некоторых других мест в Нанкин, в Сычуань. Были еще направления хлебных грузов Хэнань — Шаньси, Гуандун — Гуанси и т. д., но большая часть провинций питалась все же собственным хлебом и землевладелец был, следовательно, связан больше с местным рынком, чем с широким. А с заграницей он, как продавец, был связан лишь в тех случаях, когда производил чай. Таким образом, такой прочной общеземлевладельческой спайки, какая была в России, в Китае быть не могло и до тайпинов. Это не значит, конечно, что ее вовсе не было. Это значит только, что она была в Китае гораздо слабее, чем у нас, и что, с другой стороны, связь с «родными местами», со своей провинцией или даже частью провинции, с ближайшим городом, с языком населения, со своеобразием быта и т. д. была там сильнее, чем в любой ча-

[1]) Ликин или (по-северному) лицзинь — внутренние таможенные сборы, введенные в годы тайпинского восстания.

сти Российской империи, за исключением разве лишь Польши и Финляндии, но не Прибалтики и Кавказа.

Китайский император второй половины XIX века вряд ли сказал бы о себе, как о «первом землевладельце империи», он бы скорее назвал себя «первым чиновником ее», ибо монархия отчетливее всего выражала собой служилые интересы землевладельческо-торгового класса, а уже потом хлеботорговые. А в конце XIX века, когда Китай начал от времени до времени ввозить рис из-за границы, это должно было стать еще более определеннее.

Раньше связь монархии с торговым капиталом в его купеческой форме (особенно в XVIII веке, в период завоеваний) проступала очень отчетливо. Эта связь сохранялась, поскольку речь идет о Монголии и Тибете, и после. Но распад рынка после тайпинов и заключения неравных договоров, несомненно, ослабил ее сильнейшим образом. Мало того, монархия, подписывавшая все новые и новые кабальные условия, должна была становиться в глазах купечества орудием иностранцев. Когда же хозяйственное разорение страны сделало для монархии неизбежным заключение иностранных займов, за которые нужно было отплачивать новыми уступками, в роли правительства, как иностранной агентуры, сомневаться больше не приходилось. Монархия действительно стала орудием иностранцев. Такие факты, как невозможность для правительства разместить в стране железнодорожный заем, как образование к моменту выпуска этого займа частных компаний для постройки дорог и, наконец, как отнятие у этих компаний прав на постройку в пользу иностранного банковского консорциума (как известно, это и было толчком для т. наз. революции 1911 года), как распад пароходной компании после того, как ей свыше навязали директора — все это достаточно красноречиво, чтобы освободить нас от дальнейшего приведения доказательств потери монархией поддержки торгового капитала.

На кого же оставалось опереться монархии, если для землевладельцев, как поставщиков хлеба, она была просто не нужна, а для купцов была враждебна [1]). Оставалось опереться на те элементы этих классов, интересы которых были связаны, главным образом, со службой, а это значит — не с жалованием, прогонами, разъездными и т. д. — жалование платилось нищенское, — а с взятками, вымогательством, вы-

[1]) Компрадоры составляли исключение, но они не нуждались в монархии.

колачиванием налогов, и налогов притом увеличивавшихся, ибо с 1895 года появились долги, которые в 1901 году возросли еще больше. Но опора на бюрократию, как на бюрократию, вещь вообще немыслимая, а на такую, какая была в Китае (иной она при тогдашних экономических условиях и быть не могла), тем более. Положение династии стало шатким. Как уже известно, она попыталась найти опору в фанатиках-боксерах и вследствие этого еще более ухудшила положение страны. У власти она, благодаря этому хитрому маневру, все-таки удержалась и получила еще 10 лет отсрочки, чтобы найти способ удержаться. И она попыталась опереться на армию. Как видно из сказанного, и эта ее попытка оказалась неудачной. Ни чиновничий аппарат, ни солдатские штыки, ни либеральные посулы опорой служить не могли. Власть, не имеющая опоры в том или ином классе, существовать долго не может. И монархия пала.

Какая же власть могла сменить ее? Власть крестьян? — но где же видано, чтобы крестьянство, даже максимально культурное, могло создать крестьянскую власть, да еще в огромной стране. Рабочих? — их как класса для себя еще не было. Промышленников? — они были в 1912 году наперечет. Оставались землевладельцы и купцы. И те и другие переприспособились с 50-ых годов к местным рынкам, а если и были связаны с внешним миром, то больше с чужими странами, чем с соседними провинциями. Кантонцы производили свой шелк и сбывали его в Кантоне, чжэцзянцы — в Нинбо и Ханчжоу, северяне сбывали шерсть, ковры и шкуры в Тяньцзине, жители Маньчжурии продавали бобы в Харбине и Дайрене. Юньнаньцы сбывали олово в Тонкин. Но бобы шли в Японию, олово в Европу, шкуры и шерсть в Европу и Америку, а если что и перевозилось из одной части Китая в другую, то в половине случаев не на китайских, а на иностранных пароходах, через иностранцами контролируемые порты.

Все это, конечно, схематизация, сознательное упрощение, но речь идет здесь не о деталях, а о существенном, определяющем.

Итак, какая же власть могла в 1912 году возникнуть на месте императорской? Да никакая. В провинциях (а провинция — это, ведь, целая «великая держава» по размерам) господствовали группы влиятельных землевладельцев и купцов. Политическим выражением господства торгового капитала являлось почти всегда самодержавие. Самодержавие и возникло в тех провинциях, где обстановка была более или менее мирной. Пример — Маньчжурия, Шаньси, отчасти Гань-

су. Но там, где в силу ли возможности нападения извне, развития ли бандитизма, из-за крестьянских ли движений, или вследствие обострения борьбы внутри буржуазии, что могло иметь место в районах, уже имевших зародыш промышленности, — там спокойствия не было, там не могло создаться и прочной власти администратора-самодержца. Там обычно создавались такие условия, когда никто не мог себя считать победителем, никто не мог ручаться, что достигнутый сегодня успех не сменится неуспехом завтра. При таких условиях, да еще при наличии общего для всего Китая избытка безработных, каждый честолюбец, особенно если он связан с краем, мог превратиться в местного Наполеона. Имея единственную реальную силу в штыках, находясь под вечной угрозой нехваток, неизбежных при китайском разорении, и опасаясь нападения себе подобных, он, естественно, волей-неволей, превращался в чьего-нибудь врага и вступал в вооруженную борьбу. Борьба вызывала потребность в союзниках. Союзы создавали видимость повторения феодальных отношений — сюзеренитета и вассалитета. Но совершенно иная экономическая среда — промышленность, банки, влияние империализма и т. д. — делали эти отношения крайне непрочными. Связи между квази-феодалами возникали внезапно, так же внезапно разрушались, группировки менялись с каждым месяцем, сегодняшние враги становились союзниками, союзники — врагами.

Но во всем этом пестром клубке явлений было нечто, что рано или поздно должно было положить конец хаосу. Появившиеся перед революцией железные дороги, плохо ли, хорошо ли, но восстанавливали разрушенное в 1850—73 г.г. единство Китая; рост промышленности, происходивший, несмотря на буйство гражданской войны, все-таки преодолевал раздробление; накопления в руках борющихся местных бонапартов, выражавшиеся не в земле, а в деньгах, требовали приложения и, увеличиваясь, превращали своих обладателей в собственное отрицание — в людей, стремящихся к миру, — в буржуа.

Так, новые экономические факторы, заметно сказавшиеся, как видно из предыдущей главы, не до революции 1911 г., а после нее, делали неизбежным восстановление всекитайского единства. Вопрос был лишь о том, кому осуществить его.

Старая Цин'ская империя, возникшая на основе сравнительно слабо развитого обмена между ее отдельными частями, была все же достаточно прочна, чтобы не опасаться

тех толчков, которые исходили из близкого ей дальневосточного мира, т.-е., пока она не столкнулась с капиталистическим миром. Но совершенно икая картина получилась после появления иностранцев.

Испытав сильнейший толчок, колосс на глиняных ногах упал; упал не сразу. Но равновесие исчезло уже в 1850—60-ых годах. Фактически империя перестала существовать уже тогда. Экономическая и социальная база ее уже тогда исчезла. Бюрократия и армия не спасли ее. Наоборот, именно созданная ею армия и оказалась той реальной силой, которая ее свалила.

После 1912 года Китая, как единого государства, уже не существовало. Он был лишь географическим понятием, был просто обширной страной, изрезанной неустойчивыми границами.

Но в этой обширной стране уже создавались несомненные предпосылки будущего объединения.

Китайская республика еще не существовала и в 1925 г. Ее еще нужно было создавать, но создавать на иной, более прочной основе внутреннего экономического сотрудничества. Разрешение подобной задачи требовало, однако, уничтожения того, что было одной из постоянных причин воспроизводства разложения. Этой причиной был империализм. И объединить Китай могли только те, кто выступал против империализма.

Революция 1911 года была лишь эпизодом, весьма несущественным. Она лишь убрала с пути одного из агентов империализма, этого «старого порядка» для колониальных стран, — «старого порядка» в том смысле, что он является оковами развития. Настоящая революция началась лишь со времени открытого выступления против империализма.

СОУНБ им. В.Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XLVI.

Время китайской атамановщины.

(1912—1920 г.г.).

Было ли то, что называют «революцией 1911 года», настоящей революцией, или же это было только завершением гниения империи, завершением ее распада — об этом читатель может судить по уже приведенным раньше фактам. Они говорят за себя сами. Не будем мы останавливаться и на говорящих о том же подробностях дальнейшей борьбы между Юань Шикаем и республиканцами. Интересующиеся деталями могут найти их в новой книге проф. Кюнера «Очерки новейшей истории Китая». Мы же остановимся здесь лишь на важнейших моментах, предварительно еще раз напомнив, что экономические предпосылки восстановления единства Китая еще только-только складывались. Но об этом достаточно говорилось раньше.

Итак, продолжим наше повествование, прерванное на том моменте, когда Юань Шикай прогнал Цин'ских последышей.

Республиканцы, убедившиеся, что за ними нет масс и что победа их оказалась возможной лишь благодаря полному бессилию Цин'ов, нашли в Юань Шикае гораздо более опасного врага, чем в правившей до него пекинской банде. Он, правда, признал нанкинскую конституцию, проделал при вступлении на должность все установленные церемонии, но дальше этого по пути республиканизма не пошел. Уже в 1912 году стало ясно, что он стремится к диктатуре.

Тем не менее, предусмотренный составленной в Нанкине конституцией парламент был собран. Это было в апреле 1913 года. С самого начала в нем господствовала атмосфера ненависти. Юань Шикай третировал парламент, как только мог. Было очевидно, что работа с Юань Шикаем для гоминь-

Собрание В. Г. Белинского
http://lib.ru/

дановских [1]) членов невозможна и что нужно нечто большее, чем слова, чтобы заставить президента считаться с волею республиканцев. И вот, в июле гоминьдановцы организуют на юге восстание, известное под громким именем «Второй Революции». Но армия Юаня разбивает повстанческие части с такой легкостью, точно перед нею не солдаты, а малые ребята, вооруженные палочками. Республиканцы еще раз убеждаются в своей слабости, а Юань Шикай приобретает преувеличенную уверенность в своих силах. С тех пор он идет к своей цели напрямик.

Цель эта — трон.

В октябре 1913 года он добивается избрания себя постоянным президентом, а Ли Юаньхун, учанский «герой поневоле», попадает в вице-президенты. С тех пор он был верным исполнителем воли своего господина.

Избрание Юаня было сигналом для признания республики державами. Признание укрепило власть президента, который уже не останавливался после этого перед решительными мерами. Скоро он объявляет гоминьдан заговорщиками и изгоняет членов его из парламента, а в январе 1914 года разгоняет и парламент. Вместо парламента создается совет из назначенцев, а во главе его ставится послушный Ли Юаньхун.

С этого времени начинается новый период бесконтрольных займов, концессий и других кабальных сделок с иностранными банкирами, принимаются знаменитые 21 требование японцев, проводится ряд мероприятий, еще более увеличивающих права президента, и, наконец, перед провинциальными собраниями, генералами и разными квази-выборными организациями ставится правительством вопрос, не надоела ли им сумятица и не желают ли они иметь во главе государства настоящую власть, власть императора, и власть не кого-нибудь, а вот именно Юань Шикая.

Как это было выполнено технически, сказать нелегко, но результат голосования был ясен. Весь Китай, оказалось, «хотел видеть Юаня своим императором»; даже те, кто очень скоро выступили против него с оружием в руках, и те были зачислены в число голосовавших «за»!

[1]) Партия гоминьдан, возглавлявшаяся Сунь Ятсеном, образовалась слиянием существовавших ранее революционных групп. По своим взглядам она в 1913 году особым радикализмом не отличалась. Что касается ее названия, то «го» означает государство, страна, «минь» — народ, «дан» — союз, объединение, партия. Вместе получается: партия народа, в смысле «нации», а не «демоса».

Но Юань Шикай просчитался. Он переоценил бонапартистские возможности. В декабре 1915 года против него поднялось восстание в Юньнани, к Юньнани присоединились другие южные провинции[1]). И Юань Шикаю пришлось отказаться от попытки стать основателем новой династии. Скоро после этого он умер, и двухлетний период воссоздавания абсолютизма окончился. Это было в июне 1916 года.

Согласно конституции, место президента занял Ли Юаньхун, бывший учанский главком, которому республиканцы, несмотря на его невольную связь с Юань Шикаем, доверяли. Вице президентом же стал один из крупнейших «милитаристов» Фын Гочжан. Новый президент оправдал доверие республиканцев. Он созвал распущенный Юань Шикаем парламент созыва 1913 года, который и занялся рассмотрением проекта конституции. Конечно, закон против гоминьдана был отменен.

Но еще не созрели те силы, на которые бы мог опереться парламент и президент. В стране на местах господствовали милитаристы. Господствовать они хотели и в Пекине. Их орудием и в то же время вождем был премьер Дуань Цижуй, очень мало считавшийся как с парламентом, так и с Ли Юаньхуном, ставшим на этот раз игрушкой в руках своих министров. С каждым месяцем делалось яснее, что и президент и парламент рано или поздно «уйдут». Столкновения происходили, главным образом, из-за вопроса о том, принять или не принять Китаю участие в свирепствовавшей третий год мировой войне. Дело было тут вовсе не во вражде с Германией, а в том, что участие в войне сулило возможность заключения займов, в которых милитаристы, ставшие со времени революции силой, весьма нуждались. Гоминьдан вовсе не отличался германофильством и отнюдь не стоял на точке зрения интернационализма. Но он знал, что участие в войне еще больше усилит милитаристов, политических преемников Юань Шикая. Но за гоминьданом не было ни тогда, ни в течение следующих 6—7 лет достаточной опоры, а у милитаристов были штыки и были возможности выколачивать из населения налоги.

В конце концов Дуань Цижуй сорганизовал «народное негодование», которое предстало перед парламентом в лице переодетых шпиков и городовых. Продержав голодных депутатов в осаде целые сутки, он разогнал их. Это произошло

[1]) Нужно отметить, что именно в Юньнани власть главкома была типично самодержавной. Этот главком и в 1927 г. продолжал править там.

в то время, когда рассмотрение проекта постоянной конституции приближалось к концу. Таким образом убивались два зайца сразу: уничтожался ненужный контроль, вокруг которого как-никак создавалось общественное движение, и срывалась работа над неугодной милитаристам конституцией.

Через месяц после этого в Пекин явился тот самый Чжан Сюнь, которого мы уже встретили однажды путешествующим из Нанкина в соседний Пукоу, привел туда свои войска, единственные еще сохранившие маньчжурские косы, и произвел государственный переворот. Одиннадцатилетний Пу И опять стал императором, а Чжан Сюнь его первым сановником и регентом. Здесь впервые за много лет бездействия появился на сцене полузабытый Кан Ювэй, реформатор 1898 года (см. «100 дней»). Он оказался на этот раз в лагере Чжан Сюня.

Чжан Сюнь воображал, что произведя монархический переворот, он совершит дело, угодное другим генералам, повидимому, отлично знавшим его планы, если только не одобрявшим его. Но он попал впросак. Милитаристы отнюдь не собирались садить себе на шею начальника; им гораздо выгоднее было разыграть роль защитников республики. И вот они с Дуань Цижуем во главе напали на снаивничавшего Чжан Сюня, разогнали его косатых солдат, отменили двухнедельную монархию и положили основание новому порядку вещей.

Премьером стал Дуань Цижуй, сам армией не обладавший, но игравший роль старосты среди милитаристов, в большинстве бывших учеников военного училища, где он когда-то был начальником. Парламент был «сделан» из людей, которые представляли кого угодно, только не свои провинции; фактически это были ставленники генералов; многие из них даже не рискнули бы появиться перед своими избирателями. Этот «парламент» собрался в августе 1918 года. В президенты был проведен им Сюй Шичан, старый мандарин, игравший виднейшую роль при монархии, бывший членом великокняжеского кабинета министров перед падением Цин'ов, оставшийся и после этого опекуном «республиканского императора» Пу И, и ближайший друг Юань Шикая. Более реакционную фигуру было бы трудно и придумать [1]).

[1]) Сюй Шичан известен еще, как знаток даосизма, коллекционер, автор трудов о Китае и его прошлом, и как большой стилист. Вообще это тип старого китайского ученого. Что касается его племянника Сюя «Малого», то эту чересчур уж одиозную фигуру в 1924 г. услали за границу. Он побывал и в Москве. По возвращении был убит мстителем.

Крупную роль стал играть его племянник, которого в отличие от дяди звали Сяо Сюй (маленький Сюй), авантюрист, делец, ловкач, не останавливавшийся ни перед чем представитель сановной уголовщины. Этот маленький Сюй и был тем генералом, который покончил с монгольской автономией, введенной при русском участии после революции 1911 г.

Это было начало эпохи господства «клики Аньфу», японофильской во внешней политике, реакционной во внутренней и больше всего занятой займами, неизвестно на что разошедшимися. Все эти займы были заключены в Японии; общая их сумма 150—180 миллионов иен. Это так называемые займы Нисихара.

Гоминьдан, разумеется, не признал ни нового парламента, ни премьера, ни президента. Сунь Ятсен и другие вожди партии собрались тогда в Кантоне и положили там основание южному «кантонскому» правительству.

Итак, с 1918 года в Китае существовало два правительства: северное, ярко реакционное, и южное, тогда еще имевшее очень неопределенную физиономию, даже более чем неопределенную.

Между ними все время шла прерывавшаяся лишь небольшими перемириями война, которая началась еще в 1917 году.

Вооруженные столкновения происходили и между самими южанами. В результате их группа Сунь Ятсена вынуждена была покинуть Кантон и бежать в Шанхай. В Кантоне же стал у власти главком провинции Гуанси, бывший бандит. Лишь в 1920 году, когда Чень Цюнмин, впоследствии разошедшийся с Сунь Ятсеном, выгнал гуансийцев из Кантона, гоминьдановское правительство окончательно закрепилось в Кантоне.

Вооруженная борьба шла в 1917 году и позже и в провинции Сычуань, — типичная борьба генералов. Никакими принципами они не интересовались.

В 1917 же году чуть не произошло вооруженного столкновения в Маньчжурии. Инцидент был, однако, исчерпан мирно. Он закончился тем, что мукденский дуцзюнь Чжан Цзолинь стал и фактическим и официальным начальником дуцзюней цицикарского и гиринского.

С тех пор Чжан Цзолинь стал играть крупнейшую роль и за пределами Маньчжурии.

В 1920 году его роль стала еще больше.

COPYRIGHT (C) Им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

XLVII.

Великие державы и их колонии в 1900—1927 годах.

Со времени великих открытий 1492—1521 годов мир никогда не переживал таких быстрых и решительных перемен, сгруппировавшихся на небольшом отрезке времени, как в двадцатилетие подъема конъюнктурной кривой в 1894—1914 г.г. Этот подъем привел к такому огромному росту производительных сил, к такому увеличению торговых оборотов, к такому необычайно быстрому вовлечению в мировое хозяйство перед тем слабо связанных с ним стран, что мы напрасно будем искать каких-либо аналогий в прошлом. Вместе с тем, в грандиозном масштабе происходило и то, что сказалось уже после мировой войны 1914—18 г.г. — происходило перераспределение сил на поверхности земного шара. А это перераспределение создало для Китая совершенно иную международную обстановку.

Самым крупным из слагавших эту новую для Китая обстановку политическим фактом были активность на Дальнем Востоке России, появление там Германии, необычайно быстрый рост Японии и выход на международную арену Соединенных Штатов Америки. Менее важными, но тоже сыгравшими роль с точки зрения изучающего историю Китая, были чрезвычайно большое увеличение удельного веса Австралии, Новой Зеландии и Канады и перемена на Филиппинах, в Нидерландской Индии и в странах Индо-Китая, где прежние крепостнические формы сменились капиталистическими [1]).

Здесь, конечно, невозможно иллюстрировать сказанное достаточно подробно, но некоторые более или менее случайно подобранные данные стоит привести. Начнем с фактов экономического характера.

[1]) Об этом см. мою подготовляемую в данное время (январь 1927 г.) к печати «Страны Тихого океана». Здесь достаточно сказать, что Филиппины, Ява, малайские государства Малакки и так называемые Поселения Пролива (Strait's Settlements) подверглись наибольшим изменениям.

COPY В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

В 90-ых годах средние торговые обороты России равнялись 713 миллионам рублей, т.-е. лишь на 6 миллионов больше, чем в 70-ых, когда средняя годовая цифра равнялась 707 млн., а в пятилетие после русско-японской войны торговые обороты России равнялись в год 2115 млн. рублей, т.-е. были в три раза больше, чем за десять лет перед тем. Стремительный рост торговли и промышленности России сопровождался усиленной постройкой железных дорог, которые протянулись теперь далеко-далеко через Сибирь, не имевшую до 1890-ых годов ни одной железнодорожной линии, если не считать коротенькой Тюменьской. А с 1892 года по 1914-ый появилась целая сеть сибирских дорог. Продолжение же ее, Китайская Восточная ж. д., уже к 1903 году перерезала в двух направлениях Маньчжурию, создав там своим появлением совершенно новые хозяйственные и политические условия.

Из малолюдной окраины Маньчжурия превратилась в огромного значения хозяйственный район, затмивший многие старые области Китая. Странно кажется теперь, что еще в 1905 году многие авторитетные люди говорили о непригодности Маньчжурии для широкой колонизации (например, Головачев).

Япония в конце 90-ых годов избавилась от стеснявших ее развитие неравных договоров, быстро развила свой экспорт и импорт, обзавелась солидным торговым флотом и продолжала его увеличивать. В 1900 году тоннаж Японии увеличился до 534 тысяч тонн (это тоннаж, приблизительно, равный имеющемуся у нас теперь), а в 1920 достиг уже 3½ миллионов, т.-е. возрос в семь раз. Тем временем росла и японская железнодорожная сеть. В 1905 году японская железная дорога протянулась уже от крайней юго-восточной оконечности Кореи до Мукдена, где связалась с Южно-Маньчжурской.

США, в 1850 году имевшие едва 17 миллионов населения и еще только-что принимавшиеся за заселение тихоокеанского берега, до тех пор почти такого же безлюдного, как теперь полярные области Сибири, в 1900 году имели уже 76 миллионов жителей, построили на Тихом океане 3 крупных портовых города (Сан-Франциско, Сиаттль и Портлэнд), овладели Гаваями, о-вом Уэк, Гуамом и Филиппинами, составляющими линию морских станций на пути из Америки в Китай; в 1914 году закончили Панамский канал и к 1920 г.г. стали могущественнейшей капиталистической державой. К 1920 году их население достигло уже 105 миллионов,

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

к 1926 — 114 миллионов. Их торговые обороты, равнявшиеся в 1900 году 2¼ миллиардам долларов, к 1913 году достигли уже 4¼ миллиардов, чтобы дойти до еще гораздо больших цифр после войны.

Канада, до 1880-ых годов не имевшая никаких удобных сообщений со своим тихоокеанским берегом, а в 1885 построившая первую трансконтинентальную железную дорогу, до конца XIX века была, однако, слишком отсталой по своей экономике страной, чтобы играть роль в Тихом океане. Но в XX веке ее торговый флот приобрел в дальневосточных водах большое значение.

В 20-ых годах нынешнего века и Австралия протянула свою первую железную дорогу от заселенного юга до все еще безлюдного севера, который станет, быть-может, второй Калифорнией, и тем самым вдвое приблизилась к Китаю в смысле быстроты сообщений.

Малакка (британская), до конца XIX века имевшая ничтожное значение для мирового хозяйства, интересная лишь как станция на пути из Европы в Китай, превратилась в мирового поставщика каучука и олова. Втягивание в мировое хозяйство Нидерландской Индии и Филиппин выражалось тоже в геометрической прогрессии. Сиам, Бирма, Корея и т. д. — все они тоже испытали этот процесс, быстрый и неудержимый.

Все это были новые факторы, в XIX веке только возникавшие и еще ускользавшие от наблюдателя. Теперь же о них пришлось бы писать не главу, а целую книгу [1]). Но об одном частном факте, а именно о росте торговли США со странами Востока, стоит сказать, ибо он особенно отчетливо иллюстрирует темп нарастания новых явлений.

Семнадцать лет тому назад, в 1910 году, китайско-американская торговля измерялась всего лишь 55 миллионами долларов, а в 1920 г. она дошла уже до 371 миллиона. Если даже принять во внимание возросший индекс цен, то это было больше чем удвоение. И это всего за 10 лет! Рост торговли Америки (США) с Японией был за это время еще больше, увеличившись с 88 млн. дол. до 980; для Японии торговля с Америкой составила свыше 40 процентов всей ее внешней торговли. В Китае соответствующий процент равнялся

[1]) Книга Доливо-Добровольского «Тихоокеанские проблемы» оказалась недостаточно обширной, чтобы вместить не только многие интересные детали, но и ряд существенных фактов, например, относящихся к Индо-Китаю и Нидерландской Индии. Томы нужны, чтобы рассказать только о происшедших в Тихом океане переменах.

только 16. Но так или иначе, факт прогрессирующего оттеснения Англии, до тех пор почти монополистки внешней торговли Китая, был налицо. Япония и США вдвоем занимали теперь в торговле Китая гораздо больше места, чем она.

Экономические перемены создали новые явления и в политике.

Период преобладания на ДВ Англии, период, продолжавшийся почти как-раз столетие, кончился. Он начался, как уже сказано, со времени побед Нельсона и других во время Наполеоновских войн, а закончился моментом раздела Китая на сферы влияния в 1895—1898 г.г. Новое соотношение сил вынудило Англию пойти на союз с Японией, который был окончательно оформлен союзным договором 1902 года. Но этот договор, укрепив положение Англии на подступах к Индии и косвенно дав ей возможность усилиться в Африке, на Дальнем Востоке привел к тому, что место России в Маньчжурии заняла после войны 1904—1905 годов Япония, захватившая одновременно и Корею и сделавшая свои стратегические позиции неуязвимыми. Поскольку поднимавшаяся с 1907 года (год англо-русского соглашения о разграничении в Азии) волна национального движения в Азии создавала новые условия неустойчивости положения на Востоке, союз с Японией был возобновлен в 1911 году. Но уже с 1915 года было ясно, что этот союз приносит больше пользы Японии, успевшей к тому времени усилиться и за счет Германии, чем Англии. Союз терял для Англии свою полезность, и отмена его стала на очередь дня. Но отмена его вызывала необходимость соглашения с США, третьей заинтересованной стороной, влияние которой сказывалось на Дальнем Востоке уже и раньше. Большую роль в данном случае сыграли и окрепшие экономически и политически выросшие британские доминьоны — Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка.

Новое соотношение державных сил выразилось в соглашениях, достигнутых в конце 1921 года в Вашингтоне. Это соотношение характеризовалось известным равновесием, конечно, недолговечным. Равновесие обеспечивалось стратегическими плюсами Японии, которая цепью своих владений блокирует почти все подступы к Китаю с моря, финансовой мощью США, способных оказывать экономическое давление на Японию, сравнительной прочностью старых экономических связей с Китаем и близостью военных баз Англии, владеющей почти всеми землями, охватывающими Индийский океан, связанностью на ДВ рук Франции и, наконец, маломощ-

ностью остальных заинтересованных в Тихом океане европейских держав — Голландии, Бельгии, Португалии, а также слабостью Латинских республик, Сиама и т. д.

С 1923 года положение изменилось опять. Оно было обусловлено ростом влияния на Дальнем Востоке северного соседа Китая, Советского Союза, и это влияние стало быстро расти, способствуя созданию новых условий оформления международной ситуации. Одним из этих условий был рост активности самого Китая, который перестал уже быть только объектом воздействия. Он стал и субъектом международной политики на Востоке.

В 1925 и 1926 годах наметилось новое явление. Оно сводилось к тому, что все империалистические державы пытались согласованно выступать в Китае против того, что они называли «красной опасностью». Но противоречия между державами делали создание единого фронта очень трудным делом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

XLVIII.

Политика держав в Китае.

Внешние условия национального существования были не одинаковы для Китая в течение последней четверти века. Международное окружение его изменялось заметно. Грубо можно наметить три периода: первый — заканчивающийся временем русско-японской войны, можно назвать периодом сфер влияния; второй — характерные черты которого сложились во время мировой войны, является периодом, когда империалистические державы, уже не удовлетворяясь своими «сферами», явно стремились каждая к монопольному господству в Китае, и третий — когда в лице СССР появляется совершенно новый фактор и когда китайское национальное движение делает Китай не только объектом, но и субъектом международной политики.

В небольшой книжечке, как эта, не место останавливаться на деталях борьбы держав из-за Китая, не уложить в нее и подробностей той внутренней борьбы военных группировок, которая тесно переплеталась с явлениями, протекавшими вне Китая. Но русская литература об этом периоде жизни нашего соседа достаточно богата, чтобы читатель мог найти недосказанное в нашей работе. Здесь же достаточно будет ограничиться перечислением тех важнейших фактов внешней истории Китая, без знания которых трудно понять явления, имевшие место внутри страны.

Начнем с того времени, когда боксерский протокол был подписан (в 1901 году) и главные силы союзников-усмирителей удалились из Собственно-Китая. Из Маньчжурии усмирители не ушли.

В 1902 году, когда двор вернулся из Сианя в Пекин, Китай в своих обращениях к державам обещал провести ряд реформ и получил за это платоническое обещание Англии и Америки отказаться от неравных договоров. Как и следовало ожидать, дальше обещаний империалисты не пошли. Тем временем насилия над Китаем продолжались. Россия по-

прежнему держала в Маньчжурии войска и отделывалась туманными заявлениями о готовности вывести их в ближайшее время. Япония, ободренная заключением союза с Англией, взяла на себя роль защитницы прав Китая и Кореи и требовала эвакуации. Шли бесконечные переговоры. Плелась обычная дипломатическая ложь. Тем временем англичане под начальством Ионгхосбэнда ворвались в Тибет, до тех пор огражденный в интересах торгового капитала Китая стеной запрещений, и заняли стратегические пункты на границах. Когда же русско-японская война вспыхнула — это было 8 февраля 1904 года, — англичане повели дальнейшее наступление в Тибете, дошли до Лхассы, где заключили с Тибетом (не с Китаем) договор о торговле; дальше оставалось лишь добиться от Китая согласия на признание нового положения в его колонии.

Русско-японская война в 1904 году протекала без решительных боев на суше. Японцы были связаны наличием в тылу долго и упорно защищавшегося Порт-Артура, который взять штурмом они не сумели. Зато им удалось в ряде боев привести русский дальневосточный флот почти в негодность. В 1905 году картина резко изменилась. 1 января пал, наконец, Порт-Артур, и японская армия оказалась способной действовать достаточно энергично и на суше. Она нанесла поражение армии Куропаткина под Ляояном, затем под Мукденом и заставила ее отойти к Сунгари. После этого наступило длительное затишье, и обе армии стояли друг против друга, не имея возможности предпринять что-либо решительное: японской армии мешала ее слабость, в России же происходила революция, сделавшая наступление невозможным. К тому же, японцам удалось под Цусимой разбить посланный из Европы российский флот, что делало наступление против них просто бесполезным.

Ослабление на Дальнем Востоке и России и Японии было настолько большим, что президент САСШ Рузвельт счел возможным разыграть роль миротворца и пригласить представителей сторон в Америку для переговоров о мире. В его расчеты не входило полное ослабление России, которая должна была остаться в качестве противовеса Японии. Поэтому он тайно заверил Японию, что САСШ не будут противодействовать захвату ею Кореи, той Кореи, которой САСШ перед тем обещали поддержку и помощь. Игра Рузвельта возымела успех, и Япония согласилась на мир на довольно льготных для России условиях. Она удовлетворилась половиной Сахалина, передачей ей русских прав в Южной Мань-

чжурии, а вместе с ними той части К. В. ж. д., которая стала с тех пор называться Южно-Маньчжурской дорогой (Нанман), и заключением рыболовной конвенции.

Мир был достигнут, таким образом, за счет Кореи и Китая, Китая постольку, поскольку Япония в Маньчжурии в силу своего географического положения могла быть более прочной захватчицей, чем Россия, имеющая центр в Европе. Англия тем временем подписала с Японией новый договор о союзе и завершила свои успехи в Тибете.

Успех союзника и революция в России были теми плюсами для Англии, которые позволили ей добиться прекращения русского наступления на азиатский юг и добиться выгодного разграничения сфер влияния в Азии. За Россией осталась Северная Персия и свобода действий в Монголии, а Южная Персия, Афганистан и Тибет были закреплены за Англией. Это соглашение было достигнуто в 1907 году.

В следующем году почти на всем Востоке начался подъем национально-освободительного движения. Победа азиатской Японии, революция в России и соглашения 1907 г. были теми стимулами, которые ускорили его. Начался он и в Китае и увенчался свержением династии 1911 года. В Персии и Турции тоже произошли революции.

Революция 1911 года была использована Англией для того, чтобы добиться изгнания из Тибета представителей китайской власти и китайского отряда, а Россией для захвата Халхи и Барги (Барга — та часть Монголии, которая лежит между Забайкальем и Хинганом, т.-е. у западной части К. В. ж. д.). Помимо этого, Англия помогла тибетцам занять ту часть провинции Сычуань, которая заселена тибетцами. Это так называемый Восточный Хам или Кам. А в 1912 году устроила в Симле, в Индии, англо-тибето-китайскую конференцию для того, чтобы договорно разрешить тибетско-сычуаньско-кокунорский вопрос. Но война помешала, и вопрос остался неразрешенным поныне (1927 г.).

В эти же годы Китай дал представителям финансового капитала держав ряд новых железнодорожных концессий. Хотя в англо-русском договоре 1907 года момент державных соглашений и взаимных уступок был подчеркнут особенно сильно, характернейшей чертой международной политики этого времени было стремление держав не к дележке, а к мироприятию. В сущности и сам-то договор 1907 года, такой миролюбивый, такой соглашательский по внешности, мог появиться на свет только потому, что Великобритании нужно было обеспечить свой азиатский тыл в надвигавшейся борь-

бе с Германией, — борьбе за весь мир, а не за сферы влияния. Это стало совершенно ясно, когда, воспользовавшись гражданской войной в России, англичане не только вышли за пределы отведенной им в 1907 году сферы влияния, но и сделали попытку — весьма плачевно окончившуюся для них — превратить эту сферу влияния в базу для захвата южных частей самой России, Туркестана и Кавказа.

Стремление Англии овладеть Тибетом в 1911—12 годах тоже нельзя рассматривать, как нечто самоцельное. Великобритания лишь пользовалась удобным случаем, чтобы завершить дело, начатое раньше. Но целью ее, целью не отдаленной, а близкой, был не Тибет только, а все, что только возможно захватить. Такую же цель ставили себе и ее соперники, ставили практически. Об этом свидетельствовали их деяния.

Переломным годом был в этом отношении 1905-ый, когда Россия была вытеснена из Южной Маньчжурии. До этого года характерной чертой политики великих держав было стремление захватывать в Китае так называемые сферы влияния, т.-е., говоря конкретнее, овладевать под видом аренды береговыми или сухопутно-пограничными базами и получать право на постройку от этих баз железных дорог и, таким образом, осуществлять свое влияние за пределами арендной территории. Таким образом образовались как бы скрытые колонии — французская, английская, германская, японская и русская, более или менее прочно разграниченные. После 1905 года характерней стало другое, а именно — явное стремление каждой сильной державы захватить не одну какую-нибудь сферу влияния, а уже весь Китай целиком.

США раньше всех обнаружили такое стремление. Это объяснялось тем, что в 1897—8 г.г. они еще не могли соперничать на ДВ с другими, а когда они усилились, то достигли того возраста империализма, когда аппетиты удовлетворяются не кусочками, а целым миром. Кроме того, попытка вырвать у кого-нибудь один кусок Китая требовала не меньше усилия, чем для овладения всем Китаем. Отсюда — «политика открытых дверей», политика весьма выгодная в смысле привлечения симпатий китайцев.

Задачу овладения всем Китаем, а не частью его, ставила себе в 1915 году и Япония. Когда же неудача заставила ее вернуться к политике охраны уже имеющихся прав в Маньчжурии, она отнюдь не оставляла попытки выйти за пределы этой, за исключением Тибета, последней сохранившей-

ся в Китае «сферы влияния»; бассейн Янцзы, Юньнань, Монголия, даже Восточный Туркестан, Фуцзянь, Шаньдун — все они были в той или иной степени местом приложения японской энергии.

«Всекитайской» была и политика Англии. Лишь в Тибете, где англичане укрепились раньше, сохранился тип сферы влияния. Что касается французской сферы влияния, то она фактически просуществовала очень недолго.

Таким образом, о дележке Китая в 1905 году уже говорить не приходится. Речь шла об овладении им той или иной державой целиком.

В соответствии с этим курсом были и новые методы держав в Китае. Отношения держав к Китаю определялись теперь не столько соглашениями с ним государств, сколько отдельных корпораций, главным образом, банковских, старавшихся выступать в интернациональном обличии. Но заключавшиеся в пределах финансовых консорциумов соглашения об уравнительном участии в них банкиров разных наций сводились к нулю вследствие одновременных соглашений каждой из национальных банковских групп непосредственно с Китаем или частью Китая и кончались выдвижением на первое место какой-нибудь одной из групп [1]).

Наиболее ярким примером «всекитайской» политики была та, которую повела Япония, изгнав в 1914 году из Циндао немцев. Англия и Франция были тогда слишком заняты в Европе. США еще не решались на агрессивную политику в Китае. Россия, тоже занятая войной, получила заверение в том, что Япония не будет ей мешать в Северной Маньчжурии и в Монголии, и была вполне удовлетворена. Японии представились возможности, «которые бывают раз в тысячелетие», и в 1915 г. она сделала попытку навязать Китаю такой договор, который делал Китай ее вассалом («21 требо-

[1]) Так, в 1918—20 годах ростовщиком по отношению к Китаю была Япония, которой не удался в 1915 году метод прямого захвата. После этого выступил консорциум, в котором, несмотря на соглашение об уравнительности, командная роль должна была принадлежать Моргану. В 1921 г. Япония опять сделала попытку к расширению своего влияния на весь Китай, но уже не столько экономическими средствами воздействия, сколько поддержкой одних участников происходившей тогда гражданской войны против других. Потерпев фиаско в 1922 г., Япония сделала новую попытку в 1924-ом и еще раз понесла поражение. И оба раза это произошло из-за объединения против нее Англии и Америки, действовавших, как и она, не с открытым забралом, а через своих китайских союзников, которые, конечно, были не просто наймитами, а людьми, связанными с определенными классами, подклассами и группировками самого Китая.

вание»). Протест Англии заставил ее отказаться от части требований, а в 1922 году Японии пришлось эвакуировать и Шаньдун, где она заняла место Германии. Тем не менее Шаньдун и теперь остается местом приложения почти исключительно японского капитала.

Китай номинально тоже участвовал в мировой войне. Это участие выразилось в отправлении рабочих отрядов в Шампань и Месопотамию, в закрытии в Китае германских и австрийских предприятий, в конфискации их имуществ и в участии Китая в интервенции в Сибири (август 1918 г. — октябрь 1922 года). Впрочем, это участие в интервенции ограничилось предоставлением японцам возможности занять своими войсками Северную Маньчжурию и отправкой небольших отрядов в Никольск и Владивосток, где эти отряды ничего не делали.

Зато в Монголии китайцы проявили активность. Они явились в 1919 году туда, уничтожили монгольскую автономию и восстановили там полное господство китайского торгового капитала. Но скоро туда явились белогвардейские отряды, из которых Унгерновский был сильнейшим, изгнали китайцев и обеспечили своим присутствием господство японцев. Опираясь на Монголию, как на свою базу, Унгерн вторгся в Забайкалье, дошел почти до Верхнеудинска (т.-е. до железной дороги), но был разбит войсками Дальневосточной республики и сибирскими частями Красной армии. В погоне за ним советские части вошли в Монголию и помогли Монголии сбросить власть захватчиков. С тех пор Монголия стала превращаться в то, чем она стала, — в народную республику, где избирательными правами пользовались лишь трудящиеся.

Участие Китая в войне было только в том отношении полезно для Китая, что оно создало прецедент его равноправия в международных отношениях. Германия и Австро-Венгрия, старые договоры с которыми были порваны, а также все вновь образовавшиеся в Европе государства могли вступить в договорные отношения с ним после войны лишь на началах равноправия. Договор с Советским Союзом (1925 г.), конечно, был тоже основан на равенстве сторон. Таким образом, главное оправдание неравенства — разница культурного уровня — уже не имело почвы. Оно могло быть основываемо отныне только на праве силы.

Но неравноправность сохранилась бы еще долго, если бы против нее не началось движение, охватившее весь Китай. Это движение, резкий подъем которого начался бойкотом

японских товаров в 1919 году, продолжалось во все большем и большем масштабе, при все большем и большем количестве участников, и в 1926 и 1927 годах его размах стал таким, что уступки стали неизбежны. Китай не просил уже, он вводил изменения явочным порядком.

Но эти события относятся больше к внутренним делам Китая, и мы расскажем о них в другом месте. Здесь достаточно будет повторить, что влияние китайского национального движения стало к этому времени могучим стимулом для других народов, оказавшихся под пятой империализма. Китай оставался еще слабым, как государство, но он не был больше только объектом иностранной политики.

Китай, как государство, оставался слабым, но Китай, как страна, выходцы из которой миллионами обитают в Аннаме, Сиаме, на Яве, Суматре, Филиппинах и в ряде других стран и где они играют крупную роль во всех отраслях деятельности, Китай, как страна сильнейшего национально-освободительного движения, уже определял в колониальных странах многое из того, что там происходило или что назревало. И не даром китайцев начали выселять, ограничивать в правах и всячески преследовать.

Они стали опасны для империалистов.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uni.ru/

VIII. Рождение нового Китая

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uralic.ru/

Предварительные замечания.

Эта книга посвящена прошлому Китая. Но она создала бы совершенно неправильное представление о великой стране и ее народе, если бы она была оборвана на предыдущей главе. У читателя осталось бы впечатление какой то безысходности. Но нет ничего более неправильного, чем рисовать Китай, как арену безрезультатной генеральской драки, и вот как-раз история 1919—1927 г.г. свидетельствует об этом особенно красноречиво. Необходимо, значит, хотя бы бегло коснуться этого, так сказать, «сегодняшнего дня» Китая.

Если подходить к рассмотрению первой половины этого коротенького периода формально, обращая внимание лишь на внешние явления, тем более, если приглядываться особенно тщательно к действиям отдельных лиц или небольших групп их, то впечатление безвыходности усилится. Но совершенно иная картина получится при рассмотрении более существенного, основного.

Генеральская драка в рассматриваемый период действительно усилилась. Больше того, только с 1922 года она начала принимать размеры настоящей гражданской войны, а не коротких столкновений, как это бывало в 1911, 1913, 1915 г.г. и в пятилетие 1917—1922 г.г. Но вот именно увеличение напряженности борьбы и является лучшим доказательством ее неслучайности, ее глубокой общественной обусловленности.

Чтобы уяснить себе ее смысл, необходимо, прежде всего, ознакомиться с теми экономическими изменениями, которые произошли в Китае в последние годы XIX века и в первой четверти XX-го.

Мы объединяем наш экономический обзор в одной главе и ставим его в этой, заключительной части книги потому, что до 1914-го и в значительной степени даже до 1920-ых годов перемены в экономике еще слабо сказывались на политической надстройке.

XLIX.

Экономический переворот 1894—1927 годов.

Общие условия экономического развития.

Те цифровые данные, которые будут приведены ниже, покажутся мизерными, если их сравнивать с данными, касающимися чуть ли не любой из других больших стран. Тем не менее, о них приходится говорить, как о колоссальных. Они колоссальны, поскольку речь идет о стране, поставленной в совершенно невероятные, нигде небывалые по массе препятствий условия хозяйственного развития. О них приходится говорить таким языком еще и потому, что те изменения, которые возникли в экономике Китая, обусловили не только перегруппировку общественных сил, но и создали новые классы, до тех пор существовавшие разве лишь в зародышевом состоянии. Они создали индустриальный пролетариат и промышленную буржуазию [1]).

В чем же заключались препятствия для роста производительных сил Китая.

Их было много, и все они прямо или косвенно сводились к тому, что Китай в 1860 годах превратился в колонию иностранного капитала. Договоры, навязанные Китаю, были прямо рассчитаны на то, чтобы, во-первых, убить ремесло, поскольку оно создает такие же предметы, какие ввозили капиталистические страны, во-вторых — не допустить развития туземной промышленности. Когда же, по Симоносекскому договору 1895 года, иностранцы получили право устраивать в договорных портах промышленные предприятия, то было оговорено, что товары, произведенные в них, не подле-

---

[1]) До 90-ых годов в Китае существовали арсеналы, судоремонтные мастерские да еще кое-какие предприятия современного типа в Гонконге, английской колонии, и в Шанхае. А еще раньше были лишь фарфоровые, стекольные, бумажные и другие предприятия мануфактурного типа, т.-е. не имевшие паровых механических двигателей и не имевшие машин. Такого рода мануфактуры существовали, повидимому, и при Сун'ах (960—1280), а, может быть, и при Хань'ях.

жат оплате пошлинами при перевозке по Китаю, между тем как предметы, изготовленные на рядом стоящих китайских предприятиях, оплачивались так называемым лицзинем (ликином), введенным в Китае, вследствие его финансового истощения, во время тайпинского восстания и с тех пор не отменявшегося. Таким образом, происшедший тогда распад Китая на узкие местные рынки, отразившись на китайском производителе, не задел интересов иностранных капиталистов.

Вторым препятствием было отсутствие таможенной свободы. И это препятствие приобретало все большее и большее значение, ибо та «цена товаров», с которой исчислялось 5 процентов пошлины, — была ценой не сегодняшнего дня, а 1857 года. Фактически, значит, «5 процентов» сводились к 3 и меньше. Возраставшая зависимость аппарата таможен от иностранцев, в частности от англичан, привела, наконец, к тому, что под контролем врагов Китая оказалась вся внешняя торговля Китая. Дело дошло до того, что через Циндао, например, свободно ввозились препараты морфия, ввоз которых в Китай был воспрещен законом, и через японские аптеки свободно расходились по стране, а китайские власти были бессильны помешать даже розничной торговле ими. Таких примеров можно привести множество. Трудность накопления при постоянно неблагоприятном торговом балансе [1]), существовании вывозных пошлин, появившаяся после 1895 года задолженность и целый ряд других условий, о которых вкратце не скажешь, были другими важными препятствиями.

Конкуренция с Японией в производстве шелка, разных поделок, в роде вееров, шляп, цыновок и всевозможных «редкостей», отсутствие налаженной кредитной системы современного типа, вначале, и слабость банков, возникших в начале XX в., потом; отсутствие железных дорог в ряде провинций и отвратительное состояние грунтовых дорог во всех провинциях, ухудшение состояния речных фарватеров и каналов, которые не на что было поддерживать в судоходном виде — все это и еще многое другое делало развитие современной индустрии возможным лишь при том условии, что

[1]) Вопрос о том, каким образом могла продолжаться торговля при наличии отрицательного из года в год баланса, пытался разрешить Remer. Он ищет ответа в присылке денег эмигрантами, в провозе контрабандного золота с Амура, в затрате иностранцами денег в Китае во время войн, туризма, плаваний и т. д. и, наконец, в изменениях курса серебра в золоте и золота в серебре. Здесь невозможно изложить его соображения, которые он и сам, между прочим, считает неисчерпывающими.

СОУНБ им. В.Г. Белинского http://book.uraic.ru

эксплоатация труда достигает самой сильной степени. Но при таких условиях изнашивание организма рабочего делалось неизбежным, и за известными пределами эксплоатации дешевизна рабочей силы переставала быть залогом возможности конкурировать с иностранным товаром. Нужно еще прибавить, что Япония, до 1890-ых годов тоже связанная неравными договорами, была все же в более благоприятных условиях, чем Китай 90-ых и 900-ых годов. Она не имела ликина, не лишилась права администрировать в таможнях и не знала ввоза наркотиков. К тому же, ее вывоз чая, шелка, «редкостей» и т. д. не падал и не стоял на месте, а рос. Не знала она и железнодорожных концессий, давая которые, Китай в половине случаев оказывался и без договорной дороги и без права строить ее самому или через иного концессионера, не знала Япония и выпавшей на долю Китая 450 миллионной боксерской контрибуции, не знала и затянувшихся, как в Китае, восстаний, гражданских войн, разбоев и т. д.

Трудности были для Китая необычайно велики, и не приходится удивляться тому, на первый взгляд немыслимому факту, что те самые китайцы, которые во французских колониях, в Сиаме, на Яве и в Малакке побивают в конкурентной борьбе хозяев страны, у себя на родине вынуждены в ряде отраслей промышленности далеко отставать от капиталистов-иностранцев.

Неравные договоры для Китая — это то, что для Европы был старый порядок с его гильдиями, цехами, привилегиями, вольностями, королевским самовластием, дворянством и духовенством. Борьба с иностранным засильем является поэтому не просто национальным движением, а самой настоящей буржуазной революцией, но только протекающей в своеобразных условиях.

Перейдем, однако, к самим данным об экономических изменениях в Китае. За исходный пункт возьмем начало 90-ых годов.

Железные дороги. В 1890 г. в Китае существовала одна только коротенькая железная дорога от Кайланских угольных копей до Тяньцзиня. Это была обыкновенная подвозная угольная ветка в 130 километров длины, выстроенная для нужд порта и самостоятельного значения, повидимому, не имевшая. Практически рассуждая, железных дорог в Китае тогда не было. Названная ветка оставалась единственной в Китае и через 5 лет, т.-е. ко времени окончания войны с Японией; только длина ее стала больше, — она стала 320-километровой. Около 1.000 кило-

метров было построено в течение следующих четырех лет; зато в 1899—1913 длина железных дорог в Китае увеличилась уже на 5.400 км, но после 1913 года железнодорожное строительство задержалось опять. Концессионеры сами не строили и другим не давали. А Китаю строить было трудно. В результате прирост был с тех пор очень мал. Что причины задержки заключаются в финансовом порабощении Китая, в данном случае совершенно очевидно.

Текстильная индустрия.

В отношении роста числа промышленных предприятий подобной задержки не замечалось. Наоборот, темп роста был наибольшим после 1913 года. Об этом можно судить по числу текстильных, мукомольных и некоторых других предприятий. Что же касается остальных, то статистические данные о них заслуживают мало доверия. Во всяком случае не приходится сомневаться в том, что предприятий с механическими двигателями в 1889 году было так мало, что о них говорить не приходится.

В 1890 году в Шанхае появились две бумагопрядильные фабрики, из которых одна впоследствии сгорела, а другая, кажется, закрылась. Так или иначе, не с этих фабрик начинается история текстильной индустрии Китая. Она начинается с 1895 года, когда в Шанхае возникло 12 фабрик с 417 тысячами веретен, из которых 158 тысяч принадлежало иностранцам. Дальнейший рост был очень медленным. До 565 тысяч число веретен увеличилось только к 1902 году, а до 800 тысяч лишь в 1909 году. Прирост был ничтожным и в последующие, предшествовавшие мировой войне годы. В 1913 году веретен было только 871 тысяча, а фабрик 31.

Настоящий рост обнаружился лишь после открытия военных действий в Европе. Несмотря на конкуренцию с японским и индийским продуктом, Китай в 1915 году имел уже 1.009 тысяч веретен, в 1916 — 1.145, в 1918 — 1.200, а в 1921 — 1.745 тысяч веретен, размещенных в 60 или 70 фабриках. К 1 августа 1922 года работавших веретен было уже 1.973 тысячи и ожидалась установка новых 1.400 тысяч веретен. За первое полугодие 1922 года число тюков хлопка-сырца, переработанного на фабриках в Китае, равнялось уже 1.119.341 против 877.094, переработанных в первое полугодие 1921 г.

Данные за 1923 год показали, что рост оказался даже большим, чем предполагалось. Число фабрик дошло до 119, число веретен в них до 3.581.214. Но это была максимальная цифра. В 1924 году закрылась одна из фабрик, а в 1925 году при том же количестве фабрик, что и в 1924-ом, работающих

веретен было меньше. Их насчитывалось в 1925 году только 3.414.062. Зато число станков выросло до 25.934 [1]).

Итак, до 1922 года текстильная индустрия Китая оставалась слабо развитой, менее развитой даже, чем в Испании, не говоря уже об Италии. И это не в относительных только, а в абсолютных цифрах. В 1922-ом она быстро увеличилась, приблизилась по числу веретен к Японии, но дальше уже не росла. Так или иначе, она окрепла, стала на ноги. По числу годовых человеко-часов она, как будто бы, не отстает от нашей текстильной промышленности. Это значит, что эксплоатация на китайских фабриках зверская.

О росте продукции текстильных фабрик Китая можно судить по следующей таблице (по «Capital and Trade»):

	1915 г.	1925 г.
Переработано хлопка в милл. англ. фунтов		270 900
Произведено пряжи » » » »	200 или	250 719
Произведено тканей в милл. ярдов.....	40 »	50 120
Ввезено иностран. пряжи в милл. англ. фун.		358 86

Что касается числа рабочих, то в Шанхайском районе, где в 1925 году находилось 56 проц. всех имеющихся в Китае веретен, их было в том же году 117.000 человек. Интересно еще отметить, что из 3.414 тысяч веретен, работавших в Китае в 1925 году, китайским промышленникам принадлежало только 1.881 тысяча, а из 118 фабрик только 69. Японцы же имели в Китае 1.326 тысяч веретен и 45 фабрик. Остальные 4 фабрики с 205 тыс. веретен были английские. При этом наблюдалось уменьшение против 1923 года числа веретен на фабриках китайских капиталистов, уменьшение числа и веретен и фабрик англичан, но рост и того и другого у японцев (приблизительно на 10 проц.).

Другие виды фабрич.-завод.-производств.

Рост наблюдался с 1913—14 годов и в других отраслях промышленности. Так, в 1913 г. было 40 мукомолен, а в 1921 г. — 125; всех предприятий с механическими

[1]) Эти данные взяты из шанхайского журнала «Capital and Trade» (окт. 29 1926 г.), из книги Ремера и газеты «Hongkong Daily News» и из 2-х других газет. Цифры разных источников сверены одна с другой.

Что касается данных, относящихся к годам, предшествовавшим 1896, то один из источников, а именно «Capital and Trade» противоречит всем остальным. Согласно его сведениям, тогда существовало 6 китайских, по национальности владельцев, фабрик, имевших вместе 183 тысячи веретен, а не 2 фабрики с 63 тыс. веретен, как говорят другие.

Для оценки приведенных здесь цифр сравним их с японскими. Япония в конце 90-ых годов имела около ½ миллиона веретен, 4 млн. в 1923 и около 5½ млн. в 1927-ом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

двигателями в 1913 г. было 400—600, а в 1921-ом свыше 2 тысяч. В 1914 году Китай еще совсем не вывозил продуктов фабрик, а в 1921-ом он вывозил их на 4 миллиона лан, в том числе ткани, пряжу, свечи, цемент, бумагу европейского типа, мыло и спички. Соответствующие производства, к которым надо еще прибавить слабо, впрочем, еще развивающуюся металлургию, винокурение, трикотажное, консервное, стекольное, кожевенное, табачное, маслобойное и лесопильное, развились довольно заметно. Развивалась и кораблестроительная индустрия, и уже в 1919 году китайские верфи спустили на воду 12.307 тонн судов. Добыча угля в 1925 году сравнилась с добычей у нас. Шанхай, Дайрен, Ухань (Ханькоу), Тяньцзинь, Кантон и Гонконг превратились к 1921 году в значительные индустриальные центры, а позже развились новые — Циндао, Ханчжоу, Уси и Наньтунчжоу (оба близ Шанхая). Промышленные предприятия современного типа появились в заметном количестве и во многих других городах: в Маньчжурии, например, индустриализация заметна по всей линии, от Дайрена до Харбина. Такая же картина наблюдается и на линии Пекин-Ухань-Чанша, а район Цзян-нань, т.-е. Шанхай и вся правобережная часть провинции Цзянсу, уже может рассматриваться, как настоящий промышленный район. Об индустриализации говорит и рост ввоза сырья (хлопка) полуфабрикатов и также машин.

Развились в Китае и другие производства, но, вследствие крайней дешевизны рабочей силы, не перешли к машинному способу. Это касается и многих предприятий перечисленных выше отраслей. Характерной чертой развития промышленности в Китае была резкая территориальная неравномерность. Так, если о Цзяннань (южная часть Цзянсу) без преувеличения можно говорить теперь, как о промышленной области, то о Сычуани, Ганьсу, Гуанси, Шэньси (когда-то столичной, даже о Шаньси, бывшей недавно центром производства ремесленных изделий на широкий рынок, и о Цзянси, некогда мировой поставщице фарфора, приходится сказать совершенно иное. В Сычуани, например, — плодородной, густо заселенной, обладающей хорошим климатом, до 1925 года машинная индустрия не развивалась вовсе; отдельные исключения лишь подтверждали правило. Мало, повидимому, изменилось положение в Сычуани и после 1925 года.

О другой неравномерности в развитии — о прекращении постройки железных дорог в период, когда росла промышленность — уже говорилось.

Продукты сельскохозяйственного производства.

Нужно отметить еще одно. Это — неподспевание земледелия за ростом промышленности. Хлопководство, правда, развивалось в промышленных районах, но в других оно, судя по имеющимся неполным статистическим данным, пожалуй, даже падало, а не росло, что вызывало необходимость усиленного привоза хлопка из-за границы. В значительной степени это было связано с макосеянием (для опия), в некоторых провинциях достигшим чудовищных размеров.

Для характеристики совершившихся в китайском хозяйстве перемен следует еще остановиться на двух, когда-то основных предметах китайского вывоза. Еще в 1897 году чай составлял 46 процентов китайского экспорта, а шелк 39,6 процентов (по ценности.) В 1899-ом, т.-е. в начале рассматриваемого здесь периода, чай составлял 16 проц., а шелк — 41 проц. А в 1919-ом доля чая снизилась до 4 проц., шелка же до 22 проц. Зато на бобы приходилось 24 процента и на кожи, скот и мясо — 10 проц. Вытеснение китайского чая цейлонским и японским шло на мировом рынке быстро и решительно. Если бы не Монголия, Тибет и Россия, он был бы, вероятно, вытеснен совершенно, как еще раньше вытеснен был китайский сахар (объясняется это стандартизацией цейлонского чая, плантационного, а не собранного в отдельных крестьянских хозяйствах, как в Китае).

Теперь о шелке, о котором таблица скажет красноречивее всяких слов. В этой таблице дано в процентах количество шелка, выбрасываемого на мировой рынок четырьмя главными конкурентами.

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Китай	31,2	32,5	31,1	25,9	32,4	27,7
Япония	38,1	39,7	44,3	44,5	48,7	51,9
Западная Европа	17,6	18,6	15,5	22,2	14,0	15,8
Перед. и Сред. Азия	12	8,6	8,4	7,1	4,4	4,0

Главным потребителем шелка является, как известно, Америка, спрос которой рос быстро. В 1920 году она ввезла его всего на 455 млн. долларов, но на долю китайского пришлось только 81 миллион. Экспортировать Китаю приходится, главным образом, в обедневшую Европу.

Внешняя торговля.

Хотя о степени втянутости Китая в мировую торговлю судить по данным таможен можно лишь приблизительно, ибо, во-первых, серебряный лан, выраженный в золоте, является

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

величиной неустойчивой, а, во-вторых, система подсчета в разные годы была неодинаковая, — тем не менее общую картину роста эти данные нарисуют.

Как уже отмечалось раньше, до 1890 года рост импорта и экспорта был в Китае сравнительно медленный. Не был он стремительным и в 90-ых годах. Но потом движение ускорилось. В 1890 г. Китай экспортировал на 101 млн. лан, в 1895 — на 143, в 1900 — на 159, но в 1906 г. и в последующие годы уже на 236, 264, 276, 339, 381, 377, 370 и, наконец, в 1913 г. — на 403 миллиона лан. В дальнейшем рост продолжался, но если принять во внимание индексы цен, то является сомнительным, существовал ли реальный рост вообще, или же он был мнимым. В основном такая же картина наблюдалась и в отношении импорта. Но он был уже не на миллионы, а на десятки и сотни миллионов больше экспорта. Так, в 1921 году Китай вывез своих товаров на 601 миллион лан, а ввез из-за границы на 906 миллионов. Соответствующие цифры за 1922 год были 655 и 945, в 1923—753 и 923 (Chong-Su-see).

Более ясное представление об использовании Китая, как рынка потребления, даст сравнение ввоза в мерах веса и объема. Ввоз такого распространенного предмета массового потребления, как керосин, в этом отношении наиболее показателен. Во второй половине 80-ых годов его ввозилось в год 18 миллионов американских галлонов, в 1897—90, в 1899—88, в 1906—129 и в 1913—184 млн. ам. галл. Следует отметить, что ввоз керосина составлял по цене от 4 до 6 процентов всего ввоза. (Capital and Trade).

Тоннаж и порты.

Другой конкретный показатель — тоннаж входящих в китайские порты судов. В 1875 году он измерялся 10 миллионами тонн, в 1885 — около 20, в 1895 — 30 млн. тонн, в 1900 — около 40, а со следующего года начался уже быстрый рост: 48 м. т — в 1901, затем 53, 57, 63, 73, 75 и, наконец, 80 — в 1907 г., потом рост опять замедлился и превысил 90 м. т (точно: 93 м. т.) только в 1913 г. Он поднялся, однако, до 97 м. т., а затем стал не расти, а падать. Новый рост начался лишь после войны, и в 1921 г. тоннаж выразился в 115 млн. (Remer).

Ко времени мировой войны закончился в общем тот процесс «открывания Китая для торговли», который начался в 1842 году, когда монополия Кантона пала и были открыты Шанхай, Нинбо, Фучжоу и Амой. Пятым, «открытым» по договору в Нанкине, портом был никогда никем незакрывавшийся Кантон. В 1860 году началась новая серия «открытий»,

продолжавшаяся от конфликта до конфликта, от провокации до провокации — все время. К началу рассматриваемого здесь периода, в 1899 году, открытых портов, в том числе и портов в ковычках (сухопутных), было уже 32. Между 1907 и 1910 японцы добились открытия ряда новых «портов» и их стало во всем Китае 48. После этого к их числу прибавилось только два новых порта. «Открытие Китая» было завершено.

Наркотики.

Заговорив о Нанкинском договоре, нужно сказать и об опиуме. Как же обстояло дело с этим ядом теперь. Опиум стал в Китае бытовым явлением и до 80—90-ых годов был важнейшим предметом импорта. В 1879 г. он по цене составлял 44½ процента всего ввоза. Его ввоз не уменьшался заметно и после, но в 1879 году импорт всех товаров оценивался в 79½ млн. лан, а в 1889 — 231 млн. лан, а потому опиум составил уже только 13½ процентов всего ввоза (между прочим, почти половину неблагоприятного баланса этого года). Отсутствие роста в абсолютных цифрах объяснялось вовсе не переломом в привычках китайцев, а просто тем, что мак в огромном количестве стал сеяться в самом Китае. Это, и политические соображения, связанные с производившимися в 1902—11 годах реформами, заставило отравителей сделать благородный жест и «приветствовать» запрещение опиума императрицей. Приветствование было тем «а», за которым пришлось сказать «б», — пришлось обещать, что Англия к 1917 году, когда запрещение должно было войти в силу окончательно, перестанет ввозить яд, а до тех пор будет постепенно уменьшать количество разрешаемого вывоза из Индии. Пообещав, Англия, однако, раскаялась и начала с Китаем гнусно-торгашеские, позорные и гадкие переговоры об условиях исполнения обещания. Условия эти сводились к тому, чтобы Китай воспретил раньше макосеяние сам. Все это, как водится, сопровождалось благочестивыми вздохами, пожеланиями и прочим христианским лицемерием. Чем бы все это кончилось, трудно сказать, ибо началась война и условия торговли ядом изменились. И, как это ни странно, об английском легальном ввозе речи уже не поднималось. Но вместо опиума стал ввозиться морфий, что еще хуже. Торговлей им занялись японцы, но, повидимому, производство его дело не столько их рук, сколько американцев или тех же англичан [1]).

[1]) Вопрос о ядоснабжении Китая сложен, сознательно запутан и требует специального исследования. Откуда и как попадает морфий в Японию, чтобы оттуда итти в Китай, неясно. Англичане клянутся, что они не

Официально ввоза наркотиков в Китай нет. Так, по крайней мере, говорят отчеты таможен. Иной вопрос, говорят ли отчеты правду.

Емкость рынка. Невозможно, конечно, на нескольких страничках исчерпать вопрос об экономических изменениях в Китае, происходивших в такой исключительно важный и переполненный событиями период, как последнее тридцатилетие. Но сказанного здесь достаточно, чтобы выяснить, как необычайно труден и полон препятствий путь экономического возрождения страны. Речь идет не только о препятствиях к развитию промышленности. Торговые посредники между иностранным фабрикантом и китайским потребителем тоже не могут быть удовлетворены существующими условиями, ибо, при сохранении подобных условий, емкость рынка, как показывают цифры, не может увеличиться сколько-нибудь заметно. Сравните данные, касающиеся всякой иной страны, например, Канады или Аргентины, население которых так бесконечно мало по сравнению с Китаем, и вы убедитесь, что рост торговли Китая был в конце концов чрезвычайно мал. И он будет мал до тех пор, пока Китай останется опутанным неравными договорами. Неравные договоры невыгодны и самим странам-импортерам. Но значит ли это, что они «поймут» и «передумают»?!

Каутский в этом уверен, а мы нет.

при чем и кивают на японцев и их маковые плантации в Корее. Японцы изредка ловят морфийных контрабандистов и винят «белую расу». Автор большой статьи о наркотиках в China Year Book «разоблачает» громадную контрабанду опиума из Владивостока. А все вместе обвиняют китайцев. Нам неизвестно, торгуют ли англичане ядами в Китае, но и англичане не станут отрицать, что в их борнеоской колонии наркотики не только не воспрещены, но и являются правительственной монополией; там англичане компенсировали себя за потерю рынка в Китае. Японцы на Формозе и французы в Индо-Китае делают то же самое.

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

L.

Период усиления гражданской войны.

Четыре наиболее важных явления характеризуют тот период, началом которого можно считать 1919 год. Одно — это усиление и непрерывность вооруженных столкновений, второе — громадный рост политической активности разных классов, третье — рост экономический и четвертое — усиление связи между отдельными активными группами в Китае с внешними силами. И каждое из этих явлений с каждым годом приобретало все более и более сложный характер. Нельзя, конечно, отрицать того, что такое усложнение в значительной степени объясняется идеологическими и политическими воздействиями извне, но наиболее существенным, без чего невозможно было бы и идеологическое, да и политическое внешнее воздействие, было изменение экономических предпосылок в пределах самого Китая.

На основании приведенных выше данных читатель уже мог убедиться, что периодом наиболее резких перемен в китайской экономике был тот, который начинается со времени укрепления реакционной власти Юань Шикая, но ясно определились они, эти перемены, лишь перед началом 20-ых годов. В 1919 году в отчете морских таможен они были охарактеризованы следующими словами:

«Развитие индустриальных предприятий — текстильных в особенности — было, повидимому, ограничено лишь невозможностью достать необходимое оборудование. Мало найдется теперь потребляемых в Китае предметов иностранного образца, которые не производились бы в китайских фабриках современного типа и притом в большинстве случаев без помощи иностранцев. Из длинного списка таких товаров следующие могут быть отмечены: эмалированные изделия, шелковые и хлопчатобумажные предметы одежды, туалетные вещи, зонтики, шерстяная пряжа, перламутровые, костяные и роговые пуговицы, химикалии, иголки, электрические лампочки, телеграфные приспособления, азбестовые

изделия, вина, пиво, свекловичный сахар, стеклянные изделия, оконное стекло. Ткацкие и мукомольные предприятия были исключительно деятельны в течение всего года, кораблестроение значительных размеров может теперь рассматриваться, как упрочившаяся индустрия Китая, способная к сильному развитию». (Это писал англичанин, а не китаец).

Параллельно с экономическим ростом происходило и значительное увеличение общественной активности, но уже не прежнего, а капиталистического характера. Уже не гильдии, цехи и землячества, а торговые палаты играли в 1919 г. первую скрипку в местных делах. Разразившийся в том же году грандиозный бойкот японских товаров, во время которого студенчество было особенно активно, имел уже вполне всекитайский характер. Он перешел даже через границу Китая, проявившись и во Владивостоке, и в Сингапуре, и на Яве, и во многих других местах китайской иммиграции. Теперь никто уже не поражался единодушием китайцев, как поражались в 1908 году. Преодолевание послетайпинского распада уже сказывалось.

Но в области внутренней политики распад государственного единства, частью по инерции, частью из-за происков империалистов, продолжал сказываться и теперь. Генералы, эти «поместные бонапарты», продолжали драться, как продолжали они это делать и после. Сычуань, Хубэй, Хунань и Цзянси были до 1920 г. главными средоточиями боев. Но борьба в трех последних и в Сычуани имела разный характер. В одном случае слегка проступал момент классовый и идеологический, в другом же этого не замечалось вовсе. Сычуань, сохранившая старый хозяйственный уклад, и посейчас отличается «бесклассовостью» и «беспринципностью» борьбы.

К тому же времени продолжавшийся в мировом масштабе рост цен привел к резкому нарушению прежних более или менее сносных отношений между хозяйчиками и подмастерьями, что повлекло за собой уже ранее замечавшееся, но теперь ускорившееся разложение старых цехов, из которых некоторые имели, как говорят Морзе и другие, двух и более тысячелетнюю историю и влияние которых идеологически сказывалось даже в крупной индустрии.

1920 год начался при исключительно высокой хозяйственной конъюнктуре, сказывавшейся и в Китае. Но уже вторая половина марта была отмечена в соседней Японии невиданным по глубине и размаху экономическим кризисом. Начавшаяся затем мировая депрессия больно ударила и по Китаю; но она не приостановила его развития. Этот год отме-

чен в Китае нарастанием волны рабочего движения и первым со времени монархической попытки Чжан Сюня (1917 г.) крупным вооруженным столкновением на севере. Столкнулись две группы — японофилы Аньфу, стоявшие тогда у власти и начавшая связываться с англо-американским капиталом группа Чжили, возглавлявшаяся Цао Кунь'ем [1]). Но «сильным человеком» среди чжилийцев оказался не он, а быстро выдвинувшийся начальник дивизии У Пэйфу, начавший с этого времени свою головокружительно быструю карьеру.

Япония, ослабленная кризисом, оказалась не в силах помешать поражению Аньфу. Над Пекином восторжествовали чжилийцы, считавшиеся японофобами. Но равновесие было немедленно же восстановлено. Восстановлено оно было поспешившим в Пекин со своими войсками мукденским дуцзюнем Чжан Цзолинем, не менее связанным с Японией, чем группа Аньфу, а по количеству штыков и пушек еще более сильным, чем вся эта группа в целом. Дело в том, что еще в 1917 г. Чжан Цзолинь силой подчинил себе остальных маньчжурских дуцзюней (гиринского и хэйлунцзянского), и если не де-юре, то де-факто стал в Маньчжурии носителем верховной власти. А нужно иметь в виду, что Маньчжурия была в это время в лучших экономических условиях, чем большая часть других частей Китая.

Появление на сцене Чжан Цзолиня привело к тому, что вместо соперничества Аньфу и Чжили налицо была теперь вражда Чжили с Мукденом. Тех, кто был заинтересован в разжигании гражданской войны в Китае, подобная перемена устраивала вполне.

Продолжение гражданской войны на севере было обеспечено. А на Янцзы в Сычуани и на юге войны шли своим чередом.

Это были типичные «генеральские войны». Но из этого вовсе не следует, что генералы могли действовать, не считаясь ни с чем, кроме сил противника. Задержка провинциями доходов и техническая невозможность заключать частые займы с заграницей делали неизбежным для сменявшихся после каждой победы-поражения правительств заключение

[1]) Что чжилийцы были связаны с англо-американским капиталом, об этом свидетельствует множество фактов, ничтожных, быть-может, в отдельности, но в сумме достаточно убедительных. Нужно, однако, сказать, что конкретно ощутимые факты такого же характера, как, например, касающиеся связи Аньфу с Японией или той же Японии с Чжан Цзолинем, подобрать в доказательство сказанного нельзя. Все указания на связь чжилийцев и англо-американского капитала косвенны.

краткосрочных мелких займов у своих, у китайских банкиров, незаметно, благодаря этому усилившихся и в конце-концов объединившихся в Ассоциацию Банкиров во всекитайском масштабе (около 70—100 банков, не считая филиалов заграничных. Членами Ассоциации могут быть только имеющие от 500.000 долларов основного капитала). Кредитование было одной из форм обуздания милитаристов. Но были и другие. Мало заметные в отдельности, они были достаточно действительными, чтобы приводить к падению слишком зарвавшихся. В отдельных случаях наблюдалось даже формирование городами собственных отрядов самообороны.

Необходимость считаться с буржуазией существовала несомненно и для отдельных генералов, распоряжавшихся в провинциях. Вот причина того, что почти каждый из них считал для себя обязательным декларирование своей, якобы, готовности служить народу. В большинстве случаев такие декларации декларациями и оставались, но тем-то и интересны были подобные «демократические» выступления генералов в самом начале 20-ых годов, что им тогда верили. У Пэйфу, в частности, даже удалось в кредит прослыть национальным героем. Это удавалось отчасти и другим, но число способных поверить на слово становилось все меньше и круг кандидатов в «национальные герои» все суживался. В У Пэйфу же в 1922 году, когда он нанес под Пекином поражение Чжан Цзолиню, вздумавшему было диктаторствовать в столице, верили широкие массы.

Но что же означает потеря веры в возможность появления «сильных людей», всеобщих благодетелей, как не усиление классовой диференциации, как не превращение «классов в себе» в «классы для себя».

В 1922 году такая вера еще не исчезла в Китае, в 1923 же году она быстро пошла на убыль. Это стояло в прямой связи с расправой экс-национального героя У Пэйфу с пытавшимися улучшить свое положение рабочими и служащими Пекин-Ханькоуской железной дороги.

Происходившая тогда забастовка железнодорожников и рабочих Ханькоуского района была уже вторым крупнейшим выступлением китайского пролетариата. Первым была закончившаяся частичной победой забастовка моряков в Гонконге в начале 1922 г. И обе эти забастовки имели отклики на всем пространстве обширного Китая и обе были объективно направлены против империализма. Но была и крупная разница между ними. Первая поддерживалась и вызывала со-

чувствие со стороны значительной части буржуазии, во втором же случае рабочие впервые почувствовали себя классом, который лишь своею собственной рукой может добиться освобождения. С другой стороны, тогда же буржуазия в лице своих видных представителей оправдывала У Пэйфу и доказывала, что не дело, мол, рабочих лезть в политику (речь председателя шанхайской торговый палаты).

Не для всех бастовавших в 1923 году борьба окончилась поражением, но для железнодорожников она была поражением несомненным. Их союзу пришлось уйти в подполье. Лучшие товарищи были расстреляны или брошены в тюрьмы. Но это было поражением того же типа, что 9 января для русских рабочих. Не ослабление сулило оно рабочему движению в целом, а громадное увеличение напряженности борьбы. Частные случаи зубатовщины еще могли быть, и они были. Но о зубатовщине во всекитайском масштабе генералы типа «национальных героев» уже не могли мечтать.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

LI.

Великая китайская революция.

60 лет прошло с тех пор, как остатки героической армии тайпинов отступили в Тонкин, — 60 долгих лет. За это время Китай пережил время наибольшего унижения, наибольшей муки. Высоко поднявшаяся в 1850—65 г.г. революционная волна упала. Покоем кладбища веяло от Китая в 80-ых годах.

Затем пришли 90-ые годы, и вновь почувствовалось приближение бури. 1911 год не принес ее. Это был лишь первый предгрозовый порыв ветра, унесший иссохшую труху монархии. Пронесся порыв — и старое, гнусное, казалось, возродилось опять. Стало еще душнее, еще непереносимее.

Но гроза шла, приближалась. Студенческое движение 1919 года было более крупным, более серьезным движением, чем «революция 1911 года». За ним пришло движение рабочих. За ним — крестьянское. Это было настоящее революционное движение, но это еще не была революция, это были первые раскаты надвигавшейся грозы.

И вот, наконец, она пришла, — пришла Великая Китайская революция, революция одной пятой населения нашей планеты, — революция, невиданная по размаху и обещающая стать еще более грозной для мира насилия и гнета.

Она еще не кончилась. Высшая точка ее подъема еще впереди. Еще слишком рано говорить о ней в исторических тонах. Она — наш сегодняшний день. Описанию ее не место в книге, посвященной прошлому, и лишь в общих чертах мы расскажем здесь о ее назревании и о ее первых победах.

Мы начнем с последнего предреволюционного года — 1924.

Начало этого года было отмечено событием большого значения. Это был тот кантонский съезд гоминьдана, на котором впервые отчетливо формулировалась необходимость борьбы с империализмом. Территория южного правительства еще была в это время чрезвычайно мала. Самостийничеству-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru

ющие генералы, бандитизм, враждебность держав, главным образом, Англии, повторные вооруженные нападения изменившего делу гоминьдана прежнего столпа его Чэнь Цюнмина, ставшего сначала оппозиционером во имя автономизма и невмешательства в дела других провинций, а потом скатившегося до сотрудничества с империалистами и с компрадорами, т.-е. той частью китайской торговой буржуазии, которая связана с иностранным капиталом, — все это создавало для гоминьдановского правительства чрезвычайно тягостное положение. Фактически его власть не распространялась за пределы окрестных уездов. Трудно допустить, чтобы оно могло удержаться, будь у севера единодушие.

Но северянам было не до гоминьдановского правительства. Север был разделен на ряд враждебных групп, война между которыми принимала все более и более ожесточенный характер. Наиболее крупными среди соперников оставались попрежнему Чжан Цзолинь и У Пэйфу, но наиболее важным участком на фронтах войны был район Шанхая, важнейшего экономического центра Китая. Овладеть Шанхаем и обеспечить за собой командное положение в Пекине — вот что было целью и того и другого.

Мы не будем касаться подробностей этой сложной и путанной кровавой борьбы, скажем только, что в октябре 1924 года Чжан Цзолинь, разбивший У Пэйфу под Шаньхайгуанем (у выхода из Маньчжурии в Собственно-Китай), торжествовал уже победу. Его диктатура над Китаем казалась уже обеспеченной. Но он просчитался. Шанхай оказался в руках нового внезапно усилившегося соперника Сунь Чуаньфана, опиравшегося на ресурсы первого порта Китая и на поддержку иностранных соперников Японии, в свою очередь, связанной с Чжан Цзолинем. Так отражалась на узкой арене Северного Китая мировая борьба за преобладание сильных империалистических держав.

Поражение У Пэйфу не привело, значит, к коренному изменению в положении на севере. Две основные группировки, только с иным возглавлением, остались. Их соперничество, их борьба продолжались и в 1925 году.

Но уже не их борьба, борьба представителей одного и того же слоя конкурирующих эксплоататоров, а нечто более важное отметило 1925 год. И это новое затмило борьбу генералов.

В этом 1925 году впервые в истории последних лет появились на арене борьбы большие организованные массы и среди них пролетариат оказался наиболее активным, после-

довательным и настойчивым. Всего лишь три года прошло со времени Гонконгской забастовки, два года со дня расправы на Ханькоуской железной дороге и только тринадцать со времени самой первой из похожих на европейские забастовки в Китае. А теперь было уже ясно, что именно пролетариату суждено стать гегемоном китайской революции.

В одной только России можно было найти другой пример такого же стремительно быстрого политического роста масс. Пролетариат «спящего», «окруженного стеной», «неподвижного» Китая стомильными шагами догонял западных собратьев.

Забастовка в Шанхае, забастовка и столкновения в Циндао, расстрел шанхайских демонстрантов 30 мая 1925 года, столкновения в Кантоне, волна политических забастовок во всех промышленных городах Китая и демонстрации по всей стране, колоссальная по размерам новая забастовка в Шанхае, двухлетний бойкот Гонконга и Англии в Кантоне и ряде других южных городов — все это такие громадные явления, такие захватывающие, что перед ними бледнеет все, что происходило перед тем.

В 1925 году Великая Революция началась.

Уже тогда характер гражданской войны в Северном Китае заметно изменился. Уже тогда по воле ли отдельных генералов, по независевшим ли от них причинам — это не столь важно — определилось разделение вооруженных сил на два лагеря: на сторонников правительства, возглавляющего последовательное анти-империалистическое движение, и на тех, кто путем компромиссов с империалистами думал за их счет увеличить свою долю в эксплоатации китайского народа. О наемниках просто речи не могло быть. Империалисты сами понимали это, и неохотно, делая то шаг вперед, то шаг назад, говорили о возможности соглашения. Даже пекинское правительство уже рисковало подчас неуважительно вести себя с империалистами. Но как милитаристы нужны были империалистам, так и империалисты нужны были генералам; ибо без займов, без снабжения оружием подчинить себе поднимавшуюся массу было уже невозможно.

В 1926 году вооруженная борьба на севере усилилась опять. И это была нешуточная борьба. Империалисты помогали своим фактическим союзникам, уже не считаясь ни с какими дипломатическими тонкостями. Достаточно сказать, что они принудили оборонявшихся антиимпериалистов убрать мины, заложенные против шедшего на них врага. Положение для первых — для так называемой «народной армии» (го-

миньцзюн) — стало слишком тяжелым. В конце концов она оставила занимаемый ею в течение нескольких месяцев Пекин и в мае отошла к северному колену Хуанхэ, в район г. Баотоу. Союзные ей армии Северного Китая были тем временем разбиты оправившимся У Пэйфу.

Но торжество реакционеров было очень недолгим. Едва справились они с северными частями гоминьцзюна, как с юга началось давно подготовлявшееся наступление войск кантонского правительства, которому только-что перед тем подчинилась соседящая с Гуандуном провинция Гуанси.

Имея базой эти две провинции, южане в июне вошли в Хунань, в течение 3-х месяцев овладели ею полностью, с молниеносной быстротой двинулись потом к северу и в начале сентября взяли Ухань. В течение двух следующих месяцев они после ряда трудных боев с Сунь Чуаньфаном в Цзянси овладели и этой провинцией, а в декабре без труда заняли Фуцзянь, юго-запад провинции Аньхуй и значительную часть Чжэцзяна. Еще раньше власть Кантона добровольно признала провинция Гуйчжоу. В конце 1926 года ожила и народная армия севера и, очистив от реакционеров Ганьсу и Шэньси, заняла западную окраину Хэнани.

Так, в течение менее чем одного года вооруженной борьбы, кантонское правительство, распоряжавшееся в начале 1926 года только одной провинцией, распространило свою власть на большую половину Китая и стало хозяином Уханя, центрального пункта всего Китая, его естественной столицы.

Громадный успех революционеров оказался возможным лишь благодаря тому, что куда бы ни шла армия революционного правительства, она везде встречала поддержку, часто даже организованную поддержку крестьян, рабочих и революционной интеллигенции.

Эта поддержка не была случайной. Она была результатом начавшегося в 1926 году революционного подъема крестьянства, до тех пор в большинстве провинций пассивного.

Вторая предпосылка возможной демократической гегемонии трудящихся обозначилась. Колоссальный успех 1926 года отныне мог уже быть упрочен.

Наступил 1927 год.

На фронтах Китая было затишье. Не было ни серьезных боев, ни даже обращающих на себя внимание передвижений войсковых частей. Но были другие события, более важные, более полные значения.

Приближалась 85 летняя годовщина Нанкинского договора, годовщина китайского порабощения. И вот, впервые за

эти долгие годы китайский народ нашел в себе силы вырвать у того государства, которое столько времени унижало его, эксплоатировало, расстреливало, отравляло, порабощало (да, и порабощало: китайцами торговали в колониях так же, как некогда торговали неграми) — вырвать первые уступки. Впервые за 85 лет английский «престиж», тот самый престиж, ради которого англичане не раз убивали со своих кораблей беззащитных детей и женщин в «варварских» городах, потерпел в Китае сильнейший урон. Англичан выгнали с позором и из Ханькоу и из Цзюцзяна. Застращивания англичан не помогли им. И англичане должны были подписать условия, которые еще за несколько лет перед тем показались бы немыслимыми. И эти условия подписывались после переговоров с правительством, которое прямо, без всяких дипломатических обиняков, заявляло, что оно ставит себе целью полную ликвидацию проклятого наследия 85-тилетнего унижения [1]).

Но еще гораздо важнее было то, что теперь уже не единичными лицами, а всем революционным пролетариатом Запада и всеми иностранными эксплоататорами Китая остро почувствовалась теснейшая связь революции Китая с классовой борьбой в передовых странах. Теперь это не было больше теоретическим положением. Учила не книга, а жизнь.

И уже это сознание создавало в империалистических странах ту брешь, которая делала приведение в исполнение угроз слишком трудным и рискованным делом.

Китайская революция даже отсталыми рабочими Запада и Японии стала ощущаться, как близкая, как своя. Она стала осознаваться большинством, как имеющая мировое значение.

Вместе с этим Китай окончательно превратился из объекта в субъекта мировой борьбы.

---

[1]) Ко времени окончания печатания этой книги (июнь 1927) англичанам удалось восстановить прежние свои права на концессию в Ханькоу.

Заключение.

Эта книга писалась в эпоху величайших сдвигов, когда недели приносили больше перемен, чем прежние годы, а годы стоили столетий. Мир менялся стремительно, и непохож был каждый последующий год на год предыдущий. Менялась техника, и то, что за 15 лет перед тем возбуждало удивление и поражало воображение, становилось обыденным, будничным. Из редкой игрушки, принадлежавшей немногим, а многими и не виденной, автомобиль превратился в 30 лет в самое обычное в передовых странах средство сообщения. Аэроплан, бывший предметом величайшего удивления еще в 1906 году, стал уже в 1922-ом средством сообщения между Пекином и берегом; средством дорогим, правда, лишь для очень богатых доступным, но уже привычным. О фонографе писавший эти строки слышал в детстве, как о волшебной сказке, как о совершившемся чуде, и лишь 20-ти лет он впервые побывал в кино. Открытие радия было еще сенсацией вчерашнего дня. Беспроволочное телеграфирование и телефонирование было еще новым изобретением. О радиовещании во Владивостоке 1924 года знали лишь понаслышке, и этот Владивосток был тогда единственным русско-советским городом в Сибири и на Дальнем Востоке, где существовал трамвай. Но за 20 лет перед тем сплошной рельсовый путь из Европы до Тихого океана был закончен лишь вчерне, а в 1891 году к постройке Великого Сибирского пути еще не приступали. А еще несколькими годами раньше создание его казалось фантастическим, невозможным, и Достоевский в одном из своих писем смеялся над мечтавшими о сибирских железных дорогах.

Рост техники резко ослаблял прежнюю изолированность отдельных стран. Самые пустынные и уединенные страны были пересечены исследователями, оба полюса были достигнуты, и там, где за полстолетия перед тем были глушь и безлюдье, появились оживленные города. Связь торговая, кре-

СОУНБ им. В. Г. Белинского http://book.uraic.ru/

дитная, политическая и идейная укреплялась, как никогда перед тем. За первые пять лет XX века международная торговля выросла больше, чем за 50 лет XIX-го. Рост морского транспорта происходил скачками. Влияние крупных банков проникало в такие дебри, самое существование которых за несколько десятков лет до этого было неизвестно. Новые слова и мысли, вкусы, моды, возникавшие в одном конце материка, скоро становились известными на его другом конце и на всех других материках. В Англии и на Новой Зеландии, антиподе Англии, в Иокогаме и в Южной Африке, в Афганистане и на Аляске стали строиться дома одинакового типа, одинаково планировались кварталы; одинаковая мебель появлялась в городах, на тысячи верст отстоящих друг от друга. И во всех уголках мира ощущалось влияние англо-саксонских стран — Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

Обе они были молоды в глазах тех, кто привык к китайским масштабам времени. В 1500-ых годах, когда шло разложение империи предпоследней из двадцати двух китайских династий и когда складывались предпосылки для появления двадцать второй и последней по счету династии Цин, Англия оставалась еще слабо заселенной страной, где было лишь немного больше жителей, чем в городе Кантоне с его ближайшими окрестностями. Лишь в 1600-ых годах, а определенно только в 1700-ых началось превращение островного королевства, не намного большего, чем некоторые малайские султанаты Индонезии, и менее населенного тогда, чем многие из них, в будущую мировую державу.

Но Соединенные Штаты были еще моложе. А как о великой державе, о них никто не говорил даже в 1890-ых годах, хотя все знали о их хозяйственных успехах. США выдвинулись для мира вдруг, и их возвышение было так же внезапно и сенсационно, как открытия и изобретения начала XX века.

Из неведомых никому, кроме моряков и геграфов, стран, из, в сущности, географических понятий, не более, — Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Канада, Аргентина и Бразилия за этот же короткий срок, за какие-нибудь четверть века, выросли в важные и в международной торговле и в политике крупные страны, и первые четыре из них, незадолго перед тем простые английские колонии, добились равенства со «страной-матерью». За короткий, до смешного короткий срок, Сибирь, недавняя страна ссылки, Монголия, Маньчжурия, Судан, глухие части Канады и

ряд других стран заселились и были втянуты в мировой обмен. Из страны-курьеза, из «страны странных маленьких желтых людей» недавняя затворница Япония в несколько лет превратилась в империалистическую державу. И везде и повсюду обнаружился процесс индустриализации, в одних местах задержанный, в других, наоборот, ускоренный внешними влияниями.

За небольшой промежуток времени, в сущности всего лишь за несколько лет, свершился колоссального значения исторический сдвиг, покончивший с тем положением, которое складывалось в течение четырех предыдущих веков: Европа перестала быть центром мира, потеряла свое до тех пор неоспариваемое первенство. Мало того, наметилось ее превращение в колонию Соединенных Штатов.

Европа перестала быть центром мира. Но порожденный ею империализм не исчез. Попрежнему во всех сильных государствах, европейских и внеевропейских, правило эксплоататорское меньшинство — кучка банкиров, магнатов капитала и бездельных рантье.

Это не могло не встретить сопротивления.

Два мощных движения, невиданных по массе втянутых в них людей, неслыханных по размерам охваченных ими земель, были ответом на невиданное и неслыханное насилие. Против ничтожного меньшинства, но держащегося на иерархии заинтересованности и порабощения, на богатейшей технике и на инерции подчинения, поднялось огромное, но организованное лишь частично, разделенное разноязычием, лишенное орудий труда, не имеющее оружия, не убившее в себе окончательно душу раба, привыкшее слушаться и исполнять и не имевшее общих лозунгов большинство — движение пролетариев, движение угнетенных народов.

Национальные освободительные движения первой четверти XX века были грандиозны по охвату и по темпу развития, столь же грандиозны, как и одновременные сдвиги в технике, обмене и политике; и по сравнению с ними национальные движения в Европе середины XIX века кажутся маленькими и слабыми. Марокко, Алжир, Тунис, Киренаика, Египет, Судан, Аравия, Албания, Сирия, Турция, Ирак, Персия, Афганистан, 325-ти миллионная Индия, почти вдвое большая по населению, чем вся Западная Европа эпохи национальных ее движений, Индонезия, в частности Ява, с ее 36 миллионным населением, т.-е. почти одинаковым с Италией, Филиппины, Корея, Мексика и ряд других меньших стран — все пережили период величайших напряжений, ужа-

сающих трагедий, безыменного личного и коллективного героизма, но и своих первых побед. К двадцатым годам XX века уже было просто неумно говорить об «азиатском застое», об «азиатской пассивности». Уже в 1911 году Ленин писал о прогрессивной Азии.

Но случилось больше чем обычные протесты, восстания, поражения и победы. Случилось то, что боровшиеся за свое освобождение народы нашли общий лозунг, общий не только для всех угнетенных наций, но и для всех эксплоатируемых вообще. Пролетарское и национальное движения нашли общее русло.

Однако, слияние этих двух мощных потоков не могло пройти без всяких внутренних трений и противоречий, неотвратимых для каждого процесса, но в данном случае неизбежно очень сильных. И противоречия были, трения были. Но они были не во вред, а в пользу движения, ибо в конечном счете они усиливали его.

Движение росло, движение ширилось и захватывало все новые и новые слои и новые местности. Но нигде и никогда оно не достигало такой силы, нигде не вбирало больше людей, больше территорий, нигде не сливало в себе с большей полнотой элементы национальные с классовыми, чем в Китае.

Семь лет — короткий срок, и если этой книге суждено просуществовать 40—50 лет, то будущий читатель ее, случайный, конечно, ибо тогда будет написано гораздо больше книг об истории Китая и гораздо лучших книг, не сможет представить себе этих семи лет так, как представляем себе их мы — современники. Они сольются для него в одной точке.

Семь лет — 1919 год и 1926-ой. Чем было рабочее движение Китая в 1919-ом, и чем оно стало в 1926-ом?

В 1919 году оно едва намечалось. Нужен был опытный глаз, нужно было большое внимание, чтобы заметить его. О отдельных протестах, забастовках, локаутах знали тог лишь ближайшие соседи; в общем же китайском освобод тельном движении рабочие были почти не видны.

В 1920 году трудящиеся городов приветствовали побед одного «милитариста» над другим и возводили первого в звание национального героя.

Прошел еще один год.

1922 год был свидетелем первого мощного движения рабочих, но движения местного по существу. И еще не мало было в нем цехового, не классового.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНБ им. В. Г. Белинского
http://book.uraic.ru